РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Региональная история в глобальном измерении

Россия на Севере Европы

Региональные интересы и государственные приоритеты

Русско-шведская война 1808–1809 гг.: международный контекст, итоги, история изучения

Россия и признание независимости Норвегии

СССР и Финляндия в 1941–1944 гг.

Холодная война в Арктике

Север Европейской России

Монастырские архивы: источниковедческий анализ

Духовенство, бюрократия и крестьянство

Коронная администрация в лицах

Революция и местная власть: «укрупнение территорий»

Советская модернизация: социально-экономические аспекты

Этнокультурные и миграционные процессы

Основан в марте 1957 года

Выходит 6 раз в год

МОСКВА
НАУКА

3 **май июнь 2009**

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ (*главный редактор*),
А.В. ГОЛУБЕВ (*зам. главного редактора*), **Д. ДАЛЬМАНН** (*Германия*),
А.Е. ИВАНОВ, А.В. ИГНАТЬЕВ, А.П. КОРЕЛИН, В.А. КУЧКИН,
Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, Е.И. ПИВОВАР, Ю.С. ПИВОВАРОВ,
В.Н. ПЛЕШКОВ, Н.М. РОГОЖИН, А.Н. САХАРОВ,
Д. СВАК (*Венгрия*), **С.С. СЕКИРИНСКИЙ, В.А. ТИШКОВ, В.В. ТРЕПАВЛОВ,**
ДЖ. ХОСКИНГ (*Великобритания*), **В.В. ШЕЛОХАЕВ**

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Наша электронная почта:
otech_ist@mail.ru
otech_ist1@mail.ru

Ответственный секретарь М.А. Новикова
Тел. 8-499 723-69-10

EDITORIAL BOARD

A.N. MEDUSHEVSKY (*Editor-in-Chief*),
A.V. GOLUBEV (*Deputy Editor-in-Chief*), **DITTMAR DAHLMANN** (*Germany*), **A.E. IVANOV,**
A.V. IGNATIEV, A.P. KORELIN, V.A. KUCHKIN, L.N. NEZHINSKY,
E.I. PIVOVAR, Yu.S. PIVOVAROV, V.N. PLESHKOV, N.M. ROGOZHIN,
A.N. SAKHAROV, GYULA SZVÁK (*Hungary*), **S.S. SEKIRINSKY, V.A. TISHKOV,**
V.V. TREPAVLOV, GEOFFREY HOSKING (*United Kingdom*), **V.V. SHELOKHAEV**

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41

Managing Editor M.A. Novikova
Tel. 8-499 723-69-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА), А ТАКЖЕ В ЭЛЕКТРОННОМ ВАРИАНТЕ (ДИСК И РАСПЕЧАТКА НЕ БОЛЕЕ 1,5 ПЕЧАТНОГО ЛИСТА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ МАТЕРИАЛА РУКОПИСИ И ДИСКИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

МНЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ В СТАТЬЯХ, ОТРАЖАЮТ ЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ АВТОРОВ И НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО СОВПАДАЮТ С ТОЧКОЙ ЗРЕНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА.

© Российская академия наук, 2009 г.
© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2009 г.

Региональная история в глобальном измерении

Проблемный анализ истории больших регионов – актуальная задача современной исторической науки в условиях быстрых социальных изменений. Глобализация мира имеет две стороны – интеграционные и дезинтеграционные процессы. Первые ведут к созданию унифицированных коммуникаций, ускорению обмена информацией, созданию транснациональных экономических и политических объединений. Однако обратной стороной данного процесса становятся процессы дезинтеграции исторически сложившихся культурных и политических стереотипов, политических границ. Данная тенденция ведет к образованию так называемых регионов – больших объединений, имеющих общие географические, культурно-исторические и экономические параметры развития, которые обеспечивают устойчивое развитие этих территорий, а также их коммуникации с другими регионами. Возникает сложная иерархия отношений на глобальном уровне, с одной стороны, региональном и межрегиональном, – с другой. Исторический аспект этой проблемы становится одним из приоритетных направлений современной российской историографии[1]. В рамках представленного читателю проблемного номера мы делаем первый шаг в комплексном изучении данной темы[2].

Региональное направление в современной науке и политике

В современной науке и высшей школе появилась особая дисциплина – регионоведение (или регионалистика), ставящая своей задачей интеграцию (в идеале – синтез) подходов и методов различных дисциплин при изучении регионов – их формирования, структуры, функционирования и тенденций взаимодействия. Трудности, связанные с определением методов этой дисциплины, хорошо отражают сложность изучаемого феномена. Эта сложность выражается в различных исследовательских конструкциях изучаемого явления – «региона» (от *лат.* regionis – область), отличительной чертой которого, в отличие от других близких, но более узких, понятий (например, района) признается его относительная самостоятельность по отношению к существующим (и часто закрепленным формально) системным параметрам территориального деления (регион не обязательно выступает таксономической единицей в принятой классификации сложно-организованных областей, имеющих обычно иерархическое строение).

Требуется ответ на следующие вопросы: что такое регион, по каким критериям его следует выделять (должны ли среди них преобладать географические, экономические, правовые или национально-этнические параметры); как быть с историческим изменением границ региона или его значимости в геополитическом пространстве; как влияют на самоидентификацию региона процессы его вовлечения в глобальные структуры и стремление защитить свою культуру и историю; какова культурная самоидентификация региона, насколько она востребована современными общественными движениями и средствами массовой информации; какова роль межгосударственных, общегосударственных и собственно региональных факторов в развитии политических процессов, конфигурации политических институтов и партий, осуществлении местного управления и самоуправления. Наконец, на основании каких параметров (кроме экономики) можно говорить об успешных и неуспешных регионах и их вкладе в развитие страны и культурное многообразие мира.

Исследователи современной Европы констатируют процессы регионализации, как устойчивую тенденцию ее развития[3]. Все признают, что регионализация – обратная сторона интеграционных процессов. В условиях европейской интеграции идет спор о таких понятиях как конфедерация, федерация, деволюция, автономизация, регионализация, которые охватывают реальность очень значительного числа стран и имеют определенное юридическое выражение. Пересматривается ряд юридических понятий, казавшихся совершенно незыблемыми (как, например, понятие государственного су-

веренитета). В рамках этого подхода ведется изучение отдельных регионов, в частности, Северной Европы[4].

В то же время процессы дезинтеграции, охватившие современный мир, могут рассматриваться как поиск основ новой системной интеграции, происходящей теперь не на национально-государственном, но скорее транснациональном уровне. Целостная региональная идентичность способна выполнить важную культурную и политическую роль: понять место региона в рамках единой системы национальных и гражданских (а не этнических только) ценностей; раскрыть взаимодополняющий характер культурных взаимодействий в рамках «большого региона» (или «мезо-региона»), подорвать основу узких этнически-ориентированных проявлений сепаратизма, поскольку в современном мире региональная историческая память часто становится питательной средой националистических устремлений – от Соединенного королевства до Балкан и Индонезии[5]. Становится возможным сформировать такие ориентиры национальной политики в социальной и экономической сфере, которые будут более тесно связаны с процессами межрегиональной интеграции, включающей как правовые, так и фактические отношения, с местными особенностями и спецификой региона, наконец, разобраться в том, почему те или иные государственные программы испытывают трудности в ходе их реализации на региональном уровне. Регион, следовательно, есть интегральная категория, объединяющая различные параметры системных классификаций объекта – от экономики и права до исторической географии и социальной психологии.

Очевидно, что поиск ответа на поставленные вопросы следует искать на междисциплинарном или даже метадисциплинарном уровне путем создания моделей регионального развития, учитывающих всю совокупность изучаемых процессов. Такой тип исследований, основанный на конструировании идеальных типов соответствующего региона, оказывается чрезвычайно полезен для интеграции результатов исследовательской работы представителей различных областей знания – экономистов, историков, этнографов, антропологов, лингвистов, краеведов. Речь идет о реконструкции региональной идентичности в ее историческом формировании, которая отнюдь не сводится к какой-либо отдельной составляющей.

Региональный подход в российской историографии и исторической географии

Региональный подход в российской историографии традиционно был связан с исторической географией, интерпретацией ее предмета, метода и понятийных инструментов. Отметим значение и основополагающую роль в изучении этих вопросов магистрального направления академической науки – государственной школы XIX – начала XX в., для которой географический подход являлся общей основой понимания русского исторического процесса. В трудах основных представителей государственного направления – С.М. Соловьева, А.Д. Градовского, В.О. Ключевского, М.К. Любавского, П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского географический фактор выступал как определяющий при интерпретации процессов колонизации, определения границ государства (борьба «леса» со «степью»), формирования специфических отношений общества и государства – института крепостного права, механизмов закрепощения и раскрепощения сословий государством. Концепция биосферы В.И. Вернадского – создателя современной экологической теории, – также проникнута вниманием к этим вопросам. Центральное место географического (геополитического) фактора было характерно при формулировании российской имперской стратегии внешней политики, в частности, при обсуждении выхода к морским и торговым коммуникациям, колонизации новых регионов, обосновании системы военно-политических союзов.

В последующей российской историографии данное направление было положено в основу изучения отдельных регионов с точки зрения их географического положения, демографического состояния и хозяйственной самодостаточности (в рамках трудов Вольного экономического общества, экономико-географических и земских статистических обследований). Ключевое значение имело исследование этапов географиче-

ских открытий и колонизации (в частности, в рамках известной дискуссии о социальных параметрах колонизации северных территорий), а также выявления связанной с этим специфики их политической истории на ее ключевых этапах[6]. Основатели современной российской школы исторической географии – А.И. Андреев, В.К. Яцунский, О.М. Медушевская и др., – уделяли колонизационному фактору чрезвычайно существенное внимание[7]. Они сформировали научную школу, в рамках которой важное место отводилось обоснованию критериев регионального деления и изучению его экономических, социальных и национально-этнических и культурно-антропологических составляющих, а также картографических данных[8].

В настоящее время эти исследования продолжены на базе междисциплинарных подходов, в частности – расширения предметной области самой исторической географии. «Ядро исторической географии, – подчеркивают современные исследователи, – составляет комплексное изучение ойкумены (обитаемого человеком пространства): исследуются ее физическая, экономическая, политическая география, частично – демографические проблемы и т.п. Однако эти традиционные формулы отнюдь не исчерпывают содержание исследований исторической географии как дисциплины, изучающей историю человечества в пространственном аспекте. Области пространственного распространения культур – материальных, языковых, духовных – могут являться одной из сфер, изучаемых исторической географией. Материальная культура, основы которой едины для населения определенного региона, во многом определяет жизнь человечества в этом регионе, его взаимоотношения с природной средой. В свою очередь, природа является одним из факторов складывания той или иной модели материальной культуры. Ареал языка, влияние пространства на складывание языка и диалектов также трудноотделимы от исторической географии, являясь одной из форм пространственных культурных различий или же, наоборот, культурного единства»[9]. Современная историческая география, следовательно, связана с пониманием креативности пространства, изучением социального ландшафта, изучением проблем восприятия времени и толкованием культурного прошлого, а также воображаемой идентификации и глобализации, влияния этих факторов на интерпретацию места расселения этнических групп, типологии архитектуры и градостроительства. Эколого-социальная интерпретация пространства предполагает, поэтому, взаимосвязанный анализ географических условий и культуры, учет локального контекста при определении регионов, границ, социальной топологии и тенденций их изменения в истории (например, данные о морских течениях и ветрах оказываются информативными для истории мореплавания и торговли, расселения народов, географических открытий).

Примечательно, что за проведенным в Петрозаводске 20 ноября 2008 г. «круглым столом», материалы которого публикуются в данном номере, по вопросу о критериях выделения Северного региона был представлен интегральный взгляд и фигурировали сходные аргументы – общность исторического генезиса, особенности процесса освоения и колонизации региона; географические и природно-климатические факторы; специфический строй аграрных отношений (отсутствие крепостного права и большее развитие рыночных отношений); характер отношений русского населения с автохтонным населением; значение монастырей и религиозной культуры в ассимиляции населения; формирование и конкуренция региональных центров (Новгород, Петербург, Архангельск, Петрозаводск, Сыктывкар, Мурманск, Вологда); становление культуры Русского Севера как целостного историко-антропологического феномена, получившего выражение в письменных источниках, фольклоре, архитектуре; формирование особого образа региона в сознании его населения.

Определение границ региона: три подхода в современной историографии

Ключевой методологической проблемой является определение границ региона, решение которой в концентрированном виде выражает различие используемых критериев. Здесь (как и вообще в современной теории познания и конструирования понятий)

имеет место три основных подхода: онтологический, конвенционалистский и социально-психологический.

Первый исходит из того, что используемые понятия – отражение определенной реальности, которую можно описать и выразить в категориях разных дисциплин (географии, этнологии, демографии и т.п.). Таким регионом может быть признан Русский Север, включающий в себя территории пяти современных субъектов Федерации, расположенных на Севере Европейской части России: Архангельская, Вологодская, и Мурманская области, Республика Карелия и Коми-край (до революции три губернии – Архангельская, Вологодская, Олонецкая). В рамках этого подхода спор возможен лишь о нюансах экономико-географического положения отдельных территорий региона (например, спор об отнесении к Русскому Северу Вологодского края, который имеет черты сходства с Севером и Центром России).

Второй подход (конвенционалистский) видит во всех понятиях результат субъективного конструирования реальности, следствие договоренности (конвенции) между исследователями для удобства междисциплинарного диалога. Он стоит на позициях географического релятивизма и использует такие понятия как «идеологическое конструирование границ», подчеркивая их относительность и изменение в истории под влиянием геополитических и субъективных факторов. Русский Север – это условное понятие, границы которого зависят от осознания геополитической ситуации (например, от Южной границы), а также от способности к освоению новых территорий (по мере их расширения границы конструируемого понятия «Севера» отодвигаются все дальше на географический Север). Соответственно границы региона определяются самим исследователем (или волей законодателя в прошлом), но не имеют жесткого географического обоснования.

Третий подход (социально-психологический) признает существование определенной реальности, лежащей в основе конструирования понятий, однако усматривает ее не столько в естественно-научных параметрах, сколько в социально-психологической реальности, так называемой «ментальной географии», т.е. в самооценке принадлежности населения к определенному региону (которая может также претерпевать изменения в истории, например, это прослеживается в отношении объема понятия «северяне»).

Все три подхода различаются методологией конструирования понятий, их объемом и наполнением их содержания. Они предлагают свои определения региона – Европейский Север России (в основе – географический фактор); Российский Север (в основе – представления исследователя о меняющейся национально-культурной идентичности народов в рамках политических образований – Московской Руси, Российской империи, Советского Союза или постсоветской России); Северная Россия (в основе – самоидентификация «северян»).

Очевидно, что эти три подхода не могут договориться по проблеме границ региона уже в силу методологических разногласий в определении самого понятия «граница». Хорошим примером этих трудностей может служить научный спор в отношении Финляндии: относить ее к региону Русского Севера (поскольку она представлена в нем географически); включать ее в этот регион в зависимости от исследовательской позиции (она являлась частью региона, когда входила в Российскую империю, но затем перестала ею быть) или просто исключить ее из этого региона (на основании того, что финское население имело другую культуру и никогда не считало себя русским).

Междисциплинарные подходы не только способствуют преодолению этих трудностей – созданию объемного образа региона, но и раскрывают объективное противоречие различных направлений его позиционирования и самопрезентации: регион, имеющий выгодное экономическое положение, может оказаться несостоятельным со стратегической точки зрения; экономически депрессивный регион, напротив, может получить важное политическое значение или обладать исключительно важным информационным потенциалом культурного характера; наконец, статус региона может измениться под влиянием «большой игры» великих держав или глобальных геополи-

тических процессов. Поэтому в современной регионалистике важна комбинация подходов, ситуационный анализ и моделирование, прежде всего – использование таких методов как системность, вариативность и функционализм.

Системная концепция: отношения «центр–периферия» как поиск баланса интересов в регионе

Первое направление (системность) – означает рассмотрение региона как подсистемы более крупной (интернациональной или национальной, международной или государственной) системы. Неоднократная смена геополитических координат в Новое и Новейшее время (XVI – XX вв.) ведет к изменению статуса северного пространства, прежде всего по отношению к другим регионам мира. При таком подходе ключевое значение имеет отношение «центр-периферия», конструкция которого должна учитывать возможность изменения баланса между ними, а также возможность перемещения самого «центра» в истории. Примером может служить разрушение баланса сил в Северном регионе под влиянием межгосударственных (трансгосударственных) факторов, таких, как мировые войны и революции XX в., наполеоновские войны начала XIX в. или Северная война начала XVIII в. Будучи переломными событиями мирового значения, становящимися основой нового геополитического устройства, они имели неодинаковое значение для различных регионов мира. В рамках макрорегиона Европейского Севера сопоставимое самостоятельное значение имели русско-шведская война 1808–1809 гг., закончившаяся присоединением Финляндии к России (Фридрихсгамский мир 1809 г.); поиск баланса интересов великих держав – Англии, Франции, России при решении вопроса независимости Норвегии или Финляндии, установление системы балансов в регионе после Второй мировой войны.

В то же время системный подход позволяет осуществлять моделирование регионального развития, учитывая позиции разных сторон конфликта. Это дает возможность с научных позиций определить устойчивые тенденции отношений государств региона (России, Швеции, Норвегии, Финляндии); формирование границ; а также феномен их направленного конструирования в зависимости от того, что данная сторона считает «центром», а что «периферией». Идеологическое конструирование географического пространства включает поиск границ между Западом и Востоком, но также между Севером и Югом, определение места Северного региона в глобальной геополитической ситуации. В рамках данной концепции становится возможным интерпретировать меняющиеся соотношения различных геополитических стратегий в отношении региона (традиционное соперничество «северного» и «южного» направлений российской дипломатии, связанных с борьбой за выход к морским коммуникациям). Конкуренция трех стратегий – балтийской, черноморской, затем дальневосточной (выход к мировому океану) оказывается магистральной проблемой всех периодов истории, определяя меняющееся значение северного региона.

Системный подход во многом объясняет формирование и смену устойчивых стереотипов политического сознания (например, фрейдистская «теория страхов» при анализе места России в Европе). Это позволяет как минимум сбалансировать историографические оценки ключевых исторических событий, по которым в историографии высказывались диаметрально-противоположные тезисы. Информативным примером является поиск взаимоприемлемых оценок сверх-идеологизированного феномена партизанского движения, с одной стороны, и коллаборационизма в годы Второй мировой войны, – с другой.

Механизмы регионального развития: основные параметры и их взаимодействие

Второе направление исследований – механизмы регионального развития. Моделирование регионального развития включает ситуационный анализ – определение основ-

ных параметров и вариативность характера их взаимодействия. К числу таких параметров относятся следующие.

Во-первых, стратегические соображения геополитического соперничества в регионе. В историографии XIX в. и значительной части XX в. место региона традиционно определялось его геополитическим положением, из которого выводились территориальные претензии государств друг к другу. Но это положение не постоянно, оно все время меняется под влиянием различных факторов, в том числе совершенно непредсказуемых (например, новых технических открытий, влияющих на использование тех или иных природных сил или ресурсов). Поэтому выводить из геополитики некие неизменные константы (как это было принято в период империалистического раздела мира) – неправомерно. Так, на статус Северного региона в разные периоды истории оказывали влияние различные факторы: политические (смена доминирующих держав и союзов), торговые (наличие или отсутствие альтернативных коммуникаций), природные (незамерзающий характер Баренцева моря), военные (например, возможность превращения Архангельского порта во «вторые Дарданеллы»), технические (транспортная инфраструктура). Констатируется возможность изменения статуса Севера в будущем в связи с глобальным потеплением (таянием льдов) и началом глобальной конкуренции за природные ресурсы в Арктике.

Во-вторых, социальные, экономические и коммерческие приоритеты. Фактор отсутствия на Севере крепостного права (преобладание вотчинных крестьян, позднее ставших черносошными и государственными) следует воспринимать как фундаментальное явление, определившее специфику экономического развития региона. Ее ключевыми особенностями (в сравнении с общероссийской ситуацией) стало последовательное движение в направлении рыночных отношений, коммерческой и экспортной ориентации; соединение консервативных тенденций (например, существование крестьянской общины) и инновационных подходов (развитые формы кооперативного устройства и индивидуального промыслового предпринимательства); большая открытость в отношении внешних рынков (отходнические промыслы и торговля со странами Скандинавии, хозяйственные миграции населения); использование традиции для легитимации правовых гарантий собственности (жалованные тарханные грамоты монастырям, частноправовые акты – купчие на землю XV–XVII вв., подробно разрабатывавшиеся еще в рамках курса дипломатики частного акта А.С. Лаппо-Данилевского)[10], существование в регионе особой хозяйственной этики, ориентированной скорее на инициативу и предприимчивость, нежели на послушание и дисциплину, свойственных земледельческой культуре центра[11].

Эти тенденции не могли получить полноценного развития, поскольку ограничивались извне: доминирующими культурными стереотипами мобилизационной экономики и служилого государства; системой крепостнических отношений, определяющей ролью государственной политики, которая была далека от стабильности и предсказуемости, например, в таких критически важных областях как определение стратегических приоритетов, таможенная политика (в которой чередовались периоды протекционизма и либерализации), структура экспорта (традиционные ресурсы северной торговли – меха, рыба, лес в соотношении с новыми видами экспорта), а также меняющимся значением отдельных портов и режима их функционирования (воздействие тарифных и нетарифных мер внешнеэкономического регулирования).

В-третьих, степень гомогенности населения региона; наличие или отсутствие деструктивных факторов социальной мобильности. Национальная составляющая проблемы регионального устройства включает: анализ этно-национального баланса в регионе и его изменения в результате миграций населения (например, переселения на Мурманский берег норвежцев и финляндцев и возникновение на этой основе новых поселений и торговых факторий, соответствующая организация пароходного сообщения и строительство инфраструктуры); вопросы адаптации и ассимиляции малочисленных народов (саамы, лапландцы, ненцы, финны, карелы, вепсы и др.), их стремление и способность сохранить свою культуру в непростых условиях унификации и мобилизации

человеческих ресурсов (например, путем межпоколенческой трансляции норм хозяйственной этики, культивирования национальных традиций в фольклоре, деятельности местных просветителей); выработки особых технологий предотвращения конфликтов на национальной основе, связанных, в частности, с территориальными спорами между Россией и ее соседями – Данией, Швецией, Норвегией и Финляндией по поводу принадлежности пограничных земель и отстаивания исторических прав народов на определенные территории, а в настоящее время также по вопросам экологической безопасности региона. Этнокультурные процессы становятся интенсивнее в новейшее время в контексте конфликтов модернизации и направленной социальной мобилизации, например, в связи с анализом отношений местного населения коми (зырян) со спецпереселенцами и заключенными лагерей ГУЛАГа, численность которых оказалась настолько велика, что определила смещение демографического и культурного баланса в регионе, повлияв на создание совершенно новых субкультур, включая криминальную. Северная российская эмиграция и складывание северной периферии русского зарубежья внесли самостоятельный вклад в эту картину масштабных миграций и переселений в регионе в XX в.

В-четвертых, развитие коммуникаций как на межрегиональном, так и внутрирегиональном уровне. Роль коммуникаций – путей сообщения и, соответственно, направлений колонизации, раскрывается по следующим направлениям: проблема выхода к морям и торговым путям; роль монастырей как форпостов колонизации в древности; военно-морские пути и базы – выход через Северный регион к мировому океану и возможность глобальных стратегических коммуникаций через незамерзающее Баренцево море (тема, оказавшаяся актуальной в период двух мировых войн и холодной войны, когда регион использовался для базирования Северного военно-морского флота); железнодорожное строительство, в частности линии Вологда-Архангельск и Петроград-Мурман, проекты развития железнодорожной инфраструктуры для связи Финляндии с империей в конце XIX в. Транспортное значение региона, как свидетельствуют проведенные исследования, особенно возрастало в период мировых войн как коридора для поставок западного оружия и помощи. Но железнодорожное строительство и флот – были вызовами мировой политики, а не особенностями развития самого региона, в связи с чем стратегическое значение отдельных видов коммуникаций и их место не было неизменным с точки зрения логистики (проект трубопровода «Северный поток») и обороны (в особенности с развитием межконтинентальной авиации и баллистических ракет).

В-пятых, фактор использования новых технологий для модернизации и ускорения развития региона в новое и новейшее время. Север, по мнению современных исследователей, выступает не только как периферия империи, благоприятная для консервации культур, но и в качестве площадки взаимодействия и симбиоза культур (посредством конкуренции, миграций и торговли). Ключевое значение в ходе модернизации региона имели промышленный переворот; индустриализация и урбанизационные процессы, а также связанные с ними демографические и цивилизационные изменения – переход населения в города, развитие школ и грамотности (в том числе автохтонного населения), формирование городской культуры – научных и образовательных учреждений, университетов, профессиональной интеллигенции.

Как и повсюду, модернизация сопровождалась потерями и издержками, которые для Северного региона оказались особенно значительны и выражались в ретрадиционализации социальных отношений, так как были связаны с факторами внеэкономического принуждения. В советский период регион развивался по общегосударственным параметрам, но имел специфику: отмена рыночных отношений не устранила до конца их существования (которое приняло завуалированные формы и получило развитие среди крестьян в период нэпа). В регионе, как удалось показать на основе выявленных в последнее время источников, существенную роль играла лагерная экономика, которая была способом форсированной индустриализации и модернизации. Ее ресурсом

был принудительный труд заключенных – часто высокопрофессиональных специалистов, попавших в лагеря ГУЛАГа, колонии и резервации спецпоселенцев.

Анализ их состава дает не только срез общества, но и показывает преобладание его наиболее креативных и динамичных элементов: это были раскулаченные крестьяне, духовенство, городская интеллигенция, в том числе, представители репрессированных народов. Все они использовались крайне непроизводительно для целей мобилизационной экономики (главным образом в лесной промышленности), но оказали известное цивилизирующее влияние в образовании, искусстве и архитектуре. Модернизация аграрной экономики на Европейском Севере, как и по стране в целом, имела тяжелые негативные следствия – падала капитализация крестьянских хозяйств за счет применения различных (прямых и косвенных) механизмов изъятия ресурсов. Результатом стали скачкообразность и незавершенность процессов модернизации.

Централизация и децентрализация: функциональная составляющая социальной динамики на региональном уровне

Третье направление – анализ динамики функционирования региона в контексте процессов децентрализации и централизации, концентрированным выражением которой становятся меняющиеся концепции отношений центра и периферии, роль центральной государственной власти в форматировании регионального пространства. В литературе констатируется сохраняющаяся общая юридическая неопределенность российской модели федерализма[12], конкуренция различных его концепций (договорной и конституционной), восходящее к 1990-м гг. соперничество двух магистральных тенденций (федерализации и губернализации), неустойчивость и колебания в отношениях Центра и региональных политических элит в переходный период, а в конечном счете, растущее стремление разрешить противоречия привычными авторитарными методами[13]. Речь идет о всей системе отношений по линии: государственность – региональные интересы – местное управление[14]. Эти процессы актуализируют исторический аспект проблемы: в какой мере региональные интересы соответствовали государственным приоритетам на разных этапах истории; как Центр обеспечивал реализацию своей политики и как, в свою очередь, регион стремился отстоять самостоятельность (или, как минимум, культурную самобытность)?

История отношений Северного региона с Центром выражается в чередовании периодов соперничества и партнерства – децентрализации и централизации. Тенденции к обособленности региона проявлялись особенно заметно в периоды дезинтеграции государства – Смутного времени начала XVII в., российских революций и Гражданской войны начала XX в. Констатируется связь обособленности региона с ролью Севера в Гражданской войне: антибольшевистские центры, возникшие в регионе, являлись выраженной гражданской альтернативой центральному большевистскому режиму, стремясь противопоставить ему иную конструкцию политической власти, основанную на стремлении совместить авторитаризм с демократией. Эпоха экспериментов в региональном устройстве на Европейском Севере, – считают исследователи вопроса, – достигла апогея в период революции и Гражданской войны, породив разнообразные проекты новых административно-территориальных образований и трансформации прежней административной структуры региона. Их разработка велась на различных уровнях – от волостей и губерний до центральных правительств, а обсуждение и селекция вовлекали различные политические силы – от партии, самоуправлений и экономических органов до военного командования и спецслужб.

Позднее стремление к известной автономии и оппозиция режиму в регионе выражалась скорее в неприятии экономических экспериментов новой власти (ограничение рыночных отношений) и насаждаемых ею идеологических стереотипов. Это движение было подавлено: в 1920–1930-х гг. центр восстановил контроль, покончив с идеями региональной самостоятельности (спецпереселенцы выступали как значимый ресурс в этой игре).

Напротив, тенденции к усилению присутствия центральной власти в регионе, временами доходившие до сверхцентрализации, – представлены в периоды объединения и «собирания земель»[15]. Так было в период формирования государственности, когда переход России от удельной раздробленности к общенациональному государству выражался (особенно после покорения Новгородской республики Иваном III) в созданных на местах новых органах и способах управления (наместники и приказная администрация). Так было в период империи, когда центральная власть стремилась жестко контролировать проведение реформ в регионе с помощью института генерал-губернаторов. Имперский институт наместников и генерал-губернаторов (возможно, являющийся в этом отношении предтечей современного института полномочных представителей) иллюстрирует структуру централизованной системы государственного управления, позволяя раскрыть систему административных коммуникаций; документооборота между региональными и центральными учреждениями; приоритеты регионального управления; институциональные параметры и роль личностного фактора в принятии ключевых решений в различные периоды (например, при изучении организации местного управления в Архангельской и Олонецкой губерниях в первой половине XIX в. и в эпоху Великих реформ 60-х гг. XIX в.). Эти тенденции достигли наивысшего проявления в условиях советской сверхцентрализации, осуществлявшейся во имя индустриализации и модернизации. Но проведенные исследования убедительно показывают ограниченность данной модели: она могла быть эффективна лишь в экстремальных условиях экономической и военно-политической мобилизации на коротком промежутке времени и утрачивала свою динамику при необходимости последовательного решения более сложных управленческих задач современного общества.

Тенденции к централизации и децентрализации, исторически представленные в регионе, находят продолжение и дают новые аргументы в спорах о конструировании федерализма и регионализма в современной России.

Конструирование образа региона: формирование, восприятие и функционирование

Современные методологические подходы, раскрывающие механизмы человеческого познания, отказываются от жесткого детерминизма в историко-географических исследованиях. Пространство, как и время, предстают в известной мере субъективными категориями – своего рода шкалой, которую человек использует для структурирования текущей и нерасчлененной реальности окружающего мира. Если согласиться с таким подходом, то историку чрезвычайно важно понять прежде всего, от каких факторов зависят представления человека определенной эпохи о территории и ее разделении на регионы, устойчивость границ которых может со временем трансформироваться. Это – изучение природной среды, территории обитания человека, географии населения, городов; вопросы исторической топонимики; геополитической проблематики; в целом, проблемы «человек и пространство».

С этих позиций в современной историографии Русского Севера используются методы реконструкции культурного ландшафта («зона встречи цивилизаций»), выявления структуры общественного сознания (консервативность и стремление к свободе личности, восходящее, возможно, еще к Новгородской вечевой республике); преемственности его приоритетов путем анализа социальных стереотипов, восходящих к язычеству и старообрядчеству, и зафиксированных в памятниках эпохи – былинах, фольклоре, архитектуре, текстах позднейших литературных произведений, этнографических данных, вещественных памятниках, интерпретируемых как исторические источники[16].

С другой стороны, чрезвычайно перспективно выяснение тех параметров, в которых «регион», как устойчивое образование, выражает себя в общественном сознании разных эпох. Культурный «дизайн» региона выражается в таких категориях как самоидентификация его населения в рамках определенного географического пространства (различные представления о «Русском Севере»); подчеркивание особенностей куль-

турных традиций (обычно по линии противопоставления провинциальной культуры – центральной, а по сути – общенациональной); стереотипов региональной политики – движений, партий, лидеров, отстаивавших самобытные черты культуры (например, деятельности карельских просветителей). С этим связано внимание к антропологической составляющей: конструирование национальных или этно-национальных «историй» (например, создание автономного культурного пространства для малочисленных народов и их «мифов»). Примером современной стратегии самопрезентации региона может служить тезис о бесконфликтном сосуществовании народов и отсутствии выраженных межэтнических противоречий по линии «мы – они», подкрепляемый ссылками на положение мигрантов (финнов, норвежцев, ссыльных поляков и т.д.). Возможно, проблема Кондопоги воспринимается столь остро именно потому, что не соответствует данному историческому имиджу региона. Выстраивание позитивного образа региона включает обращение к синтезу региональной и национальной культуры, причем в последней подчеркиваются именно те элементы, которые «работают» на интернациональный престиж региона в целом (например, феномен ориентации северной интеллигенции на высокие стандарты петербургской университетской культуры, роль элиты российской ссыльной интеллигенции в формировании культуры или ключевая общенациональная роль Петрозаводского университета в изучении культуры Финляндии).

Наконец, существенное значение имеет выяснение того, каким образом происходит выстраивание и защита культурной идентичности региона, что не в последнюю очередь определяет его будущее. Первая сторона проблемы – доказательство исторической давности культурных традиций: символика, язык, артефакты (вещи), источники – письменные (акты, хроники), устная история. Другой стороной проблемы выступает обоснование генетической принадлежности культурных прав, включающее анализ хозяйственной и религиозной колонизации региона, отношения с местным населением, что актуализирует вопросы исторической топонимики (изучающей имена собственные географических объектов), административно-церковного деления, размещения монастырей как форпостов колонизации; создания культурных и религиозных центров, географию этносов, технологии культурной ассимиляции и сохранения самобытности. Это направление исследований связано с изучением источников по истории православной церкви (архивы монастырей Кольского Севера XVI–XVII вв.); роли духовенства, как в развитии религиозной идентичности, так и в государственном плане (например, данные о рекрутировании чиновничества из состава духовенства); вопросы самоидентификации духовенства (отношения его с другими социальными слоями, в частности, крестьянством и аборигенами), а также роли региональной интеллигенции в оппозиционных движениях. Третьей стороной проблемы (до последнего времени не столь выраженной в регионе) могут стать вопросы судебной защиты прав коренных народов Русского Севера (как это представлено в других регионах мира, например, защита, аборигенов Аляски, Канады, Южной Африки и Австралии). Частью этой проблемы становятся процессы христианизации, просвещения, создание письменности коми, саамов, ненцев, карелов, социальная и культурная адаптация малочисленных народов на современном этапе.

Вклад региональных научных школ

Поиск профессиональной идентичности исторической наукой в постсоветский период и, в частности, на современном этапе выражается в восстановлении научных традиций, создании новых направлений и научных школ. Реконструкция региональных исторических школ (в общенаучном, а не краеведческом смысле) часто идет через демонстративное противопоставление центру, который обвиняется (возможно, не всегда безосновательно) в неоправданном априоризме теоретических конструкций, недостатке внимания к региональной специфике исторических процессов, географическом нигилизме. Регионализация социального пространства выражается в регионализации ис-

ториографии, когда, наряду с появлением национальных школ, формируются региональные, связанные, как правило, с местными университетами.

Отмечая неоднозначность понятия «историческая школа», не имеющего общепринятого определения в русской и европейской научной мысли, исследователи расходятся в их интерпретации: одни понимают под ними направления научной мысли и педагогической практики, созданные отдельными выдающимися учеными или группой ученых, разделявшими сходные методологические установки (как, например, школа Лаппо-Данилевского); другие используют это понятие применительно к определенным университетам или научным центрам (как Московская, Петербургская или Петрозаводская школы); третьи пишут о региональных школах русской историографии, имея в виду, специфику и рамки подхода к историческим явлениям (например, уральская школа, сибирская, архангельская и т.п.); наконец, четвертые вообще ведут речь о национальных школах (например, шотландская школа русской истории). Кроме того, вполне оправданно говорить о научных школах, появление которых связано с обращением к определенному конкретному объекту исторического исследования[17]. В рассматриваемой историографии Русского Севера представлены труды, раскрывающие становление таких устойчивых направлений как регионалистика (Петрозаводская школа изучения скандинавской истории и культуры), интеллектуальная история (история просвещения, консервативная и либеральная мысль на Севере), история национальных меньшинств на постсоветском пространстве и за его пределами (карелов, финнов, саамов), краеведение (локальная история), а также историография отдельных крупных проблем истории, экономики и культуры России (лучший пример – Вологодский аграрный симпозиум).

Формирование этих школ на постсоветском пространстве имеет свою историю, представляющую собой попытку адаптации к новой реальности местными средствами. Она включает освоение источниковедческих резервов и новые направления в историографии; формирование научных школ, акцентирующих внимание на связи национальной истории с ее региональными аспектами, отражение этой тематики в критике и библиографии. К позитивным явлениям постсоветского периода в отечественной науке отнесены «разрушение границ былой замкнутости и многочисленных табу», следствием чего стало «мощное обновление, пронизывающее и мировоззренческие пласты сознания историка, и его теоретико-методологический инструментарий», обновление, приведшее историков к переосмыслению представлений «о смысле и способах познания исторического прошлого»[18]. К негативным явлениям или, точнее, трудностям исторической науки и ее представителей, относятся проблемы адаптации к изменившемуся и продолжающему меняться миру, необходимость быстрого освоения значительно возросшего объема знаний и методов, представленных в мировой науке (в частности, в исторической регионалистике), а также решение региональными историками проблем поиска профессиональной идентичности в системе национальных и транснациональных научных коммуникаций.

Данный круг проблем делает актуальным анализ процессов, происходящих в самой региональной исторической науке, осуществляемый с позиций историографии и социологии науки. К числу основных проблем относятся: личность историка и вызовы времени; творчество и модели поведения в социуме и научном сообществе; типы и модели научных коммуникаций историков в контексте интеллектуального и культурного общения; социокультурная функция исторического и историографического знания; проблемная историография в условиях общественно-политических и культурных трансформаций российского общества; столичное и провинциальное в традициях историографической культуры; вклад историографии в самоидентификацию региона.

Итак, региональное направление исследований становится важной самостоятельной частью современной историографии. Понятие региона как интегрального целого позволяет аккумулировать методы различных дисциплин и выстроить модель социальных процессов на региональном уровне. При этом речь идет как минимум о трех измерениях: отношения глобального уровня и регионального; отношения между регионами

одной страны и, наконец, динамика процессов внутри самого региона; а также независимое социальное функционирование образа региона в мировом и национальном информационном контексте. Комбинация трех уровней и выяснение исторической динамики процессов позволяет вовлечь в научный оборот очень существенный новый информационный ресурс. Это – ресурс региональных источников, которые не входили в поле магистрального внимания исследователей, заинтересованных прежде всего в изучении макропроцессов, или привлекали их внимание исключительно для проверки общих тенденций развития на локальном уровне.

Ключевой проблемой, объединяющей специалистов различного профиля в рамках междисциплинарного подхода, является проблема границ региона – критериев их выстраивания, обоснования их правомерности с позиций различных дисциплин, а также анализ динамики исторического изменения. Рассматривая регион как единую систему, имеющую развитые коммуникации, мы оказываемся способны определить иерархию приоритетов его развития, а также направления презентации и функционирования конструируемых образов в информационном пространстве.

Современные исследования наглядно показывают, что социальные процессы в регионах, хотя и связаны с макропроцессами, имеют в то же время свою собственную динамику, логика изучения которой обусловлена поиском особенностей и специфических факторов местного значения. Возникает возможность раскрытия механизмов, связывающих географию, экономику, политику, идеологию и новые технологии. Данный подход не только обладает значительной интерпретационной силой, но позволяет выстраивать прогностические концепции, опирающиеся на методы регионалистики и региональную источниковую базу.

Проблемный выпуск журнала, представленный вниманию читателя, имеет целью отразить новые тенденции в исторической науке, но в то же время способствовать направленной дискуссии по актуальной теме с участием российских и зарубежных исследователей – специалистов различного профиля, представляющих центральные и региональные научные учреждения и университеты.

* * *

Настоящий выпуск подготовлен журналом «Российская история» совместно с Петрозаводским государственным университетом (ПетрГУ) при участии ведущих специалистов ряда научных и образовательных центров Москвы, Европейского Севера России и стран Северной Европы.

Координаторами проекта выступили, *со стороны ПетрГУ*: декан исторического факультета, кандидат исторических наук, доцент С.Г. Веригин; заведующий кафедрой истории дореволюционной России, кандидат исторических наук, доцент А.М. Пашков; *со стороны журнала*: член редколлегии, доктор исторических наук, профессор С.С. Секиринский.

Выражаем искреннюю благодарность всем, кто откликнулся на приглашение принять участие в реализации данного проекта. Наш редакционный «портфель» пополнился, безусловно, ценными материалами, не все из которых, к большому сожалению, удалось поместить в данном выпуске исключительно в силу жестких ограничений объема номера. Но редакция намерена продолжить творческий диалог с авторами этих работ, имея в виду их публикацию в текущих выпусках журнала.

А.Н. Медушевский
Главный редактор журнала
«Российская история»

Примечания

[1] Каким быть журналу? // Отечественная история, 2008. № 5.

[2] В данной статье использованы материалы «круглого стола», проведенного в Петрозаводске 20 ноября 2008 г., а также статьи участников данного проблемного выпуска журнала, публикуемые ниже.

[3] Подробнее: The Europe of Nations and Regions // Contemporary Europe. L; N. Y., 2000.

[4] См.: Северная Европа. Регион нового развития. М., 2008.

[5] О связи регионализма с национализмом см.: Национализм в мировой истории. М., 2007.

[6] *Платонов С.Ф.* Прошлое Русского Севера. М., 1923; *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929; *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947.

[7] *Яцунский В.К.* Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955; *Медушевская О.М.* Историческая география как вспомогательная дисциплина. М., 1955.

[8] См.: Историческая география России. М, 1970; История географии и историческая география. М., 1975; Материалы Всесоюзного географического общества. М., 1976 и последующие выпуски.

[9] Исторический источник: человек и пространство. М, 1997. С. 22.

[10] *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

[11] Эти положения опираются на классические публикации и исследования: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1–2. М., 1952–1958; Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1–2. М., 1951–1956; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1959; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950; Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1–2. 1948–1951.

[12] Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика. М., 2006.

[13] Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000; Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте. М., 2000. Федеральная реформа. 2000–2004. М., 2005.

[14] Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003.

[15] Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации XVI-XX вв. М., 2007.

[16] Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context. Sapporo, 2008.

[17] См.: Региональные школы русской историографии. Budapest, 2007.

[18] Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006.

© 2009 г. Э. Г. ИСТОМИНА*

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР: региональный подход

Европейский Север – это обширная территория, характеризующаяся своеобразными природными условиями, выходом к северным морям, богатейшей историей освоения, широким пластом историко-культурных памятников и традиций. В экономике Российской Федерации – это Северный экономический регион, мощный хозяйственный комплекс, выделяющийся наличием запасов топливно-энергетических ресурсов, крупными залежами разнообразного минерального сырья, значительными запасами леса. Располагаясь на севере Восточно-Европейской равнины, он занимает также Карельский озерный край, Кольский полуостров и острова Баренцева моря. В Европейской России это самый крупный по территории регион – 1.5 млн кв. км (9% Федерации), но редко заселенный – 5.7 млн человек (3.9% в Федерации), особенно северная часть. В него входят Республики Карелия и Коми, области Архангельская (с Ненецким автономным округом), Вологодская и Мурманская[1].

Историография Европейского Севера имеет давние традиции – различные проблемы, связанные с его территорией, изучали экономисты, историки, этнографы, филологи, фольклористы и др. Однако исследование исторического процесса на этой территории в разные эпохи, социоэкономических и социокультурных явлений, этнической идентификации в основном тяготели и тяготеют к заданности традиционных исследований отдельных частей Европейского Севера (Поморья). «Есть издания, рассказывающие об истории Архангельска, Соловков, о северном деревянном зодчестве, ремеслах и фольклоре, но практически нет обобщающих научно-популярных работ об истории, культуре, экономике Поморья. Почему? Размышляя над этим вопросом, я пришел

* **Истомина Энесса Георгиевна,** доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

к выводу, что виной тому – границы, территориальная раздробленность Поморья на губернии, а позднее на автономные республики, области и округа как субъекты федерации... Историки, краеведы и специалисты в различных областях гуманитарных знаний, изучающие Русский Север, углубленно исследовали только свой край, замыкаясь в пределах пресловутых границ. Иногда такой подход к истории провоцировали негласные инструкции "отцов-губернаторов"; а позднее – партийных и советских властей. Так появились "местные" истории республик Карелия и Коми, Мурманской, Архангельской, Вологодской, Кировской и Пермской областей» – писал во введении к своему капитальному учебнику для вузов первый ректор Поморского университета В.Н. Булатов[2]. О том, что общерегиональные проблемы истории Европейского Севера пока еще остаются за пределами внимания исследователей, свидетельствует и издание сборника программ учебных курсов, читаемых в вузах Архангельска, Вологды, Мурманска, Петрозаводска и Сыктывкара[3]. С одной стороны, программы, снабженные обширными библиографическими списками, позволяют представить современное состояние научной рефлексии в отношении «собственной» территории (программы истории «Архангельской области», «Вологодского края», «Кольского края», «Карелии», «Республики Коми»). Но, с другой стороны, акцентированность научной литературы на постановку вопросов, связанных с регионализацией, на исследовательский поиск региона как определенной целостности (выраженной через категорию пространства) и разработку проблем через региональную парадигму в данных программах просматривается весьма слабо.

Между тем, изучение всей полноты исторического социоэкономического и социокультурного контекста Европейского Севера, его места и роли в истории России должно осуществляться через концептуальные основы регионоведения.

Региональный подход позволяет равно учесть и единство, и многообразие, и общие закономерности, и местную специфику, и место региона в составе государства в различные исторические периоды. Исследовательский материал, накопленный в исторической регионалистике (на основе ее теоретико-познавательных и аксиологических функций) позволяет не только понять, но и предвидеть многое, строить региональную политику, прогнозировать результаты региональных программ, в том числе, в сфере экономики, культурного наследия, историко-культурного туризма и проч.

Регионоведение, регионалистика, региональная история, регион

История этой отрасли знания имеет давние традиции в мировой и отечественной науке. Понятие «регион» появилось в русском языке в конце XIX в. Однако широкое распространение термина произошло значительно позже. Оно было связано с развитием интереса к территориальным проблемам в рамках экономической географии, когда в 1960–1970-е гг. под влиянием идей американского исследователя У. Изарда в СССР заявила о себе «региональная наука», наиболее четко выраженная в трудах академика Н.Н. Некрасова[4].

В 1990-е гг., когда появилась опасность фрагментации единого экономического пространства наряду с усилением амбиций региональных элит, решение проблем территориального устройства России, становления и развития политической власти в регионах превратилось в важнейшую государственную задачу. Именно в этот период регионоведение приобрело статус учебной дисциплины, одной из главных задач которой было создание целостных, комплексных характеристик регионов различного ранга. Однако как комплексная отрасль знания и как учебная дисциплина регионоведение до сих пор не получило четкого определения. Так, в энциклопедическом словаре «Федерализм» под регионалистикой понимается не определенная наука, а «взаимосвязанная система наук, отражающая влияние регионализации на все стороны жизни общества – экономику, культуру, политику, и тем не менее, не представляющая единой дисциплины»[5].

Первые попытки разработать концептуальную основу исторической регионалистики, выявить историографическую направленность исследовательской практики в регионах были предприняты историками на международной конференции, состоявшейся в Рязани в 1999 г.[6] Анализ состояния исторической регионалистики с акцентом на выяснение соотношений между регионоведением и краеведением, регионоведением и «новой локальной историей», с выявлением особенностей преподавания данной дисциплины в вузах находим и в материалах международного семинара, прошедшего в Санкт-Петербурге в 2000 г.[7] В контексте проблемных полей региональных исследований накоплен и значительный материал, связанный с межведомственной программой «Культура российской провинции». Многочисленные конференции по этой проблематике внесли значительный вклад в развитие региональной истории, но одновременно и показали ее слабое теоретическое обоснование. В целом в последнее десятилетие шли поиски оптимальной позиции, раскрывающей суть исторической регионалистики, способной вывести исследователя на определенный теоретический уровень этой отрасли знания и на ее прикладные стороны. В этой связи среди многочисленных обобщающих дефиниций, существующих в настоящее время, вполне приемлимой представляется следующая: «Регионалистика ... рассматривается как комплексная синтезирующая гуманитарная дисциплина, изучающая процессы деятельности и существования человека (человеческих коллективов) и создаваемой им культуры во взаимодействии с окружающей средой в рамках компактного географического пространства,"региона"»[8].

Эволюция регионоведения (регионалистики), связанного с новым общественным устройством страны, развивающегося по предметам изучения (эконом-географическое, историческое, социологическое, этнографическое, политическое и др.) привело к возникновению целой системы понятий. Такие термины, как «регионализация», «региональная стратегия», «регион», «региональная политика» стали неотъемлемым элементом многих отраслей знания, в том числе и для истории. Среди них особенно дискуссионным оказалось определение «региона». В качестве универсальной категории «регион» в Большом толковом словаре иностранных слов трактуется как «область, район, часть страны, мира, определяемая некоторой экономической, географической, культурной, национальной, политической общностью. Тихоокеанский регион. Дальневосточный регион и т.д.»[9].

Базисом формирования региона служит территориальная составляющая, однако отождествлять его с понятием «территория» нельзя. Необходимой предпосылкой формирования региона на определенной территории является наличие специфики экономического, этнографического, конфессионального, социокультурного состава, особый характер политической организации общества и властных элит[10].

На официальном уровне, в «Основных положениях региональной политики Российской Федерации», под регионом понимается «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации»[11]. Главным признаком этого общетеоретического определения является соответствие границ региона той или иной единице территориально-политического устройства. Однако в различных науках обществоведческого цикла, также, как и в истории, он может употребляться многозначно, в том числе и как синоним термина «район» (или же для обозначения любой территории, по своим признакам не «подходящей» к принятой системе территориального членения и не позволяющей обозначить их другими терминами)[12]. Интегративные возможности данного термина позволяют отнести его не только к ряду наук, но и связать эти науки, трансформируя их компоненты в единую систему региональных исследований[13].

Трактовка понятия «регион», как универсальной категории обществоведения, находится в тесной зависимости с отраслью знания, в которой оно рассматривается. Например, в советской, затем и в постсоветской социологии изучение региона было обусловлено развитием социологии города и региональной социологии. Последняя опре-

делялась как «научное направление, изучающее закономерности территориальной организации социальной жизни и планомерного изменения социального облика регионов»[14].

В Социологической энциклопедии: «регион» – это «территория, обладающая совокупностью общих, взаимосвязанных характеристик»[15].

Большинство определений региона в зарубежных энциклопедиях выполнено в рамках постмодернистской парадигмы, когда в определение заложено ограничение части территории на основании того или иного параметра[16]. Кратко, в рамках той же парадигмы интерпретируется «регион» в Большом толковом словаре русского языка: «Обширный район, группа соседствующих стран или территорий, объединенных по какимлибо общим признакам. Сибирский регион России, Азиатско-Тихоокеанский регион, южные регионы страны»[17]. Важным достоинством этого определения является отсутствие ограничений по признакам, на основе которых может конструироваться регион. Внутри региона могут выделяться субрегионы – части территории с более тесными и имеющими свою специфику связями по отношению ко всему региону.

В контексте исторической науки регион – территориальная, объективно и субъективно (в представлениях людей) существующая единица, характеристику которой составляют во взаимосвязи такие факторы, как физико-географическая и экологическая среда, во многом диктующая тип хозяйственной деятельности человека, та или иная этнокультурная специфика населения, соответствующие черты его организации. При этом границы региона и административно-территориальных единиц, как правило, не совпадают.

Сегодня в российском контексте используются в основном два типа регионов по способу их образования: функциональный (институциональный) или ощущаемый. К первому относят регионы, границы которых фиксируются теми или иными властными структурами, чаще всего государством в определенных целях – политических, административных, экономических и проч. (административно-территориальные единицы, экономические районы). Второй тип – основан на идентификации жителей, его населяющих, на их восприятие собственной общности (обычаи, верования, ценности, отличие от соседей («мы-они») и складывание на этой основе особой исторической судьбы. Регион представляет собой субъект, который сам себя выстраивает в результате регионального самоопределения, сложной игры групп, ценностей, норм и т.д. Экономист И.М. Бусыгина, исследуя исторические корни германского регионализма, писала: «Регионы объединяют людей и дополняют друг друга, сосуществуют; их корни лежат в глубокой внутренней связи определенных людей с определенными территориями ... Наше восприятие, восприятие исследователя, играет далеко не последнюю, а точнее, весьма существенную роль в создании (конструировании) и развитии регионов; регион – это ментальный акт, и в то же время регион реален»[18]. В итоге, как внутригосударственные, так и трансграничные регионы могут классифицироваться по основным сферам общественной жизни – экономической, политической, природной, культурной, этнической и т.д. Многозначность термина «регион» очевидна. Но он обязательно означает определенную территорию, ограниченную пространственно-временными рамками существования проблемного поля и/или «проблемных узлов», «деятельностных узлов» определенных уровней. Существующие регионы и границы между ними фиксируют определенный уровень согласия общества относительно степени своей однородности и характера самоиндентификации[19].

В зависимости от исследовательских задач регионы могут иметь различное содержание (физико-географические, экономические, социокультурные, этнокультурные, лингвистические)[20]. В исторической регионалистике чаще всего используют комплекс критериев. Так, В.О. Ключевский указывал на регион, как на особый «исторический тип», состоящий из постоянных союзов[21]; И.Д. Ковальченко характеризовал его «как территориально единую совокупность административных единиц, обладающих сходством в природных условиях, историческом и экономическом развитии»[22]. Однако любое деление страны на регионы носит условный характер, районирование – дело во

многом субъективное. В основе выделения любого пространства лежит принцип целесообразной целостности, определяемой группой регионообразующих факторов.

Регион Европейский Север (Русский Север)

Историко-географическое осмысление границ Русского Севера как целостного региона четко просматривается в дореволюционной и советской историографии. Он широко фигурировал в качестве проблемного поля в экономико-географических исследованиях, в специальных работах, посвященных районированию, наиболее крупными авторами которых были К.И. Арсеньев, К.Ф. Герман, Н.П. Огарев, Е.Ф. Зябловский, В.П. Семенов-Тян-Шанский, П.П. Семенов-Тян-Шанский, Д.И. Менделеев, В.Е. Варзар, Н.Н. Баранский, Л.Л. Никитин, Н.Н. Колосовский и др.[23]

Региональное исследование Европейского Севера является весьма перспективным направлением, хотя и не гарантирующим всех стоящих перед исследователями этой территории проблем и отнюдь не свободным от дискуссий и внутренних противоречий, о чем свидетельствуют и материалы данного номера журнала.

Попытки локализации региона Европейский Север (Русский Север, Поморье) предпринимались неоднократно историками, этнографами, фольклористами, представителями различных ветвей обществознания (В.В. Крестинин, А.И. Фомин, П.И. Рычков, В.О. Ключевский, М.М. Богословский, А.А. Шахматов, А.А. Кизеветтер, С.Ф. Платонов, А.Н. Насонов, А.Н. Афанасьев, Е.В. Барсов, П.Н. Рыбников, Б.Н. Срезневский и др.). В дореволюционной историографии понятийное оформление региона «Европейский Север» было непременно связано с раскрытием состава территории на определенный хронологический период. Особенно четко границы и административно-областное устройство региона обозначилось в капитальном труде М.М. Богословского о земском самоуправлении на Русском Севере в XVII в. Его замечание о том, что «административная карта Поморья в XVII в. – это причудливый узор, выведенный историей, создавшей местные разнообразия, а не геометрический чертеж, построенный законодателем, руководившимся началом единства и стиравшим все местные особенности»[24] остается верным и для современного положения региона.

Наряду с названием «Русский Север» северные области России имели еще одно наименование «Поморье». В XVI столетии некоторые поморские волости были удалены от моря расстоянием почти в 200 км. Но для России это было нормальным явлением – она владела в этот период лишь одним Белым морем. И название «поморские города» утвердилось не ранее второй половины XVI в, когда был проложен морской путь из России в Англию. Названия «Поморские города», «Поморье» оправданы тем, что вся территория, лежавшая по течению р. Сухоны, уже во второй половине XVI в. была тесно связана с морем. Границы региона (северорусские земли) выстраивали морская торговля с Западной Европой и морские промыслы, стимулировавшие торгово-ремесленную деятельность населения. На картах, чертежах и росписях появились поморские города: Холмогоры, Вага (Шенкурск), Вельск, Каргополь, Турчасово, Пустозерск, Тотьма, Сольвычегодск, Великий Устюг, Хлынов (Вятка) и др[25]. При некотором разнообразии природных условий Поморье объединяли и еще две характерные черты – равнинность и подавляющее господство лесов и болот[26].

Еще со времени присоединения Новгорода к Москве границы Поморья подвергались различным переменам. Его центральная территория – Двинская земля – была разделена на три части: Двинскую, Важскую и Онежскую. К XVI в. в Поморье начинают складываться уезды (уезды-волости). Из Двинской земли выделились Двинский, Кеврольский и Мезенский уезды. На Важской земле оформился Важский уезд с устьянскими сохами (волостями). Кольский и Пустозерский уезды образовали земли-волости Тре и Печора. В XVI в. в бассейнах Сухоны, Юга, верховьях Северной Двины из Устюжской земли сформировался Великоустюжский уезд, из которого позднее выделился Сольвычегодский уезд, занимавший территории в нижнем течении Вычегды и земли в верховьях Северной Двины. Из Онежской земли в бассейне озера Лаче и

р. Онеги оформился Каргопольский уезд (делился на две половины – Каргопольскую и Турчасовскую). Позднее, в начале XVII в. в бассейне рек Вычегды, Сысолы и Выми образовался Яренский уезд[27].

По каким признакам шло выделение уездов? Был ли это административно-политический «дележ» территории или же учитывалась социоэкономическая и прочие признаки общности этих земель – судить сложно. Эти вопросы еще ждут своих исследователей.

Академик С.Ф. Платонов включал в Поморье, кроме земель Вятской и Пермской, следующие территории: 1. Двинский уезд (по р. Двине); 2. Карельский берег и Обонежские погосты; 3. Каргопольский край; 4. Важскую землю; 5. Земли Устюга и Вычегодские; 6. Северо-восточный край по рекам Пинеге, Мезени и Печоре[28].

Ряд исследователей предложили свои принципы районирования региона Поморья. В частности, у В.А. Александрова в основу выделения поморских районов (Северное, Центральное, Западное и Восточное Поморье) были положены земли в бассейне рек Сухоны, Северной Двины, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки[29]. С иных позиций к выяснению границ региона подошел П.А. Колесников. Изучая процессы заселения и освоения северной деревни, производственной деятельности крестьянства, он учитывал прежде всего географическую среду и социоэкономическую общность территории. На этой основе П.А. Колесников выделил «пять природно-экономических зон, отличавшихся разной степенью заселенности, различными условиями для развития сельскохозяйственного производства и крестьянских промыслов, порайонной специализацией сельского хозяйства», определившихся в XVI–XVIII вв.[30]. Они охватывали значительную территорию не только Центрального Поморья, но и его северо-западную часть (территорию современной Карелии, Мурманской обл., некоторых районов не только Архангельской и Вологодской, но и Ленинградской обл.) и северо-восточные уезды (Мезенский, Кеврольский, Пустозерский и Яренский), Вятскую землю и Восточно-Прикамские уезды.

В XVII в. «Европейский Север, – по мнению вологодского историка А.В. Камкина, – приобрел признаки единой хозяйственно-культурной макротерритории, на которой развивалось пашенное земледелие – основа севернорусского хозяйствования. В регионе было распространено приречно-приозерное очаговое расселение, тесно связанное с природным ландшафтом и отличающееся общей невысокой плотностью населения. Социально-правовой доминантой было преобладание черносошно-государственного крестьянства (особенно после ликвидации землевладения новгородского боярства) и соответствующих механизмов управления и эксплуатации, свойственной системе "государственного феодализма"»[31].

XVIII в. перекроил всю карту Севера. В 1708 г. появилась Архангелогородская губ., в которую вошли значительные части вологодских земель. С 1745 г., изменив название на Архангельскую, она до 1780 г. включала территорию будущих Архангельской, Вологодской и значительной части Костромской губ. В 1784 г. уже существовало Архангельское и Вологодское наместничества (губернии), в которые входили и земли будущей Олонецкой губ. Определение территории Поморья, существовавшее к началу XVIII в., со второй половины столетия на страницах различных документов стало обычным в трех значениях: 1. Территория беломорского побережья от Онеги до Кеми; 2. Территория всего беломорского побережья; 3. Территория всего Русского Севера (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губ. XIX в.)[32].

Однако территориально-административные изменения XVIII в. почти не затронули основные историко-культурные ареалы Европейского Севера. «Существуя неформально, они, – как пишет А.В. Камкин, – сохраняли огромный запас прочности. Его истоки (Европейского Севера. – *Э.И.*) лежали в этногенетической общности близлежащих крестьянских миров, в многообразии объединяющих факторов, а также подкреплялись рисунком расселения и географической организацией северного ландшафта»[33]. В течение XIX – начала XX вв. перемены и расширение административных границ Севера продолжались. В советской историографии в значительной части работ Север

(Северное Поморье, Поморье) рассматривалось в составе Архангельской, Вологодской и Олонецкой губ.[34]

Совершенно иначе подошла к реконструкции границ Русского Севера (для первой четверти XX в.) М.А. Орешина, определив его «как историко-культурное пространство, в котором преломляются конкретные географические, политические, экономические, социальные, демографические, национальные, конфессиональные и иные особенности территории»[35]. Главная составляющая регионализма этой территории – ее познавательно-практическая аккультурация, происходившая «благодаря реализации частных инициатив местных интеллектуальных элит, вылившихся в создание историко-краеведческих обществ изучения местного края (1908–1917) (Архангельское общество изучения Русского севера, Вологодское общество изучения Северного края, Общество изучения Олонецкой губернии»[36]. Эти краеведческие общества, «социализируя пространство региона, конструировали его», задавали возможную модель его типологизации как историко-культурного пространства.

Исходя из определенных задач, имеют собственное видение региона (и его субрегионов) и этнографы. Русским Севером они называют обширную территорию к северу от водораздела Волга-Северная Двина, между районами расселения карел и коми, замечая, что «этот край формировался в тесном единстве с остальными территориями, поэтому сущность и значение всего региона правильнее отражает понятие "Европейский Север" хотя оба названия часто употребляются как синонимы»[37]. Центральным районом Русского Севера, по мнению этнографов, является Вологодская земля – территории, которые в разные исторические периоды были более всего связаны с Вологдой. В XVI–XVII вв. этот регион включал в себя Центральное Поморье (Вологодский, Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский, Важский уезды, Устьянские волости), часть Западного Поморья (Каргопольский уезд, Чарондская округа), часть бывших новгородских пятин (Череповецко-Белозерский край). По губернскому делению конца XVIII–XIX вв. эти земли являлись частями Вологодской, Олонецкой и Новгородской губ. Само понятие «Поморье» в разные исторические периоды приобретало то большие, то меньшие размеры.

Итак, Европейский Север (Русский Север, Поморье) совмещает в себе ряд ипостасей, соответствующих определенным аспектам и стадиям формирования региона, исследовательским задачам и практикам.

Границы региона

В каждом регионе реализуется территориальный принцип жизнеустроения, означающий жесткую привязку людей к территории – определенному пространству (природная и социальная среда), имеющему границы. Региональные границы, как правило, непостоянны и носят сугубо подчиненный характер. В основе их определения лежат экономические, политические, этноконфессиональные отношения, складывающиеся между входящими в данный регион локальными частями территории – субрегионами (например, административно-территориальными единицами и т.д.). Границы показывают обособленность того или иного региона по отношению к другим частям территории страны. Однако Северный регион вместо четких линейных границ имеет *фронтиры* – пограничные полосы или рубежи освоения. И еще один важный момент. При выборе границ региона на каждого исследователя оказывает давление сам факт существования определенной административной границы, которая имеет тенденцию сохраняться, увековечиваться. «История, – отмечал Ф. Бродель, – тяготеет к закреплению границ, которые превращаются словно в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению»[38]. Однако почти всегда границы региона имеют переходный характер. В регионах, выделяемых по социокультурным признакам, они чаще всего расплывчаты, пористы. В этой связи споры вокруг понятий и границ региона «Поморье», «Северное Поморье», «Центральное Поморье» могут быть бесконечны.

Важную роль играют приграничные территории Европейского Севера, занимая особое положение в социально-географическом пространстве государства. Будучи периферией региона, они, тем не менее, становятся территориями, где жизненный уклад бывает особенно интенсивным, определяясь во многом задаваемыми границей правилами[39].

Методика историко-региональных исследований

Резко возросшая актуальность историко-региональной проблематики заставляет историков как можно четче определять совокупность подходов и методов, включая и междисциплинарный инструментарий, необходимых при системном исследовании регионов. Историческая регионалистика в первую очередь использует методы философии, истории, географии, этнографии, исторической антропологии, социологии и др. Из специальных дисциплин общеисторического цикла ей наиболее близка историческая география, важнейшую проблему которой можно сформулировать как «Человек и пространство»[40]. Методология исторического синтеза в пространстве – весь арсенал принципов и подходов, необходимых для моделирования региональных процессов нашли плодотворное воплощение в трудах выдающихся отечественных историков А.И. Андреева, В.К. Яцунского, О.М. Медушевской и др.

Региональная история включает в объекты своего изучения комплекс природных компонентов (историко-экологическую среду), социоэкономических, этнических, конфессиональных и ряд других особенностей с целью выявления и осмысления региональной идентичности и региональных различий. В исторической географии с обязательным учетом пространственного фактора основной исследовательский акцент нацелен на физическую, экономическую, политическую географию. Эти предметные области в значительной степени совпадают с тем базовым материалом, в котором нуждается региональная история, выполняя задачи по выявлению специфичных черт того или иного региона. Однако в последнее десятилетие историческая география наряду с традиционной проблематикой уделяет особое внимание исследованиям географии культуры. Этому в значительной мере способствует актуализация научных и практических проблем, связанных с сохранением культурного наследия, выявлением туристского потенциала регионов, разработкой федеральных и региональных программ («Малые города России», «Святыни России», «Культура российской провинции»), а также с необходимостью анализа проблем, освещающих этнополитическую, этноэкологическую ситуации, региональную идентичность. В русле этой культурно-пространственной проблематики только в последнее десятилетие появилось значительное число трудов, освещающих различные аспекты культуры Европейского Севера и ее роли в истории России[41]. В настоящее время в различных северных научных и учебных центрах с наибольшей эффективностью исследуются вопросы географической дифференциации конфессионального фактора, обусловленности территориальной локализации отдельных составляющих материальной и духовной культуры, менталитета различных категорий населения и т.п. Однако для дальнейшего расширения предметного поля региональных исторических исследований в сфере культуры требуются более четкие концептуальные подходы и методики. Вероятно, следует обратить внимание на многочисленные разработки в этом направлении географов Ю.А. Веденина, С.Я. Сущего, А.Г. Дружинина, П.М. Шульгина, Р.Ф. Туровского и др.[42]. Обращение к ним при соответствующей корректировке методической базы позволит использовать уже освоенные в значительной мере принципы и подходы в исследовательской практике региональной истории культуры. Значительный вклад в совершенствование методики, в том числе, использования междисциплинарных подходов, вносят подготовка и издание региональных энциклопедий, в частности, энциклопедии «Республика Коми» (в 3 т. Сыктывкар, 1997–2000) и «Поморская энциклопедия» (Т. 1. История Архангельского Севера. Архангельск, 2001).

Понятие территориальной идентичности

Выявление и изучение региональных характеристик Севера невозможно без четкого понимания территориальной идентичности, тесно связанной с понятием «территориальная общность», которая наряду с другими общностями (этническими, профессиональными, конфессиональными, демографическими и др.) занимает одно из главных мест в социальной структуре. Существуют две трактовки понятия «территориальная общность», раскрывающего многое в региональных характеристиках. Согласно первой, это относительно малое сообщество, административно-территориальное образование. В соответствии со второй – территориальная общность – достаточно крупный регион (например, Русский Север), не имеющий институционального происхождения. «Формирование такой общности, как правило, связано с определенной территорией, климатом, типом хозяйственной деятельности, отношением с центром и "местным патриотизмом"»[43]. У населения вырабатывается особое представление о себе, своих связях во внутренней и внешней жизни. Проблема зависимости личности от особенностей территории ставилась в трудах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Л.И. Мечникова, в многочисленных исследованиях о поморах и поморской культуре[44]. А.П. Щапов писал: «Русская история есть по преимуществу история областей, разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа»[45].

Большинство ученых связывает формирование территориальной общности с тремя факторами: территорией (объединение людей внутри определенного географического ареала, формирующего условия жизнедеятельности), социальным воздействием (совокупность норм и правил поведения, которых должны придерживаться члены группы) и психокультурной характеристикой, предполагающей наличие прочных связей между индивидами или обязательств среди членов территориальной общности.

Одним из видов территориальной (наряду с этнической и национальной) является региональная идентичность (этот термин нередко используется как синоним таких понятий как «национальная», «этническая» или «коллективная», «территориальная» идентичность). По мнению А.В. Ремнева и П.И. Савельева «население, проживающее в данном регионе, осознает себя принадлежащим к особой территориальной общности, имеющей свою хозяйственную и социокультурную специфику, регионально идентифицирующую себя, противопоставляя себя жителям других регионов. Такая самоидентификация носит, как правило, надэтнический характер и определяется не национальной, а территориальной принадлежностью... Несмотря на динамичность административных и экономических границ, региональное сообщество имеет достаточно прочную устойчивость и долгую историческую инерцию в осознании своего исторического единства»[46]. Так ли это на Европейском Севере?

Западные исследователи относят понятие «региональная идентичность» к разряду молодых, пришедших на смену старым национальным и надцнациональным ценностям в условиях ослабления роли нации-государства, роста региональных интеграционных процессов. В России эти актуальные проблемы пока остаются слабо изученными[47].

Между тем, территориальная идентичность имеет особое значение для Севера, поскольку весь предшествующий ход его исторического развития был связан с формированием и существованием на этом пространстве общности, имевшей свою социокультурную специфику. Территориальная общность, к которой человек чувствует причастность, всегда будет ограничена конкретным месторазвитием (город, село или достаточно обширное пространство – страна, регион). П.А. Сорокин считал, что «из всех связей, которые соединяют людей ... связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь... В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы "ярославца", "помора", "сибиряка" и т.п.»[48]. Так и «"поморы" выделялись в среде севернорусского населения по территориально-хозяйственному признаку: неземледельческое население сугубо бело-

морского побережья, основой хозяйства которого являются различные морские промыслы»[49].

Наличие региональной идентичности, по мнению ряда исследователей, присуще только регионам с сохранившейся социокультурной средой. «Эти территориальные общности, как правило, сравнительно невелики по масштабам, но обладают большой сплоченностью, порождая ярко выраженное самосознание, часто имеющее эмоционально-психологическую природу, т.е. основанное на чувстве любви, гордости, привязанности, испытываемых по отношению к "малой родине"»[50]. Но имеется и еще одна точка зрения – постмодернистская, рассматривающая региональную идентичность как временный проект, создание которого связано с решением политических задач[51]. В этом случае особую роль играет политическая элита, региональная администрация, средства массовой информации, выстраивающие, культивирующие региональную идентичность. Ярким примером подобной ситуации является попытка конструирования так называемой Поморской республики (варианты – Северный край, Поморско-Ненецкая республика и т.д.) на основе объединения Архангельской, Мурманской обл., Ненецкого автономного округа, республик Коми и Карелия. Это была инициатива архангельской интеллектуальной и бизнес-интеллигенции, объединенной в 2003 г. в национально-культурную автономию поморов Архангельска. Основополагающей идеей проектируемого региона служил тезис о существовании особой поморской (промысловой) культуры, которая не просто отражает специфику территории (суровый климат, отсутствие пахотных земель, короткий инсоляционный период и проч.), но является якобы автохтонной. В качестве главных аргументов использовались: реконструкция этнокультурных характеристик локальной группы русских (поморов), языка («поморская говоря»), календарной практики («праздник Перуна»), верований (поморское язычество) и проч. За этой инициативой стояли, по крайней мере, две основные цели: экономическая – получение различных налоговых льгот на территории проживания коренных малочисленных народов – и политическая – формирование этнорегиональной идентичности и выделение на этой основе особого субъекта Федерации: Северного (Поморского) края[52]. Перепись населения 2002 г. показала, что этноним "поморы" начинает активно возрождаться (всего по переписи было зафиксировано 6 524 помора). С 2004 г. автономия поморов уже предстала в качестве общины коренных малочисленных народов Севера. Поморы были объявлены финно-угорским этносом. Однако ведущим мотивом всего этого было не культурное возрождение, а удовлетворение определенных политических и экономических интересов[53].

Как полагает большинство исследователей, в формировании той части населения, которая именует себя «поморами», основная роль принадлежала выходцам из Новгорода, однако в XIII–XV вв. существенное значение имели миграции из верхневолжских и некоторых других областей. Заметную роль в этногенезе поморов сыграли и финно-угорские элементы. В лингвистическом плане не существовало единого поморского диалекта, и исследователи выделяют целую группу поморских говоров в Архангельской губ. и северных частях Олонецкой и Вологодской губ. Эти говоры воспринимались как локальные варианты великорусского языка и не случайно во время Первой всеобщей переписи населения 1897 г. абсолютное большинство населения Архангельской губ. указало, что родным языком для него является русский. Население Поморья делилось на ряд локальных культурных групп: мезенцы, пинежане, лешуконцы и др., обладавшие собственными самоназваниями и локальным самосознанием, культурными и языковыми особенностями. Осознание себя единой этнотерриториальной общностью произошло лишь после того, как начал функционировать морской порт – Архангельск, ставший для поморов главным местом сбыта продукции своей промысловой деятельности. Уже в XIX в. значительные хозяйственные и социальные перемены привели к тому, что понятие «помор» в своем прежнем значении стало выходить из употребления.

В связи со всем сказанным нужно подчеркнуть, что региональная идентичность не может строиться на основе отдельных особенностей региона. «Регулирующие и обес-

печивающие ее нормы должны быть сильнее общенациональных или сопоставимы с ними по своему влиянию. Кроме того, идентичность должна иметь некоего оппонента, против которого она направлена (политически, культурно и т.д.). Отсутствие оппонента исключает возможность существования региональной идентичности, так как некому себя противопоставить для выполнения классической схемы "мы-они", "свой-чужой"»[54].

История и современные реалии региональных идентичностей на полиэтничном и поликультурном Европейском Севере (нередко именуемом и в научной литературе «Русским Севером») значительно активизируют исследовательскую практику в сфере, в первую очередь, социокультурных проблем. Процессы ассимиляции, аккультурации и фрагментации на Севере, имеющие отношение не только к поморам, но и к ненцам, саамам, коми и другим народностям, вписываются в актуальную проблематику исторической регионалистики.

Сегодня в научной и научно-популярной литературе, прессе постоянно фигурирует понятие «региональный образ» или имидж, т.е. комплекс свойств, создаваемый заинтересованными субъектами с целью конструирования определенного представления о регионе. Заказ на создание имиджа исследовательские центры или соответствующие специалисты получают от региональных или иных политических субъектов, учреждений (например, турагентств, музеев и проч.). Имидж любого региона формируется с учетом его своеобразия, на основе обобщения всесторонних характеристик и специальных методов и, как правило, под стратегическую цель, а не под сиюминутную задачу. Он должен быть как прагматичным, так и реалистичным, отличаться вариативностью, т.е. содержать несколько субимиджей, предназначенных для различных потребителей (его образы могут подстраиваться под разные запросы). Имидж требует от составителя владения значительным комплексом информации, использования элементов визуализации информации о регионе (флаг, герб, эмблемы). Научная разработка регионального образа (имиджа) пока более всего практикуется в учебно-образовательной практике[55].

При создании «регионального образа», в том числе и Европейского Севера, на основе историко-культурных, историко-экономических, природных и прочих характеристик, приходится учитывать определенные методические подходы и принципы. По мнению одного из разработчиков методики имиджа страны С.С. Каринского четкого понятия «образа» не существует: «По-разному трактуют это понятие психологи и искусствоведы, литературоведы и дизайнеры, не говоря уже о различных философских дефинициях этого термина. Образ – это не столько термин, сколько символ, знак общей исследовательской установки, исходной интуиции, противоположной по значению таким символам (знакам), как "схема", "формула", "система" и т.п. Образ – категория конкретного мышления, особую роль в котором играют эмоциональные моменты и личное отношение исследователя к исследуемому предмету»[56].

В заключение следует сказать, что в целом уже имеющиеся историко-региональные исследования Европейского Севера многоаспектно отражают факт существования значительной территории с особыми природными, хозяйственными, этнокультурными и социальными различиями. Дальнейшее осмысление генезиса и эволюции региональных особенностей зависит от постоянного усовершенствования методики исследований, понятийно-категориального аппарата, расширения источниковой базы, подключения методического инструментария различных смежных отраслей знания.

Примечания

[1] Энциклопедия СНГ: Регионы России. М., 2001. С. 15.

[2] *Булатов В.Н.* Русский Север. Учебное пособие для вузов. М., 2006. С. 3.

[3] Историческое регионоведение Европейского Севера России. Сб. программ учебных курсов, читаемых в вузах Архангельска, Вологды, Мурманска. Петрозаводска и Сыктывкара / Под ред. А. Пашкова. Петрозаводск, 2008.

[4] *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М., 1966; *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика. М., 1978.

[5] Федерализм: энциклопедический словарь. М., 1997. С. 199.

[6] Региональная история в российской и зарубежной историографии. Тез. док-дов междунар. научн. конф. 1–4 июня 1999 г. Ч. 1. Рязань, 1999.

[7] Методология региональных исторических исследований. Мат-лы междунар. семинара 19–20 июня 2000 г., Санкт-Петербург. СПб., 2000. В 2007 г. по инициативе кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета состоялся Первый Всероссийский съезд регионоведов.

[8] Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб,. 1999. С. 9.

[9] Большой толковый словарь иностранных слов. Т. 3. Ростов-на-Дону, 1997. С. 173.

[10] Основы регионоведения: Учебник. М., 2007. С. 33.

[11] Основные положения региональной политики в Российской Федерации // Российская газета. 1996. 11 июня. С. 4.

[12] *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 69.

[13] Основы регионоведения. С. 225–226.

[14] *Сухарев А.И.* Научное управление развитием социальной структуры социалистического общества. Саранск, 1978. С. 29.

[15] Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 319.

[16] См.: New Webster's Dictionary of the English Language. New Delhi. 1998. P. 1262.

[17] Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2001. С. 1110.

[18] *Бусыгина И.М.* Регионы Германии. М., 2000. С. 59.

[19] Основы регионоведения. С. 51.

[20] *Сергунин А.А.* Проблемы и возможности регионалистики // Полис. 1994. № 5. С.149-150.

[21] *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций. Кн. 1. М., 1993. С. 11.

[22] *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже X1X–XX вв. (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1. С. 59.

[23] См.: *Вальская Б.А.* Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. по 1861 г. // Вопросы географии. 1950. Сб. 17. С. 139–201; *Никитин Н.П.* Экономическое районирование в трудах Русского географического общества и Вольного Экономического общества // Вопросы географии. 1959. Сб. 47. С.145–158; *Замятин Д.Н.* Научные концепции в области экономического районирования России и СССР (1870–1930) // Вестник Московского университета. Серия V. География. 1997. № 1. С. 67–69 и др. Подробно о работах по районированию Русского Севера см.: *Орешина М.А.* Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. М., 2003.

[24] *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Ч. 1–2. М., 1909–1912.

[25] *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С.227.

[26] *Булатов В.Н.* Указ. соч. С. 4–6.

[27] Там же.

[28] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 9.

[29] *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964. С. 296–300.

[30] *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 51.

[31] *Камкин А.В.* Союзы севернорусских крестьянских миров в системе расселения и жизненной повседневности XVII–XVIII вв. // Мировоззренческая культура севернорусского населения. М., 2006. С. 233.

[32] *Бернштам Т.А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 79.

[33] *Камкин А.В.* Указ. соч. С. 242–243.

[34] См., напр.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М., 1946; Т. 2. М., 1958.

[35] *Орешина М.А.* Указ. соч. С. 93.

[36] Там же. С. 105.

[37] Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М. 2001. С. 119.

[38] *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994. С. 274.

[39] Основы регионоведения. С. 125–126.

[40] *Медушевская О.М.* Исторический источник: человек и пространство // Исторический источник: человек и пространство. Тез. док-дов и сообщений научн. конф. 3–5 февраля 1997 г. Москва. М., 1997. С. 35–38.

[41] Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001; Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. Сб. научи, статей и мат-лов. СПб., 2003; *Орешина М.А.* Указ. соч.; *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. Архангельск, 2004; *Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В., Окороков А.В., Селезнева Е.Н., Черносвитов П.Ю.* Культура русских поморов. Опыт системного исследования. М., 2005; Мировоззрение и культура северорусского населения. М., 2006; Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2008; *Жеребцов И.Л., Конаков Н.Д., Шабаев Ю.П.* Народ коми: Краткие очерки этнической истории и культуры. Сыктывкар, 2008; и др.

[42] Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004; *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. М., 1997; *Сущий С.Я., Дружинин А.Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону, 1994; *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М., 1998.

[43] *Боронев А.О., Павленко В.Н.* Этническая психология. СПб., 1994. С. 73.

[44] *Щапов А.П.* Великорусские области в смутное время (1607–1613 гг.) // *Щапов А.П.* Соч. Т. 1. СПб., 1906. С. 648.

[45] См. библиографию о поморах и поморской культуре в кн.: *Базарова Э.Л., Бщадзе Н.В., Окороков Н.В., Селезнева Е.Н., Черносвитов П.Ю.* Указ. соч. С. 15–23.

[46] *Ремнев А.В., Савельев П.И.* Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). Сб. научн. статей. М., 1997. С. 10–11.

[47] Основы регионоведения, С. 305–308.

[48] *Сорокин П.* Система социологии. В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 210, 213.

[49] *Бернштам Т.А.* Указ. соч. С. 78.

[50] Федерализм: энциклопедия. М., 2000. С.417.

[51] Основы регионоведения. С. 307–308.

[52] Там же. С. 310.

[53] *Шабаев Ю.П.* Европейский Север России: бунт идентичностей или новая модель адаптации // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2008. С. 104–105.

[54] Основы регионоведения. С. 310.

[55] *Кирюшин А.Е.* Имидж региона. М., 2000.

[56] *Каринский С.С.* Методы изучения образа страны // Методика страноведческого исследования. М., 1993. С. 30.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР В ИСТОРИИ РОССИИ

20 ноября 2008 г. в Петрозаводском государственном университете был проведен «круглый стол», посвященный ряду актуальных проблем истории Европейского Севера России.

Специально для обсуждения вопросов подготовки тематического номера и участия в «круглом столе» в Петрозаводск прибыли члены редколлегии журнала «Российская история»: заместитель главного редактора, кандидат исторических наук А.В. Голубев; доктора исторических наук А.Е. Иванов, А.П. Корелин, С.С. Секиринский.

Заседание «круглого стола» открыл декан исторического факультета Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), кандидат исторических наук С.Г. Веригин, обратившийся к собравшимся с приветственными словами и выразивший надежду на продолжение творческого сотрудничества между научно-историческим сообществом Европейского Севера России и столичным журналом.

Дискуссию вел заведующий кафедрой ПетрГУ, кандидат исторических наук А.М., Пашков.

В обсуждении также приняли участие: доктора исторических наук А.В. Воронин (Мурманский государственный педагогический институт); Ю.М. Килин, Л.В. Суни, М. И. Шумилов (ПетрГУ); П.В. Лизунов (Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова); И.А. Разумова (Кольский научный центр РАН, г. Апатиты); В.В. Рогинский (Институт всеобщей истории РАН); Ю.А. Савватеев (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН); кандидаты исторических наук А.И. Бутвило, Е.В. Дианова, Т.Н. Жуковская, О.И. Кулагин, И.М. Соломещ, И.Р. Такала, С.Н., Филимончик (ПетрГУ); Л. И. Вавулинская, Е.Ю. Дубровская, А.Ю. Жуков (ИЯЛИ КарНЦ РАН); А.А. Комаров (ИВИ РАН); Л.А. Максимова (Сыктывкарский государственный университет); кандидат юридических наук В.В. Ефимова (ПетрГУ).

Дискуссия развернулась по трем ключевым вопросам, связанным с выяснением историко-географических рамок Европейского Севера России, его места и значения в отечественном и международном контексте, социокультурных особенностей.

Ниже публикуется основное содержание «круглого стола».

В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

М.И. Шумилов: В пользу широких границ

На мой взгляд, Европейский Север России – это пять нынешних административно-территориальных образований, очень близких по географическим, экономическим, социальным и другим параметрам: Архангельская, Вологодская и Мурманская обл., а также Карелия и Коми край. До революции территорию Европейского Севера занимали три губернии – Архангельская, Вологодская и Олонецкая.

Следует признать, что относительно территориальных границ Европейского Севера России существуют и другие мнения. Наши коллеги в Архангельске, например, нередко говорят об Архангельской обл. как о самостоятельном «Русском Севере». Юг Вологодской обл. тяготеет к Средней России, Коми край – к Приуралью, но, я думаю, что эти оттенки не должны мешать нам видеть духовного и культурного родства – русских, карелов, финнов, вепсов, ненцев, саамов... – всего населения Европейского Севера России в его широких границах.

А.В. Голубев: С точки зрения истории

Важно учитывать, что границы Европейского Севера России, Русского Севера, в различные эпохи были разными. Понятно, что все эти земли – земли новгородской колонизации, и говорить о «Русском Севере» без Новгорода до XVI в. включительно было бы очень сложно, хотя в позднейшую историю региона Новгород уже не вписывается. Или, скажем, Ярославские земли, Ярославское княжество для Русского Средневековья – это часть Севера или уже нет? Я не говорю о современном административном делении, но если подходить с точки зрения истории, это хотелось бы обсудить.

В.В. Ефимова: В свете конституционных проектов начала XIX в.

В ходе подготовки конституционных реформ в годы правления Александра I был создан проект учреждения наместничеств, согласно которому предполагалось разделение Российской империи на 12 округов. В пятый округ должны были войти Архангельская, Вологодская и Олонецкая губ. Возможно, это может быть еще одним ответом, почему Север, единый регион.

И. А. Разумова: В плане методологии

Внимание к научным дефинициям очень симптоматично для современного этапа развития общественных наук. Представители истории, этнологии и других, стараются четче определить свои исследовательские категории. В этом отношении, я считаю, что каждый термин, будь то «Европейский Север России», «Русский Север», «Российский Север», прежде всего, должен быть определен отдельно, эти понятия следует разграничить. Когда мы говорим «Русский Север», мы включаем в понятие этнический определитель, и, таким образом, должны ориентироваться на этнографические признаки: например, распространение диалектов, явлений духовной или материальной культуры в тот или иной период, – это то, чем занимаются этнологи. Если речь идет об определении понятия «Европейский Север России», то здесь включаются критерии географический, геополитический, и т.д. Напомню одно методологическое требование: прежде чем определять, что представляет собой явление в диахронии, необходимо, собственно, разобраться с комплексом критериев – чем оно является, а потом уже выяснять, как оно изменяется. Естественно, у географов будет своя точка зрения, которая не совпадет с точкой зрения историка или этнографа.

Еще одно замечание: определяя значение того или иного термина, всегда следует помнить о цели использования этого термина и о субъекте, о том, *кто* определяет границы данного понятия. Мы пытаемся учесть многообразие всех объективных критериев, и мы же являемся субъектом в качестве научного сообщества. И вот здесь очень важна точка зрения. Для этнолога, например, особое значение имеет, как определяет себя население, т.е. точка зрения самого субъекта: местных жителей. В нашем случае одним из показателей является граница территории, население которой идентифицирует себя как «северяне», и важно, по каким критериям северяне себя отделяют от представителей других территориальных сообществ. Скажем, на Крайнем Севере кроме разграничения «северный человек» и «южный человек» применительно к русским есть еще такое интересное понятие: «среднеполосный человек». И для каждого из этих типов определяется свой набор критериев. Таким образом, все точки зрения будет не-

возможно гармонизировать, если в каждом случае не будут идентифицированы субъект и цель определения понятия.

А. И. Бутвило: Универсального решения нет

Приведу небольшую цитату из новейшей монографии А.И. Миллера: «Нетрудно заметить, что в подавляющем большинстве исследований способ воображения региона, причины и критерии вычленения того или иного пространства не объясняются сколько-нибудь четко и подробно. Очень часто за этим скрывается именно убеждение историков, что выбранные ими границы региона "естественны"; а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения» (*Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 16).

Это справедливо. Наши представления о границах Европейского Севера, как и любого другого региона, безусловно, определяются конкретным предметом исследования. Мы здесь не найдем универсального решения этой проблемы, например, мы не сможем определить южную границу Европейского Севера, как бы мы ни старались. Мне проще, чем многим из присутствующих, решать эти проблемы: я занимаюсь историей государственного управления (на примере Карельской Трудовой Коммуны), а в этом случае видение исследователем границ того или иного региона отходит на второй план. Здесь важнее то, как видел эти границы законодатель, как он их себе воображал, как он их реализовывал в конкретном административно-территориальном делении, и важно не просто описать изменения этого деления (это проще всего), а выявить те причины, те стимулы, те вызовы, которые заставляли законодателя эти пространственные рамки полностью или частично менять.

В.В. Рогинский: С точки зрения имперского прошлого

Существуют понятия: «Русский Север» и «Европейский Север России». А что мы понимаем под «Россией»? Это очень любопытный вопрос. С 1721 г. по 1917 г. существовала Российская империя. В 1917 г. ей на смену пришла Россия, затем – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, наконец, появился Советский Союз. И, если быть педантами и формалистами, то с 1940 г. по 1956 г. Карелия не входила в состав России, она была формально суверенным государством в составе «великого Союза Советских Социалистических Республик» (чтó было на самом деле, все прекрасно знают, но это другой вопрос). Поэтому, когда мы говорим о Европейском Севере России в Новое время, в XIX – начале XX вв., то нам приходится говорить о России как о Российской империи. Все-таки семантически есть определенная разница между «Россией» и «Российской империей». Но в состав Российской империи более ста лет входило Великое княжество Финляндское, поэтому исключать его из состава Европейского Севера России как Российской империи тоже не следует.

А.М. Пашков: Типологически Финляндия тяготела к балтийским губерниям

Я бы хотел возразить: да, Великое княжество Финляндское, входило более ста лет в состав России. Но Финляндия не может считаться частью Русского Севера. Почему? Потому что русское население там было в меньшинстве, господствующая религия в Финляндии – лютеранство, плюс собственные законы и особый статус; иначе говоря, типологически Финляндия тяготела, скорее, к балтийским губерниям, к Эстляндии, Лифляндии, а не к Русскому Северу.

И. М. Соломещ: У Финляндии не было «Царя»

Финляндия никогда не входила в состав России, она входила в состав Российской империи, – почувствуйте разницу. У нее никогда не было «Царя», у нее был только «Го-

сударь Император», «Великий князь» он же. Разница принципиальная. И потом, все-таки и семантически, и логически есть большая разница между «Русским Севером» и «Российским Севером», между понятием «русский» и «россиянин».

Л.В. Суни: Финны никогда не считали себя жителями России

Если имеется в виду Север Российской империи, тогда Финляндия, безусловно, входит в это пространство, в рамках которого она оказывала определенное влияние на российскую жизнь, как экономическую, так и культурную. Но если под «Российским Севером» мы понимаем Север России, то Финляндия оказывается за его пределами, хотя бы потому, что в финском общественном сознании между Финляндией и Россией никогда не ставился знак равенства, финны никогда не считали себя жителями России.

Е.Ю. Дубровская: От поиска историко-географических границ к анализу этнокультурного взаимодействия

В связи с развернувшейся дискуссией относительно Финляндии уместно перевести разговор из историко-географической в этнокультурную плоскость.

Вот сюжет из истории российско-финлядского взаимодействия периода Первой мировой войны. Автономное в составе Российского государства Великое княжество Финляндское оказалась именно тем регионом на северо-западе воюющей державы, где на фоне отсутствия собственно военных действий образовались многочисленные внутренние «фронты». Первая мировая война в Финляндии – это масштабное испытание на прочность как царской империи последнего периода ее существования, так и традиционных методов управления центра зависимыми территориями. Милитаризация внутренней жизни империи была связана с централизацией внутреннего управления, вызвала конфронтацию между гражданской и военной администрацией, содействовала перенесению образа внешнего врага во внутренние отношения между национальностями империи. Качественно новый характер Первой мировой войны разрушал традиции имперской политики и уклад имперской жизни. Но особенно неоднозначным оказалось влияние войны на судьбу западных окраин в силу их стратегического положения в зоне противоборства воюющих империй, существовавшей системы «деконцентрированного» управления (вплоть до статуса автономии, как в случае Финляндии), наконец, культурной инаковости, ставшей ведущим фактором в конструировании образа врага в период войны.

По наблюдению финского историка В. Расила, для русских в основе «финляндского вопроса» лежали соображения военной и оборонной политики, на национальные проблемы в Петербурге не обращали достаточного внимания, поскольку государственный интерес стоял превыше всего, в том числе и национальных проблем. Между тем «в Финляндии дела рассматривались не с военной точки зрения, и здесь отнюдь не опасались за безопасность российской столицы. Для финнов было важно все, что затрагивало финскую национальность и право на национальное самоопределение» (*Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 133). В таких обстоятельствах находившиеся в Финляндии российские войска не только становились средством проведения политики центральных властей, но и неизменно оказывались заложниками политических амбиций сторон, что особенно проявилось в годы Первой мировой войны.

Особенно примечателен заключительный этап войны, когда уже решалась судьба независимой Финляндии и крайне остро встала проблема российских военнослужащих, находившихся на территории бывшего финляндского княжества. Кем были эти люди? Мы должны себе представлять, что в основном российский солдат – как раз тот самый человек традиционного общества. Новобранцы из российской деревни – призванные в армию в мирное время, а тем более мобилизованные с началом войны – вели себя как люди традиционные, представители российской общины.

И когда новобранец на проводах «гулял» на глазах деревни, никто ему за это не делал никаких замечаний, потому что «так полагалось», так отправляли воина, рекрута на войну. И вот такой человек попадает в совершенно новое для него место (имею в виду Великое княжество Финляндское), в совершенно другие обстоятельства: новая жизнь, новое окружение, чужая речь, чужие культурные ценности. Это наблюдают и с этим сталкиваются увольняющиеся с корабля на берег матросы и солдаты, выходящие из казарм. Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военных, служивших в Финляндии, социально-нравственных норм и представлений рядовых и офицеров об этносах-соседях (финнах и шведах) позволяют представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружье и на себе испытавших воздействие модернизационных процессов в вооруженных силах России. Противопоставление военных себя финляндцам в рамках дихотомии «мы–они» и аналогичное обособление гражданского населения от «человека с ружьем» – представителя чужой культуры – интересно с точки зрения исследования этнических стереотипов, складывавшихся как у военных и членов их семей, так и у жителей гарнизонных городов Финляндии.

Однако, делая акцент на конфликтах и противоречиях между военнослужащими и финляндцами в период российской революции 1917 г., следует избегать другой крайности – отрицания всякого взаимодействия между ними. Преодоление «перекосов» такого рода позволяет уйти из-под влияния новых мифов и стереотипов в отечественной историографии, пришедших на смену старым.

А.М. Пашков: Если рассматривать вопрос комплексно

Хотелось бы вернуться к той мысли, которая была высказана в выступлении М.М. Шумилова: действительно, применительно к современным условиям, северянами себя считают и жители Мурманской обл., и жители Архангельской обл., и жители Карелии, и жители Коми края, и даже жители Вологодской обл. Наверное, самым спорным является отнесение к Русскому Северу Вологодского края, потому что он, все-таки, тяготеет и к Северу и к Центру, к Верхневолжью. В свое время И.Д. Ковальченко предложил такое деление губерний: Олонецкая, Архангельская – губернии промысловые, где не сельское хозяйство, а именно промыслы дают основные доходы населению, а Вологодская – земледельческая. Но если учитывать не один критерий, то Вологодский край тоже можно считать частью Русского Севера. Ведь природно-климатические условия на Вологодчине сходные, хотя и немного помягче. Следует учесть и очень тесные экономические связи всего Подвинья, Двинско-Сухонский водный путь. Вспомним судьбы города Устюг, который попадал в подчинение то Вологды, то Архангельска, а какое-то время даже существовала самостоятельная Устюжская или Северодвинская губ. Все-таки Вологда, если рассматривать вопрос комплексно, тоже относится к Русскому Северу, и поэтому эти три дореволюционных губернии, или пять современных субъектов Федерации – это все, на мой взгляд, Русский Север.

В значительной степени мне также кажется, что «Российский Север» и «Русский Север» – это понятия очень близкие. Выдающийся памятник русского зодчества – Кижи – находится в Карелии.

О.П. Илюха: Учитывать не только границы, но и то, что Север объединяет

Чего бы мы ни касались – экономической ли жизни, сферы культуры – региональные границы имплицитно присутствуют в наших исследованиях. Мы напрасно обходим стороной географический фактор, в частности, *водораздельные линии,* которые ограничивают территорию Русского Севера с запада и с востока. Возможно, здесь лежит ключ и к решению проблемы территориальной идентификации Вологодского края. Посмотрим на водораздельную линию между Северной Двиной и Волжским бассей-

ном: хозяйственно-культурные комплексы по разные стороны этой линии имеют свои особенности. Такой подход, наверное, поможет в исследовании процессов формирования административных границ, их истории. Понятно, что на оформление административных границ в значительной мере влияли устойчивые экономические и культурные связи. Что касается территории Европейского Севера, ее очерчивания – разумеется, нужно иметь в виду не только границы, но и тот внутренний каркас, который эту территорию объединяет: каркас экономический с опорными центрами хозяйственного роста, каркас оборонный, каркас духовной жизни с многочисленными культурными центрами и выраженной финно-угорской составляющей.

В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

А.М. Пашков: «Петербург был окном в Европу, а Архангельск – форточкой»

Если мы говорим о роли Европейского Севера России в истории страны, то здесь можно выделить два главных аспекта. Первый аспект – геополитический: на протяжении очень долгого периода именно Север был тем регионом, через который осуществлялись контакты России и Западной Европы. Я не буду углубляться в плавания викингов в Белое море, но вспомним 1553 г., когда Ричард Ченслер нашел путь из Англии в Белое море, именно через Белое море с середины XVI в. до Петра I шла основная торговля России с Западной Европой, и как было написано в одной популярной книжке: «Петербург был окно в Европу, а Архангельск – это была форточка». И поэтому торговые контакты России с Западной Европой через северные моря происходят с XVI в. до наших дней. Но при этом до начала XX в. Россия просто не могла Север освоить. Россия не могла до Севера добраться, путей сообщения не было, население было маленькое, поэтому роль Севера во внешних связях была не очень большой, но двадцатый век показал, что Россия очень мощно, очень активно выдвигается на Север, причем не только в советское время, но уже и на исходе царского правления. Железная дорога Вологда–Архангельск (первый шаг продвижения на Север); железная дорога Петроград–Мурман, построенная в годы Первой мировой войны, основание порта Александровск, основание Романова-на-Мурмане – это очень четко показало вектор освоения: Россия шла на Север, потому что через Север, через Баренцево море можно было выйти в мировой океан, и этот путь сыграл большую роль в Первую мировую войну, во Вторую мировую войну, и в годы Холодной войны именно на Севере был развернут очень мощный Северный флот, который присутствовал в Атлантическом океане и в Средиземноморье. Поэтому первая очень важная сторона, очень важная роль Севера: важнейший геополитический плацдарм. Именно через Север Россия выходит в мировой океан, выходит со своим рыболовным флотом, грузопассажирским флотом, и с военным флотом. Это очень важно.

И второй аспект. Север для России всегда был источником природных ресурсов. В средневековье это меха (в новгородский период), соль, рыба, затем железо и железные изделия (в московское время), уже с XIX в. – лес. Сейчас уже говорят о нефти в Коми, алмазах в Архангельской обл., о газе. Таким образом, Север – это огромный резервуар природных ресурсов, которые здесь можно и реально добывать и которые затем в целом служат народному хозяйству.

А.В. Голубев: Хранилище историко-культурных ресурсов

К перечню ресурсов, геополитических и природных, я бы добавил еще функцию Севера как хранилища колоссальных историко-культурных богатств. Русская культура, культура России в целом, регулярно получала мощную подпитку из северных территорий, которые, с одной стороны, сохраняя многие архаичные формы культуры,

вдруг становились актуальными и востребованными, а с другой – создавали свою специфическую, тоже очень мощную, устойчивую культуру, которая тоже оказывала влияние на культуру России в целом.

П.В. Лизунов: Упорная борьба за северные земли – свидетельство их значимости

Освоение северных территорий начинается с XII в., когда новгородцы устремившись в Подвинье и Беломорье, на Онегу, на Печору и на Двину, сталкиваются там с проникновением белозерцев и ростовцев, и долгое время успешно отстаивают свои владения, понимая их важность. Когда Московское княжество начиналот собирать вокруг себя земли, Иван Калита попытался присоединить насильно Поморье (1336), но безуспешно. Затем Василий Дмитриевич (1397) пытался распространить свою власть на северные земли Новгорода. Все это свидетельствовало об их значимости.

Несмотря на то, что эти земли вошли, в конце концов, в состав Московского княжества, Иван III и его преемники сохраняли многие привилегии, которые были даны северным монастырям, видя в них форпост дальнейшего продвижения на Север.

А.Ю. Жуков: Полигон для преобразований

Для центральной государственной власти Север уже в XV в. становится полигоном социально-политических реформ.

Вот пример. Крестьяне на Севере не были крепостными. Но ведь и черносошными они стали не сразу. До этого они в большинстве своем были вотчинными, т.е. находились в частной вотчине, во владении крупной знати. Иван III ликвидировал вотчинное землевладение, и абсолютное большинство населения перешло в состояние черносошных (в будущем государственных) крестьян. Сопоставимой по масштабам социальной реформы до этого в истории России не было.

Север являлся полигоном и для политических реформ. Когда Иван III взял Новгород, он там не только посадил своих наместников, но и ввел параллельно наместничеству приказную систему управления. Систему приказного управления мы обычно представляем как централизованное управление из столицы. Но в Новгороде сложилась областная приказная система управления. Дворец, Казна и пост новгородского конюшего – вот три основных приказных ведомства, которые были введены в Новгороде и получили в управление огромные территории, которые тем самым были исключены из наместнического управления.

Ю.М. Килин: Освоение Севера требовало колоссальных затрат

С последней трети XIX в. самодержавие отдавало себе отчет в критической важности Европейского Севера. Именно тогда появляется первый план строительства военно-морских баз на Кольском полуострове, тогда же планируется строительство целой сети железных дорог на Европейском Севере, которые, например, связывали бы напрямую Великое княжество Финляндское и Северный Урал. Вообще, весь Север должен был быть опутан сетью дорог. Однако сразу же возникла проблема, которая существует и в настоящее время: это проблема соотношения затрат и результатов, которые могут быть получены. Власть хотела бы освоить Север, получив экономические, стратегические, геополитические выгоды, но денег на освоение не хватало, расходы были слишком велики. Север в этом смысле своеобычен, его освоение требует колоссальных затрат, и этих средств никогда не было у российского государства, ни в период самодержавия, ни сейчас.

А.А. Комаров: В масштабе «северного пространства»

Слушая выступающих, я все время вспоминал. издание, которое в Петрозаводском университете выходило много десятилетий: «Вопросы истории Европейского Севера».

Хотя в его названии не было слова «Россия», но публикации в основном были посвящены именно Европейскому Северу России. Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что этот регион, Европейский Север России, развивался под влиянием и внешних факторов. И то, что прозвучало в выступлении А.М. Пашкова, относительно развития Северного флота – это же ответ на вызовы мировой политики: Россия не сама по себе начала развивать Северный флот, она стала его развивать потому, что возникла такая необходимость. Это же верно и в отношении Мурманской железной дороги. Как Европейский Север России развивался в рамках всей Европы, так и Европа испытывала воздействие Европейского Севера России.

В Швеции, например, существует программа «Северное пространство», охватывающая Северную Европу, а также балтийские государства и Северо-Запад России. Шведы готовы сотрудничать, они воспринимают эту зону, этот регион как очень важный для их истории. Почему бы и нам не попытаться также обратить внимание на то, как Европейский Север России влиял на своих соседей.

И.Р. Такала: О пограничном противоборстве и приграничном сотрудничестве

Еще один сюжет, который имеет смысл рассматривать, если мы говорим о взаимовлиянии, взаимопроникновении культур: миграционные процессы. Имеется в виду не только внутрироссийская миграция. Посмотрите: XIX в. – это же широкая приграничная миграция. Во-первых, отходнические карельские промыслы, которые уходили не только на территорию России, но и на территорию Великого княжества Финляндского, крестьянское коробейничество. Плюс, обратное движение. Фактически, Российский Европейский Север оказался очень важен в экономическом плане для финляндского безземельного крестьянства второй половины XIX в. И широкий поток финляндской эмиграции (именно трудовой, экономической эмиграции) в Олонецкую губ. – а к концу XIX в. численность финнов на территории губернии достигла 3 тыс. человек, – это, помимо всего прочего, весьма мощный культурный фактор. То же самое верно и в отношении Кольского Севера. Освоение Мурмана европейскими колонистами – норвежцами и финнами – привело к тому, что там возникали целые этнические поселения. К 1899 г., например, финны составляли 42% населения Мурмана, норвежцы 8%. Приграничные территории Российского Европейского Севера – это важные этноконтактные зоны, что необходимо учитывать, когда мы говорим и о развитии экономики региона, и о пограничном противоборстве, и о приграничном сотрудничестве, и о культурных взаимоотношениях России с Европой.

Т.Н. Жуковская: Опыт бесконфликтного сосуществования народов

Хотелось бы продолжить эту мысль и обратить внимание на то, что все-таки Русский Север (по крайней мере, Олонецкая и Архангельская губ.) – зона встречи цивилизаций. Если говорить менее пафосно, то это пограничье, где происходят хозяйственные, культурные, религиозные взаимодействия, где оказываются в тесном контакте с местным населением польские ссыльные (уже с 1831 г. здесь проживало несколько десятков польских ссыльных, а после следующего польского восстания – еще больше). Некоторые остаются, между прочим, в Олонецкой губ., и я ради любопытства, встречая среди студентов, обучающихся в университете, людей с польскими фамилиями, выясняю, что это потомки польских ссыльных в шестом поколении. Не забудем, что это и место встречи, к примеру, британских мастеров и русских приписных крестьян, работавших на Александровском чугунолитейном заводе, о чем у нас много пишут. Думаю, что масштабы хозяйственного отхода в Финляндию русских северных крестьян, и масштабы обратного притока к нам финских мастеровых на заработки, были примерно равновелики. Мне кажется, что этот опыт бесконфликтного, по крайней мере, двухвекового сосуществования разных национальностей, культур, этносов надо изучать более внимательно.

А.М. Пашков: Вклад в конвергенцию исторической науки

В дополнение к тому, что было сказано о взаимовлиянии народов и культур на Севере, хочу обратить ваше внимание и на то, что мы собрались в Петрозаводском государственном университете – ведущем научном центре по изучению Финляндии. За «круглым столом» присутствуют и финские коллеги: доктор Мария Ляхтеенмяки и профессор Юкка Корпела (их статьи публикуются в данном номере. – *ред.*). На мой взгляд, научные связи историков Петрозаводска и Финляндии имеют большое значение не только для нас, местных историков, но и для российской историографии в целом, потому что, знакомясь со взглядами финских коллег и транслируя их мнения в российское научное сообщество, мы тем самым вносим свой скромный вклад в конвергенцию западноевропейской и российской исторической науки.

Е.В. Дианова: Плацдарм кооперации

Одна из особенностей Севера состоит в том, что самоорганизация населения в кооперативные товарищества и союзы здесь проходила несколько иначе, чем в других регионах страны. В 1917–1918 гг. в северных губерниях кооперация имела практически стопроцентный охват населения отдельных деревень, по губерниям – почти стопроцентное кооперирование (в Вологодской губ. – 95–98%, в Олонецкой – 80-85 %). Высокая степень кооперирования населения была связана с особыми природно-климатическими и социально-экономическими условиями: северные губернии – потребляющие губернии. В состав одного сельского потребительского общества в северных уездах записывались целыми деревнями. На лесозаводах Архангельской и Олонецкой губ. членами заводских потребительских обществ становились почти все заводские рабочие и служащие. Создавались кооперативные товарищества представителей и других слоев городского населения (почтовых служащих, чиновников, учителей, даже священников). Деревня и город демонстрировали общинную спайку, кооперативный коллективизм. Особенно заметным это явление стало в годы Первой мировой войны в связи с ухудшением продовольственного снабжения. Если в средней полосе России и на юге, где крестьянство само является производителем товарной продукции сельского хозяйства, воздействие кооперации на крестьянские сообщества приводило к разрушению общины, то на Севере, наоборот, крестьянские общины практически полностью становились участниками кооперативных организаций.

Кроме того, именно на Севере имела место попытка выбора альтернативного пути развития, когда в период Гражданской войны, в 1918 г. в Архангельске во главе Северной обл. находился социалист Н.В. Чайковский. Он был не только заметной фигурой революционного народнического движения в России XIX в., но еще и активным кооперативным деятелем. В начале XX в., в годы Первой мировой войны Чайковский разделял идеи кооперации, кооперативного социализма, резко выступая как против капитализма, так и против большевистского социализма.

Л. А. Максимова: От ссылки к ГУЛАГу

В дискуссии об исторической роли Севера не прозвучала в сквозном плане еще одна важная характеристика региона, как места ссылки лиц, неугодных властям. Ссылка практиковалась уже в средневековье: в 1480 г. в Вологду был сослан тверской князь Михаил Холмский. Ссылал своих противников в Яренск и Борис Годунов. Старообрядцев и революционеров XIX в. тоже ссылали на Север. А XX в. – это время появления на северных территориях лагерей ГУЛАГа, колоний и спецпоселков, в которых содержались раскулаченные крестьяне, представители репрессированных народов, осужденные граждане. Концентрация людей, которые представляли оппозицию власти в разные времена, тоже наложила своеобразный отпечаток на формирование населения на этих территориях. Полиэтничность населения обусловила столкновение, а затем

взаимовлияние различных культур. Сложной была проблема адаптации пришлого населения, особенно в XX в., когда миграция стала массовой.

Здесь уже говорили о том, что освоение природных ресурсов Севера сопряжено с большими затратами. До революции, несмотря на то, что было известно о громадных сырьевых ресурсах Севера, масштабного освоения этих ресурсов не производилось. Разработка месторождений, удаленных от центра и не связанных с ним транспортными линиями, требовала значительных средств. А вот XX в. дал пример того, как с помощью насильственной миграции и лагерного метода была решена проблема рабочей силы для разработки природных ресурсов этих территорий, для создания топливно-энергетического комплекса на Севере.

Специфика индустриализации на севере проявилась в доминанте экзогенных факторов при ее осуществлении. Индустриальные преобразования проводились по указаниям сверху, без участия местного населения в обсуждении индустриальных программ. Интересы коренного населения не принимались в расчет, что привело к бездумному разрушению традиционного хозяйственного уклада, традиционной морали и культуры.

Л.И. Вавулинская: Роль принудительного труда

В 1920–1930-х гг. и в послевоенный период советская экономика носила мобилизационный характер, и особенно рельефно это проявилось на территории Европейского Севера, который являлся богатым источником сырьевых и, в первую очередь, лесных ресурсов. Не случайно в 1920–1930-х гг. создается широкая сеть лагерей ГУЛАГа и формируются основные принципы советской пенитенциарной системы. На территории Карелии в 1930-х гг. находилось около 30 тыс. бывших «кулаков». В послевоенный период применение принудительного труда также получило широкое распространение. Надо отметить главную особенность Севера: здесь спецпоселенцы направлялись прежде всего в лесную промышленность, в то время, как в масштабах страны основной сферой приложения их труда являлось сельское хозяйство. Хотелось бы отметить еще одну особенность Карелии, обусловленную ее пограничным положением, а именно: спецпоселенчество здесь носило социально-политический, а не этнический характер, как в других регионах страны и областях и республиках Европейского Севера. В целом применение принудительного труда способствовало тому, что был ликвидирован острый дефицит рабочей силы в крае, хотя политические, материальные и моральные потери были несоизмеримы с теми экономическими «плюсами», которые дал государству труд спецпереселенцев.

А.В. Воронин: Значение Севера менялось вместе с его южной границей

Полагаю, что Русский Север, Европейский Север – это, всего лишь, понятие, некая условность, и каждый из нас вкладывает в него разный смысл. Впрочем, при всей этой условности, мне кажется, в этом понятии существует определенность. Север – это не просто географический объект, это территория, неблагоприятная для жизни, территория осваиваемая человеком в сложных природно-климатических условиях. И по мере того, как исторически менялись способности человека к освоению, росли его колонизационные возможности, менялось представление о Севере, а соответственно и о его границах. По отношению к Киеву и Москва уже Север. Я поддерживаю мысль о том, что южная граница Севера постоянно сдвигается все дальше на север. Если мы определяем Север именно таким образом, то, очевидно, что и роль его не является постоянной и одинаковой. По мере изменения способностей к освоению и исчерпания ресурсов на уже освоенных территориях, роль и значение Севера вообще, и Европейского Севера, в частности, конечно же, возрастали.

В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КЛЮЧЕ

А.Ю. Жуков: Северные крестьяне как носители правовых основ государственности

Когда мы говорим об историко-культурных особенностях Севера, то в историческом плане мы должны, прежде всего, говорить о традициях. Я напомню вам, к примеру, о реформе государственной деревни графа П.Д. Киселева в XIX в. Эта реформа, конечно, упорядочила волостное деление, волостное управление, но в главной своей задаче она потерпела крах: хотели упорядочить крестьянское землевладение, и ничего не получилось. Почему? Как только приехали чиновники, тут же крестьяне стали им предъявлять тысячи частноправовых актов: «это моя земля, по купчей». А это купчие XV, XVI, XVII вв. Чиновникам в середине XIX в. предъявляют купчие, возраст которых несколько веков, и крестьяне их придерживаются. Как же могли эти петербургские бюрократы отменить все эти купчие, когда каждая из них, даже в самых глухих деревнях, составлялась на основе римского права? Такой юридический порядок существовал уже в средние века и дальше поддерживался местным населением. Такова удивительная черта Русского Севера – население само по себе является носителем правовых основ государственности!

О.П. Илюха: Если земледельческая культура предполагает послушание, то культура промысловая – инициативу

Некое культурное единство, условная культурная целостность Русского Севера в значительной мере проистекает из типа хозяйствования, специфики хозяйственно-культурных комплексов, которые формировались на Севере. Зона рискованного земледелия, большая роль промысловой деятельности, соответственно в культуре и в способах ее трансляции, в том числе и в воспитании новых поколений, наложили свой отпечаток на историю региона. Если земледельческая культура транслирует такие качества личности как послушание, обязательность, дисциплина (нужно вовремя посеять и вовремя убрать урожай), то культура промысловая в значительной мере предполагает независимость, инициативу, предприимчивость, и в результате народная педагогическая культура не столь репрессивна по своему характеру, как культура земледельческая. Это роднит многие этносы, проживающие на Европейском Севере. Государственные институты культуры, в частности школа и церковь, приходя на Север, вынуждены были учитывать эти особенности менталитета местного населения, адаптироваться к ним.

А.М. Пашков: Больше свободы и архаики

Европейский Север в истории Русского Средневековья выделялся тем, что это был регион, где отсутствовали крепостные крестьяне, по крайней мере, они не преобладали. И в Архангельской, и в Олонецкой губ. крепостных было очень и очень мало; в Вологодской губ. наблюдается более пестрая картина, но и там государственные и удельные крестьяне доминировали. Низкий уровень сельского хозяйства, низкие урожаи не привлекали на Север помещиков, и поэтому там крестьяне пользовались большей свободой.

Еще одна особенность Севера заключается в том, что он всегда служил своеобразным заповедником архаики в культуре. Если в центре язычество было подавлено, то у нас язычество сосуществовало с христианством; если в центре реформа Никона прошла без особых проблем, то у нас имел место длительный период существования старообрядчества. Север отличается тем, что сохраняет такие пласты культуры, которые, скажем, в Центральной России, в Южной России уже давным-давно утрачены. Вот два аспекта: социально-экономический (применительно к дореволюционной истории – от-

сутствие крепостного крестьянства, вернее, отсутствие преобладания крепостного крестьянства) и социокультурный (более архаичная культура, очень сильный пласт архаичной традиционной культуры).

И.А. Разумова: Север как фактор модернизации

Сейчас вполне наступило время пересмотреть стереотипное представление о том, что на Севере *консервируется* русская культура. На самом деле она столько же консервируется, сколько и развивается, – и причины тому следует искать в активных миграционных процессах, в том числе и в процессах внутренней миграции. Русский Север, особенно те его ареалы, в которых активно перемешивалось население, создавали симбиозы культур и, соответственно, фактор модернизации. Современные социально-антропологические исследования показывают, что Север в текстах культуры различного рода описывается в рамках семантического поля концепта «свободы», т.е. Север ассоциируется с открытым обществом. И когда происходит пресловутое противопоставление «северяне – несеверяне», первое, что обращает на себя внимание – подчеркивание качества социальных связей на Севере. Это касается различного рода коллективистских социальных форм в хозяйственной, социокультурной деятельности.

Другой аспект, к которому мне хотелось бы привлечь внимание: вклад Европейского Севера России в науку, в российский институт науки. Этот вклад связан с областями гуманитарного знания, в которых требовалась эмпирическая полевая работа. Как мы знаем, не было бы русской этнографии и русской фольклористики, если бы вся экспедиционная эмпирическая деятельность не начиналась с одного северного региона. За Карелией закрепился штамп «родина русской фольклористики»: первые собиратели и первые исследования связаны с ней. А Кольский Север и Поморье – это были места, куда отправлялись все известные экспедиции, там складывалась своя научная микросреда, т.е. речь идет не только о символической значимости этих территорий.

С.Н. Филимончик: Север крестьянский превратился в Север городской

Русский Север всегда воспринимался как хранилище традиционной народной культуры. Но в XX в. в этом регионе развернулись стремительные урбанизационные процессы, и за несколько десятилетий Север крестьянский, сельский превратился в Север городской. В процессе форсированной индустриализации формируется городская культура. Огромную роль в становлении институтов профессиональной культуры играло государство. При его активной поддержке в кратчайшие сроки на Севере создана сеть научных учреждений (Кольская и Северная базы АН СССР и др.), созданы национальные театры, первый университет. Государство приложило большие усилия для формирования в крае профессиональной интеллигенции. Особенно быстро росла численность технической и педагогической интеллигенции. Ряд лет финансировались работы по созданию письменности коми, саамов, ненцев, карелов.

Вместе с тем мы должны учитывать, что большинство городского населения на севере составляли вчерашние крестьяне. Мигранты существенно влияли на образ жизни, стереотипы поведения в городских поселениях. Нельзя не учитывать также лагерный компонент: многие города вырастали из поселков, основанных гулаговскими властями. Огромная численность лагерного населения серьезно повлияла на менталитет горожан. Трагическим фактом является то, что в крае, где не хватало специалистов, длительное время находилась элита российской интеллигенции, но, к сожалению, ее интеллектуальный и духовный потенциал использовался варварски.

Т.Н. Жуковская: О «петербургоцентричности» северной интеллигенции

Проблема специфики формирования региональной интеллигенции на Русском Севере уже затрагивалась. Огромную роль в этом процессе сыграли университет и университетская культура. Все губернии, которые мы территориально относим к Русско-

му Северу, принадлежали к Петербургскому учебному округу. Проследив, какова была степень влияния, можно сказать, контроля над школьной политикой на местах со стороны университета, мы увидим, что на этой территории не просто оседали приехавшие выпускники университета, обязанные отработать в роли народных учителей некоторое количество лет, но контроль университета доходил и до уровня начальных школ. Далеко не каждый учебный округ и не каждый университетский центр имел такую огромную подведомственную территорию и можно предположить, что влияние московского университета кончалось где-то в Тамбовской губ., а вот на Русском Севере университетское влияние равномерно охватывало все территории. Я бы сказала вообще о «петербургоцентричности» интеллигенции Русского Севера (уверенно можно говорить об этом применительно к Олонецкой губ.), именно в силу очень раннего и явного влияния университета на эту территорию, потому что выпускники столичного университета, отработав в северных губерниях, возвращались в Петербург, их дети поступали в Петербургский университет, они пополняли ряды Академии наук, университетских профессоров. Имела место двусторонняя связь.

Ю. А. Савватеев: Что привлекает на Север интеллигенцию?

Тем затронуто уже много. Одна из них, самая привлекательная для меня, – движение «умов», талантов на Европейский Север и с Севера. Был отток, талантливые люди уезжали. Но был и приток – приезжали и до конца жизни оставались здесь. Что их привлекло на Севере? Видимо, сама природа, культура, наконец, возможность самовыражения. Тема требует специальных исследований.

О.И. Кулагин: С позиции ментальной географии

Не стоит всегда настаивать на уникальности Русского Севера. Интересно было бы посмотреть на эту проблему с позиции так называемой ментальной географии, имея в виду понятия «русский», «северянин», и сравнить их, скажем, с «сибиряками». Много сегодня было сказано по поводу административных границ, приведено достаточно размышлений о том, что же считать Русским Севером, Европейским Севером России. Эта игра с территориальными понятиями мне кажется отражением различных взглядов на проблему у разных историков, в том числе региональных, которые тяготеют прежде всего к созданию некой уникальности своего региона. В то же время эту уникальность, как представляется, нужно пытаться исследовать в контексте других окраинных территорий и рассматривать в сравнительно-историческом ключе.

Ю. Корпела: Реальное и воображаемое в истории

В связи с развернувшейся дискуссией я хотел бы сказать несколько слов относительно концепта «Карелия». С моей точки зрения, это культурное и политическое понятие создано эпохой национального романтизма и историками XIX столетия. Оно использовалось российскими и финскими политическими деятелями в их собственных целях при формировании современной, как финской, так и русской идентичности. Национальные историографии были призваны создавать великолепное прошлое для своих народов. Но все их ссылки на особенности средневековых карелов не верны. Не было тогда никакой карельской этнической идентичности. Средневековые источники просто ничего не говорят об этом. Следовательно, Карелия для финнов – только часть их национального воображения.

А.М. Пашков: Известный консерватизм все-таки налицо

Говоря в целом об особенностях культуры Европейского Севера России, хотел бы отметить несколько моментов. Об одном из них уже говорили. Это более высокая степень личной свободы северян: и отсутствие крепостного права, и наличие, например, у

мурманских и архангельских моряков возможности и в советское время, в период «железного занавеса», регулярно выезжать за границу. Иначе говоря, Север всегда отличался более высокой степенью личной свободы, и оборотной стороной этого был более высокий уровень предприимчивости, северяне очень активно торговали, активно занимались промыслами, в советское время самые предприимчивые люди со всего Союза ехали на Север за «поляркой» (повышенной оплатой), и в этом тоже заключался один из немаловажных резервов развития региона.

Очень важная черта: влияние на культуру Русского Севера межэтнических контактов. Посмотрим на территорию Европейского Севера России: центр – русский, но на периферии – карелы, саамы, ненцы, коми. И это тоже способствовало развитию культуры, потому что там, где происходят активные межэтнические контакты, там более высокий уровень этнического самосознания. Вот пример. Лучшие образцы русского фольклора – русские былины – впервые были найдены в Заонежье, в Карелии. А лучшие образцы финского фольклора, руны, тоже найдены в Карелии, в Вуокканиеми (Вокнаволоке). Но почему же не в самой Финляндии? И почему не в Центральной России, не в Новгороде, не в Киеве сохранились русские былины, а на периферии славянского мира, здесь на Севере, в Заонежье и на Печоре? Мне кажется, во многом это связано с тем, что обостренное этническое самосознание заставляло более внимательно относиться к таким произведениям. Между Кижами, где записывал былины П.Н. Рыбников, и Вокнаволоком, где записывал руны Э. Леннрот, по карте не больше 400 км!

И еще одно наблюдение. Мне все-таки кажется, что для культуры Севера характерен известный консерватизм, в том числе консерватизм политический. Еще в Смутное время Русь раскололась: уезды, что южней Москвы, поддерживали самозванцев, а северные уезды – законного царя. Это-то и было, проявлением лояльности законной власти, некоего консерватизма. И в Гражданскую войну на Севере тоже было очень активным Белое движение, которое продержалось фактически полтора года. И это было результатом определенной поддержки со стороны местного населения.

В заключение нашего «круглого стола» хотелось бы услышать мнения членов редколлегии журнала «Российская история».

С.С. Секиринский: «Круглый стол» как способ восполнения недостатка общей рефлексии

Недавно на заседании нашей редколлегии обсуждался вопрос о том, каким быть журналу, намечались перспективы его развития. Одна из плодотворных тенденций – это, безусловно, расширение контактов с зарубежными исследователями, публикация их материалов, откликов на их издания, вообще большее внимание к тому, что происходит в мировом россиеведении. А с другой стороны, – обращение в глубь России, к ее окраинам, поскольку журнал не станет авторитетным изданием ни у нас в стране, ни за рубежом, если не будет представлять отечественное россиеведение во всех его аспектах, и не только в столичном варианте, но и в региональном измерении.

Нужно также понимать, что подготавливаемый нами номер по Русскому Северу не закрывает эту тему для журнала, а наоборот, открывает перспективы дальнейшего сотрудничества с исследователями истории Европейского Севера России. Конечно, проблема состоит в том, что преобладающая часть полученных нами материалов – это конкретные разработки конкретных сюжетов. Недостает общей рефлексии. Но один из способов преодоления этого дефицита – сегодняшний «круглый стол».

А.П. Корелин: Выход из тупика?

Прежде всего, я думаю, что задача журнала – отражать состояние разработки отечественной истории. И другая не менее важная задача – намечать проблемы, по которым мы должны дальше работать. Никто не отрицает важности представления региональной проблематики в журнале. Но есть опасность свести все к краеведению, к из-

мельчанию проблематики. В то же время при разработке самых крупных проблем очень важно учитывать региональное многообразие нашей истории. Вот смотрите, у нас когда-то бытовало представление о том, что царская Россия – полуколония. А сейчас новая тенденция в изучении экономической истории старой России: выходит, что страна в целом развивалась бурными темпами, никаких проблем перед ней не стояло, просто был совершен насильственный переворот, связанный с деятельностью радикалов и т.д. Но если посмотреть, как складывалась ситуация, скажем, на Юге России, в Центре, или на Севере – то результаты наблюдений будут очень разными, и поэтому говорить о том, что все обстояло хорошо, едва ли станет возможно. Поэтому, берясь за разработку региональной тематики, нужно ставить ее в контекст общероссийского исторического процесса. Тогда мы получим более полное представление о нашей истории. Думаю, попытка представить историю России именно в региональном измерении, послужит преодолению той тупиковой ситуации, которая у нас сложилась в осмыслении отечественной истории.

А.Е. Иванов: Культура и государственность

Мне кажется, что на страницах тематического номера, посвященного судьбам Европейского Севера в контексте российской истории, важное место займет проблематика, связанная с культурным развитием региона. В частности, у нас есть возможность показать роль образования в культурной интеграции Русского Севера и всей России и даже в укреплении в этом регионе территориального каркаса Российского государства.

А. В. Голубев: Резервы региональной науки

Наша историческая наука в последние десятилетия переживает своеобразную эпоху раздробленности. Негативные последствия этого нам всем прекрасно известны (недостаток связей, информации, знакомства с литературой и так далее, и тому подобное), но, как и любая раздробленность, эта имеет определенные плюсы. В частности, в последние годы формируется ряд крупных, с высоким научным уровнем региональных центров, плодотворно занимающихся историей, и всеобщей, и отечественной. Прежде всего это происходит там, где смогли найти свой подход, свою специфику, необязательно краеведческую.

Думаю, необходимо это максимально учитывать при работе нашего журнала. И если этот выпуск получится – а и редколлегия, и авторы будут стараться, чтобы получился, – то такая практика будет продолжаться и в дальнейшем.

Кроме того, мне представляется, что тематические номера могут быть не обязательно региональными, но и проблемными. Не исключено, что один из следующих номеров 2010 г. будет посвящен проблемам взаимовосприятия России и мира. И всем, чьи научные интересы связаны с этими сюжетами, я предлагаю учитывать перспективу появления такого номера, знакомить редакцию со своими предложениями на этот счет.

И последнее. Независимо от наших тематических номеров, региональных или проблемных – мне в очередной раз хочется призвать (на каждой конференции, где бываю, я стараюсь это делать): уважаемые коллеги, сотрудничайте активнее с нашим журналом!

Материал подготовили
А.М. Пашков и С.С. Секиринский

© 2009 г. П. В. ФЕДОРОВ*

СЕВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Распад СССР, подтолкнув многие регионы к поиску своего места в новом геополитическом и геоэкономическом пространстве, сильно отразился и на историческом знании. Местная историко-научная среда, обретя свободу и независимость от центра, нередко пытается сегодня выявить разные типы и модели провинцианализма как фактора социального и культурного развития. В последнее время в регионах появился целый поток литературы разного качества, от интересных попыток концептуализации местной истории до откровенно шарлатанских опусов нового поколения краеведов. При всех видимых признаках переходного периода нельзя не признать, что эта ситуация во многом порождена господствовавшим в отечественной историографии с момента ее рождения «столицецентризмом», позволявшим рассматривать местную историю всего лишь как иллюстрацию общей схемы. Отчасти ответственность за это лежит и на родившемся в провинции краеведении, которое, при всех своих культурных заслугах, в силу врожденной претензии на «приземленную» обособленность, в дореволюционный период так и не смогло составить реальной конкуренции национальной историографии. В советское же время в историческую среду прочно внедрилось неофициальное деление историков на «ученых» и «краеведов», что вызвало в целом пессимистическое отношение к возможностям местной истории.

Вместе с тем прозвучавшие в 1990-е гг. заявления известных исследователей, что «историография находится в глубоком кризисе»[1] (В.П. Данилов), что «работа по синтезированию знаний и выявлению глубинных течений, определяющих историю, еще не сделана»[2] (В.П. Дмитренко), наводят на мысль, что для концептуального осмысления российской истории одинаково ущербны как «столицецентризм», так и «регионоцентризм». Необъятные просторы России и ее глубокие традиции государственности предопределяют продуктивность познания российской истории только через комплексное и всестороннее изучение пространства, причем, таким образом, чтобы за централизованным единством не потерять местного своеобразия и, наоборот, чтобы мозаикой пространственных концепций не заслонить стратегические стволы государственности. Отсюда, все явственней проступает новая направленность исторической методологии – от хронологии к топологии.

Очевидно, что эта работа возможна лишь с привлечением местной источниковой базы и при условии подключения региональных научных сообществ. Этот процесс уже идет, отражением чего стало, в частности, появление в последнее время термина «историческое регионоведение», призванного придать статус тем новым тенденциям в науке, которые, правда, многими еще воспринимаются как часть обычной краеведческой работы. В высших учебных заведениях появились кафедры и научно-исследовательские лаборатории исторического регионоведения. Осенью 2007 г. в Санкт-Петербург-

* **Федоров Павел Викторович,** кандидат исторических наук, доцент Мурманского государственного педагогического университета.

ском государственном университете прошел первый съезд историков-регионоведов. И хотя методология «пространственного подхода» в большей степени разрабатывается в контексте культурологии и политологии, нежели истории[3], появился ряд теоретических трудов, а также справочных изданий, отражающих всю сложность и неоднозначность развития российского пространства[4].

Не стал исключением и Европейский Север. Исследователи Архангельска, Петрозаводска, Сыктывкара и Мурманска активно заняты изучением формировавшегося на протяжении нескольких столетий северного вектора российской стратегии. При всем важном воздействии, которое Север оказал на российскую государственность в самый ранний период ее становления и в последующее время, он не смог соответствующим образом закрепиться в национальном политически ангажированном сознании, которое со временем все больше «сползало» от варягов на юг, к имперству и державности, в результате чего в основу первой русской национальной доктрины легла духовная связь с Византией, превратив в северный оплот христианского мира Москву как «третий Рим». При Петре I вновь возникшее стремление к исконным северным пространствам застряло на Балтике, закрепив образ «севера» за Санкт-Петербургом. С этого момента меридиональные поиски сменяются широтными, и некогда бесцветные для русского самосознания Европа и Азия становятся основанием для новых измерений географической и политической целостности[5]. Какие бы толки не вызывала проблема соотносимости европейского и азиатского пространств в российском феномене – западнические или славянофильские – граница между Севером и Югом не приобрела в России такого же значения, как, скажем, в Америке; гораздо больший интерес среди политически настроенной интеллигенции стал вызывать поиск рубежа, разделяющего Европу и Азию. Широтная дилемма «Запад-Восток» настолько глубоко была усвоена российским политическим менталитетом, что привело к попыткам распространить ее даже на издревле нерасчлененное северное пространство[6], сказавшись на восприятии Севера как периферии, неких континентальных задворок. Понятие «север» начинает поглощаться понятием «северо-запад»[7].

Традиция связывать историю России с одной лишь доминантой континентальной преимущественности, при игнорировании океанического влияния, прочно утвердилась в исторической и политологической литературе. Для С.М. Соловьева, например, текущие на восток или юго-восток реки обусловили и «преимущественное распространение русской государственной области в означенную сторону», и Санкт-Петербург приобрел значение, потому что он был основан «при начале великого водного пути, соединяющего и теперь Европу с Азией»[8]. А для В.О. Ключевского «история России есть история страны, которая колонизуется… в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее за Каспийское море, особенно за Урал в Сибирь, до берегов Тихого океана»[9]. К югу от Русской равнины Ключевский наблюдает «азиатский клин, вдвинутый в европейский материк и тесно связанный с Азией исторически и климатически»[10].

Даже в творчестве приверженцев евразийства, пытавшихся совместить широтность и меридиональность, первая взяла верх над второй: четырехполосное видение пространства России, в котором одна из полос отдавалась Северу[11], соседствовало у них с заявлениями о преобладающей роли «азиатского элемента»[12].

Некоторый интерес к меридиональному прочтению российского феномена проявился в конце XIX в., на волне возросших разочарований в европейском идеале, когда появилась панконтинентальная идея, настраивавшая на изменение геополитических акцентов в ближайшем будущем – из Европы в Америку. Известный философ Н.Ф. Федоров считал, что европейская угроза, надвигающаяся на Россию, может быть преодолена только за счет дистанцирования от Европы путем строительства проходящей через Россию трансконтинентальной железной дороги из Австралии и Африки в Америку, способной изменить профиль мира и стать «дорогой от 3-го Рима к 3-му Карфагену»[13]. По его мнению, это привело бы к смещению интересов России на Север, где на Мурманском побережье Федоров предлагал основать «временную столицу» государства, которая, заменив собой Санкт-Петербург, освободит Россию от западного влияния[14]. В то же

время среди российской интеллигенции проявлялось сочувствие к северной ориентации: Север начал представляться то арктическим «фасадом» России (С.О. Макаров[15]), то цитаделью крейсерского океанского флота (А.Е. Конкевич[16]) и т.д. Но все эти идеи так и не получили исторического объяснения.

В традиционной отечественной историографии показано, что пространственная стратегия России как единого государства начинала развиваться в рамках трех направлений – балтийского, черноморского, а затем и дальневосточного. Имея довольно неудобные выходы в Мировой океан, Россия стремилась к овладению средиземноморскими проливами, но, почувствовав свою слабость, устремилась к Тихому океану. Можно представить стрелку стратегического вектора, которая движется то с запада на юг и Дальний Восток, то в обратном направлении. Однако северная приморская окраина, как правило, выпадает и из поля зрения исследователей стратегической политики[17]. Наиболее точно выразил создавшееся положение современный исследователь геополитики Л.Г. Ивашов: «Как на протяжении многовековой истории, так и сегодня основными векторами геополитического развития России были и остаются западный (европейское направление), восточный (Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион), южный (Кавказ, Ближний и Средний Восток). Именно на этих направлениях российскому руководству необходимо активно концентрировать ресурсы государства»[18].

Считается, что Русский Север, некогда открывший для России путь к морю, не смог выдержать конкуренции с Балтикой и после Северной войны постепенно пришел в упадок. Сам термин «Северная война» свидетельствует о том, что образ стратегического «севера» России надолго закрепился за Балтийским морем. Для обширного северного края это означало полное забвение его роли в процессе становления и развития российской государственности, что весьма точно репрезентируется в современных вузовских учебниках по истории России. Так, например, в учебном пособии А.П. Деревянко и Н.А. Шабельниковой Европейский Север и его местности в хронологическом промежутке с древнейших времен до начала XXI в. упоминаются всего 7 раз, да и то мимоходом[19]. А в учебном пособии коллектива авторов под руководством Я.А. Перехова – вообще не упоминается[20]. И это не исключение, а отражение общей на сегодняшний день картины.

На концептуальное видение российской историографии могло повлиять то обстоятельство, что на Крайнем Севере не происходило локальных войн, как на Балтике, Черном море или Дальнем Востоке. Европейский Север вошел в состав Российского государства в результате мирной колонизации, остановившейся в XVI в. на побережье Баренцева моря. Существенным препятствием этому движению стала разве что природно-географическая экстремальность, далеко не сразу позволившая государству воспользоваться даже уникальными стратегическими преимуществами Баренцева моря (его открытостью и незамерзаемостью), которые Россия так долго и безуспешно пыталась обрести на других направлениях. Северный вектор пробивался медленно, но импульсивно. Это происходило в силу объективного геополитического процесса, который, по словам К. Хаусхофера, сопровождался «давлением границ и тесностью пространства... задыхающейся в тисках Внутренней Европы»[21]. Изучение этих северных рефлексий, появлявшихся в периоды возникновения у Российского государства непреодолимой или мешающей слабости на «Юге», крайне важно для придания панораме истории целостности.

Не случайно поэтому современные исследователи истории Европейского Севера идут дальше советской историографии, представлявшей северную стратегию преимущественно с точки зрения развития производительных сил[22] и зарубежной историографии, традиционно интересовавшейся лишь политическими и военно-стратегическими аспектами иностранного присутствия на Русском Севере в период интервенции и во время Второй мировой войны[23]. Сейчас в региональной историографии все больше используется подход, рассматривающий переплетение и взаимодействие различных фак-

торов, как внутренних, так и внешних, что облегчает реконструкцию стратегических связей в длительной исторической перспективе.

Значительным событием в научной жизни стал выход 5-томного труда В.Н. Булатова «Русский Север»[24]. Автор показывает, какую специфическую миссию сыграл Север в начальный период становления российской государственности, когда она страдала от международной изоляции в своих традиционных контактных зонах. Казанское ханство препятствовало русской колонизации на восток, равно как скандинавские и прибалтийские государства контролировали кратчайшие морские пути в Западную Европу. Булатов считает, что только благодаря своему «северному окну» Московия смогла, с одной стороны, начать освоение зауральских пространств, а с другой – установить и поддерживать регулярные морские связи с Западной Европой. Причем заделом для этого послужили не только территория Русского Севера в качестве некоего стратегического плацдарма, но и живущее там население, длительное время развивавшееся вне государственной опеки, не знавшее татаро-монгольского ига и крепостного права, а потому выработавшее в себе все те качества, которые помогли ему в дальних походах «встречь Солнца» и в плаваниях по Ледовитому океану, а также в развитии коммерческих и судостроительных навыков.

Московское правительство прекрасно осознавало значение своей северной окраины. Не случайно поэтому, будучи вовлеченным с 1580-х гг. в территориальный спор с Данией по поводу принадлежности лапландских земель, активно отстаивало свои интересы посредством дипломатии, созданием военного укрепления в Коле, приобщением лопарей к русской вере и содействием монастырской колонизации спорных районов. Результатом этой борьбы стало упразднение существовавшего с XIII в. двоеданничества лопарей и проведение к 1623 г. рубежа, закрепившего Кольский полуостров за Русским государством. Все эти вопросы также оказываются в центре внимания исследователей[25], правомерно вызывая дискуссии[26].

Современная отечественная историография в основном унаследовала старый тезис о том, что «получив "окно в Европу", пробитое на берегах Балтики, Россия, естественно, в значительной мере утратила интерес к той "форточке" на берегах Белого моря, которой являлся Архангельск»[27], с той лишь разницей, что все больше исследователей начинают видеть в этом не столько объективную закономерность, сколько результат сознательной политики Петра I, направленной на удушение канала беломорской торговли в пользу балтийского[28]. В.Н. Булатов видел в этом своеобразную жертву Русского Севера во благо становления «молодой России как мировой державы»[29]. Н.М. Теребихин, развивая суждение, высказанное в свое время Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским, отмечает и ту помощь, которую Архангельск, в силу своей сакральной связи с Москвой и Новгородом (через образы Михаила Архангела и Спасо-Преображения), оказал в монтаже оснований новой культуры в качестве символического прообраза и одновременно антипода Санкт-Петербурга[30].

Постепенно начинает переоцениваться и стратегическая миссия Севера в имперский период. Распространенному мнению о том, что северной окраине России не нашлось места в системе приоритетов, ориентированной к берегам Балтики и на Юг, современные исследователи противопоставляют убедительные факты о сохранении за Севером тактической роли. Так, превращение Поморского края в периферийный плацдарм российско-шведского противостояния 1700-1721 гг. отражено в публикации массива документов[31]. В исследовании В.А. Пальмина показано, что создание в Архангельске крупнейшего в России центра военного кораблестроения началось в 1694 г., т.е. за два года до указа Боярской думы о строительстве в Воронеже кораблей для Азовского флота. По его данным, в 1734-1862 гг. со стапелей Архангельского адмиралтейства сошло 225 парусных линейных кораблей и фрегатов, что составило 60% от всего числа построенных для Балтийского флота парусных военных судов указанных классов[32]. Свертывание же этой деятельности в 1862 г. связывается с начавшимся переходом в строительстве военных судов от парусно-деревянных к броненосным.

Большой интерес исследователи традиционно проявляют к истории обороны Русского Севера в годы Крымской войны. По этой теме подготовлена детальная хроника событий[33], выпущен сборник документов[34]. В 1854–1855 гг. северная окраина превратилась в удаленный плацдарм Крыма: местному населению приходилось принимать удары неприятеля и испытывать все тяготы военного времени. Современным исследователям удалось заметно расширить имевшиеся представления о действиях англо-французской эскадры в Белом и Баренцевом морях. Благодаря укреплению Архангельского порта, английские и французские военные суда не рискнули углубиться в устья Северной Двины, ограничившись лишь блокадой беломорских портов. В то же время сожжение ими города Колы и ряда поморских селений, жители которых предпочли принять неравный бой, произошло, по мнению Р.А. Давыдова и Г.П. Попова, в результате объективной невозможности организовать «эффективную оборону всего морского побережья»[35]. И.Ф. Ушаков объяснял это общими подходами политики царского правительства. Он показал, что если в годы Северной войны в Колу поступило оружие нового образца, стены и башни Кольского острога были перестроены и укреплены, а в самом городе находился пятисотенный гарнизон стрельцов и артиллерийская команда, то «теперь царское правительство смотрело на Кольский полуостров как на территорию, не имеющую ценности для государства»[36].

Несмотря на снижение военно-стратегической привлекательности северной окраины, она не выпала полностью из системы государственных интересов. Современная историография, рассматривая мероприятия царского правительства второй половины XIX – начала XX в. по заселению Мурманского берега, склонна видеть в них не столько эпизодические действия, сколько постепенно фокусирующийся политический курс, связанный как с ростом региональных потребностей Севера, так и с общим вызовом модернизации[37]. Одним из его специфических механизмов стал, в частности, феномен «открытых границ», содействующий переселению на Мурманский берег норвежцев и финляндцев в качестве образца и стимула для русской колонизации. Исследователи отмечают определенные сдвиги в развитии экономики и инфраструктуры побережья Баренцева моря, произошедшие благодаря колонизационным мероприятиям. К ним относятся: возникновение новых поселений (колоний) и торговых факторий, организация пароходного сообщения, строительство больниц, проведение телеграфной связи[38]. При этом воздействие колонизации на последующее развитие Мурмана оценивается неодинаково. Одни считают ее более-менее самостоятельным эпизодом в развитии края до начала Первой мировой войны[39], другие пытаются найти преемственность между колонизацией довоенного периода и последующими опытами освоения, вплоть до советских[40].

По-новому начинает оцениваться и место Севера в политике Российской империи последних месяцев ее существования, когда на Кольский Север была проведена железная дорога, а в Северном Ледовитом океане появились регулярные военно-морские силы России. В 1914 г., с закрытием средиземноморских и датских проливов, Россия вынужденно поворачивает на Север, о чем еще в конце XIX в. предупреждал С.Ю. Витте. Он предложил соорудить крупную военно-морскую базу на незамерзающем Мурманском побережье, откуда открывается прямой выход в океан[41].

Традиционно считалось, что мурманский коридор, так и не успев вступить в строй, не оказал на ход военных действий никакого воздействия. Поэтому М.А. Анфимов назвал строительство этой самой северной в мире дороги «еще одним преступлением царя Николая II», перенапрягавшего «силы народа, и без того изнывавшего под гнетом войны, страдавшего от голода и разрухи»[42]. Н.Н. Головин также считал, что если бы Мурманская дорога «и была своевременно закончена, потребовалось бы еще много времени для оборудования порта»[43]. Сейчас эта точка зрения фактически опровергнута А.Б. Смирновым. Он считает, что, поскольку в 1917 г. 80% всех направляемых в Россию грузов приходились на морские порты Архангельской губ. (60% – на Архангельск, 20% – на Мурманск), то они «стали решать общегосударственные задачи», а строительство Мурманской железной дороги «позволило круглогодично доставлять в страну за-

купаемое вооружение, не опасаясь закрытия Архангельского порта из-за сложной ледовой обстановки»[44]. В связи с этим в исторические исследования вернулся термин, некогда присвоенный Мурманской железной дороге западной прессой, – «Вторые Дарданеллы».

Все большее признание находит мысль о существующей взаимосвязи между возросшим геополитическим и стратегическим статусом северной окраины в последние месяцы существования Российской империи и той ролью, которую Север сыграл в годы Гражданской войны и интервенции. Проблемы, связанные с этим драматическим периодом нашей истории, изучаются, как и в советское время, наиболее интенсивно. За последние 15 лет революционному процессу на Европейском Севере было посвящено несколько сборников документов[45], около десятка монографий[46], а также ряд научных конференций и коллективных проектов[47].

Преодолена бытовавшая в советское время классовая трактовка развернувшегося на Севере политического противоборства. Происходившие здесь процессы рассматриваются ныне в контексте целого комплекса международных, социально-политических, экономических и культурных факторов, тесно переплетающихся между собой в свойственной только Северу комбинации. Решающая роль в генезисе северного очага антибольшевистского движения отдается Антанте, причем, не только с точки зрения поддержки ею антибольшевистских сил и перерастания борьбы в вооруженную форму, но и в плане воздействия на международный климат после заключения Брестского мира. Так, например, находит признание идея об альтернативности внешней политики Советского правительства, функционировавшей в виде двух соперничавших между собой систем – Мурманской (с большей ориентацией на бывших союзников по Антанте) и Брестской (с ориентацией и следованием «в кильватере» Германии)[48].

В центре внимания исследователей оказывается сегодня и место северной окраины в стратегии фронтов белых, связанной с попытками их взаимодействия с востока и запада через север[49]. По мнению В.И. Голдина, переломным моментом и началом краха стала осень 1919 г., когда «Северный фронт колоссально растянулся и удерживать его было непосильно имеющимися людскими и материальными ресурсами», а крупные успехи белых армий совпали по времени с начавшейся эвакуацией стран Антанты с Русского Севера[50]. Современная историография видит взаимосвязь между падением северного оплота антибольшевизма, выделявшегося на фоне остальной России устойчивым стремлением совместить военную государственность с демократическими элементами, и его неспособностью превратиться в связующее звено разрозненного белого движения.

Немалый интерес продолжает вызывать и эпоха «великого перелома» 1920–1930-х гг. в судьбе северных регионов. Если в советское время внимание историков было приковано преимущественно к проблемам создания ресурсной базы на Крайнем Севере, то теперь исследовательские акценты сместились к процессу становления советской государственности и роли в нем северных регионов. Изучаются судьбы северного регионализма в условиях набирающего силу тоталитарного режима, опыт регионального управления и административно-территориального переустройства, демографическая, национальная и репрессивная политика Советского государства на Севере, роль северной окраины в обеспечении безопасности северо-западных рубежей, международное взаимодействие в северном приграничье[51].

Осмысление этих и других проблем подводит исследователей к идее превращения Европейского Севера в фактор ресурсной безопасности СССР. Получив значительные средства на свое развитие, и, прежде всего, огромный трудовой резерв заключенных и спецпереселенцев, давших во всех регионах Европейского Севера весомую часть прироста населения[52], северные регионы, вместе с тем, вынуждены были распрощаться с идеями региональной самостоятельности, подпав под жесткий контроль центра. Следствием этого стала реорганизация северного пространства, приведшая к разделению Европейского Севера на два административно-ресурсных образования, один из которых подчинялся Архангельску, другой (Мурманский округ) – Ленинграду[53].

Что касается Карелии, не только сохранившей, но и повысившей свой административно-территориальный статус (превращением в марте 1940 г. в союзную республику), то в современной литературе этому даются различные объяснения: от признания этого акта профилактической и предупредительной мерой, направленной на сдерживание финской агрессии[54], до рассмотрения его в качестве подготовительного шага СССР к взятию реванша за неудачи в советско-финляндской войне[55]. Ю.М. Килин считает, что, поскольку советское руководство опасалось развязывания войны на территории Карелии и ее оккупации, это привело фактически к срыву полномасштабной индустриализации в республике[56]. Главной карельской стройкой в начале 1930-х гг. стал Беломорско-Балтийский канал, призванный обеспечивать «долгосрочные военно-стратегические интересы советского государства» в предоставлении прямого морского сообщения между Европейской частью СССР и Дальним Востоком (по Северному морскому пути). Однако поскольку построенный объект по своим техническим параметрам соответствовал проектам XIX в., в современной литературе его действительная стратегическая роль объявляется «ничтожной»[57].

Одной из приоритетных проблем историографии Европейского Севера по-прежнему остается Великая Отечественная война. Сегодня изучаются проблемы, по разным причинам не получившие должного освещения в советский период: стратегические замыслы третьего рейха в Арктике[58], северные конвои и функционирование связанного с ними транспортного коридора[59], партизанское движение и диверсионно-подрывная деятельность спецслужб на Севере[60], повседневная жизнь и менталитет северян в годы войны[61], экономика советского тыла[62], оккупационный режим на территории Карелии[63], освободительная миссия Советской армии в северной Норвегии[64] и др.

Блокирование противником Балтийского и Черного морей снова, как и в годы Первой мировой войны, придало северным коммуникациям стратегическое значение. Длительное время, под влиянием идей Н.А. Вознесенского, военные поставки по ленд-лизу советская историография рассматривала как малозначащую помощь, никак не повлиявшую на исход войны[65]. Сегодня М.Н. Супрун пришел к выводу о «крайне важной роли» северного маршрута на первом этапе войны, в доказательство чего привел следующие цифры: через Архангельск и Мурманск в СССР до июля 1942 г. было завезено 2 314 танков, 1 550 танкеток, 1 903 самолета – «приблизительно столько, сколько находилось в составе всех советских фронтов на начало 1942 г.». Причем, произошедшая с середины 1942 г. переброска основного грузопотока на другие, более безопасные маршруты (персидский, дальневосточный и др.) одновременно сопровождалась его увеличением и поэтому не обернулась снижением объема ввозимых грузов через северный коридор вплоть до самого окончания воины[66].

Значимость северных коммуникаций в военное время побуждает исследователей к изучению их роли на всем историческом пути, от установления первых контактов до создания регулярного судоходства[67]. Несмотря на то, что в новейшей литературе признается неравномерность внимания центра к своим морским бассейнам (прежде всего, в пользу западных и южных морей), авторы констатируют, что морской транспорт Европейского Севера, во многом благодаря «особой политике» государства в Арктике, совершил в XX в. качественный скачок, став инструментом превращения Северного морского пути в регулярно действующую трассу[68].

Под воздействием этих процессов может выявляться подготовленность России к смене геополитических координат во второй половине XX в., приведшей к эволюции и северного пространства, благодаря чему по многим параметрам оно перестало уступать южному. Изобретение атомного оружия и внедрение его на флот заставило пересмотреть всю систему военно-морского базирования страны, что отвечало стратегическим задачам периода глобализации угроз. Северный флот, наряду с Тихоокеанским, превратился в крупнейшее стратегическое военно-морское формирование, боевые единицы которого призваны действовать на огромных пространствах Атлантического и Северного Ледовитого океанов. И хотя с многих источников, позволяющих пролить свет на историю становления и развития атомного флота на Севере, еще не снят гриф

секретности, первые результаты научной рефлексии уже появились[69]. Большую помощь на данном этапе с точки зрения определения проблемного поля и введения важных фактических данных оказывают мемуары непосредственных участников событий[70].

Все большее внимание исследователей привлекает опыт международных отношений на Севере, роль северных территорий в системе межкультурных коммуникаций и меняющихся геополитических координат[71]. Отсюда естественно вытекает стремление рассматривать Север в качестве социокультурной категории, изучать феномен *северности* и «северное измерение» как особый пространственный подход[72].

Современной историографии явно не достает исследований, рассматривающих генезис и функционирование северного вектора в длительной исторической перспективе. Вместе с тем потенциал ученых свидетельствует о значительных перспективах отечественной исторической науки в открытии своих пространственных горизонтов, обещая превращение регионалистики в полноценное направление гуманитарного знания.

Примечания

[1] Музейное дело. Вып. 22. М., 1995. С. 6–7.

[2] Там же. С. 7–10.

[3] См.: *Казанский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001; *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006; *Ивашов Л.Г.* Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. М., 2002; Центр и региональные идентичности в России. СПб., М., 2003; Идентичность и география в постсоветской России: Сб. статей. СПб., 2003.

[4] См., напр.: Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. М., 2000; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. М., 1998; *Ионичев Н.П.* Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). М., 2001; *Зеленева И.В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). СПб., 2005; и др.

[5] *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 277–310.

[6] Это отражено, например, в таких понятиях, как Европейский Север, Евро-Арктический Север и т.д.

[7] Вот и сегодня значительные пространства Русского Севера включены в состав Северо-Западного федерального округа с центром в Санкт-Петербурге.

[8] *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Т. 1–2. М., 1993. С. 17–18.

[9] *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 50.

[10] Там же. С. 65.

[11] *Бассин М.* Указ. соч. С. 297.

[12] *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории. М., 2000. С. 338.

[13] *Федоров Н.Ф.* Сочинения. В 4 т. Т. III. М., 1997. С. 383.

[14] Там же. С. 383–385.

[15] С.О. Макаров и завоевание Арктики. М.; Л., 1943. С. 12.

[16] Русский вестник. 1889. Декабрь. Т. 205. С. 75–85.

[17] См., напр.: *Ивашов Л.Г.* Указ. соч.; *Нурышев Г.Н.* Регионы современной России: геополитические детерминанты. СПб., 2005 и др.

[18] *Ивашов Л.Г.* Указ. соч. С. 171.

[19] *Деревянко А.П., Шабельникова Н.А.* История России. М., 2005.

[20] История России: IX–XXI вв. От Рюрика до Путина: Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2003.

[21] Классика геополитики. XX век. М., 2003. С. 233.

[22] См., напр.: *Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера. М, 1961; *Пятовский В.П.* Преображенный Север. Мурманск, 1974.

[23] См. историографические исследования на эту тему: *Голдин В.И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х –1990-е годы). Архангельск, 2000; *Новикова Л.Г.* Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 142–158; *Супрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои: обзор историографии и источников // Северные конвои. Вып. 4. Архангельск, 2000. С. 4–24.

[24] *Булатов В.Н.* Русский Север. Кн. 1–5. Архангельск, 1997–2001.

[25] Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия: От первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск, 2001. С. 187–190; *Державин В.Л.* Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006; *Федоров П.В.* «Лапландский спор» // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 152–156; *Волков В.* Датская угроза от Юрьева Клима // Родина. 2006. № 11. С. 16.

[26] См.: Вопросы истории. 2007. № 10. С. 169–170.

[27] Петр Первый на Севере. Л., 1973. С. 6.

[28] *Ионичев Н.П.* Указ. соч. С. 119–121.

[29] *Булатов В.Н.* Русский Север. Кн. 3. Архангельск, 1999. С. 250.

[30] *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 108–109.

[31] Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993.

[32] *Пальмин В.А.* История военно-морского кораблестроения на Русском Севере в 1693–1862 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2000. С. 171–174.

[33] *Давыдов Р.А., Попов Г.П.* Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: Хроника событий. Екатеринбург, 2005.

[34] Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 4 (43) («Оборона Колы в 1854 году»).

[35] *Давыдов Р.А., Попов Г.П.* Оборона Русского Севера... С. 161–162.

[36] *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. Мурманск, 1997. С. 247.

[37] *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман: Очерки истории колонизации края XIX – начала XX в. Екатеринбург, 1999; *Попов Г.П.* Губернаторы Русского Севера. Архангельск, 2001; *Шрадер Т.А.* Колонисты на Мурманском побережье // Вестник «Баренц-центра» МГПУ. 2005. № 5. С. 115–122; *Федоров П.В.* Кольский Север в политике Российской империи: региональные векторы и стратегические ориентиры // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2006. № 3. С. 29–35.

[38] *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман... С. 4.

[39] *Ушаков И.Ф.* Кольский Север в досоветское время: Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001. С. 111–112.

[40] *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман... С. 193, 195; *Шрадер Т.А.* Указ. соч.; *Порцель А.К.* Экономическое развитие Кольского полуострова в свете российско-норвежских отношений (1900–1940 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2000.

[41] См.: Либава или Мурман? (Из архива графа С.Ю. Витте) // Прошлое и настоящее. Вып. I. Л., 1924. С. 25–39.

[42] *Анфимов М.А.* Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С. 65.

[43] *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2006. С. 367.

[44] *Смирнов А.Б.* Морские порты Архангельской губернии в политике Российского государства в годы Первой мировой войны. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003. С. 16–17, 20.

[45] Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993; Заброшенные в небытие: Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников: Мемуары и документы. Архангельск, 1997; Гражданская война на Мурмане глазами ее участников и очевидцев: Сб. док-тов и воспоминаний. Мурманск, 2006.

[46] *Шумилов М.И.* Октябрь, интервенция и Гражданская война на Европейском Севере России (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992; *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993; *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.* Черные годы (Революция и Гражданская война в Коми крае. 1917–1921). Сыктывкар, 2001; *Воронин А.В., Федоров П.В.* Власть и самоуправление: Архангельская губерния в период революции (1917–1920). Мурманск, 2002; *Макаров Н.А.* Николай Васильевич Чайковский. Исторический портрет. Архангельск, 2002; *Саблин В.А.* Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002; *Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве Гражданской войны. Архангельск, 2005; *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск, 2007; и др.

[47] Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999; Наука и бизнес на Мурмане. 2002. № 1 (28) («Гражданская война на Русском Севере»); Гражданская война в России: региональные проблемы. Мурманск, 2004; Белый Мурман. Мурманск, 2004; Белая гвардия: Альманах. № 9. М., 2006; и др.

[48] *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне... С. 103–104.

[49] *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л.* Коми край в стратегии Северного и Восточного фронтов белых. Социально-политические и социально-хозяйственные процессы на десоветизированной коми территории. Сыктывкар, 2006; *Голдин В.И, Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Указ. соч. С. 126–142.

[50] *Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Указ. соч. С. 137–138.

[51] *Килин Ю.М.* Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999; *Шубин С.И.* Северный край в истории России: Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. Архангельск, 2000; *Уткин Н.И.* Россия-Финляндия: «карельский вопрос». М., 2003; *Рупасов А., Чистиков А.* Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. СПб., 2007; и др.

[52] *Буторин М.В., Сметанин А.В.* ГУЛАГ на Севере. Архангельск, 1992; *Морозов Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае, 1929–1956. Сыктывкар, 1997; *Шашков В.Я.* Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000; *Коротаев В.И.* На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е гг. XX века. Архангельск, 2004; *Михайлов Е.И.* Миграционные процессы в истории формирования населения Европейского Севера России в XX веке: Дисс. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2004. С. 71–93; *Киселев А.А.* ГУЛАГ на Мурмане: Репрессии 30–50-х годов XX века на Кольском полуострове. Мурманск, 2008.

[53] *Шубин С.И.* Указ. соч.

[54] *Уткин Н.И.* Указ. соч. С. 330.

[55] *Килин Ю.М.* Указ. соч. С. 216.

[56] Там же. С. 128–139; *Уткин Н.И.* Указ. соч. С. 330.

[57] *Килин Ю.М.* Указ. соч. С. 122–127.

[58] Это направление представлено, правда, только любительскими работами, но и они очерчивают относительно новое для отечественной историографии проблемное поле: *Ковалев С.А., Федоров А.Ф., Злобин В.С.* Арктические тайны третьего рейха. СПб., 2008; *Дулич Д.В.* Канатная дорога на Мурмане: Мифы и реальность. Мурманск, 2008.

[59] *Супрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 гг. М., 1997; Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 1–4. Архангельск; М., 1991–2000; Война в Арктике. Архангельск, 2001.

[60] *Кулагин О.И.* Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы (1941–1944 гг.). Дисс. .... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005; *Веригин С.Г.* Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД (НКГБ) Карелии в тылу финских войск (1941–1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2005. С. 124–141.

[61] *Киселев А.А.* Как жили и сражались мурманчане в войну: менталитет северян в 1941–1945 годах. Мурманск, 2002.

[62] *Сухарев М.И.* Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны. Мурманск, 2003.

[63] *Чумаков Г.В.* Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска в 1941–1944 годах // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2005. С. 142–151.

[64] *Гортер А.А., Гортер В.Т., Супрун М.Н.* Освобождение Восточного Финмарка. 1944–1945. Архангельск; Вадсе, 2005.

[65] *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947. С. 74.

[66] *Супрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои. С. 119, 346–350.

[67] *Булатов В.Н.* Русский Север. Кн. 3–5. Архангельск, 1999–2001; *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Морское судоходство на Русском Севере в XIX – начале XX в. Кн. 1. Екатеринбург; Архангельск, 2001; *Красавцев Л.Б.* Морской транспорт Европейского Севера России (1918–1985): проблемы развития и модернизации. Архангельск, 2003.

[68] *Красавцев Л.Б.* Указ. соч.; *Булатов В.Н.* Особая политика И.В. Сталина в Арктике // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсе, 1996. С. 18–25.

[69] *Костев Г.Г.* Военно-морской флот Советского Союза и России, 1945–2000. М., 2004; *Капитанец И.М.* Битва за Мировой океан в «холодной» и будущей войнах. М., 2002; *Хаврошкин С.В.* Развитие подводных сил Северного флота в послевоенный период // III Ушаковские чтения. Мурманск, 2006. С. 210–219; *Балова М.Б.* Предпосылки и особенности развития военного кораблестроения на Европейском Севере России в 1920–1950-е годы: Дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2001.

[70] *Егоров Г.М.* Фарватерами флотской службы: Записки командующего флотом. М., 1992; *Чернавин В.Н.* Флот в судьбе России.. М., 1993; *Михайловский А.П.* Океанский паритет: Записки командующего флотом. СПб., 2002; *Михайловский А.П.* Цена успеха: Записки командующего флотом. СПб., 2006; *Хмельнов И.Н.* Российский флот. Доблесть и нищета: Записки адмирала. М., 2003; и др.

[71] *Сыченкова Е.В.* Европейский Север России: реалии и перспективы международного сотрудничества. Мурманск, 1999; Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия...; *Булатов В.Н., Шалев А.А.* Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск, 2001; *Синцов А.Г.* Север в системе геополитических координат современной России. М., 2004; *Федоров П.В.* Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова). Мурманск, 2004.

[72] *Теребихин Н.М.* Указ. соч.; Живущие на Севере: вызов экстремальной среде. Мурманск, 2005; Живущие на Севере: образы и реальность. Мурманск, 2006; Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты, 2006; Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север. Апатиты, 2007.

© 2009 г. Т. С. МИНАЕВА*

БЕЛОМОРСКАЯ ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ И ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XVIII веке

В современных условиях формирования рыночных отношений в России, необходимости повышения конкурентоспособности отечественной обрабатывающей промышленности и поиска оптимальных путей интеграции национальной экономики в мировое хозяйство возрастает роль таможенной политики в регулировании внешнеэкономических связей страны, стимулировании развития экономики и стабилизации финансов. Выработка и совершенствование современной таможенной политики невозможны без учета исторического опыта осуществления государством системы экономических, юридических и административных мер, составляющих сущность таможенной политики, без глубокого анализа последствий ее применения для развития регионов и экономики страны в целом.

Российская таможенная политика XVIII в. в отечественной историографии получила преимущественно негативную оценку. В лучшем случае исследователи отмечали сохранение положительного торгового баланса, рост таможенных сборов и отдельные мероприятия, как, например, тариф 1731 г. или отмена внутренних таможенных пошлин. Самым главным недостатком таможенной политики XVIII в. Д.И. Менделеев, П.Б. Струве и В. Витчевский считали ее непостоянство. Колебания таможенного курса от резкого протекционизма 1720-х гг. до фритредерства 1760-х гг. с возвращением на позиции протекционизма в конце XVIII в. мешали развитию промышленности. Интересы последней в таможенно-тарифной политике XVIII в. оставались, по мнению Д.И. Менделеева, на заднем плане, а П.Б.Струве утверждал, что во второй половине столетия российская промышленность развивалась независимо от торгово-политических мероприятий правительства[1].

Историк С.Ф. Огородников в конце XIX в. показал, как было организовано искусственное сокращение торговой деятельности беломорского порта в ходе принятия законодательных мер по поддержанию внешней торговли Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. Автор понимал причины изменений таможенной политики, видел явные преимущества Петербургского порта, но критиковал правительственные распоряжения, не учитывавшие сложившиеся хозяйственные связи внутри страны и интересы русского и иностранного купечества[2].

На протяжении всего XX в. исследователи концентрировали внимание на характеристике российских тарифов, подчеркивали их фискальную направленность, рассматривали их влияние на внешнюю торговлю страны в целом, но не занимались специально изучением вопросов воздействия таможенной политики на какие-либо отрасли промышленности или развитие отдельных регионов. Г.А. Некрасов выделил некоторые особенности таможенной политики России в Прибалтике в первой половине XVIII в. Последствия торговых ограничений, наложенных на Архангельский порт, достаточно подробно показал в своих трудах Н.Н. Репин[3]. В частности он проанализировал изменения внешнеторгового оборота порта после введения повышенного таможенного обложения товаров в Архангельске и подтвердил вывод С.Ф. Огородникова, что данная мера принималась исключительно в интересах новой столицы без учета ее влияния на развитие хозяйственных связей страны. Острой критике подверг российскую таможенную политику XVIII в. Н.М. Блинов. Сравнивая номенклатуру вывоза и ввоза в начале и в конце XVIII в., исследователь отметил, что радикальных изменений во внешней торговле государства за это время не произошло, и заявил, что «торговая и таможенная политика не стимулировала интересы россиян к производству готового товара»[4].

Несмотря на неоднократное обращение к истории таможенной политики России XVIII в. и высказанные в научной литературе различные точки зрения, проблема влияния таможенной политики на развитие промышленности и внешней торговли страны в целом и ее отдельных регионов до сих пор не нашла в полной мере своего отражения в исторических и экономических исследованиях. Обращение к документам Коммерц-коллегии, Мануфактур-коллегии и Комиссии о коммерции Российского государственного архива древних актов, личного фонда Воронцовых архива Санкт-Петербургского Института истории РАН и фондов канцелярии Архангельского губернатора Государственного архива Архангельской области позволяет дополнить и расши-

* **Минаева Татьяна Станиславовна,** кандидат исторических наук, доцент, докторант Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Таблица 1

Внешнеторговая деятельность Архангельского порта

Годы	Количество судов	Внешнеторговый оборот (тыс. руб.)	Таможенный сбор (тыс. руб.)
1721	110	–	173.3
1722	60	–	69.8
1724	22	210.4	20.6
1726	29	321.2	32.2
1727	45	522.2	34.2
1730	38	397	30.8

Составлено по: Архив СПб. ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 572, л. 40 об.; *Огородников С.Ф.* Очерки истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. С. 149; *Репин Н.Н.* От дискриминации к фритредерству: правительственная регламентация торговли через Архангельск в 20–60-е годы XVIII в. и ее результат // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 239.

рить имеющиеся представления о влиянии таможенной политики России на развитие беломорской внешней торговли и хозяйственную жизнь северного региона.

Первые два десятилетия XVIII в. Архангельск сохранял позиции ведущего морского порта России. Победы русского флота в военно-морских сражениях на Балтике и окончание Северной войны открывали перспективы для экономического роста Санкт-Петербурга, но Петр I не хотел ждать постепенных изменений в ходе внешней торговли и законодательным образом ограничил возможности Архангельского порта. Издание сенатского указа от 2 декабря 1721 г., в соответствии с которым в Архангельск могли быть привезены товары только из районов, прилегающих к Северной Двине, и Поморья, повлекло за собой резкое сокращение количества торговых судов, прибывавших в Архангельск, и таможенного дохода порта[5]. Именные указы от 11 и 15 февраля 1724 г. устанавливали дополнительную 25% пошлину в Архангельске по сравнению с Санкт-Петербургом со всех привозных товаров и со всех отпускных, кроме традиционных предметов экспорта, производившихся в Архангельской губ. – леса, смолы, ворвани, рыбы и т.п.[6] После введения указов в действие внешнеторговая деятельность порта уменьшилась примерно в 3 раза (см. табл. 1).

Жалобы купцов, терпевших убытки, и неоправдавшиеся надежды на значительный прирост таможенного дохода после введения тарифа 1724 г. заставили правительство с 1727 г. начать снимать ограничения с Архангельска, что позволило уже до конца 1720-х гг. добиться увеличения торгового оборота порта, несмотря на повышение внутренней пошлины в Архангельске с 5 до 7% .

Во второй половине 1720-х гг. руководство страны признало справедливым мнение представителей российского и иностранного купечества о чрезмерном завышении пошлин в тарифе 1724 г. Уже в 1725 г. изменился принцип наложения пошлин на доски и жерди, отправляемые из Санкт-Петербурга, Нарвы, Выборга и Архангельска. По тарифу была установлена фиксированная сумма платежей от 20 до 50 коп. с определенного количества товара, а по указу от 31 мая 1725 г. вводилась только 6% пошлина с цены товара. Тарифом 1731 г. размер пошлины еще раз сократили до 1.5%[7]. По предложению Комиссии о коммерции в новом тарифе понижалось также обложение смолы и пека с 25 коп. с бочки до 15 коп. с бочки пека и 10 коп. с бочки смолы, что повлияло на размеры российского экспорта. Заграничный отпуск смолы из Архангельского порта увеличился с 16 042 бочек в 1731 г. до 55 429 бочек в 1732 г[8].

По мере роста товарооборота Санкт-Петербурга ликвидировались ограничения Архангельского порта. В 1731 г. с товаров, привозимых в Архангельск, отменили 25% добавочную пошлину[9]. С 1735 г. для поддержания внешней торговли купцов Вятки, Вологды, Устюга, Соли Камской и Вычегодской и для пополнения таможенного сбора Архангельска при привозе товаров из этих городов в Архангельский порт стали собирать 5% вместо 7% пошлину, так как купцы не имели возможности везти свои товары в Санкт-Петербург из-за дальности расстояния и отсутствия водного сообщения, и в Архангельске, кроме того, произошло сокращение торговли из-за повышенного пошлинного обложения[10]. Постепенная ликвидация торговых и пошлинных ограничений Архангельска вызвала 10% прирост внешнеторгового оборота порта в 1740-е гг. по сравнению с предшествующим десятилетием[11]. В то же время сохранявшиеся привилегии Санкт-Петербурга и высокие пошлины на такие товары, как рыбий клей, пенька, веревки продолжали тормозить ход беломорской внешней торговли.

Изменения в области таможенной политики России во второй половине XVIII в. оказали благоприятное воздействие на беломорскую внешнюю торговлю. 23 января 1754 г. сенатским указом отменялся сбор 17 видов внутренних пошлин. Для того чтобы государственный бюджет страны не пострадал, на все экспортные и импортные товары устанавливалась 13% «новоположенная, прибавочная» пошлина[12]. Для Архангельского порта надбавка составляла не 13, а 15 коп. с рубля для товаров, привозимых из прилегавших к порту городов (с 1755 г. – 13 коп.), и 17 коп. – с предметов экспорта, доставлявшихся из отдаленных городов (с 1755 г. – 15 коп.)[13]. Реформа перекладывала уплату ранее существовавших внутренних пошлин и сборов на иностранное купечество, главным образом вывозившее российские товары, и наиболее обеспеченных представителей российского купечества и дворянства, приобретавших товары за границей. Дополнительная надбавка на пошлины в Архангельске обеспечивала сохранение преимуществ столичного порта перед беломорским.

Отмена внутренних пошлин и принятие тарифа 1757 г. благоприятно повлияли на российский экспорт и привели к временному до начала 1760-х гг. сокращению импорта. Так, например, цена отпуска в 1758–1760 гг. по сравнению с 1751–1753 гг. в Архангельске возросла на 42%, а привоз уменьшился на 10%[14].

31 мая 1762 г. для «поправления коммерции» Архангельск уравняли в правах с Санкт-Петербургом. Последний к тому времени уже укрепился как торговый порт, и Архангельск более не являлся для него опасным конкурентом[15]. Расширение европейского рынка и увеличение спроса на российские товары, разрешение свободного вывоза хлеба за границу и отмена дополнительного таможенного обложения товаров в беломорском порту способствовали увеличению торгового оборота Архангельска, который за 1761–1763 гг. вырос в полтора раза[16]. С этого времени и до конца XVIII в. происходило укрепление и качественное изменение беломорской внешней торговли. В число экспортных товаров Архангельска прочно вошел хлеб (рожь, пшеница, мука). Установление 5% пошлины на хлеб по тарифу 1766 г., разрешение беспошлинного отпуска пшеницы в 1766–1781 гг. и сохранение низких тарифных ставок на зерно и муку до конца столетия позволили поднять вывоз хлеба из Архангельска в 1770-х – начале 1780-х гг. до 100–110 четвертей в год[17]. Либеральная по сравнению с первой половиной XVIII в. хлебная политика, увеличение производства зерна в стране и близкое расположение Вятки и Вологды, главных поставщиков ржи, превратили Архангельск в один из главных российских портов по вывозу зерна и муки. По данным Б.Н. Миронова, 33.9% общероссийского вывоза хлеба в 1762–1801 гг. было осуществлено через Архангельск[18].

Сибирское (уральское) полосное, листовое и сортовое железо также стало во второй половине XVIII в. регулярно вывозиться через Архангельск в Англию, Голландию и немецкие государства. Тариф 1766 г. уменьшал отпускную пошлину на полосное железо в Архангельском порту в 2 раза, последующие тарифные изменения сохраняли таможенное обложение на уровне 5%, что давало хорошую возможность наращивать вывоз черного металла за границу и поддерживать архангельский экспорт в размере 100–175 тыс. пудов в год[19].

Медленными темпами, но все-таки набирал обороты экспорт лесопильной продукции по Белому морю. В первой половине 1760-х гг. из Архангельска вывозилось не более 1 тыс. досок. Размер пошлин на пиломатерилы до 1797 г. не превышал 5%, что стимулировало лесную торговлю. С 1782 г. по 1790 г. из Архангельска было вывезено уже 545 705 досок, а в первой половине 1790-х гг. в среднем экспортировалось 210 тыс. досок ежегодно[20]. Устойчивый спрос на пиломатериалы, как внутри страны, так и на внешнем рынке, и благосклонность правительства побуждали не только купцов, но и дворян заводить лесопильные предприятия. Несмотря на неудачу лесозаготовительного предприятия, начатого в 1752 г. в Архангельской губ. графом А.П. Шуваловым и продолженного англичанином В. Гомом, была заложена основа для дальнейшего совершенствования онежского лесопильного производства и деятельности еще одного торгового порта на Белом море.

Развитие кораблестроения и мореплавания, частые войны увеличивали потребности крупнейших европейских держав в продукции смоляного промысла. Во второй половине XVIII в. Архангельск по-прежнему являлся ведущим российским экспортером смолы. После упразднения государственной монополии на продажу смолы за границу и прекращения контракта с последним откупщиком графом С. К. Нарышкиным в 1768 г. экспорт смолы из Архангельска приобрел явную тенденцию к росту, тем более что пошлины по тарифам составляли всего 0.5–1 коп. с пуда (см. табл. 2).

В 1760-х гг. голландцы воспользовались отменой всех ограничений торговой деятельности Архангельского порта и увеличили импорт смолы из России через Белое море. В 1760–1780-х гг. в Голландию из Архангельска отправлялось от 50 до 75% экспорта смолы [21].

Таблица 2

Архангельский экспорт смолы

Годы	Количество бочек
1760–1767	38160
1770–1779	60580
1780–1789	82000
1790–1799	83550

Составлено по: РГАДА, ф. 277, оп. 3, д. 626, 629, 631; ф. 397, оп. 2, д. 7, л. 106 об.; ф. 397, оп. 2, д. 177, л. 16; Взгляд на Беломорскую торговлю в конце XVIII в. // Архангельские губернские ведомости. 1853. № 12; Выдержки из прошедшего и давнопрошедшего // Архангельские губернские ведомости. 1876. № 27; *Небольсин Г.* Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 1. СПб., 1850. С. 326; *Kahan A.* The plow, the hammer and the knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago; L., 1985. P. 260–261.

На увеличение вывоза российской смолы оказало влияние и усиление контроля за качеством смоляных бочек. С 1766 г. по распоряжению архангельского губернатора Е.А. Головцына крестьяне, промышлявшие смолокурением, обязывались ставить свои клейма на бочки. В 1767 г. в Архангельском порту были избраны первые браковщики смолы по одному от русского и иностранного купечества. Они выезжали на места для осмотра бочек, клеймили их или проверяли клейма производителей и уничтожали нестандартные бочки с утолщенным дном и боковыми стенками. Крестьянские сотские обязывались выдавать изготовителям и покупателям бочек для браковщиков при Архангельском порте специальные «объявления» с показанием количества бочек и подтверждением их соответствия стандартам. Количество «фальшивых» бочек после принятия этих мер пошло на убыль. Тем не менее, в 1773 г. глава Коммерц-коллегии А.Р. Воронцов получил известия из Лондона и Амстердама о падении спроса на русскую смолу и уменьшение объемов ее продажи по причине качества товара. Отпуск смолы из Архангельска действительно сократился с 56 962 бочек в 1772 г. до 34 131 бочки в 1773 г. Лондонское адмиралтейство в том году постановило прекратить закупки архангельской смолы до улучшения качества, как самого товара, так и бочек, и решило увеличить поставки из Швеции. В Голландии также не желали покупать российскую смолу при наличии на рынке шведской или соглашались на условиях значительной уступки в цене, так как многие бочки оказывались такими толстыми, что смолы в них помещалось на $^1/_5$ меньше обычного[22].

Коммерц-коллегия потребовала от архангельского губернатора срочно принять меры. Е.А. Головцын разослал в двинские и важские уезды, где производилась смола, ордер с повторением положений указа 1733 г., на основании которого с продавца смолы в утолщенных бочках взыскивали двойную стоимость товара и штраф по 1 руб. за каждую «фальшивую» бочку. Если же виновному было нечем платить, его наказывали «в торговых местах батогами нещадно»[23]. В уезды были также направлены браковщики смолы для уничтожения не соответствующих образцам бочек. Действия архангельской администрации принесли пользу, и в 1776 г. экспорт смолы из Архангельска возрос до 74 884 бочек, а цена на нее поднялась в 3.4 раза[24]. Вывоз архангельской смолы за границу испытывал значительный подъем и в отдельные годы конца XVIII в. Так, например, в 1794 г. он составлял 139 755 бочек, в 1798 г. – 112 806 и в 1799 г. – 116 270[25]. Великобритания в этот период в 1.5 раза увеличила свой импорт смолы из России по сравнению с предыдущим десятилетием в связи с развернувшимися наполеоновскими войнами и борьбой за колонии[26].

Тарифная поддержка сельдяного промысла в отличие от производства смолы не принесла аналогичных результатов. Для выхода на европейский уровень российским производителям не хватило материальных средств, опыта и профессиональных знаний. Приглашение иностранных специалистов также не помогло выйти из затруднительного положения.

Таможенная политика России на протяжении всего XVIII столетия имела целью не только увеличение государственных доходов и защиту отечественного производства от иностранной конкуренции, но и поддержание отечественного торгового мореплавания. Согласно статистическим сведениям, основной объем внешнеторговой деятельности в Архангельском порту во второй половине XVIII в. приходился на российских купцов. Иностранные купцы, находившиеся в Архангельске, часто принимали российское подданство, чтобы пользоваться таможенными льготами россиян[27]. Так, например, в 1780-е гг. российскими подданными стали голландские купцы Фанбрины, Антон Менсендейк, саксонец Вильгельм Блумредер, выходец из Ревеля Петр Гернет и др. В 1797 г. правительство отменило льготное обложение товаров, ввозимых и выво-

Таблица 3

Внешнеторговый оборот Архангельского порта (тыс. руб.)

Годы	1760-е	1770-е	1780-е	1790-е
Привоз	300	320	480	700
Отпуск	680	1440	1610	2570

Составлено по: ГА АО, ф. 1, оп. 1. Т. 8, д. 70, л. 343–344 об.; ф. 1367, оп. 2, д. 142, л. 42–43 об.; д. 964, л. 66–67 об.; д. 1233, л. 57–58 об.; д. 1372, л. 53–54 об.; д. 1640, л. 49–50 об.; *Kahan A.* Op. cit. P. 165, 193.

зимых русскими купцами на отечественных судах, так как тарифные льготы приводили к частым фальсификациям корабельных документов, и скидку в пошлинах в основном использовали иностранцы, записавшиеся в русское подданство.

Купеческое судостроение на Русском Севере во второй половине XVIII в. развивалось достаточно успешно. Так, например, на архангельских верфях в 1777–1778 гг. было построено 95 морских судов для заграничного плавания. Для сравнения отмечу, что в 1774 г. к самому крупному порту страны Санкт-Петербургу было приписано всего 153 купеческих судна. Но, к сожалению, большая часть русских новопостроенных судов продавалась иностранцам, из вышеупомянутых 95 судов 70 перешли в руки купцов из других государств[28]. Отечественные предприниматели в большинстве своем не имели необходимых средств для приобретения морского транспорта, им трудно было найти опытных матросов и хорошего шкипера. Малочисленность отечественных судоводителей вынуждала купцов нанимать слабо квалифицированных иностранцев. С.Ф. Огородников отмечал, что искусные шкиперы были востребованы и за границей, поэтому российским судовладельцам приходилось выбирать «лучших из худших»[29]. В начале 1770-х гг. Комиссия о коммерции и Адмиралтейств-коллегия, анализируя отечественное торговое мореплавание, признали, что иностранные судоводители часто служили причиной беспорядка в управлении кораблями и экипажами, а иногда и виновными в гибели корабля[30]. Многие русские суда, едва сойдя со стапелей верфей, погибали в море. В 1781 г., например, на архангельских верфях было построено 10 кораблей, 5 из них приобрели русские купцы, но 4 новых судна погибли в море в первую же навигацию[31]. Трудности, которые испытывали судовладельцы, заставляли других купцов отказываться от приобретения своего транспорта. Государство оказывало слабую поддержку торговому судостроению и мореплаванию, одних таможенных льгот явно не хватало для увеличения численности российского торгового флота.

Несмотря на отдельные проблемы, внешнеторговый оборот Архангельского порта за вторую половину XVIII в. значительно вырос (см. табл. 3), но, тем не менее, темпы роста внешней торговли Севера России отставали от общероссийских, конкурировать с крупными балтийскими портами Архангельск не мог и сохранил за собой третью позицию в европейской торговле России, уступив Санкт-Петербургу и Риге[32].

Таким образом, в XVIII в. таможенная политика оказала значительное влияние на состояние беломорской внешней торговли. В первой половине столетия дополнительные таможенные пошлины искусственно сдерживали рост международной торговли Архангельского порта. Однако с начала 1760-х гг. таможенная политика не только активно стимулировала расширение производства и вывоз через Архангельск ряда российских товаров, пользовавшихся спросом за рубежом, но и воздействовала на изменение состава экспорта и расширение связей Русского Севера с другими регионами страны. Таможенная политика не всегда достигала поставленных целей, ее результаты зависели не только от последовательного осуществления выбранного таможенного курса, но и от наличия социально-экономических условий в регионе, способствовавших реализации этой политики. Успешное развитие отдельных видов производства и внешней торговли во многом определялось одновременным проведением различных мер таможенной, торговой и промышленной политики. История лесозаготовительного и лесопильного производства, смоляного и рыболовного промыслов, коммерческого судостроения на Русском Севере наглядно доказывает, что таможенная политика может оказаться бессильной в решении экономических задач, если не будет сочетаться с эффективной промышленной и торговой политикой.

Примечания

[1] *Менделеев Д.И.* Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891. // *Менделеев Д.И.* Сочинения. Т. XIX. М.; Л., 1952. С. 202; *Струве П.Б.* Торговая политика России. Челябинск, 2007. С. 71; *Витчевский В.* Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 28.

[2] *Огородников С.Ф.* История Архангельского порта. СПб., 1875; *его же.* Очерки истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.

[3] *Некрасов Г.А.* Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. М., 1984; *Репин Н.Н.* Изменение объема и структуры экспорта Архангельского и Петербургского портов в первой половине XVIII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. М., 1983; *его же.* Торговля России с европейскими странами на отечественных судах (конец XVII – середина 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. Т. 112. М., 1985; *его же.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. Омск, 1989; *его же.* От дискриминации к фритредерству: правительственная регламентация торговли через Архангельск в 20–60-е годы XVIII в. и ее результат // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997.

[4] *Блинов Н.М.* Таможенная политика России X–XX веков. М., 1997. С. 97.

[5] ПСЗ-I. Т. 6. № 3860.

[6] Там же. Т. 7. № 4466, 4475.

[7] Там же. № 4747.

[8] РГАДА, ф. 397, оп. 2, д. 7, л. 107.

[9] ПСЗ-I. Т. 8. № 5821.

[10] *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII века по 1858 г. Ч. 1. СПб., 1859. С. 145–146.

[11] *Репин Н.Н.* От дискриминации к фритредерству... С. 241.

[12] ПСЗ-I. Т. 14. № 10179.

[13] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. Т. 1. Кн. 2. СПб., 1782. С. 194, 202–203.

[14] *Семенов А.* Указ. соч. Ч. III. СПб., 1859. С. 29–30.

[15] ПСЗ-I. Т. 16. № 11630.

[16] Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 1367, оп. 2, д. 142, л. 44.

[17] Там же, ф. 1, оп. 1, т. 8, д. 374, л. 75, 154–156, 203–205, 258–259; ф. 1367, оп. 2, д. 142, л. 244; д. 825, л. 50, 70, 83; *Миронов Б.Н.* Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII – начале XIX в. // Исторические записки. М., 1974. С. 158–159.

[18] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 167.

[19] РГАДА, ф. 277, оп. 3, д. 626, л. 145 об., 175 об.; д. 629, л. 270 об.; д. 631, л. 272 об.; *Небольсин Г.А.* Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 1. СПб., 1850. С. 217; *Веберман Э.* Торговля, судоходство и таможенные сборы Архангельского порта в 1792–1793 гг. Петрозаводск, 1915. С. 29; *Kahan A.* The plow, the hammer and the knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago; L., 1985. P. 260–261.

[20] Архангельские губернские ведомости. 1876. № 27.

[21] РГАДА, ф. 277, оп. 3, д. 626, 629, 631; ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 8, д. 374.

[22] РГАДА, ф. 397, оп. 2, д. 177, л. 1–1 об., 7 об. – 8; ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 11322, л. 10–11.

[23] ПСЗ-I. Т. 9. № 6298.

[24] РГАДА, ф. 397, оп. 2, д. 177, л. 1–1об.; ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 11322, л. 3–10; *Малахов А.* Смолокурный промысел и смольная торговля Архангельской и Вологодской губерний. Архангельск, 1908–1909. С. 39.

[25] *Небольсин Г.А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 326; *Семенов А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 236.

[26] Kustaa Hautala European and American tar in the English market during the eighteenth and early nineteenth centuries. Helsinki, 1963. P. 109.

[27] ГА АО, ф. 1367, оп. 2, д. 1640, л. 4950 об.

[28] Архангельские губернские ведомости. 1876. № 32; *Чулков М.Д.* Указ. соч. Т. 4. Кн. 5. М., 1786. С. 633.

[29] *Огородников С.Ф.* Очерки истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. С. 237.

[30] *Репин Н.Н.* Торговля России с европейскими странами... С. 164.

[31] Архангельские губернские ведомости. 1876. № 32.

[32] *Огородников С.Ф.* Очерки истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. С. 252–253.

© 2009 г. П. В. ЛИЗУНОВ*

АРХАНГЕЛЬСКАЯ КУПЕЧЕСКАЯ БИРЖА В XVIII–XIX веках

Ознакомившись с европейскими торговыми обычаями и институтами во время пребывания за границей в составе Великого посольства, Петр I пожелал распространить в России западный опыт организации коммерции. Получив представление о деятельности Амстердамской и Лондонских бирж, царь решил учредить биржу в своей новой столице. Принято считать, что первая официальная биржа появилась в России одновременно с основанием Петербурга, вторая – в 1796 г. в Одессе, третья – не ранее 1816 г. в Варшаве, а четвертой стала биржа в Москве. Именно в таком

* **Лизунов Павел Владимирович,** доктор исторических наук, доцент Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

порядке традиционно располагаются российские биржи во всех энциклопедиях и справочниках. Однако из дел, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области, следует, что вторая купеческая биржа в России была открыта в Архангельске. Основанием для ее учреждения служила XVIII глава («О биржах или схожих местах») «Регламента, или устава Главного магистрата», изданного 16 января 1721 г. В ней говорилось: «Такожде надлежит в больших приморских и прочих купеческих знатных городах, со временем же в удобных местах..., по примеру иностранных купеческих городов, построить биржи, в которыя б сходилися торговые (люди) граждане для своих торгов и постановления векселей, також и для ведомостей о приходе и отпуске кораблей и коммерции»[1].

Архангельск более других российских городов подходил под обозначенные в Регламенте условия: он был и «приморским», и «купеческим знатным» городом с древними торговыми традициями. Издавна на Беломорском Севере сложились тесные торговые контакты между российскими и иностранными купцами. Основанный еще в 1583–1584 гг., Архангельск в течение всего XVII и начала XVIII вв. являлся главной гаванью России, через которую велась почти вся торговля с европейскими странами. Деловое общение с иноземцами заставляло россиян знакомиться с европейскими торговыми обычаями и применять их на практике. Некоторые из архангельских купцов сами бывали в Европе по торговым делам. В Архангельске постоянно или временно проживало немало иностранных негоциантов и комиссионеров. Поэтому биржевая торговля была здесь для многих вполне обычным явлением. Есть основания полагать, что во время знаменитых ежегодных архангельских ярмарок функционировали купеческие собрания, подобные биржевым (или точнее раннебиржевым). Такими торговыми центрами были Немецкий и Русский гостиные дворы в Архангельске. Здесь уже в XVII в. совершались крупные оптовые покупки и продажи русских и иностранных товаров. Бальтазар Койэтт, посетивший Россию в 1675–1676 гг. с посольством Конрада ван Кленка, отмечал, что в Архангельске все купцы должны были хранить свои товары непременно в гостиных дворах. Только их образчики оставались для ознакомления вне пакгаузов[2]. Наличие образцов или стандартов являлось одним из важных условий биржевой торговли.

В начале своего царствования Петр I относился к Архангельску (единственному тогда порту России) чрезвычайно благосклонно. Он трижды (в 1693, 1694 и 1702 гг.) посетил город, принимал меры к расширению беломорской торговли и строительству на северных верфях торговых кораблей. Известный архангелогородский историк и краевед В.В. Крестинин, ссылаясь на воспоминания местных старожилов, видевших царя, записал, что не раз сам «государь посещал городскую биржу, под званием и в платье голландского корабельщика»[3].

Сохранилось датируемое 1728 г. дело о ссоре, случившейся между голландскими купцами И. Гермезгезеном и Я. ван дер Флитом. В своей челобитной, поданной в Архангелогородскую губернскую канцелярию, Гермезгезен сообщал, что 30 августа 1728 г. он как обычно присутствовал в «порту Архангельском на бирже для торгового промыслу и купечества». Во время собрания ван дер Флит без всякой причины ругал его «неподобной бранью и тем... обесчестил», после чего стал бить тростью, «как бы умышлял умертвить». «При той его наглости», уверял пострадавший, было немало свидетелей из русских и иноземных купцов[4]. Впрочем, через две недели стороны примирились. 16 сентября во время биржевого собрания ван дер Флит при свидетелях («многих купецких людях») просил у Гермезгезена прощения. Истец согласился принять извинения при условии, что ответчик оплатит все издержки по ведению дела[5]. В данном случае не столь важны причины, суть и последствия конфликта. Главное то, что в деле неоднократно упомянуто, что ссора и примирение произошли на бирже, при большом скоплении как российских, так и иностранных купцов. Из челобитной и прошения Гермезгезена явствует, что биржевые собрания в Архангельске были явлением обыденным.

Возможно, под Архангельской биржей в первой половине XVIII в. следует понимать не специальное биржевое здание, а просто «купеческий сход», «торги прямо под открытым небом» или определенное место и время коммерческих собраний в период навигации. Именно такой вид имели многие ранние биржи в Западной Европе. Такой была Петербургская биржа до строительства в 1705 г. первого деревянного здания. Первая российская биржа изначально располагалась на площади, а затем в гостином дворе, где собирались купцы для заключения торговых сделок. Сам гостиный двор в Петербурге в XVIII в. часто именовался «биржевым гостиным двором», «гостиным двором при бирже» или даже «биржевым двором»[6]. Вообще в течение всего XVIII в. под биржей понимали любое помещение или площадь, «где сходятся торговые люди каждого дня своей повинности для торговых дел»[7].

Из-за участия в архангельских ярмарках иностранных и российских купцов-оптовиков сделки были весьма значительными, особенно на хлеб, пеньку, юфть, сало, лен и др. Крупные партии

товаров доставлялись на Архангельскую ярмарку от казны[8]. Часть товарооборота приходилась на долю привилегированной компании кн. А.Д. Меншикова, созданной в 1704 г.[9] Ей принадлежало монопольное право на «промыслы сала ворванного, моржевые и тресковые и иных морских зверей»[10]. Однако основными партнерами иноземных торговцев были русские купцы, съезжавшиеся в Архангельск из разных районов страны. По подсчетам Р.И. Козинцевой, в начале XVIII в. на местной ярмарке торговали купцы из 90 городов, слобод и торговых сел России[11]. Оборот Архангельского порта при Петре I возрос с 850 тыс. руб. в конце XVII в. до 1 485 тыс. руб. в 1710 г.[12] В 1700 г. в Архангельск прибыло 64 иностранных корабля, в 1705 г. их было 143, в 1711 г. – 184, а в 1715 г. – 230[13]. Безусловно, этот период был временем расцвета беломорской торговли и Архангельского порта. С основанием Петербурга и изменением направления внешней торговли начинается постепенный упадок Архангельска, связанный с волевым решением Петра I о приоритете балтийской торговли над беломорской. В 1722 г. в Архангельский порт прибыло только 60 кораблей, в 1723 г. – 40, а в 1724 г. – всего 22 корабля[14]. Лишь в 1762 г., при Петре III, торговые права Петербурга и Архангельска были уравнены [15]. И хотя последний уже не мог вернуть прежнего значения, можно говорить о постепенном возрождении Архангельска как торгового центра. В 1761 г. в его порт вошли 40, а вышли 44 корабля, в 1762 г. – 42 и 48, в 1763 г. – 46 и 55[16].

Возможно, первым присяжным маклером в Архангельске стал купец Гот Гарт Римсиендер, определенный в должность Коммерц-конторой в середине XVIII в. Некоторое время он оставался единственным официальным маклером «для учинения между купечеством в торговых делах договоров и векселям перевода и прочего» при Архангельском порте. Деятельность его признавалась необходимой «по купечеству исправлении, а особливо во время ярмарки»[17]. В марте 1783 г. Коммерц-коллегия назначила «по челобитной... гамбурца Ивана Бреля, который просил об определении его при Архангельском порте присяжным маклером»[18]. Брель с малолетства жил в Архангельске, служил при знатной купеческой конторе, где получил необходимые знания и опыт. 15 иностранных и российских купцов, торгующих при Архангельском порте, дали ему свои рекомендации. В них было засвидетельствовано, что кандидат «состояния доброго и честного, в штрафах и подозрениях никаких не бывал... и ежели де оный Брель при оном порте определен будет действительным присяжным маклером то они его приемлют»[19]. В губернской канцелярии Бреля привели к присяге, обязав исполнять маклерскую должность согласно инструкции Коммерц-коллегии и Главного магистрата (1724 г.). Так, он был обязан «смотрение иметь и старание прилагать, чтоб купечество свое порядочное и свободное течение имело и чрез принуждение препятствовано не было иметь порядочное бракование товара также добрый и правдивый порядок в весах... дабы никакого обмана в купечестве не было»[20].

Через 3 года, в 1786 г., по ходатайству генерал-губернатора Т.И. Тутолмина перед президентом Коммерц-коллегии гр. А.Р. Воронцовым, указом Екатерины II был определен «гоф-маклером с казенной стороны» 50-летний купец И.И. Фюрст, уроженец г. Ранбурга. Он был приведен к присяге «чинить... всякую верность и к казенной прибыли прилежное радение», о чем было сообщено всем должностным лицам и городским присутственным местам[21]. В это же время в Архангельске посреднической деятельностью занималось и несколько русских маклеров (Д. Кусков, Г. Сапожников). В 1791 г. в купеческие маклеры был определен А.Н.Свешников, в 1792 г. – М.И. Пругавин, после смерти в 1797 г. Фюрста, гоф-маклерами были назначены Л.Л. Бекен и Свешников[22]. Как и в Петербурге, в Архангельске большинство биржевых маклеров были иностранцы.

Другим необходимым условием деятельности биржи являлось наличие собственного помещения. В описании торговли в Архангелогородской губ., составленном в 1779 г. для Петербургской Академии наук, упоминалось здание купеческой биржи. Губернская канцелярия сообщала, что в Архангельске торговля ведется «при портовой таможне в гостином немецком дворе и на бирже, состоящей на берегу Двины по правую сторону течения оной, на которой и сей город построен»[23]. Поскольку органов биржевого управления в то время еще не существовало, то не велось и какой-либо документации. Поэтому сейчас сложно судить, что представляла собой старая биржа, располагавшаяся в Немецком гостином дворе. Тем не менее, сохранились некоторые объявления «о выставлении на бирже билетов» для торгующих там купцов с самыми разными коммерческими предложениями о покупках, продажах, поставках, постройке и пр[24]. Это свидетельствует о функционировании купеческой биржи в Архангельске в 1780-х гг.

Придание Архангельской бирже европейского вида связано с именем советника таможенных дел М.Н. Радищева[25]. В октябре 1784 г. он подал записку, в которой указывалось, что «во всех правильно расположенных европейских купеческих приморских городах для собрания купечества ко взаимной между собой торговли и произведения договоров учреждены публичные зда-

ния под названием биржи». Между тем в Архангельске рядом с деревянным домом, где встречались купцы, шла бойкая розничная торговля солью. Постоянный шум «от приходящего для покупки соли всякого состояния и обоих полов многочисленного народа» мешал «торгующему российскому и иностранному купечеству и разных наций корабельщикам..., да и признавается оное за непристойность: ибо во всех приморских торговых городах при биржах наблюдается тишина, спокойствие и безопасность»[26]. В присланном 1 ноября 1785 г. указе Екатерины II Архангельской казенной палате предлагалось перевести розничную торговлю солью в Русский гостиный двор, подальше от биржи[27].

В феврале 1785 г. Немецкий гостиный двор из ведения обер-комендатской канцелярии был передан Архангельской портовой таможне[28]. С этого времени таможня постоянно направляла в Казенную палату рапорты о том, что «на Немецком гостином дворе каменные и деревянные здания во многих местах повредились, кровля обветшала и происходит течь, каменные своды во многих палатах... обрушились... мосты в палатах выломаны». Таким же плачевным было состояние биржи[29]. Поскольку наступало ярмарочное время, и ожидался приход иностранных кораблей с товарами, портовая таможня просила принять меры для исправления многочисленных повреждений.

Казенная палата переслала рапорт таможни в наместническое правление. Генерал-губернатор Тутолмин направил Екатерине II свои предложения о ремонте, чертежи планов и фасадов гостиных дворов. Среди прочего в проекте губернатора предусматривалась пристройка к фасаду Русского гостиного двора новой каменной биржи[30]. О необходимости строительства в Архангельске специального каменного здания купеческой биржи неоднократно упоминалось в предписаниях Тутолмина гражданскому губернатору И.Р. Ливену[31]. 27 октября 1786 г. Екатерина II дозволила разобрать ветхий Немецкий гостиный двор и «по вновь прожектированным планам» приступить к ремонту Русского двора и строительству биржи (на средства из сумм, ежегодно выделяемых на содержание публичных зданий)[32].

Возведение биржи было поручено губернскому архитектору М.Г. Березину[33]. Строительные работы начались в августе 1788 г.[34] В документах часто использовались такие выражения как «вновь назначаемая биржа», «отделываемая вновь биржа», «вновь построенная биржа» или «новостроящаяся биржа», т.е. речь шла о возведении каменного здания вместо существовавшего ранее деревянного. К западному фасаду Русского гостиного двора на набережной Северной Двины было решено «для выгоды торгующего купечества и спокойствия его» пристроить каменное одноэтажное здание биржи. Оно возводилось в классическом стиле и сохранилось с незначительными изменениями до наших дней[35]. Над биржей возвышалась восьмигранная башня с куполом, на шпиле которого во время навигации вывешивали российский трехцветный коммерческий флаг.

Строительство биржи производилось под личным присмотром вице-губернатора С.П. Окунева, что, безусловно, свидетельствовало о важности данного объекта[36]. В справке Строительной экспедиции отмечалось, что биржу поручили Окуневу «с тем, чтобы... не упуская настоящего и нужного времени немедленно по вышеозначенному назначению вступить в дело»[37]. Асессор строительной экспедиции А. Зубков каждые 10–15 дней сообщал в Казенную палату о ходе строительства, об израсходованных материалах и т.д. Согласно смете расходов, не считая полученных от казенных смотрителей «безденежно» разных строительных материалов, сооружение биржи обошлось казне в 2 210 руб. 19 коп.[38]

Напротив здания на берегу предусматривалось восстановление пристани, во время навигации сюда причаливали для разгрузки и погрузки многочисленные морские и речные суда. Перед биржей находилась небольшая площадка, огороженная невысоким заборчиком. В хорошую погоду здесь во время биржевого собрания прогуливались купцы и маклеры, тут же заключались торговые сделки. В нескольких метрах от биржи находилась будка с караульными солдатами из обер-комендантской канцелярии. Биржевое помещение состояло из большого зала и двух комнат, внутреннее убранство биржевого зала было достаточно скромным[39].

По указу Екатерины II, архангельская портовая таможня должна была разместиться в Русском гостином дворе, переименованном в Таможенный замок[40]. 4 октября 1789 г. здание биржи поступило в ведение таможни[41]. С этого момента, по утверждению местных старожилов, собрания Архангельской купеческой биржи не прерывались до 1823 г. Никаких официальных органов биржевого управления не было, и биржа представляла собой лишь место для купеческих встреч, где каждый продавец и покупатель в известное время мог найти тех, с кем «ему нужда... видеться». В этом отношении она ничем не отличалась от биржи в Петербурге[42]. Не удивительно, что целый ряд петербургских маклеров XVIII – начала XIX в. (С. Мюкс, И. Эдварц, П. Сафонов, И. Финк, Я. Барц, П. Меэр и др.) начинали свою торговлю в Архангельске.

В период навигации ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, на бирже собирались российские и иностранные купцы для деловых переговоров, заключения торговых сделок, подписания контрактов и получения информации[43]. В биржевом зале вывешивались объявления («билеты») для желающих заняться, например, поставкой вина, соли и т.п.[44] Здесь присутствовали биржевые маклеры, выступавшие посредниками при оформлении сделок купли-продажи или договоров о поставке товаров к определенному времени (чаще всего к началу навигации). Биржевые собрания были не особенно многолюдны, купцы предпочитали вести торговлю «по старинке», вне биржи, не оглашая публично условия сделок и не обращаясь к посредничеству официальных маклеров. При этом биржевые собрания в Архангельске носили сезонный характер. С окончанием навигации они вовсе прекращались. Все окна и двери биржи закрывались деревянными щитами, чтобы уберечь стекла от зимнего ненастья[45]. В зимнее время большая часть купцов разъезжалась из Архангельска по домам или закупала товары на местах[46].

В 1822 г. на основании Устава Коммерческого суда все биржевые маклеры и браковщики (в Архангельске их число составляло 12 человек, из которых двое являлись гоф-маклерами) перешли из подчинения портовой таможни в ведения Коммерческого суда[47]. Сам порядок избрания маклеров не менялся: их по-прежнему выбирала Городская дума, список передавался в Коммерческий суд, который представлял свое определение на рассмотрение и утверждение генерал-губернатора[48].

Запустение купеческой биржи в Архангельске было связано с расстройством торговых дел купца 1-й гильдии коммерции советника В.А. Попова[49]. Воспользовавшись разорением и падением влияния Попова, его конкуренты – владельцы торговых домов во главе с В. Брандтом завели иной порядок ведения торговли, быстро прижившийся в Архангельске. Для покупки и продажи товаров биржевые маклеры стали разъезжать по солидным купеческим конторам и домам, сообщая коммерческие сведения не публично, а «втихомолку». Маклерские записки они составляли теперь на своих квартирах и передавали в редакцию «Губернских ведомостей» для публикации биржевых цен, хотя на самом деле собрания биржи не было. Подчиняясь этому порядку и не имея никакого определенного места и времени для общих биржевых собраний, купцы были вынуждены по торговым делам посещать друг друга в конторах или в торговых домах. В 1847 г. начальник Архангельского таможенного округа статский советник А.Г. Ушаков отмечал в своей записке «О состоянии купеческой биржи в городе Архангельске», направленной в Департамент внешней торговли Министерства финансов, «значительное неудобство к развитию внутренней и внешней торговли», происходившее от бездействия биржи. Восстановление биржевых собраний в Архангельске он признавал необходимым «в предупреждение упадка и для оживления торговых сношений между русским и иностранным купечеством»[50]. В ответе из министерства Ушакову предлагалось сообщить об обстоятельствах дела архангельскому военному губернатору, управлявшему и гражданской частью, и докладывать в Департамент внешней торговли о последовавших распоряжениях[51]. В то же время министр финансов Ф.П. Вронченко уведомил архангельского губернатора маркиза А.И. де Траверсе, что «он, со своей стороны, совершенно согласен на дозволение лицам торгового в Архангельске сословия собираться, как и прежде, на биржу, для торговых дел своих»[52]. Де Траверсе, получив от Ушакова соответствующую бумагу, передал вопрос о возобновлении биржевых собраний на заключение купеческого общества.

Согласно предписаниям военного и гражданского губернаторов Городской думе было велено пригласить всех архангельских, иногородних и иностранных купцов для объявления им о возобновлении биржевых собраний и «открытии таковых на самом деле». 25 июля 1848 г. в зале общегражданского дома состоялось собрание, на которое явилось 29 купцов и 6 биржевых маклеров. Купцы дали подписку в том, что ознакомлены с предписанием и будут посещать биржевые собрания, маклеры обещали непременно находиться в положенные часы на бирже. Местные, иногородние и иностранные купцы, а также маклеры высказали свое согласие собираться в старом здании биржи при Таможне дважды в неделю, по вторникам и пятницам с 3 до 5 часов пополудни, исключая табельные дни[53]. Эти дни недели были выбраны по причине прибытия в Архангельск столичной почты.

Информация об открытии биржевых собраний в Архангельске с началом навигации в 1850 г. была опубликована в «Коммерческой газете» и «Архангельских губернских ведомостях»[54]. Было объявлено о конкурсе на подряд капитального ремонта Таможенного замка и здания биржи. Однако, несмотря на официальное возобновление биржи, собраний купцов в 1850 г. не происходило. Чиновник для особых поручений, специально направленный Ушаковым на биржу неизменно доводил до сведения своего начальства, что «в течение прошедшей недели на здешней бирже никаких дел не производилось, в назначенные для этого дни не было ни купцов, ни маклеров, и прейскурантов в биржевом зале вовсе нет»[55]. 20 июля 1850 г. Ушаков обратил внимание граж-

данского губернатора В.Ф. Фрибеса на то, что, несмотря на отсутствие купцов и маклеров на бирже, опубликованные прейскуранты свидетельствуют о постоянном совершении большого количества сделок через биржевых маклеров. Начальник Архангельской таможни просил гражданского губернатора принять меры, которые заставили бы купцов и маклеров совершать торговые дела на бирже. Фрибес предписал полицмейстеру Я.Я. Штутцеру выяснить причины, препятствовавшие проведению биржевых собраний.

В своем рапорте Штутцер констатировал, что «в настоящее лето биржевых собраний вовсе не было и не бывает и, что все купеческие торговые сделки, маклерские по оным записки и составление прейскурантов совершается при купеческих конторах и на домах биржевыми маклерами без отвлечения отлучкою на биржу». 7 действовавших в то время архангельских торговых домов занимались большей частью комиссионными делами. Сделки их с соседними вологодскими и вятскими купцами совершались преимущественно в дни отправления почты. При отсутствии в Архангельске денежного курса, банкирских дел и аукционной продажи товаров купечество не видело особой пользы в биржевых собраниях[56]. По требованию полицмейстера все купцы и маклеры написали объяснения своего отсутствия на бирже. Так, торгующие при Архангельском порте вологодские и вятские купцы в свое оправдание указывали, что, признавая биржу полезной для своих торговых оборотов, некоторые из них «в назначенные для того дни бывали в биржевом зале, но не находя никого: ни хозяев, торгующих за границу, ни маклеров – оставили этот бесполезный для них труд». Российские и иностранные купцы извещали, что «непосещение ими биржи происходило единственно от того, что они находили для себя удобнее по принятому более 20 лет обыкновению чинить все торговые сделки в своих конторах». При этом они изъявляли свое согласие посещать биржу со следующей навигации. Маклеры заявляли, что «в назначенные дни биржевых собраний они являлись в биржу неоднократно, но торгующего купечества в оной не находили, почему и обязанности свои остались без действия в оной»[57].

Было решено обязать маклеров оформлять торговые сделки только на бирже, а за нарушение этого правила – отрешать их от должности[58]. Все 8 архангельских маклеров дали на то свое согласие. Но это была уже не первая попытка принудить маклеров посредничать на бирже. Еще в 1832 г. Архангельский коммерческий суд предписал маклерам в биржевые дни являться в биржевой зал в 3 часа пополудни и находиться там до 5 часов вечера. Но те доказывали, что «никто из купцов, как покупателей, так и продавателей на биржу не является, и они должны оставаться там два часа без всякого дела; между тем в то же время у некоторых из них имеются от купцов важные и времени не терпящие по коммерции поручения, по которым должно действовать неупустительно». Маклеры уверяли, что ни принудить, ни убедить купцов посещать биржевые собрания они не в силах, а потому «просили от напрасного хождения на биржу их уволить». Коммерческий суд тогда же сообщил об этом архангельскому военному губернатору и главному командиру порта адмиралу Р.Р. Галлу, прося его сделать купцам внушение. Галл предписал городовой полиции взять с местных и иногородних купцов подписку о том, что они будут собираться на бирже[59]. Тем не менее в 1851 г. коммерческий суд вновь требовал от биржевых маклеров и купцов совершать торговые сделки на бирже. В холодное время года, когда биржа не отапливалась, предлагалось встречаться в одной из свободных комнат таможни.

Летом 1851 г. биржевые собрания в Архангельске все же возобновились. В 1852 г. был завершен ремонт биржевого здания, в зале установили чугунную печь, деревянный помост перед биржей заменили булыжной мостовой[60]. Однако биржа функционировала только в период навигации, когда купцы из Вологодской и Вятской губерний доставляли свои товары к порту на речных судах для продажи за границу. С октября по май биржевые собрания не собирались. Маклеры хотя и продолжали посредническую деятельность, но сделки совершали по-прежнему вне биржи, кто в купеческих домах и конторах, кто у себя на квартире. Летом 1856 г. исполняющий обязанности архангельского гражданского губернатора В.Ф. Пфеллер в очередной раз потребовал от городской думы донесения о возобновлении биржевых собраниий[61].

Во время визита в Архангельск в июне 1858 г. Александр II, посетивший таможню и биржу, спрашивал, часто ли местные купцы бывают на бирже?[62] 10 августа 1859 г. Ушаков получил запрос из Департамента внешней торговли Министерства финансов о том, «не настала ли необходимость увеличить число биржевых собраний Архангельской биржи до 4-х раз в неделю и учредить при оной Биржевой комитет?»[63]. В ответ им была тогда же подготовлена записка с анализом причин сложившейся ситуации. В частности, он отмечал недостаток времени и редкость биржевых собраний, нежелание купцов пропустить почту для уведомления заграничных корреспондентов о закупке требуемых товаров, заставлявшее их производить сделки после биржи, а также подчинение маклеров коммерческому суду, у которого не было возможности оказывать на них влияние. Поэтому Ушаков предлагал увеличить число биржевых собраний до 4-х раз в не-

делю (кроме вторника и пятницы, собираться еще по средам и субботам, в дни отправки почты из Архангельска, с 12 до 14 часов) и учредить по примеру Петербургской биржи Биржевой комитет, который бы наблюдал за «правильным производством торговли на бирже, имел неослабный надзор и за торговыми действиями маклеров». Ему же следовало передать казенное здание биржи, обязав содержать его в надлежащем порядке и чистоте на средства комитета. Ознакомившись с запиской, архангельский гражданский губернатор Н.И. Арандаренко на полях написал: «Совершенно с этим согласен»[64].

Только 23 октября 1861 г. 14 архангельских купцов 1-й и 2-й гильдий собрались в Общегородском доме, чтобы обсудить предложение об увеличении числа биржевых собраний до 4-х раз в неделю и об учреждении Биржевого комитета. В своем отзыве они указали, что учреждение Биржевого комитета и увеличение дней для собраний в биржевом зале из-за ограниченности торговых оборотов «по незначительности заграничной привозной и отвозной торговли... совершенно бесполезно»[65]. Хотя собравшиеся не отвергали возможности влияния некоторых местных купцов на сложившееся положение дел, они не усматривали в действиях иностранных покупателей произвола или ущерба интересам российских продавцов, а действия маклеров вовсе не считали безконтрольными. Никаких официальных жалоб и протестов от купцов не поступало, напротив, местное начальство, стремившееся изменить установившийся порядок торговли, не могло добиться поддержки со стороны купечества.

В 1868 г. новый архангельский губернатор кн. С.П. Гагарин, как и его предшественники, пытался учредить Биржевой комитет и устроить «правильную» биржу, которая к тому времени фактически прекратила свое существование. Свои соображения на сей счет он направил министрам финансов и внутренних дел, особо указывая на необходимость ограничить усилившееся влияние иностранных контор и оградить интересы «угнетенного большинства» российского купечества и местных крестьян-поморов, имевших право торговли без записи в гильдии. Отсутствие биржи и Биржевого комитета способствовали, по мнению губернатора, «беспощадной эксплуатации промыслового населения... губернии торговой монополией иностранных купеческих контор»[66].

Для этих целей по инициативе князя Гагарина была сформирована комиссия из 12-ти местных купцов под председательством вице-губернатора М.Ф. Страховского. Комиссия на первом же своем заседании решила, что учреждение Биржевого комитета «представляется излишним» и «полезнее оставить существующий ныне биржевой порядок без изменения, до могущей встретиться в том надобности»[67]. Купечество полагало, что прекращение биржевых собраний произошло само собой в результате упадка отпускной торговли, а их возобновление не может ее увеличить или улучшить (ежегодный оборот Архангельска составлял в то время до 8 млн руб. серебром).

Министр финансов М.Х. Рейтерн отказался дать ход предложениям Гагарина «до тех пор пока не будет заявлено со стороны самого купечества желания изменить нынешний порядок»[68]. Министр считал, что необходима инициатива местных купцов, и только она может обеспечить успех, тогда как навязываемые сверху меры будут лишь вызывать противодействие заинтересованных лиц. Однако купцы были решительно настроены против обязательного посещения биржевых собраний. В последующие навигации архангельское купечество, как российское, так и иностранное, под разными предлогами предпочитало совершать торговые сделки вне биржи. Никакие постановления властей не могли заставить местных купцов и маклеров изменить их предубеждения. Впрочем, схожее отношение к биржевым собраниям было характерно и для других провинциальных городов России. На протяжении почти всего XIX в. нечто подобное наблюдалось в Рыбинске, Саратове, Самаре, Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде и многих других городах.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. в Архангельске снова пытались открыть товарную биржу и учредить Биржевой комитет. На этот раз почин исходил от архангельского Комитета торговли и мануфактур, направившего в июне 1875 г. соответствующее ходатайство в Министерство финансов. Необходимость учреждения биржи и Биржевого комитета связывалась в нем с ожидавшимся в Архангельске увеличением торговых оборотов после устройства Вятско-Двинской железной дороги и начала деятельности промышленных компаний на Белом море. Биржевой комитет должен был способствовать развитию торговли и промышленности, наблюдать за их нуждами и интересами[69]. Помня о прежних попытках возобновления биржевых собраний в Архангельске, финансовое ведомство достаточно осторожно отнеслось к этой инициативе. «Отсутствие правильных биржевых собраний составляет важный пробел в таком торговом пункте, как Архангельск, – писал в письме архангельскому гражданскому губернатору Н.П. Игнатьеву вице-директор Департамента торговли и мануфактур Н.А. Ермаков, – но, с другой стороны, едва ли

было бы удобно настаивать, во что бы то ни стало, на учреждении такого установления, к которому будут относиться несочувственно те самые лица, в интересах коих это установление будет учреждено». Ермаков просил Игнатьева сообщить ему, «какой взгляд на этот предмет имеет ныне купечество и можно ли рассчитывать на удовлетворительное разрешение сего дела, если будет сделано предложение купечеству, согласно с ходатайством Архангельского комитета торговли и мануфактур»[70].

Архангельское городское и иногороднее купечество в общем собрании, состоявшемся 5 июня 1880 г., обсудило вопрос об учреждении биржи и, выслушав проект устава, постановило: «Сознавая пользу учреждения в Архангельске биржи, утвердить представленный Комитетом торговли и мануфактур устав биржи в том виде, как он изложен». Устав активно обсуждался в течение 1881–1883 гг. Городской голова К.И. Мейер уже просил губернатора сообщить министру финансов о закрытии Комитета торговли и мануфактур «по неимению в нем более надобности» ввиду скорого утверждения устава биржи. Министр финансов отвечал, что после учреждения Биржевого комитета он не видит к тому никаких препятствий. Однако и на этот раз биржа в Архангельске не была восстановлена. Местное купечество не пожелало принять проект устава с поправками, сделанными в Министерстве финансов и МВД, сочтя их ущемляющими его права. Министерство финансов не настаивало, и в 1884 г. вопрос об учреждении биржи и Биржевого комитета в Архангельске снова был отложен на неопределенное время[71].

Нежелание торговать на бирже вовсе не свидетельствовало о косности и отсталости местного купечества. Среди его представителей было достаточно образованных людей. Некоторые из них, покинув Архангельск, стали известными петербургскими маклерами, банкирами и биржевиками. К примеру, торговавшие в Архангельске купцы В.И. Грибанов и А.Я. Прозоров избирались председателями Петербургского биржевого комитета. Следует также иметь в виду, что значительное число купцов, проживавших временно или постоянно в Архангельске, были иностранного происхождения. Следовательно, они обладали европейским складом коммерческого мышления и высокой предпринимательской культурой. Но именно они, как ни странно, обвинялись в игнорировании биржевого устройства в Архангельске.

Архангельская биржа официально была учреждена только в 1904 г., когда она наконец получила свой устав. Инициатива ее восстановления и на этот раз исходила не от местного купечества, а от Министерства финансов. В марте 1905 г. был избран Биржевой комитет, однако торжественное открытие биржи произошло лишь в мае 1909 г. Во многих городах России, в которых торговля была развита значительно слабее, давно имелись биржи, биржевые общества и комитеты. В Архангельске же и в 1909–1914 гг. биржевые собрания протекали вяло, без коммерческого оживления (работал всего один маклер). В 1909, 1911–1913 гг. сделок на Архангельской бирже зарегистрировано не было, биржевые бюллетени не издавались. После начала Первой мировой войны биржа и вовсе закрылась.

Примечания

[1] ПСЗ-I. Т. 6. № 3708.

[2] *Ловягин А.М.* Посольство Конрада ван Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 314.

[3] *Крестинин В.В.* Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого, от 1693 года по 1719 год... // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год. СПб., 1795. С. 23.

[4] Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 1, оп. 1, д. 370, л. 1-1 об.

[5] Там же, л. 9.

[6] Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – Архив СПб. ИИ РАН), ф. 36, оп. 1, д. 556, л. 28, 294, 254 и др.

[7] Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2. Л., 1985. С. 24.

[8] См.: *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 124.

[9] *Фирсов Н.Н.* Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия. Казань, 1896. С. 68.

[10] ПСЗ-I. Т. 4. № 1988. Монополия сохранялась до 1722 г. Указом Петра I. М., разрешался промысел всем промышленникам «невозбранно» (ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 420 об.).

[11] *Козинцева Р.И.* Внешнеторговый оборот Архангельской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1964. С. 128–131 (табл. 3), 135–136.

[12] *Покровский В.И.* Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб., 1901. С. XXI; *Семенов А.В.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. Ч. 3. СПб., 1859. С. 18–22.

[13] *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 144.

[14] *Журавлев А.* Ведомость о приходе и отходе кораблей, привозе и отвозе товаров... по Архангельской таможне. 1724–1846 гг. // Архангельские губернские ведомости. 1847. № 44. С. 552.

[15] ПСЗ-I. Т. 16. № 11630. С. 31, 33.

[16] *Журавлев А.* Указ. соч. С. 552.

[17] ГА АО, ф. 58, оп. 1, д. 38, л. 93, 150. Наличие официальных посредников (присяжных маклеров) является одним из важных элементов биржевой торговли. «Понеже определенных и присяжных маклеров дело весьма есть потребное, – говорилось в гл. 19 Регламента Главного магистрата («О маклерах или торговых сводчиках»), – и касается до установления доброго в купечестве порядка... и какие торги и векселя через такого человека заключаются, те надежны от всякого обмана и обмены товаров суть безопасны». Главному Магистрату Комерц-коллегией было велено «в приморских и других знатных городах, в тех, где торги есть, маклеров выбрать Магистратом из купечества добрых и во всех торгах и вексельных переводах искусных людей» (Архив СПб. ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 546, л. 364–366).

[18] ГА АО, ф. 58, оп. 1, д. 38, л. 93, 150.

[19] Там же, л. 93–93 об., 150–150 об.

[20] Там же, л. 150 об.

[21] Там же, д. 63, л. 245.

[22] Там же, ф. 49, оп. 1, д. 274, л. 1–10.

[23] Там же, ф. 1, оп. 1, т. 7, д. 13263, л. 29. В ведомости «о состоящих при городе Архангельском казенных и публичных зданий», составленной в 1782 г. по указу Екатерины II, также упоминается «в Немецком гостином дворе биржа для купеческих торгов» (Там же, ф. 51, оп. 16, д. 28, ч. 1, л. 10, 17). В описи находящихся в ведомстве Архангельской таможни каменных и деревянных строений среди прочих названа «в том же гостином дворе близ таможни и пакгаузов... построенная купецким коштом деревянная биржа в коей сорок четыре окна и двои двери, длиной на пятнадцать поперек на восьми саженях» (Там же, л. 4, 17.).

[24] Там же, ф. 58, оп. 1, д. 62, л. 29, 30, 33, 238, 243, 244, 271, 272 и др.

[25] Радищев Моисей Николаевич (1756–1803), младший брат автора «Путешествия из Петербурга в Москву». В 1783 г. он был произведен Сенатом в коллежские асессоры и по рекомендации А.Р. Воронцова назначен советником таможенных дел Архангельской губернской казенной палаты (1783–1796) (ГА АО, ф. 1367, оп. 2, д. 255, л. 2 об.–3).

[26] ГА АО, ф. 51, оп. 1, т. 2, д. 107, л. 1 об.–2; ф. 58, оп. 1, д. 61, л. 236–236 об.

[27] Там же, ф. 51, оп. 16, д. 28, ч. 1, л. 1.

[28] Архангельские гостиные дворы состояли в ведомстве Государственной коммерц-коллегии, после ее упразднения дворы были переданы в ведомство Архангельской губернской канцелярии, в 1781 г. – обер-комендантской канцелярии (ГА АО, ф. 51, оп. 1, т. 2, д. 107, л. 1 об.; оп. 16, д. 28, ч. 1, л. 1 об.; ф. 1367, оп. 2, д. 980, л. 4.

[29] ГА АО, ф. 51, оп. 16, д. 28, ч. 1, л. 1–2 об., 11, 12, 18–19.

[30] Там же, л. 148.

[31] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 295, л. 1–2.

[32] Там же, ф. 51, оп. 16, д. 28, ч. 1, л. 138.

[33] Там же, ф. 1367, оп. 2, д. 425, л. 1–2; ф. 51, оп. 16, д. 28, ч. 1, л. 293.

[34] Там же, ф. 51, оп. 16, д. 29, ч. 2, л. 239.

[35] ГА АО, ф. 51, оп. 1, т. 2, д. 653, л. 1 в., 2 об. *Попова Л.Д.* Архангельск. Очерк истории строительства (конец XVI – начало XX в.). Архангельск, 1994. С. 90.

[36] ГА АО, ф. 51, оп. 1, т. 2, д. 653, л. 1–1 б об., 31; д. 987, л. 139 об.

[37] Там же, д. 987, л. 105.

[38] Первоначально было выделено 1 562 руб. 28 коп., но затем эту сумму увеличили до 2 586 руб. 59 коп. 376 руб. 40 коп. остались неизрасходованными. Там же, ф. 51, оп. 16, д. 29, ч. 2, л. 239–240; д. 32, л. 50 об.; д. 28, ч. 1, л. 696 об.; ф. 1367, оп. 2, д. 931, л. 5 об.

[39] Там же, ф. 51, оп. 16, д. 29, ч. 2, л. 26–27, 72, 74–74 об., 338, 466–467.

[40] Указ был подписан 17 августа 1789 г. Там же, ф. 58, оп. 1, д. 65 а, л. 267; ф. 1367, оп. 2, д. 984, л. 9.

[41] Там же, ф. 51, оп. 16, д. 29, ч. 2, л. 283, 336; ф. 58, оп. 1, д. 65 а, л. 228.

[42] О Петербургской бирже подробнее см.: *Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004.

[43] ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 5 а, д. 250, л. 1 об.

[44] Там же, ф. 58, оп. 1, д. 65 а, л. 240.

[45] Там же, ф. 1367, оп. 2, д. 931, л. 1 об.–2.

[46] Там же, ф. 1, оп. 4, т. 5 а, д. 250, л. 41 об.

[47] Там же, ф. 58, оп. 4, д. 97, л. 41–41 об.

[48] В 1853 г. министр внутренних дел Д.Г.Бибиков усмотрел из представления архангельского военного губернатора Р.П. Боиля, что 8 маклеров для Архангельска, где постоянно проживало всего 47 купцов, слишком много, и обратился к министру юстиции с предложением уменьшить это число. Коммерческому суду было велено выяснить, на каком основании оно было определено, а таможню запросили о том, «сколько в каждый год состояло в Архангельске биржевых маклеров, начиная со времени существования их по 1853 год, а равно, кем они были утверждаемы в сем звании». В ответ таможня сообщала, что «в делах и начальственных

предписаниях... не отыскано ни сведений, ни положений, по которым учрежден комплект биржевых маклеров при Архангельском порте» (Там же, л. 41–41 об., 79–80).

[49] Там же, ф. 51, оп 1, т. 1, д. 933, л. 1, 5. Уехав в Петербург, В.А. Попов стал известным биржевым маклером и автором ряда книг о коммерции.

[50] Там же, ф. 786, оп. 1, д. 350, л. 1–4.

[51] Там же, л. 6 об.

[52] Там же, ф. 1, оп. 4, т. 5 а, д. 250, л. 1 об.

[53] Там же, ф. 786, оп. 1, д. 350, л. 15.

[54] Архангельские губернские ведомости. 1850. № 7–9.

[55] ГА АО, ф. 786, оп. 1, д. 350, л. 34–36.

[56] Там же, л. 14–15.

[57] Там же, ф. 1, оп. 4, т. 5 а, д. 250, л. 47–52.

[58] Там же, л. 31–31 об.

[59] ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 5 а, д. 250, л. 39–39 об.

[60] Там же, ф. 786, оп. 1, д. 373, л. 32, 34 об., 393–393 об., 348, 428 об.

[61] Там же, ф. 1, оп. 8, т. 1, д. 105, л. 1–3.

[62] Там же, ф. 1, оп. 5, д. 972, л. 4–4 об.; ф. 786, оп. 1, д. 450, л. 1–1 об.

[63] Там же, л. 1.

[64] Там же, ф. 1, оп. 8, т. 1, д. 490, л. 1–3.

[65] Там же, л. 8.

[66] Там же, л. 7–8 об.

[67] Там же, л. 6.

[68] Там же, л. 15–15 об.

[69] Там же, ф. 1, оп. 10, д. 446, л. 14–14 об. Ходатайство подписали председатель Комитета Э.А. дес Фонтейнес и его члены Ф.Ф. Шольц, Г.П. Ширкин, И.И. Гернет и Д.П. Костылев.

[70] Там же, л. 1–1 об., 12 об.–13.

[71] Там же, л. 34–41.

Россия и страны Северной Европы

© 2009 г. И.Р. ТАКАЛА, И.М. СОЛОМЕЩ*

«НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА»? ДВА ВЕКА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1808–1809 годов[1]

Истории многовековых отношений России и Швеции и многочисленных русско-шведских войн в отечественной историографии посвящено немало работ. Однако последняя русско-шведская война 1808–1809 гг. по-прежнему остается слабо изученной. События, происходившие в то время на Севере, для российских историков являются лишь небольшой и не самой важной частью наполеоновских войн, потрясавших Европу полтора десятилетия, перекроивших карту континента и изменивших судьбы многих стран и народов. Отечественная война 1812 г. заслонила собой и очень быстро заставила забыть «финляндскую кампанию». Интерес к борьбе России с наполеоновской Францией не угасает до сих пор: об этом написаны сотни томов, несколько лет существует Интернет-проект «1812 год», сделавший доступными для всех заинтересованных пользователей многие уникальные источники и исследования[2]. С геополитической и геостратегической точки зрения финляндское (строго говоря, *шведское*) направление внешней политики России в эпоху наполеоновских войн можно охарактеризовать как, безусловно, значимое, но все же фланговое.

* **Такала Ирина Рейевна,** кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета.

Соломещ Илья Мотелевич, кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета, руководитель лаборатории по проблемам Скандинавских стран и Финляндии.

Приходится констатировать, что к войне 1808–1809 гг. вполне применимо выражение, изначально имевшее отношение к Зимней войне 1939–1940 гг. – «*неизвестная война*», или, по словам А. Твардовского, «*незнаменитая война*». Среди немногочисленных современных попыток историографического анализа рассматриваемой темы примечательны статьи Н.И. Приходько и А.Е. Фишер[3]. Модель, предложенная первым автором, дает основания заметить, что очевидный элемент гранд-нарратива *покорения* Финляндии, сформулированный еще в конце 1880-х гг. К. Ординым, прочно вписался в современные интерпретации российской истории и по-прежнему воспроизводится без каких-либо существенных изменений: «Необходимо отметить, что важнейшим итогом русско-шведской войны 1808–1809 гг. стало присоединение Финляндии и исполнение, таким образом, Петровских планов по достижению безопасности северо-западных границ России... По сравнению с великими наполеоновскими войнами XIX столетия она остается до сих пор крайне мало изученной. Хотя по результатам своим она не уступает в значимости наполеоновским войнам и справедливо занимает достойное место в ряду великих событий Российской истории»[4].

Обращение к замыслам Петра I как к вполне исчерпывающему и самодостаточному объяснению мотивов войны отнюдь не ново. Именно с этого начинал К.Ф. Ордин, избрав в качестве эпиграфа для своего монументального труда «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам» известные слова графа П.А. Шувалова, который, обращаясь к Наполеону, пояснял: «Финляндия была необходима России. Это была идея Петра I, который без этого не мог бы установить столицу там, где она стоит»[5].

Предложенная Приходько периодизация историографии войны 1808–1809 гг., при всей своей самоочевидности, требует, тем не менее, комментариев. В качестве первого этапа автор определяет период «до Ордина», когда преобладала либо мемуарная, либо сугубо военно-историческая литература. Лишь появление монографии Ордина, по логике Приходько, ознаменовало новый этап – начало научного описания войны в контексте политической и дипломатической истории. Однако в этой констатации отсутствует ответ на естественно возникающий вопрос: почему «*до Ордина*» принято было писать либо о *русско-шведской*, либо о *финляндской* войне, но ни одному из авторов, включая непосредственных участников боевых действий, не пришло в голову говорить о *покорении Финляндии*.

Пионером в деле знакомства российского читателя с событиями войны и шире – с Финляндией можно считать кн. П. Гагарина, непосредственного участника событий. Его работа «Тринадцать дней или Финляндия»[6], безусловно, увлекательна и информативна, однако не является научным исследованием.

Первым наиболее полным и профессиональным описанием войны стал военно-исторический очерк генерала П.К. фон Сухтелена[7]. Жанр военной истории не требовал от авторов углубления в причины войны или серьезного внимания к международным отношениям в Европе в начале XIX в. Работа Сухтелена – это взгляд очевидца, боевого офицера, концентрирующего внимание читателя на крупных победах русской армии, на особенностях ведения успешной войны в сложных погодных и природных условиях, на профессионализме генералов и храбрости солдат. Сухтелен, как известно, проявил себя не только на военном, но и на дипломатическом поприще. Во время войны он командовал инженерными войсками и был советником главнокомандующего русскими войсками в Финляндии генерала Ф.Ф. Буксгевдена, а после войны был российским посланником в Стокгольме. Поэтому ему удалось дать компетентный анализ не только основных боевых действий, но и особенностей театра войны.

«Описание Финляндской войны...» А.И. Михайловского-Данилевского[8] до наших дней остается наиболее полной версией боевых действий, вышедшей на русском языке. Генерал-лейтенант, писатель и историк Михайловский-Данилевский участником этой войны не был, его боевой путь начался во время Отечественной войны 1812 г. Тем не менее, его работа – первое крупное профессиональное описание Финляндской войны, выполненное в рамках проекта по разработке истории наполеоновских войн. Михай-

ловский-Данилевский оперирует значительной источниковой базой, главным образом, документами официального происхождения. Новаторский характер книги прежде всего проявился в том, что в ней была предпринята первая серьезная попытка контекстуализировать войну, вписать ее в общую ткань Наполеоновской эпохи. Известно, что автор работал по прямому поручению Александра I описать войну «для памяти потомков, ... во всех подробностях как в отношении военном, так и в дипломатическом»[9]. У читателя может сложиться впечатление, что Михайловский-Данилевский как бы оправдывается за Александра I. Намечая самые общие контуры дипломатической предыстории войны, он дает понять, что император едва ли не был вынужден вступить в войну и, соответственно, присоединить Финляндию, так как этого требовали интересы безопасности России на Балтике. В конце 1860-х гг. эта линия получила подкрепление в трудах К.К. Злобина[10]. Историк дипломатии, он считал одной из главных причин войны негибкую политику шведского короля Густава IV Адольфа.

Таким образом, к середине XIX в. уже была зафиксирована историографическая картина собственно боевых действий. Наметились и контуры политической истории войны. Что же должно было произойти, чтобы появилась известная концепция К.Ф. Ордина, в основе которой – идея приоритетности положений Фридрихсгамского мира по отношению к Боргоскому сейму? Совершенно очевидно, что труд Ордина, который сегодня назвали бы «заказным», – ответ на вызовы новой эпохи. Эпохи, когда появилась единая Германия, окончательно сформировалась традиция российского имперского патернализма по отношению к окраинам и, с другой стороны, стала идеологической и политической реалией финская национальная идея. Монументальный труд Ордина знаменовал собой в большей степени политический водораздел, чем историографический. Безусловно, его стараниями существенно расширилась источниковая база. Но не менее существенно и то, что он априори рассматривает события 1808–1809 гг. сквозь призму так называемого финляндского вопроса последней трети XIX в. Финляндия – «покоренная страна», военный трофей русского оружия. Отсюда следует: рассуждения некоторых финляндцев о якобы существующей финляндской государственности не только политически неуместны, но и логически несостоятельны.

Концепция Ордина в целом определила характер освещения войны в трудах М.М. Бородкина. Это наиболее наглядно на примере соответствующего раздела его «Истории Финляндии»[11]. Отметим, что Бородкин все же называет эту часть своего труда «Борьба за Финляндию», акцентируя внимание на политико-дипломатической составляющей процесса освоения нового имперского пространства. Книга П. фон Гериха также всецело выстроена в духе положений, сформулированных Ординым[12]. С некоторыми оговорками можно утверждать, что концепция Ордина надежно легла в основу описания войны 1808–1809 гг. и в трансформированном виде была перенесена в советскую историографию.

Столетний юбилей войны вызвал заметную вспышку интереса к ее истории. На фоне научно-популярных работ познавательного характера обращают на себя внимание военно-исторический очерк П.А. Ниве[13] и критическая, с элементами историографического анализа статья А.Т. Борисевича[14]. Кроме того, в этот же период под руководством полковника А.М. Алексеева на русский язык была переведена так называемая официальная шведская история войны[15]. Очевидно, тогдашний читатель должен был обратить внимание на полярность российских и шведских оценок при рассмотрении виновности сторон в развязывании войны. Мы же отметим другое. Именно в это время среди российских военных вновь всерьез стали говорить о потенциальной опасности шведского реванша. С другой стороны, политика имперского центра, проводимая по отношению к Великому княжеству Финляндскому, уже обрела черты того, что в финляндской традиции именуется «вторым периодом угнетения».

Традиция создания исторических сочинений о войнах России не историками, а профессиональными военными была продолжена и в советское время. Первой работой о войне 1808–1809 гг., появившейся в СССР, была книга полковника Г.Захарова «Русско-шведская война 1808–1809 гг.»[16]. Вышедшая в свет сразу после Зимней войны, она бы-

ла адресована командному составу Красной армии. По сути книга представляла собой краткий конспект вышеупомянутого исследования полковника П.А. Ниве с одноименным названием. Главной целью работы был анализ основных военных операций и оперативно-тактические выводы. Подобного рода работы появлялись и позже – в 1970–1980-е гг.[17] Все они опирались на материалы и выводы дореволюционных авторов, все констатировали серьезные изменения в стратегии и тактике и ценный опыт боевых действий в зимних условиях[18]. Войну называли «подготовительной школой» для будущих боев с Наполеоном[19].

Но вернемся к книге Захарова. Если оперативно-тактические выводы полковника Красной армии не слишком отличаются от того, о чем писали дореволюционные, а затем и советские авторы, то политические вполне соответствовали духу времени. Война, по мнению автора, для обеих сторон была захватнической, выгодной только «купцам и помещикам». Она показала, как главные капиталистические страны (в данном случае Англия и Франция) «искусственно разжигают противоречия между другими странами и открывают новые очаги войны, заставляя другие народы проливать кровь за свои интересы»[20]. Поражение Швеции «освободило финский народ от ига шведских помещиков и капиталистов и отдало его под не менее тяжелый гнет русского царизма»[21]. Интересно, что в 1985 г. работа Захарова была переведена на финский язык и издана отделением военной истории Военно-научного института Финляндии (ныне Академия национальной обороны Финляндии)[22].

Тезис о том, что «русский царизм подвергал Финляндию тяжелому национальному угнетению» на протяжении всего периода автономии, доминировал и в советских учебниках по истории СССР вплоть до 1960-х гг. Впервые скорректировать его попытался петрозаводский историк И.И. Кяйвяряйнен. В своей статье 1957 гг.[23] он выступил с критикой некоторых положений вузовского учебника по истории СССР под редакцией академика М.В. Нечкиной[24], в котором не ставился вопрос о прогрессивном значении присоединения Финляндии к России. Ошибка авторов учебника, по его мнению, состояла в том, что они механически распространили высказывания В.И. Ленина о русско-финских отношениях после февральского манифеста 1899 г. на весь XIX в. Сравнивая положение Финляндии с другими окраинами России, Кяйвяряйнен писал, что «Финляндия оказалась, в силу особых обстоятельств, в наиболее выгодном положении. Помимо беспошлинного общения с русским рынком, она имела привилегии, о которых другие нерусские народности могли только мечтать: отсутствие крепостничества, сейм, автономное во внутренних делах правительство, право употреблять все виды доходов на нужды края, свое войско, собственную денежную единицу»[25].

После выхода в свет монографии И.И. Кяйвяряйнена «Международные отношения на Севере Европы...»[26] в советской историографии постепенно утверждается более взвешенная и дифференцированная оценка присоединения Финляндии к России и политики царских властей в княжестве в разные периоды автономии. Фактически Кяйвяряйнен первый познакомил советских читателей с точкой зрения современных финляндских авторов на все эти проблемы. Книга, безусловно, несет отпечаток своего времени. Некоторые утверждения автора, например, его отрицание выступлений финского населения против русских войск и партизанской борьбы, не выдерживают критики. Тем не менее, данная монография была и остается до наших дней единственным исследованием, специально посвященным международным и политическим аспектам борьбы за Финляндию в начале XIX в., войне 1808–1809 гг. и ее последствиям, в основе которого лежали широкие архивные изыскания и где учитывались новейшие достижения финляндской и шведской историографии.

Традиции работы в архивах и хорошее знание исследований зарубежных историков сохранялись в отечественной историографии до конца советского времени. Поэтому в 1970–1980-е гг. точки зрения советских, финляндских и шведских историков на события начала XIX в., несмотря на идеологические барьеры, значительно сближаются, о чем свидетельствуют работы В.А. Корнилова, А.С. Кана, В.В. Рогинского и некоторых других[27]. Основные направления советских исследований того времени – это изу-

чение в целом ситуации на Севере Европы в начале XIX в., анализ особенностей российско-шведских взаимоотношений в 1808–1812 гг., причины войны 1808–1809 гг. и ее последствия для Финляндии и России. В энциклопедических статьях и учебниках также утверждается вполне взвешенный взгляд на результаты войны и финляндскую автономию[28].

Тем большим диссонансом в середине 1970-х гг. прозвучало мнение на этот счет известного скандинависта В.В. Похлебкина. Мы не будем подробно останавливаться на полемике, развернувшейся вокруг его книги «СССР – Финляндия. 260 лет отношений»[29], в которой оценка событий 1808–1809 гг. оказалась весьма созвучной концепциям российской правомонархической публицистики начала XX в. Эта полемика представляет вполне самостоятельный научный интерес. Напомним лишь, что сначала книга вышла в Финляндии[30] и вызвала бурную реакцию у финских читателей, прежде всего историков. Русское издание достаточно резко критиковали советские нордисты В.М. Холодковский, А.С. Кан[31], Р.Н. Дусаев[32]. Основные возражения оппонентов вызвал тезис Похлебкина о том, что Финляндия оказалась соединенной с Россией и получила особый статус не в итоге войны, не как военная добыча России, а как прямой результат соглашения между русскими и финнами (не завоевание, а добровольная уния). Еще более острая реакция, прежде всего в Финляндии, последовала на оценку Похлебкиным финляндской политики царских властей на рубеже XIX–XX вв., которая, по его мнению, была жизненно важной и неизбежной, поскольку мероприятия по унификации и централизации диктовались всем ходом экономического развития Российской империи и требованиями обеспечения внешней безопасности страны. Впрочем, собственно война 1808–1809 гг. Похлебкина тогда не интересовала. Он вернулся к ней лишь в конце жизни в своем справочнике «Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах»[33], где на нескольких страницах дал вполне традиционное перечисление основных событий войны и краткий пересказ главных документов.

На протяжении 1960–1980-х гг. в СССР был опубликован обширный комплекс документов по Финляндской войне[34]. К сожалению, современные российские исследователи, обращающиеся к данной теме, практически не используют эти ценные публикации. Вообще вряд ли можно говорить о современных российских исследованиях войны 1808–1809 гг. Специальных работ по этой теме нет, исключение составляют лишь исследования В.В. Рогинского, посвященные международным отношениям на Севере Европы в период наполеоновских войн[35]. Появившиеся в последнее время статьи петербургских ученых по некоторым аспектам Финляндской войны[36] пока демонстрируют лишь слабое знакомство с источниками и зарубежными исследованиями событий 1808–1809 гг.

В общих трудах, даже таких фундаментальных, как многотомная «История Европы», или специальных, как работа А.С. Кана о российско-шведских отношениях в течение двенадцати столетий, авторы посвящают этой войне и присоединению Финляндии к России, как правило, всего лишь несколько предложений[37]. Интересно, что даже в специальном выпуске журнала «Родина», посвященном взаимоотношениям России и Швеции, о последней в истории русско-шведской войне сказана одна фраза[38], тогда как другие события нашей многовековой совместной истории – эпоха викингов, Невская битва, Полтава, войны 1741–1743 гг. и 1788–1790 гг. и др. – освещены весьма подробно. То же можно сказать и об учебниках, как школьных, так и вузовских. В некоторых из них эти события вообще не упоминаются[39].

В результате одним из главных источников сведений о событиях 1808–1809 гг. на северо-западных границах Российской империи и об истории взаимоотношений России и Финляндии в целом для современных россиян является научно-популярная литература, заполнившая книжные прилавки страны. Далеко не всегда эта литература так уж безобидна, как это представляется историкам-специалистам, не желающим тратить время на рецензирование и подробный разбор массовых изданий. Достаточно вспомнить творчество «военного историка» А.Б. Широкорада, издавшего за последние 10 лет огромными тиражами более сорока объемных книг по самым различным проблемам – от

энциклопедии отечественной артиллерии до весьма своеобразных трактовок тысячелетней истории дипломатии и войн России, в том числе и российско-финляндских отношений[40]. В этом же ряду можно упомянуть историко-приключенческую прозу А.Г. Шкварова, одна из последних книг которого, повествующая о действиях русской кавалерии на территории Финляндии в русско-шведской войне, носит весьма симптоматичное название, напрямую адресующее читателя к концепции К. Ордина: «Лед. Гранит. Подковы: Покорение Финляндии»[41].

200-летний юбилей Финляндской войны и присоединения Финляндии к России – хороший повод для того, чтобы обсудить возможность создания современного комплексного исследования о событиях 1808–1809 гг. с участием историков России, Финляндии и Швеции. По крайней мере, в Финляндии и Швеции юбилей последней русско-шведской войны и связанные с этим глобальные изменения в судьбах шведского и финского народов отмечается на государственном уровне[42]. И если с военно-исторической точки зрения, война, действительно, «теряется» в общей картине Наполеоновской эпохи, то ее историко-политический контекст по-прежнему явно недооценивается.

Примечания

[1] В основу статьи положены доклады, сделанные авторами на российско-финляндском симпозиуме «1808–1809. Европейская война на Севере», организованном Институтом российской истории РАН в июне 2007 г.

[2] См.: http://www.1812.ru/

[3] *Приходько Н.И.* Исследовательские периоды в изучении русско-шведской («финляндской») войны 1808–1809 гг. в отечественной историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Мат-лы ежегодной научн. конф. 25–26 апреля 2001 г. СПб., 2002. С. 117–124; *Фишер А.Е.* К вопросу об особенностях исследования партизанского движения в Финляндии в период русско-шведской войны 1808–1809 годов на примере российской историографии XIX–XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Мат-лы VII ежегодной научн. конф. 13–14 апреля 2005 г. СПб., 2006. С. 254–264.

[4] *Приходько Н.И.* Указ. соч. С. 117.

[5] *Ордин К.Ф.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. В 2 т. Т. 1. СПб., 1889.

[6] *Gagarin P.* Les treize journées ou la Finlande. 1809. В том же году появились пространные выдержки из этого сочинения в русском переводе: Нечто о Финляндии в 1809 г. (Заимствовано из сочинения «Тринадцать дней или Финляндия» кн. Гагарина) // Русский вестник, 1809, № 8. Об особенностях и значении труда Гагарина см.: *Соломещ К.М.* От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Новгород, 2004. С. 146.

[7] *Сухтелен П.К.* Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 годах. Пер. с франц. СПб., 1832. (Оригинальное издание на франц. яз. вышло в Санкт-Петербурге в 1827 г.).

[8] *Михайловский-Данилевский А.М.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841.

[9] Там же. С. 2.

[10] См., напр.: *Злобин К.К.* Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России // Сборник Русского исторического общества. Вып. 2. 1868. С. 1–95.

[11] *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.

[12] *Герих П.* Завоевание Финляндии. История русско-шведской войны 1808–1809 гг. Т. 1–2. СПб., 1904–1905.

[13] *Ниве П.А.* Русско-шведская война 1808–09 гг. СПб., 1910.

[14] *Борисевич А.Т.* Заметки по поводу последних исследований о русско-шведской войне 1808-1809 гг. // Военный сборник. 1909. № 2–6, 8–10.

[15] Шведская война 1808–1809 гг. / Сост. Военно-историческим отделом Шведского генерального штаба. Пер. с шведск. Под общей ред. А.М. Алексеева. В 3 т. СПб., 1906–1910.

[16] *Захаров Г.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. М., 1940.

[17] *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974; *Хелме Р.* О роли русско-шведской войны 1808–1809 гг. в развитии русского военного искусства // Скандинавский сборник. Вып. XXVIII. Таллин, 1983. С. 47–67.

[18] *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 89; *Захаров Г.* Указ. соч. С. 83–85.

[19] *Хелме Р.* Указ. соч. С. 67.

[20] *Захаров Г.* Указ. соч. С. 6.

[21] Там же. С. 80.

[22] *Zaharov G.J.* Venäjän ja Ruotsin välinen sota vuosina 1808-1809. Helsinki, 1985.

[23] *Кяйвяряйнен И.И.* К вопросу об оценке присоединения Финляндии к России в 1809 году // Ученые записки Петрозаводского университета. Т. 6. Вып. 1. Петрозаводск, 1957. С. 67–73.

[24] См.: История СССР. Т. II. Россия в XIX в. / Под ред. М.В. Нечкиной. М, 1954. С. 61.

[25] *Кяйвяряйнен И.И.* Указ. соч. С. 72.

[26] *Кяйвяряйнен И.И.* Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965.

[27] См.: *Корнилов В.А.* К истории политического устройства Великого княжества Финляндского в 1809 г. // Ученые записки Московского гос. пединститута. Т. 439. М., 1971; История Швеции. М., 1974; *Рогинский В.В.* Россия и Скандинавские государства в 1801–1815 гг. // Скандинавский сборник. Вып. XXI. Таллин, 1976. С. 227–235; *его ее.* Швеция и Россия. Союз 1812 г. М., 1978; *Смусин Л.С.* К вопросу о характере внешней политики Швеции 1800 – весны 1808 годов // Скандинавский сборник. Вып. XXIII. Таллин, 1978. С. 81–96.

[28] См. напр.: *Суни Л.В.* Финляндия в составе России // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974. С. 164–170; Новейшая история. 1918–1939 гг. / Под ред. И.С. Галкина и др. М., 1974. С. 479.

[29] *Похлебкин В.В.* СССР – Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975.

[30] *Pohlebkin V.V.* Suomi vihollisena ja ystävänä 1714–1967. Porvoo; Helsinki, 1969.

[31] *Кан А.С.* Великое княжество Финляндское под властью царской России (О русском издании книги В.В. Похлебкина) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 104–131.

[32] *Дусаев Р.Н.* Рец. на кн.: В.В. Похлебкин. СССР – Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975 // Скандинавский сборник. Вып. XXII. Таллин, 1977. С. 257–263.

[33] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Справочник. Вып. 2. Кн. 1: Войны и мирные договора. М., 1995.

[34] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел / Под ред. А.Л. Нарочницкого. Серия I в 8 т. М., 1960–1972; Россия и Швеция: Документы и материалы 1809–1818 гг. М., 1985.

[35] См.: *Рогинский В.В.* Северная Европа и Россия на заключительном этапе наполеоновских войн // Северная Европа: Проблемы истории. Вып. 3. М., 1999. С. 112–126.

[36] *Приходько Н.И.* Указ. соч.; *Фишер А.Е.* Указ. соч.; *его же.* Политика Наполеона и русско-шведская война 1808–1809 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Мат-лы ежегодной междунар. научн. конф. СПб., 2007. С. 110–122.

[37] История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. М., 2000. С. 129; *Кан А.С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 157–160; *Шефов Н.* Битвы России. Военно-историческая библиотека. М., 2002.

[38] *Рогинский В.* Маленький серебряный меч // Родина. 1997. № 10: Россия и Швеция: 12 столетий. С. 99.

[39] См.: напр.: *Павленко Н.И., Ляшенко Л.М., Твардовская В.А.* История России XVIII–XIX вв. 10 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. М., 1997; История России IX–XX вв.: Учебник для вузов / Под ред. Г.А. Аммона и Н.П. Ионичева, М., 2002.

[40] См., напр.: *Широкорад А.Б.* Северные войны России. М., 2001; *его же.* Три войны «Великой Финляндии». М., 2006; *его же.* Финляндия – Россия: три неизвестные войны. М., 2006.

[41] *Шкваров А.Г.* Лед. Гранит. Подковы: Покорение Финляндии. СПб., 2006.

[42] См., напр., сайты, созданные под эгидой правительств Финляндии и Швеции: http://1809.fi и http://www.markesaretl809.se/

© 2009 г. В.В. РОГИНСКИЙ*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФРИДРИХСГАМСКОГО МИРА 1809 года ДЛЯ РОССИИ

5 (17) сентября 1809 г. в небольшом финляндском городе Фридрихсгам (финское название Хамина) высокопоставленные представители российского императора Александра I и шведского короля Карла XIII подписали договор, который подвел черту под последней в истории войной между Россией и Швецией, получившей в североевропейской исторической традиции название «финской».

В отечественной историографии пока нет обстоятельной работы, которая на современном научном уровне рассмотрела бы предысторию Фридрихсгамского трактата и проанализировала бы его содержание и значение. До революции общие сведения об этом мирном договоре и о предшествовавших его подписанию переговорах давали историки консервативно-охранительно-

* **Рогинский Вадим Вадимович,** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

го направления К.Ф. Ордин[1] и М.М. Бородкин[2]. В советское время данной темы касались полковник Г.Ф. Захаров[3] (в будущем генерал армии), И.С. Киняпина[4] и ленинградский историк-скандинавист Л.С. Смусин[5]. На заключении Фридрихсгамского договора остановился также в связи с рассмотрением присоединения Финляндии к Российской империи карельский историк, профессор Петрозаводского государственного университета И.И. Кяйвяряйнен[6]. В 1960-х гг. значительный документальный материал был опубликован в четвертом и пятом томах первой серии издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века»[7].

Более обстоятельно дипломатическая предыстория и история войны 1808–1809 гг., включая заключение Фридрихсгамского мира, была освещена в шведской (Эрик Хамнстрём[8], Андерс Граде[9], военно-исторический труд шведского генштаба о русско-шведской войне 1808-1809 гг.[10], биография шведского дипломата Курта фон Стединга, написанная Карлом Хенриком фон Платеном[11]) и финляндской историографии (Пяявиё Томилла[12]). В этой литературе Фридрихсгамский мирный договор рассматривался, как правило, только с точки зрения двусторонних российско-шведских отношений. Весьма скупо говорилось о ходе дипломатических переговоров, предшествовавших заключению договора. Иногда подчеркивалось его значение для судьбы Финляндии, но никогда не говорилось о последствиях Фридрихсгамского мира для становления новой системы международных отношений во всем североевропейском регионе, имевшем первостепенное значение и для России.

В данной статье делается попытка проанализировать текст трактата, кратко показать ход переговоров, предшествовавших его подписанию, посмотреть, как договор был встречен в России, прежде всего, с официальной стороны. Кроме того, по моему мнению, Фридрихсгамский мирный договор был первым, быть может, важнейшим, но не единственным блоком в строительстве новой международной системы в регионе, которая стала складываться в это время и которая в будущем определила курс российской внешней политики в североевропейском направлении на многие десятилетия.

Переговоры о подписании договора шли чуть больше месяца. С российской стороны их вели министр иностранных дел Российской империи гр. Николай Петрович Румянцев и видный российский дипломат Давид Михайлович Алопеус, с 1803 по 1808 г. бывший посланником в Стокгольме, а со шведской – барон Курт фон Стединг, занимавший пост шведского посла в Санкт-Петербурге с 1792 г. до начала русско-шведской войны, и полковник Андерс Фредрик Шёльдебранд. Шведские и российские уполномоченные встретились 2 (14) августа 1809 г. Официальные переговоры начались на следующий день. Шли они интенсивно, их держал под контролем император Александр I. С самого начали шведы согласились признать переход Финляндии под эгиду России и присоединиться к континентальной блокаде Англии. Спорными оставались лишь два вопроса: судьба Аландских островов и точное определение будущей российско-шведской (финляндско-шведской) сухопутной границы на севере. Российское предложение состояло в том, чтобы установить границу по р. Каликс-эльв, впадавшей в Ботнический залив. Шведы хотели провести ее гораздо восточнее, по реке Кеми-йоки, также впадавшей в Ботнический залив. После бурных препирательств пришли к компромиссу: остановились на реках Торнион-йоки и Муониойоки, протекавших как раз между Каликс-эльв и Кеми-йоки. В вопросе об Аландских островах, которые шведы считали ключом к Швеции, российская дипломатия была непреклонна, и под давлением не только дипломатическим, но и военным (российские войска были уже на территории собственно Швеции) шведские дипломаты были вынуждены отступить. В сентябре шведам, тщетно надеявшимся на поддержку Наполеона, стало ясно, что затягивание переговоров может дорого стоить Швеции, и они пошли на уступки, тем более что с российской стороны недвусмысленно дали понять, что готовы на смягчение условий присоединения к континентальной блокаде. 5 (17) сентября текст договора был подписан[13].

Посмотрим, каковы же были условия этого важнейшего не только в истории России и Швеции, но и всего североевропейского региона трактата (текст воспроизводится по официальному переводу на русский язык, откуда и некоторая его архаичность[14]).

Первая статья договора прямо говорила о восстановлении мира между Россией и Швецией: «Мир, дружба и доброе согласие пребудут отныне между е. в-вом императором всероссийским и е. в-вом королем шведским; высокие договаривающиеся стороны приложат все свое старание о сохранении совершенного согласия между ими, их государствами и подданными, избегая рачительно всего того, что могло бы поколебать впредь соединение, счастливо ныне восстановляемое». Вторая статья предусматривала посредничество российского императора в восстановлении мира Швеции с Францией и Данией: «самым формальным и наисильнейшим образом не упускать из виду ничего, что с его стороны может споспешествовать скорому заключению мира между ним и е. в-вом императором французским, королем италийским и е. в-вом королем дат-

ским и норвежским с помощью переговоров, непосредственно с сими державами уже открывшихся».

Важнейшей статьей договора стала третья, говорившая о согласии Швеции присоединиться к континентальной блокаде: король шведский «обещает приступить к системе твердой земли (так в буквальном переводе с французского именовалась тогда континентальная блокада. - *В.Р.*) с ограничениями, кои подробнее постановлены будут в переговорах, имеющих последовать между Швециею, Франциею и Даниею». Шведский король обещал также закрыть порты страны для британских военных и торговых судов, однако тут же была сделана, естественно, с согласия России, весьма существенная оговорка, которая, как это ни парадоксально, во многом сводила на нет всю систему наполеоновской континентальной блокады. Весьма существенное исключение было сделано для «привоза соли и колониальных произведений, соделавшихся от употребления необходимыми для жителей шведских». Российская сторона заранее обещала поддержать эти изъятия на переговорах с Францией и Данией: «впредь принять за благо все ограничения, какие союзники его почтут справедливыми и приличными допустить в пользу Швеции относительно торговли и купеческого мореплавания».

Четвертая статья оформляла отказ Швеции от Финляндии: «Е. в-во король шведский как за себя, так и за преемников его престола и Королевства Шведского отказывается неотменяемо и навсегда в пользу е. в-ва императора всероссийского и преемников его престола и Российской империи от всех своих прав и притязании на губернии, ниже сего означенные, завоеванные оружием е. и. в-ва в нынешнюю войну от державы шведской, а именно: на губернии Кимменегардскую, Ниландскую и Тавастгускую, Абовскую и Биернеборгскую с островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть Западной Ботнии до реки Торнео, как то постановлено будет в следующей статье о назначении границ». Сразу же бросается в глаза, что в трактате не говорилось о Финляндии, как о чем-то целом, а перечислялись входившие в ее состав губернии. Пятая статья договора устанавливала новую границу между двумя государствами по рекам Торнион-йоки и Муонио-йоки, причем подробно оговаривалась государственная принадлежность островов по течению этих рек. Кроме того, предусматривалось немедленное назначение инженеров «с одной и другой стороны, кои явятся на места для постановления границ вдоль рек Торнео и Муонио по вышеначертанной линии».

Шестая статья подтверждала обещанные российским императором еще в ходе войны гарантии сохранения в Финляндии лютеранства и прежних шведских законов: «Поелику е. в-во император всероссийский самыми несомненными опытами милосердия и правосудия ознаменовал уже образ правления своего жителям приобретенных им ныне областей, обеспечив по единственным побуждениям великодушного своего соизволения свободное отправление их веры, права собственности и их преимущества, то его шведское в-во тем самым освобождается от священного, впрочем, долга чинить о том в пользу прежних своих подданных какие-либо условия». Седьмая и восьмая статьи предусматривали прекращение всех военных действий, отвод российских войск со шведской территории. Девятая прописывала порядок обмена пленными.

Ряд статей обстоятельно рассматривали «технические» стороны присоединения Финляндии к России. Весьма важной для жителей Финляндии и ее уроженцев, оказавшихся в Швеции, была десятая статья, которая гарантировала им право свободного возвращения в Финляндию, а также возможность выехать в Швецию для тех, кто хотел бы покинуть Финляндию. Предусматривался порядок продажи их владений в течение трех лет. 11-я статья гарантировала полную амнистию тем подданным шведского короля, кто перешел на сторону России: «Отныне будет вечное забвение прошедшего и всеобщее прощение обоюдным подданным, коих мнения или деяния в пользу той или другой из высоких договаривающихся сторон во время сей войны ввели их в подозрение или подвергнули суду». 12-я статья предусматривала передачу российской стороне различных документов, касавшихся Финляндии: «акты на владения, архивы и другие документы, общественные и частные, планы и карты крепостям, городам и землям, доставшимся по сему трактату е. в-ву императору всероссийскому, со включением карт и бумаг, какие могут сыскаться в Межевой конторе». 13-я и 14-я статьи устанавливали порядок урегулирования различных спорных вопросов, в том числе и финансовых, между жителями собственно Швеции и финляндцами; 15-я предусматривала трехгодичный срок урегулирования возможных вопросов наследования имущества, которые могли возникнуть у подданных обеих стран.

16-я статья предусматривала продление до 1 (13) февраля 1813 г. действия заключенного в 1801 г. российско-шведского торгового договора (его срок заканчивался 17 (29) октября 1811 г.), но только в тех его положениях, которые не противоречили российской декларации от 1 (13) января 1807 г., провозглашавшей присоединение России к континентальной системе. 17-я статья разрешала беспрепятственную торговлю между Швецией и Финляндией на тех же основаниях,

на каких она производилась, когда Финляндия была частью Шведского королевства: «финляндцам позволяется из Швеции вывозить руды, железо в крицах, известь, камни для строения плавильных печей и вообще всякие другие произведения земли сего королевства. Во взаимство того шведы могут из Финляндии вывозить скот, рыбу, хлеб, холст и смолу, доски, деревянную всякую посуду, строевой и дровяной лес и вообще все другие произведения земли сего великого княжества».

18-я статья повторяла положение, содержавшееся во всех предыдущих российско-шведских договорах, начиная с Ништадского (1721 г.) мира, о разрешении шведов закупать в России и беспошлинно вывозить 50 тыс. четвертей хлеба. 19-я обговаривала вопрос о взаимной «салютации» кораблей обеих стран. 20-я предусматривала дружеское урегулирование проблем, которые могли возникнуть: «Если бы произошли затруднения по каким-либо пунктам, о которых не постановлено в сем трактате, то оные будут рассматриваемы и определяемы дружественно обоюдными послами или полномочными министрами с таким же миролюбным расположением, на каковом основано заключение сего трактата». Заключительная 21-я статья определила четырехнедельный срок для ратификации договора обеими сторонами и обмена ими в Санкт-Петербурге.

На следующий день сообщение о подписании мирного договора во Фридрихсгаме и его текст пришли в российскую столицу. Александр I написал по этому поводу сестре Екатерине Павловне: «Мир со Швецией, о котором я сообщаю, таков, как я и желал. Этот мир превосходен и полностью таков, как я хотел. Я не могу не возблагодарить Верховное существо. Полная уступка Финляндии до Торнео с Аландскими островами, присоединение к континентальной системе и закрытие портов для Англии, и, наконец, мир с союзниками России: все заключено без посредников»[15].

Сохранилось описание торжеств в Санкт-Петербурге по поводу заключения мира. 6 (18) сентября мир со Швецией был «возвещен» жителям столицы пушечными выстрелами с Петропавловской крепости. В «Московских ведомостях» подчеркивалось, что «присоединение к Российской империи целого Великого княжества Финляндского и Аландских островов обеспечивает навсегда пределы России с сей стороны от неприятельских покушений»[16]. На следующий день, как писала газета, было принесено «благодарственное Всемогущему Богу молебствие» в Исаакиевском соборе. «Для торжества сего собраны были войска, числом 15 089 человек со 104 орудиями, стоявшие в параде на площадях Дворцовой, Исаакиевской и Петровской, и по прилегающим к ним улицам». Командовал войсками великий князь Константин Павлович. В торжественной процессии из Таврического дворца до Исаакиевского собора принимали участие император Александр I, императрицы Елизавета Алексеевна и Мария Федоровна, великие князья. Перед храмом процессия была встречена митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Амвросием (Подобедовым). Во время молебствия, «при возглашении *Тебе Бога хвалим*, началась пальба с крепости и изо всех бывших при параде орудий, а войсками пущен был ружейный огонь». После молебствия Александр I, остановившись перед памятником Петру I, «салютовал ему со всеми войсками своими, и тем воскрешал память великих дел Полтавского Победителя». В церквах весь день продолжался колокольный звон; а вечером весь город был иллюминирован[17].

Оценку Александром I заключенного трактата можно найти в ряде документов. Так, например, в рескрипте главнокомандующему в Москве генерал-фельдмаршалу И.В. Гудовичу император писал: «Таким образом, положен конец войне, коей разные происшествия приобрели Российскому воинству незабвенную славу; а окончание ее, присоединив к Империи страну, населением народа трудолюбивого, успехами земледелия, торговыми пристанями, важными укреплениями и твердынями Свеаборга знаменитую, распространило и вместе с тем на вечные времена обеспечило пределы Отечества нашего»[18].

Более развернутая оценка Фридрихсгамского мира и его значения для России была дана Александром I в обращенном к стране манифесте, который был подписан 1 (13) октября. Автором текста манифеста, скорее всего, был Н.П. Румянцев, который контрассигновал документ[19]. Манифест начинался со своеобразного краткого экскурса в историю взаимоотношений России со Швецией: «В течение семи столетий непрерывные почти войны потрясали спокойствие народов, предуставленных природою хранить доброе и мирное соседство. От самых отдаленнейших времен до дней наших, от славных побед благочестивого предка нашего святого и великого князя Александра Невского до настоящего мира редко проходило двадцать с ряду лет, и никогда почти не протекало полвека, чтоб война между ими не возникла. Колькратно мир, кровью народов запечатленный, вскоре после того был по стечению обстоятельств снова расторгаем! Колькратно Финляндия, всегдашний предмет и позорище сей войны, страдала, истребляема огнем и мечом!» Далее Александр напоминал о событиях XVIII в., об итогах войн со Швецией 1700–1721 гг.

и 1741–1743 гг.: «Успехами оружия славных наших предков, превозможением их и твердостью духа троекратно присоединяемы были к России разные части пограничных шведских владений. Часто постановляемы и многократно подтверждаемы были мирные трактаты. Взаимные и ощутительные пользы делали для обоих народов мир драгоценным». «Но причины войны были неиссякаемы. Споры о границах беспрестанно возрождались, и среди мира Россия не обретала в них твердой ограды своему спокойствию. При сей нетвердости пределов, противоположность в видах политических всегда новую и непрерывную представляла войне пищу». Итогом, по мнению Александра, было то, что «Провидению угодно наконец было сию долголетнюю и всегда возрождающуюся прю соседственных народов решить окончательно в дни наши».

Затем шло конкретное объяснение причин последней войны и позиции России: «Настоящий разрыв возник от причин, кои в существе своем были одинаковы со всеми предыдущими. Преклонность Швеции к державе нам неприязненной (имелась в виду Великобритания - *В.Р.*), и близкий пример пылающего Копенгагена, были явным предзнаменованием враждебных мер на нас совершаемых. Оружием надлежало положить преграду сим совещанием. Но восприяв оружие, мы тогда же готовы были остановить его действие. Первое движение наше было обратить занятие Финляндии российскими войсками в простую меру осторожности. Но советы наши и самые сильные убеждения остались безуспешны. Война соделалась неизбежною и последствия ее показали, что правое наше дело было под сильною вышнего промысла защитою». Ход войны описывался в столь же возвышенных тонах: «По следам древних побед, в странах, где Петр Великий приучал россов к воинской славе, храброе наше воинство мужественно подвизаясь, преоборая все препятствия, по глыбам льда проницая в места непроходимые, от пределов к столице нашей близких, простерло славу российского оружия до самых отдаленных стран Севера: покорило Финляндию, завладело всеми ее провинциями, одержало знаменитые острова Аландские, и объяв Ботнический залив, прейдя западную Ботнию, на отдаленных пределах ее утвердило свое обладание. На сем великом пространстве все города, порты, укрепления, самые твердыни Свеаборга пали во власть его. Путь к победам, не взирая на все сопротивление, еще был отверзт; но как скоро надежда к прочному миру представилась возможною, мы, с удовольствием оставив все выгоды воинского нашего положения, обратились к миру».

Объяснение основ заключенного мира и его выгод было геополитическим, причем эта мысль повторялась в манифесте неоднократно: «В основания его мы постановили оградить империю нашу *естественными и твердыми пределами* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – *В.Р.*), отдалить и пресечь раз навсегда причину и предлог браней, и вместе с тем утвердить единообразие политической системы, положению обоих народов свойственной и святости наших союзов приличной». Последствия заключенного мира, «утвердив доброе соседство на незыблемых началах, должны истребить и навсегда уничтожить все причины к опасениям и раздору». «Сею твердою надеждою, постановлением империи нашей *непреложных и безопасных границ*, измеряем мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владения наши, с одной стороны огражденные Свеаборгом и другими крепостями, обеспеченные весьма важным для морской силы положением Аландских островов, с другой окруженные Ботническим заливом и отделенные от соседей большими реками Торнео и Муонио, всегда будут составлять *твердую и незыблемую ограду* Империи Нашей».

Был также сделан реверанс в адрес присоединенных финнов и Финляндии: «При таковых существенных выгодах сего мира не может быть для сердца нашего равнодушно присоединение к числу верных наших подданных народа финского. Бедствиями войны доселе почти непрерывно обуреваемый, отныне станет он на чреде народов, под сенью престола нашего покоющихся в тишине и безопасности. Шесть губерний со всеми принадлежащими к ним городами и селениями приобретают сим новое бытие и благословляют уже промысл Вышнего, судьбу их тако устрояющий». Александр I, кстати, довольно прозорливо предвидел экономический подъем Финляндии в ее новом положении, в составе Российской империи: «Обладая всеми портами и пристанями в Финском заливе, на Аландских островах и во всей восточной части Ботнического залива до самого Торнео, в стране плодоносной, изобилующей лесами и разными произведениями земли, населенной народом трудолюбивым и к мореходной промышленности издревле приобыкшим, торговля наша воспримет новое расширение, купеческое мореплавание получит новую деятельность, с тем вместе и воинское наше морское ополчение приобрящет новые силы».

Любопытна реакция Франции на заключенный договор. Проницательный французский посол в Санкт-Петербурге Арман де Коленкур заявил министру иностранных дел, что статьи трактата решены не в духе Тильзитского договора, так как в них не выполнены задачи, налагавшиеся на Россию в отношении Швеции. Швеция полностью не присоединилась к континентальной блокаде и даже не обязалась объявить войну Англии[20]. На это же самое, но уже как на пример про-

зорливости, намекнул Румянцеву такой видный специалист по международным отношениям, как бывший министр иностранных дел Франции Шарль-Морис Талейран, который после встречи в Эрфурте стал оказывать российскому правительству некоторые, иногда весьма щекотливые услуги, и которому Румянцев отправил текст договора «на экспертизу». Талейран весьма велеречиво поздравлял российского министра с этим договором: «Это прекрасный труд великого государственного деятеля. Вы обеспечиваете Вашему государю и Вашей стране большую провинцию, очень интересную для Вашей столицы. Вы утешаете тех, кто вам ее уступает, за жертвой, которую они делают весьма реальной выгодой, подходящей для того, чтобы польстить жителям городов, части менее многочисленной и менее рекомендуемой из наций, но единственной, которая говорит, которая слушает и которая делает то, что можно назвать общественным мнением. Выгода, которую Вы представляете Швеции, продлится столь долго, как другие государства не признают свои торговые интересы, или, будучи обязаны действовать, будучи вынуждены действовать, как будто они не признают их. Вы также делаете маленькую милость англичанам, она показывает, что ваша верность континентальной системе не исключает своего рода примирительного благоволения: этим вы приоткроете у других держав дверь к более либеральным идеям, и вы укажете, что ваш кабинет с удовольствием увидит, что к ним возвращаются. Все это принадлежит высокой и в значительной степени умелой политике, и Вы составили его на нашем языке как самый точный публицист и как самый элегантный и самый точный член Французской академии. Мое самолюбие могло быть от этого ревнивым. Но моя дружба к Вам, которая гораздо сильнее, живо этим затронута. Она отвечает той дружбе, которую Вы сохраняете ко мне, и доверию, которое Вы мне соблаговолили засвидетельствовать»[21].

Информацию о заключении Фридрихсгамского мира Румянцев уже в день его подписания отправил на другой конец Европы, где шла война России с Османской империей, в ставку главнокомандующего Молдавской (Дунайской) армией, генерала от инфантерии П.И. Багратиона, в лагерь под Силистрией. Получив депешу министра иностранных дел, Багратион поспешил поблагодарить «за столь поспешное сообщение известия о благополучно совершившемся между Россиею и Швециею славном и полезном для отечества нашего мире». Полученное сообщение Багратион не преминул использовать в пропагандистских целях. Он писал Румянцеву: «Обнародовав известие сие в княжествах Молдавии и Валахии, я в то же время принял через посредство генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье, тайного советника и сенатора Кушникова и коллежского советника Кирико все возможные меры, дабы помянутое известие, не яко от нас, но от лиц беспристрастных, или даже приемлющих участие в интересах Порты, происходящее, распространяемо было во внутренности Турецкой империи и дабы по мере возможности приличным образом внушаемо было туркам, что заключение мира со Швециею придает Империи неисчислимые новые силы и предоставляет распоряжению Его имп. в-ва многочисленную армию отборнейшего войска, которая весьма легко может быть обращена против Порты Оттоманской, если сия последняя не последует примеру древней ее союзницы Швеции и не поспешит просить о мире»[22].

Фридрихсгамский мирный договор, сколь важным не было его заключение, не стал окончательным решением всего сложного комплекса проблем, связанных с новым геополитическим положением дел в регионе – переходом Финляндии в состав Российской империи. Отмечу несколько важных актов, которые как бы достраивали для России новую геополитическую структуру европейского Севера на ближайшее столетие. Первый акт – российско-шведская конвенция об окончательном разграничении и делимитации между Швецией и Россией (Финляндией), подписанная в Торнео 8 (20) ноября 1810 г. после тщательной геодезической работы на местности[23]. Это был чисто технический акт, реализация положений Фридрихсгамского договора. Этот договор и заключенная в его развитие конвенция установили ту границу, которая и сегодня проходит между Швецией и Финляндией.

Вторым важным актом, с которым выступил Санкт-Петербург, стало присоединение к Великому княжеству Финляндскому так называемой «старой Финляндии», т.е. тех территорий, которые отошли к России по Ништадскому мирному договору 1721 г. и Абоскому мирному договору 1743 г.[24]. 11 (23) декабря 1811 г. Александр I издал указ «О присоединении к Финляндии Выборгской губернии» и выпустил манифест «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндией»[25]. Первый пункт указа гласил: «По местному положению старой Финляндии, находя полезным присоединить оную к Великому княжеству Финляндии, признали Мы за благо постановить следующее: Финляндская губерния присоединяется к Великому княжеству Финляндии, и в общем его составе будет именоваться губерниею Выборгскою». Остальные девять пунктов указа детализировали порядок распространения на присоединяемую территорию норм, действовавших в Великом княжестве. Манифест же фактически повторял главные положения указа: «С присоединением новой Финляндии к Российской империи, различие между старой и но-

вою Финляндиею, как в наименовании их, так и в самом образе управления, находя излишним и настоящему положению сего края несвойственным, вняв мнению Государственного Совета, признали Мы за благо постановить следующее: 1. Старую и новую Финляндию отныне совокупно именовать Финляндиею. 2. Прежняя Финляндская губерния наравне с губерниями, в Финляндии существующими, отныне будет состоять в главном управлении, для сей страны Нами учрежденном»[26]. Лишь учреждения Православной церкви на территории Великого княжества Финляндского оставались под управлением общеимперских ведомств, Святейшего Синода и епархиального управления[27].

Третьим важнейшим актом, закрепившим добрососедскую направленность отношений России и Швеции после Фридрихсгама, стал российско-шведский союзный договор, подписанный 5 апреля 1812 г. в Санкт-Петербурге[28], и дополнившие и развившие его условия две конвенции: 3 (15) июня 1812 г., подписанная в Вильно[29], и 18 (30) августа, заключенная в Або (Турку), во время встречи императора Александра I со шведским наследным принцем Карлом Юханом (Бернадотом)[30]. Главным условием было согласие России на присоединение Норвегии к Швеции. Швеция подтверждала окончательный отказ от Финляндии. Эти соглашения стабилизировали отношения со Швецией и положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи[31].

И, наконец, четвертый акт – торговый договор между Российской империей и Соединенными королевствами Швецией и Норвегией, заключенный в Санкт-Петербурге 29 августа (10 сентября) 1817 г., который не случайно именовался «Дополнительный акт к Фридрихсгамскому мирному договору между Россией и Швецией». Дело в том, что торговые отношения между двумя государствами регулировались специальным трактатом, подписанным под самый занавес царствования императора Павла I 1 (13) марта 1801 г.[32] Фридрихсгамский договор своей 16-й статьей продлил срок действия этого торгового договора до 1 (13) февраля 1813 г. После 1813 г. этот срок неоднократно продлевался особыми соглашениями. Однако изменение политической карты Северной Европы – переход Финляндии к Российской империи и возникновение в 1814–1815 гг. шведско-норвежской унии – делали настоятельной существенную переработку условий торговли между двумя государствами, переговоры о чем начались уже в 1815 г.[33]

Таким образом, именно русско-шведская («финская») война 1808–1809 гг. и завершивший ее Фридрихсгамский мир 5 (17) сентября 1809 г. положили начало грандиозной перестройке всей политической системы Северной Европы, что имело огромное значение для внешней политики России не только на северо-западном направлении, но и в Европе в целом. В регионе возникли новые национальные государства: Великое княжество Финляндское во главе с великим князем – российским императором, и королевство Норвегия, в основном самодостаточное государство, почти со всеми атрибутами суверенитета, но в личной унии со Швецией и общей с ней внешней политикой. Новое государственное образование получило название «Соединенные королевства Швеция и Норвегия».

В этом и состояла та перекройка всей политической системы североевропейского региона, первым и важнейшим этапом которой были война 1808-1809 гг. и Фридрихсгамский мир. Крайне важным результатом этих преобразований было то, что этот небольшой период подвел черту под многовековыми проблемами и конфликтами в регионе: в историю ушли войны между Россией и Швецией, которые регулярно вспыхивали, начиная с середины XVI столетия. Новая международная архитектура североевропейского региона, краеугольными камнями которой были переход Финляндии под власть России как автономного Великого княжества, возникновение шведско-норвежской унии, прекращение шведского присутствия в Северной Германии (еще с Тридцатилетней войны и Вестфальских мирных договоров 1648 г.), результатом чего было становление шведской системы нейтралитета, полностью отвечала стратегическим внешнеполитическим интересам России на североевропейском направлении. По сути, грандиозные преобразования отражали сложный путь модернизации региона, представляли собой первый шаг к формированию современной системы международных отношений.

Примечания

[1] *Ордин К.Ф.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. I–II. СПб., 1889; *его же.* Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 1–3. СПб., 1908–1909.

[2] *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909; *его же.* Краткая история Финляндии. СПб., 1911.

[3] *Захаров Г.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. М., 1940.

[4] *Киняпина К.С.* Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963.

[5] *Смусин Л.С.* Фридрихсгамский договор 1809 г. и деятельность русской дипломатии // Проблемы отечественной истории. Ч. II. М.; Л., 1976. С. 23–42.

[6] *Кяйвяряйнен И.И.* Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965.

[7] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел (далее – ВПР). Сер. I. 1801–1815 гг. Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. Т. I–VIII. М., 1960–1972 Т. IV. М., 1965.Т. V. М., 1967.

[8] *Hamnström E.* Freden i Fredrikshamn. Uppsala, 1902.

[9] *Grade A.* Sverige och Tilsit-alliansen (1807–1810). Lund, 1913.

[10] Sveriges krig åren 1808 och 1809. Utg. af Generalstabens krigshistoriska afdelning. Del. I-IX. Stockholm, 1890–1922.

[11] *Platen C.H. von.* Stedingk: Curt von Stedingk (1746–1837): kosmopolit, krigare och diplomat hos Ludvig XVI, Gustav III och Katarina den stora. Stockholm, 1995. Перевод на русский яз.: *фон Платен Карл Хенрик.* Стединк: Курт фон Стединк (1746–1837): космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой. СПб., 1999.

[12] *Tommila P.* La Finlande dans la politique européenne en 1809–1815. Helsinki, Lahti, 1962.

[13] Подлинник договора был составлен по-французски в двух экземплярах, которые хранятся, соответственно, в России в АВП РИ (Ф. Трактаты) и в Швеции в Государственном архиве (Riksarkivet, Traktater). Тогда же он был опубликован в обеих странах, в России с официальным переводом на русский язык, в Швеции – с официальным переводом на шведский. Затем текст договора неоднократно воспроизводился на языке оригинала в различных публикациях международных трактатов (напр.: *Martens G.* Nouveau recueil de traité. Gottingue, 1817. P. 19-29). Русский перевод публиковался в ПСЗ-I (Т. 30. № 23883; С. 1188–1193.) и в приложениях к вышеупомянутой книге Ордина (см.: *Ордин К.Ф.* Собр. соч. Т. 1. СПб., 1908. С. 293–301). Договор также был воспроизведен в издании: ВПР. Сер. I. Т. V. Док. 106. В 1985 г. текст Фридрихсгамского договора открыл совместную советско-шведскую публикацию документов об отношениях между Россией и Швецией в 1809 – 1818 гг. В Москве он был опубликован на русском языке, в Швеции – на французском. (Россия и Швеция 1809 – 1818 гг. Документы и материалы. М., 1985. Док. 1; La Suède et la Russie. Documents et matériaux 1809 – 1818. Rédacteurs : Seved Johnson, V.V. Dubin, V.V. Roginskij. Upsal; Stockholm, 1985).

[14] ПСЗ-I. Т. 30. № 23883. С 1188-1193.

[15] Александр I – великой княгине Екатерине Павловне. 6 (18) сентября 1809 г. // *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 25.

[16] Московские ведомости. 22 сентября 1809 г. № 76. С. 1643–1644.

[17] Там же.

[18] Московские ведомости. 15 сентября 1809 г. № 74. С. 1610.

[19] АВП РИ, ф. Санкт-Петербургский Главный архив (далее – СПб. ГА). I-10, оп. 28, 1809 г., д. 482, л. 1–2 об.; ПСЗ-I. Т. 30. № 23883. С. 1186–1188; *Ордин К.Ф.* Собр. соч. Т. 1. С. 290-293.

[20] Коленкур – Шампаньи. Санкт-Петербург, 25 сентября 1809 г. // *Николай Михайлович, вел. кн.* Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. IV. СПб., 1906. С. 93–101.

[21] АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 3743, л. 4–5.

[22] Багратион – Румянцеву, № 1039. Лагерь под Силистрией, 1 (13) октября 1809 г. // АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 1931, л. 85–87.

[23] АВП РИ, ф. СПб. ГА. I-10, оп. 28, 1810 г., д. 480, л. 1–6 об; Исторический, статистический и географический журнал. 1811. Июнь. С. 221–235; Сборник пограничных договоров. СПб., 1891. С. 10–17; ПСЗ-I. Т. 31. № 24413. С. 429–433.

[24] О присоединении «Старой Финляндии» к Великому княжеству Финляндскому в конце 1811 г. см. подробнее: *Paaskoski J.* G.M. Armfelt och Gamla Finland. // Historisk Tidskrift för Finland. 82. 1997. № 3. S. 302–317.

[25] ПСЗ-I. Т. 31. № 24907; Манифест 5 июня 1808 г. о присоединении Великого княжества Финляндского к России. Манифест 11 декабря 1811 г. о присоединении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндии. Постановление 31 декабря 1811 г. относительно преобразования Выборгской губернии. СПб., 1900; *Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 137–138.

[26] ПСЗ-I. Т. 31. № 24907. С. 923; Манифест 5 июня 1808 г. о присоединении Великого Княжества Финляндского к России...; *Шиловский П.* Указ. соч. С. 129–130.

[27] *Шиловский П.* Указ. соч. С. 130.

[28] Русско-шведский союзный договор. Санкт-Петербург, 24 марта (5 апреля) 1812 г. // АВП РИ, ф. Трактаты, д. 1587/671, л. 539–558; SRA Traktater. British and Foreign State Papers. V. I. (1812-1814). P. I. L., 1841. P. 306–313; ВПР. Сер. I. Т. VI. Док. 130.

[29] Дополнительная конвенция к русско-шведскому союзному договору от 24 марта (5 апреля) 1812 г. Вильно, 3 (15) июня 1812 г. // ВПР. Сер. I. Т. VI. Док. 171.

[30] Вторая дополнительная конвенция (секретная) к русско-шведскому союзному договору от 24 марта (5 апреля) 1812 г. Або, 18 (30) августа 1812 г. // АВП РИ, ф. Трактаты, д. 1593/671, л. 2–9; ВПР. Т. VI. Док. 230.

[31] Подробнее об отношениях России со Швецией в 1812 г. см.: Россия и Швеция 1809–1818. Документы и материалы...; *Рогинский В.В.* Союз Швеции и России: 1812 год. М., 1978. *Tommila P.* Op. cit.

[32] ПСЗ-I. Т. 26. № 19767. С. 549-565; *Martens G.* Recueil des principaux traités. T. VII. Gottingue, 1831. P. 315–335; *Martens G.* Supplement. T. II. Gottingue, 1802. P. 307–327.

[33] АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 12959. 1816–1817. № 1–37. 5 папок; ВПР. Сер. II. Т. I (IX)–II (X).

© 2009 г. М. КЛИНГЕ *

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ

Русско-шведская война 1808–1809 гг. привела к образованию Великого княжества Финляндского и вынудила оказавшуюся в новых границах Швецию перейти к очередному этапу своего общественного развития. Швеция потеряла также Померанию, что в свою очередь оказало влияние на «шведизацию» Швеции и на ее становление как гомогенного национального государства. Процесс отражал общую тенденцию того времени.

Период Великой Французской революции и правления Наполеона Бонапарта (1793–1815 гг.) привел к крушению всей системы европейского государственного устройства, в рамках которого рождались новые и исчезали старые государства; этот процесс вышел за пределы Европы, распространившись на Южную и Центральную Америку. В 1795 г. была основана Батавская республика, которая в 1806 г. стала Голландским королевством, разделившимся в 1830 г. на Бельгию и Нидерланды. События в Италии отличались крайней стремительностью: в 1796 г. была основана Циспаданская республика, а Венецианская была ликвидирована; в 1797 г. родились республики Ломбардия и Цизальпинская, из последней в 1802 г. была образована Итальянская республика, а в 1805 г. – Итальянское королевство; в 1797 г. была создана Лигурийская республика, присоединенная в 1805 г. – наряду с Тосканой и прежней Папской областью – к Франции. На следующий год вместо Папской области была образована Римская республика, а Неаполитанское королевство стало Партенопейской республикой. Последняя в 1806 г. опять стала монархией и была передана брату Наполеона Жозефу, а позднее – Мюрату. В 1798 г. в Женеве родилась Леманская республика. Гаити в 1804 г. было провозглашено империей; эрцгерцогства Нижняя и Верхняя Австрия были объявлены Австрийской империей, правитель которой при этом оставался императором Священной Римской империи. В 1805 г. Баварию и Вюртемберг возвысили до уровня монархий, а Баден – Великого герцогства. В 1807 г. были основаны Варшавское княжество и королевство Вестфалия. В том же году вице-правитель Португалии, бежавший в Бразилию, провозгласил себя ее императором (в 1822 г. его сын объявил Бразилию независимой империей). В 1809 г. появилось Великое княжество Финляндское, в 1810 г. родились государства в Мексике и Чили, а в 1811 г. – в Венесуэле и Парагвае. В 1814 г. были образованы монархии в Ганновере и Норвегии, годом позже возникла Краковская республика, Саксония стала королевством. Присоединенное сначала к нему Варшавское герцогство вошло в состав Российской империи в качестве Королевства Польского, а Норвегия образовала государственный союз со Швецией, король которой был также и королем Норвегии. Многие из названных государств находились в зависимости от Франции, тогда как Финляндия и Польша – от России.

В 1806 г. перестала существовать Священная Римская империя. Вместо нее немецкие государства образовали зависимый от Франции Рейнский союз, и в 1871 г., в конечном итоге, на карте появилась новая Германская империя. Таким образом, принимая во внимание процессы того времени, рождение в 1809 г. Великого княжества Финляндского не представляло собой какого-то исключительного явления. Раздел и передел государств был тогда постоянным рефреном времени. После Венского конгресса (1814–1815 гг.) в Европе в результате разделов образовались Греция и Бельгия, а в результате объединительных процессов – румынская и итальянская монархии, а также Германия. Следующий активный период появления новых государств начался лишь после Первой мировой войны в 1918–1920 гг.

Отторжение Финляндии от Швеции и превращение ее в обособленное великое княжество следует рассматривать как результат взаимодействия двух различных исторических обстоятельств. Оба они связаны с относительным ослаблением шведского государства и с общей ситуацией в балтийском регионе. Один из этих факторов был порожден продолжавшимся длительное время процессом, в ходе которого менялось соотношение сил, второй имел непосредственное отношение к текущей политике.

В войнах рубежа XVI–XVII вв. Швеции удалось полностью оттеснить Россию от морского побережья. Именно с этого времени берет начало геральдическая формула Юхана III «великий князь Финляндии, Карелии и Водской пятины», которой король намеревался украсить свою титулатуру и встать в один уровень со своим шурином королем Польским и великим князем Литовским. С потерей завоеванных земель этот титул сократился до «великого князя Финляндии», но

* **Клинге Матти** (Klinge Matti), профессор-эмиритус Хельсинкского университета (Финляндия).
Перевод с финского Л.В. Суни.

никакого княжества с собственной администрацией или иной формой самоуправления никогда создано не было, точно так же как не имели его и геральдические королевства Свеа и Гета. Позднее, в 1808–1809 гг., российскому императору Александру I предложили провозгласить себя королем Финляндии, но он посчитал разумным сохранить уже существующий – очень высокий в России – титул великого князя. (Монархией Финляндия ненадолго стала только в 1918 г., когда Парламент избрал короля).

Можно предположить, что Александр I в 1809 г. принимал во внимание также возможность, которая могла возникнуть в ходе мирных переговоров и была связана с обменом Финляндии или ее части на другие территории. С этой точки зрения сохранение прежнего геральдического уровня и прежних условий жизни страны представлялось весьма целесообразным. В пользу такой версии говорит то обстоятельство, что Александр I ни во время своей встречи в Эрфурте в 1808 г., ни на Венском конгрессе 1814 г. не пожелал зафиксировать в соответствующих документах сам факт завоевания Финляндии, считая ее будущее сугубо российским делом.

Многовековая экспансия Швеции на восток обратилась вспять в 1703 г., когда Петр I заложил в устье Невы, в Ингерманландии, в шведских владениях, сначала крепость Петра и Павла, затем город Петра и его морскую крепость Кронштадт и превратил в 1712 г. Санкт-Петербург в столицу России. С этого времени началось быстрое, не имеющее аналогов в истории развитие метрополии, которое за одно столетие превратило Санкт-Петербург в один из важнейших административных, военных, торговых и культурных центров Европы. Для обеспечения безопасности новой столицы Петр I завоевал Выборгский и Кексгольмский лены Карелии, Ингерманландию, Эстонию и Лифляндию вплоть до Риги. Он захватил также Финляндию и Аландский архипелаг, подверг опустошению побережье Свеа и Норланда, но по мирному договору 1721 г. возвратил Швеции Западную Финляндию. То же самое произошло и в 1743 г., когда был заключен новый мир со Швецией после очередной русско-шведской войны. Россия вторглась в сферу шведской внутренней политики и в вопросы престолонаследия, и отодвинула границу далее на запад до реки Кюмийоки, но при этом вновь возвратила завоеванную Западную Финляндию Швеции.

Ни тогда, ни позднее Россия не проявляла сильного желания обладать Финляндией: контроль над обширной территорией требовал значительного количества войск, содержание которых в условиях бедной ресурсами Финляндии было сложным, перемещение границы ближе к Стокгольму создало бы источник постоянной напряженности и подпитывало бы в Швеции идею реванша. Во все времена главный военный интерес России был связан с Черным морем и открывавшимися оттуда морскими путями в южном направлении. Конечно, для России всегда было важно следить и за тем, чтобы экспансионистские планы Швеции и Польши не препятствовали ее развитию. Это стало очевидным и при заключении мирных договоров 1940 г. и 1947 г., когда Россия, опираясь на свое превосходство, могла бы потребовать большего. Но она ограничилась исторически обоснованной «границей Петра Великого». Причины, без сомнения, были те же, что и раньше: сложность и дороговизна оккупации, реакция на нее в Швеции и других Западных странах, а также опасения, что подобное продвижение привлекло бы в балтийский регион и другие великие державы.

Мирные переговоры 1920 г. между ослабевшей Россией (Советским Союзом) и молодой суверенной Финляндской республикой, а также предложения по обмену территориями в 1938–1939 гг. и мирные договоры 1940 г. и 1947 г. свидетельствовали о том, что для СССР более важным был военный контроль над Финским заливом, нежели обладание внутренними районами Финляндии. На этих переговорах и в мирных трактатах самым существенным был вопрос о получении военно-морских баз в западной части Финского залива, в Гангуте (Ханкониеми) или в Порккала.

В истории России морская победа при Гангуте в 1714 г. столь же почетна, как и победа сухопутных войск при Полтаве. Гангут свидетельствовал о решающей победе над Швецией. При Полтаве противником, конечно, являлась шведская армия, но там стоял также вопрос о демонстрации военного превосходства над Саксонией, Польшей, украинскими мятежниками, определенным образом и над Турцией. После победы под Гангутом русский флот, опираясь на Кронштадт, Ревель и порты других укрепленных городов Эстонии и Лифляндии, стал доминировать в северной части Балтийского моря, поскольку это было важно для обеспечения безопасности как самого Санкт-Петербурга, так и его широких торговых связей.

Ситуация стала радикально меняться после того, как Швеция при экономической поддержке Франции в 1748 г. приступила к своему самому крупному фортификационному проекту, возведению на подступах к Гельсингфорсу (Хельсинки) Свеаборгской военно-морской крепости. Проект представлялся как оборонительный, но его наступательная природа стала очевидной в очередной войне, которую Швеция начала против России в 1788 г. Тогда Свеаборг стал именно той

точкой опоры морского и галерного флота, его базой, place d'armes, откуда шведы намеревались вести операции против Санкт-Петербурга. Летом 1788 г. Швеция даже потребовала от России возвращения приобретенных ею в 1721 г. Выборгского и Кексгольмского ленов и перенесения границы до реки Сестры (Раяйоки), то есть в район непосредственной близости от Санкт-Петербурга.

Русскому флоту удалось все же, хотя и с большими потерями, отразить шведское наступление, как на подступах к Гогланду (Суурсаари) в 1788 г., так и в Роченсальме (Руотсинсалми) неподалеку от Котки в 1789 г.; и лишь победа шведов во втором морском сражении при Роченсальме в 1790 г. сделала возможным заключение мира на условиях status quo. В этот период шведами были возведены укрепления также на подступах к Гангуту, а еще ранее близ Ловизы, в Свартхольме, недалеко от границы была построена очень сильная крепость, являвшаяся одновременно и морской цитаделью для контроля над флотским рейдом. После строительства этой цепи укреплений Россия более не могла рассчитывать на контроль над Финским заливом и коммуникациями Санкт-Петербурга, а также быть спокойной за безопасность самой столицы, оборонявшейся только силами своего флота, Кронштадта и иных укреплений.

Положение кардинально изменилось в 1807 г., когда противником России стала Англия. Ее мощный флот в 1807 г. уничтожил весь флот Дании и мог в любой момент появиться в Балтийском море. Нейтрализация Свеаборга приобрела для России первостепенное значение. Этим объясняется заинтересованность России в войне, которую она начала, когда для этого представилась возможность; установление контроля над Свеаборгом в начале мая 1808 г. означало решение Россией стоявших перед ней военных целей. По сути дела войну тогда считали уже законченной, в Санкт-Петербурге был устроен большой военный парад; Наполеон поздравил Александра I.

После падения Свеаборга Наполеон сказал, что «петербургские красавицы более не должны слышать гром шведских пушек». Но Свеаборг еще не решил судьбы всей Финляндии. Русским войскам пришлось в 1808–1809 гг. вести трудную войну со шведской (финской) армией, а также против поднявшегося в ряде районов народного сопротивления. Значительные силы русской армии пришлось держать в завоеванной Южной Финляндии, опасаясь не партизанского движения, а возможной активности Швеции и Англии. У России не было достаточных сил для переброски большого количества дополнительных войск на театр военных действий, поэтому война приобрела затяжной характер.

Хотя у России, как было показано выше, существовал долгий устойчивый интерес к контролю над Финским заливом и к обеспечению таким образом безопасности Санкт-Петербурга и его торговли, Александр I не испытывал большого желания воевать со Швецией. Он предпочел бы достижение этих целей дипломатическими средствами, на основе заключенного ранее между Россией, Данией и Швецией системы вооруженного нейтралитета. Но поскольку Россия в 1807 г. вынуждена была поменять свою внешнюю политику с анти- на профранцузскую, она, тем самым, оказалась во враждебных отношениях с Англией. Общая линия со Швецией и Данией требовала теперь изменения и их позиции. В случае с Данией это произошло, правда, не без принуждения. Но Швеция оставалась при своих антифранцузских убеждениях. Для этого были две причины, из которых часто упоминается лишь жгучая ненависть короля Густава IV Адольфа к Наполеону. Второй причиной было отношение к Англии. Швеция становилась все более зависимой от торговых связей с Англией, и ее влияние особенно сильно ощущалось на Западе, в быстро растущем Гётеборге. И когда теперь, в декабре 1807 г., Наполеон объявил в завоеванном им Берлине о полной торговой и почтовой блокаде Англии, позиция Швеции, Дании, Испании и Португалии стала центральной, поскольку все остальное побережье Северного моря и Атлантики уже находилось под контролем Франции. Вопрос стоял о «континентальной блокаде», которую Англия еще ранее объявила французским товарам.

Из-за торговых соображений Швеция не могла присоединиться к континентальной блокаде. На ее позицию оказало влияние прямое экономическое и военное давление, которое выразилось в появлении большой английской эскадры близ Гётеборга. Продолжение союза с Англией означало конфликт с Россией, но присоединение к французско-русскому альянсу, заключенному в Тильзите, привело бы к нападению Англии: положение Швеции было безвыходным. Россия, потерпевшая в 1805–1807 гг. ряд поражений от французской армии, вынуждена была согласиться на принуждение Швеции к континентальной блокаде. Главная цель Наполеона заключалась в сокрушении Англии. Но при этом обсуждались и общеевропейские проблемы, и даже проблемы Азии, поскольку и у России, и у Франции имелись большие интересы на Юге, в Османской империи.

Тильзитский мир был заключен в июле 1807 г. Под давлением Франции Россия в ноябре объявила Англии войну, которая, однако, не привела к открытому военному противостоянию.

Франция исходила из того, что Санкт-Петербург также объявит войну Швеции, но Россия по ряду причин оттягивала свое решение до февраля 1808 г., когда ее армия начала, наконец, вторжение без объявления войны. Промедление объясняется несколькими причинами. Важно было дождаться ледостава в Финском заливе, чтобы английский флот не смог приблизиться к району боевых действий, шведский флот не представлял для России такой большой угрозы. Вторая причина заключалась в плохом состоянии русской армии, потерпевшей недавно несколько поражений, и в сложностях по обеспечению ее вооружением и питанием, тем более, что она направлялась в Финляндию в зимних условиях. Третья, и, пожалуй, главная причина крылась в том, что Александр I стремился добиться от Франции согласия на раздел Османской империи и на передачу России важных районов. На это Наполеон в январе в принципе согласился.

Интерес России, тем не менее, заключался в постоянном акцентировании мысли о важности раздела турецких владений, и во всемерном опровержении представлений о том, что приобретение Финляндии ослабило бы возможности России на южном направлении. Наполеон же пытался представить Финляндию как «дар Тильзита», который следует учитывать при решении территориальных вопросов – с учетом баланса сил – в районе Черного и Средиземного морей.

В феврале–марте 1808 г. завоевание Финляндии проходило без каких-либо осложнений. Русские войска сразу же закрепились на побережье Финского залива и в прибрежных крепостях. 2 марта они захватили Гельсингфорс и начали блокаду Свеаборга. Крепость Свартхольм, близ Ловизы, после непродолжительной осады сдалась 18 марта без всякого сопротивления, а 21 марта русские овладели укреплениями Ханко. 6 апреля было заключено предварительное соглашение об условиях сдачи Свеаборга, которое было реализовано 3 мая 1808 г. Все названные крепости тотчас же были взяты под контроль русской армии и приведены в боевую готовность на случай английского нападения. Их не пришлось оборонять со стороны суши, поскольку вся Южная Финляндия уже находилась в руках русских.

Поначалу русские части распространили воззвание перешедших на русскую службу шведов и финнов, особенно генерала Спренгтпортена, в котором говорилось, что Россия освобождает финнов от власти Швеции и обещает им скорый созыв ландтага (парламента) в Або. В тексте, написанном по-фински, народу сообщалось, что завоевание проходит под знаком русско-французского союза, что, конечно же, должно было придать этому завоеванию основательность и необратимый характер. В силу ряда причин от созыва ландтага отказались. Зарубежным странам, тем не менее, сообщили об окончательном присоединении Финляндии к Российской империи. Завоевание, таким образом, приобрело международную значимость.

Несмотря на объявление о присоединении Финляндии к Российской империи, цель по-прежнему заключалась в принуждении Швеции к русско-французскому альянсу и к континентальной блокаде. Поэтому остался открытым вопрос о том, как далеко планировалось продвижение оккупационной армии. Во всяком случае, она быстро достигла Або и Аландских островов, которые вскоре были потеряны, но в марте 1809 г. Россия вновь установила над ними свой контроль.

Свидетельством храбрости и инициативы русских войск являются совершенные ими ледовые переходы от Аландского архипелага в район шведского Рослагена, и значительно севернее – от Вазы до Умео. В истории этим ледовым операциям можно найти лишь два аналога: переход Карла X Густава через пролив Малый Бельт в 1657 г., и наступление русских через Выборгский залив в тыл финских войск в 1940 г. Но переходы через Ботнический залив в войне 1808–1809 гг. были все же более сложными и трудными, прежде всего из-за их протяженности. В ходе второго перехода пришлось даже ночевать в ледяной пустыне.

В то время, когда русская сухопутная армия продвигалась весной 1808 г. по территории Финляндии, российский флот оперировал в Балтийском море и в апреле ненадолго овладел Готландом. Летом 1808 г. английский флот, как известно, не послал значительных сил в балтийские воды, но сделал это летом 1809 г., когда помимо прочего 8 июля на подступах к Порккала произошло большое сражение, проигранное русскими.

Франция намеревалась поддержать действия России в Финляндии вторжением с датских островов. Руководителем этой операции был назначен князь Понте-Корво маршал Бернадотт, командовавший войсками, расквартированными в северной Германии. Он продвинулся до Ютландии и даже до островов, но, тем не менее, не вторгся на территорию Швеции. И у России, и у Франции существовали планы по захвату Стокгольма, поговаривали даже о разделе всей Швеции. Вторжение провалилось по двум причинам. Англия захватила весь датский флот, и она была в состоянии весьма энергичным образом пресечь переброску войск через узкий пролив. Вторая, еще более существенная причина заключалась в начавшемся всеобщем антифранцузском восстании в Испании. Оно связало значительные силы Франции, и тысячи испанцев в армии Бернадотта требовали немедленной погрузки на корабли, чтобы отправиться в Испанию на помощь

восставшим. Испанцами в армии Бернадотта припугнули даже финнов, которым в прокламациях сообщалось о планах вторжения в южную Швецию. Финнам следовало продемонстрировать, что речь идет о большой европейской войне; по мнению многих, этой акции должно было хватить для того, чтобы похоронить возможные попытки сопротивления.

Осенью 1808 г. императоры Александр I и Наполеон встретились в Эрфурте. Дружба императоров сохранилась, и Александр I обещал не оказывать поддержки Австрии в ее планах реваншистской войны против Франции, застрявшей в Испании. Но ситуация для Александра I была уже иной, чем в Тильзите, после понесенных поражений: Россия вновь окрепла, тогда как Франция испытывала затруднения. Вновь главными темами стал раздел Османской империи и судьба Константинополя. Россия добилась удовлетворения части своих требований, но Наполеон не собирался отдавать Александру I Константинополь, равно как и Стокгольм. Отношения стали обостряться, и обоим пришлось признать прорехи в континентальной блокаде и размах контрабанды.

В австро-французской войне Франция вновь продемонстрировала свое военное искусство и превосходство, но положение на Пиренейском полуострове оставалось трудным. Англию подчинить не удалось, да и война против Швеции после первых успехов забуксовала в сражениях, которые велись в районах Саво и Эстерботния (Похьянмаа) против регулярных войск и народного сопротивления.

Летом 1812 г. началась война между Францией и Россией.

Уже в Эрфурте Александру I стало ясно, что некоторые ближайшие сподвижники Наполеона переходят к нему в оппозицию и готовят его смещение. Ими были Талейран и Бернадотт. После неожиданного избрания шведским наследным принцем в 1810 г. Бернадотт стал сближаться с Александром I, что привело к заключению русско-шведского династического и государственного договора, предварительно – весной 1812 г., затем официально – во время встречи в Або в сентябре 1812 г.

Договоренности в Або означали, что Швеция отказывалась от реванша в отношении Финляндии, т.е. от возможности вступить в войну на стороне Наполеона в расчете на военные приобретения. Это разрядило ситуацию на петербургском направлении: если бы Бернадотт напал на Финляндию и стал угрожать Санкт-Петербургу, значительную часть своих сил России пришлось бы перебросить в этот регион, и война могла бы приобрести совсем иной оборот. Позднее Бернадотт примкнул к антифранцузской коалиции для изгнания Наполеона из Германии и достижения общей победы в 1814 г.

Абоский договор содержал и иные положения. Для Бернадотта важнейшей являлась династическая часть договора, гарантировавшая его положение в Швеции, и может быть даже его избрание императором Франции. Победа над Наполеоном привела к многочисленным переменам на южном побережье Балтики. Наиболее заметным явилось отторжение от Дании Норвегии и передача ее Швеции. Но ценность этой военной добычи все же потускнела из-за предприимчивости и инициативности норвежцев, которые успели принять у себя конституцию и быстро оформить себе отдельную от Швеции государственность.

Европейские границы и формы правления на долгие годы были утверждены в мирном договоре, заключенном на Венском конгрессе. Потери Швеции на нем не рассматривались. Великое княжество Финляндское было присоединено к России по Фридрихсгамскому миру как завоеванная территория, с перечислением передаваемых ленов.

© 2009 г. Й.-П. НИЛЬСЕН*

«РУССКАЯ УГРОЗА» НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ И НОЯБРЬСКИЙ ДОГОВОР 1855 года

21 ноября 1855 г., во время Восточной войны, Великобритания и Франция заключили с королем Соединенных королевств Швеции и Норвегии Оскаром I договор, обязывавший Стокгольм не уступать России ни шведской, ни норвежской территории и не предоставлять ей прав на выпас оленей и рыболовство. В случае, если бы Россия выдвинула требование уступки или обмена зе-

* **Нильсен Йенс-Петер** (Nielsen Jens-Petter), профессор Института истории, Университет Тромсё (Норвегия).

мель, король должен был немедленно известить об этом Великобританию и Францию, которые обещали поддержать своего союзника и направить войска, необходимые для отражения возможного нападения.

Во внешней политике Швеции союз с Великобританией и Францией, открыто направленный против России, пришел на смену «политике 1812 г.», предполагавшей прагматическое взаимопонимание с русскими. После наполеоновских войн Россия производила поистине блистательное впечатление. Многие полагали тогда, что при желании она могла установить контроль над европейским континентом. Это естественно вызывало страх перед Россией, и, в частности, значительная часть британского общества оказалась охвачена русофобией[1]. Во Франции сильные антирусские настроения возникли еще ранее (исключение составляли лишь французские философы-просветители, отношение которых к Екатерине II иногда сравнивают с позицией левой интеллигенции XX в., защищавшей советский коммунизм). В середине XIX в. любой европеец, считавший себя либералом, революционером или социалистом, был настроен против России[2]. Симпатии к России сохранялись только в консервативных кругах Европы, в особенности – Германии, где многие аристократы восхищались российской монархией, отстаивающей христианские ценности и стабильный общественный порядок. Выдающимся представителем этих кругов был барон А. фон Гакстгаузен, характеризовавший в 1840-е гг. русскую деревенскую общину как наилучший оплот против распространения демократии, атеизма и революции[3].

Среди норвежских консерваторов также имелись поклонники России, но их было немного. Норвежская элита была настроена в основном антирусски. Многим шведским и норвежским либералам, недовольным «политикой 1812 г.», казалось, что Соединенные королевства находятся в тени России[4]. С 1840-х гг. у норвежской элиты активно культивировались во многом надуманные антирусские настроения, а газета «Ден Конститушунелле», орган так называемой «партии интеллигенции» (занимавшей в середине XIX в. ведущее положение в политической и культурной жизни Норвегии), последовательно проводила антироссийскую линию[5]. В Кристиании многие считали, что Россия поддерживала короля Карла Юхана III в его борьбе против норвежского парламента (стортинга), хотя это и не соответствовало действительности[6].

Русофобия была одним из культурных и идеологических веяний, охвативших Норвегию в первой половине XIX в. и укреплявших норвежский национализм. Норвегия находилась на отдаленной периферии Европы и местная элита полагала, что противостояние российскому «варварству» способствует консолидации норвежской нации и обеспечит ей значимую роль среди «цивилизованных народов»[7]. Так, о «почетном, но в то же время опасном призвании быть европейским форпостом против грозящей с Востока опасности» писал в 1856 г. Оскар I[8]. И хотя норвежцы были настроены к России более дружелюбно, чем шведы, боязнь России подспудно ощущалась и при малейшем поводе могла обостриться.

В том, что в Норвегии в XIX в. существовал страх перед Россией, не было ничего удивительного. Россия активно расширяла свои границы во всех направлениях, и с 1820-х гг. норвежские военные все чаще размышляли о российской угрозе[9]. Они полагали, что, не имея незамерзающих портов на своей территории, Россия будет стремиться овладеть одним из портов Северной Норвегии. Благодаря капризу природы, воды вдоль норвежского побережья не замерзают круглый год, однако у российских берегов благоденствующее влияние Гольфстрима быстро ослабевает и норвежско-российская граница на севере часто изображалась как чисто климатическая – с незамерзающими гаванями на западе и вечными льдами и снегами на востоке. Отсюда возникало предположение, что русские захотят получить незамерзающий порт или в Варангерфьорде, как полагали вначале, или в Хаммерфесте, Альтафьорде или Нарвике, о которых говорили позднее. Двуглавый орел как бы кружил все южнее и южнее вдоль побережья Северной Норвегии, высматривая наилучшие гавани для российского военно-морского флота.

Больше всего распространению подобных воззрений содействовал представитель лондонской торговой фирмы Джон Райс Кроу, поселившийся в 1818 г. в Хаммерфесте. Он стал основателем северо-норвежского зверобойного промысла в полярных морях и основал в 1826 г. в Альте медеплавильный завод «Alten Copper Works». Кроу много лет был британским вице-консулом в Финнмарке. Однако в 1836 г. он лишился этой должности, поскольку выяснилось, что в свое время он был замешан в так называемом деле Будё (1818 г.) – английской контрабандной операции, надолго осложнившей взаимоотношения между Великобританией и Соединенными королевствами[10]. Спасая свою карьеру, Кроу в июне 1836 г. направил в Форин офис сенсационный доклад о политическом положении на севере Скандинавии. В нем он описывал природные богатства норвежской губернии Финнмарк и развивал мысль об опасности для британских интересов возможного приобретения Россией гавани на берегу Ледовитого океана[11]. Завоевав в 1808–1809 гг. Финляндию, русские добрались на севере до так называемого Финского клина (Finskekilen) –

участка финских земель, вклинивавшихся между шведской и норвежской территорией, на расстоянии всего 20 английских миль от Норвежского моря. Тем самым, полагал Кроу, Россия получала ключ к Финнмарку. Он нисколько не сомневался в том, что этот район рано или поздно может разделить судьбу Финляндии[12].

Подобный доклад не мог не привлечь внимание тогдашнего министра иностранных дел Г.-Д.-Т. Пальмерстона – либерала и русофоба, старавшегося всячески противодействовать усилению позиций России в Европе. Кроу не только был восстановлен в своей должности, но даже получил пост консула в Финнмарке, а в 1843 г. был назначен генеральным консулом Великобритании в Норвегии и переехал в Кристианию. С 1837 г. он отчитывался непосредственно перед министром иностранных дел и стал восприниматься как своего рода эксперт по России[13]. Однако его отчеты имели один недостаток: Кроу почти никогда не указывал источник своей информации. Между тем, его предостережения как будто подтверждались неурегулированностью отношений на норвежско-российской границе, проведенной в 1826 г. Саамы по-прежнему кочевали по обе стороны границы: летом финские саамы приходили к норвежскому побережью, чтобы рыбачить, а зимой норвежские саамы кочевали со своими оленьими стадами на зимних пастбищах Финляндии. С 1830-х гг. вплоть до начала Крымской войны велись безуспешные переговоры о выпасе оленей. Их неудача объяснялась прежде всего тем, что в Швеции и Норвегии подозревали российские власти в намерении использовать вопрос о выпасе в качестве предлога для получения незамерзающих портов в районе Варангерга[14]. В 1852 г. Россия закрыла границу Великого княжества Финляндского.

После начала Восточной войны в Швеции активизировались влиятельные силы, желавшие, чтобы шведско-норвежское королевство сделало решительный выбор между «Востоком и Западом» и, объявив войну против России, включилось в борьбу между «цивилизацией» и «варварством». Одновременно шведы получали возможность отвоевать Финляндию. Подобные идеи, популярные как в либеральных, так и в консервативных кругах, увлекли короля Оскара I. Но в то же время он опасался, что после вступления Швеции в войну Великобритания и Франция бросят ее на произвол судьбы, оставив один на один с Россией. Оскар I просил западных союзников направить свои войска в Балтийское море, а также требовал значительных субсидий и гарантий территориальной целостности своей страны.

Возможно, именно для усиления интереса Великобритании и Франции к такому гарантийному договору Оскар I в 1854 г. попытался привлечь их внимание к уязвимому положению Финнмарка[15]. Однако премьер-министр Великобритании консерватор лорд Д.-Г.-Г. Эбердин не дал убедить себя в том, что существует угроза Финнмарку со стороны России. Лишь год спустя, в мае 1855 г., когда премьер-министром стал лорд Пальмерстон, Кроу направил из Кристиании новый доклад об отношениях между Норвегией и Россией. Характеризуя в нем историю и положение Финнмарка, он убеждал, что сразу же после окончания войны Россия попытается подчинить себе Альтафьорд. Кроу хорошо знал Альту еще со времени своей деятельности в качестве директора медеплавильного завода. Это был достаточно крупный населенный пункт с плодородными почвами, сосновыми лесами, крупными реками и множеством незамерзающих гаваней. Кроме того, по мнению Кроу, большая часть местного населения была убеждена в том, что российское подданство могло бы значительно улучшить их материальное благосостояние, и не стала бы противиться завоеванию[16]. Между тем переход этих территорий под власть России положил бы конец норвежской самостоятельности, и возможно, со временем, здесь, вблизи британских берегов, появилась бы русская военно-морская база. «Паук продолжает плести свою паутину, – утверждал генеральный консул, – и если за ним не следить бдительно и постоянно, он, возможно, достигнет цели – приобретения одного или нескольких портов на берегу Атлантики»[17].

Прочитав доклад Кроу, Пальмерстон пришел к выводу, что «следует заключить договор с королем Швеции и Норвегии, который обязал бы его не делать без согласия Великобритании никаких уступок России: ни прав на рыбный промысел, ни на выпас оленей, ни территориальных уступок». Это должно было положить конец попыткам русских проложить себе дорогу в Европу через Скандинавию. «Такой договор, – считал британский премьер-министр, – означал бы безопасность для нас и решающую поддержку для короля»[18]. Вскоре британцы начали переговоры с Оскаром I. Не случайно Кроу принимал в них непосредственное участие, он был, по выражению норвежско-американского исследователя П. Кнаплунда, «истинным отцом Ноябрьского договора»[19]. Однако нельзя исключать и того, что Оскар I дирижировал подготовкой договора из-за кулис и использовал Кроу, который с 1820-х гг. имел тесные контакты со шведской королевской семьей, в своей собственной политике. Возможно, именно Оскар I попросил Кроу направить в мае 1855 г. новый тревожный доклад Пальмерстону[20]. В то же время, ведя переговоры, король игнорировал как норвежское, так и шведское правительство.

Первоначально договор должен был касаться только норвежской территории, исключая возможность приобретения русскими незамерзающего порта в Северной Норвегии, однако в разговоре с французским послом в Стокгольме король Оскар попросил, чтобы предполагаемая гарантия безопасности распространялась также и на Швецию[21]. Король указывал, что Россия могла, например, занять о. Готланд или другие части шведской территории, контролируя которые она завладела бы затем датскими проливами. Оскар подчеркивал, что шведы тратили больше средств на свои вооруженные силы, чем норвежцы, и поэтому «в Швеции возникнет чувство ревности в случае, если оборонительный договор не будет распространен и на шведов»[22]. Чуть позже министр иностранных дел Швеции Шернельд настойчиво обращал внимание английского посла на то, что Швеция испытывает бóльшую угрозу со стороны российской крепости Бомарзунд на Аландских островах, чем Норвегия в Варангерфьорде. Для британцев и французов побережье Финнмарка было важнее Аландских островов и они не хотели, чтобы у короля Оскара возник соблазн обменять Варангерфьорд на Бомарзунд. В результате Ноябрьский договор касался обеих стран, но при этом шведам пришлось отказаться от права обмениваться с Россией территориями[23].

Между тем Ноябрьский договор не привел к вступлению Швеции в войну с Россией, и король Оскар I был прямо-таки убит горем, когда в начале 1856 г. Россия приняла австрийский ультиматум и пошла на переговоры с противостоявшей ей коалицией[24]. По словам кронпринца Карла, его отец за один день постарел на 10 лет. Что касается Норвегии, то там мир не вызывал опасений. Норвежские власти не были допущены к процессу подготовки Ноябрьского договора, и когда новость о его заключении достигла Кристиании, она вызвала там болезненную реакцию. Наместник Норвегии С. Лёвеншёльд еще в 1854 г. написал королю довольно резкое письмо, предостерегая от соблазнительных предложений «коварного Альбиона». Он решительно защищал Россию, утверждая, что она не позволяла себе никаких провокаций ни в Финнмарке, ни на Балтийском море[25]. Впрочем, позиция Лёвеншёльда – одного из немногих норвежских аристократов и антидемократов – не отражала настроений в Норвегии.

Крымская война не вызвала в Норвегии такого же энтузиазма, как в Швеции. Симпатии норвежских газет были на стороне западных держав, но, как правило, они высказывались за сохранение нейтралитета. Норвежцы понимали, что в случае возвращения шведами Финляндии баланс внутри норвежско-шведской унии будет нарушен, и позиции Норвегии окажутся слабее[26]. Нейтралитет был выгоден и норвежской промышленности, переживавшей заметный подъем. Это почти «бессовестное предпочтение» экономических интересов явно не нравились шведам. В начале 1855 г. Оскар I лаконично констатировал в своем дневнике: «Норвежский народ озабочен лишь промыслом сельди и вывозом леса»[27]. Однако, когда выяснилось, что Ноябрьский договор не стал шагом к войне, отношение к нему несколько изменилось в лучшую сторону. По-видимому, многие были довольны тем, что договор ввел Норвегию в лагерь западных стран. Еще за год до Ноябрьского соглашения в стортинге рассматривалась возможность обращения к западным державам за поддержкой в споре с Россией относительно закрытия границы в Финнмарке[28]. В 1857 г. стортинг заявил о своем сочувствии Ноябрьскому договору и тому, что Норвегия находится теперь под защитой западных держав[29]. Для Норвегии договор 1855 г. стал первой гарантией безопасности со стороны великих держав.

Был ли необходим ноябрьский договор? Могла ли Россия «завладеть землями в Финнмарке или получить их в обмен, если бы не сопротивление Англии»[30]? Впервые этот вопрос был исследован еще в начале 1930-х гг. шведским историком К-Ф. Палмстьерна, который не нашел никаких указаний на то, что российские власти в 1830–1855 гг. вынашивали планы расширения своей территории за счет Норвегии или пытались использовать тему выпаса оленей для овладения норвежскими незамерзающими портами. По мнению Палмстьерна, власти империи, напротив, всячески сдерживали стремление Сената Великого княжества Финляндского обеспечить финским саамам право пребывания на побережье[31]. Неизвестно ни одного документа XIX – начала XX в., свидетельствующего о том, что в России вынашивались планы приобретения незамерзающих портов на норвежской территории. Да и представление о ее экспансионистских планах в этом регионе никак не согласуется с общей картиной тогдашней внешней политики Петербурга[32].

«Русская опасность» отнюдь не представляла собой какую-либо конкретную угрозу. На севере империи не было военных баз для враждебных действий против Норвегии. Кроме того, страх перед Россией в данном случае основывался на географическом недоразумении, поскольку она и так имела незамерзающие порты на своей территории – вдоль Мурманского побережья на севере Кольского полуострова, к востоку от норвежско-российской границы (где и расположены теперь базы Северного флота). Если бы российские власти хотели построить на севере военно-морские базы, то им для этого вовсе не требовалось завоевывать чужую территорию. В дей-

ствительности Россия сама была уязвимой на Севере и ее политика здесь вплоть до Второй мировой войны определялась прежде всего соображениями обороны[33].

В Петербурге болезненно относились к Ноябрьскому договору. Гр. К.В. Нессельроде считал, что в нем проявилось желание западных держав создать для России новых врагов. Он отказывался принимать доводы шведов о том, что этот договор, в силу своего оборонного характера, совместим с нейтралитетом. Говорить о нейтралитете было действительно сложно, поскольку договор не позволял России занять определенные пункты в Швеции и Норвегии, но не препятствовал в этом западным союзникам[34]. Русские боялись, что Великобритания использует Ноябрьский договор в качестве предлога для того, чтобы закрепиться в Северной Норвегии и угрожать российским территориям на севере[35]. При этом не было ясно, насколько Швеция и Норвегия могли положиться на обещанные им гарантии[36]. Руководители британской внешней политики делали в этой связи двусмысленные заявления. Пальмерстон утверждал, что договоры такого типа дают только *право* на вмешательство, но не содержат *обязательства*. Его преемник У. Гладстон придерживался схожих взглядов[37]. Франция, утратившая после поражения во франко-прусской войне прежние позиции, в начале 1890-х гг. заключила с Россией союз. В международно-правовом же отношении, не было сомнений в том, что если одна из западных держав не выполнит положений Ноябрьского договора, то и другая не будет обязана вмешаться.

В начале XX в. шведы почувствовали, что они больше не нуждаются в подобном договоре и министр иностранных дел А. Лагерхейм заявил в 1902 г., что Ноябрьский договор похоронен и о нем следует забыть. Интересно, что ни Франция, ни Великобритания не протестовали против такого заявления[38]. Кроме того, в 1890-е гг. в Норвегии все шире распространялись идеи нейтрализма, и в 1902 г. стортинг единогласно просил правительство начать переговоры о постоянном нейтралитете Норвегии и Швеции[39]. Между тем распространившиеся в обстановке распада шведско-норвежской унии слухи о возможности возобновления Ноябрьского договора сыграли решающее влияние на позицию России в «норвежском вопросе» в 1905 г. После поражений на Дальнем Востоке и начала революции Россия не могла активно участвовать в скандинавской политике. Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф надеялся путем быстрого и безусловного признания нового норвежского правительства заручиться симпатиями норвежцев и парализовать попытки британских дипломатов добиться возобновления Ноябрьского договора[40]. Российская империя стала первой страной, приветствовавшей независимость Норвегии. В телеграмме из Петербурга, полученной первым министром иностранных дел самостоятельной Норвегии Ё. Лёвланном 30 октября 1905 г. прямо говорилось о признании страны «во всей ее территориальной целостности». Если мы до сих пор не можем сказать, какую пользу принес Норвегии Ноябрьский договор 1855 г., то подобное заявление следует рассматривать как одно из положительных последствий его подписания.

Необходимо ли было России предпринимать такой шаг? Слухи о возобновлении Ноябрьского договора в начале XX в. были столь же беспочвенны, как и представления об агрессивных замыслах русских в отношении Северной Норвегии, способствовавшие в свое время его заключению. Хотя британский министр иностранных дел Г.-Ч. Ленсдаун в 1905 г. заверил, что договор будет возобновлен, он четко дал понять, что новые гарантии Норвегии со стороны великих держав не должны быть направлены против России. Британцы явно хотели улучшить отношения с со своим давним противником. В то время, когда шведско-норвежская уния уже распадалась, в Лондоне по-прежнему считали договор важным инструментом для поддержания баланса сил в Европе и не ставили под сомнение необходимость защиты каждого из скандинавских королевств. Однако теперь Норвегии, по их мнению, угрожала не только Россия, но и Германия. В результате, Россия, Германия и другие страны были втянуты в переговоры, завершившиеся в 1907 г. подписанием договора о территориальной целостности Норвегии, в соответствии с которым все европейские великие державы гарантировали безопасность нового норвежского государства.

Примечания

[1] *Gleason J.H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1950.

[2] *Naarden B.* Socialist Europe and Revolutionary Russia: Perception and Prejudice. Cambridge, 1992. P. 26–31.

[3] *Haxthausen A., von.* Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Ruβlands. Hildesheim, 1973.

[4] *Nielsen J.-P.* Norwegian images of Russia and the Russians before 1917 // Challenges of Globalisation and Regionalisation. Luleå, 2007. P. 213–218.

[5] *Sanness J.* Patrioter, intelligens og skandinaver. Norske reaksjoner på skandinavismen før 1848. Oslo, 1959. S. 161–165.

[6] В 1821 г. король грозил, что Россия вмешается, если стортинг отменит привилегии дворянского сословия в Норвегии. Позднее, когда в 1836 г. Карл Юхан III (в Швеции он правил как Карл Юхан XIV) распустил

стортинг, вновь говорили, что он был вынужден уступить давлению России, недовольной революционной агитацией в Норвегии. См.: *Mestad O.* Krig, politikk og veddemål // Lov og Rett. 2008. № 1. S. 33–44; *Koht H.* November-Traktaten. Dens Foranledning og Følger. Kristiania, 1907.

[7] *Nielsen J.-P.* The Russia of the Tsar and North Norway. «The Russian Danger» Revisited // Acta Borealia. A Nordic Journal of Circumpolar Societies. Vol. 19. 2002. № 2. S. 75–94.

[8] *Palmstierna C.F.* Sverige, Ryssland och England (1833–1855). Kring novembertraktatens förutsättningar. Stockholm, 1932. S. 372.

[9] *Berg R.* Norsk forsvarshistorie. Vol. 2. Profesjon, Union -Nasjon (1814–1905). Bergen, 2001. S. 307.

[10] Скандал был вызван тем, что в Великобритании отрицали сам факт совершения преступления и с помощью шведского правительства вынуждали норвежские власти выплатить контрабандистам значительную компенсацию. См.: *Bjørgo N., Rian Ø., Kaartvedt A.* Norsk Utenrikspolitikks historie. Bd. 1. Selvstendighet og Union. Fra middelalderen til 1905. Oslo, 1995. S. 251–254.

[11] *Knaplund P.* Nye Oplysninger om Novembertraktatens Forhistorie. Historisk Tidsskrift. Oslo, 1925. S. 216. Кнаплунд родился и вырос в местечке недалеко от города Будё и именно по этой причине заинтересовался делом Будё, на которое случайно наткнулся, работая в Государственном архиве в Лондоне. В этих документах ему встретилось имя Кроу, и так он подошел к вопросу о появлении Ноябрьского договора.

[12] Public Record Office. FO 73/167.

[13] Кроу 10-летним сиротой был послан на воспитание в Россию к своему дяде, который был адмиралом российского флота. Позднее он служил во флоте и в 17 лет участвовал в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Кроу знал русский язык, и по возвращению в Англию 2 года состоял в качестве атташе при Российской миссии в Лондоне (Norsk biografisk leksikon. Vol. 2. Oslo, 2000).

[14] *Eriksen K.-E., Niemi E.* Den frinske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo; Bergen; Tromsø, 1981. S. 28; *Pedersen S.* Lappekodisillen i nord 1751–1859. Fra grenseavtale og sikring av samenes rettigheter til grensesperring og samisk ulykke. Institutt for historie, Universitetet i Tromsø, 2006. S. 351–356.

[15] *Jansson A.* Den svenska utrikespolitikens historia. Vol. III:3. 1844–1872. Stockholm, 1961. S. 105.

[16] Вполне возможно, что народ Финнмарка положительно относился к русским, с которыми летом вел оживленную торговлю. Однако этот факт не дает оснований доверять невероятным утверждениям Кроу.

[17] Public Record Office. FO 73/272.

[18] *Knaplund P.* Op. cit. S. 250.

[19] Ibid. S. 257.

[20] *Eriksson S.* Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. Stockholm, 1939. S. 267–272; *Jansson A.* Op. cit. S. 105. В настоящее время теория Эрикссона имеет своих сторонников и среди норвежских историков. А. Кортведт прямо называет Кроу «агентом» короля Оскара *(Bjørgo N., Rian Ø., Kaartvedt A.* Op. cit. S. 284–285. В более ранних трудах норвежских историков отсутствуют указания на подобную деятельность короля. См.: *Keilhau W.* Det norske folks liv og historie gjennem tidene. Vol. 9. Tidsrummet 1840 til omkring 1875. Oslo, 1931; *Nissen B.A.* Vårt folks historie. Vol. 7. Nasjonal vekst. Oslo, 1964; Trekk fra Nord-Norges historie. Oslo, 1978. См. также: *Stråth B.* Union og demokrati. Dei sameinte rika Norge-Sverige 1814–1905. Oslo, 2005. S. 207. В Великобритании ситуация была диаметрально противоположной. Если бы решение принимала королева Виктория, Англия никогда не предложила бы подобный договор.

[21] *Palmstierna C.F.* Op. cit. S. 358.

[22] *Knaplund P.*Op. cit. S. 252–253.

[23] *Jansson A.* Op. cit. S. 106.

[24] *Stråth B.* Op. cit. S. 205–206.

[25] *Bjorgo N., Rian O., Kaartvedt A.* Op. cit. S. 287.

[26] *Fuglum P.* Ole Richter. Ungdom og stortingsvirke. Oslo, 1957. S. 55.

[27] *Eriksson S.* Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. Stockholm, 1939. S. 246.

[28] Storthings-Efterretninger (1836–1854). Vol. 4. S. 522

[29] Inst. S. № 145 (1857), 8. S. 676.

[30] *Knaplund P.*Op. cit. S. 257.

[31] *Palmstierna C.F.* Op. cit. S. 348–375.

[32] *Jelavich B.* St-Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974. Indiana; London, 1974.

[33] *Holtsmark S.* The Northern Regions in Soviet Military Thinking between the World Wars // Russia – Norway: Physical and Symbolic Borders. Moscow, 2005. P. 172–190.

[34] *Palmstierna C.F.* Op. cit. S. 365.

[35] *Nielsen J.-P.* Russland og det norske sporsmal i 1905 // Naboar i Nord. Unionsopploysinga i 1905 og det nordlege rorn. Tromso, 2007. S. 22–23.

[36] *Berg R.* Op. cit. S. 162–163.

[37] *Koht H.* Op. cit. S. 14–16.

[38] *Lindberg F.* Den svenska utrikespolitikens historia. Vol. 111:4. 1872–1914. Stockholm, 1958. S. 174.

[39] *Bjørgo N., Rian Ø., Kaartvedt A.* Op. cit. S. 342–343.

[40] *Jungar S.* Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning. Tsardiplomati och rysk-finländsk pressopinion kring unionsupplösningen från 1880 till 1905. Åbo, 1969. S. 102–104.

© 2009 г. С. Г. ВЕРИГИН, Э. П. ЛАЙДИНЕН, Г. В. ЧУМАКОВ

СССР И ФИНЛЯНДИЯ В 1941–1944 годах: неизученные аспекты военного противостояния

К числу недостаточно освещенных сторон истории военного противостояния СССР и Финляндии в 1941–1944 гг. относятся и некоторые вопросы деятельности советских партизан в тылу у врага, а также проблема сотрудничества советских граждан с финскими военными службами и оккупационным режимом. Цель данной статьи и состоит в том, чтобы в известной степени восполнить указанные пробелы.

Партизанские рейды на территорию Финляндии в 1941–1944 годах*

Большую часть изданий, посвященных истории партизанского движения на Карельском фронте, составляют воспоминания участников партизанской войны в Карелии и Советском Заполярье[1]. Работ, которые бы носили строго исследовательский характер, гораздо меньше[2].

С первых дней войны партизанское движение в Карелии и Заполярье формировалось как централизованная и организованная сила, призванная решать конкретные задачи, прежде всего в интересах действующей Красной армии. В нашем регионе эта черта проявилась особенно ярко. Вместе с тем, условия деятельности партизанских отрядов в Карелии и Заполярье во многом отличались от условий других временно оккупированных регионов страны.

Во-первых, главным военным противником СССР на Карельском фронте являлась Финляндия. Поэтому национальный фактор играл важную роль в развертывании и ведении партизанской борьбы на оккупированной финнами территории Карелии. Во-вторых, подавляющая часть населения временно оккупированных районов Карелии была своевременно эвакуирована на восток. В этих районах в годы оккупации проживало около 86 тыс. человек, из которых около 50 тыс. составляли русские, украинцы, белорусы, т.е. не финно-угорское население[3]. Именно эта часть населения была почти полностью заключена финскими оккупационными властями в концентрационные лагеря. В редких деревнях и селах оставались в основном старики, женщины и дети. Поэтому пополнение партизанских отрядов за счет местного населения, как это происходило в других регионах страны, было невозможным. В 1942–1944 гг. большую часть пополнения партизанских отрядов составили жители других республик и областей страны – Архангельской, Мурманской, Вологодской, Ленинградской, Ярославской, Свердловской, Иркутской обл.; Красноярского края; Коми АССР. А так как в первые недели войны не удалось заложить необходимое количество баз снабжения, то партизанские отряды, начавшие действовать в тылу наступающих финских войск, быстро израсходовали запасы продовольствия и боеприпасов, взятые с собою, и вынуждены были возвращаться в советский тыл. Пополнение продовольствия за счет противника было крайне ограниченным, а за счет местного населения – совершенно невозможным. В-третьих, из-за отсутствия у партизан в начале войны радиостанций в период отступления Красной армии было почти полностью потеряно руководство многими отрядами, что тоже толкало партизан к отходу на восток. В-четвертых, походы во вражеский тыл каждый раз были сопряжены с необходимостью преодолевать от 300 до 600 км по сильно пересеченной, лесисто-болотистой местности. При этом партизаны должны были нести на себе оружие, боеприпасы, продовольствие на весь период похода, что составляло до 45 кг на человека. Поэтому большинство партизанских отрядов за годы войны прошли по тылам противника от 5 тыс. до 9 тыс. км. Особые трудности в период боевых рейдов возникали у партизанских отрядов при появлении раненых и больных. Для их транспортировки или эвакуации в наш тыл отвлекалось большое число здоровых бойцов. Это значительно замедляло движение, снижало маневренность и ослабляло боеспособность отрядов. В-пятых, затрудняли деятельность партизан также и сложные природно-климатические условия нашего региона. Продолжительные зимы, когда сильные морозы сменялись резкими потеплениями, дожди и повышенная влажность летом при невозможности

* **Чумаков Герман Владимирович,** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Карельского государственного педагогического университета.

Авторство в статье указано по разделам.

согреться и обсушиться в условиях постоянного движения приводили к большому количеству различных заболеваний. В-шестых, после стабилизации линии фронта в декабре 1941 г. противник стал систематически использовать для борьбы с советскими партизанами свои фронтовые резервы. Кроме того, финское командование создавало специальные части, назвав их «партизанскими ротами и батальонами». В-седьмых, партизанские отряды Карельского фронта гораздо раньше, чем партизаны других регионов страны, уже в 1942 г. начинают проводить боевые операции на территории других государств – Финляндии и Норвегии.

Именно это направление деятельности партизан Карельского фронта станет предметом нашего специального рассмотрения. Следует учитывать, что сама возможность проведения разведывательно-диверсионных рейдов на территорию Финляндии вытекала из приграничного расположения Карелии, а также из того, что в северной части республики и в Мурманской обл. линия фронта в конце 1941 г. стабилизировалась не столь уж далеко от границы. Проникновению на финскую территорию объективно способствовал и характер местности данного региона – густые леса таежного типа. Поэтому уже в первые дни войны начинается создание специальных разведывательно-диверсионных групп для действий в Финляндии. Это не были еще собственно партизанские формирования. Летом-осенью 1941 г. такие подразделения создавались армейскими разведорганами и органами НКГБ-НКВД. Для подготовки диверсионных кадров к действиям в тылу противника в первых числах июля 1941 г. при НКГБ КФССР были организованы кратковременные курсы по 57-часовой программе. Все лица, закончившие эти курсы, объединялись в боевые группы от 7 до 15 человек, а в отдельных случаях – в более крупные диверсионные отряды. За период с июля по октябрь 1941 г. на курсах были подготовлены 196 человек, из которых созданы 15 диверсионных групп. Эти курсы стали основой для специальной (особой) школы НКВД республики. Всего за июль-сентябрь 1941 г. органами НКВД были подготовлены и направлены во вражеский тыл 73 диверсионные группы в количестве 565 человек [4]. Но лишь отдельные из них проникали на территорию Финляндии. В июле 1941 г. на Кандалакшском направлении из пограничников был создан спецотряд под командованием капитана А.Н. Калашникова. Боевые группы этого отряда активно действовали на территории северной Финляндии[5]. Созданные под руководством ЦК Компартии КФССР партизанские отряды до лета 1942 г. на финляндскую территорию не заходили. Это объяснялось, прежде всего тем, что с августа по декабрь 1941 г. большинство партизанских отрядов в Карелии использовались зачастую не по своему прямому назначению. Многие из них по требованию армейского командования воевали на передовой как обычные воинские подразделения. Кроме того, тяжелая оперативная обстановка на фронте требовала в этот период проведения диверсионных операций в ближайшем тылу вражеских войск. Зимой 1941–1942 гг. рейды на финляндскую территорию были временно прекращены из-за резко возросшей опасности обнаружения советских разведывательно-диверсионных групп и трудностей передвижения в зимних условиях на дальние расстояния. Но уже в конце весны 1942 г. 4-й отдел НКВД КФССР, осуществлявший до июня оперативное руководство диверсионной и партизанской борьбой в тылу врага, разработал план мероприятий по усилению партизанского движения в Карелии на летний период 1942 г. Этот план предусматривал привлечение партизанских отрядов к действиям на финляндской территории[6]. Теперь уже партизаны должны были стать главной боевой силой при проведении таких операций. Вновь созданный штаб партизанского движения при Военном Совете Карельского фронта продолжил намеченный карельскими чекистами курс. Такая смена акцентов в применении партизанских формирований для рейдов в глубокий тыл противника объяснялась выросшей за первый год войны боевой силой и опытом партизанских отрядов. Помимо этого, центральное и региональное руководство партизанским движением стремились максимально использовать любые средства для дезорганизации вражеского тыла. Этого требовала тяжелая военная обстановка, сложившаяся на южном фланге советско-германского фронта. Поэтому уже в июне 1942 г. партизанский отряд «Полярник», сформированный в феврале в Архангельске и входивший в состав 1-й партизанской бригады Карельского фронта, срочно перебросили из южной Карелии на Кольский полуостров в Мурманскую обл. В начале июля этот отряд под командованием Д.А. Подоплекина вышел в рейд в район Корья-Хангасниеми-Савукоски. Силами отряда летом и осенью 1942 г. был проведен ряд успешных диверсий на коммуникациях 36-го армейского корпуса немецкой армии «Норвегия», воевавшей в Заполярье[7]. Южнее кестеньгского района на ухтинском направлении в июле 1942 г. на финляндскую территорию проникали диверсионные группы партизанского отряда «Боевой клич» под командованием Е.М. Кокоры. Так, 5 июля группа партизан во главе с Ф.И. Канторовым организовала засаду на автодороге Куусамо – Ухта. В засаду попали и были уничтожены две легковые машины и грузовик с солдатами. Среди убитых оказались три женщины: Тойни Яннес – председатель солдатских домов Финляндии, доктор философии; Грета Палоярви – жена коман-

дира 3-й пехотной дивизии финнов; Файни Афлект – директор 5-го центра солдатских домов. Партизаны потерь не имели[8]. На этом же направлении в сентябре на финляндской территории активно действовали партизанские отряды «Вперед» (командир К.В. Бондюк), «Красный Онежец» (командир И.Я. Кравченко), «Красный партизан» (командир Ф.Ф. Журих)[9]. Всего же на территории финляндской Лапландии (северная Финляндия) летом – осенью 1942 г. проводили боевые операции 8 партизанских отрядов Карельского фронта. Помимо партизан продолжалась заброска на вражескую территорию диверсионно-разведывательных групп по линии 4-го отдела НКВД КФССР и разведывательного управления Карельского фронта.

В зимний период 1942–1943 гг. партизанские операции на финляндской территории, как и в предыдущую зиму, были приостановлены. Весной 1943 г. по указанию Военного совета Карельского фронта штаб партизанского движения принял решение расширить боевые действия партизан в северной Финляндии. Летом 1943 г. 14 из 18 партизанских отрядов (по другим данным – 11 отрядов) совершили несколько глубоких рейдов в северной части Финляндии (Финская Лапландия) в районе городов Нурмес, Куусамо, Рованиеми. Перед партизанами ставились две взаимосвязанные стратегические задачи – разрушение военных коммуникаций в прифронтовой полосе и дезорганизация хозяйственной жизни финского населения[10]. Активные действия советских партизан вызывали чувство неуверенности у противника. Об этом свидетельствуют официальные документы и письма финских солдат, попавшие в руки нашего командования. Например, капрал Лейнонен писал своему другу в июле 1943 г.: «Русские хозяйничают на нашей территории, как им заблагорассудится»[11]. Партизаны стремились нанести как можно больший ущерб экономике Финляндии, посеять панику среди гражданского населения. Финляндские власти даже издали приказ о срочной эвакуации населения из пограничной полосы в средней Финляндии. Эвакуация проводилась настолько поспешно, что местные жители нередко бросали скот, сельскохозяйственный инвентарь, имущество. Сенокос и уборка урожая в этих районах в 1943 г. фактически были сорваны. Для охраны населенных пунктов власти вынуждены были выделять воинские подразделения.

В летней кампании 1944 г. перед партизанскими отрядами Карельского фронта были поставлены новые задачи. В условиях разворачиваемого наступления советских войск в Карелии партизаны должны были своими действиями в тылу финских и немецких частей срывать переброску вражеских резервов, затруднять их отход на новые рубежи обороны, обеспечивать наше командование своевременной разведывательной информацией. Поэтому в июне 1944 г. 18 из 19 партизанских отрядов приступили к активным действиям на коммуникациях противника. Из них девять отрядов должны были действовать в южной и центральной Карелии в полосе наступления 32-й и 7-й армий. Остальные отряды – на Кольском полуострове и в северной Карелии[12]. В первую очередь партизаны, воевавшие на мурманском, кандалакшском, лоухском, ухтинском и ребольском направлениях, как и в 1943 г., углублялись на территорию Финляндии. Это партизанские отряды – «Большевик», «Сталинец», «Полярник», «Большевик Заполярья», «Советский Мурман», «Вперед», им. Тойво Антикайнена и др. В июне – июле 1944 г. отряд «Сталинец» (командир – В.А. Гонтаренко) численностью 76 человек, пройдя по сильно пересеченной лесисто-болотистой местности более 150 км, разгромил крупный гарнизон финнов в пос. Локка, прикрывавший подступы к дороге Петсамо–Рованиеми. Отряды «Полярник» и «Большевик» под общим командованием Д.А. Подоплекина организовали ряд диверсий на железной и шоссейной дорогах Савукоски – Кемиярви – Куолоярви. Только за период с 7 августа по 15 сентября отряды «Большевик Заполярья» и «Советский Мурман» пустили под откос шесть воинских эшелонов[13]. По мере отступления вражеских войск в южной Карелии на территорию Финляндии стали заходить партизанские отряды, действовавшие в данном районе республики. Это отряды – «Боевой клич», «Красный партизан», «Боевые друзья», им. Чапаева и др. В августе 1944 г. группа из трех партизанских отрядов («Комсомолец Карелии», «Боевые друзья» и им. Чапаева) общей численностью 212 человек в течение месяца успешно вела боевые операции в пограничной полосе близ городов Лиэкса и Йоэнсуу. Всего за три летних месяца 1944 г. партизанские отряды Карельского фронта разгромили 9 гарнизонов противника, пустили под откос 17 воинских эшелонов, уничтожили 306 вагонов и много вооружения и боеприпасов. 5 сентября 1944 г. по приказу Ставки ВГК Карельский фронт прекратил боевые действия против Финляндии. В связи с этим партизанские отряды получили распоряжение вернуться в свой тыл. К 12 сентября большинство отрядов сосредоточились на своих базах в Кеми, Сегеже и Кандалакше. 15 октября 1944 г. в соответствии с директивой Генерального штаба Красной армии и указанием Военного совета Карельского фронта партизанские отряды и штаб партизанского движения были расформированы как выполнившие свои задачи. Большая часть партизан (1 224 человека из 1 504) была направлена в действующую армию. Оценивая вклад партизанского движения в Карелии и Заполярье в дости-

жение Победы можно сделать вывод о том, что несмотря на тяжелейшие условия нашего северного региона партизанские отряды были важным военным фактором в боевых действиях на Карельском фронте на протяжении всей войны.

Вместе с тем, в истории партизанского движения на Карельском фронте имеются вопросы, которые за прошедшие после окончания войны десятилетия по политическим и идеологическим причинам не получили должного и объективного освещения в отечественной историографии. К ним относится проблема взаимоотношений советских партизан и гражданского населения Финляндии. Да и в финляндской военно-исторической литературе нападения советских партизан на мирные населенные пункты тоже рассматривались мимоходом. В ходе проведения советскими партизанскими отрядами и разведывательно-диверсионными группами боевых операций на финляндской территории пострадало значительное количество гражданских лиц. По последним данным финляндской стороны число погибших гражданских финнов превышает 180 человек, и 75 человек получили тяжелые ранения. В число погибших входят также более 10 человек, захваченных партизанами в плен и не вернувшихся домой[14]. Лишь в 1990-х гг., в первую очередь и в большей мере в Финляндии, а затем и в России, достоянием широкой гласности стала информация об этих трагических событиях[15]. Интерес к данной проблеме усилился, с одной стороны, в результате политических изменений в нашей стране после 1991 г. А, с другой стороны, прошедшие после окончания войны десятилетия несколько сгладили остроту этого вопроса. Одним из первых случаев нападения на мирных жителей финляндские историки называют события 3 сентября 1941 г. в д. Куоску, в восточной Лапландии. Однако в этом случае допущена ошибка, так как это были не партизаны, а диверсионная группа пограничников. Вместе с тем жертвами атаки стали семь гражданских лиц, а часть деревни была сожжена. Позже в 1943–1944 гг. на эту деревню были совершены еще несколько нападений уже партизанскими группами[16]. В первый год войны целенаправленных операций против гражданского населения Финляндии партизанские отряды не проводили. Но уже летом-осенью 1942 г. имели место случаи применения оружия против гражданского населения. Так, например, 24 сентября 1942 г. отряд «Вперед» (командир К.В. Бондюк) напал на финский хутор Виксимо. Советские архивные документы военных лет объясняют это событие следующим образом. В отряде закончилось продовольствие. Тогда командир принял решение выйти на финский хутор и реквизировать продукты у местных жителей. Заодно было решено уничтожить «шюцкоровскую» организацию в этом поселении, отобрать оружие, которым в пограничной полосе Финляндии были вооружены фактически все взрослые мужчины. На эту операцию был выделен один взвод. На подходе к хутору партизаны задержали старосту поселения. От него узнали, что на хуторе проживает 29 человек, часть жителей вооружена. Оцепив хутор, партизаны собрали всех жителей. Среди собранных 12 мужчин были призывного возраста. Как докладывал командованию после похода Бондюк, финны вели себя дерзко и независимо. Тогда он решил всех взрослых мужчин расстрелять, а женщин и детей запереть в хозяйственной постройке. Но во время расстрела женщины вырвались из сарая. И тогда были убиты все 28 жителей хутора. В это время к поселению подъехали легковая и грузовая машины с солдатами. Завязался бой с партизанским охранением. Основная часть партизан забрала продовольствие, скот и скрылась в лесу. Сами партизаны потерь не имели[17]. Из доклада видно, что главной целью партизан являлись продукты. Расстрел жителей был вызван, вероятно, опасением, что они передадут финским военным информацию о составе и состоянии партизан. К тому же война к этому времени приобрела ожесточенный характер, и воюющие стороны все меньше обращали внимания на нормы морали.

Систематические нападения партизан на населенные пункты и на мирных жителей в северной Финляндии происходят в 1943–1944 гг. Так, в конце июня – начале июля 1943 г. нападению дважды подверглась деревня Малахвианваара близь г. Суомуссалми. Погибли 35 жителей. 15 июля 1943 г. отряд им. Чапаева (командир Н.П. Шестаков) напал на группу крестьян на сенокосе в местечке Кивиаапа близь деревни Хаутаярви. Было убито 5 человек. Еще 5 человек были уведены партизанами с собой и домой не вернулись. В последующие дни партизаны окружили две деревни – Хаутаярви и Ниемеля и держали их в блокаде. Летом 1944 г. тактика запугивания гражданского населения прифронтовой полосы Финляндии была продолжена и расширена. Например, 7 июля 1944 г. были почти полностью уничтожены жители деревни Сейтаярви. А 14 июля 1944 г. отряд «Сталинец» (командир В.А. Гонтаренко) нанес удар по пос. Локка, где был расположен гарнизон противника. Во время боя погибли 21 из 68 мирных жителей[18]. Аналогичных примеров можно привести достаточно много. Необходимо разобраться в причинах столь жестокого отношения советских партизан к гражданскому населению Финляндии. Это явление стало возможным в результате переплетения различных по своему характеру факторов, как объективных, так и субъективных. Во-первых, в первый год войны партизаны старались не вступать ни в

какие контакты с местным финским населением. Правила действий разведывательно-диверсионных групп в глубоком вражеском тылу требовали сохранения скрытности. Вместе с тем сложности с продовольствием, вызванные продолжительностью таких рейдов, толкали партизан заходить в малые отдаленные населенные пункты. Других источников пополнения продуктами у них не было. Это неизбежно создавало конфликтные ситуации, которые нередко заканчивались трагично для местных жителей. Во-вторых, многие жители приграничной полосы имели боевое оружие, которое получили от властей для самообороны. Поэтому в глазах партизан они переставали быть просто мирными гражданами и воспринимались как безусловные враги. Ведь большинство карельских партизан тоже не являлись военнослужащими и формально юридически они оставались гражданскими лицами. В-третьих, в условиях бескомпромиссной ожесточенной войны под воздействием целенаправленной пропаганды у советских людей формировался образ коварного и жестокого врага, не заслуживающего никакой пощады. Это было закономерно и оправданно. Призыв «Убей немца!» в условиях Карельского фронта трансформировался в лозунг «Убей белофинна!». Финляндия была союзницей фашистской Германии. Такова была жестокая логика войны. В-четвертых, с лета 1943 г. действия партизан против мирных жителей в приграничной полосе Финляндии определялись спущенной сверху установкой на создание любыми средствами невыносимых условий для жизни и хозяйственной деятельности врага. Такие действия можно назвать актами устрашения вражеской стороны. В-пятых, в 1942–1943 гг. в связи с острой нехваткой личного состава в партизанских отрядах Карельского фронта, вызванной большими потерями в боевых действиях, в качестве пополнения стали прибывать люди из лагерей и тюрем. Например, в марте 1943 г. из исправительно-трудовых колоний НКВД в штаб партизанского движения Карельского фронта прибыло 175 человек. Из них 77 человек было осуждено за бытовые преступления, 66 – за должностные[19]. Они рассматривали партизанские отряды как своего рода «штрафные роты», а свое пребывание в них как вынужденное, чтобы искупить свою вину кровью. Такие партизаны готовы были, не задумываясь, выполнять любые приказы. В-шестых, в рейдах против мирных поселений в составе партизанских отрядов принимали участие финны и саамы, жившие в СССР. Нередко они относились к своим соплеменникам даже более непримиримо, чем остальные партизаны.

И в Финляндии, и в России отношение советских партизан к гражданскому населению страны, находившейся в состоянии войны с СССР, вызывает самые противоположные эмоции и оценки. В 1999 г. в Финляндии даже создали общественную организацию «Гражданское население – ветераны войны-продолжения» (Jatkosodan siviiliveteraanit ry), которую возглавила финская писательница Тююне Мартикайнен. Организация представляет интересы финского мирного гражданского населения, пострадавшего от советских партизан. В сентябре 2002 г. в Финляндии, в г. Соданкюля прошел международный семинар, в котором приняли участие историки, юристы, эксперты и общественные деятели Финляндии, России, Швеции, Польши. Участники семинара искали пути примирения в таком сложном вопросе, как результаты деятельности советских партизан на территории Финляндии в 1941–1944 гг. Хотя многие представители финляндской общественности предлагают рассматривать действия советских партизан как военные преступления, все-таки в Финляндии на официальном уровне и среди историков-исследователей преобладает точка зрения, что данная проблема является не юридической, а исторической.

Коллаборационизм в оккупированной Карелии*

Говоря о партизанском движении, не следует забывать, что на территории оккупированной Советской Карелии в 1941–1944 гг. часть населения республики сотрудничала с финскими оккупационными властями. За послевоенные годы в западных странах по проблеме коллаборационизма в период Второй мировой войны создана обширная историография, свидетельствующая о сложности и противоречивости данного феномена[20]. В свою очередь советская историография до середины 1980-х гг. не рассматривала эту проблему как специальную тему исследования. Советские исследователи, как правило, не использовали и сам термин «коллаборационизм». Перед ними стояла задача всячески скрыть и принизить факты сотрудничества определенной части советских граждан в годы Второй мировой войны с немецкими властями и их союзниками, пока-

* **Веригин Сергей Геннадьевич,** кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Петрозаводского государственного университета.

Лайдинен Эйнар Петрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Международного научно-образовательного центра истории и культуры Европейского севера Петрозаводского государственного университета.

зать эти факты как частное явление военного периода, не имевшее широкой социальной базы[21]. Только со времени перестройки появилась возможность более глубокого изучения проблемы коллаборационизма на оккупированной советской территории в годы Второй мировой войны, стал употребляться и сам термин «коллаборационисты» для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом. Среди работ российских исследователей последних лет по данной теме следует выделить труды М.И. Семиряги, И.А. Гилязова, А.В. Окорокова, Б.Н. Ковалева[22]. Одной из составных частей общей проблемы коллаборационизма в годы Второй мировой войны является вопрос о сотрудничестве советских граждан с финскими оккупационными властями на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 гг. До сих пор по этой теме отсутствуют не только монографические исследования, но нет даже статей, в которых эта проблема рассматривалась бы в качестве специальной темы исследования. Обращаясь к изучению проблемы коллаборационизма на материалах Карелии, следует учитывать особенности его проявления в нашей стране. В этой связи авторы согласны с тезисом И.А. Гилязова о том, что советский коллаборационизм представляется явлением более сложным, многослойным, чем коллаборационизм европейский, что связано, прежде всего, с многонациональным составом населения СССР[23]. Это в полной мере относится и к Карелии периода Великой Отечественной войны.

На наш взгляд, можно выделить три основных составляющих коллаборационизма в Карелии.

Во-первых, карелы, финны-ингерманландцы и представители наиболее ожесточенной части белой эмиграции, бежавшие с территории Советской России в соседнюю Финляндию в 1918–1922 гг. Они находились в оппозиции к большевизму и сделали ставку на Финляндию, надеясь с ее помощью не только присоединить Восточную Карелию к Финляндии, но и свергнуть существовавший в СССР политический строй. Представители этой группы действовали на территории Финляндии с начала 1920-х и были популярны в определенных политических кругах соседнего государства. С конца июня 1941 г. – первых дней оккупации северо-западной части СССР – они оказались наиболее рьяными проводниками финской идеологии и главным инструментарием в проведении финской оккупационной политики на территории Советской Карелии[24]. Во-вторых, это те советские граждане, которые до войны жили на территории Ленинградской обл. и Карелии, а в период оккупации, поверив финской пропаганде, сознательно пошли на сотрудничество с оккупационными властями, преследуя различные цели. В годы Второй мировой войны финским войскам удалось оккупировать $^{2}/_{3}$ территории Советской Карелии. Финская военная администрация разделила все оставшееся население (по различным данным это количество колебалось от 80 до 90 тыс. человек) по национальному признаку на две основные группы: коренное или привилегированное население (карелы, вепсы и др. финно-угорские народы) и некоренное или непривилегированное население (русские, белорусы, украинцы и др.). Местное финно-угорское население рассматривалось в качестве граждан Великой Финляндии. Все средства пропаганды и агитации (печать, радио, школьное обучение, церковь и др.) были направлены на то, чтобы подчеркнуть национальное и естественное единство Финляндии и Карелии, привлечь бывших советских граждан финно-угорской национальности к сотрудничеству с финскими оккупационными властями. В-третьих, это люди, которые обстоятельствами судьбы оказались в одной связке с первой и второй группами (в первую очередь, спасая свои жизни), либо оказались в рядах коллаборационистов под принуждением.

Стержнем коллаборационизма являлась первая группа, хотя и она, не взирая на ее откровенно профинский характер, не являлась единой.

По характеру деятельности коллаборационизм условно можно разделить на три основные группы: политическую, экономическую (хозяйственную) и военную. Некоторые исследователи выделяют также и культурную коллаборацию[25]. К политической группе следует отнести всех, кто сотрудничал с финскими оккупационными властями в государственной сфере. Согласно советскому законодательству, к политическим коллаборационистам можно отнести членов различных культурно-просветительных и профессиональных организаций, работников административных и судебных органов, учреждений пропаганды и агитации, издательств. Уже в первые дни оккупации в Карелии было создано Военное Управление Восточной Карелии (ВУВК), которое привлекало к сотрудничеству местное население. Все руководящие должности, как в центральном аппарате ВУВК, так и в районных аппаратах занимались, как правило, финнами – офицерами, чиновниками и пасторами, прибывшие в оккупированные районы Советской Карелии в 1941–1944 гг. из Финляндии. Однако были и исключения. На низовую административную работу – на должности поселковых комендантов и сельских старост, финны подбирали лиц из числа местного населения. Большинство из тех, кто соглашался на сотрудничество

с оккупационными властями, было недовольно существовавшим до войны советским режимом, некоторые участвовали в открытой борьбе против советской власти в период гражданской войны и эмигрировали в начале 1920-х гг. в Финляндию. Часть коллаборационистов были ранее осуждены советскими судами за различные преступления[26]. Именно такими кадрами замещалось большинство должностей старост оккупированных карельских деревень в 1941–1944 гг.

Но среди старост были также и те, кто шел на сотрудничество с оккупационными властями, спасая свою жизнь и жизнь своих родных и близких. В работе этих людей в должности старост деревень не было никаких политических мотивов, наоборот, они как могли, помогали землякам. И это хорошо понимали односельчане. Житель с. Шелтозеро В.С. Яршин вспоминает: «В некоторых деревнях были взяты старосты (имеется в виду аресты старост органами НКВД после войны. – *Авт.*), но все вернулись, потому что их сам народ отстоял. Они были, как говорят, душевные. Был, например, Шишов Александр Михеевич (староста дер.Докучаево. – *Авт.*), старик, так он говорил: "Бабки, бабки, работайте спокойно". Ведь финны не любили, чтобы сидели. Вот работаешь все время, чтобы шевелился. Этот: "Потихоньку, потихоньку, не торопитесь. Работайте вот так, не надрывайтесь"»[27]. Многие из старост карельских и вепсских деревень, попавших в зону оккупации, до войны являлись членами ВКП(б), занимали должности председателей колхозов, являлись депутатами районных и сельских советов[28].

16 февраля 1942 г. начальник ВУВК генерал-майор Й.В. Араюри и начальник штаба ВУВК подполковник Эйно Куусела подписали приказ окружным начальникам «В отношении старост», в котором говорилось: «Использование военными властями старост в качестве помощников во многих случаях было очень полезным. С одной стороны, они были доверенными лицами местного населения, с другой стороны, они были проводниками воплощения в жизнь указаний военных властей, организаторами и руководителями работ. Там, где удачно выбирали деревенских старост, были хорошие результаты. Так как население Восточной Карелии привыкло, что в каждой деревне есть старший (руководитель) и так как система старост показала себя помощником военных властей, считаем необходимым, чтобы систему старост ввели повсеместно»[29].

В конце ноября – начале декабря 1942 г. после завершения формирования на оккупированной территории Карелии органов местной власти ВУВК организовало экскурсию старост из Олонецкого, Прионежского, Заонежского, Ведлозерского и других оккупированных районов в Финляндию. Руководителями группы были лейтенант Рубен Левянен, лейтенант Тауно Луоми, прапорщик Маури Лехтинен и военный пастор Ууно Э. Аалто. Всего ездило 26 человек. Три члена группы говорили только по-русски, остальные – на карельских диалектах. Они встречались с главнокомандующим финской армии К. Маннергеймом и президентом страны Р. Рюти. Карельские старосты посетили ряд заводов и организаций Хельсинки и других финских городов[30].

К хозяйственной коллаборации следует отнести руководство, а также служащих и работников хозяйственных органов и организаций, напрямую или косвенно работавших на оккупантов. Так, в период финской оккупации Карелии несколько крупных торговых сетей Финляндии образовали акционерное общество «Вако», имевшее монополию на торговую деятельность в Карелии. Первый магазин был открыт в с. Видлица, а позднее торговая сеть охватила всю Карелию. Обслуживающего персонала для магазинов, пекарен, мельниц и кафе «Вако» не хватало, поэтому в качестве рабочей силы использовалось местное население, которое выполняло функции кладовщиков и продавцов. Для некоторых из них в Петрозаводске были организованы специальные курсы. В 1941 г. на работах в этой компании было занято 374 карела и 233 русских, а в 1944 г. цифры возросли до 473 и 297 человек соответственно[31]. Местное население в период оккупации работало на предприятиях, в различных организациях и учреждениях Петрозаводска. Например, в 1942 г. из 300 работавших на Соломенской ГЭС Петрозаводска местные жители составляли около 100 человек. Большинство – карелы и вепсы, приехавшие в город из оккупированных районов республики[32]. Некоторые из них пытались открыть свой бизнес. Так, в материалах 4-го отдела НКВД КФССР о положении в оккупированном Петрозаводске за июнь 1942 г. отмечается, что в городе открыты две парикмахерские, которые содержит Мореходов, уроженец д. Леликово Заонежского района[33]. Финские оккупационные власти активно поощряли хозяйственную коллаборацию. С 1942 г. ВУВК стало проводить вербовку женщин фино-угорских национальностей Восточной Карелии на временную работу в Финляндию. Оккупационные власти подчеркивали важность этой работы, ссылаясь, в частности, на то, что опыт жизни в Финляндии будет способствовать распространению финских норм и ценностей среди населения Карелии: «Военное управление Восточной Карелии наметило в течение начавшейся зимы для

группы молодых восточно-карельских женщин создать возможность поработать в Финляндии в качестве домработниц в приличных сельских домах и, таким образом, на практике познакомиться с тем, как ухаживать за домом и вести хозяйство... Знакомство с условиями жизни в Финляндии и распространение об этом реальных сведений после возвращения людей домой было бы хорошей пропагандой в пользу Финляндии»[34].

Можно привести примеры и культурной коллаборации на оккупированной территории Карелии. Она выразилась прежде всего в том, что оккупационные власти в военный период предпринимали попытки создать надежные кадры учителей из представителей финно-угорских народов Карелии, открывая для этого различные курсы переподготовки. В конце 1941 г. со всей оккупированной территории Карелии финские власти стали собирать в Петрозаводске бывших советских учителей, в большинстве своем карелов и вепсов. В декабре 1941 г. они были направлены в Финляндию в учительский лагерь Миеслахти. Всего прибыло 59 женщин и 13 мужчин. После окончания курсов бывшие советские учителя вернулись обратно на оккупированную территорию Карелии для работы в народных школах[35].

С 1942 г. Военное управление Восточной Карелии развернуло кампанию по вербовке женщин из «родственных» национальностей на различные учительские и религиозные курсы. Оккупационные власти отмечали значение этих курсов, ссылаясь на идеологические мотивы: «В течение февраля – мая с.г. в нескольких религиозных народных училищах Финляндии обучалось примерно 60 девушек из Восточной Карелии. Помимо того, что эти курсы оказали большое воспитательное влияние на указанных лиц, нами установлено, что возвратившись в родные места, они проводили значительную пропагандистскую работу в пользу Финляндии. И, таким образом, учеба принесла пользу финнизации Восточной Карелии»[36].

Подобные поездки приносили определенный идеологический результат. Многие девушки из Карелии действительно возвращались на родину с профинскими настроениями[37]. А. Громова, учившаяся на учительских курсах в Финляндии в 1942–1943 гг., вспоминала, что лишь немногие девушки с курсов остались в Карелии, когда стало ясно, что для Финляндии война проиграна[38]. Вместе с тем из архивных документов следует, что ряд бывших советских учителей направлялся на подобные курсы помимо их воли[39].

К сфере коллаборационизма следует, по-видимому, отнести и браки между представителями местного населения Карелии и оккупантами. Известный финляндский историк А. Лайне отмечает: «Большая часть документов, касающихся браков, была утрачена во время отступления из Карелии. Отчеты свидетельствуют, что в 1942 г. было заключено 47 браков, в 1943 г. – 238, на 1944 г. данные отсутствуют. В 1942 г. из 47 браков 8 были заключены между финнами-мужчинами и женщинами из "родственного" населения. В следующем году число заключенных браков значительно увеличилось, особенно доля браков, где одним из супругов был финн, а вторым – представитель национального населения. Из 238 браков, заключенных в 1943 г. таких браков было 84, причем в 71 случае мужем был финн, а в 13 случаях финка была женой. Финны встречались также с "неродственным" населением, в 5 случаях это привело к заключению брака, причем только в одном случае женой становилась финка. Сведения о заключении браков в 1944 г. отсутствуют, но их количество, очевидно, было значительным, поскольку все время оккупации число браков росло»[40]. А. Лайне объясняет браки местных жителей Карелии с оккупантами следующим образом: «Безусловно, значимым фактором в увеличении количества заключаемых браков стали преимущества, получаемые при вступлении в брак с представителями того или иного народа. Если один из супругов был представителем финно-угорского народа или один из супругов, принадлежащий к финно-угорскому народу, заключал брак с финном, то "вторая половина" автоматически получала льготы, в частности, продовольственные или товарные карточки. Даже супруг, не относившийся к "родственным" национальностям, получал разрешение на паспорт зеленого цвета ("родственному" населению выдавались паспорта зеленого цвета, а "неродственному" – красного. – *С.В., Э.Л.*), в котором, например, было отмечено: русская, член карельской семьи". Покупательная способность карточки определялась именно цветом, вне зависимости от того, к какой национальности принадлежал ее владелец. Тот же принцип распространялся и на заработную плату и на распределение земли между местным населением. Если же желающие заключить брак не были представителями одного из финно-угорских народов, соблазна к заключению брака, безусловно, не было.

Особенно престижным считалось заключение брака с представителями финского народа, ведь это означало получение гражданства Финляндии и, естественно, привилегированного положения в обществе: это был типичный для оккупированной Карелии брак военного времени»[41].

Судя по воспоминаниям людей, переживших финскую оккупацию[42], контакты между финскими военными и местными женщинами были не редким явлением, особенно в национальных

районах. Однако надо иметь в виду, что во время войны и сразу после нее подобные контакты воспринимались подавляющим большинством советских граждан крайне негативно, как своего рода предательство. Часто они приводили к трагедиям. Так, вепсянка, жительница с. Шелтозеро В. Е. Кемлякова вспоминает: «Даже один случай был – мы были на лесозаготовках уже после того, как война окончилась, и с нами работала одна девушка, которая оказалась в положении от финна. Работали вместе в лесу, в одной бригаде. Она нет-нет да не может работать. Пилили поперечными пилами, лес толстый был – она попилет и сядет, не может ничего. А мы, девчонки, не понимаем ничего. Одна из нас была двадцать пятого года девушка, все говорит: "Валя, Верка беременная" – "Ну да, финнов уже нет, русские уже". Мы работали в лесу уже. И, в конце концов, родила от финна ребенка, мальчика. Ее забрали потом в тюрьму, восемь лет дали. Она убила ребенка. Родила, задушила и положила на улицу под туалетом. Мы – нашли, на суд нас отвезли – ой, не рассказать»[43]. В другом интервью житель с. Шелтозеро В.С. Яршин на вопрос «А девушки от финнов рожали?», ответил: «Ну, это на всю округу, если два, три случая было на моей памяти. И то старались, если могли, как наши пришли, делать аборты, прятали детей. Я вот три случая-то знаю, пострадали эти девки, аборты были строжайше запрещены»[44].

Местные полицейские и охранные батальоны, сотрудники военных и полицейских органов и формирований составили военную коллаборацию. Наибольший интерес для исследования представляет именно военная коллаборация. Необходимо учитывать, что к июню 1941 г. накануне вступления Финляндии в войну там проживало свыше 10 тыс. карелов, финнов-ингерманландцев и представителей белой эмиграции, бежавших из России в 1918–1922 гг., многие из них воевали на стороне финской армии. В 1941–1944 гг. на оккупированной финнами территории Советской Карелии оказалось около 86 тыс. советских граждан. В 1943–1944 гг. в Финляндию с оккупированной советской территории было вывезено свыше 60 тыс. финнов-ингерманландцев. Свыше 5 тыс. советских солдат и офицеров в военный период оказалось в финском плену.

В период 1939–1944 гг. финские власти по инициативе, в первую очередь военной разведки и националистов, сформировали ряд воинских подразделений по национальному признаку: из тюркских народов, эстонцев и др. Особое внимание придавалось привлечению в финскую армию карелов и финнов-ингерманландцев, что должно было придать процессу завоевания Восточной Карелии, по мнению финского командования, печать освободительной борьбы финно-угорских народов против власти большевиков. Как правило, карелы и финны-ингерманландцы служили в «Отделении К» (Osasto K) или бригаде Кууссари (Prakaati Kuussari) под командованием подполковника Э. Кууссари, в 4-м разведывательно-диверсионном батальоне (4 erillinen pataljoona), 6-м отдельном батальоне – соплеменников (6 erillinen heimopataljoona). Численность их была различной. Так, в 6-м батальоне служило 2.5 тыс. финнов-ингерманландцев.

Еще до начала военных действий Финляндии против СССР приказом от 23 июня 1941 г. Маннергейм объявил о мобилизации проживавших в Финляндии ингерманландцев, олонецких и беломорских карелов, а также финнов – участников так называемых «племенных войн». Так были сформированы Беломорский (Виэнан) и Олонецкий (Аунуксен) «родственные» батальоны. Вместе с некоторыми другими подразделениями они вошли в состав Олонецкой оборонительной бригады под командованием подполковника Куусаари[45]. В составе финских войск Олонецкая оборонительная бригада в августе 1941 г. вела наступление на Поросозерском направлении. Общая численность бригады составляла около 3 тыс. человек[46]. В октябре 1942 г. Олонецкая бригада была расформирована и из ее состава выделили батальон, состоявший преимущественно из карелов. Его переименовали в 3-й родственный батальон «Хеймо» (братский батальон). В состав батальона были включены также представители местного финно-угорского населения из числа военнопленных[47]. Кроме того, в батальон добровольно вступали и граждане близких финнам национальностей, проживавшие на оккупированной территории Карелии. По мнению финского командования, 3-й родственный батальон должен был воевать за освобождение «соплеменников», вдохновлять жителей Карелии на борьбу против СССР или хотя бы расположить местное население к финской армии. Как отмечает финский исследователь Хельге Сеппяля, численность батальона была по одним данным 1 070, по другим – 1 115 человек, из которых 837 раньше служили в Красной армии[48]. Общая численность батальона составляла 1 100–1 200 человек[49]. Интересные данные о 3-м Хеймобатальоне содержатся в фонде 804 «Военного управления Восточной Карелии» Национального архива Республики Карелия. Из них, в частности, следует, что добровольцы 3-го Хеймобатальона, бывшие советские граждане финно-угорских национальностей, получали ежемесячную зарплату[50]. Хотя в батальон отбирали людей, заслуживавших доверия финских властей, их надежность проверялась в особом лагере Ахонлахти (район г.Савонлинна), где служба безопасности внедрила в батальон своих людей. Уже там было выявлено несколько офицеров, которые намеревались перейти на советскую сторону или уйти в партизаны.

Их отправили обратно в лагерь для военнопленных. В течение 4-х месяцев (с ноября 1942 по февраль 1943 гг.) личный состав батальона занимался строевой, боевой и тактической подготовкой[51].

В начале мая 1943 г. 3-й братский батальон был переодет в форму финской армии (до этого форма была смешанной – английская и финская старого образца), переброшен на Карельский перешеек и через три недели отправлен на передовую. В течение всего его существования финское командование относилось к нему с недоверием. Было немало случаев перехода бойцов на сторону Красной армии, побегов за линию фронта[52]. Так, в сентябре 1943 г., когда батальон находился на передовой в районе озера Лемболово (Карельский перешеек), в 1-й стрелковой роте был раскрыт заговор группы солдат, готовивших массовый переход бойцов батальона на советскую сторону. По плану заговорщики должны были по возможности уничтожить офицерский состав батальона, взорвать оборонительные сооружения, захватить оружие и наиболее антисоветски настроенных солдат, а затем перейти на сторону Красной армии. Заговором руководил бывший майор Красной Армии Микко Никконен (Михаил Никитин). Но заговор был раскрыт финской контрразведкой, благодаря предательству одного из его участников в момент подготовки взрыва оборонительных сооружений[53].

В связи с раскрытием заговора и массовыми арестами 24 сентября 1943 г. батальон был переведен с передовой линии фронта в тыл, переукомплектован и использовался на строительстве оборонительных сооружений и заготовке леса в районе Термолово. Но 22 мая 1944 г. вновь выдвинут на передний край финской обороны в районе Охта, юго-западнее оз. Лемболово. Летом 1944 г. батальон принимал активное участие в боевых действиях, отступая с боями до Вуокса-Сувантовской водной системы. За хорошую службу и упорство в боях батальон был переименован в 3-й отдельный героический добровольческий батальон, 22 человека из его состава были награждены «Медалью Свободы». К началу августа 1944 г. батальон, понесший в боях с частями Красной армии тяжелые потери, получил пополнение за счет новых вербовок в лагерях военнопленных и передан в оперативное подчинение командиру 2-й пехотной дивизии финской армии[54].

В конце войны с Финляндией 29 августа 1944 г. в лесу юго-западнее Тарпила на Карельском перешейке были обнаружены зарытые в землю и замаскированные дерном два ящика с документами штаба 3-го братского батальона. В руки советского командования попали практически все списки офицерского и рядового состава батальона. Эти документы, а также показания арестованных бойцов 3-го братского батальона стали впоследствии основанием для поиска и возвращения в СССР тех, кто в батальоне служил[55].

После заключения перемирия между СССР и Финляндией 19 сентября 1944 г. 3-й братский батальон был направлен командованием финской армии на Север Финляндии с тем, чтобы принять участие в изгнании находившихся там немецких войск. Однако в боях с немцами батальон не участвовал, так как по требованию советских властей был возвращен в Выборг и передан советской стороне[56].

Союзная контрольная комиссия, прибыв после перемирия осенью 1944 г. в Финляндию, приступила к сбору уехавших из Советского Союза карелов и ингерманландцев для отправки их на Родину. Прежде всего, искали тех, кто с оружием в руках воевал на стороне Финляндии против своей Родины. Это возвращение превратилось в большую и длительную операцию – с 1944 гг. по 1953 г. Всего СССР было передано около 2 тыс. человек. Только небольшая часть при помощи финской разведки бежала в Швецию. Трагично сложилась судьба этих людей на Родине. Финнов-ингерманландцев, которые служили в 6-м батальоне, после передачи в СССР, осудили по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине) к 10–25 годам лишения свободы. Такая же участь постигла и бойцов-карелов из 3-го братского батальона. Всего было арестовано и осуждено около 400 бойцов этого батальона[57]. После отбывания наказания, оставшиеся в живых, вернулись на места своего прежнего проживания, в том числе и в Карелию.

Составной частью военной коллаборации являлось сотрудничество части советских военнослужащих с финскими оккупационными властями в сфере разведки и контрразведки. В конце 1941 – начале 1942 гг. на территории Финляндии и оккупированных районах Советской Карелии финская и германская разведки создали 6 разведывательных школ: в Петрозаводске, Медвежегорске, Савонлинна, Рованиеми и Суомуссалми.

Петрозаводская школа финской разведки была самой крупной. Она действовала под прикрытием полка Северного отделения Русской освободительной армии (РОА). Всего, по разным данным, только в одной Петрозаводской разведшколе в период ее существования было подготовлено от 80 до 300 агентов[58]. К 1943 г. финская разведка перевела Петрозаводскую разведшколу под руководство бывших советских военнопленных, которые входили в состав Русской освободительной армии[59]. Следует отметить, что преподаватели Петрозаводской разведшколы, по-

добранные финнами из числа советских военнопленных, были достаточно образованными людьми, многие в прошлом являлись боевыми офицерами Красной армии. Волею судьбы они оказались в плену в первый год войны, и, судя по архивным документам, их объединяло одно общее обстоятельство – неприятие сталинского режима[60].

Все разведывательные школы финской разведки комплектовались исключительно советскими военнопленными, находившимися в концлагерях Финляндии. При подборе курсантов в разведшколы финская разведка использовала крайне тяжелое положение в лагерях советских военнопленных, хотя были и добровольцы. Возраст курсантов колебался от 19 до 40 лет. Предпочтение отдавалось лицам, которые были обижены советской властью, многие были судимы, встречались и просто уголовные элементы. Идейных противников советской власти было немного[61].

В разведшколах были представители многих регионов и национальностей СССР, но преобладали представители славянских национальностей. Определенная часть курсантов была родом из Карелии. В период обучения курсанты систематически подвергались идеологической обработке. Курсанты разведшкол давали подписку о сотрудничестве с финской разведкой. Для многих советских военнопленных, вставших на путь коллаборационизма в период войны, учеба в разведшколе и дальнейшая заброска в тыл РККА являлась одним из способов выживания в условиях войны, а также возможностью вернутся на Родину и передать советскому военному командованию информацию о деятельности разведшкол.

Первые задержания агентуры финских разведшкол в Карелии относятся к концу июня–началу июля 1942 г. Начиная с августа 1942 г., задержания в тылу РККА носят уже массовый характер, так как многие агенты приходили с повинной в органы безопасности. Изменения на советско-германском фронте после Сталинградской битвы (ноябрь 1942 – февраль 1943 г.) и особенно Курской наступательной операции (июль-август 1943 г.) повлекли изменения в настроениях тех, кто в годы войны встал на путь сотрудничества с оккупантами. Так, в Петрозаводской разведывательной школе именно с 1943 г. меняется настроение среди преподавательского состава и курсантов: появляется неверие в победу германского оружия. В августе–сентябре 1943 г. финское руководство школы и командование разведывательного полка власовской армии, совместно с финской военной контрразведкой, провели операцию «по чистке рядов», арестовав ряд ведущих преподавателей разведшколы, сомневавшихся в победе. Все они были обвинены в проведении антифинской пропаганды. Большинство из них были отчислены из школы и направлены в Финляндию для работы в крестьянских хозяйствах, или попали в концлагеря военнопленных. После окончания войны по требованию СКК финские власти передали их советской стороне.

В августе–сентябре 1943 г. активная деятельность Петрозаводской разведывательной школы фактически завершилась. После окончания войны судьба курсантов разведшколы сложилась печально: большинство из них по требованию советской стороны было возвращено финским правительством в СССР, где их ожидала судьба предателей Родины – уголовное преследование и длительные сроки заключения. И только небольшой части курсантов удалось бежать в третьи страны, прежде всего, в Швецию.

Если Петрозаводская разведшкола формировалась преимущественно из советских военнопленных, русских по национальности, то Суомуссалмская разведшкола и разведывательная школа при 2-м отделении финской военной полиции г. Медвежегорска или Медвежегорская разведшкола в подборе курсантов продолжали традиции, заложенные финской разведкой еще в 1920-е гг.: привлекали к сотрудничеству лиц родственных национальностей, прежде всего, советских финнов, карелов и вепсов.

Необходимо подчеркнуть, что финские разведывательные школы забрасывали агентуру в тыл РККА в течение всей войны. НКГБ КФССР в своем отчете о результатах контрразведывательной и следственной работы за период 1941–1945 гг., направленном во 2-е (контрразведывательное) Управление НКГБ СССР 29 апреля 1945 г., отмечал, что за период Великой Отечественной войны в тылу частей Красной армии на Карельском фронте было задержано 129 агентов финской разведки, окончивших разведывательные школы[62]. В финских и германских разведшколах было подготовлено и заброшено в советский тыл значительно больше агентуры, чем было задержано советской стороной. Так, по данным финского журналиста Ю. Рислакки в 1941–1944 гг. финская разведка забросила в тыл Красной армии до 500 агентов, из которых половину составляли советские граждане[63]. Розыск коллаборационистов продолжался и после окончания Великой Отечественной войны как в СССР, так и за рубежом; в результате розыскных мероприятий многие агенты были арестованы.

Для советской стороны было принципиально важно вернуть всех коллаборационистов на Родину, где они считались предателями, с тем, чтобы они понесли заслуженное наказание. Этот процесс хорошо прослеживается на примере советских военнопленных, которые пошли на сотрудничество с финскими властями в сфере разведки, и оказались в составе 2-й разведывательной роты финской разведки под командованием майора Инто Энсио Куйсманена (1942–1944 гг.)[64]. В этом отряде в разные годы проходили службу в общей сложности 62 советских военнопленных. Первые партии советских военнопленных – 12 человек поступила в отряд в феврале–апреле 1942 г.; все они добровольно перешли на сторону финнов. В плен попадали на Карельском фронте, начиная с осени 1941 г. Куйсманен брал в свой отряд в основном лиц, репрессированных при советской власти, многие из них отбывали срок заключения или находились на высылке в Карелии[65]. Однако число военнопленных не превышало 8% процентов от общего числа военнослужащих отряда. Наибольшее количество советских военнопленных – 21 было в марте 1943 г.[66]. При этом за все время существования из разведывательной роты не было ни одного побега, в том числе и со стороны советских военнопленных. После прекращения военных действий практически все советские военнопленные, служившие в отряде Куйсманена, выехали с личным составом разведывательного пункта в Финляндию, никто из них не хотел добровольно возвращаться в СССР. Финские власти и сотрудники военной разведки первоначально в благодарность за сотрудничество оказывали им всяческую помощь в получении гражданства и финских паспортов[67]. Однако по требованию советской стороны финская полиция начала их розыск и задержание в Финляндии, а затем и отправку в СССР. Первая партия в количестве 12 человек была этапирована 20 июля 1945 г. из Финляндии в Выборг в принудительном порядке под строгим конвоем. В СССР следствие по ним вело 4-е отделение ОКР «Смерш» 23 армии[68]. Следствие велось ускоренными темпами и уже 11 октября 1945 г. Военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа приговорил их по статье 58-1 «б» УК РСФСР (измена родине, совершенная военнослужащими) к суровым срокам наказания[69]. Несколько позже были арестованы и осуждены к различным срокам заключения еще около 20 советских граждан, служивших в отряде майора Куйсманена[70]. Боясь преследования советских властей, из Финляндии бежали многие члены отряда Куйсманена из числа бывших граждан СССР[71].

Составной частью военной коллаборации следует считать тех советских граждан, которые в период войны пошли на службу в органы финской полиции. Судя по архивным источникам, почерпнутыми авторами из фондов карельских ведомственных архивов (архив УФСБ РФ по РК и архив МВД РК) таких тоже было немало[72]. Среди тех, кто пошел на сотрудничество с финской разведкой в военный период были и сотрудники советской разведки[73]. Военная коллаборация в меньшей степени коснулась партизанского движения в Карелии в 1941–1944 гг.. По воспоминаниям партизан можно установить только несколько случаев перехода бойцов на сторону врага, хотя даже эти единичные факты предательства имели далеко идущие трагические последствия для самих партизан[74].

Что касается гражданского населения Карелии, оказавшегося в зоне оккупации финских войск в 1941–1944 гг., то около 2.8 тыс. человек (3.5% от всего населения) эвакуировалось в Финляндию. Для многих такая эвакуация была неизбежной: для тех, кто находился на военной и хозяйственной службе у финских властей и боялся привлечения к суду за предательство; для женщин, состоявших в браке с финнами; для мужчин, которые вступили в «братский батальон».

По нашим подсчетам, общее количество человек причастных к коллаборационизму на территории Карелии в годы Второй мировой войны составляет около 3 тыс. человек. Длительное время категория лиц, сотрудничавших с финским оккупационным режимом и воевавших в составе финских войск против Красной армии, а после войны проживавших в СССР, считалась предателями своей Родины и находилась в забвении. Однако в 1990-е гг. на территории постсоветского пространства отмечается объединение участников Второй мировой войны, воевавших на стороне фашистской Германии и ее союзников. Финляндское государство признало заслуги ветеранов-иностранцев в защите своей страны, в связи с чем предоставило им льготы ветеранов войны, оказывает им материальную помощь, способствует их переезду на жительство в Финляндию, наградило многих из них правительственными наградами[75]. В 1996 г. в Финляндии бывшие соотечественники (финны-ингерманландцы и карелы), воевавшие в частях финской армии против Красной армии создали «Общество ингерманландских и карельских ветеранов-соплеменников» (Inkerilaiset ja karjalaiset heimoveteraanit ry). «Общество» занимается поиском ветеранов-соплеменников, оказывает им помощь в отдыхе и лечении, приглашает их из-за границы в Финляндию. Для освещения своей деятельности «Общество» издает журнал «Kivekäs», который выходит два раза в год. В нем рассказывается о ветеранах-соплеменниках, об их участии в войнах против СССР в период 1939–1944 гг., печатаются фотографии, публикуются некрологи[76]. Если для

Финляндии ветераны-соплеменники являются героями, финское правительство окружает их почетом и вниманием, то для большинства населения России они остаются предателями своего народа, которые в трудный для страны период воевали на стороне противника.

Необходимо иметь в виду, что в первые послевоенные годы существовало довольно устойчивое неприятие населения, которое в силу не зависимых от него причин, оказалось в финской оккупации. Об этом говорят многочисленные воспоминания людей, переживших оккупацию[77]. При исследовании данного вопроса следует также выяснить: насколько адекватны были репрессии советских властей по отношению к тем, кого считали коллаборационистами, в первую очередь, к бывшим военнопленным и репатриантам, проживавшим и работавшим на оккупированной территории Карелии, а затем вывезенным в Финляндию.

Примечания

[1] *Герасимов Г.А.* Партизанские километры. Воспоминания. Петрозаводск, 1965; *Королев М.Ф.* В лесах Калевалы. Вологда, 1960; Незабываемое. Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1967; *Подоплекин Д. А.* Бой ведет «Полярник». Записки командира партизанского отряда. Архангельск, 1977; и др.

[2] *Яковлев И.С.* В лесах Карелии // Советские партизаны: из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2. М., 1963; *Морозов К.А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983; Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1984; *Дащинский С.Н.* Советские партизаны в финской Лапландии // Север. 1995. № 2; *Макуров В.Г.* Военная летопись Карелии, 1941–1945. Петрозаводск, 1999; *Кулагин О.И.* Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы (1941–1944 гг.). Автореф. дисс.канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005; *Чумаков Г.В., Ремизов А.Н.* Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта. Петрозаводск, 2007;. и др.

[3] *Макуров В.Г.* Указ. соч. С. 22.

[4] Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее Архив УФСБ РФ) по РК ФКРО, оп. 1, д. 115-а, л. 45–46.

[5] *Дащинский С.Н.* Указ. соч. С. 117.

[6] Архив. УФСБ РФ по РК. ФКРО, оп. 1, д. 115-а, л. 31–33.

[7] Карельский государственный архив новейшей истории (далее – КГАНИ), ф. 213, оп. 1, д. 389, л. 9–10.

[8] КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 389, л. 8.

[9] КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 389, л. 74.

[10] *Морозов К.А.* Указ. соч. С. 122.

[11] КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 620, л. 25.

[12] Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. С. 174.

[13] *Морозов К.А.* Указ. соч. С. 125.

[14] Rauna on ainoa mahdollisuutemme: Partisaanisodan kansainvälinen solitusseminaari, Sodankylä 27–29.09.2002. – Kirjapaino: Värisuora Oy, Kemi 2004. S. 7.

[15] *Erkkilä V.* Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin. Helsinki: Arator Oy. 1999; *Martikainen T.* Partisaanien siviiliuhrit. Värisuora. Kemi. 2002; *Дащинский С.* Указ. соч., и др.

[16] *Дащинский С.* Указ. соч., С. 115.

[17] КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 389, л. 9–10.

[18] Rauna on ainoa mahdollisuutemme: Partisaanisodan kansainvaälinen solitusseminaari, Sodankylä 27–29.09.2002. Kirjapaino: Värisuora Oy, Kemi. 2004. S. 49–69.

[19] Архив УФСБ РФ по РК, ф. ЛД, д. 1. Ч. IV, л. 30, 120.

[20] Das Deutshe Reich der Zweite Weltkrieg. Der Angriff auf die Sovjetunion. Bd. 4. Stuttgart, 1983.; *Dallin A.* German rule in Russia 1941–1945: A study of occupation polities. L., 1957; *Reitlinger G.A.* House built on Sand: Conflicts of German policy in Russia 1939–1945. L., 1960; *Mulligan T.P.* The politics of illusion and empire. German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942–1943. N.Y., 1988; *Hoffman J.* Die Ostlegionen 1941–1943. Freiburg, 1976; *idem.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1984; и др.

[21] Например: История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1–6. М., 1960–1965; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1–12. М., 1973; Немецко-фашистский оккупационный режим. М, 1965.

[22] *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М, 2000; *Гилязов И.А.* На другой стороне. (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). Казань, 1998; *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004, и др.

[23] *Гилязов И.А.* Указ. соч. С. 121.

[24] *Vuoristo S.* Wienan Karjalaisten Liiton\Karjalan Sivistysseuran historia vv. 1906–1996. S. 30–40; *Лайдинен Э.П., Веригин С.Г.* Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 188; *Матвеев О.* Игра на чужом поле // Игра на чужом поле. М., 2001. С. 21–32.

[25] *Гилязов И.* Коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны – форма проявления национализма? // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 107–129.

[26] Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 117, л. 54–55.

[27] Устная история в Карелии: сб. научн. статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007. С. 89.

[28] Архив УФСБ РФ по РК, ф. КРО, оп. 1, д. 82, л. 41, 142.

[29] Halltsto/AunPE. T 2872/14. SA.

[30] Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 117, л. 63–64. См. также: Halltsto/AunPE. T 2872/14. SA.

[31] *Осипов А.Ю.* Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 25.

[32] Архив УФСБ РФ по РК, ф. 6, литерное дело № 11, ч. 4, л. 161.

[33] Там же, л. 128.

[34] По обе стороны Карельского фронта. Док-ты и мат-лы. Петрозаводск, 1995. С. 292.

[35] Архив УФСБ РФ по РК, ФТДМ, оп. 2, д. 8303, л. 292.

[36] По обе стороны Карельского фронта. С. 288.

[37] КГАНИ, ф. 20, оп. 1, д. 282, л. 19; Голубев А.В. Повседневная жизнь женщин в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Карелии: к постановке проблемы // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 10.

[38] По обе стороны Карельского фронта. С. 406.

[39] Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 117, л. 62.

[40] Цит. по: *Лайне А.* Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 19.

[41] Там же. С. 20–21.

[42] Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 55.

[43] Там же.

[44] Там же. С. 91.

[45] Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п./ф. 20, оп. 1, д. 117, л. 88.

46 Там же, ФДОУ, литерное дело № 11, л. 12–15; 226–227.

[47] Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п./ф. 20, оп. 1, д. 117, л. 88.

[48] Сеппеля Х. Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 6. С. 120.

[49] Архив УФСФ РФ по РК, ФДОУ, д. 23, л. 102.

[50] Там же.

[51] Архив УФСФ РФ по РК, ФДОУ, д. 23, л. 102 об.

[52] *Сеппеля Х.* Указ. соч. С. 121.

[53] Архив УФСБ РФ по РК, ФДОУ, литерное дело № 23, л. 38–40.

[54] Там же, л.40–41.

[55] Там же, л. 38.

[56] Там же. ФДОУ, литерное дело № 23, л. 102–103 об.

[57] Там же, л. 103 об.

[58] *Веригин С.Г.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. // Подвигу жить в веках: материалы военно-исторической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск, 2005. С. 85.

[59] Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, с. 305; д. 25, т. 3, ч. 3, 261, 262.

[60] Там же, д. 25, т. 2, с. 20, 24, 27, 40, 44–45, 183, 288, 291, 330; т. 3, ч. 3, с. 266, 269, 289.

[61] *Веригин С.Г.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. С. 87.

[62] УФСБ РФ по РК, ф. Секретариат, оп. 1, п. 120. С. 28.

[63] *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki: Love Kirjat. 1982. S. 249.

[64] Архив УФСБ РФ по РК, ф. ЛД, арх. № 30, т. 1–2.

[65] Архив УФСБ РФ по Архангельской обл. (далее – Архив УФСБ РФ по АО), д. 16089, т. 1, с. 1, 11, 57, 71, 84, 85 87, 271.

[66] Архив УФСБ РФ по РК, ф. ЛД, арх. № 30, т. 1, с. 219–224.

[67] Там же, ФТДМ, д. 8277, с. 19, 73, 84, 87, 121; Архив УФСБ РФ по АО, д. 16089, т. 2, с. 1, 11, 34, 57, 68–69, 85, 87.

[68] Архив УФСБ РФ по АО, д. 16089, т. 1, с. 11.

[69] Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 36; Архив УФСБ РФ по АО, д. 16089, т. 2, с. 447.

[70] Архив УФСБ РФ по РК, ф. ЛД. Арх. 30, т. 1, с. 1–2, 22, 27, С. 30–32, 219–224; 230–232, 235–239; ФТДМ, д. 8277. С. 19, 21, 22, 41, 67, 73, 84, 87, 89, 121; Архив УФСБ РФ по АО, д. 16089, т. 1, с. 82, 85, 87, 88, 271.

[71] Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 30, т. 1, с. 1–2, 27, 235–239; ФТДМ, д. 8277, с. 89, 95, 387.

[72] Там же, ф. КРО, оп.1, д. 95, л. 126; ФСДП, оп. 1, д. 302, л. 3–5; Литерное дело № 12, ч. 1, т. 3, л. 121; ф. 6. литерное дело № 11, ч. 4, л. 210.

[73] Там же, ф. КРО, оп. 1, д. 95, л. 126.

[74] *Гнетнев К.В.* Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007. С. 255–257, 268.

[75] Kivekäs. 2001. № 2.

[76] Там же. № 1, № 2, и др.

[77] Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 80.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В АРКТИКЕ:
итоги международной научной конференции

12–15 сентября 2008 г. в Архангельске прошла международная научная конференция «Холодная война в Арктике». Ее организаторами выступили Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Поморский научный фонд, Фонд имени Конрада Аденауэра, Информационное бюро НАТО в Москве. В конференции приняли участие свыше 40 исследователей из 10 стран мира: Норвегии, Швеции, Финляндии, США, Канады, Великобритании, Франции, Германии, Чехии и России.

В рамках церемонии открытия состоялась презентация проекта «Icefrontier» – «Ледяной фронт» (www.isfronten.no). Координатор проекта П. Г л э н ф и л ь д (Норвегия) рассказал о ведущихся работах по созданию нового центра изучения проблем Холодной войны. «Ледяной фронт» должен стать не только и не столько музеем и памятником Холодной войны, но и крупным научно-исследовательским и образовательным центром. Обращение к событиям минувшей эпохи может способствовать решению многочисленных проблем в современных международных отношениях и в первую очередь, по мнению П. Глэнфилда, это касается Норвегии и России, поскольку даже в рамках глобального противостояния советско-норвежские отношения отличались стабильностью. В проекте особое внимание уделяется изменениям в Норвегии в годы Холодной войны, так называемому «страху перед войной», развитию технологий, стратегическому значению Норвегии и, конечно же, советско-норвежским отношениям. В выступлении П. Глэнфилда прозвучала мысль, к которой не раз обращались участники конференции – Холодная война принесла не только раскол мира и глобальное противостояние, но и технический прогресс, способствовавший всестороннему развитию отдельных стран, в частности Норвегии.

В рамках конференции действовали две секции: «Международные отношения в Арктике во время Холодной войны» и «Флот, авиация и разведка в Арктике в годы Холодной войны».

Символично, что работа секции «Международные отношения в Арктике во время Холодной войны» началась с доклада В.В. Н о с к о в а (Санкт-Петербург) «Закончилась ли Холодная война?». Докладчик отметил, что проблема Холодной войны тесно связана с таким феноменом, как мировая война. Он проследил эволюцию мировых конфликтов, показав, что они начинаются с перенесения военных действий на океан и в заморские колонии. Проанализировав историю понятия и самого феномена холодной войны, Носков пришел к выводу, что в истории человечества было несколько мировых и холодных войн. К первым относятся наполеоновские войны, а примером вторых служит противостояние Британской и Российской империй в XIX в., которое можно рассматривать как предтечу Холодной войны XX в. Если рассматривать Холодную войну как уникальный феномен, то она завершилась вместе с распадом СССР и биполярной системы. Если же рассматривать ее как явление типичное, которое может повторяться, то допустимо говорить о возможном начале очередной холодной войны.

К. Э т л а н д (Норвегия) выступил с докладом, посвященным мурманской речи М.С. Горбачева и завершению Холодной войны в Арктике. Он отметил специфику арктического региона, указав, что Холодная война принесла технический прогресс и вместе с тем создала серьезную угрозу для региона, который был перегружен военными силами. «Мурманские инициативы» Горбачева о демилитаризации Арктики, создании свободной от ядерного оружия зоны в Северной Европе, как и начало трансграничного сотрудничества, были представлены в докладе как начало новой эры в истории Арктики. В наступивший период стали предприниматься шаги по решению проблем глобального потепления, защиты окружающей среды и прав коренного населения Арктики, рациональной эксплуатации природных ресурсов. Ключевыми и наиболее трудными вопросами для современного сотрудничества в Арктике стали, по мнению выступавшего, проблемы границ (морских, шельфа, Шпицбергена) и глобального потепления.

Ю.Ф. Л у к и н (Архангельск) в докладе «Арктика сегодня: для России и мира», в первую очередь, отметил, что «Арктика – это многомерное физико-географическое, водно-территориальное, социально-экономическое, этническое, культурное, геополитическое пространство, десятки этносов, разнообразие культур». Причины постоянно возрастающего интереса к Арктике заключаются в ее выгодном геополитическом положении; возможности использовать кратчайшие транспортные пути (в связи с глобальным потеплением и таянием льдов открываются новые возможности для навигации); богатых залежах нефти и газа (до 25% неразведанных запасов). Обратив внимание на значение Арктики для России, Лукин подчеркнул, что «арктические территории (при доле населения, равной 1%) обеспечивают около 11% национального дохода и 22% объема общероссийского экспорта». Анализируя проблему границ, докладчик обратил внимание на то,

что помимо вопроса о разделе морских территорий существуют и разногласия между арктическими государствами в рамках уже существующих границ. Эта проблема актуальна не только для России и Норвегии (Шпицберген и так называемая «серая зона»), но и для Дании и Канады. В вопросе о морских границах Россия действует исключительно в рамках международного права, в отличие от США, которые не ратифицировали конвенцию по морскому праву 1982 г. Если Соединенные Штаты предлагают сохранить свободной центральную зону Арктики, то остальные государства данного региона настаивают на окончательном разделе арктических территорий. По мнению Лукина, несмотря на то, что согласно Гренландской декларации 29 мая 2008 г. Арктику договорились делить мирно, не исключен и силовой вариант. Война за ресурсы может оказаться ближайшим будущим, тем более что уже создаются и глобальные системы контроля, «просвечивающие» Арктику (в Норвегии) и орбитальные группировки (в России). В таких условиях особое значение приобретает опыт Норвегии, которая в течение XX в. сумела исключительно путем переговоров существенно расширить свою территорию. В ходе дискуссии по докладу было отмечено, что одним из последствий раздела Арктики может стать появление новых приарктических государств. В частности, весьма высока вероятность обретения независимости Гренландией в том случае, если ей удастся получить богатые углеводородами шельфовые территории.

П. Л у н а к (Бельгия) в докладе «Холодная война: уроки взаимоотношений СССР/России и НАТО» отметил, что термин «холодная война» появился задолго до XX в., но период 1940–1990-х гг. уникален. Для него характерны глобальность, идеологическое противостояние, биполярность мира и вместе с тем неприменение оружия. Поэтому, по мнению Лунака, даже, несмотря на международный кризис, связанный с августовскими событиями 2008 г. в Грузии и Осетии, холодная война едва ли повторится. Но угроза глобального кризиса сохраняется. Говоря о завершении Холодной войны, Лунак остановился на общем вопросе о причинах сохранения НАТО в новых условиях, уделив особое внимание обоснованию различий между целями и характером НАТО и Организации Варшавского договора (ОВД). Анализируя проблемы в отношениях Россия–НАТО, Лунак говорил о «непонимании» и «необъективности оценки» политики НАТО в России. Впрочем, несмотря на все существующие разногласия в отношениях между Россией и НАТО, докладчик выразил надежду на продолжение конструктивного сотрудничества, примерами которого могут служить борьба против терроризма, совместные спасательные операции на море и взаимодействие во время ликвидации последствий стихийных бедствий. Доклад П. Лунака вызвал наиболее оживленную дискуссию на конференции.

М.Н. С у п р у н (Архангельск) посвятил свое выступление пребыванию советских войск в освобожденном Восточном Финнмарке (Северная Норвегия), их выводу и демаркации границы между Норвегией и СССР в контексте переговоров о «разделе сфер влияния» в мире. По мнению докладчика, условия вывода советских войск из Норвегии повлияли на всю систему международных отношений в Арктике вплоть до начала XXI в. Первоначально Советский Союз предъявил территориальные претензии к Норвегии, но, по мнению Супруна, в августе 1945 г. на заседании Совета министров иностранных дел в Лондоне Советский Союз отказался от территориальных притязаний в Арктике. Согласие вывести войска из Норвегии СССР дал в обмен на признание Норвегией своих северных территорий, «свободными от западных держав», т.е. в обмен на отказ от проведения в этих районах военных учений и демилитаризацию Восточного Финнмарка. Доказательством наличия подобных соглашений, по мнению докладчика, стали, во-первых, проведенная в течение 1946–1947 гг. демаркация границы; во-вторых, практически полное отсутствие вооруженных сил в Восточном Финнмарке вплоть до наших дней; в-третьих, разработанный на случай конфликта «план обороны» северных территорий Норвегии (1951 г.), который сводился к тактике «выжженной земли» при отходе норвежских войск на основную линию обороны в провинции Трумс. В рамках обсуждения данного доклада было высказано предположение о тесной взаимосвязи между событиями в Северной Норвегии и на Дальнем Востоке (атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки). К сожалению, изучение данной проблемы затрудняется отсутствием доступа к источникам, которые засекречены до наших дней.

В докладе «Северная советская пресса о советско-норвежских отношениях в начале Холодной войны» А.В. Р е п н е в с к и й (Архангельск) проследил эволюцию образа Норвегии, показав, что окончательно образ врага в отношении Норвегии сложился в советской региональной прессе после вступления этой страны в НАТО.

В выступлении, посвященном организации обороны Северной Швеции в годы Холодной войны, Т. В и к с т р е м (Швеция) подробно рассмотрел планы обороны, историю формирования частей, задачей которых являлась защита Северной Швеции. Но особый интерес вызвал тезис о наличии трех концепций обороны, предусматривавших варианты вторжения не только со стороны стран ОВД, но и государств НАТО и даже «объединенной» Германии. О.В. З а р е ц к а я (Архан-

гельск) рассмотрела неудачную попытку создания Скандинавского Оборонительного союза, инициатором которого выступила Швеция. Н.А. Данилов (Архангельск) в докладе «Норвегия на перепутье (вторая половина 1940-х гг.)» проанализировал причины вступления и особого положения Норвегии в НАТО. Ключом для понимания проблемы, с его точки зрения, было чрезвычайно выгодное стратегическое положении Норвегии, что подтвердили события Второй мировой войны. Из своего стратегического положения Норвегия сумела извлечь максимум преимуществ. Придерживаясь политики «непровокации» СССР, Норвегия сохраняла стабильные отношения с восточным соседом на протяжении всей Холодной войны (за исключением инцидентов на р. Паз и с планом посадки У-2 в Норвегии). Запретив размещать на своей территории иностранные воинские подразделения, Осло в то же время получил помощь в создании собственных вооруженных сил. Новые технологии и создаваемая инфраструктура служили не только военным, но и мирным целям.

Участники секции «Флот, авиация и спецслужбы в Холодной войне» посвятили свои выступления главным образом конкретным эпизодам Холодной войны на суше, море и в воздушном пространстве. Особое внимание было уделено военно-морским силам противоборствующих блоков, их подводным флотам. Н.И. Егорова (Москва) рассмотрела эволюцию роли военно-морского флота в советской военной стратегии в первые десятилетия Холодной войны (1940–1950-е гг.). В частности, ей удалось показать, насколько сильным было при этом влияние отдельных личностей на изменение военной стратегии советского государства. Пересмотр Н.С. Хрущевым стратегических задач, которые ставились перед флотом СССР, и Северным флотом, в частности, привел к тому, что с середины 1950-х гг. предпочтение стало отдаваться атомным подводным ракетоносцам, способным не только выполнять тактические задачи в территориальных водах Советского Союза, но и использовать стратегическое вооружение в любой точке мирового океана.

Роли Северного машиностроительного предприятия (СЕВМАШ) в развитии военного кораблестроения в годы Холодной войны был посвящен доклад М.Б. Баловой и П.В. Лизунова (Северодвинск). Тесно связанным с этим докладом оказалось выступление Р.Ю. Болдырева (Архангельск), который показал, какое значение, имели военные репарации, полученные СССР с побежденной Германии, в восстановлении советской военной промышленности, прежде всего, в работе Северного машиностроительного предприятия в первые годы Холодной войны.

К теме действительных и вымышленных нарушений территориальных вод нейтральной Швеции советскими подводными лодками обратилась А. Шилова (Архангельск). Актуальность обращения к «перископному синдрому» обусловлена заявлениями, сделанными в мае 2007 г. шведской стороной, в которых признавалось, что аудиозаписи шумов, якобы произведенных советской подводной лодкой в шведских водах в 1982 г., оказались фальсифицированными. Доклад Шиловой наглядно показал, какую роль играли средства массовой информации в поддержании Холодной войны. Точку зрения зарубежных исследователей «перископного синдрома» отразил в своем выступлении Б. Братбак (Швеция). По его мнению, уже сам факт бурного обсуждения в СМИ вопросов о советских и американских подводных лодках убедительно доказывает, что память о Холодной войне, как и опасения ее повторения, все еще живы.

Весьма интересным стало выступление К. Клеве (Норвегия), на примере развития авиации показавшего, как Холодная война превратила Норвегию из аграрной, сильно пострадавшей от Второй мировой войны страны, в арктического лидера по гражданским и военным авиаперевозкам. Экономическая помощь НАТО положительно сказалась не только на развитии непосредственно авиации, но и помогла улучшить инфраструктуру Норвегии, изменила ее место на геополитической карте мира. Вместе с тем докладчик не смог не согласиться с замечаниями аудитории о том, что присоединение Норвегии к Североатлантическому альянсу увеличило риск вовлечения государства в реальный военный конфликт.

В ходе состоявшихся на конференции дискуссий за «круглым столом» было отмечено, что нельзя односторонне рассматривать Холодную войну только как противостояние сверхдержав, поскольку некоторые страны сумели воспользоваться ситуацией в своих целях. При этом в годы Холодной войны значительно возросла роль ООН, что позволило избежать множества конфликтов. В этой связи все были единодушны в том, что необходимо изучать накопленный в те годы ценный опыт переговоров как средства предотвращения и разрешения конфликтов. Участники конференции отметили, что по окончании Холодной войны, несмотря на множество нерешенных проблем, Арктика стала центром международного сотрудничества.

Н.А. Данилов, Д.С. Козлов
(Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

© 2009 г. Ю. КОРПЕЛА*

СВЯТАЯ АННА НОВГОРОДСКАЯ:
факт и правда в истории

Святая история

10 февраля Православная церковь празднует память святой Анны Новгородской. Согласно современному церковному календарю Русской Православной Церкви Анна была княжной и умерла между 1050 и 1056 гг.[1] По указаниям Иоанна Бухарева, Анна была матерью святого Владимира Ярославича, князя Новгородского, старшего сына великого князя Киевского Ярослава Мудрого. Шведская принцесса, она пришла из Киева к своему сыну в Новгород, где пользовалась всеобщим уважением и умерла, как и ее сын, в 1051 г., приняв постриг перед смертью[2]. Е.Е. Голубинский считал, что Анна умерла в 1050 г., а Владимир только 4 октября 1052 г., и указывал на летописное сообщение о том, что в 1439 г. архиепископ Новгородский Евфимий обновил раки, в которых находились их мощи, и установил праздник в их честь 4 октября[3]. Память св. Владимира и сегодня празднуется Русской церковью 4 октября. Дата памяти св. Анны 10 февраля происходит, очевидно, из летописи: к этому дню (под 6558 (1050) г.) Софийская первая (далее – С1Л) и Воскресенская летописи, опубликованные в середине XIX в., относят смерть матери Владимира Ярославича[4]. Праздник в честь св. Анны 10 февраля появляется в официальных церковных календарях только с 1880-х годов[5].

Сообщение 1439 г., на которое ссылался Голубинский, выглядит в летописях следующим образом. В младшем изводе Новгородской первой летописи (далее – Н1Лмл): «Того же лета архиепископ Еуфимии позлати гроб князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа, такоже и матери его гроб подписа, и покров положи, и память им устави творити на всякое лето месяца октября в 4»[6]. Новгородская третья летопись (далее – Н3Л) повторяет известие с уточнениями: «Того же лета владыка Евфимий позлати гроб князя Владимира, внука Великому князю Владимиру, и матери его Анны гроб позлати, и подписал, и память устави творити на всякое лето месяца октября в 4 день, иже и доныне совершается)»[7].

Трудно сказать определенно, что здесь имелось в виду под «памятью» – только ежегодная панихида или собственно празднование в честь святого. В зависимости от решения этого вопроса можно датировать канонизацию Анны и Владимира. Голубинский подчеркивал тот факт, что еще в 1556 г. Иван IV указывал совершать панихиду по Анне и такая панихида служилась и в XVII в. Следуя Голубинскому, сегодня канонизацию свв. Анны и Владимира относят к известным макариевским соборам 1547–1549 гг.[8], когда их местное почитание, инициированное Евфимием, стало общерусским.

В последующее время о святых упоминается в источниках в связи с переносом их мощей. Так, 13 августа 1654 г. Новгородский митрополит Макарий (время правления:

* **Корпела Юкка** (Korpela Ukka), доктор исторических наук, профессор всеобщей истории, директор Института истории Университета г. Йоэнсуу, Финляндия.

Перевод с английского П.С. Стефановича.

1652-1663 гг.) «по указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Русии самодержца и по благословению великаго господина святейшаго Никона патриарха Московскаго и всея Руси... пренес мощи благовернаго великаго князя Владимира Ярославича в соборную церковь Софеи Премудрости Божия, и положил на правой стране подле южных дверей в новей раце, и мати его благоверную великую княгиню Анну пренес и положил на левой стране, подле северных дверей в новей же раце; а преже благоверный князь Владимира и благоверная княгина Анна опочивали в Корсунской паперти»[9]. Указание о прежнем местонахождении рак подтверждается «Описью Новгорода» 1617 г.[10] Рака с мощами св. Анны перемещалась несколько раз. В 1805 г. она была помещена в западной части Мартирьевской паперти, а в 1862 г., в связи с реконструкцией придела св. Владимира, там же в южной стене[11].

Мать Владимира и жёны Ярослава?

Годовая статья Н1Лмл за 6558 (1050) г., сообщая об окончании строительства собора св. Софии в Новгороде, кончается известием: «И преставися жена Ярославля княгыни»[12]. Н1Л старшего извода (далее – Н1Лст) ничего не знает о смерти жены Ярослава (сообщая вместо того о рождении князя Святополка, сына Изяслава Ярославича), а «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) дает то же самое известие под тем же годом[13]. Зато С1Л добавляет точную дату смерти – 10 февраля (см. выше). Составление новгородских сводов Н1Л и С1Л относят к середине XV в.[14], поэтому это добавление можно трактовать как свидетельство интереса новгородцев к этому событию в то время, когда архиепископ Евфимий установил празднование памяти Владимира Ярославича и его матери.

Ярослав Мудрый подчеркивает в своем завещании (в летописи под 6562 (1054) г.), что все его сыновья – от одной матери[15]. Ею была шведская принцесса Ингигерд, на которой Ярослав женился в 1019 г. О скандинавском имени жены Ярослава и дате брака приходится заключать по скандинавским источникам[16], достоверные древнерусские источники сообщают лишь ее христианское имя – Ирина[17]. Согласно летописи, Владимир был старшим сыном Ярослава и Ингигерд-Ирины[18]. Встает естественный вопрос, откуда появилось имя Анна. Однозначного ответа на него не может быть, так как хорошо известно, что в Средние века единой и стандартизированной практики имянаречения не было и люди могли менять имена или приобретать новые в зависимости от разных жизненных обстоятельств[19]. Теоретически можно допустить, что мать Владимира имела два христианских имени. Именно так рассуждал Н. М. Карамзин. Он считал, что Анна было монашеское имя Ингигерд и она приняла его при постриге перед смертью в соответствии с обычаем, известным в роду Рюриковичей[20]. Это объяснение до сих пор распространено в популярной литературе и в церковных кругах.

Ярослав родился около 980 г. и был женат до брака с Ингигерд по крайней мере один раз. О жене Ярослава упоминает Титмар Мерзебургский, сообщая о занятии Киева войсками Болеслава Храброго и Святополка в 1018 г.[21] Из Н1Лмл известно, что у Ярослава был сын старше Владимира по имени Илья, который княжил в Новгороде и умер там же до совершеннолетия Владимира[22]. Возможно, он был женат на датской принцессе Эстрид[23]. Он не мог быть сыном Ингигерд, так как в 1018 г. ему должно было быть уже 13–15 лет. Скорее всего, он был сыном первой жены Ярослава, который не упомянул о нём в своем завещании, так как к 1054 г. его уже не было в живых.

В 1930-е гг. В.В. Гинзбург исследовал останки, которые находились в раке св. Анны в новгородском Софийском соборе. По его заключению, они принадлежали женщине европеоидной расы, которая умерла в возрасте около 30–35 лет в XI–XII вв. Естественно, они не могут иметь отношения к Ингигерд, которая умерла в 1050 г., прожив 30 лет после рождения первого ребенка, значит, будучи в возрасте не менее 45 лет, а скорее более 50. Гинзбург идентифицировал мощи в раке как останки первой жены Ярослава и предположил, что ее и могли звать Анной[24]. Современные авторы согласны с этим заключением[25].

Чьи мощи?

У нас нет оснований подозревать, что мощи, которые в 1654 г. переносил митрополит Макарий, – не те, которые в 1439 г. архиепископ Евфимий идентифицировал как останки матери Владимира Ярославича. Правда, по «Описи» 1617 г. мощи находились в деревянных раках, а описи спустя 15 лет указывают каменные саркофаги. Но возможно, были и другие, не зафиксированные в источниках, перемещения мощей[26].

Сообщения С1Л и Н1мл о смерти Владимира в 1052 г. не говорят, в каком точно месте Софийского собора был похоронен князь. В.Л. Янин предполагает, что он был похоронен в приделе Рождества Богородицы, поскольку позднейшие источники указывают, что останки князя Мстислава Ростиславича Безокого, умершего в 1178 г., были перенесены с паперти собора и положены в раку Владимира, находившуюся именно в этом приделе. Возможно, этот перенос произошел в 1439 г., когда мощи Владимира переместили на Корсунскую паперть, а его саркофаг остался пуст[27]. Подобных известий относительно похорон Анны и переноса ее мощей нет, и о ее мощах впервые упоминается в 1439 г.

«Первая жена» Ярослава должна была находиться в Новгороде, когда он правил там в 1010-х гг., но, согласно Титмару, в 1018 г. она была уже в Киеве. Очевидно, она последовала за своим мужем, когда тот после смерти своего отца Владимира Святого (1014 г.) в ходе борьбы со Святополком покинул Новгород и занял Киев. Титмар называет ее «uxor regis», но к сожалению больше ничего не говорит о ней. Зато он рассказывает, что одну из дочерей Владимира, т.е. сестер Ярослава, взял Болеслав в качестве наложницы и увез в Польшу[28]. Со своей стороны Ярослав захватил жену Святополка, дочь Болеслава, и увез ее в Новгород, где она, вероятно, и умерла, хотя отец пытался ее освободить[29]. Можно предположить, что Болеслав захватил также и жену Ярослава и пытался использовать ее как заложницу для обмена на дочь в переговорах с Ярославом. В этом случае надо думать, что она умерла в Киеве, за тысячу километров от Новгорода[30]. Трудно вообразить, чтó должно было заставить ее мужа перенести тело в Новгород. Ярослав по окончании войны со Святополком в 1019 г. остался в Киеве[31], где в это время княжеской усыпальницей служила Десятинная церковь[32]. В позднейшее время нет никаких данных о перемещениях останков представителей княжеского рода из Десятинной церкви (даже после ее разрушения в результате монгольского нашествия) и вообще из Киева в Новгород. Я думаю, «первая жена» Ярослава не может быть той женщиной, чьи останки находятся в новгородской Софии, и в отличие от Гинзбурга и Назаренко я не отношу к ней имя Анна.

Что касается Ингигерд, то теоретически можно было бы предположить, что она была похоронена в новгородском Софийском соборе, но просто в результате позднейших перемещений ее останки были спутаны с чьими-то другими. Однако ни один из источников не содержит указаний на то, что ее смерть состоялась в Новгороде. Идея, что она жила там вместе со своим благочестивым сыном, не опирается на фактические данные. Скорее следует думать, что она находилась в Киеве с мужем, если, конечно, не предполагать, что тот на старости лет женился еще раз и отослал Ингигерд в Новгород. Однако на такое развитие событий в источниках нет ни малейшего намека, и мы должны заключить, что она, как и «первая жена» Ярослава, умерла в Киеве и была там же похоронена. К этому склоняют и археолого-анатомические исследования 1930-х гг. В саркофаге Ярослава Мудрого в Софийском соборе Киева были найдены мужской скелет, который идентифицировали с самим князем, скелет ребенка, а также скелет женщины, умершей в возрасте около 50–60 лет. Очевидно, этот последний скелет и является останками Ингигерд[33].

Чьи же были останки, которые в 1439 г. архиепископ Евфимий посчитал мощами матери Владимира Ярославича, а в 1654 г. митрополит Макарий торжественно перенес? Теоретически можно предполагать самые разные варианты. Выбор представительницы княжеского рода, которую могли похоронить в новгородском Софийском соборе, ограничен лишь археологической датировкой останков – XI–XII вв. – и фактом

их принадлежности человеку европеоидной расы. Например, можно вспомнить жену Святополка и дочь Болеслава, которая, вероятно, умерла в Новгороде в качестве заложницы Ярослава (ее имя в источниках не зафиксировано). С ее захоронением вполне могла возникнуть путаница. Дело в том, что она приходилась теткой жене князя Изяслава Ярославича, польской княжне Гертруде. Изяслав в последние годы перед смертью Ярослава правил в Новгороде, а с 1054 г. стал и киевским князем (сохранив за собой новгородский стол). В середине XI в. память Святополка еще не была однозначно связана с убийством Бориса и Глеба, культ которых только начал складываться, и Изяслав вполне мог перезахоронить в почетное место Софийского собора останки тетки своей жены. Однако уже к концу XI в. Святополк воспринимался как «окаянный» братоубийца, и проклятие, вынесенное ему, должно было наверняка привести к новому переносу останков его жены – теперь куда-нибудь в менее заметное место. Эти колебания в исторической памяти Святополка отражает судьба летописного сообщения о рождении старшего сына Изяслава и Гертруды, который был наречён тем же именем *Святополк* (что как раз ярко свидетельствует о том, что в тот момент ближайший родственник-носитель этого имени еще не признавался «окаянным»). НПЛст сообщает о рождении Святополка Изяславича под 6558 (1050) г., а НПЛмл помещает вместо этого сообщения, как бы противопоставляя ему, под тем же годом известие о смерти жены Ярослава, матери князя Владимира (см. выше)[34].

Не менее вероятен, однако, и другой вариант – жена князя Владимира Ярославича. Согласно Воскресенской летописи, жена Владимира была похоронена вместе с ним на паперти Софийского собора[35]. Неясно, правда, насколько достоверно сообщение этой летописи, составленной во второй четверти XVI в.[36] В XVII в. эту женщину уже могли спутать с женой князя Мстислава Ростиславича Безокого, именуя ее Александрой. Так или иначе, Янин считает идентификацию останков «Анны» с женой Владимира Ярославича наиболее вероятным вариантом[37].

Анна

Когда и откуда взялось имя Анна, установившееся в культе новгородских святых? По Янину, это имя должно было фигурировать уже в 1439 г.[38] Может быть, архиепископ Евфимий использовал какое-то имя при установлении памяти святых и надписании их рак. Однако первое достоверное упоминание имени Анна содержится только в указе Ивана IV 1556 г. о панихиде по его святых предках и поминании их при литургии «доколу мир стоить»[39]. В XVII в. это имя постоянно встречается в источниках, начиная с «Описи Новгорода 1617 года», где мы читаем о раках, устроенных Евфимием на Корсунской паперти: «Гроб древян, а в нем мощи великого князя Владимира Ярославича. На другой стороне гроб древян же матери его великие княгини Анны»[40].

Из летописей об Анне говорят только те, происхождение которых сравнительно позднее: НЗЛ в известии 1439 г. (см. выше) и «Роспись, или краткий летописец новгородских владык», помещенная в приложении к Новгородской второй летописи (далее – НЗЛ), в сообщении о переносе мощей в 1654 г. НЗЛ была создана в начале XVIII в., и достоверно в ней только описание событий XVII в. НЗЛ, известная в нескольких редакциях и списках, была составлена в конце XVII в., и к ее данным относительно XV в. надо подходить с осторожностью. Статья за 6947 (1439) г. НЗЛ носит составной характер, включая «Сказание и видение софийского пономаря Аарона при архиепископе новгородском Евфимии Вяжицком», которое известно в нескольких редакциях, но было составлено только в конце XVII в.[41]. Древнейшая новгородская летопись Н1Лст, рукопись которой частично восходит к XIII в.[42], об Анне ничего не знает. Н1Лмл (рукопись середины XV в.) в известии 1439 г. имя княгини не называет (см. выше).

Появление имени *Анна* применительно к святой княгине-матери Владимира в источниках XVI в. и закрепление его в церковно-исторической традиции в XVII в. можно объяснить пятью способами. Во-первых, это могло быть монашеское имя Ингигерд-Ирины, как предлагал Карамзин. Во-вторых, это имя могло восходить к «первой же-

не» Ярослава. В-третьих, можно предположить, что в XV. в Софийском соборе было захоронение некоей Анны и его связали с матерью Владимира Ярославича. В-четвертых, в это время могла существовать какая-то церковная или историческая традиция, упоминавшая Анну, и с ней попытались связать неидентифицированное захоронение в соборе. В-пятых, книжники XVI в. могли просто заимствовать имя из совершенно иного литературного или исторического контекста, а Евфимию имя княгини не было известно.

Современные исследования подтверждают, что многие владетельные князья Северо-Восточной Руси, в том числе, все московские князья, с начала XIV в. принимали постриг на смертном одре или даже на поле боя, подобно Василию Ивановичу Березуйскому, смертельно раненому в битве в 1371 г. Древнейший пример такой практики относится к смоленскому князю Давиду Ростиславичу, умершему в 1198 г. Однако данные источников на этот счет обрывочны. Из летописей наиболее систематически о княжеских пострижениях сообщает Никоновская летопись, свод первой половины XVI в.[43] Отдельные подобные случаи фиксируются в летописях XV в., например, в Н1Лмл[44], однако форма сообщения (более краткая, чем в Никоновской) говорит скорее в пользу того, что традиция в это время только складывалась[45]. Есть случаи, когда о князьях XV в. более древние источники не говорят, что они приняли монашество перед смертью, а позднейшие уже сообщают об этом как о само собой разумеющемся[46].

Стандартная летописная формула сообщения о постриге князя или княгини перед смертью («преставися во святемъ аггельскомъ иноческомъ образе и в схиме») никогда не прилагалась к св. Анне, и ни один документ не называл ее монахиней. На мой взгляд, первый вариант объяснения происхождения имени Анна не убедителен, так как традиция пострига перед смертью возникла сравнительно поздно, и к тому же сообщения о такого рода случаях применительно к князьям XIII–XIV вв. в летописях могли интерполироваться ретроспективно.

Второй вариант, конечно, теоретически возможен, но надо признать, что на самом деле «первая жена» Ярослава была совершенно периферийной фигурой в русской истории и едва ли о ней могли существовать какие-то предания в средневековом Новгороде. О ее существовании мы знаем ведь только из одного замечания, брошенного мельком Титмаром в его «Хронике».

В третьем варианте речь может идти либо о какой-то Анне из рода Рюриковичей, либо просто о какой-то женщине, носившей это имя и похороненной в Софийском соборе. Во втором случае поле для спекуляций открывается самое широкое, и обсуждать его нет смысла, хотя и можно заметить, что для выше упоминавшейся польской принцессы, дочери Болеслава, имя Анна не было чем-то невозможным. Из княжеского рода известны несколько Анн, связанных непосредственными родственными узами с Ингигерд: ее мачеха, «порфирородная» византийская царевна, жена Владимира Святого; дочь Ярослава и Ингигерд, королева Франции; половецкая невестка Ингигерд, вторая жена Всеволода Ярославича; дочь этого Всеволода, т.е. внучка Ингигерд, ушедшая в монастырь[47].

«Порфирородная» Анна умерла в Киеве в 1011 г., была похоронена в Десятинной церкви и вместе со своим мужем была известной фигурой в древнерусской книжной традиции[48]. Королева Анна умерла во Франции, и в Древней Руси ею не интересовались[49]. Малозаметной фигурой была и половчанка. Зато Анна Всеволодовна была хорошо известна. В ПВЛ она названа Янкой и упоминается впервые под 6594 (1086) г. Она играла важную роль в церковных делах, стала игуменью основанного ею монастыря. Умерла в 1113 г., видимо, в возрасте около 45 лет[50]. Нельзя исключать, что она была похоронена в Новгороде в Софийском соборе, но все-таки наиболее естественным местом ее упокоения был ее собственный монастырь. Анна Всеволодовна почитается как святая, хотя память ее указана только в некоторых церковных календарях (3 ноября), а в современном календаре Русской Православной церкви отсутствует[51]. Голубинский не указывает ее как святую, и это почитание, очевидно, позднего происхождения.

Четвертый вариант объяснения остается открытой возможностью, поскольку неидентифицированых захоронений в Софийском соборе немало, а судить о преданиях, существовавших в Новгороде в XV в., хотя бы в какой-то полноте мы не можем. Во всяком случае, мне не удалось найти в опубликованных описаниях средневековой богослужебной литературы упоминаний какой-либо неизвестной святой Анны[52].

Вполне возможным представляется и пятый вариант. Утверждению культа в XVI в. могло способствовать стремление подчеркнуть сакральность правящей династии. Речь шла в конце концов о жене Ярослава Мудрого, т.е. «прото-бабушке» большинства Рюриковичей, в том числе князей московского дома. Именно в это время обычай пострижения перед смертью начинает рассматриваться как вполне естественный для представителя княжеского рода. Ингигерд-Ирине нужно было только найти подходящее, т.е. укорененное в церковно-исторической традиции, монашеское имя. Возможно, здесь сыграло роль почитание Владимира Святого вместе с его женой, порфирородной царевной Анной. Пара этих имен была перенесена на пару Владимира Ярославича (внук Владимира Святого) и его матери.

Складывание почитания

С момента установления памяти святому Владимиру и его матери в 1439 г. за два века их почитание настолько укрепилось, что в 1654 г. их мощи были перенесены с паперти в главное помещение собора, а сводчик НЗЛ добавил имя Анны к летописному известию 1439 г. Так историческое существование Анны и ее святость стали признанным фактом для людей середины XVII в.

Само установление культа может быть связано с церковной политикой Новгорода в середине XV в. и его противостоянием в это время притязаниям Москвы. Князь Владимир Ярославич был несомненно фигурой известной для новгородцев. Среди его исторических деяний летописи упоминали о походе против Византии (в ПВЛ под 6651 (1043) г.), закончившемся, впрочем, неудачно для Руси, о походе во главе новгородцев против еми (западно-финская народность), а также о строительстве Софийского собора в Новгороде[53]. Именно в качестве основателя главного городского храма Владимир приобретал особое значение в церковно-политическом контексте середины XV в.[54] Обращение к этой фигуре было вполне логично и в литературном контексте, когда подчёркивались исторические заслуги предков, – в это время в Новгороде активно развивается не только летописание, но и агиографический жанр, среди представителей которого выделялся Пахомий Серб[55].

Обращает на себя внимание совпадение двух событий в один год: открытие мощей Владимира и его матери и заключение знаменитой Флорентийской унии между Западной и Восточной церквями. В литературе уже указывалось, что архиепископ Евфимий был настроен решительно против унии и вполне мог подкрепить свою позицию церковными мероприятиями[56]. Возможно, устанавливая память Владимиру, глава новгородской церкви имел в виду как раз его поход против Византии. Флорентийская уния рассматривалась идеологами того времени как отступление греков от истинного православия. Такая точка зрения развивалась и позднее в едином Московском государстве в XVI в., когда подчеркивалось, что Византия поплатилась за предательство веры нашествием турок, а роль хранителя православной традиции и лидера православного мира взяла на себя Москва[57].

Утверждение лидерства Руси было лишь одним из положений в идеологической программе московских книжников, среди которых видную роль играл митрополит Макарий (бывший в 1526–1542 гг. архиепископом Новгородским). Наряду с другими аргументами оно призвано было служить средством легитимизации власти московского государя не только над землями Северо-Восточной Руси, но и Новгорода, и других территорий, когда-либо находившихся под властью Рюриковичей[58]. Эта программа отразилась в ряде литературно-идеологических проектов, к которым в той или иной степени был причастен Макарий: составлении Великих Миней четьих, Степенной Кни-

ги, материалов Стоглавого собора[59]. В этом же ряду стояло создание национальной галереи святых в результате работы известных соборов 1547 г. и 1549 г. Прославление князя Владимира и княгини Анны в качестве общерусских святых, неся определенную идеологическую нагрузку, стало звеном в этой цепи. Очевидно, тогда были окончательно утверждены имя святой княгини и дата ее смерти, а также день памяти ее и Владимира. В XVII в. новгородцы должны были воспринимать культ этих святых уже как общегосударственный, о поддержании которого власти проявляли постоянную заботу.

Исторические факты и их интерпретация

Таким образом, начало культа св. Анны надо, видимо, отнести к периоду новгородской независимости и связать со стремлением отстоять и обосновать эту независимость. Более ясные и четкие черты культ получил в условиях образования единого Русского государства в XVI в., а окончательные – в ходе взаимодействия местного новгородского и общегосударственного почитания в XVII в. В XIX в. этот культ занял свое место в теориях и компендиумах славянофильского толка, внесших немалый вклад в становление национального самосознания.

Календарь Финской Православной церкви св. Владимира Ярославича не знает, а память св. Анны появилась в нем относительно недавно – в результате пересмотра святцев епископским собором 1970 г. Поводом для пересмотра была заявлена необходимость согласовать богослужебную практику Финской церкви с принятой в других православных церквах[60]. В случае с Анной не могла иметься в виду Русская церковь, так как эта святая не была настолько заметной фигурой русского церковного календаря, что ее пропуск в финском календаре требовал соборного вмешательства. Речь шла о согласовании с практикой, принятой в Швеции.

Дело в том, что немногим временем ранее в Швеции св. Анне была посвящена церковь. Это был православный храм в Эскилстуне (Eskilstuna) (в юрисдикции Сербского патриархата). Сообщение о посвящении церкви, фотография иконы св. Анны Новгородской, написанной для этого храма, короткая статья об Анне и проповедь архиепископа Карельского и всей Финляндии Павла были помещены в официальном журнале Финской православной церкви «Aamun Koitto» («Утренняя заря») в номере от 25 сентября 1968 г.[61] Не случайно, что освящение храма последовало вскоре после 4-й Генеральной ассамблеи Всемирного Совета церквей, состоявшейся в Упсале в июле 1968 г., в рамках официальной программы которой архиепископ Павел служил литургию в Упсальском соборе. Посвящение св. Анне, очевидно, связано с тем, что это была единственная православная святая шведского происхождения, и тем самым подчеркивались древние контакты Швеции с православным миром. Разумеется, почитание св. Анны пришло в Швецию в XX в. с православными иммигрантами (которые и составляют православную общину граждан Швеции[62]) и не может быть связано с какими-то древними традициями. Сегодня эта святая едва ли почитается за пределами Эскилстуны, и ее память отсутствует в календаре Епископата Шведского и всей Скандинавии, который, как и Финно-Карельская Православная церковь, принадлежит к Экуменическому патриархату Константинополя[63].

Признание Финской церковью культа, установившегося в Швеции, объяснимо в контексте церковной политики и общественных дискуссий в Финляндии в 1960–1970-х гг. Основной общественно-политической тенденцией в то время (эпоху Холодной войны) было стремление поддержать всестороннее сотрудничество в рамках Скандинавского региона наряду с ориентацией культуры, общественных интересов и внешней политики на Запад. Таким образом, культ св. Анны пришел в Финляндию из Швеции благодаря определенным политическим условиям, а также личному участию архиепископа Павла.

Культ св. Анны предстает перед нами, таким образом, как результат взаимодействия различных исторических обстоятельств. Для объяснения его происхождения могут быть предложены разные теории, и хотя ни одну из них нельзя предпочесть, нет со-

мнения, что имя почитаемой святой не имеет никакого отношения к исторической личности матери Владимира Ярославича, шведской принцессе Ингигерд-Ирине. На мой взгляд, вероятнее всего, что имя было присвоено святой в XVI в. по аналогии с другой парой святых – Владимира, крестителя Руси, и его византийской жены Анны. Более того, культовый объект – мощи, и сегодня выставленные в Софийском соборе Новгорода, – представляет собой останки не матери Владимира, а некоей молодой женщины (вероятно, знатной), жившей в XI–XII вв. Кстати, теоретически можно было бы провести анализ ДНК этих останков и сравнить результат с известным ДНК польской династии Пястов, что позволило бы проверить версию об их принадлежности дочери Болеслава Храброго.

Однако выяснение всех этих исторических обстоятельств – не самое главное, к чему стремится данное исследование. Для меня важнее было показать на примере почитания святой Анны нестабильность и изменчивость нашего исторического сознания, которое является не набором неких раз и навсегда установленных фактов, а только интерпретацией прошлого, предложенной в тот или иной момент общественного развития. Для культурной или религиозной памяти народа важнее оказываются не факты сами по себе, а более или менее преходящие ценности и даже просто сиюминутные соображения и оценки, которые предлагаются отдельными личностями для толкования этих фактов и которые часто не свободны от ошибок и намеренных «исправлений». С религиозной точки зрения святость Анны не подлежит сомнению вне зависимости от разысканий историков, и в конце концов верующему человеку не так важно, как именно звали святую – Анна, Ингигерд-Ирина или как-то еще. Историк же должен не только установить достоверность или недостоверность тех или иных фактов, но и увидеть их бытование и интерпретацию в исторической традиции в разные эпохи и в разных обстоятельствах.

Св. Анна не является конкретной личностью, и мы не можем понять ее как явление истории XI в. Ее культ лишь отталкивается от исторической фигуры матери князя Владимира. Важнее, чем реально существовавший человек и реально произошедшие события, оказывается процесс формирования некоей идеи или неких представлений, както связанных с этим человеком или событиями и призванных служить определенным политическим, идеологическим, религиозным или иным целям в разные исторические периоды. Этот пример ставит нас перед вопросом, о какой реальности и какой истине мы говорим, когда обращаемся к истории и используем ее для своих теоретических рассуждений или практических целей.

Примечания

[1] Ortodoksinen kalenteri vuonna 1999. 105. Vuosikerta. Ortodoksisen kirjallisuuden julkaisuneuvosto; Православный месяцеслов. Церковный календарь на 10 лет. 1997–2006. М., 1996.

[2] *Иоанн (Бухарев).* Жития всех святых. СПб., 1996 (репринт 3-го изд.: М., 1900). С. 564-565.

[3] *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых русской церкви. Изд. 2. М., 1903. С. 73.

[4] Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. V. СПб., 1851. С. 138; Т. VII. СПб., 1856. С. 332.

[5] См., напр.: Календарь на 1883 год. СПб., 1883. С. 24; Православный церковный календарь на 1943 год. Владимир (Словакия), 1943. С. 10; Православный церковный календарь на 1968 год. М., 1968. С. 8.

[6] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (репринт: ПСРЛ. Т. III. М., 2000). С. 420. Ср.: *Янин. В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 135.

[7] ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 239.

[8] *Голубинский Е.Е.* Ук. соч. С. 74, 107–108.

[9] *Макарий (Миролюбов),* архиепископ. Древние церковные обряды в Новгороде по указанию письменнаго архиерейскаго чиновника или устава // Чтения Общества истории и древностей российских Ч. 1. Отд. 3. М., 1861. С. 23–24.

[10] Опись Новгорода 1617 года // Памятники отечественной истории. Вып. 3. М., 1984. С. 33.

[11] *Янин В.Л.* Некрополь... С. 137.

[12] Новгородская первая летопись... С. 181.

[13] Там же. С. 16; Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи Д. С. Лихачева под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2. СПб., 1996. С. 68.

[14] *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 66–92; *Лурье Я.С.* Летопись Софийская I // Словарь книжников и книжности древней Руси (далее – СККДР). Вып. 2 (XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 57-60.

[15] Повесть временных лет. С. 70.

[16] См.: *Korpela J.* Beiträge zur Prosopographie und Bevölkerungsgeschichte der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomah (=Studia Historica Jyväskyläensia 54). Jyväskylä, 1995, Nr. 33. S. 336.

[17] Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. Л. 193а. О христианском имени Ингигерд можно также догадываться по посвящению монастыря, основанного в 1037 г. Ярославом в Киеве – во имя святых Георгия и Ирины. Св. Георгий был небесным покровителем Ярослава, значит, св. Ирина – покровительницей его жены. См: Повесть временных лет. С. 66; *Каргер М.К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. II М.; Л., 1961. С. 216–226.

[18] О его рождении сообщается под 6528 (1020) г.: Повесть временных лет. С. 64.

[19] *Thoma G.* Namensänderungen in Herrscherfamilien des mittelalterlichen Europa // Münchener Historische Studien. Abteilung Mittelalterliche Geschichte. Bd. 3. Kallmünz, 1985. S. 217–219 et passim.

[20] *Карамзин Н.М.* История государства российского. Т. II. СПб., 1815. С. 151.

[21] Die Chronik des Bischofes Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. Herausgegebn von Robert Holtzmann // Monumenta Germaniae Historica Scriptores rerum Germanicarum. Nova series. T. IX. Hannoverae, 1935. VIII. 32 (VIII. 16).

[22] Новгородская первая летопись... С. 161. Ср.: *Korpela J.* Beiträge.... S. 332.

[23] Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum ex recensione Lappenbergii // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis recusi. T. XI. Hannoverae, 1876. II. 54 (schol. 39). Ср.: *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе в первой четверти XI в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1990. М., 1991. С. 167–190; *Свердлов М.Б.* Известия о русско-скандинавских связях в хронике Адама Бременского // Скандинавский сборник. Т. 12. Таллинн, 1967. С. 275; *Свердлов М.Б.* Скандинавы на Руси // Скандинавский сборник. Т. 19. Таллинн, 1974. С. 61; *Korpela J.* Beiträge..., Nr. 180. S. 145.

[24] *Гинзбург В.В.* Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд. Доклад на секции дофеодальной и феодальной Восточной Европы 24 апреля 1940 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры (далее – КСД). Вып. 7. М.; Л., 1940. С. 64–66. Достоверность принадлежности мощей Владимира Ярославича не подвергалась до сих пор сомнению, и они не исследовались, см.: *Янин В.Л.* Некрополь... С. 137.

[25] *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе. С. 181–182.

[26] Опись Новгорода 1617 года. С. 33 (л. 58). Ср. «Описание новгородской святыни» и «Описание новгородской святыни протопопом Максимом 1634 г.» (*Янин В.Л.* Некрополь... С. 218, 221).

[27] *Янин В.Л.* Некрополь... С. 124–129, 134–135.

[28] Ср.: *Korpela J.* Beiträge..., Nr. 714, S. 200.

[29] Die Chronik des Bischofes Thietmar..., IV. 58 (IV. 37), VII. 72 (VII. 52), VIII. 33 (VIII. 16). Ср.: *Korpela J.* Beiträge... Nr. 1078. S. 234.

[30] Ср.: *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник (опыт анализа). М., 1957. С. 115–116.

[31] См. в статьях ПВЛ за 6527 (1019), 6532 (1024) и 6534 (1026) гг.: Повесть временных лет. С. 63–65.

[32] *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X. – начала XII в. // Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987. С. 178-181; *Poppe A.* The building of the church of St. Sophia in Kiev // Journal of Medieval History. Vol. 7 (1981), P. 15–66; *Korpela J.* «I krestiša kosti eju». Zur Vorgeschichte des Märtyrerkults von Boris und Gleb // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (далее – JfGO). Bd. 46 (1998). S. 169; *Каргер М.К.* К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны // КСД. Вып. 7. С. 78–80; *его же.* Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСД. Вып. 4. М.; Л., 1940. С. 14. Ср. также: *Korpela J.* Prince, Saint and Apostle – Prince Vladimir Svjatoslavic of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power // Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts. Reihe Geschichte. Bd. 67. München, 2001. S. 181–182.

[33] *Гинзбург В.В.* Ук. соч. С. 57, 62–64; *Рохлин Д. Г.* Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // КСД. Вып. 7. С. 46.

[34] Новгородская первая летопись... С. 16,181. Ср.: *Goehrke C.* Groβ-Novgorod und Pskov/Pleskau // Handbuch der Geschichte Ruβlands. Bd. 1 (bis 1613). Stuttgart, 1981, S. 481; Повесть временных лет. С. 492; *Korpela J.* Beiträge... Nr. 250, 398, S. 152–153,168–169; *Korpela J.* Svjatopolk Kirottu // Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja 82–83, 1992–1993. Jyväskylä, 1993, 37–38; *Korpela J.* «krestisa kosti eju»... S. 173–176.

[35] ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 232. Ср.: *Korpela J.* Beiträge... Nr. 1098, S. 236.

[36] *Левина С.А.* Летопись Воскресенская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 39–42.

[37] *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора... С. 135-136, 139–140.

[38] Там же. С. 138. К этому мнению присоединяется Назаренко (*Назаренко А.В.* О русско-датском союзе. С. 181–182).

[39] *Макарий (Миролюбов)* архиепископ. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1, 1. М., 1860. С. 81–82

[40] Опись Новгорода 1617 года. С. 33 (л. 58); *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора... С. 128–129. Ср. в «Описании новгородской святыни» митрополита Киприана (1626–1634 гг.) и «Описании новгородской святыни» протопопа Максима московского Успенского собора 1634 г. (Там же. С. 218, 221). Ср. также в Чиновнике первой половины XVII в.: *Голубцев Д.* Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899. С. 38.

[41] ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 183, 191–192, 239. Ср.: *Яковлев В.В.* Летопись Новгородская III // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 287–289; Бобров А.Г. Ук. соч. С. 184–185, 199.

[42] *Клосс Б.М.* Летопись Новгородская первая // СККДР. Вып. 1 (XI –первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 245–247.

[43] См., напр.: о пострижениях князей Давида под 6706 (1198 г.), Даниила (6811 (1303) г.), Василия (6879 (1371) г.) и др. (ПСРЛ. Т. X–XI. СПб., 1885–1897). Ср.: *Lehtovirta J.* Ivan IV as Emperor. The Imperial Theme in the Establishment of Muscovite Tsardom. Turku, 1999. P. 165–169.

[44] См. известие о смерти Ивана Даниловича под 6848 (1340) г.: Новгородская первая летопись... С. 351.

[45] Показательна трансформация известия о смерти Александра Невского. В НІ Л формула сообщения о его постриге существенно короче, чем в НЛ (Новгородская первая летопись..., 83, 312). К сожалению, в Лаврентьевской летописи часть текста с этим известием отсутствует, но согласно М. Исоахо, в более поздних редакциях Жития Александра по сравнению с ранними сообщение о постриге князя также распространяется: *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint (=The Northern World, vol. 21). Brill: Leiden; Boston, 2006. P. 168–170, 221–222, 364–369 et passim.

[46] *Lehtovirta J.* Op. cit. P. 166–168. Совершенно иной случай, когда представители княжеского рода принимали постриг, не находясь перед лицом смерти, и уходили в монастырь. Такие случаи известны уже в XI–XII вв. (см., напр.: *Korpela J.* Beiträge... Nr. 36, 184, 187, 848, 862, S. 129, 146, 212, 215).

[47] *Korpela J.* Beiträge... Nr. 32, 34–36. S. 128–129.

[48] Повесть временных лет. С. 58. Ср.: *Korpela J.* Prince, Saint and Apostle..., P. 49, 84–88.

[49] См.: *Poppe A.* Anna von Kiev // Lexikon des Mittelalters. Bd. I. München, 1980. S. 656.

[50] ПСРЛ. Т. 1. Стл. 290; Т. 2. Стл. 197, 273. Ср.: *Korpela J.* Beiträge... Nr. 36. S. 129.

[51] *Иоанн (Бухарев).* Ук. соч. С. 620; Календарь для духовенства на 1879 год. СПб., 1879. С. XLIX; Православный церковный календарь на 1943 год. С. 36.

[52] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. М., 1984; *Серегина Н.С.* Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994.

[53] Повесть временных лет. С. 67; Новгородская первая летопись... С. 16, 181.

[54] *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора... С. 129-132.

[55] *Прохоров Г.М.* Пахомий Серб // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 167.

[56] *Бобров А.Г.* Ук. соч. С. 194–200.

[57] *Korpela J.* Itä-Euroopan historia keskiajalta 1700-luvulle. Helsinki, 1999. S. 148–149, 172–174, 187, 189.

[58] *Korpela J.* Moskova – Mikä ihmeen kolmas Rooma? // Historiallinen Aikakauskirja 3/1998. S. 207–214; *Crummery R.O.* The Formation of Muscovy. 1304–1613. L. and N.Y,. 1987. P. 29–80; *Korpela J.* Itä-Euroopan historia..., 143–146 et passim.

[59] Ср.: *Miller D.* The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia Kniga of Metropolitan Makarii and the Origins of Russian National Consciousness // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 26 (1977), passim; *Korpela J.* Itä Euroopan historia.... S. 144, 186–188.

[60] Ortodoksinen kalenteri vuonna 1999, Kuopio, 19; Православный месяцеслов. 1997-2006; Ortodoksinen kalenteri vuonna 1970 (76. Vuosikerta, Tapiola, 1969). Протоколы заседаний собора: Piispainkokous 21.–25.9.1970 pöytäkirja § 1 (Suomen Ortodoksisen kirkollishallituksen arkisto, Kuopio), Ortodoksinen kalenteri vuonna 1971 (77. Vuosikerta, Tapiola, 1970). S. 2.

[61] Aamun Koitto n:o 19/5.8.1968, n:o 23/25.9.1968, Edberg R. Ingegerd Olof Skötkonungs dotter. Ett kvinnoöde från vikingatiden // Sigtuna museers skriftserie 6, Stockholm, 1997. S. 5.

[62] *Gustafsson G.* Religionen i Sverige. Ett sociologiskt perpektiv. Stockholm, 1981. S. 81.

[63] ΗΜΕΡΟΛΟΓΙΟΝ ΙΕΡΑΣ ΜΗΤΡΟΠΟΛΕΩΣ ΣΟΥΗΔΙΑΣ ΚΑΙ ΠΑΣΗΣ ΣΚΑΝΔΙΝΑΒΙΑΣ. 1996. S. 1.

© 2009 г. С. А. НИКОНОВ*

АРХИВЫ МОНАСТЫРЕЙ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА XVI – начала XVIII века

По сравнению с имеющимися данными по истории архивов крупных монастырских корпораций Центра и Севера Московского государства (Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Соловецкий и др.), о составе, этапах формирования и организации архивной службы монастырей Поморья известно мало. Из специальных работ можно назвать только диссертацию А.А. Амосова[1], отчасти эту тему затрагивает В.И. Иванов[2].

Проблема состава и степени сохранности архивов монастырей Кольского Севера в историографии специально не ставилась. Здесь в XVI в. возникают обители, призванные осуществлять миссионерскую деятельность среди коренного населения края – язычников-саами. Одним из первых, в 30-е гг. XVI в., был основан Трифоном Печенгским Троицкий Печенгский монастырь (с 1886 г. – Трифонов Печенгский). Не позднее 1553/54 г. в волости Кандалакша (Кандалакшский берег Белого моря) возник монастырь Рождества Пречистой Богородицы (Кокуев), который просуществовал до секуляризационной реформы Екатерины II. В настоящей статье ставится целью реконструкция архива Кандалакшского Пречистенского монастыря в сопоставлении с данными о сохранности актов Троицкого Печенгского монастыря. Отдельные замечания об архиве Кандалакшского монастыря высказал А.И. Андреев. В частности, он обратил внимание на вкладную книгу, фиксирующую вклады в монастырь, и жалованную грамоту Михаила Романова от 13 марта 1622 г.[3] Позднее к этим источникам обращались историки и краеведы[4].

Согласно предложенной М.С. Черкасовой типологии, монастырская документация может быть разделена на три группы – актовые материалы, хозяйственная документация и документация церковно-государственного учета[5]. В центре нашего внимания – первая группа документов архива Кандалакшского монастыря, хотя нам придётся прибегать и к источникам двух других групп. Считается, что рост монастырского землевладения в Кольском уезде в конце XVI–XVII вв. был одним из наиболее интенсивных в Поморье[6]. Следовательно, происходившие качественные изменения в системе владения и распределения земель должны были находить отражение в актовой документации.

Трудность в реконструкции монастырского архива состоит в том, что в Кандалакшском и Печенгском монастырях до начала XVIII в., видимо, не составлялись описи имущества и грамот и не было специальных служб, ведавших описанием и учетом документации, подобных тем, что известны в крупных монастырях Поморья. Исключением является опись имущества и угодий Кандалакшского монастыря, составленная, по-видимому, на рубеже XVI–XVII вв. и сохранившаяся в неполном виде как часть монастырской вкладной книги[7]. Рукопись была отреставрирована в 1969 г., и в конце ее были пришиты 4 листа (л. 227–228, 230–231 об.) со сведениями о разных видах церковного имущества и монастырских угодьях. Почерк этой части вкладной книги соответствует почерку, которым заполнены начальные листы (л. 1–45 об.). Все записи этой части датируются между 1562/63 и 1598/99 гг.

Следующие описи монастырского имущества были составлены в первой половине XVIII столетия. Эти описи были вызваны не столько внутренними потребностями монастыря, сколько заботой церковной и государственной властей по учету материальных ценностей в их ведомстве. Две из известных описей 1705 и 1711 гг. были проведены по распоряжению Кольского воеводы А.В. Матюшкина[8], а одна 1710 г. – с подачи Холмогорского архиерейского дома[9]. Наиболее подробная опись монастырской документации была составлена в сентябре 1742 г., когда Кандалакшский монастырь был приписан к Соловецкому[10]. Оставшееся от приписанного монастыря имущество, включая и всю актовую документацию, было распределено между Холмогорским архиерейским домом и Соловецким монастырем[11]. Ликвидация монастыря, очевидно, нанесла решающий урон монастырскому архиву, хотя последний должен был терпеть ущерб и ранее от разного рода бедствий. Так, в мае 1589 г. Пречистенский монастырь был разорен шведскими отрядами. В декабре 1614 и в январе 1615 гг. он подвергся нападению отрядов «немецких и русских воров», когда, по признанию игумена Селивестра, были уничтожены «жаловалные грамоты и всякие крепости»[12]. Часть выданных ранее монастырю жалованных грамот, уничтоженных во

* **Никонов Сергей Александрович,** кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Мурманского государственного педагогического университета.

время нападения «воровских отрядов», была подтверждена жалованной грамотой Михаила Романова в мае 1615 г.[13].

Обратимся к первой группе документации – публично-правовым актам. Опись жалованных грамот и царских распоряжений (как списков, так и подлинных документов), составленная в 1742 г., сообщает о 28 царских грамотах, указывая время выдачи документа и его краткое содержание. Из-за краткости пересказа грамот не всегда можно определить, идет ли речь о жалованной грамоте или царском распоряжении, направленном представителям власти на местах (прежде всего, Кольским воеводам).

В описи самой ранней представлена жалованная ружная грамота Федора Ивановича, выданная Пречистенскому монастырю 20 января 1589 г.[14]. Однако, в действительности, самой ранней был жалованная грамота Ивана IV 1553/54 г., которая не сохранилась, но упоминается в более поздних источниках. Так, подтверждение этой грамоты содержит жалованная грамота Кандалакшскому монастырю царя Михаила Федоровича (от 20 мая 1615 г.). Из жалованной Михаила выясняется, что грамота 1553/54 г. закрепляла за монастырем в Кандалакшской волости $7^1/_4$ лука угодий и освобождала его от несения ямской повинности с переданных в вотчину луков[15]. Упоминание жалованной грамоты 1553/54 г. встречается в писцовой книге Алая Михалкова 1608–1611 гг., закреплявшей в полное владение обители пожалованные Иваном IV луковые угодья[16]. Последнее из известных нам упоминаний жалованной грамоты 1553/54 г. содержится в челобитной Кандалакшского игумена Селивестра царю Михаилу Романову 1624 г. Как явствует из челобитной, грамота Ивана IV закрепляла за монастырем «ямчужный» двор на Глинском посаде Холмогор[17]. О праве собственности монастыря на «ямчужный» двор упоминает и жалованная 1615 г., ссылаясь на грамоту царя Федора Ивановича 1594/95 г.[18]. Маловероятно, что это право закрепляла за монастырем уже жалованная 1553/54 гг., поскольку в то время он только начинал хозяйственную деятельность и вряд ли мог быть сколь ни будь заметным поставщиком соли на рынок Поморья (двор был нужен именно для ведения торговых операций).

Печенгский монастырь связывал начало царских пожалований тоже с жалованной грамотой Ивана Грозного, список с которой датирован 1556 г.[19]. Однако, эту датировку поставил под сомнение А.И. Андреев. По его мнению, Печенгский монастырь получил от Ивана Грозного две жалованные грамоты, но в более поздний период – первую до 1574 г., вторую между 1574 г. и 1589 г.[20].

Древнейшей из сохранившихся жалованных Кандалакшскому монастырю должна быть признана жалованная ружная грамота Федора Ивановича от 20 января 1585 г. Список с этой грамоты удалось обнаружить в деле по челобитной строителя Иоасафа и братии Пречистенского монастыря, относящемся к марту 1689 г.[21]. Обращение монахов к царской власти было вызвано прекращением выплаты из таможенных доходов Кольского острога руги монастырю. Дело решилось восстановлением ежегодной руги монастырю и закреплением этого права жалованной грамотой, выданной 22 апреля 1689 г.

Некоторые из упомянутых в описи 1742 г. документов удалось выявить среди дел, заведенных во властных органах по челобитным Кандалакшских монахов и сохранившихся в РГАДА. Так, в описи упомянута грамота царя Алексея Михайловича (от 16 сентября 1645 г.), воспрещавшая Кольским стрельцам самовольно приходить на монастырское подворье в Коле и привлекать монастырских людей к суду без «письменных крепостей»[22]. Из обнаруженной царской грамоты выясняется, что указанное предписание было дано Кольскому воеводе Г.Ф. Бутурлину[23]. В описи упоминается предписание царя Михаила от 6 июля 1624 г., воспрещающее царским гонцам и посыльным брать с монастыря подводы[24]. В делах приказа Новгородской четверти обнаружена грамота с «прочетом» от имени царя Алексея Михайловича (январь 1648 г.), обращенная к кольскому воеводе Б.Г. Благово, с подтверждением выданной ранее грамоты Михаила[25].

Общее количество жалованных грамот по описи 1742 г. предположительно устанавливается как 16. К этому числу необходимо прибавить еще четыре жалованные грамоты, которые не отразились в описи: Ивана Грозного 1553/54 г., Федора Ивановича 1594/95 г. и Михаила Федоровича 1615 и 1624 гг. Таким образом, Кандалакшскому монастырю было выдано 20 жалованных грамот:

Жалованная грамота царя Ивана Васильевича

1. 1553/54 г. О пожаловании $7\ ^1/_4$ лука угодий в Кандалакшской волости.

Жалованные грамоты царя Федора Ивановича

2. 1585 г. января 20. Ружная о предоставлении монастырю ежегодно 23 руб. 70 коп. «за хлебную ругу» (подтверждена 1598 г. июня 15, 1621 г. августа 7);

3. 1585/86 г. Льготная о невзимании с монастырского речного и морского рыбного промысла «десятой рыбы»;

4. 1594/95 г. О пожаловании «ямчужного» двора и дворового места на Глинском посаде Холмогор;

5. 1597 г. июля 4. Тарханная об освобождении монастырских угодий от уплаты дани и оброка и предоставления с них кормов и проводников для государевых посыльных.

Жалованная грамота царя Василия Ивановича

6. 1607 г. апреля 29. Тарханно-несудимая ружная с запретом присылать в монастырь приставов и судить монастырских людей, кроме дел о душегубстве и разбое.

Жалованные грамоты царя Михаила Федоровича

7. 1614 г. мая 11. Тарханно-несудимая о передаче монастырю в «подмогу» 20 бобыльских дворов, подсудных монастырю, и освобождении монастыря от уплаты таможенного и кабацкого сбора и оброка с монастырских соляных варниц;

8. 1615 г. мая 20. Несудимая односрочная тарханно-проезжая с подтверждением ранее выданных жалованных грамот;

9. 1622 г. марта 13. Тарханно-проезжая об освобождении монастыря от уплаты таможенных пошлин с 10 тыс. пудов соли, продаваемой монастырем;

10. 1641 г. марта 11. Тарханная о невзимании «десятой рыбы» с монастырских рыбных промыслов.

Жалованные грамоты царя Алексея Михайловича

11. 1647 г. мая 7. Тарханная о невзимании с монастырского речного и морского промысла «десятой рыбы», кроме той, что предназначена на продажу или раздачу;

12. 1657 г. февраля 27. Тарханная о невзимании «десятой рыбы» с покупаемой монастырем рыбы и освобождении монастырских крестьян и бобылей от несения обязанностей таможенных целовальников;

13. 1667 г. марта 29. Льготная о запрете Кольским посадским людям «притягивать» в тягло монастырских бобылей, кроме тех, кто располагает торговыми промыслами;

14. 1670 г. июля 29. Тарханно-проезжая об освобождении от уплаты таможенных пошлин с 10 тыс. пудов соли при провозе через Архангельск, Холмогоры и Устюг Великий, с покупного хлеба и других товаров, приобретаемых для монастырских потребностей; о невзимании «десятой рыбы» с рыбы, выловленной монастырем на «Мурманском море»;

15. 1675 г. января 29. Тарханная об освобождении от уплаты Кольским и архангелогородским таможенным головам и целовальникам «десятой рыбы» с рыбы и сала, добытых на «Мурманском море».

Жалованные грамоты царя Федора Алексеевича

16. 1677 г. марта 6. Тарханно-проезжая об освобождении от уплаты таможенных пошлин в городах Холмогоры, Устюг Великий, Тотьма и Вологда с провозимых 10 тыс. пудов соли и невзимании «десятой рыбы» с рыбы, добытой на «Мурманском море»;

17. 1679 г. ноября 17. Тарханно-проезжая об освобождении от уплаты таможенных пошлин на Двине, Устюге Великом, Тотьме, Каргополе и Кольском остроге с провозимых рыбы и сала, не предназначенных на продажу.

Жалованные грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей

18. 1683 г. марта 30. Льготная об освобождении монастыря от уплаты пошлин с покупных товаров;

19. 1684 г. мая 11. Тарханная об освобождении от уплаты Кольским «таможенным головам» пошлины с выловленной рыбы, предназначенной для монастырских потребностей, а не для продажи;

20. 1689 г. апреля 22. Ружная с подтверждением выдачи монастырю ежегодно 23 руб. 70 коп. из кольских таможенных и кабацких сборов.

Хотя грамоты затрагивают разные стороны монастырской жизни, преобладающим среди пожалований является предоставление различных таможенных льгот на вывозимые в Поморье и Север России монастырские рыбу и соль. Эта привилегия Кандлакшского монастыря была общей для монастырей Поморья, активно вовлеченных в соляную торговлю. Первые подобные грамоты начали выдаваться еще с 1570-х гг.[26].

Среди грамот, некогда хранившихся в монастырском архиве, нет ни одной, которая бы закрепляла права монастыря на распоряжение и владение угодьями на основе вотчинного права. Исключением является только первая жалованная грамота 1553/54 г., закрепившая за обителью 7 $^{1}/_{4}$ лука угодий и воспрещавшая волостным крестьянам вступаться в них. Все последующие приобретения монастыря в волости (в общей сложности ему принадлежало 40 луков угодий[27]) не смогли нарушить сложившийся там порядок землепользования. Этот порядок был ясно выражен в писцовой книге Алая Михалкова 1608–1611 гг.: «А новоприбылые луки с волостными людьми

ведают они (кандалакшские монахи. – *С.Н.*) сами меж себя по старине в рыбных ловлех, и в сенных покосех, и в леших ухожеях, и во всяких угодьях переменяясь по годом»[28]. Таким образом, в отличие от других монастырей Кольского уезда Кандалакшский монастырь так и не смог перерасти за границы волости, имея приобретения «на стороне» лишь фрагментарно (монастырю принадлежали, например, сенные покосы в Ковдской волости, часть рыбных угодий лопарей Ковдозерского погоста, оброчная пустошь и пожня в Двинском уезде)[29].

В этом отношении Печенгский монастырь выступает полной противоположностью Кандалакшского, поскольку не только имел вотчины на землях саамских погостов, но и добился закрепления этих угодий через предоставление специальных жалованных грамот. Монастырю было предоставлено не меньше трех жалованных грамот (в 1591, 1606 и 1675 гг.), подтверждавших его права на земли некоторых саамских погостов[30].

В то время как ряд жалованных грамот Печенгскому монастырю уже давно введен в научный оборот, среди жалованных грамот Кандалакшского монастыря единственной опубликованной является грамота 1615 г. Между тем, актуальными представляются не только публикация известных документов, но и выявление подобных документов в современных архивных собраниях. Так, список опубликованной грамоты 1615 г. содержится в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН[31]. Данный список имеет небольшие текстуальные расхождения и в целом должен быть признан более исправным, чем опубликованный. Там же хранится неполный список жалованной грамоты Михаила от 4 марта 1622 г.[32].

Отдельные документы, упомянутые в описи 1742 г., встречаются в фондах РГАДА. Правда, это относится не столько к жалованным грамотам, сколько к царским грамотам с «прочетом», обращенным к местным представителям власти. Помимо вышеупомянутых грамот Алексея Михайловича кольским воеводам Г.Ф. Бутурлину 1645 г. и Б.Г. Благово 1648 г. в материалах фонда приказа Новгородской четверти встречаются и иные царские указы, не нашедшие отражения в описи 1742 г. Так, ответом на челобитную игумена Иоакима, содержавшую просьбу возобновить продажу монахам зерна на Устюге Великом и в Устюжском уезде, стала грамота с «прочетом» Федора Алексеевича (от 30 марта 1677 г.), разрешавшая старцам «всякой хлеб покупать по вольным торгом про их монастырской обиход по две тысячи чети ржи, по двести чети ячменю, по сту чети овса, по сту чети круп»[33]. Упомянутую в описи 1742 г. грамоту царей Петра и Ивана Алексеевичей 1695 г. о запрете холмогорским земским посадским старостам взимать стрелецкие деньги с монастырского подворья удалось обнаружить в фондах Государственного архива Архангельской области[34].

Из-за того, что в монастыре не существовало практики составления копийных или описных книг, в которые бы заносились сведения о времени и характере заключенных поземельных сделок, сегодня трудно судить о частноправовых актах монастыря. Те купчие, данные, закладные и т. п. грамоты, который, вероятно хранились в монастыре, погибли с его упразднением в 1762–1764 гг. Тем не менее, такого рода акты упоминаются в писцовой книге Кольского уезда 1608–1611 гг. В описании владений Кандалакшского монастыря дан перечень наименований типов документа и имен крестьян, от которых монастырь получал права на распоряжение угодьями. Всего упоминается 20 крестьян, которые предоставили монастырю 18.5 лук угодий[35]. Распределение актовых документов в зависимости от характера совершенной сделки следующее: 15 – купчие, 5 – данные, 2 – закладные кабалы.

Приведенный в писцовой книге перечень актов не является исчерпывающим. Об этом свидетельствуют, прежде всего, вкладная книга монастыря, а также опись монастырского имущества 1742 г. Во вкладной книге в записях с 1588/89 г. по 1602 г. встречаются 9 сообщений о луковых вкладах[36]. При этом о пяти из этих вкладов нет упоминаний в описи. Опись упоминает о 29 вкладчиках, передавших монастырю те или иные части своих угодий. В общей сложности количество лиц, передавших угодья монастырю, составляет 42 человека.

На неточность данных писцовой книги Алая Михалкова 1608–1611 гг. относительно вотчинных угодий монастырей Кольского уезда уже обращалось внимание[37]. В частности, В.И. Иванов, сравнив данные писцовой книги и документов, относящихся к Троицкому Печенгскому монастырю, показал, что Алай Михалков не внес в книгу ряд сведений об угодьях этой обители[38]. О происхождении этой неточности в отношении Кандалкшского монастыря позволяют судить детали конфликта, разгоревшегося в 1665–1669 гг. между посадским людьми Колы и монахами Печенгского монастыря с одной стороны и крестьянами Кандалакши и монахами Кандалакшского монастыря с другой из-за раскладки податей[39]. В частности, свои претензии к крестьянам и монахам Кандалакши посадские люди основывали на том, что «в Кандалакшской де волости и в монастыре по Васильевой книге Агалина написано сорок луков, а в Алаевых книгах написано двадцать луков, а двадцать луков Алай Михалков им с братиею и Кандалакского монастыря на-

ровя дал»[40]. Таким образом, дав взятку писцу, Пречистенские старцы смогли «на бумаге» уменьшить количество своих владений вдвое.

Приводимые в показаниях писцовой книги сведения об актах, оформлявших переход Кандалакшскому монастырю угодий, не содержат никаких датирующих признаков. Указывается только, что приобретения были совершены после «письма Василья Агалина да подьячего Степана Соболева»[41], т.е. между 1574/75 и 1611 гг. – временем, когда были завершены крупные писцовые описания Кольского Севера. Напротив, в той части писцовой книги 1608–1611 гг., в которой содержится описание многочисленных угодий Печенгского монастыря, разбросанных по всему уезду, писцы довольно точно документируют наименование того акта (купчая, данная, закладная), согласно которому монастырь имел право на распоряжение своими угодьями, и время его составления. Грамоты скрупулезно перечисляются и в частично сохранившейся описи имущества и документации Печенгского монастыря 1658 г.[42]. Чем вызвано разное отношение со стороны писцов при фиксации актовой документации двух монастырей?

Угодья в поморских волостях и саамских погостах Кольского Севера в материалах писцового дела середины XVI – начала XVII вв. распределяются на две неравные группы – луковые и оброчные. Первая группа угодий была достаточно точно определена, и количество луков для каждой волости имело разное соотношение. Статус оброчных угодий определялся тем, что это были вновь освоенные земли, не входившие в фонд основных крестьянских земель волости[43]. На Кольском Севере, подобно Двинскому уезду[44], к числу оброчных земель относились и промысловые угодья. Не входя в число основных луковых угодий волости или саамского погоста, оброчные земли требовали четкой фиксации времени их перехода в собственность и характера самой сделки, что подтверждало права на них вотчинника и предоставляло необходимый материал для писцов при внесении этой части земель в тягло.

Основной фонд вотчинных угодий Кандалакшского монастыря сформировался внутри самой Кандалакшской волости. Устойчивое количество луков, на которые распределялись волостные угодья, сохранявшееся в течение нескольких столетий, по всей видимости, делало излишней для писцов четкую фиксацию времени перехода того или иного лукового угодья в фонд монастырских владений. Кроме того, переходя к монастырю, луковые угодья по-прежнему подлежали перераспределению в разные периоды времени между членами всей общины, хотя, как показал А.И. Копанев на материале волости Варзуга, крестьяне выступали уже не в качестве собственников, а в качестве наемных монастырских работников, трудившихся на различных промыслах[45].

Как было выяснено, с учетом показаний как писцовой, так и вкладной книг к 1611 г. (т.е. ко времени проведения переписи в Кандалакше) монастырь владел луковыми угодьями на основании 42 актов. Это количество актов для того времени, не говоря уже о последующих десятилетиях XVII в., неполное. Известно, что незначительные владения угодьями и дворами у Пречистенского монастыря были и за пределами самой Кандалакши. В монастырской описи 1705 г., составленной строителем старцем Пахомием, записано, что в монастырской казне «всяких крепостей – купчих и данных – и на сенные покосы, и на рыбные промыслы, и на варничные места – числом сорок крепостей»[46]. Далее в источнике отмечается, что помимо монастырской казны, частные акты хранились и в «монастырских службах», т. е. в тех городах, где у Пречистенских старцев в это время еще оставались подворья[47].

В «итоговой» описи 1742 г. приводится более значительное число грамот из монастырской казны, чем в описи 1705 г. По описи в казне было «данных, купчих и закладных прежних годов на рыбные ловли и сенные покосы и прочие угодья прежних владельцов, которые даваны и покупаны в монастырь, девяносто одна, да пять списков з данных разных годов»[48]. Резкое возрастание числа актов по описи 1742 г., объясняется тем, что после 1710 г. все территориальные службы монастыря прекратили существование. Документы, осевшие за долгие десятилетия в монастырских службах, были вывезены в Кандалакшу.

Таким образом, число актов, хранившихся в монастыре, сравнительно велико и вполне сопоставимо с тем количеством актов, которым располагал Печенгский монастырь. Опираясь на сведения писцовой книги 1608–1611 гг. и опись монастырского имущества 1658 г., в которых зафиксировано наименование и время составления различных видов документации, закреплявших права монастыря на оброчные земли, дворы, соленые варницы и т. п., по нашим подсчетам, количество грамот равно 116[49]. И это при том, что Печенгский монастырь располагал владениями на территории всего Кольского уезда, а не одной волости, как Кандалакшский.

Сохранность актовой документации Кандалакшского монастыря крайне незначительна, особенно в сравнении с сохранностью жалованных и царских грамот, предоставленных обители в разное время. Нам известна только одна данная грамота монастырю протопопа московского Черниговского собора Михаила Рогуева[50]. Протопоп в ноябре 1645 г. передал монастырю об-

рочную пустошь и пожню, расположенные между Койдокурской и Кехтой волостями Двинского уезда. Сведения об этом вкладе сохранились и во вкладной книге монастыря[51].

Как уже было замечено, плохая сохранность актовых источников объясняется припиской Пречистенской обители в 1742 г. к Соловецкому монастырю, которая повлекла за собой вывоз всей документации и имущества. Иначе сложилась судьба архива Печенгского монастыря. Упраздненный в 1764 г. монастырь был возобновлен в 1886 г. и благодаря активной деятельности игумена Ионафана смог не только создать образцовое хозяйство, но и частично восстановить свой архив. По свидетельству исследователей истории Кольского Севера игумена Никодима (Кононова) и А.М. Филиппова, работавших с материалами этого архива в начале XX в., собрание документов включало в себя не менее 20 жалованных и указных грамот XVI–XVII вв., не считая челобитных и различных сведений о хозяйственном состоянии монастыря за этот период[52]. Восстановленный архив, к сожалению, не смог пережить бедствий революции и Гражданской войны и, по всей видимости, безвозвратно погиб.

Таким образом, одна из важнейших частей архива Кандалакшского монастыря – актовые источники, в достаточно полном объеме сохранилась лишь к моменту ликвидации самостоятельности обители в 1742 г. Локальное значение монастыря в духовной и экономической жизни Поморья, отсутствие связи его истории с деятельностью какого-либо крупного подвижника (что можно видеть в случае с Троицким Печенгским монастырем), все это делало крайне уязвимым сохранение монастырской документации.

Примечания

[1] *Амосов А.А.* Архивы Двинских монастырей: Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций. Автореф, , дисс.… канд. ист. наук. М., 1975.

[2] *Иванов В.И.* Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв. Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005. С. 36, 38–41, 48, 52, 79, 90–91 и др.

[3] *Андреев А.И.* Исторические материалы о Кольском полуострове монастырских архивов // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в в XVI–XVII вв. (далее – СМПИКП). Л.,1930. С. 6–7.

[4] *Бахрушин С.В.* Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII в. // его же. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 140–141; *Кузьмин Г.Г., Разин Е.Ф.* Кандалакша. Мурманск, 1968. С. 23–24; *Ушаков И.Ф.* Кольская земля // его же. Избранные произведения. Т. 1. Мурманск, 1997. С. 61–62; *его же.* «На Усть-Ниве реки...»; *его же.* Избранные произведения. Т. 3. Мурманск, 1998. С. 33–34.

[5] *Черкасова М.С.* Сравнительное изучение монастырских архивов: источники и проблемы // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 290–291.

[6] *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: Механизм становления крепостного права. СПб., 2007. С. 163.

[7] Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – Архив СПб. ИИ РАН). Колл. 115. № 900.

[8] Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 1025, оп. 3, д. 27: Архив СПб. ИИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 333.

[9] ГА АО, ф. 31, оп. 3, д. 228.

[10] *Ушаков И.Ф.* «На Усть-Ниве реки...». С. 50; Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 115. № 20, л. 1.

[11] Государственный архив Мурманской области, ф. 20-И, оп. 1, д. 118, л. 34.

[12] Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. II. СПб. 1875. № 170, стб. 687; *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. Приложение. № 36. С. 135–136.

[13] РИБ. Т. II. № 170.

[14] Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 115. № 20, л. 2

[15] РИБ. Т. II. № 170. стб. 688–689.

[16] Выписка из писцовой книги Алая Михалкова 116, 117, 119 гг. (далее – Писцовая книга) // *Харузин Н.Н.* Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта. М., 1890. Приложение 2 . С. 460.

[17] РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 231, ч. 1, л. 22.

[18] РИБ. Т. II. стб. 690.

[19] Сборник грамот Коллегии экономии (далее – СГКЭ). Т. II. Л., 1929. № 136, стб. 437–442.

[20] *Андреев А.И.* О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. // Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920. С. 146.

[21] РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 3379, лл. 17–23.

[22] Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 115. № 20, л. 4.

[23] РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 740, л. 66–67.

[24] Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 115. – № 20, л. 3 об.

[25] РГАДА, ф. 159, оп. 3, д.740, л. 68–73.

[26] *Французова Е.Б.* Торговля солью в Вологде в XVI в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XVIII вв. Сб. мат-лов междунар. научн. конф. (СПб., 17–20 сентября 2001 г.). СПб., 2001. С. 21.

[27] ГА АО, ф. 1025, оп. 5; д. 442, л. 1 об.

[28] Писцовая книга. С. 461.

[29] Там же.

[30] *Андреев А.И.* О подложности... С. 137–147; СГКЭ. Т. II. № 154, 155.

[31] Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 110. № 44/2, л. 1–3.

[32] Там же. № 44/3, л. 1–3. На этот документ уже обращалось внимание: Андреев А.И. Исторические материалы о Кольском полуострове монастырских архивов. С. 7.

[33] РГАДА, ф. 159, оп. 5, д. 569, л. 40.

[34] ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 626, л. 1.

[35] Писцовая книга. С. 460–461.

[36] Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 115. – № 900, л. 15 об., 26–28 об., 37, 39 об., 60 об., 64.

[37] *Андреев А.И.* О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. С. 139. прим. 2; Ушаков И.Ф. «На Усть-Ниве реки...». С. 41.

[38] *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья… С. 153–156.

[39] Публикация грамоты была осуществлена Н.Н. Харузиным. См.: Грамота 1697 г. // *Харузин Н.* Русские лопари. Приложение 1, С. 404.

[40] Грамота 1697 г. С. 404.

[41] Писцовая книга. С. 461.

[42] СМПИКП. № 58. С. 94–99.

[43] *Ефименко А.Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // *ее же.* Исследования народной жизни. Вып. 1. М., 1884. С. 320–324; *Островская М.А.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913. С. 110–111; *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Руском Севере в XVII веке. Т. 1. М., 1909. С. 170–171; *Копанев А.И.* Крестьяне Руского Севера в XVIII веке. Л., 1984. С. 18–23; *Демчук Г.В.* Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. Екатеринбург, 2002. С. 195–229.

[44] *Демчук А.И.* Указ. соч. С. 199.

[45] *Копанев А.И.* Неземледельческая волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. ст. памяти Ивана Ивановича Смирнова. Л., 1967. С. 193.

[46] ГА АО, ф 1025, оп. 3, д. 27, л. 16 об.

[47] Там же.

[48] Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 115. № 20, л. 7.

[49] Писцовая книга. С. 436–443; СМПИКС. № 58. С. 94–98.

[50] РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 129, л. 1-1 об.

[51] Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 115. № 1900, л. 167–167 об.

[52] *иг.Никодим(Кононов).* Преподобный Трифон, просветитель лопарей, Печенгский чудотворец, и церковно-историческое значение основанной им обители. СПб., 1899. С. 18–23; *иг. Никодим (Кононов).* Преподобный Трифон, просветитель лопарей, Печенгский чудотворец, и церковно-историческое значение основанной им обители. СПб.,1900; *его же.* Преподобный Трифон, Печенгский чудотворец и его ученики. Исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1901 // Литературный вестник. Т. 4. Кн. 6. М., 1902. С. 158–161.

Е. Д. СУСЛОВА*

СЕВЕРНОЕ ДУХОВЕНСТВО КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ПРИКАЗНОЙ БЮРОКРАТИИ XVII века:
опыт локального исследования

В сорока верстах от западных окраин Рождественского Олонецкого погоста, пограничного со Шведским королевством, в устье р. Мегреги был основан в 1648 г. Олонец, превратившийся в крупнейший опорный пункт Русского государства. Здесь разместились воеводский двор и приказная изба, и отсюда управлялась обширная территория образованного в 1649 г. Олонецкого уезда, который включил 18 Заонежских и 7 Лопских погостов, расположенных между Ладожским и Онежским озерами, вокруг Онежского озера, а также к северу и северо-востоку от него[1].

В конце 1640-х – начале 1650-х гг. местные власти испытывали острую необходимость в образованных и опытных кадрах. В это время во всем уезде едва ли можно было найти грамотных

* **Суслова Евгения Дмитриевна,** соискатель исторического факультета Петрозаводского государственного университета.

людей, тем более знакомых с делопроизводством. Воеводы перевели на Олонец четверых подьячих, ранее служивших в прежнем административном центре на Оште[2]. Одни из наиболее образованных представителей местного сообщества, церковники и дети клириков, особенно из числа тех, кто уже имел опыт письмоводства (к этому делу их привлекали в тех случаях, когда представители властей объезжали погосты и деревни), были естественными кандидатами на открывшиеся вакансии в уездной администрации.

В данной статье исследуются стратегии поведения претендовавших на места в приказном аппарате причетников и детей священнослужителей, а также взаимоотношения выходцев из среды духовенства, зачисленных в штат подьячих, с представителями власти, родственниками и служившими на посаде клириками. Исследование, основанное на источниках локального происхождения, должно в более широком контексте способствовать пониманию развития духовного сословия в России в эпоху раннего Нового времени.

Отдельные аспекты поставленной проблемы затрагивались в историографии. Например, историки обращали внимание на традиционное право приходских клириков подписывать «мирские» грамоты, хотя и по-разному оценивали его[3]. М.Ф. Архангельский по материалам законодательства второй половины XVII в. осветил с юридической точки зрения условия, на которых духовенство могло привлекаться к государственной службе[4]. Изучая состав приказной бюрократии XVII в., Н.Ф. Демидова обратила внимание на поповских и дьяческих детей. По ее наблюдениям, после издания 7 декабря 1640 г. указа о запрещении принимать поповских и дьяконовых детей в подьячие «линия на исключение из приказной избы выходцев из среды священнослужителей хотя и не является слишком яркой, но последовательно прослеживается в правительственной политике до конца века»[5]. Она заметила, что отдельные подьячие пытались «скрыть свое духовное происхождение», опасаясь ограничительного законодательства. В комплектовании штата подьячих в местных учреждениях, она отметила «противоборство двух линий – сложившихся в местных условиях традиций и политики правительства» . По мнению Н.Ф. Демидовой, «использование детей священников и других церковнослужителей в качестве подьячих было сравнительно редко для Русского севера», и «значительно большее распространение оно получило в приказных избах городов центра»[6].

Данная работа выполнена в рамках коллективного проекта по подготовке электронной публикации материалов фонда «Олонецкой воеводской избы» Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН, осуществляемой в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии исторического факультета Петрозаводского университета под руководством доцента И. А. Черняковой с 2004 г.[7]. В рамках этого проекта И.В. Камнева, занимаясь историей канцелярии олонецких воевод во второй половине XVII в., выявила изменения численности подьячих и особенности их назначения на службу и верстания окладами[8]. В числе 43 подьячих, служивших в разное время за период с 1659/60 по 1671/72 гг., Камнева выделила трех выходцев из среды духовенства, выяснив годы их службы и получаемое ими жалованье[9].

Основу данного исследования составили документы фонда «Олонецкой воеводской избы» (Архив СПб. ИИ РАН, ф. 98). Изучение разнообразных актов (челобитных прихожан, клириков, подьячих, судных дел, отписок агентов власти) позволило изнутри взглянуть на жизнь локального сообщества и реконструировать едва уловимые на первый взгляд социальные связи, формировавшиеся между подьячими – выходцами из среды духовенства – и иными стратами локального сообщества. Кроме того, к исследованию были привлечены материалы переписей 1646 и 1707 гг., а также акты новгородского Софийского дома[10]. Анализ информации, содержащейся в них, позволил восстановить историю формирования местных священнических родов, специфику вовлечения детей клириков в деятельность приказной избы и судьбу тех из них, которые смогли проникнуть в штат подьячих.

Кроме выявленных Камневой подьячих: Стефана Евдокимова сына Попова, Андрюшки Якимова сына Попова и Артюшки Якимова сына Попова, в избе служили также Федор Иванов сын Дьяконов и бывший церковный дьячок Анисим Иванов. Кроме того, исполнявший в 1646 г. функции церковного дьячка Олонецкого Рождественского погоста Мокейко Осипов в 1660 г. числился среди площадных подьячих[11]. В 1661/62 г. в приказной избе канцелярские работы выполняли 14 (в том числе 11 верстанных), а десятилетие спустя, в 1671/72 г. – 18 человек (в том числе 16 верстанных)[12]. Это означает, что сыновья клириков и бывшие церковники составляли довольно значительный процент в штате приказных служащих.

В конце 1650-х – начале 1660-х гг. на службу в воеводскую канцелярию поступили два сына и внук первого иерея Троицкого олонецкого собора Якима Евстратьева[13]. Семейство не было связано ни с одним из местных священнических родов – поп Яким, как много позднее отмечала его внучка просвирница Прасковьица, был переведен сюда «из Ладоги по неволе». Однако не все семейство последовало вслед за кормильцем. Это следует из того, что один из внуков попа Якима –

Лев Иванов – также был переведен на Олонец из Ладоги, получил место протопопа Троицкого собора и активно привлекался новгородским митрополитом к разнообразным мероприятиям по борьбе с расколом[14]. Сыновья Якима Евстратьева, из тех, что последовали за ним, Андрюшка и Артюшка поступили в штат избы в конце 1650-х гг. Размер оклада олонецких подьячих, самый большой из которых, как выяснила Камнева, составлял 15 руб., а самый меньший около 2 руб.[15], зависел от заслуг и объемов выполненных клерками работ[16]. Средний по размеру оклад братьев, каждому из которых ежегодно было назначено вскоре по 6 руб., свидетельствовал о том, что они неплохо зарекомендовали себя на службе у воевод[17].

Штат служащих был определен в 8 человек и постепенно разрастался[18]. Однако попасть в число верстанных подьячих уже в середине 1660-х гг. было много труднее, чем раньше, и за освободившиеся места разгоралась жесточайшая борьба. Конкуренция кандидатов в штат подьячих косвенно свидетельствовала, что на Олонце жило немало грамотных людей. Об этом говорят и другие факты. Именно в это время город превращается в центр книжности. Есть данные, что в городе существовали 2 мастерские по переписке книг – Давыда Дмитриева сына Шаргоева и Алексея Ижорина, церковного дьячка Олонецкого Рождественского погоста, чьи родственники состояли в штате приказной избы[19]. В людных местах площадные подьячие, службу которых Н.Ф. Демидова характеризует как одну «из промежуточных стадий проникновения в приказной мир»[20], исполняли по частным заказам самые разнообразные канцелярские работы.

Можно думать, что запись в «молодые подьячие» Федора Иванова Дьяконова, сына дьякона Троицкой соборной церкви Ивана Якимова, стала возможной не без содействия родных братьев его отца Ивана, известных нам подьячих Андрюшки и Артюшки Якимовых Поповых, успевших к тому времени утвердить свое положение в избе[21]. Карьера Федора Дьяконова сложилась вполне успешно. Уже в 1664 г. Федору Дьяконову был назначен оклад в 5 руб.[22]. В 1671 г. он добился повышения оклада на 3 руб. за счет «убылого» оклада умершего подьячего Степана Ижорина[23]: В начале XVIII в. Федор все еще продолжал служить в избе[24]. Это означает, что к работе внук священника приступил совсем в юном возрасте и его стаж к 1707 г. насчитывал порядка 40 лет. Став опытнейшим клерком, он передал своему сыну Артемию все, чему научился сам, и сумел пристроить его «в приказной полате в под[ь]ячих»[25].

Федор Дьяконов, видимо, сохранял тесные связи со своими родственниками, служившими в Троицком соборе. После опустошительного пожара 1668 г., уничтожившего все постройки, именно он в течение нескольких лет находился «у городового и у церковного и у всякого строен[ь]я безотступно… и делал… городовому месту и городу и всякому строен[ь]ю чертежи и сметную роспис[ь]»[26]. Его родная сестра Прасковья, подавшая в 1695 г. челобитную новгородскому митрополиту о пожаловании ее в проскурницы и потому желавшая с выгодой для себя упомянуть о богоугодных делах родственников, особо отмечала, что Федор «в соборную церковь раделъ, и ныне радеет же внов[ь], новую теплую каменную церковь заводятъ строить». Из ее челобитной также следует, что Федор действовал вместе со своим двоюродным братом, протопопом Троицкого собора Львом Ивановым, который «для строения соборной каменной церкви… за челобитьемъ ездилъ к Москве многожды ж и тое соборную церков[ь] во всяком строении украсил»[27]. Братья, связанные узами родства и служившие на столь разных поприщах, помогали друг другу. Можно думать, что администрация учитывала прежний статус своего подчиненного, рассчитывая, что его старые связи позволят быстрее и эффективнее решить дела.

Практически через год после Федора Дьяконова в декабре 1663 г. челобитную о зачислении в штат подьячих подал Стефан Евдокимов, сын священника Преображенской церкви выставки Туксы Олонецкого погоста Евдокима Лазарева, долгое время исполнявшего обязанности поповского старосты. Как и Федор, он был принят в число «молодых подьячих» с повелением «жалован[ь]я ждат[ь] убылого»[28]. Однако Стефан так и не утвердился на новом месте. В 1670-е гг. мы видим его уже в качестве священника Троицкого олонецкого собора с ежегодной царской ругой. Размер руги был довольно внушителен. Например, в 1673 г. он получил 4 руб. 10 алтын с деньгой, а также «31 чет[ь] с третником ржи да за ячмень за 9 чети с третником… рож[ь]ю то ж 9 чети с третником да… 28 чети овса»[29]. Стефан добился авторитета среди прихожан. В 1689 г. за него ходатайствовали перед новгородским владыкой сам олонецкий воевода Иван Ловчиков и прихожане, среди которых били челом и известные нам подьячие. Они просили, чтобы митрополит разрешил их овдовевшему духовнику «быть указные годы на Олонце… во священниках», что он «человек самой доброй и смирной». Подача челобитных была вызвана тем, что на место овдовевшего иерея стал претендовать поп Феодул Матфеев, который ранее служил в Лоянской волости Важенского погоста и, как жаловался сам Стефан, «оставя свое место брату», стал просить у митрополита назначения на Олонец[30].

Необычна судьба другого подьячего – Анисима Иванова, получавшего в 1660-х гг. один из самых высоких окладов в 13 руб. В 1647 г. сыщик Василий Золотарев, проходивший через Фоймо-

губскую выставку Шунгского погоста, взял «для пис[ь]ма всяких… государевых дел» церковного дьячка храма Успения Богородицы Анисима[31]. Золотарев рекомендовал приглянувшегося ему дьячка новому окольничему. Несмотря на то, что в штат избы уже были включены 9 человек, церковник был взят к ним «в прибавку»[32].

Отсутствие всяких упоминаний о родственниках Анисима Иванова свидетельствует, что он не поддерживал связей с семейством после того, как утвердился на новом месте. Когда всему околотку стало известно, что Анисим был взят «в город на Олонец въ сьезжую избу для писма всяких… государевых дел»[33], прихожане избрали себе в церковные дьячки Самсона Кобылина и передали ему церковный участок, который прежде «велели… по десятине сеят[ь] рож[ь]ю», отцу Анисима – Ивану Андрееву. Новый причетник не стал церемониться и чужой «навоз… в землю заорал», чем нанес родственникам своего предшественника материальный ущерб. Нелегко пришлось и родному брату Анисима Сенке Иванову – «полуполковникъ Андерсон Ирикъ» велел ему «учитца за… Анисимка» военному искусству[34]. Распоряжение оставалось в силе до тех пор, пока не было отменено после подачи Сенкой соответствующей челобитной. Вскоре приходская жизнь здесь потекла своим чередом. Прихожане забыли об инциденте, а новый дьячок утвердил свое положение и еще до 1665 г. добился духовного сана[35].

Анисим постепенно обживался на Олонце и заводил новые знакомства. Одна из его дочерей была выдана замуж за площадного подьячего Андрюшку Киселева, чей отец – прапорщик Харлам Киселев – исполнял разнообразные поручения воевод и содержал семью на годовой оклад в 12 руб. Андрюшка, расписавшийся в 1688 г. вместо Анисима на челобитной, поданной новгородскому митрополиту за их общего духовника попа Стефана, вероятно, содержал престарелого тестя[36]. Продолжая в начале XVIII в. служить площадным подьячим, он сумел передать навыки своим сыновьям – Алексею и Василию, которые вместе с отцом также работали «в площадных подьячихъ»[37].

Новые тенденции, намечавшиеся во всех сферах жизни Олонецкого уезда, оказывали непосредственное влияние на изменение отношений как внутри духовенства, так и между духовенством и прихожанами. Ясно, что город открывал широкие перспективы для талантливых и способных людей, тем более что довольно прозрачные грани между социальными слоями не препятствовали социальной мобильности. Тот факт, что дети священников и бывшие церковники по собственной инициативе начинали службу на новом поприще в приказной избе в качестве канцелярских служащих, является показателем важной тенденции в жизни олонецкого духовенства. Активное проникновение детей клириков и причетников в штат подьячих косвенно свидетельствует, что в их среде считалось гораздо престижнее получить статус подьячего, нежели быть записанным в полки пашенных солдат, организация которых в крае стала осуществляться с 1648 г., когда последовали и первые военные разборы и смотры[38]. Местные власти постепенно осознавали важность привлечения к канцелярским работам образованных людей и в конце концов отменили в 1700 г. законодательство, ограничивавшее доступ выходцам из духовного сословия на государственную службу[39]. Наиболее способные клирики, причетники и связанные с ними узами родства подьячие в начинавшуюся эпоху перемен чувствовали вызовы времени и, согласовывая их с собственными интересами, гибко реагировали на них.

Примечания

[1] О строительстве Олонца, формировании посада и его численности подробнее см.: *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 161–192.

[2] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 98: Олонецкая воеводская изба, оп. 2, д. 65, л. 9.

[3] *Папков А.А.* Древнерусский приход. Краткий очерк церковно-приходской жизни в восточной Росссии до XVIII в. и в западной России до XVII в. Сергиев Посад, 1897. С. 12; *Пулькин М.В., Захарова, О.А., Жуков А.Ю.* Православие в Карелии (XV – I треть XX в.). М., 1999. С. 67–69; *Верюжский В.В.* Северно-русский приход в конце XVII в. Ч. 2 // Христианское чтение. СПб., 1905. Ч. 2. (март). С. 384–385 *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. СПб., 1910. С. 33–35; *Смирнов С.И.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 2004. С. 170–179.

[4] *Архангельский М.Ф.* О соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. в отношении русской православной церкви. СПб., 1881. С. 69.

[5] *Демидова Н.Ф.* Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования) // Исторические записки. Т. 90. М., 1972. С. 348.

[6] *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 63–67.

[7] Подробнее см.: http://illmik.petrsu.ru/illmik/TERP.html или http://illmik.petrsu.ru/illmik/TERPrus.html.

[8] *Камнева И.В.* Олонецкая воеводская изба как учреждение государственной власти: курсовой проект. Петрозаводск, 2006. (далее – Камнева И.В. КР); *Камнева И.В.* Олонецкая воеводская изба как учреждение

государственной власти в регионе во второй половине XVII в.: дипломная работа. Петрозаводск, 2007. (далее – Камнева И.В. ДС).

[9] *Камнева И.В.* ДС. С. 59; XII, XXV (приложение).

[10] Переписная книга Заонежских погостов И.П. Писемского, Л.Г. Сумина и подьячего Я. Еуфимьева 1646 г. // РГАДА, ф. 1209, кн. 980, л. 577 (список XVII в.) (далее – ПК 1646); Переписная книга Оштинской половины Олонецкого уезда М.Л. Мордвинова 1707 г. // РГАДА, ф. 1209, кн. 8578, л. 755 (далее – ПК 1707).

[11] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 171: Акты новгородского Софийского дома, переплет X, д. 602, л. 1–7; там же, ф. 98, оп. 1, д. 129, л. 1–2; там же, д. 147, л. 4 с об.; ПК 1646. л. 9.

[12] *Камнева И.В.* КР. Приложение 1: Численность подьячих Олонецкой воеводской избы в 1662–1672 гг. С. 24.

[13] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 24, 71–71 об., 92.

[14] Там же, ф. 171, переплет X, д. 602, л. 3.

[15] *Камнева И.В.* КР. С. 10–11.

[16] Подробнее см.: *Демидова Н.Ф.* Приказные люди… С. 337.

[17] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 24.

[18] Нам удалось выяснить дату грамоты, утвердившей штат: 23 ноября 1651 г. См.: там же, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 37; *Камнева И.В.* ДС. С. 56, 58.

[19] *Пашков А.М.* Рождение Олонца // Олонец: историко-краеведческие очерки. Ч. 1. Петрозаводск, 1999. С. 62–63.

[20] *Демидова Н.Ф.* Приказные люди… С. 347.

[21] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 62, с об.; ф. 171, переплет X, д. 602, л. 3.

[22] Там же, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 23.

[23] Там же, л. 51–54.

[24] ПК 1707, л. 6.

[25] Там же.

[26] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 51.

[27] Там же, ф. 171, переплет X, д. 602, л. 3–4.

[28] Там же, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 67 с об.

[29] Там же, ф. 171, переплет IV, д. 189. л. 3; там же, ф. 98, оп. 6, д. 99, л. 28; там же, л. 2.

[30] Челобитная священника Стефана Евдокимова преосвященному Корнилию, митрополиту Новгородскому, 1689 г.; Письмо Ивана Ловчикова к преосвященному Корнилию, митрополиту Новгородскому, 1689 г.; Челобитная олонецких жителей митрополиту новгородскому, преосвященному Корнилию, 1689 г. // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 117–119.

[31] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 98, оп. 1, д. 129, л. 1.

[32] Там же, оп. 2, д. 65, л. 9.

[33] Там же, оп. 1, д. 147, л. 4.

[34] Там же, д. 129, л. 1.

[35] Там же, оп. 5, д. 187. л. 24.

[36] О факте родства Андрюшки Киселева и Анисима Иванова свидетельствует рукоприкладная запись на обороте челобитной олонецких жителей митрополиту Корнилию 1689 г. (Олонецкий сборник… Вып. 3. С. 119); Об окладе Харлама Киселева подробнее см.: Архив СПб. ИИ РАН, ф. 98, оп. 8, д. 40, л. 12.

[37] ПК 1707, л. 9 об.

[38] Подробнее см.: *Мюллер Р.Б.* Очерки по истории Карелии в XVI– XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 121–144.

[39] *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия… С. 348.

© 2009 г. А.В. КАМКИН*

СЕЛЬСКОЕ ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Богатая историография эволюции православного приходского духовенства в России дала ответ на многие вопросы его истории. Сегодня имеется достаточно ясное представление о сферах его деятельности, о том, как менялась во времени практика выборов клира, его материальное положение, как решалось законодательное определение границ сословия, как разрастались его внебогослужебные обязанности, развивались внутрисословные отношения, XVIII в. в этой связи занимает особое место. Именно тогда окончательного оформился статус приходского духовен-

* **Камкин Александр Васильевич,** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Вологодского государственного педагогического университета.

ства. По общему признанию специалистов, оно стало сословием, отличающимся корпоративной закрытостью и яркими социокультурными особенностями[1].

Северно-русское приходское духовенство (в массе своей – сельское) переживало эту эпоху в особых исторических условиях. С конца XVII в. существенно возрос контроль за приходской жизнью со стороны архиерейских кафедр. В 1682 г. были образованы Холмогорско-Важская (впоследствии Архангельско-Холмогорская) и Великоустюжская епархии. Это стало закономерным завершением длительного процесса обустройства церковного организма в регионе в полном соответствии с православными каноническими установлениями. Первые холмогорские и устюжские епископы в качестве приоритетного направления рассматривали руководство приходской жизнью, развивавшейся до того времени в условиях широкой автономии и не знавшей непосредственного архипастырского наставления. Приходское духовенство Русского Севера оказалось «между двух огней» – канонической властью епископа, существенно «приблизившегося» к приходу, и традиционным влиянием черносошной мира–общины, привычно определявшей многие стороны приходской жизни. Все это происходило на фоне угасания в XVIII в. роли и места северных монастырей, подвергнутых, как все российские обители, секуляризационным мероприятиям абсолютизма. Разумеется, все это корректировало многие из выявленных в науке общих тенденций в эволюции приходского духовенства. В данной статье я попытаюсь вскрыть и охарактеризовать общее и особенное в развитии приходского духовенства на Севере России в XVIII в. Основное внимание будет сосредоточено на том, что оказывало прямое воздействие на содержание, атмосферу и развитие прихода как духовного и молитвенно-литургического сообщества, на социальную мобильность духовенства, его взаимоотношения с архиерейскими кафедрами и крестьянскими мирами, на пути аккумуляции в рядах духовенства пастырского опыта, на моральные и деловые качества сельских клириков.

Представлю сначала численность пастырского корпуса трех северно-русских епархий – Архангельской, Великоустюжской и Вологодской. Использую данные за 1741 г., поскольку именно тогда государство провело особо строгие подсчеты («разбор») всех духовных особ и членов их семей. В тот год в Архангельской епархии насчитывалось 329 священнослужителей, в Великоустюжской – 387, в Вологодской – 871. Всего, таким образом, в трех епархиях на приходах служило 1 292 священника и 295 дьяконов[2]. Отмечу, что в учетных документах указано еще на 122 имевшиеся священнослужительские вакансии. Следовательно, при полном укомплектовании штатов приходской клир Севера мог бы составить 1 709 священнослужителей. Напомню, что население этих территорий по второй ревизии составляло примерно 463 тыс. душ мужского пола[3]. Один священник, таким образом, приходился в среднем на 360 душ мужского пола (примерно 800 человек обоего пола). Через 40 лет, по четвертой ревизии (1782 г.) общее число штатных священнослужителей составило около 2 тыс. человек, т.е. выросло на 18% при незначительном приросте населения в целом по региону[4]. Очевидно, что корпус священнослужителей рос быстрее, чем население, что соответствовало новым задачам, вставшим перед приходским клиром в XVIII в.

В указанных расчетах непросто отделить городских священников от сельских. Во-первых, потому, что ряд городских приходов, как правило, включал в себя пригородные деревни и села, а, во-вторых, немногочисленные северные посады (за исключением, может быть, Вологды, Великого Устюга и Архангельска) по образу жизни и преобладающему типу деятельности мало отличались от остального аграрного сообщества региона. Поэтому, если вычесть из общей массы приходских священнослужителей число городских священников, то общая картина мало изменится.

Поставлю вопрос иначе – какова доля духовенства в массе сельского населения? Я провел подсчеты по семи уездам региона. Но в отличие от предыдущих расчетов, исчисление доли сословия потребовало включить сведения не только о действующих священнослужителях, но и о церковнослужителях, а также членах их семей. Получилось следующее: в 1779 г. в Великоустюжском уезде на 98 тыс. сельских прихожан насчитывалось 1834 лица, относящегося к духовному сословию, что составило 1.8% сельского населения. В Тотемском уезде на 26 тыс. сельских прихожан приходилось 439 лиц духовного сословия (1.7%), в Сольвычегодском – на 10 тыс. – 149 человек (1.4%); в Яренском – на 52 тыс. – 1 015 человек (1.9%); в Лальском – на 17 тыс. – 224 человек (1.3%). В 1790 г. в Красноборском уезде – на 43 тыс. приходилось 668 человек (1.3%), в Холмогорском – на 30 тыс. – 628 человек (2%)[5].

Границы духовного сословия в XVIII в., как известно, длительное время оставались размытыми. Окончательное их определение относится к периоду III ревизии и секуляризации. К 1770-м гг. из духовного сословия окончательно были «изгнаны» оставшиеся без места церковнослужители с детьми, а также все «великовозрастные» и «безместные» дети священнослужителей. Синод запретил также определять к церквам лиц из подушного оклада. Принято считать, что в этих усло-

виях для духовного сословия стала характерна замкнутость и закрытость его рядов. Однако эта тенденция, в целом для эпохи, безусловно, доминирующая, на Европейском Севере России получила ряд особенностей. Так, например, там систематически продолжался значительный отток лиц из духовного сословия в крестьянство.

Приведу конкретные примеры. Материалы по Тотемскому уезду за 1736 г. показывают следующее. В Преображенской церкви Стрелицкой волости один из сыновей умершего священника остался без места и был «записан и положен в подушный оклад в крестьянство». В Предтеченской церкви Векшенского улуса лишь один из сыновей служившего священника получил место, а трое других, не имея там никаких ближайших перспектив, «положены в подушный оклад в крестьянство». В Никольской церкви Чаловского улуса старший сын священника «положен в подушный оклад в крестьянство», братья тамошнего дьячка – так же, причем один из них был взят в рекруты. В Никольской церкви Печенгской волости двое детей умершего священника, оставшись без места, «положены при генеральной переписи в подушный оклад той же ... волости в крестьянство», а вместе с ними и их семеро сыновей. В Воскресенской церкви Куловской волости должность дьячка исполнял 17-летний сын умершего дьячка «без указу по выбору мирских людей», а его 26-летний брат «положен в подушный оклад в крестьянство». В Покровской церкви Устья-Печенгского из четырех сыновей священника двое исполняли церковнослужительские должности, один был еще мал (9 лет), а один (28 лет) был «положен в подушный оклад в крестьянство» и т.д.[6]

Всего в 45 церквах только в 1736 г. положено в «подушный оклад в крестьянство» 14 детей священников и 9 детей причетников. В 1738 г. в ожидании очередного «разбора» в пределах Архангельской епархии из семей духовенства «выбыло в дома помещиков, на фабрики и в подушный оклад» 114 человек[7].

Так ли уж велик этот отток? Если сопоставить его с общей массой духовного сословия, то приведенные выше цифры составят 34% и 18% от совершеннолетних детей клириков. Однако какими бы значительными не показались эти факты, нужно иметь в виду, что часть записавшихся в подушный оклад фактически оставалась на службе в церкви, продолжая исполнять обязанности дьячков и пономарей. И все же, если к этому оттоку добавить нередкие браки поповских, дьяческих и пономарских дочек с крестьянскими сыновьями, то общая картина сохранявшегося родства сельского духовенства с крестьянством очевидна. В условиях Европейского Севера, при его малых и редких городах избытки духовного сословия до поры до времени в значительной степени поглощало крестьянство. Впоследствии, в связи с увеличением количества присутственных мест по реформе 1775 г., часть этого избытка поглощалась местным бюрократическим аппаратом.

Параллельно шел и встречный процесс. Черносошные миры продолжали, в отличие от центральных уездов России, и в XVIII в. выдвигать кандидатов в священство и в причетники из своих рядов. В том же Тотемском уезде в 45 церквах 3 священника, 6 дьячков и 3 пономаря, будучи штатными, «действительно служащими», тем не менее, были записаны в подушный оклад и числились крестьянами. В 17 Сольвычегодских церквах также записан один священник, находившийся в подушном окладе[8]. Эта практика продолжалась на Севере и позднее. В 1766 г. правительству стало известно, что в Устюжской епархии с 1747 г. в ущерб подушному платежу пострижено в монахи и посвящено в священный и церковный чин 139 человек из черносошных государственных крестьян, от чего произошла даже путаница в сборах. Местному губернатору и архиерею было велено прислать объяснения. Попутно Синод потребовал ведомости о посвященных из оклада по всем епархиям и разослал всем архиереям указы впредь из податного состояния никого не постригать и не посвящать[9]. Однако через 3 года Архангельский губернатор Головцын донес о пострижении и посвящении в его губернии еще большего числа крестьян – 389 человек. Указ потребовал продолжать взимать с них положенные сборы, не взирая на посвящение и пострижение[10]. Примечательно, что северные церковные власти смотрели на этот встречный поток более спокойно, чем светские, и в ряде случаев воспринимали его как неизбежный.

Известно, что к XVIII в. широкое распространение получила практика наследственного замещения священно- и церковнослужительских мест. Акцент на принципе наследственности был сделан и в Духовном Регламенте 1721 г. Он официально санкционировал сочетание выборности и наследственности при заполнении вакантных мест в приходах. Так вполне естественным образом складывалась в приходах своего рода «семейственность».

Вновь обращусь к конкретным фактам. В 1736 г. в Никольской церкви Усть-Стрелицкого прихода Тотемского уезда служил многодетный священник, здесь же пономарил его 23-летний сын, а 18-летний сын исполнял должность дьячка. Больше в штате этой церкви никто не значился. В Никольской церкви Ихалицкого улуса того же уезда служили три брата: старший – священ-

Таблица 1

Перемещения среди приходских священников с 1745 по 1755 гг.

Епархия и уезд	Общее число клириков, оставивших свои места	Из них по причине				
		смерти	старости	вдовства	перехода в другой приход	отстранения за проступки
Вологодская	54	30	2	16	6	
Архангельская	39	19	2	12	5	1
Итого	93	49	4	28	11	1
		52.9%	3.8%	30.2%	11.8%	1.2%

Составлено по: Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 496, оп. 1, д. 1929; Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 1, оп. 1, д. 3827.

ником, младшие (28 и 25 лет) – дьячком и пономарем. В Никольской церкви Толшемской волости (тот же Тотемский уезд) служил 60-летний пономарь, его сын там же являлся священником; в свою очередь, 20-летний сын священника был дьячком, а поскольку глава династии – вышеуказанный пономарь – был уже стар, то его должность «за старостью отца» исполнял самый младший 16-летний сын. В Воскресенской церкви Ракульской волости Двинского уезда в 1755 г. священнодействовал Василий Иванович Попов, а его брат Андрей исполнял пономарскую должность. В Вондокурской Георгиевской церкви (там же) служил священником Андрей Петров 28-ми лет, а его 19-летний брат Алексей состоял там же пономарем; в том же храме священником был их отец[11].

Такие примеры можно привести по любому из уездов Севера. Так, по моим подсчетам, в родственных связях находились штатные священно- и церковнослужители в Вологодском уезде в 30% сельских приходов (1723 г.), в Тотемском уезде – в 38% сельских приходов (1736 г.), в Динском уезде – в 28% сельских приходов (1745 г.)[12].

Складывались многопоколенные династии священно- и церковнослужителей в одном и том же приходе. С начала XVIII в. служил в Сретенской церкви Прилуцкой волости дьячок Лаврентий Уваров. В 1755 г. он был записан в штатах этой церкви, будучи уже 76-летним. Имел двух сыновей – Степана и Козьму. Еще при жизни отца Степан стал священником в том же храме, позднее служил там в священном сане и Козьма. Оба они также имели сыновей, о которых исповедные книги 1793 г. сообщают, что Павел Степанович служил священником, а Степан Козьмин – дьячком. Так в течение столетия три поколения Уваровых, сменяя друг друга, служили в одном Прилуцком приходе[13]. С 1720-х гг. в Быстрокурском приходе служил пономарь Иван Степанов Красов, имевший шестерых сыновей. Четверо из них встали на путь церковного служения. В 1755 г. двое обучались в славяно-российской школе, один уже был рукоположен в священный сан и служил в Куростровской волости, а четвертый – Егор – в 1753 г. в возрасте 22-х лет стал служить в родном Быстрокурском приходе на отцовском месте. Через 40 лет на той же должности служил его сын Сергий[14].

В Двинском уезде в период с 1745 по 1755 гг. передача церковных мест по наследству произошла в 42 приходах из 90, по которым сохранились сведения[15]. В Тотемском уезде в 1736 г. факт передачи должности по наследству зарегистрирован в 23 приходах из 45[16]. Не менее выразительны данные за 1755 г. по группе церквей Вологодского уезда: из 37 вновь рукоположенных священников 26 происходили из детей клириков того же прихода, из 117 новых причетников таковых было 74[17].

Важным условием пастырской деятельности была стабильность клира, ибо священник должен был вести по жизни своих духовных детей от рождения до зрелости и кончины. Правила 1667 г. напоминали епископам – «священникам остаться по смерть свою там, где посвящены»[18]. Получив место, приходской клирик XVIII в. служил на нем, как правило, всю жизнь. Об этом говорят и наблюдения за отдельными приходами, и общая статистика (см. табл. 1). Очевидно, что лишь 13% перемещений сельских священников было вызвано административным вмешательством (перевод, запрещение священнодействовать). Все остальные объяснялись естественными причинами – смерть, дряхлость, вдовство. В последнем случае овдовевший священник или диакон был обязан принять монашеский постриг, или же – полностью прекратить какие бы то ни было богослужения и исправления треб. В течение года специальной грамотой ему позволялось

Таблица 2

Перемещения среди приходских причетников с 1745 по 1755 гг.

Епархия	Общее число оставивших свои места	Из них по причине							
		смерти	старости	вдовства	перевода в другой приход	возведения в священный сан	отстранения за проступки	отлучки	перевода в подушный оклад
Вологодская (по материалам 95 приходов)	66	28	23	4	3	4	2	2	–
Архангельская (по материалам 72 приходов)	35	21	3	–	3	4	2	–	2
Итого	101	49 48.5%	26 25.7%	4 3.9%	6 5.9%	8 7.9%	4 3.9%	2 2.1%	2 2.1%

Составлено по: ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 1929; ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 3827.

священнодействовать, за это время он обязан был решить судьбу своих детей и близких, распорядиться об имуществе и приготовиться к постригу.

Так же обстояли дела и в младшем клире – среди причетников. В отличие от священнослужителей, у них возникало больше возможностей для смены деятельности (см. табл. 2): возведение в священный сан, переход на канцелярскую работу и др. Однако и здесь львиная доля перемещений была вызвана лишь естественными обстоятельствами – старостью, вдовством, смертью (78%), посвящением в сан (около 8%). И лишь 12% перемещений причетников было вызвано административным регулированием (перевод, отстранение, перевод в подушный оклад). Таким образом, и в младшем клире доминировала обстановка стабильности и долголетнего, пожизненного служения на одном месте.

«Семейственность» и династии в деревенском клире с пониманием воспринимались окружающим крестьянским миром. Помощь сыновей отцу-священнику или отцу-дьячку при богослужении и требах как бы гарантировала точность и полноту передачи знаний и навыков новому поколению. При отсутствии духовных учебных заведений такая преемственность компенсировала недостаток специального образования, а после возникновения семинарий корректировала итоги образования. В крестьянских обычаях вообще было нормой, если дети продолжали дело отцов и по мере взросления включались в различные формы их деятельности. Дети священника продолжали служить при храме, сыновья кузнеца, плотника, рыбака становились кузнецами, плотниками, рыбаками. В этом был определенный порядок, понятный всему деревенскому сообществу, и сближавший жизненный круг крестьянина и сельского священника, паству и пастыря.

Преемственность пастырских обязанностей, многолетнее и многопоколенное служение на одном приходе были сродни самому понятию «пастырства», т.е. своеобразного отцовства, родства прихожан. Эта близость сохраняла обстановку доверия и позволила духовенству (в широком смысле – Церкви), постепенно включать все новые и новые стороны жизни народа в сферу влияния фундаментальных ценностей христианства. Вместе с тем этой близости было уже недостаточно для решения задач, поставленных XVIII в. (проповедничество, катехизация, душепопечительство и т.д.). Требовалось, чтобы сельский священник стал в чем-то выше крестьянской массы, как бы впереди нее. На достижение этих целей было направлено и развертывание системы духовного образования, и жесткая регламентация деятельности духовенства, и более четкое оформление его сословных границ в обществе.

К концу столетия установившаяся традиция сочетания выборности с наследственностью была заметно разрушена. Это произошло после того, как в полную меру развернули свою деятельность Вологодская, Великоустюжская и Архангельская семинарии, учащиеся которых постепенно освобождались от избрания прихожанами. Правящие архиереи имели право довольствоваться лишь аттестацией со стороны семинарского начальства. Вот почему к началу XIX столетия священники очень часто рукополагались и переводились с места на место без какого-либо выбора прихожанами. Волей-неволей и северное приходское духовенство (как и все российское духовенство в целом) приобретало признаки бюрократического сословия. В его рядах возникали ос-

нования для карьеристских устремлений, поисков более престижных и доходных мест и тому подобных ориентиров, приличествующих более чинам гражданским, нежели духовным. В числе деловых качеств пастыря светское законодательство, столь активно и решительно вторгнувшееся в духовную сферу, называло его «ученость». Не ставить «неученых» – первое требование Духовного Регламента. Сначала понятие «учености» не противостояло традиционным представлениям. Любому кандидату в священный сан полагалось устанавливать испытательный срок, в период которого происходило его обучение уставному богослужению, исполнению таинств и исправлению треб.

Нужно отметить, что законодательство в данном случае лишь подтверждало и делало обязательной практику, которая и без того была широко распространена на Севере, особенно после создания там новых церковных центров. Так, например, еще холмогорский архиепископ Афанасий установил следующий порядок обучения будущих пастырей[19]. Кандидат в священники, имевший на руках документ об избрании его прихожанами, по прибытию в архиерейскую резиденцию подвергался особого рода испытанию – «был у слушания» (проверяли знание основ веры, молитв, умение читать и петь, состояние здоровья). Если «слушание» завершалось благополучно, то кандидат исповедовался у крестового иеромонаха. В случае, если открывшиеся на исповеди грехи прощались и кандидат признавался достойным священства, архиерей совершал акт рукоположения. Но этим дело не завершалось – новорукоположенному иерею предстояло пройти «научение». Оно проводилось специально определенным для этого опытным священнослужителем. Чаще всего – при архиерейском доме, иногда позволялось «научаться» у десятского священника, заказчика, протопопа. Лишь после этого начинающий пастырь получал ставленную грамоту.

Но уже с 1720–1730-х гг. в эту систему церковные и светские власти стали вносить большие новации. Духовный Регламент потребовал от каждого кандидата в священники пройти через обучение в архиерейских школах. В каждой епархии предписывалось учреждать школы для детей священно- и церковнослужителей. В 1724 г. такая школа была открыта в Вологде, в 1725 г. – в Великом Устюге. Однако очень скоро они были закрыты под различными предлогами[20].

В 1729 г. епископ Вологодский и Белозерский Афанасий (Кондоиди) положил начало славяно-латинской архиерейской школе, переросшей впоследствии в духовную семинарию. С 1739 г. семинария стала делиться на два отделения – славяно-российское и славяно-латинское. В первом, где обучались читать и писать по-русски, и во втором, состоявшем из классов грамматики и риторики, в общей сложности насчитывалось от 80 до 100 учеников. В 1749 г. из Вологодской семинарии были посланы в Москву для получения высшего образования в Академии 3 воспитанника, которые в 1751 г. окончили курс обучения, что, в свою очередь, позволило открыть в семинарии философский класс[21]. В нем на латинском языке изучались диалектика, физика, психология, метафизика. В 1753 г. в классе обучалось 11 человек[22]. Постепенно семинария разрасталась. Здесь складывалась значительная библиотека, объединявшая как богословскую литературу, так и сочинения Цицерона, Вергилия, Овидия, Цезаря, Тита Ливия, Гомера. Хранились книги исторического содержания, словари, энциклопедии. В 1778 г. был введен высший из всех семинарских классов – богословский. К этому времени наметился переход к преподаванию богословия на русском языке. В 1781 г. число учеников достигло 500[23].

В 1738 г. начала действовать семинария в Великом Устюге. Высших классов в ней не было. К 1760-м гг. там оформилось семь классов – славяноросийский, фарический, инфимический, грамматический, синтактический, пиитический и риторический. Число учащихся в семинарии порой достигало 200. В 1788 г. в связи с ликвидацией Великоустюжской епархии семинария закрылась. Вместо нее осталось училище с таким же кругом предметов[24]. В 1723 г. холмогорский архиепископ Варнава основал училище для образования «духовного юношества», которое первоначально помещалось прямо в архиерейском доме. В нем преподавалась славянская грамматика, церковный устав, пение и чистописание. Обучалось 39 человек. В начале 1730-х гг. архиепископ Герман (который, будучи ректором Московской Духовной академии, принял в ее ряды холмогорца Михаила Ломоносова) переименовал училище в славяно-латинскую школу, с 1739 г. она была преобразована в семинарию. В 1762 г. там обучалось 276 человек[25].

Безусловно, училища и семинарии способствовали подъему уровня общей подготовки местного духовенства. В них давалось систематическое гуманитарное образование. Был избран в принципе правильный путь – до изучения богословия дать будущим служителям Церкви широкую общекультурную и общеобразовательную подготовку. Вместе с тем уже тогда ощущались крупные недостатки в подготовке священников. Ни в народе, ни в среде духовенства не могли представить, для чего будущему православному пастырю нужно много лет учить латынь, когда и греческий, к которому более всего тяготела православная ученость, был роскошью.

Вместе с тем на Русском Севере в течение длительного времени сохранялось так называемое параллельное обучение. Для уже рукоположенных и служащих священников и причетников Устюжской епархии в ее периферийных центрах, например, в Яренске в 1740–1760-е гг. существовал своего рода региональный центр по обучению катехизису при заказном дворе (впоследствии – при Духовном правлении), куда по специальной разнарядке вызывались священно- и церковнослужители для обучения и экзамена, о чем составлялась соответствующая ведомость[26].

В Холмогорской епархии архиепископ Варсонофий, считая усиленное многолетнее занятие латынью пустой тратой времени, охладел к семинарии и предпринял попытку создать в епархии несколько центров обучения кандидатов в священники – в Холмогорах, на Соловках, в Емце, Кевроле, Лампоженской слободке на Мезени, в Пустозерске, Шенкурске и Верховажье. Труд по обучению предполагалось возложить на местных наиболее подготовленных священников. В целом такой проект был в известном смысле приближением обучения к практическим нуждам пастырей, хотя и грозил снижением сравнительно неплохой общегуманитарной подготовки, утвердившейся в семинариях. Свернуть деятельность семинарии Варсонофию не позволили, но определенные шаги по прорыву из царства схоластики к живому православию в процессе подготовки пастырей он сделать попытался[27].

Под нарастающий контроль светской и церковной власти начинали ставиться грамотность и уровень образованности приходского клира. От каждого священника требовалось, чтобы он в домашних условиях обучил своих сыновей в возрасте от 7 до 10 лет «славянороссийской грамоте, Букварю со всеми его поучениями и катехизисной частью, Часослову, Псалтыри и скорописанию». В 1730–1740-е гг., когда северно-русские семинарии еще только разворачивали свою деятельность, синодальные и епархиальные проверки грамотности детей духовенства показывали, что необученных этому объему знаний в возрасте от 7 до 20 лет оказалось: в Великоустюжской епархии – 17.6%, в Вологодской – 9.4, в Архангельской – 0.9%. Этим «необученным», как правило, грозил перевод в податные сословия, а лучшие из «обученных» направлялись на обучение в три местных семинарии (в Вологде, Великом Устюге, Архангельске). Таким образом, еще до поступления на обучение будущие пастыри получали определенную домашнюю подготовку в русле старорусской православной учености, по-прежнему сближавшей пастырей с паствой.

Духовный Регламент определил по отношению к пастырям целый ряд требований морально-этического и делового характера: не быть пьяницей, ленивым, клеветником, сварливым, любодейцем, убийцей, вором и обманщиком. Об этом должно было быть записано в свидетельстве от прихожан, с которым приезжал избранный кандидат на рукоположение. Там же говорилось и о том, что будущий пастырь не должен использовать свое служение в корыстных целях, торговаться с прихожанами по поводу платы за исправление треб, всюду вести себя благочинно: скромно одеваться (но чисто и не по-нищенски), не посещать кабаки, не участвовать в кулачных боях, не ходить простоволосым, предпочитать темную, лучше черную одежду и т.д.[28]

Местные епископы неустанно дополняли и конкретизировали эти требования. Архиепископ Афанасий особо предостерегал духовенство от пьянства и табакокурения: «аще бо язычницы невернии винопийц и табакопийц ненавидят и гнущаются, и вельми наказуют, коль ми паче нам христианам подобает от проклятого пьянства и шкаредомерзкого и злосмрадного табакопийства гнушатися и отберегати»[29]. Любители чрезмерно выпивать высылались в Холмогоры, к архиерейскому дому, где «смирялись внешним наказанием без пощады», а порой ссылались на покаяние в монастыри. В 1748 г. епископ Вологодский Варлаам разослал по епархии циркуляр о сохранении благочиния духовенством. Среди грубых нарушений пастырского облика епископ назвал ношение священнослужителями грубых сермяжных и разодранных одежд. За многие отступления от благочиния было назначено одинаковое «наижесточайшее телесное наказание»[30]. Архиепископ Варнава в своих посланиях требовал от пастырей всегда являть собою «образ чистого жития», а его предшественник по холмогорской кафедре Сильвестр перечислял: дабы «не держали священники по домам своим зазорных лиц и ловами и стрелянием зверей не забавлялись бы», «по кабакам священницы дабы не ходили и не заседали» и т.п.[31]

Конечно, действительный облик сельских пастырей не всегда соответствовал названным идеалам. Архивы консисторий сохранили немало дел, связанных с неблаговидным поведением духовенства. Для исследователя есть соблазн поддаться впечатлениям, возникающим при их чтении, и представить сельское духовенство погрязшим в пьянстве, драках и конфликтах. Это очень опасный и ложный путь, ибо «источники таковы, что исследователь может оказаться в ловушке», поскольку откладывались и хранились именно конфликтные дела и «легко впасть в искушение, объявив их нормой»[32].

Между тем, сам факт постоянного контроля за моральным обликом, бытовым и общественным поведением духовенства в значительной степени свидетельствует о том, что Церковь непрерывно самоочищалась. Пожалуй, ни одно российское сословие так жестоко не контролировалось с этой стороны, как приходское духовенство, ни к одному из них не предъявлялись столь высокие требования. Церковь всегда давала своим служителям надежду на исправление и, наказывая, чаще всего не отвергала и не изгоняла. Порой к этому вынуждали и специфические обстоятельства. Так, например, в 1760-е гг. в Синоде неоднократно рассматривались доношения на неблаговидное поведение священника Кольского собора, заказчика местного духовного правления Иоанна Шабунина (дрался, вымогал деньги за требы, ссорился с комиссаром Кольского острога и т.д.). Однако наказание ограничивалось лишь штрафом. Дело в том, что удалить Шабунина из Колы оказалось делом невозможным. Его приход был удаленным и желающих ехать туда среди священников не находилось, других же священников там не имелось, а его отец, тоже священник, был уже старым и больным. К тому же было у династии Шабуниных весьма ценное деловое качество, которое с лихвой перекрывало недостатки – они хорошо знали «лопарский язык»[33]. А для пастырской деятельности на окраинах Севера это было чрезвычайно необходимо.

Кстати, об этом всегда заботились местные архиереи. Устюжский епископ Гавриил в 1740-е гг. отмечал, что в подведомственном ему Яренском уезде особая обстановка. Здесь можно искать ставленников только из внутренних резервов, так как пастыри должны знать два языка. Этим он оправдывал и продолжение практики рукоположений грамотных крестьян уезда[34].

Усиливался и взаимный контроль пастырей и паствы за поведением и нравственным обликом. И чем больше возникало отличий в образе жизни, образовании и общественно-правовом статусе клира от крестьянства, тем пристальней становился этот контроль. И если щукозерского священника Холмогорской епархии раздражали свадебные обычаи прихожан («шум, свары, смех производят и срамные речи..., в вечерах по темень при дворах у ворот раскладываются огнища необычныя..., что страшно и к тому двору приступиться, а соцкие и десятские и старики детей своих не укликают и им во всем потакают»[35]), то и прихожане готовы были порой указать на поведение, не соответствующее должному облику пастыря. И, тем не менее, возможности сторон в этом взаимоконтроле меняются, поскольку приходской клир напрямую обзывался теперь регулярно и письменно информировать свои епархиальные власти о поведении прихожан. Такой контроль за духовенством признавался правом отцов благочинных.

В консисториях велись специальные ведомости «за различные вины» оштрафованных клириков. В 1798 г., например, таковых по всей Вологодской епархии оказалось 26 человек: 8 священников, 6 дьяконов и 12 дьячков и пономарей. Большая часть из них была наказана направлением на принудительные работы в монастырь «за обращательство по часту в пианстве, будучи во оном соблазнительные поступки и неотправление мирских треб»[36]. При этом не зафиксировано ни одного случая жалоб прихожан. Все провинившиеся были наказаны по донесениям благочинных или явочным челобитиям своих же коллег-клириков. Невзыскательная деревенская паства всегда была готова простить человеческие слабости своему «батюшке», если в своих основных делах он был усерден и незлобив с людьми.

Подведу некоторые итоги. Церковная политика государства в XVIII в. внесла, как известно, немало нового в статус приходского духовенства. В ее реализации на Русском Севере наглядно проявляются две противоречивые тенденции. С одной стороны, светские и епархиальные структуры настойчиво отделяли приходского священника от крестьянской массы, «закрывая» духовное сословие, бюрократизируя его, накладывая на него множество новых обязанностей, обучая его иначе и иному и т.д. Крестьянские же сообщества и само приходское духовенство находили средства «гасить» или ослаблять этот нажим, сохраняя выдвижение крестьянства на священнослужение, обеспечивая многопоколенное служение на одном приходе, придавая домашнему обучению не меньшую значимость, чем семинарскому и т.д. Это противодействие способствовало более гибкой и менее болезненной эволюции духовного сословия в регионе. Приходское сообщество находило при молчаливом согласии пастырей средства для нейтрализации или ослабления нарастающей тенденции к огосударствлению и бюрократизации церковной жизни.

Примечания

[1] *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873; *Папков А.* Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв). М., 1899; *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990; *Камкин А.В.* Православная церковь на Севере России. Вологда, 1992; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). Т. I. СПб., 1999; *Стефанович П.С.*

Приход и приходское духовенство в Русской церкви. XVIII–XIX вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 267–275; и др.

[2] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 18. Пг., 1915. Стб. 1215–1228, 1259–1262, 1375–1378.

[3] *Колесников П.А.* Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1973. С. 157–168.

[4] Там же. С. 169–182.

[5] Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 496, оп. 19, д. 390; Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 4013; Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 29, оп. 29, д. 9.

[6] Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 392, л. 10–12, 14 об. 16–17, 21, 26–26 об., 27 об.

[7] Там же; Описание документов и дел .... Т. 19. СПб., 1913. Стб. 105.

[8] Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 514.

[9] Там же, д. 1104, л. 103–124; Описание документов и дел ... Т. 50. Пг., 1915. Стб. 33–34; *Знаменский П.* Указ. соч. С. 105.

[10] *Знаменский П.* Указ. соч. С. 106.

[11] Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 302, л. 1–41; ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 3827, л. 103 об.–104, 110 об.–111 и др.

[12] ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 754; Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 302; ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 3827.

[13] ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 3827, л. 106 об., 107; ф. 29, оп. 29, д. 9, л. 328.

[14] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3827, л. 27 об.-29; ф. 29, оп. 29, л. 138.

[15] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3827.

[16] Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 302.

[17] ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 1929.

[18] ПСЗ-I. Т. 1. № 412.

[19] *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908. С. 375–377.

[20] *Знаменский П.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 53–188.

[21] Там же. С. 425.

[22] *Смирнов А.В.* Очерк истории просвещения и школы в Вологодской области в XVIII веке // Ученые записки Вологодского пединститута. Т. 25. Вологда, 1959.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Архангельские епархиальные ведомости. 1890. № 13. Часть неофициальная. «Из памятной книги Архангельской духовной семинарии».

[26] ГА АО, ф. 29, оп. 27, д. 6, л. 138–139.

[27] *Знаменский П.* Духовные школы ... С. 177–178; ГА АО, ф. 1025, оп. 5, д. 1272, л. 31–34.

[28] ПСЗ-I. Т. 18. № 13326.

[29] *Верюжский В.* Указ. соч. С. 456.

[30] ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 737, л. 10 об.

[31] Там же, ф. 1025, оп. 5, д. 38, л. 2 об.; оп. 3, д. 32, л. 4 об.

[32] *Зольникова Н.Д.* Указ. соч. С. 7.

[33] Описание документов и дел ... Т. 50. Стб. 227–229.

[34] Описание документов и дел ... Т. 19. Стб. 103.

[35] ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 13460, л. 2.

[36] ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 4646.

© 2009 г. Ю. П. БАРДИЛЕВА *

КАМПАНИЯ ПО ВСКРЫТИЮ СВЯТЫХ МОЩЕЙ И ЗАКРЫТИЕ МОНАСТЫРЕЙ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1918–1929 годах

Советское государство с первых дней своего существования вступило в борьбу против Русской Православной Церкви[1]. Церковь подлежала ликвидации вместе с «отжившим» миром. Уже зимой 1917–1918 гг. были приняты декреты, подрывавшие юридические и экономические основы существования Церкви. Наиболее важным из них был «Декрет о свободе совести», более известный как «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.). Неопределенность его формулировок открывала простор для злоупотреблений и произвола на

* **Бардилева Юлия Петровна,** кандидат исторических наук, доцент Мурманского государственного педагогического университета.

местах. На основании этого декрета с конца 1918 г. развернулась кампания по вскрытию святых мощей и закрытию монастырей. Первые постановления Наркомата юстиции о вскрытии мощей появились лишь в феврале 1919 г., но уже в ноябре–декабре 1918 г. в официальной прессе раздавались призывы П.А. Красикова, А.М. Коллонтай, А.В. Луначарского, И.И. Скворцова-Степанова, Л.Д. Троцкого, Е.М. Ярославского «объявить бой церковникам всех мастей», покончить с православными монастырями, усилить в условиях разгоравшейся Гражданской войны наступление на «религиозное мракобесие» для скорейшей победы «над темнотой масс» и т.д.[2]

Церковью с древнейших времен в равной степени почитались останки святых как в виде костей, так и в виде нетленных мощей. Уча о нетленности мощей, Церковь отнюдь не воспринимала ее как физическое сохранение тела. Тем не менее, часть верующих понимала «нетленность» лишь в буквальном смысле этого слова. Как отмечает протоиерей Георгий Митрофанов, представление о том, что мощи святого должны быть обязательно нетленными, распространилось в России с XVII в. вследствие общей богословской невежественности, укоренившейся в народе на несколько столетий. Вместе с тем и само духовенство явно недостаточно разъясняло пастве, что в этих священных реликвиях нужно чтить прежде всего память о подвижниках православия. Этим попытались воспользоваться организаторы антирелигиозной кампании, рассчитывавшие на то, что осмотр рак выявит тленность останков святых и тем самым «разоблачит перед массами вековой обман церковниками трудового народа»[3]. Другой целью кампании был подрыв материальной базы и влияния монастырей, за счет уменьшения числа паломников к местам разоблаченных святынь. Как правило, говоря о вскрытии большевиками святых мощей, и церковные, и светские историки указывают прежде всего на осквернение рак наиболее почитаемых по всей стране святых – преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского, благоверного князя Александра Невского и др. Гораздо реже рассматривается ход данной кампании на Европейском Севере России, где она фактически началась.

Первым сообщением о вскрытии святых мощей стало известие о том, что 22 октября 1918 г. при приеме на учет богослужебного имущества Александро-Свирского монастыря Олонецкой губ. «в литой раке, весящей более 20 пудов серебра, вместо нетленных мощей Александра Свирского была обнаружена восковая кукла»[4]. Чем была вызвана подобная публикация и насколько она была правдива? С февраля 1918 г. в монастыре появлялись отряды для описи имущества, реквизиции хлеба и взыскания налогов. Со своей стороны, жители близлежащих сел организовали «Союз охраны церквей и часовен при Александро-Свирском монастыре», в который вошло до 1 тыс. человек. Руководителем Союза стал настоятель обители архимандрит Евгений, имевший авторитет не только у братии, но и среди местного населения. Когда в марте 1918 г. в обитель прибыла комиссия для описи имущества, монашествующие и миряне дали ей серьезный отпор. 9 апреля 1918 г. Олонецкий уездный исполком собирался передать собранные им материалы о «Союзе охраны» в следственную комиссию «для привлечения к ответственности лиц, призывающих на защиту религии, под флагом коего готовится выступление контрреволюции». Вскоре монастырь был занят белофиннами, «которые забрали лишь продовольствие, и то в довольно корректной форме и за деньги». Вплоть до осени братия оставалась недосягаема для советских властей. Тем не менее уже в конце сентября 1918 г. были арестованы настоятель, казначей, гостиник монастыря, студент Казанской духовной академии священник А. Перов и житель Свирской слободы В. Стальбовский. В течение месяца их допрашивали, пытаясь узнать, где были спрятаны 2 года назад монастырские ценности. 14 октября 1918 г. Олонецкий губисполком принял решение о «конфискации ценностей в Александро-Свирском монастыре, ненужных для последнего»[5]. Решение было основано на сведениях, поступивших из губчека о том, что в Лодейнопольском уезде Олонецкой губ. на территории монастыря «ведется упорная антисоветская пропаганда и кроме того сокрыто громадное количество серебра и золота»[6]. Таким образом, идеологическая борьба с предрассудками населения являлась лишь продолжением и прикрытием присвоения монастырских ценностей. Вскрытие раки, весом в 20 пудов серебра, становится в связи с этим вполне понятным.

Сообщение о найденной восковой кукле расходилось с материалами губчека. Архимандрит Евгений, расстрелянный через несколько дней после вскрытия мощей (убийство настоятеля и других арестованных вместе с ним в сентябре 1918 г. чекисты объясняли интересами защиты власти рабочих и крестьян от элементов «злого пошиба»), свидетельствовал, что видел в раке скелет[7]. «При открытии мощей из-под покрывала я был удивлен, – вспоминал сменивший его на посту настоятеля о. Антоний, – увидев в гробу не нетленные мощи, ... а самый обыкновенный скелет смертного человека». Аналогичные показания дали присутствовавшие при вскрытии иеромонах Мардарий и член Всероссийского церковного собора Н.Д. Кузнецов. Кузнецов даже направил в Совнарком заявление, в котором описал бесчинства, творившиеся в октябре 1918 г.

при реквизиции монастырского имущества: «Приехавшие обобрали в монастыре все, что можно. Они взяли все ценные вещи, многие очень важные в историческом отношении, содрали ризы с икон, отняли одежду, белье у монашествующих, захватили у них чай, сахар и съестные припасы... В алтаре они разобрали престол, хватали кресты, евангелия, св. сосуды, вышли церковное вино, напились до пьяна». Количество изъятых ценностей (включая богослужебные предметы) было огромно. Монастырь был полностью разграблен: «Обыском было обнаружено замурованного и действительно сокрытого в стене монастыря чистого серебра около 40 пудов в виде старинных монет, церковной утвари, рак и больших листов... 74 вещи, конфискованные при обыске, отосланы в Петрозаводский исторический музей, ... 127 разнородных по качеству и количеству предметов первой необходимости ...переданы в комитет деревенской бедноты Александро-Свирской слободы для распределения между нуждающимися». Все серебряные вещи, не имевшие исторического значения, было решено перелить в слитки и отправить в центр (общий вес слитков составил 9 пудов и 10 фунтов)[8].

Как сообщал патриарху епархиальный архиерей, «люди, назвавшие себя комиссарами... без всякого стеснения с полным надругательством над религиозными чувствами русского народа обращались с находившимися в храме мощами, самовольно вынули их из раки, а затем, вероятно, в оправдание своих возмутительных действий выдумали басню, будто бы вместо останков тела святого Александра Свирского они нашли лежащую восковую куклу». В декабре 1918 г. местные власти попытались объяснить различия в освидетельствовании мощей тем, что монахи подменили хранившуюся в раке восковую куклу каким-то скелетом. Но даже эта «информация» не была опубликована ни в местной, ни в центральной прессе (об отражении мнений монахов и верующих мирян не могло быть и речи). Губернская ЧК не представила мощи в музей, сообщив, что они уничтожены. В течение многих десятилетий мощи прп. Александра Свирского считались безвозвратно утерянными. Их второе обретение произошло в 1998 г., когда благодаря архивным и судебно-медицинским исследованиям было установлено, что полностью сохранившиеся останки неизвестного человека, в 1919 г. поступившие в анатомический музей Военно-медицинской академии в Петрограде, принадлежат основателю Свирской обители. В настоящее время они возвращены в возрожденный в 1990-е гг. монастырь.

Неясной до сих пор остается судьба святых мощей праведного Артемия, хранившихся в Артемиево-Веркольском монастыре Архангельской епархии. По-видимому, вскрытие раки с мощами было проведено дважды: 20 декабря 1918 г., когда на территории монастыря временно разместился Пинежский уездисполком (тогда мощи не были найдены), и либо после вступления в уезд частей Красной армии во второй половине 1919 г., либо после подавления 17–18 ноября 1919 г. антибольшевистского восстания в уезде. На этот раз, «по словам очевидца, оказалось, что вместо мощей хранился кирпич и уголь». Отсутствие точных сведений об обстоятельствах вскрытия мощей праведного Артемия способствовало возникновению легенды об их чудесном спасении[9].

В 1918 г. на территории Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний часто происходили расправы над монашествующими и проводилось систематическое разорение монастырей, не всегда напрямую связанное со вскрытием святых мощей. Специальных декретов или постановлений о ликвидации монастырей советской властью не принималось. Предполагалось, что их закрытие или преобразование в артели, совхозы и другие учреждения и объединения (не говоря уже о реквизициях), могло осуществляться на основании «Декрета о земле», «Декрета о свободе совести» и т.п.[10] Так, в Архангельской губ. в 1917–1918 гг. местными крестьянами и властями были отобраны угодья, мельницы, продовольствие у Михаило-Архангельского и Холмогорского Успенского монастырей. В июне 1920 г. в Холмогорском Успенском женском монастыре был устроен лагерь для военнопленных, и монахиням приказали покинуть обитель и выехать в Красноборск Вологодской губ. или в Парасковинскую пустынь в селы Товры и Ракула. Монахини хотели отстоять хотя бы храм, но им сообщили, что церковь будет закрыта. Тогда игуменья решила обратиться за моральной поддержкой к сельскому населению, прося составить приговор в защиту храма. По распоряжению представителя архангельской ЧК на весь монастырь наложили домашний арест, в ночь на 11 июня его ограду патрулировала Холмогорская вооруженная милиция. Игуменью допрашивали насчет мануфактуры, провианта, валюты, требуя передать имущество под угрозой суда и наказания. Испуганные сестры выдали 500 мешков белой муки, 60 голов сахара, весь запас церковного вина, овощей и соленой рыбы. Вечером 11 июня монахинь выселили, а монастырь оградили колючей проволокой. 70 сестер отправились в пустынь, 30 – были оставлены на работах при лагере. В ночь с 20 на 21 июня прибыло на пароходе 1 100 пленных, которых поселили в монастырских зданиях, над колокольней подняли красный флаг и всюду разместили усиленные патрули[11].

Жители дер. Кривой Пояс Олонецкой губ., проживавшие в 30 верстах от Кожеозерского монастыря Архангельской епархии, с апреля 1917 г. покушались на монастырское хозяйство и земли. В сентябре 1918 г. они получили в г. Пудож разрешение на изъятие монастырской собственности. На сельском сходе, которым руководили комиссар Н. Синицын и Ф. Таразанов, было решено идти громить монастырь. Тех, кто выступил в защиту обители, убили, чтобы они не могли предупредить монашествующих. В результате осуществленного в ночь с 29 на 30 сентября 1918 г. погрома монастыря погибли 7 человек, проживавших в обители, в том числе и ее настоятель иеромонах Арсений. Все монастырское имущество, включая богослужебные предметы и продовольствие, было вывезено[12]. На территории Олонецкой епархии в ночь с 8 на 9 января 1918 г. был разорен Каргопольский Спасо-Преображенский женский монастырь.

В Вологодской губ. в мае 1918 г. Союз духовенства и мирян, вологодский архиерей и соединенное собрание представителей православных приходов Вологды тщетно обращались к председателю Вологодского губисполкома и Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов с просьбой оградить Успенскую Семигороднюю пустынь и Арсениеву на Масляне пустынь при Вологодском Свято-Духовом монастыре от посягательств со стороны местного населения и властей, которые беззастенчиво реквизировали имущество обителей и заселяли их помещения. Вскоре здесь, как и в Семигороднем и Спасо-Суморином монастырях, были образованы сельхозкоммуны и артели[13].

В целом, в 1918 – начале 1919 гг. советская власть стремилась прежде всего к изъятию и национализации имущества обителей, использованию их помещений для размещения советских учреждении, а также к ликвидации монашества как особой социальной группы. Монашествующих либо включали в состав артелей и совхозов на территории монастырей, требуя при этом отказаться от церковной жизни, либо выселяли, либо просто уничтожали как пособников контрреволюционных сил. Церковные власти первоначально одобрили реорганизацию обителей, при условии соответствия уставов новых структур «требованиям монастырской жизни, православной веры и нравственности». Но именно это и не устраивало представителей новой власти. Неслучайно в резолюции «Об отделении церкви от государства» III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, состоявшегося в июне 1920 г., говорилось, что следует признать «недопустимым и противоречащим интересам революции предоставление религиозным коллективам особых прав и привилегий (прав земледельческих коммун, производственных коммун)»[14]. Впрочем, после погромов 1918–1919 гг. документы о закрытии монастырей, составлявшиеся в основном в 1920–1924 гг., по сути, лишь констатировали запустение обителей и превращение храмов, а также жилых и хозяйственных помещений на их территории в объекты государственной собственности.

Этому немало способствовала и кампания по вскрытию мощей, которой руководил VIII отдел Наркомюста, направлявший деятельность «местных расширенных комиссий по отделению церкви от государства». «Идя навстречу почину и настойчивым требованиям трудящихся», 16 февраля 1919 г. коллегия Наркомюста приняла первое постановление об организованном вскрытии мощей, предусматривавшее «порядок их инспекции и конфискации государственными органами». Согласно этому постановлению, само вскрытие, т.е. снятие с мощей церковных облачений и т.п., должны были производить священники при обязательном присутствии представителей местных органов Советской власти, ВЧК и медицинских экспертов. После оформления протокола вскрытия мощей и его подписания священнослужителями и медицинскими экспертами к осмотру мощей следовало привлекать «самые широкие массы». 29 июля 1920 г. Наркомюст рекомендовал «планомерно и последовательно вести полную ликвидацию мощей на местах, избегая вредной нерешительности и половинчатости». «Ликвидацию названного культа мертвых тел» предполагалось осуществить «или путем помещения так называемых "мощей" в музеи в отделы церковной старины, или путем их захоронения». 30 июля СНК принял постановление «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе», в котором провозглашалась пропагандистская цель «мощейной эпопеи»: «Полностью ликвидировать варварский пережиток старины, каким является культ мертвых тел».

Конфискация у Церкви святых мощей грозила парализовать ее богослужебную деятельность. Со времен I Карфагенского собора (около 220 г.) ни один храм не может строиться иначе, как на мощах мучеников. Поэтому патриарх Тихон оценил кампанию по вскрытию мощей как неприкрытое вмешательство государства в дела Церкви. 17 февраля 1919 г. он призвал правящих архиереев устранять поводы к соблазну верующих. Однако попытки епископов освидетельствовать мощи перед их публичным вскрытием нередко заканчивались судебным разбирательством и тюремным заключением архипастырей. В связи с этим патриарх вынужден был обратиться 9 августа 1920 г. к председателю ВЦИК М.И. Калинину. В своем письме он отмечал:

«Мощи, канонизация, восковые свечи – все это предметы культа..., при таких условиях гонения на мощи являются актом, явно незаконным с точки зрения советского законодательства». На письме патриарха осталась короткая резолюция: «Оставить без последствий»[15].

Местные власти с февраля 1919 г. рьяно взялись за вскрытие святых мощей. В 1919 г. «по инициативе трудящихся масс» были вскрыты мощи прп. Никодима Кожеезерского в Прилукской волости Онежского уезда Архангельской губ. Весной того же года шенкурский уездный исполком рассмотрел вопрос о возможности вскрытия мощей прп. Варлаама Важского (с инициативой выступили бойцы I Северо-Двинского партизанского отряда). Судьба этих мощей, почитавшихся верующими Смотроковской волости Шенкурского уезда, загадочна. Приняв решение о необходимости обследования мощей прп. Варлаама Важского, уездный исполком создал для этого специальную комиссию, которая выехала в Смотроковскую волость. В ходе поездки выяснилось, что место, где находились мощи, смыто водой и находится в р. Ваге. Поскольку волость в то время оказалась в непосредственной близости от линии фронта, мощи искать не стали, хотя шенкурские власти пообещали, что, когда «наша политическая и экономическая конъюнктура будет в уезде устойчива, миф о существовании мощей Варлаама Важского будет нами рассеян». Возможно, мощи были сокрыты верующими от надругательства. Интересно, что при ликвидации в том же уезде в 1923 г. Свято-Троицкого женского монастыря монахинь и верующих обвиняли в том, что «во время гражданской войны на Севере, они ухитрились изрыть окопами и блиндажами и укреплениями береговую часть на всем протяжении площади собора, что дало возможность ускорить обвал». Как утверждали обвинители, «тогда они... были способны и храмы превратить в крепость». В 1919–1923 гг. в этом монастыре действовала 1-я Мартовская трудовая сельскохозяйственная коммуна, на территории которой продолжали жить и трудиться монахини, с 1920 г. разделяя помещения обители с отделами здравоохранения и социального обеспечения[16].

В 1919 г. в контролировавшихся большевиками уездах Архангельской губ. кампания по вскрытию мощей приостановилась, не начавшись. Вероятно, на это повлиял получивший широкую огласку инцидент, возникший при попытке властей вскрыть мощи прп. Прокопия Устьянского в Вельском уезде Вологодской губ. В марте 1919 г. уездный исполком решил перевезти мощи преподобного в Вельск для осмотра с целью разоблачения культа. Как докладывал отдел юстиции Вологодского губисполкома ликвидационному отделу Наркомюста, «при исполнении этого постановления населением было оказано сопротивление, выразившееся в избиении коммунистов, в самочинном выпуске арестованных и в разнообразных угрозах волостному исполкому с требованием между прочим отмены чрезвычайного налога». В село Бестужево против бунтовавших пришлось посылать военные отряды, однако мощи решили оставить на месте (одновременно было обещано предоставить в распоряжение религиозных общин все находившиеся у церквей на 1 января 1919 г. наличные деньги). По официальным данным, в восстании участвовало до 1.5 тыс. человек. Никольскую и Бестужевскую волости объявили на осадном положении, власть в них перешла к военно-революционным комитетам, наделенным неограниченными полномочиями. Весь причт церкви был арестован и обвинен в организации восстания, а население обязали уплатить чрезвычайный налог и вернуть отпущенных заключенных в камеры. При этом вологодский губисполком обвинил Вельских «товарищей» в легкомысленности, неумении предвидеть развитие событий и преступной небрежности. Губисполком «глубоко изумило... намерение заняться религиозными делами, да еще в такой опасной форме»: как полагали в Вологде «от того, что "мощи" какого-нибудь Прокопия полежат лишний месяц или два на том же месте, где они благополучно лежали до этого времени, для Советской республики, вероятно, не случится большого вреда». В местной печати 22 марта 1919 г. лишь кратко упоминалось о том, что 7 марта при вскрытии мощей Прокопия Праведного комиссия в присутствии большого количества людей обнаружила на дне гроба высохший скелет, тело мумифицировалось. 28 марта в Известиях вологодского исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов сообщалось о проведенном 25 февраля вскрытии мощей прп. Нила Столбенского в Ниловской пустыни Осташковского уезда. Комиссия заявила о найденной на дне серебряной раки груде костей[17].

Драматические события произошли и в Тотемском уезде Вологодской губ. 17 апреля 1919 г. в переполненном богомольцами Вознесенском храме Спасо-Суморина монастыря комиссия уездного исполкома произвела вскрытие раки прп. Феодосия Суморина. Обнаженные мощи святого после освидетельствования положили под стеклянный колпак и выставили на всеобщее обозрение. 22–28 мая прошло несколько крестьянских собраний в ближайшей к монастырю Пятовской волости. В приговорах крестьянских сходов, направленных местным властям, звучали просьбы, а подчас и требования вернуть мощи в раку, в монастырь. После того, как просьбы не были удовлетворены, население перешло к решительным действиям. Как сообщал патриарху

Тихону 6 июня 1919 г. правящий архиерей Вологодской епархии, «в праздник Вознесения Господня под давлением 5 тыс. богомольцев игумен Тотемского Спасо-Преображенского монастыря Кирилл облачил обнаженные по распоряжению советской власти святые мощи преподобного Феодосия Тотемского, совершил с сими мощами крестный ход вокруг монастырских храмов и отслужил пред ними молебен о ниспослании дождя». После того, как участвовавшие в этом молебне священнослужители (игумен Кирилл, 3 иеромонаха и 2 иеродиакона) и монахи были арестованы, епископ Вологодский и Тотемский Александр (Трапицын) обратился к председателю губисполкома «с просьбой принять срочные и решительные меры к скорейшему освобождению ни в чем неповинных людей, действовавших под давлением народной толпы, недовольной глубоко оскорбительным положением честных останков угодника Божия, усердно чтимого всем местным населением». В результате, почти всех арестованных (37 человек) отпустили. Пострадал только игумен монастыря, приговоренный губревтрибуналом к 5 годам лишения свободы.

Летом 1919 г., вследствие все увеличивавшегося паломничества к мощам св. Феодосия Тотемского, губисполком постановил перевезти их в Вологду. Помещенные в Вологодский музей иконографии и церковной старины, они продолжали привлекать к себе верующих, которые даже пытались ставить свечки у гроба преподобного. В мае 1920 г. собрание городских приходов Вологды направило в губисполком ходатайство о помещении мощей преподобного в один из храмов. В нем указывалось, что в сентябре 1919 г. комиссия путем обмана верующих забрала мощи преподобного из монастыря, пообещав переместить их в один из городских соборов. Между тем помещение «мощей в музее, притом в обнаженном виде, на показ людям маловерующим, или совсем неверующим, допускающим неуместные замечания, не интересуясь тем, как много хорошего и полезного сделал этот человек для людей при своей земной жизни, крайне тяжело отзывается в сердцах православных людей». Заявление подписали около 3 тыс. верующих. Вологодский губисполком пытался возразить епископу и верующим, что выставляет бренные останки обычного человека, разоблачая тем самым обман Церкви. Представители власти исходили из того, что раз они не нетленны, то значит и не святы. Тем не менее в мае 1920 г. мощи св. Феодосия разрешили перенести в один из вологодских храмов[18].

После установления советской власти на всей территории Архангельской губ. в 1920 г. вскрытие мощей продолжилось здесь с еще большим размахом. Вернувшись в Архангельск весной 1920 г., большевики сообщили в Москву, что в губернии нетронутыми оставались мощи: в Архангельском уезде – преподобных Вассиана и Ионы в Пертоминском монастыре, преподобных Иоанна и Лонгина в селе Яреньге; в Холмогорском уезде – прп. Антония Сийского в Антониево-Сийском монастыре; в селе Ущелье Устьвашского уезда – прп. Иова Ущельского; на Соловецких островах – преподобных Зосимы, Савватия, Германа и Елеазара; в Александровском уезде – прп. Трифона Печенгского. В сентябре 1922 г. комиссия, состоявшая из представителей губотдела управления, губрабкрина, губотдела юстиции, губчека, профсовета, губздравотдела, губотдела просвещения и губкома РКП(б) в присутствии священника Александра Нечаева, присланного епископом Антонием, вскрыла раку с мощами преподобных Вассиана и Ионы в Пертоминском монастыре. 11 февраля 1923 г. были вскрыты мощи святых Иоанна и Логина Яренгских. В акте отмечалось наличие в обеих раках почти полностью сохранившихся скелетов.

Весьма непростая ситуация сложилась на территории Соловецкого монастыря. В 1920 г. здесь был создан совхоз, а в мае того же года – первый лагерь принудительных работ. В 1921 г. Управлением Соловецкими островами велась подготовка к вскрытию мощей Зосимы, Савватия, Германа и Елеазара, но затем власти отказались от этой идеи. В 1923 г. возник Соловецкий лагерь особого назначения. В том же году произошел сильный пожар, уничтоживший $^{2}/_{3}$ построек монастыря, что дало повод к закрытию всех церквей на территории обители. Лишь в сентябре 1925 г. специальная комиссия во главе с начальником культурно-воспитательной части Д.Я. Коганом и А.П. Ивановым в целях антирелигиозной пропаганды произвела в СЛОН публичное вскрытие мощей соловецких святых: 21 сентября – преподобных Германа и Елеазара, а 28 сентября – преподобных Савватия и Зосимы. В комиссии по вскрытию участвовали и представители духовенства, в том числе епископы Мануил (Лемешевский) и Ювеналий (Масловский). Мощи были выставлены в историко-археологическом отделе Соловецкого музея. Среди заключенных эта акция вызвала споры о подлинности мощей, поскольку существовала легенда о том, что их успели вывезти с Соловков при закрытии монастыря. В 1925 г. осквернённые мощи соловецких чудотворцев были вывезены в Ленинград[19].

В 1918–1920 гг. были закрыты важнейшие центры монастырской жизни Европейского Севера (Соловецкий, Артемиево-Веркольский, Пертоминский, Палеостровский, Трифоно-Печенгский монастыри и др.), в 1920 г. – несколько женских монастырей Архангельской губ. (Холмогорский, Мезенский, Ущельский, Ямецкая пустынь), в декабре 1921 г. – Сурский Иоанно-Бого-

словский монастырь. В 1920 г. в Антониево-Сийском монастыре монахи организовали Трудовую коммуну, но уже в 1922 г. вместо нее был открыт совхоз, а в одной из церквей обители расположилась детская колония (с 1921 г. детская трудовая колония действовала и на территории Николо-Корельского монастыря). В ноябре 1922 г. здесь решили открыть дом отдыха, что автоматически повлекло за собой в августе 1923 г. закрытие монастыря[20].

После заключения 14 августа 1920 г. Юрьевского (Дерптского) мирного договора между Советской Россией и Финляндией, район Печенги на Кольском полуострове присоединялся к Финляндской республике. Финны прибыли в Печенгу 14 февраля 1921 г. Большевики покинули ее накануне, проведя за несколько месяцев до того опустошительную реквизицию монастырского имущества. Еще 5 декабря 1920 г. в Киркенес прибыла группа печенгских монахов, «бежавшая в Норвегию из-за преследования большевиков». «Монахи, большинство из коих перешло 40-летний возраст, передают, – телеграфировали из Киркенеса, – что большевики мобилизуют все мужское население края, принуждая его записываться в Красную Армию. Отказывающихся расстреливают. Печенгский монастырь сделался местом кровавой драмы»[21]. Позднее, в 1927 г. в периодике начнут появляться статьи о том, что в годы Гражданской войны монахи этой обители содействовали белогвардейцам, белофиннам и англичанам[22].

В сведениях о сектах, молитвенных домах, священнослужителях и бывших монастырях Архангельской губ. за 1929–1930 гг. содержатся подробные сведения о дальнейшей судьбе закрытых ранее обителей. Так, Крестный монастырь на Кий-острове в Белом море и Сийский монастырь использовались как дома отдыха. Пертоминский монастырь в Красногорском сельсовете Приморского района был занят Рыбо-Звериной промысловой коммуной, а Никольский в Рикасихинском сельсовете – сельхозкоммуной. Ущельский монастырь в Лешуконском районе – сельхозтовариществом. В Красногорском монастыре (дер. Горы-Коровины Пинежского района) находилась коммуна им. Розы Люксембург. Семженские кельи в Мезенском районе передали земорганам. В Холмогорском женском монастыре обосновались школа крестьянской молодежи и зоотехническая станция, в Веркольском монастыре (Чекуевский район) – коммуна «Спартак» и инвалидный дом, Сурский монастырь никем не использовался[23].

К маю 1920 г., по данным губернского отдела юстиции, в Вытегорском, Лодейнопольском, Олонецком, Петрозаводском и Пудожском уездах Олонецкой губ. было закрыто 10 церквей и 6 монастырей, у которых национализировано 1 775 десятин 1 106 кв. сажен земли, 40 домов, 14 лавок, а также капиталов на сумму 196 402 руб. 65 коп. (и 15 471 руб. в процентных бумагах). С 1920 г. практически во всех закрытых монастырях губернии (Яшезерском, Клименецком, Муромском) размещались летние лагеря для детей, а в Палеостровском и Задне-Никифоровой пустыни – детские колонии. В феврале 1922 г. по инициативе курсантов Карельской олонецкой совпартшколы К.М. Кузнецова и Артюгина состоялось вскрытие мощей Куржинского чудотворца Зосимы, находившихся в деревне Куржинская пустынь Ладвозерской волости Вытегорского уезда Олонецкой губ.[24].

1 апреля 1924 г. вологодский губисполком принял решение о закрытии Павло-Обнорского, Корнильево-Комельского и Николо-Озерского монастырей на территории Грязовецкого уезда. Часть имущества из Корнильевского монастыря перешла детскому дому «Республиканец» и труппе ОНО, в Павло-Обнорском монастыре была устроена юношеская школа социалистического воспитания, собственность же Николо-Озерского монастыря передали Грязовецкому педтехникуму. В мае 1924 г. в Вологодской губ. был закрыт Спасо-Прилуцкий монастырь, в помещениях которого расположился дом для инвалидов войны и труда. Монашествующим было предложено в течение 2-х недель оставить обитель. 18 октября 1924 г. под формальным предлогом закрылся и Кирилло-Белозерский монастырь (уже в 1918–1923 гг. в бывшей резиденции епископа на его территории действовал детский дом и часть монашеских келий передали под квартиры преподавателей, здесь же работала сапожная мастерская). Новозерский монастырь Вологодской губ. к началу 1930-х гг. частично использовался как овощехранилище[25].

Вскрытия мощей и закрытие монастырей на Европейском Севере России продолжалось до конца 1920-х гг. 1 ноября 1928 г. вскрыли мощи прп. Александра Ошевенского. Однако его останков обнаружено не было. В акте освидетельствования было указано, что на дне гробницы лежал двухаршинный кол. Монастырь в том же году ликвидировали, а одну из его церквей приспособили под клуб школы крестьянской молодежи. Последним эпизодом в этой затянувшейся кампании стало вскрытие мощей прп. Елисея Сумского в Никольском храме Сумпосада в июле 1929 г.[26] Упраздняя в 1930 г. Муромский монастырь Пудожского района КАССР, представители власти заявили, что он прекратил свое существование с момента революции, а часть его имущества ликвидирована еще в 1925 г.[27]

Несмотря на размах антирелигиозной кампании, ее организаторы явно не были удовлетворены ее результатами. 1 апреля 1921 г. VIII отдел Наркомюста разослал «всем губисполкомам и губкомпартам» секретный циркуляр, в котором фактически признавал крупные просчеты при проведении кампании. Как отмечалось в нем, «местные партийные и советские органы недостаточно вдумчиво относились к учету местных конкретных условий... и обращали слишком слабое внимание (а кое-где вовсе не обращали) на то, чтобы предпослать операции широкую агитацию и пропаганду так, чтобы смысл советского мероприятия был понятен широким трудовым массам». Верующие не отказались от почитания останков святых[28]. Вместе с тем данные «мероприятия» еще раз наглядно продемонстрировали отсутствие подлинной свободы совести в советском государстве.

Примечания

[1] Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. М., 1995. С. 113–115.

[2] *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 173.

[3] Там же. С. 170–171; *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб., 2002. С. 183.

[4] *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. С.171.

[5] *Басова Н.А.* Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах. Дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 79–80.

[6] Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 28, оп. 1, д. 2/11, л. 38.

[7] *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. С. 171.

[8] НА РК, ф. 28, оп. 1, д. 2/11, л. 38 об.–46.

[9] НА РК, ф. 2, оп. 1, д. 3/32, л. 217–223; *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. С. 171; *Басова Н.А.* Указ. соч. С. 86; *Бронский М.В.* Мученики и исповедники Артемиево-Веркольского монастыря // Новомученики и исповедники земли Архангельской. VII Иоанновские образовательные чтения. Сб. докл. Архангельск, 2006. С. 110; *Михайлов С.В.* Государство и Церковь: отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918–1929 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1998. С. 92–93.

[10] Архив УФСБ по Архангельской области, фонд прекращенных уголовных дел, П–20535, л. 1–13; *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. С. 205.

[11] Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 487, оп. 1, д. 61, л. 39–40 об.; ф. р–5300, оп. 1, д. 24, л. 97 об –98; *Фофанова В.В.* Гонения на православную церковь в 1918–1919 гг. на Русском Севере // Новомученики и исповедники земли Архангельской ... С. 31–32.

[12] *Санакина Т.А.* Погром в Кожеозерском монастыре в 1918 году // Новомученики и исповедники земли Архангельской ... С. 95–104.

[13] Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 585, оп. 2, д. 113, л. 14–16; ф. 585, оп. 3, д. 17 б, т. 3, л. 255–262; *Басова Н.А.* Указ. соч. С. 77–78, 90.

[14] Революция и Церковь. 1920. № 6–8. С. 117.

[15] Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 158, 165, 167–168; *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. С. 176–178, 182–184, 207; *Цыпин В., прот.* Русская Церковь (1917–1925). М., 1996. С. 142.

[16] ГА АО, ф. р-383, оп. 1, д. 284, л. 2; *Михайлов С.В.* Указ. соч. С. 93; *Пащенко Е.В.* Женские монастыри Архангельской области (XVII–XX вв.). Архангельск, 1999. С. 28–29.

[17] ГА АО, ф. р-2620, оп. 1, д. 73, л. 35–36; *Михайлов С.В.* Указ. соч. С. 93–94; *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. С. 188; Известия Вологодского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 22 марта. С. 2; 28 марта. С. 3.

[18] ГА ВО, ф. 585, оп. 3, д. 30 а, л. 238–255; д. 47, л. 62–62 об., 66–68, 75, 88–89; *Мясникова Л.Н.* Протест против поругания православной святыни – мощей препод. Феодосия, Тотемского чудотворца // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 413–416; *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. С. 188.

[19] ГА АО, ф. 5, оп. 1, д. 199, л. 2–3; *Михайлов С.В.* Указ. соч. С. 95, 96, 102, 105; *Резникова И.* Православие на Соловках. СПб., 1994. С. 21; *Иванов А.* Соловецкие мощи // Карело-Мурманский край. 1927. № 4. С. 7–9.

[20] Известия Архангельского губисполкома. 1921. 10 февраля. С. 3; *Михайлов С.В.* Указ. соч. С. 108–110; *Пащенко Е.В.* Указ. соч. С. 99, 127, 134.

[21] *Валентинов А.* Черная книга. «Штурм небес» // Волга. 1991. № 5. С. 117.

[22] Государственный архив Мурманской области (далее – ГА МО), ф. 75, оп. 1, д. 10, л. 30–30 об, 39, 42, 43; *Мацак В.* Печенга-Петсамо-Печенга // Печенга. 1996. 2 марта. С. 2; *Валентинов А.* Указ. соч. С. 117; *Иванов А.* Тюрьмы Антанты на Севере (воспоминания заложников) // Карело-Мурманский край. 1927. № 2. С. 14–15.

[23] ГА АО, ф. р-565, оп. 1, д. 58, л. 60–60 об.

[24] НА РК, ф. 28, оп. 1, д. 47/439, л. 1.

[25] ГА ВО, ф. 53, оп. 2, д. 113, л. 13; д. 345, л. 23, 31, 49; ф. 1719, оп. 3, д. 11, л. 18. *Смирнов И.А.* Кирилло-Белозерский монастырь в 1764–1924 гг. (краткий очерк развития хозяйства) // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 71–74.

[26] Красный Север. 1928. 20 ноября. С. 6.

[27] НА РК, ф. 689, оп. 15, д. 2/5, л. 135 об.; *Басова Н.А.* Указ. соч. С. 101, 103.

[28] *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. С. 219–220.

© 2009 г. В. В. ЕФИМОВА *

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНИЯ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА А.Ф. КЛОКАЧЕВА

Несмотря на то, что в современной историографии есть целый ряд серьезных работ, посвященных институту генерал-губернаторства в Российской империи[1], среди них, к сожалению, сравнительно немного исследований, в которых бы было показано, какие направления становились приоритетными в деятельности генерал-губернаторов и почему это происходило, какую роль генерал-губернаторы играли в формировании и осуществлении правительственной политики в отношении различных регионов и слоев населения, и, наконец, каковы были результаты их действий. Между тем, только осветив эти вопросы, можно установить, насколько необходимым и эффективным был данный институт в имперской вертикали власти. В свою очередь это требует комплексного исследования деятельности генерал-губернаторов и их управления как всем вверенным им краем, так и отдельными губерниями. В полной мере это относится и к положению на Европейском Севере, где в 1784–1796 гг. существовало Архангельское и Олонецкое наместничество, а в 1820–1830 гг. – Архангельское, Вологодское и Олонецкое генерал-губернаторство.

Назначение в 1820 г. А.Ф. Клокачева Архангельским, Вологодским и Олонецким генерал-губернатором[2] было связано с реанимацией во второй половине царствования Александра I идеи Екатерины II о повсеместном учреждении наместничеств, состоящих из 2–5 губерний и находящихся под надзором и управлением генерал-губернаторов, подчиненных непосредственно императору. По замыслу Александра I и гр. В.П. Кочубея, в 1819 г. вторично занявшего пост министра внутренних дел, это должно было восстановить в губерниях «единство начальства», нарушенное после создания министерств (одним из инициаторов которого был тот же Кочубей)[3]. Уже в 1816 г. появился проект, предусматривавший деление государства на 12 округов (5-й округ как раз включал в себя Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии)[4]. Кроме того, с создания генерал-губернаторств, которые стали бы одним из противовесов всесилию министров, царь думал начать переустройство России на конституционных началах[5]. В конце 1819 г. Александр I недвусмысленно говорил об этом рязанскому генерал-губернатору А.Д. Балашову[6]. Однако только практика могла указать способ сосуществования министерств и «островной» или «федеративной» системы управления (как называл генерал-губернаторскую власть ее убежденный противник министр финансов Е.Ф. Канкрин)[7].

Деятельность Архангельского, Вологодского и Олонецкого генерал-губернатора Клокачева и, в частности, управление им Олонецкой губ., достаточно полно отражена в 4-х журналах исходящих бумаг генерал-губернаторской канцелярии[8]. В них ежедневно под соответствующими порядковыми номерами вносились рапорты и представления генерал-губернатора императору, высшим и центральным органам управления, а также предложения, распоряжения и приказы, отданные им в течение года различным

* **Ефимова Виктория Викторовна,** кандидат юридических наук, доцент Петрозаводского государственного университета.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 04-03-49302 а/С).

учреждениям в подведомственных губерниях[9]. Согласно журналу, 26 марта 1820 г. все подлежащие присутственные места и должностные лица были оповещены о поступившем 17 марта 1820 г. на имя военного губернатора Архангельской губ. вице-адмирала и командира архангельского порта Клокачева высочайшего рескрипта «о всемилостивейшем поручении» в его управление «губерний Архангельской, Вологодской и Олонецкой»[10]. 2 января 1823 г. по этим же инстанциям сообщалось о внезапной смерти находившегося в Вологде генерал-губернатора[11].

В 1820 г. из 1 676 номеров исходящих бумаг к Олонецкой губ. непосредственно относилось 507 или чуть более 30%. Затем число их значительно уменьшилось: в 1821 г. – 403 из 2 266 (около 18%), в 1822 г. – 372 из 2 197 (почти 17%)[12]. Олонецкая губ. явно не вызывала у генерал-губернатора особого интереса (внимание, уделенное губернии в 1820 г., объяснялось тем, что Клокачев по приезде в край провел на правах сенатора ревизию всех ее уездных и губернских присутственных мест и принял самое большое количество прошений).

Согласно п. 9 инструкции сенатор должен был узнавать, «нет ли местному населению от местных властей притеснений»[13]; и за 3 года общее число поданых Клокачеву жалоб и прошений составило 412 (32.2% всех исходящих номеров)[14]. От лица губернатора просителям было отвечено 53 раза (из них 41 раз – в 1820 г.). Самое большое количество прошений поступило генерал-губернатору от крестьян (188 или 45.6% от общего числа жалоб и прошений за 3 года[15]). Абсолютное большинство просителей – казенные крестьяне (в том числе и приписные Олонецких горных заводов)[16], составлявшие по данным проведенной в 1815 г. 7-й ревизии не менее 65.9% от общей численности населения губернии и почти 94% ее крестьян[17]. Чаще всего крестьяне жаловались на злоупотребления во время проведения рекрутских наборов (18.7% от общего числа крестьянских жалоб[18]), на недостаток земли и захват ее посторонними лицами (8.3%)[19]. Жалобы мещан составили за 3 года 16.7% от общего числа прошений[20]. Как правило, они жаловались на администрацию или просили содействовать взысканию денег. Чиновники (15.5% прошений и жалоб[21]) в основном просили о немедленном рассмотрении дел, заведенных на них по «преступлениям должности», о назначении на вакантное место или увольнении. Прошения купцов (6.8%)[22] наполовину состояли из просьб городских голов об отпуске для ведения собственных дел. Просьбы и жалобы помещиков насчитывали 3.9%, церковнослужителей – 3, солдатских жен – 2.7, мастеровых – 1.2, раскольников – 0.5% (прочие – 4.1%)[23].

В большинстве случаев, основываясь на ст. 81–86 «Учреждения о губерниях», генерал-губернатор передавал прошения подлежащим инстанциям с формулировкой «разобрать», «дать удовлетворение», «рассмотреть по законам», но при этом всегда предписывал уведомить его о последовавшем решении. Реже, на основании п. 9 и 10 сенаторской инструкции 1819 г., он требовал предоставить ему сведения. Учитывалась при этом и личность просителя. Так, в 1820 г. Клокачев предложил правлению Олонецких заводов не принимать больше от крестьянина Петрозаводского уезда А. Попова никаких жалоб и «во свидетельство по делам не допускать», объявив ему, «чтоб удержался впредь подавать неправильные жалобы», т.к. «он, неоднократно будучи под судом, наконец, лишен доброго имени»[24].

За время генерал-губернаторства Клокачева им было отдано 1161 распоряжение олонецким присутственным местам и должностным лицам. Так, Олонецкому губернскому правлению было сделано 554 предложения (в т. ч. 177 по поступившим прошениям). Клокачев явно поддерживал укрепление коллегиального начала в местном управлении, прослеживавшееся в законодательстве первых десятилетий XIX в. Так, например, 25 августа 1820 г. в отношении министра внутренних дел он высказался против назначения при вологодском губернаторе чиновников для особых поручений, указывая, что тогда нужно назначать подобных чиновников и в других губерниях края. Между тем он не видел в этом необходимости, поскольку «губернатор управляет по силе указа 16 августа 1802 г. не один, а посредством губернского правления». Но так как советники правления часто отсутствовали, проводя «исследования», генерал-губерна-

тор считал полезным дополнительно назначить в каждое губернское правление края по 2 члена, которых можно будет «командировать для следствия особой важности, для взыскания податей и обозрения дел в присутственных местах и по другим надобностям». «Чиновники эти, – полагал Клокачев, – будут полезнее, заседая в губернском правлении и зная о делах по губернии более, чем эти особые чиновники при губернаторе, которые будут зависеть от губернатора». Последние же, напротив, «не всегда и истинную пользу приносить могут»[25]. Из журналов исходящих бумаг видно, что свои мнения и заключения «об устройстве губернии» генерал-губернатор сперва письменно или устно излагал Олонецкому губернскому правлению и только потом отправлял в Петербург[26]. Именно правление, а не губернатора, следуя букве закона и собственным убеждениям, Клокачев считал «высшим местом» в губернском аппарате управления.

К олонецким губернаторам он обращался с предложениями 180 раз (к В.Ф. Мертенсу – 80 раз за 19 месяцев, а к сменившему его в сентябре 1821 г. А.И. Рыхлевскому – 101 раз за 15 месяцев совместной службы). Возможно, Клокачеву казалось, что Мертенс, управлявший губернией с 1804 г., «засиделся» на своем посту[27]. Напротив, на нового и более молодого губернатора Рыхлевского генерал-губернатор явно возлагал большие надежды. Распоряжения, направленные генерал-губернатором в уездные и городские присутственные места (за 3 года их было 128), касались в основном обеспечения быстрого проезда должностных лиц, а также рассмотрения на местах жалоб от населения, не требующих разрешения в губернских учреждениях. Все же свои заключения о состоянии дел в уездах, возникавшие, как правило, после их личного обозрения, Клокачев посылал прямо в Олонецкое губернское правление, которому они подчинялись.

Олонецкой казенной палате, в ведении которой находились государственные крестьяне, генерал-губернатор направил 106 предложений (49 из них – по прошениям и жалобам разных лиц – преимущественно крестьян). Ее ключевые функции – сбор податей и набор рекрутов – «Учреждение о губерниях» (ст. 88) поставило под непосредственный надзор наместника. Кроме того, у Клокачева не раз возникало недовольство деятельностью палаты по вопросам, связанным с применением «Устава о питейном сборе» 1817 г. и наделения казенных крестьян «15-десятинной препорцией земли», а также из-за накопления массы нерешенных дел[28] и упорного неисполнения некоторых предложений генерал-губернатора. Олонецкой уголовной палате со стороны генерал-губернатора было сделано всего 46 предложений. 17 марта 1820 г. генерал-губернатор «по многосложности обязанностей», на него возложенных, был освобожден императорским рескриптом от обязанности утверждать приговоры по уголовным делам в подведомственных ему губерниях (теперь это поручалось гражданским губернаторам). Однако генерал-губернатор мог потребовать к себе те из них, которые «обратят на себя внимание или по жалобе»[29]. И действительно, 21 из 46-ти его предложений было сделано в результате поступивших жалоб. Сравнительно невелика была и переписка с правлением Олонецких горных заводов, поскольку его директор и чиновники, а также рабочие и приписанные к заводам крестьяне согласно Горному положению 1806 г. были изъяты из-под непосредственного надзора генерал-губернатора и подчинялись распоряжениям Департамента горных и соляных дел Министерства финансов.

В столицу (императору, Сенату, министрам и другим высшим должностным лицам) Клокачевым было отправлено в 1820–1822 гг. 115 рапортов, донесений и представлений. Это составляло около 9% от общего числа исходящих номеров, тогда как на предложения и приказы местным учреждениям края приходилось 90.6%. Чаще всего (49 раз) архангельский генерал-губернатор обращался к министру внутренних дел, с которым согласовывались вопросы назначения, награждения, увольнения или предания суду чиновников. По 17 представлений было направлено Сенату и министру финансов: в Сенат обычно рапортовалось о получении указов или о результатах их исполнения, а с министром финансов велась переписка о взыскании недоимок, распределении земских повинностей по губернии, наделении казенных крестьян землей и состоянии казенных лесов.

Если судить исключительно по журналам исходящих бумаг, Клокачев подал императору по делам Олонецкой губ. всего 2 рапорта: «отчет по обозрению Олонецкой губернии за 1820 г.» и записку «о положении крестьян, приписанных к Олонецким горным заводам»[30]. Между тем в качестве генерал-губернатора Клокачев представил Александру I не менее 47 рапортов и записок, 7 из которых имели к Олонецкой губ. непосредственное отношение («о возобновлении выборов дворян в Олонецкой губернии», «о сложении с частных лесопильных заводов в Олонецкой губернии находящихся наложенной добавочной подати за прошедшие 10 лет, а заготовленные леса по 1 марта 1821 г. дозволить распилить с платежом прежних денег», «об отделении г. Петрозаводску лесной дачи» и др.). 21 записка освещала вопросы, касавшиеся всего края, остальные были посвящены делам Архангельской и Вологодской губерний. Все они, за исключением одной, датированы 30–31 июля или 1 сентябрем 1821 г.[31] В это время Клокачев находился в Петербурге, где, вероятно, и завершал работу над своими всеподданнейшими докладами (это и объясняет их отсутствие в журнале исходящих бумаг).

В своих записках, предназначенных для Александра I, Клокачев неоднократно рассуждал «относительно подчинения генерал-губернатору всех особых частей, зависящих от министерств». Так, в датированном 30 июля 1821 г. докладе «относительно определения, увольнения, отрешения и наград чиновников в губерниях по Министерствам служащих» Клокачев сетовал на то, что «по заведению министерств» генерал-губернатор и губернатор «не испрашиваются ни о личных качествах чиновников, ни о службе ими продолжаемой», ни при назначениях, ни при предоставлении наград и отлучек. Более того, «следствия учреждаются без участия губернского начальства, ежели не с пристрастием, то с погрешностями», чем «ослабевается уважение к присутственным местам и чинам по Учреждению о губерниях установленным для отправления правосудия». «Нередко, – утверждал архангельский генерал-губернатор, – по оным следствиям чиновники, над коими производится следствие, лишаются мест своих и даже предаются суду Уголовной палаты, о чем не уведомляется губернское начальство». А поскольку по закону суд не может производить нового следствия, «то чиновнику нет возможности оправдаться, если следствие было пристрастным». Это было «оскорбительно и для самого начальника губернии», подрывало его авторитет и вело к тому, что чиновники «ищут теперь покровительства себе в департаментах министерства»[32].

В записке «относительно должности генерал-губернатора» Клокачев категорически высказывался против сложившегося на местах положения, при котором «разные части» «не токмо не зависят уже от губернского правления в своих действиях, но, управляясь непосредственно департаментами министерств, составляют в губерниях особое владычество». В результате, ни губернатор, ни даже генерал-губернатор не имеет в отношении их «ни права, ни власти, которые по начертанию Учреждения о губерниях ему были предоставлены и без которых не может он пресекать злоупотреблений, защищать невинно угнетаемого и предохранять казну от вреда по всем таковым вновь образованным частям от министерств зависящим». В качестве примера генерал-губернатор приводил правление Олонецких горных заводов с приписными казенными крестьянами. «Все сии места, – отмечал он, – и управляющие ими лица имеют в ведении своем казенный интерес и распоряжаются оным сами собой. Губернскому начальству не предоставлено над ними надзора и наблюдения». Весьма показательно, по мнению Клокачева, было и возникшее в Олонецкой губ. «дело винопродавца Баюшева», который, как считала уездная полиция, находился в сговоре с работником, обокравшим «на немаловажную сумму» купеческую лавку. Тем не менее уездное правление питейного сбора «вступилось за винопродавца» и, сославшись на Питейный устав, «воспрепятствовало аресту и не выдавало его к суду, переместив за 100 верст в другой питейный дом»[33].

Со своей стороны, Клокачев доказывал, что «генерал-губернатору не присвоится от того излишней власти, когда подчинятся под его надзор все без изъятия места в гу-

берниях высочайше ему вверенных состоящие». Между тем «они во всех отношениях находились бы под наблюдением и надзором его яко главного в губернии контроля». «Генерал-губернатор, – писал он, – должен иметь право ревизии всех мест для прекращения и упреждения всяких беспорядков и злоупотреблений и предпринимать меры к устранению их, и все места должны исполнять его распоряжения, о чем тут же доносить Вашему императорскому величеству и извещать по принадлежности министерство. Но, впрочем, нет ни малейшего сомнения, что генерал-губернатор ничего в противность законов и пользы государственной не предпримет и сделать не может, следственно от того, что надзор за всеми местами и лицами в губернии ему предоставится, исполнение обязанностей на его возлагаемых и попечение о благосостоянии жителей и прочего будут действительны»[34].

Клокачев настойчиво добивался расширения своих полномочий, рассчитывая, по-видимому, на поддержку как других генерал-губернаторов, так и самого монарха[35]. Основанием для подобных надежд могло служить и то, что в 1820 г. царь вновь повелел всем военным губернаторам «относиться прямо к нему» по всем предметам, касающимся их губерний, а также присутствовать по делам своих губерний в Сенате[36].

В расширении полномочий генерал-губернаторов Клокачев видел один из основных способов повышения эффективности их деятельности в губерниях вверенного им края. Понимание насущных проблем Олонецкой губ. складывалось у Клокачева во время личного осмотра губернии, в ходе ревизии делопроизводства губернских и уездных учреждений, при рассмотрении поступавших прошений и жалоб. В представленных императору 15 и 16 июля 1820 г. рапортах он особо указывал на накопление недоимок, недостаток земли у казенных крестьян, отклонение от законного порядка проведения рекрутских наборов, неудовлетворительное положение крестьян, приписанных к Олонецким горным заводам, плохое состояние дорог, почтовых и обывательских станций, малочисленность канцелярских служителей и медленное ведение дел, скапливавшихся постоянно в присутственных местах[37].

Несмотря на то, что в журнале исходящих бумаг отмечено не более 19 предписаний, связанных с взысканием недоимок (1.5% от общего числа распоряжений по Олонецкой губ.), летом 1820 г. именно этот вопрос был выдвинут Клокачевым на первый план: «Не токмо городские и земские полиции не могли представить мне уважительных причин, по коим допущена такое множество в губернии недоимок в разных сборах и даже в государственных податях, но и само губернское правление на вопрос мой о доимках не доставило сведения, что послужило причиною накопления доимок и непоступлению в сроки податей, кои должны не только с крестьян, но и купцов в капитальном сборе», – сообщал Клокачев Олонецкому губернскому правлению и Олонецкой казенной палате 19 июня 1820 г. При этом генерал-губернатор, проезжая по губернии, «нигде не заметил, чтоб жители терпели нужду в пропитании или недостаток в способах к оплате бездоимочно податей». Из этого он делал вывод о том, что недоимки «существуют от послабления мест и лиц, на коих обязанность пещись и стараться о бездоимочном сборе податей». Губернскому правлению и казенной палате предлагалось «привести в силу действие законов на неотложное взыскание доимок и на поступление в сроки податей», назначив ответственных за их сбор лиц. О ходе дела следовало каждый месяц доносить генерал-губернатору[38].

7 декабря 1820 г., при повторном посещении Олонецкой губ., он вновь жестко потребовал от губернского правления «учинить строгие предписания о взыскании недоимок, и если к 1821 г. мещане не выплатят их, наложить на думы и магистраты взыскание и покуда не очистят, не давать им паспортов на отлучку, а у городских и земских полиций членов остановить выдачу жалованья»[39].

Весной 1821 г. министр финансов, отмечая «успех во взыскании казне принадлежащего» по всем вверенным Клокачеву губерниям, все же напоминал, что на начало 1821 г. количество недоимок по Олонецкой губ. составило 139 371 руб. 9 июля 1821 г. генерал-губернатор отвечал министру, что в течение года прежней недоимки взыскано более 150 тыс. руб. (этому способствовали, по его мнению, распоряжения об удалении от

должностей некоторых земских исправников и строгие предписания магистратам), и хотя за Олонецкой губ. продолжало числиться еще почти столько же, из этой суммы следовало выплатить только около 47 тыс. Остальная же задолженность подлежала либо сложению, либо исключению из счетов, либо же числилась за лицами, находящимися в других губерниях, а потому местное начальство ответственности за нее не несло. При этом генерал-губернатор просил о сложении некоторых недоимок на сумму до 51 тыс. руб.[40]

Взыскание недоимок требовало постоянного надзора и понукания со стороны генерал-губернатора. К 1 апреля 1821 г. по Олонецкой губ. вновь числилась недоимка в 357 409 руб. Вследствие этого Клокачев потребовал предоставить ему к 1 сентября сведения по каждому уезду с объяснением причин безуспешности взысканий и указанием, «кто какое усердие прилагал». Как после этого земская и городская полиция взыскивала недоимки с населения, можно только догадываться, но по данным Министерства финансов, к 16 сентября 1821 г. недоимка, числившаяся за Олонецкой губ., сократилась до 173 тыс. руб. 7 декабря 1822 г. генерал-губернатор сообщал министру финансов, что с его стороны «употребляется неослабное попечение» вплоть до принятия самых жестких мер за невзыскание недоимок (в частности, были отданы под суд члены земских судов 5-ти уездов). Однако на этот раз генерал-губернатор обращал внимание министра и на ряд объективных причин, вызвавших накопление недоимок: задолженность прежнего времени, сокращение торговых операций, снижение цен на экспортируемые Россией товары, распространение питейной торговли, усугублявшей бедность поселян. Губернское начальство, по словам Клокачева, и впредь останется при взыскании государственных податей «в непрерывном затруднении, покуда... казенные палаты и паче вице-губернаторы не постановлены будут в обязанности прямо песщичь о благосостоянии казенных поселян, а не распространении питий»[41]. Впоследствии недоимки действительно продолжали накапливаться (к концу 1827 г. в Олонецкой губ. они достигали почти 250 тыс. руб.)[42]. Причина этого явно состояла не столько в неудовлетворительных действиях местных чиновников, сколько в бедности городского и сельского населения губернии.

Отчасти это было связано с недостаточным обеспечением государственных крестьян землей. Как указывал 15 мая 1820 г. Клокачев, Олонецкая казенная палата фактически не исполняла правительственные распоряжения последней четверти XVIII – начала XIX в., запрещавшие государственным крестьянам продавать и закладывать казенные земли и требовавшие отдавать во владение крестьянам казенные оброчные статьи, «когда они не имеют полной положенной им препорции земли» (на каждую ревизскую душу должно было приходиться не менее 15 десятин). Не соблюдались и положения именного указа Т.И. Тутолмину 16 мая 1785 г., в соответствии с которым казенным поселянам, переписавшимся в купечество и мещанство городов Олонецкого наместничества, дозволялось в течении 2-х лет продать принадлежавшие им земли[43]. Все это порождало бесконечные тяжбы казенных крестьян как между собой, так и с представителями других сословий.

15 июня 1820 г. Клокачев доложил императору о предложениях, сделанных им казенной палате. Ей следовало наделить крестьян «положенной препорцией» земли, раздать казенные оброчные статьи во владение казенных крестьян, не имеющих положенных им по закону наделов, опубликовать «к пресечению тяжб между казенными крестьянами» закон, запрещавший им продавать и закладывать землю, а также установить, какие земли были распроданы по указу 1785 г. и «сим ограничить, чтобы не могли поступать больше в продажу». 7 июня 1821 г. Комитет министров поддержал распоряжения генерал-губернатора и предписал министру финансов обратить на данный вопрос особое внимание. Проблема заключалась в том, откуда взять земли для обеспечения крестьян. 13 мая и 3 сентября 1821 г. генерал-губернатор предлагал министру финансов или выделить казенным крестьянам Олонецкой губ. положенные им наделы, или предоставить им право, подобно крестьянам Кемского уезда Архангельской губ., расчищать в своих дачах земли из-под лесов под сенокосы и пашню, с правом пользоваться расчи-

щенным участком в течении 40 лет (кемские крестьяне получили такую возможность на основании указа 15 декабря 1820 г.). Комитет министров, в конце 1821 г. положительно решив вопрос о наделении олонецких крестьян «15-десятинной препорцией земли», в то же время согласился с мнением министра финансов о невозможности разрешить расчистки. Император, утвердив положения Комитета, поставил решение вопроса о расчистках в зависимость от мнения Клокачева (3 марта 1822 г. генерал-губернатор вновь ходатайствовал об их дозволении)[44].

Порядок наделения землей олонецких казенных крестьян был окончательно установлен 28 февраля 1822 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета. Им выделялось по 15 десятин земли на душу, если же их надел оказывался меньшим, то его следовало восполнить сначала из оброчных статей, а затем «из лесов неважных, годных однако для строения крестьянского». 4 ноября Комитет министров, разрешив крестьянам расчистки в лесах, предписал делать это «с осмотрительностью и не трогая важных лесов» (наблюдать за этим было поручено форшмейстерам «на тех же правилах, что по Архангельской и Вологодской губерниям в Высочайших указах 15 декабря 1820 и 26 октября 1821 г.»)[45].

Еще более сложным было положение крестьян, приписанных к Олонецким заводам. 16 июля 1820 г. генерал-губернатор представил императору особый доклад «о положении приписных поселян», в котором на основании многочисленных жалоб и сведений, полученных от заводской администрации, признавал, что «истинного хозяйственного о сих крестьянах попечения правление заводов не имеет». Между тем их насчитывалось «слишком 20 тысяч душ»[46]. Сверх податей и повинностей (в т. ч. и рекрутской), которые приписные крестьяне платили и несли наравне с прочими казенными крестьянами, они обязаны были от 18 до 60 лет ежегодно доставлять заводу руду, дрова и уголь. За каждый такой «урок» по установившемуся еще в 1779 г. порядку они получали от заводского правления не более 1 руб. 70 коп., тогда как его реальная стоимость колебалась от 16 до 20 руб. Как отмечал Клокачев, это было «конечно известно и заводскому правлению, ибо оно приобретая сверх того руду, дрова и уголь чрез вольный найм, платит за такие же уроки подобную плату, а не 1 руб. 70 коп.». Тем не менее правление требовало эти «уроки» даже с увечных[47].

В своем докладе Клокачев обращал особое внимание на дело 600 крестьян Шокшинской волости, которые в 1812 г. с разрешения правления подрядили заводского комиссионера Жданова поставить за себя «угольный урок», заплатив ему за каждый урок по 20 руб. Тот, взяв деньги, обязанности своей не исполнил, но правление до смерти в 1819 г. директора завода Амстронга, не требовавшее с крестьян этих уроков, теперь стало «взыскивать с них со всей строгостью по 18 руб. 30 коп. за каждый урок, но против купца Жданова ни малейшей защиты им не оказало». «По долгу ходатайства об угнетенных» генерал-губернатор просил императора распорядиться о рассмотрении дела купца Жданова, а также об уравнительном распределении податей и повинностей приписных крестьян по сравнению с прочими казенными крестьянами и об увеличении платы за урок. При заводском правлении предлагалось иметь «особого ходатая стряпчего, да и во всех отношениях по сельскому домоводству и по полиции поставить правление в те же правила и обязанности, как удельные конторы», чтобы «были защищены крестьяне во всех своих делах..., чего ныне от заводского правления нет, хотя и есть полиция заводская»[48].

Летом 1821 г. Клокачев представил Александру I записку «о назначении к Олонецким горным заводам не весь уезд Петрозаводский, а несколько только тысяч душ, и о передаче оных в Заводское ведомство на тех же основаниях, как Пермские заводы». Министерство финансов и правление заводов приняло все эти предложения в штыки, однако генерал-губернатор продолжал отстаивать свою позицию[49]. 15 июня 1822 г., после того как правление запретило купцам добывать в Вытегорском уезде глину, Клокачев запросил у него краткие ведомости о всех имеющихся владениях с указанием, «с какого времени и на каком основании» они принадлежат заводам, а также о том, «с какого времени поступили в управление приписные крестьяне и во всех ли отношениях

они подчинены заводам». При этом он прямо ставил вопрос: «Есть ли какие исключения и в чем они состоят? Или только по добыче угля, дров и руды приписаны, а в прочем – подчинены ведомству казенной палаты?». 28 июня Клокачев потребовал от правления представить ему все узаконения, определявшие положение заводов[50].

Довести это дело до конца генерал-губернатор не успел. Оно получило свое продолжение и законодательное разрешение уже при его преемнике С.И. Миницком, который в 1824 г. подтвердил сведения, сообщенные 16 июля 1820 г. в рапорте Клокачева. В начале 1825 г. Комитет министров принял решение о создании Комиссии для рассмотрения «стесненного положения» олонецких приписных крестьян. Ею было разработано новое положение о приписных крестьянах, утвержденное 3 апреля 1828 г. Николаем I. В нем было уменьшено количество «уроков» и повышена плата за каждый «урок» с 1 руб. 70 коп. до 6 руб. 30 коп., а за проезд «от жилища до завода и обратно» с 6 до 20 коп.[51]

77 распоряжений губернатора касались рекрутских наборов и злоупотреблений при их проведении (42 из них были сделаны на основании жалоб и прошений частных лиц и обществ). 12 мая 1820 г. Клокачев обращал внимание Олонецкого губернского правления на несправедливость мировых приговоров об отдаче казенных поселян в рекруты в зачет будущих наборов. «Большесемейные богатые крестьяне (бедные обыкновенно называют их мироедами), – указывал он, – чтобы самим избавиться от рекрутства, приговаривают бедных под предлогом дурного поведения или неплатежа государственных податей и других пороков..., тем и разоряют бедные семейства». Для прекращения подобной практики генерал-губернатор предлагал принять за правило, «дабы ежегодно в сентябре городовые думы с ратушами и земские суды, первые – о мещанах и цеховых, вторые – о поселянах дурного поведения и порочных собирали от обществ сведения и представляли списки в казенную палату и к начальнику губернии, чтобы после их сверить с приговорами» (ранее он предписал действовать подобным образом в Архангельской губ.)[52].

Позже Клокачев неоднократно обращал внимание олонецких губернаторов Мертенса, а затем и Рыхлевского на необходимость следить за правильным «разделением пятисотских участков» (Олонецкая казенная палата меняла их каждый новый рекрутский набор, хотя по закону этого нельзя было делать от ревизии до ревизии). Во избежание уклонения от рекрутских наборов он 3 ноября 1822 г. специально обратился к петербургскому военному губернатору, прося, чтобы «беспаспортным крестьянам Олонецкой губернии ни под каким видом позволяемо проживать в Санкт-Петербурге не было»[53].

31 июля 1821 г. им была подана императору особая записка «о перемене некоторых правил для рекрутских наборов», в которой предлагалось, в связи с недобором рекрутов в Олонецкой губ., распространить на все уезды подведомственных ему губерний «уменьшение полувершком рекрутской меры» (проведенное ранее в некоторых уездах Архангельской и Вологодской губерний, где обитали зыряне), а также принимать в рекруты и по другим «маловажным недостаткам, обращая их на службу во флот»[54].

Большое внимание Клокачев уделял и исправлению других повинностей, в частности, устройству дорог и размещению на них почтовых и обывательских станций. В одной Олонецкой губ. он отдал по этому поводу не менее 60 распоряжений. Личный осмотр дорог, жалобы крестьян и сведения, полученные от губернской администрации, быстро убедили генерал-губернатора в том, что «истинного и деятельного попечения о устройстве дорог в здешней губернии не было». Особенно его удручало плохое состояние почтового тракта между Петербургом и Архангельском, который незадолго до этого специально приводился в порядок накануне посещения в 1819 г. Олонецкой и Архангельской губерний Александром I. По мнению Клокачева, в Олонецкой губ. «серьезным способом» даже не приступали к реализации утвержденных 13 декабря 1817 г. дополнительных правил о дорогах[55]. Жалобы же крестьян свидетельствовали «об отяготительном для них распоряжении губернского начальства об устройстве дорог, весьма отдаленных от их поселений». По действовавшим законам податное население, и преж-

де всего казенные крестьяне, были обязаны строить и содержать как само дорожное полотно, так и мосты, гати, переправы и верстовые столбы посредством натуральной дорожной повинности. Селения были приписаны к определенным дорожным участкам. Между тем, крестьяне Пудожского уезда жаловались на то, что их дорожные участки, расположенные в Лодейнопольском уезде, удалены от них на 300–400 верст. На содержание почтовых станций с крестьян взимался особый сбор и, кроме того, они были обязаны исправлять так называемую «обывательскую гоньбу», поставляя по расписанию на определенные начальством станции лошадей и ямщиков для государственных перевозок (воинских команд, чиновников по делам службы и т.п.). Замена дорожных работ и посылки ямщиков с лошадьми для таких перевозок денежными сборами была строго запрещена[56]. Однако крестьяне многих селений предпочитали в обход закона собирать деньги как для найма подрядчиков, которые бы вместо них производили дорожные работы, так и на содержание обывательских станций. Сбор составлял в Петрозаводском уезде 1 руб. 75 коп. с ревизской души в год, а в других уездах даже по 2–3 руб.

В связи с этим 14 июня 1820 г. генерал-губернатор предписал Олонецкому губернскому правлению собрать Комитет о земских повинностях для рассмотрения поступивших к нему жалоб. 19 июня в присутствии членов правления Клокачев «лично изъяснил» свои «мысли» относительно устройства дорог в губернии. Он предлагал, чтобы почтовые станции отдавались на содержание не отдельным подрядчикам, а «целому селению или волости, даже нескольким селениям, для чего в гоньбе установить очередь между собой так, чтобы не было в лошадях недостатка». Деньги за содержание почтовых станций предполагалось выдавать из уездных казначейств тем, кто «примут на себя с торгов станции», а «деньги за возку почты и эстафет требовала бы к себе казенная палата для обращения на земские повинности, чем уменьшится раскладка с поселян сбора на почтовую повинность». Расстояние между почтовыми станциями в соответствии с указом 1797 г. устанавливалось не больше 20–23 верст (на практике в 1820-е гг. оно составляло 30–32 версты, за что смотрители брали двойную или даже тройную плату). Обывательские станции и сборы на их содержание при этом уничтожались, взамен их генерал-губернатор хотел содержать для разъездов чиновников при каждом земском суде по 1–2 пары лошадей, а для перевозки больших воинских партий «нарядать временно обывательских лошадей». Практика приписки жителей других уездов для ремонта дорог, мостов и перевозов прекращалась, их исправление и содержание возлагалось на близлежащие селения. При этом следовало для «уравнения крестьян в дорожной повинности ...умножить денежную раскладку на крестьян тех уездов, где дорог таких нет или меньше». Клокачев поручил Комитету обдумать все эти предложения и затем представить ему свое мнение[57].

В 1820–1821 гг. олонецкая губернская администрация изо всех сил занималась исправлением дорог и достигла в этом некоторых успехов, отмеченных 31 июля 1821 г. в отчете генерал-губернатора. Так, он докладывал, что только в одном Лодейнопольском уезде по Санкт-Петербургскому тракту построено 10 новых мостов, осушено обширное, длиною около 5 верст, Кедринское болото для проезда и будет проведено этим летом по нему шоссе и сделан деревянный мост. К 1822 г. генерал-губернатор рассчитывал привести в порядок «и все другие дороги, перевозы и мосты»[58].

Однако надежды Клокачева не оправдались. Первый осмотр губернии новым олонецким губернатором Рыхлевским показал, что предложения генерал-губернатора об устройстве дорог (и, в частности, о их разделении на постоянные участки, согласно правилам 1817 г.), остались без исполнения. 5 января 1822 г. Клокачев вновь предписал правлению немедленно «устроить Комитет и рассмотреть все предложения мои и губернского начальства и, сообразясь с высочайшими правилами и местным положением губернии и прочими обстоятельствами, наконец учинить решительное положение и уведомить меня». Между тем, когда в мае правление представило наконец свои соображения об участках дорог, выяснилось, что участки уже определены, и на этом основании земские сборы с населения за исправление дорог уже утверждены императором на 3 года. В результате, можно было устранить «лишь самые важные погрешности и не-

уравнительности», не касаясь, однако, «сделанных доныне о дорогах распоряжений». Таким образом, все существенные перемены откладывались до следующего трехлетия[59]. Но, как показала сенаторская ревизия, и в 1827–1828 гг. дороги в Олонецкой губ. по большей части оставались неисправны.

Значительные трудности возникли и при попытке изменить порядок обывательской гоньбы. На торгах, проведенных в 1821 г., за содержание лошадей по подрядам были предложены такие цены, что губернское начальство вынуждено было оставить все по-прежнему. 20 июня 1822 г. генерал-губернатор указывал губернскому правлению на то, что «крестьяне, проживающие на почтовых трактах, более других отягощаются подводами для членов земского суда и других лиц, проезжающих по службе, а живущие в стороне от дороги крестьяне не участвуют в сей повинности». «А так как, согласно высочайшего указа от 18 февраля 1808 г., сбор с крестьян денег на земские повинности сего рода воспрещен, и повелено, чтобы исполнялся он натурою с наблюдением уравнения, то и надлежит, – писал он, – губернскому правлению... наблюсти, чтобы земские повинности и подводы распределялись между крестьянами справедливо»[59а]. Тем не менее, судя по данным ревизии 1827–1828 гг., обеспечение «обывательской гоньбы» было для крестьян крайне неудобно и они продолжали негласно собирать деньги для найма лиц, которые содержали бы лошадей для поездок чиновников по уездам. Иногда эту обязанность брали на себя уездные чиновники, передавая затем свой подряд за более низкую плату третьим лицам из тех же крестьян. В силу этого проводивший ревизию сенатор Д.О. Баранов предложил, в виде исключения, разрешить в Олонецкой губ. замену исправления «обывательской гоньбы» денежным сбором. 20 июня 1828 г. император утвердил соответствующее мнение Государственного совета[60].

Практически сразу же после вступления в должность Клокачев ощутил, что его деятельность парализуется малочисленностью чиновников и перегруженностью губернских учреждений постоянно накапливающимися делами. «Не заметив и не приписывая губернскому начальству каких-либо видов злоупотреблений, должен однако же заключить, – докладывал он императору 15 июля 1820 г. после обозрения 5 уездов Олонецкой губ., – что долговременное и весьма неосновательное распоряжение по содержанию дорог и почтовых станций, недостаток в надзоре за течением дел, по судебным местам и, можно назвать, слабое попечение вообще по губернскому управлению, конечно суть причиною многих упущений и столь чрезмерного накопления дел, наипаче же в земских судах, где по несколько годов самое следствие не оканчивалось». Не ставя под сомнение, что при «неослабном» наблюдении «дела потекут успешнее», генерал-губернатор констатировал, что «по ничтожности так сказать положенных сумм и штатам в уездных и земских судах и по неимению вообще в губернии способных чиновников, равно и канцелярских служителей нельзя совершенно надеяться, что в сих судах в чрезмерно большом количестве запущенные дела возможно привесть в желаемый порядок и доставить им скорейшее окончание». Поэтому он настойчиво просил об утверждении новых губернских штатов для приведения присутственных мест «в надлежащий порядок, без коего в делах при непременном умножении дел невозможно им достигать вовремя окончания, а купно с тем суд и расправа не может происходить иначе как с изнурением для подсудимых и тяжущихся с проволочками»[61].

В особом примечании к рапорту Клокачев сообщал: «Во всех присутственных местах Олонецкой губернии дела текут весьма медленно и найдено нерешенных крайне большое количество». Только по представленным ведомостям «в нерешении в уездных судах и городовых магистратах 440, в земских судах и у городничих – 638, в казенной палате – 729, в самом губернском правлении – 844 (в том числе, только по указам Сената 50 дел), а по всей губернии около 2 800». «И сколь не велико число оных, – оговаривался генерал-губернатор, – но сверх того открылось, что сотнями дела в представленных ведомостях не показаны». Более того, многие уже решенные дела оставались неисполненными: только в одной уголовной палате их оказалось 385, «хотя числятся исключенными из ведомости как решенные». В то же время «в уездных судах и городовых магистратах иные дела затрудняются ненужными справками, чрез что терпят

провлачение жалующиеся». Все это было поставлено Клокачевым «на вид губернскому правлению и прокурору со стряпчими». При этом губернскому правлению поручалось «обратить все свое попечение и старание в приведение в окончание столь чрезмерного количества дел, как собственно у себя, так и в подчиненных присутственных местах и не допускать впредь оным накопление». В уездные присутственные места следовало командировать особых чиновников как «для открытия прежних лет дел», так и для «очищения дел и недоимок». Уголовной палате надлежало «не токмо присутствовать после обеда, но из вновь вступивших дел на ревизию отделять половину в гражданскую палату (как разрешил Сенат в Архангельской губернии сделать)»[62].

В рапорт было включено также особое примечание «по предмету недостатка канцелярских служителей». В нем отмечалось, что в 1820 г. в различных губернских и уездных канцеляриях не хватало более 100 человек (вместе с секретарями). В этой ситуации генерал-губернатор не видел иного выхода, как начать подготовку чиновников из незаконнорожденных. Предлагалось «принимать из них немного за счет приказа в губернскую гимназию» и готовить к канцелярской службе[63].

Рапорт Клокачева рассматривался Сенатом 31 марта 1821 г. Все распоряжения генерал-губернатора, касавшиеся «нерешенных дел», получили поддержку, однако из незаконнорожденных дозволялось принимать на службу лишь тех, кто свободен. Таким образом, вопрос о способах заполнения канцелярских вакансий в Олонецкой губ. оставался открытым вплоть до начала царствования Николая I. Введение же новых штатов Комитет министров 15 ноября 1821 г. и вовсе отложил «до общего по всему государству по сему предмету постановления»[64]. Только 31 августа 1826 г., после очередного доклада генерал-губернатора Миницкого о недостатке канцеляристов, царь разрешил в Олонецкой губ. по примеру некоторых других отдаленных губерний принимать на службу лиц из податного состояния[65]. В 1827 г., в связи с принятием общего положения о канцелярской службе, эта мера вновь была отменена, но уже год спустя, в 1828 г., после личного удостоверения сенатора Баранова в крайнем недостатке чиновников в губернии, царь утвердил мнение Государственного совета «О мерах к отвращению недостатка в Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей», которым она восстанавливалась[66].

Тем не менее, несмотря на все усилия генерал-губернатора, добиться быстрого сокращения количества нерешенных дел было невозможно. 31 июля 1821 г. он сообщал императору, что в 1820 г. в Олонецкой губ. было решено 9 216 дел, в то время как в 1818 г. и 1819 г. решалось не более 6 тыс. дел. Всего же, по его данным, осталось 1 404 нерешенных дела. Оправдываясь перед царем, Клокачев ссылался на то, что «в прошлые годы истинного количества в остатке показываемо не было»[67]. «Успешности в производстве дел» мешало и «взаимное и нескрытое несогласие губернатора со всеми почти в губернском городе чиновниками»[68]. Добившись удаления Мертенса, генерал-губернатор возлагал большие надежды на нового, более молодого губернатора Рыхлевского, которому он уже 21 октября 1821 г. передал целое «наставление», разъяснявшее, на что следует обратить «особое внимание» при «устройстве губернии»[69]. Прежде всего от губернатора требовалось добиться своевременного рассмотрения дел. Ознакомившись в начале 1822 г. с результатами обозрения Олонецкой губ. Рыхлевским, Клокачев с горечью констатировал: за полтора года губернское правление так и «не исполнило его распоряжений о приведении в исполнение нескольких сотен дел, накопившихся в некоторых присутственных местах и по ведомостям сокрытых». В связи с этим генерал-губернатор потребовал от правления подробно уведомлять его о всех таких делах, «дабы можно было судить, приведено ли в надлежащее исполнение сделанные мною распоряжения, или токмо губернское правление удовлетворялось формою одних предписаний, не наблюдая за исполнением»[70]. Исполняя поставленную перед ним задачу, Рыхлевский даже переусердствовал: при нем резко увеличилось число штрафов, налагавшихся на уездных чиновников за неисполнение распоряжений губернского правления (за все время нахождения в должности Мертенса правление всего один раз представило на утверждение Клокачева свое постановление о наложении пени на членов ниж-

него земского суда, при Рыхлевском же это происходило не менее 32 раз). Клокачев 6 июня 1822 г. после получения им сразу трех представлений о наложении пени на членов лодейнопольского земского суда даже был вынужден заметить губернскому правлению, что кроме штрафов следует принимать и другие законные меры, т.к. «беспрестанное... наложение пени, лишая членов и того небольшого жалованья, какое они получают, не приносит ожидаемой пользы для службы, а еще вяще поставит их отступать от своей должности»[71]. Однако ситуация практически не изменилась, и накопление нерешенных дел в присутственных местах Олонецкой губ. приобрело в 1820-гг. хронический характер.

Примечания

[1] *Андреевский И.* О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864; *Градовский А.Д.* Органы местного управления. Собр. соч. Т. 9. Ч. 3. СПб., 1904; *Корф С.А.* Административная юстиция в России. Кн. 1. СПб., 1910; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. Т. 1. СПб., 2001.

[2] ПСЗ-I. Т. 37. № 28202.

[3] См.: *Шепелев Л.Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 33–40.

[4] Институт генерал-губернаторства... Т. 1. С. 72–74; Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 108–110.

[5] *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 40.

[6] Институт генерал-губернаторства ... Т. 1. С. 67.

[7] *Градовский А.Д.* Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 315.

[8] Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 1367, оп. 1, д. 36, д. 84, д. 133, д. 191.

[9] К сожалению, из журналов далеко не всегда ясно, от кого к генерал-губернатору поступила та или иная информация (а журналы входящих бумаг не сохранились). Например, то или иное предложение или распоряжение часто начиналось со слов «дошло до меня».

[10] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 46 (№ 177). Журнал начинался не с первого номера, т.к. канцелярия бывшего военного губернатора Клокачева просто продолжила вести этот журнал.

[11] Там же, д. 191, л. 6 (№ 24).

[12] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, д. 84, д. 133, д. 191. Так как данные журнала за 1823 г. не могли оказать существенного влияния на общие показатели (там было всего 6 исходящих распоряжений, касающихся Олонецкой губ.), они при подсчетах не учитывались. Для более точных подсчетов из общего числа исключены рапорты о получении таких указов из Сената, которые имели равное отношение ко всем губерниям империи.

[13] ПСЗ-I. Т. 36. № 27722.

[14] Самый высокий удельный вес этих прошений пришелся на 1820 г. – 43.4% (в 1821 г. – 24.3%, в 1822 г. – 25.3%). Следует отметить, что здесь отражено только число прошений, а не число жалобщиков, которое вообще нельзя установить точно. В своем распоряжении по принятой жалобе генерал-губернатор мог сослаться на то, что ему, например, была подана жалоба от «крестьянок Вишняковых» или «от крестьян Вытегорского уезда И. Федорова с товарищами» (ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 314 (№ 776), 666 (№ 1767). Да и самих прошений было гораздо больше, чем учтено по журналам, поскольку часть из них подавалась генерал-губернатору «словесно» во время его объездов губернии.

[15] В 1820 г. они составляли 50.9%, в 1821 г. – 35.5, в 1822 г. – 43.6%.

[16] От помещичьих и экономических крестьян и вольных хлебопашцев поступило в 1820 г. всего 6 жалоб, в 1821 г. – 3, в 1822 г. – 2.

[17] *Кабузан В.М.* Изменения в размещении народонаселения России в XVIII – 1-й половины XIX в. М., 1971. С. 132–133.

[18] В 1820 г. – 19.5%, в 1821 г. – 23.4 и в 1822 г. – 4.3%.

[19] В 1820 г. – 20%, в 1821 г. – 22.9, в 1822 г. – 12.2%.

[20] В 1820 г. – 18.6%, в 1821 г. – 19.4, в 1822 г. – 14.9%.

[21] В 1820 г. – 13.2%, в 1821 г. – 20.4, в 1822 г. – 16%.

[22] В 1820 г. – 5%, в 1821 г. – 4.1, в 1822 г. – 13.8%.

[23] К «прочим» были отнесены просители, сословную принадлежность которых определить невозможно (например, «преступник», «незаконнорожденный», «ратман», «присяжный»).

[24] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 312 (№ 768), 383 (№ 955).

[25] Там же, л. 533 (№ 1392). Наверное неслучайно 3 октября 1821 г. последовал указ Сената о добавлении третьего советника в правлениях тех губерний, где их было 2 // ПСЗ-I. Т. 37. № 28768.

[26] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 259 (№ 672), 304–308 (№ 757), 721 (№ 1917).

[27] В.Ф. Мертенс был олонецким губернатором с апреля 1804 г. по август 1821 г. Между тем в первой половине XIX в. губернаторы обычно служили в одной губернии от 3-х до 9-ти лет (*Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи. М., 2001. С. 188).

[28] Несмотря на то, что при первой своей ревизии Олонецкой казенной палаты в июне 1820 г. Клокачев только по ведомостям о нерешенных делах обнаружил 729 таких дел, в дальнейшем, в результате более пристальной ревизии дел палаты в декабре 1820 г., оказалось, что из-за «непорядочного» ведения настольных

реестров «невозможно вообще узнать сколько дел в нерешении и не исполнено» // ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 741–742 (№ 1952).

[29] Такое же предписание было дано накануне и А.Д. Балашову. Указом 18 сентября 1823 г. данная норма была распространена на всех генерал-губернаторов // ПСЗ-I. Т. 37. № 28106; Т. 38. № 29610.

[30] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 363–372 (№ 935), 375–378 (№ 938).

[31] Записка «относительно подчинения генерал-губернатору всех особых частей, зависящих от министерств» датирована 30 апреля 1821 г. В апреле 1824 г. все эти записки были переданы преемнику А.Ф. Клокачева С.И. Миницкому // РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4177.

[32] Там же, д. 4419, л. 14–18.

[33] Там же.

[34] Там же, л. 19–36.

[35] В 1821–1822 гг. по повелению императора свои «отзывы о целесообразности и путях усовершенствования генерал-губернаторского управления» представили генерал-губернаторы А.Д. Балашов, А.Н. Бахметьев, А.Ф. Клокачев и М.М. Сперанский. Клокачев сделал это одним из первых. См.: Институт генерал-губернаторств... Т. 1. С. 83.

[36] Особо заметим, что указ от 15 марта 1820 г. был дан именно А.Ф. Клокачеву, когда он был только военным губернатором, которые, впрочем, еще в 1803 г. были приравнены по статусу к генерал-губернаторам // ПСЗ-I. Т. 27. № 20713; Т. 37. № 28199. Кроме того, 2 марта 1823 г. в указе Балашову говорилось, «чтоб определение на вакансии чиновников сей губернии делалось не иначе, как или по Вашему представлению, или по соглашению Вашему с лицом представляющим» См.: ПСЗ-I. Т. 38. № 29344.

[37] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 363–372 (№ 935).

[38] Там же, л. 276–278 (№ 700). Этот же взгляд Клокачев изложил 15 июля 1820 г. в рапорте императору. Общая сумма недоимки составляла 301 806 руб., однако, как пояснял генерал-губернатор, взыскать из них следовало лишь 179 158 руб., поскольку 52 881 руб. подлежали сложению, а еще 69 760 руб. должны были быть взысканы в других губерниях, где находились лица, с которых полагалось взыскание. См.: ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 363–365; РГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 161, л. 9–10.

[39] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 674 (№ 1788).

[40] РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4330, л. 10–11.

[41] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 133, л. 314 (№ 1744), 525 (№ 2083), 548–558 (№ 2152), 806–807 (№ 994). В основе усердия вице-губернаторов лежала их экономическая заинтересованность: за питейные операции они, начиная с 1818 г., получали прибавку к жалованью в виде целого оклада, а также другие «дачи» (ПСЗ-I. Т. 38. № 29694).

[42] Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 4, оп. 44, д. 591.

[43] ПСЗ-I. Т. 21. № 16204; Т. 24. № 18256; Т. 26. № 19735; Т. 27. № 20426, 20492, 20898.

[44] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 370; д. 133, л. 276–284 (№ 384).

[45] Для разрешения требовалось прошение желающего и ходатайство мирского схода. Всего допускалось просить не более 1 десятины на душу. С этих расчисток не платили податей и в течении 40 лет они оставались в собственности крестьян // ГА АО, ф. 1367, оп. 2, д. 1202, л. 90–92, 146; РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 3796, л. 1–6.

[46] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 375–378 (№ 938). Из 21 предложения, сделанного правлению олонецких горных заводов генерал-губернатором в 1820 г., 9 последовало в результате поданых жалоб от приписных крестьян. Все такие жалобы Клокачев передавал для рассмотрения правлению.

[47] Там же.

[48] Там же. По существовавшему порядку все дела приписных крестьян, подлежащие суду, отсылались в петрозаводский уездный суд. С 1803 г. таких дел, не решенных уездным судом, в ведомостях правления насчитывалось около 500. «Но никто, – писал Клокачев, – по сим за крестьян хождения не имел»

[49] *Балагуров Я.А.* Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962. С. 66.

[50] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 133, л. 917 (№ 1171), 980 (№ 1269).

[51] ПСЗ-II. Т. 3. № 1916.

[52] По-видимому, в основании этого порядка лежали предложения А.Ф. Клокачева, изложенные им в записке «относительно рекрутских наборов и составления для сей повинности очереди», которую он подал Александру I во время пребывания последнего в 1819 г. в Архангельске // ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 124 (№ 398), 157–158 (№ 455).

[53] Там же, д. 36, л. 670 (№ 1780); д. 133, л. 193 (№ 320), 450 (№ 1965).

[54] РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4419, л. 6–11. Для Вологодской губ. такое разрешение состоялось в марте 1821 г. См.: ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 84, л. 237 (№ 683).

[55] ПСЗ-I. Т. 34. № 27180.

[56] Там же. Т. 30. № 22829.

[57] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 240 (№ 628), 259–266 (№ 672).

[58] РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4330, л. 14–16.

[59] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 133, л. 34–42 (№ 47), 927–929 (№ 1182).

[59а] Там же, л. 942–943 (№ 1198).

[60] РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5206, л. 14–22, 28; ПСЗ-II. Т. 3. № 2102.

[61] Имелись в виду разработанные 6–7 февраля 1820 г. в Петербурге особым комитетом, состоявшим из некоторых генерал-губернаторов и военных губернаторов (среди них был и Клокачев), штаты присутственных мест «по вверенным им губерниям». Они составлялись «в уравнение их, сколько возможность позволяет, с окладами вновь присвоенных местам в губерниях от министерств зависящим». См.: ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 5.

[62] Как показало обозрение дел в других уездах и самом Петрозаводске, проведенное Клокачевым в декабре 1820 г., на положение нерешенных дел влияли и «отлучки прикосновенных к оным людей, которым

выдаются несмотря на это паспорта и земские чины не препятствуют этому, чем пособляют им». В силу этого генерал-губернатор потребовал от губернского правления «принять за правило», чтобы уездные казначейства и магистраты не выдавали паспорта, не удостоверившись у земских судов и городничих, не состоят ли просители под следствием или судом. См.: Там же, д. 36, л. 363–365, 369–370 (№ 935), 674 (№ 1789).

[63] РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 161, л. 45.

[64] Там же, л. 24–40, 45–46; НА РК, ф. 183, оп. 1, д. 3/40. В феврале 1821 г. в Олонецкой губ. лишь увеличили сумму на канцелярские расходы, из которых выплачивалось жалование нетабельным канцеляристам (размер его определялся по усмотрению начальства), чтобы хоть как-то «справляться» с делами до утверждения новых общих губернских штатов (РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 166–167, л. 35–38).

[65] РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 166–167, л. 1–5; ПСЗ-II. Т. 1. № 570.

[66] ПСЗ-II. Т. 3. № 2394.

[67] РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4330, л. 11–12.

[68] Началом этого «несогласия» послужило то, что в 1811 г. Мертенс не утвердил некоторых дворян, избранных дворянским собранием на различные должности, поскольку они ранее были судимы за должностные преступления. Явившуюся к нему домой дворянскую депутацию губернатор встретил в халате, сославшись на нездоровье. После этого один из неутвержденных – Ф.Г. Рудников был послан в Петербург для вручения Александру I протеста олонецкого дворянства «на такие поступки губернатора». Царь затребовал протоколы дворянского собрания и, усмотрев в них «неприличные и дерзкие выражения», приказал заключить Рудникова, а также губернских предводителя дворянства Тяполкова и прокурора Львова в Петропавловскую крепость. Дворянству губернии было выражено «Высочайшее неудовольствие». В итоге, Львов, Тяполков, а также бывший губернский предводитель дворянства Киприянов были отрешены от должностей и преданы суду. Все, подписавшие протоколы дворянского собрания, оштрафованы «за несправедливые и противузаконные укоризны и жалобы на счет начальника губернии». Однако и Мертенсу было сделано замечание (с 1813 г. он просил о переводе в другую губернию). Дворянские выборы в Олонецкой губ. с 1811 г. не проводились. См.: Русская старина. Т. 97, 1899. С. 564–565; *Благовещенский И.* Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 г. С. 243–249.

[69] ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 84, л. 874–892 (№ 1911).

[70] Там же, д. 133, л. 32–33 (№ 47).

[71] Там же, л. 896–897 (№ 1133).

© 2009 г. Н.А. КОРАБЛЕВ, Т.А. МОШИНА*

ОЛОНЕЦКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Хотя реализации реформ 1860–1870 гг. посвящена довольно обширная литература, в ней, как правило, лишь эпизодически упоминается о тех, кто осуществлял эти преобразования на местах, в провинции, что существенно обедняет и отчасти делает схематичными научные представления о пореформенной истории как России в целом, так и отдельных ее регионов. В частности, практически не изучена деятельность олонецких губернаторов эпохи Великих реформ Ю.К. Арсеньева и Г.Г. Григорьева.

Будущий олонецкий губернатор Юлий Константинович Арсеньев родился в 1818 г. в семье тогда еще начинающего, а впоследствии весьма известного ученого-экономиста, географа и историка К.И. Арсеньева, преподававшего в 1828–1835 гг. историю, географию и статистику будущему императору Александру II и прививавшего ему либеральные идеи, нашедшие затем воплощение в реформах 1860–1870-х гг. Сам академик (с 1836 г.) Арсеньев был сыном священника и получил потомственное дворянство за службу[1]. Мать Ю.К. Арсеньева – Мария Карловна происходила из дворянского рода Баумгартенов. Ее отец – тайный советник Карл Иванович Баумгартен в 1816–1827 гг. служил костромским губернатором, а брат – боевой генерал и георгиевский кавалер, участник Крымской войны Алексей Карлович Баумгартен в 1858–1862 гг. возглавлял Николаевскую академию Генерального штаба.

В 1838 г. Ю.К. Арсеньев окончил Царскосельский лицей. Его однокурсниками были будущий министр иностранных дел Н.К. Гирс и К.С. Веселовский, впоследствии – академик, в 1857–1890 гг. непременный секретарь Академии наук. Курсом младше учились будущие министры А.В. Головнин, А.П. Николаи, М.Х. Рейтерн. После выпуска из Лицея Арсеньев поступил на службу в

* **Кораблев Николай Александрович,** кандидат исторических наук – старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Мошина Татьяна Александровна, заместитель директора Карельского государственного краеведческого музея.

МВД. В 1839–1842 гг. он состоял при Комитете по устройству Кавказского края, был знаком с М.Ю. Лермонтовым[2]. С 1848 г. Арсеньев исправлял должность начальника 3-го отделения Департамента общих дел МВД, а затем – состоял при министре чиновником по особым поручениям. В 1853–1854 гг. он находился в командировке в Новгородской губ. для сбора сведений о раскольниках[3]. 23 июня 1861г. действительный статский советник Арсеньев был назначен смоленским губернатором, но уже 23 сентября 1862 г. его перевели в Петрозаводск[4].

Олонецкая губ., управлявшаяся на основе общероссийских законов, имела при этом значительные особенности. Здесь было слабо развито помещичье землевладение, в большинстве уездов отсутствовало поместное дворянство, а среди жителей преобладали государственные крестьяне. В деревне, в суровых условиях севера, издавна велось аграрно-промысловое хозяйство. Наряду с русскими, в крае проживали коренные финно-угорские народы – карелы и вепсы. Вместе с тем со времен Петра Великого в Олонии существовала казенная горная промышленность, основанная на принудительном труде потомственных заводских мастеровых и приписных крестьян.

В центре внимания Арсеньева сразу же оказался крестьянский вопрос. Если в крепостной деревне, где проживало всего 4.5% крестьян губернии, реализация реформы 19 февраля 1861 г. была уже начата его предшественником – губернатором А.А. Философовым, то положение приписной деревни (20% всех крестьян губернии) оказалось более сложным. Законом 8 марта 1861 г. предусматривалось постепенное освобождение приписных крестьян от обязательных работ по добыче и доставке руды и древесного угля в пользу горных заводов (в 1861 г. они должны были выполнить полный объем заводской барщины, в 1862 г. – $^2/_3$, а в 1863 г. – $^1/_3$ работ, после чего отработки прекращались). Однако управление Олонецкого горного округа во главе с Н.А. Фелькнером настояло на том, чтобы и в 1862 г. приписные крестьяне округа исполняли отработки в полном объеме, а их сокращение началось лишь с 1863 г.

Фелькнер игнорировал и указ 17 декабря 1862 г., предписывавший вывести приписных крестьян из-под вотчинной власти горной администрации и передать их в ведение мировых учреждений, созданных для управления крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости. На запрос губернатора (22 мая 1863 г.) о причинах неисполнения указа Фелькнер отвечал, что его действие на Олонецкий горный округ не распространяется.

Губернатору пришлось обращаться за разъяснениями к министру внутренних дел П.А. Валуеву (а через него – к министру финансов М.Х. Рейтерну, в ведении которого находились казенные горные заводы). «Подчинение этих крестьян ведомству мировых учреждений, – указывал при этом Арсеньев, – было бы истинным благодеянием, которое они вполне бы оценили, так как они по опыту соседнего уезда Лодейнопольского, а отчасти и самого Петрозаводского, знают насколько мировой суд[5] разумнее и справедливее обыкновенного административного разбирательства. Здешним горнозаводским крестьянам хорошо известно, что их собратья в Пермской и Оренбургской губерниях уже отошли из-под ведения горных правлений в ведомство мировых учреждений, и поэтому, без сомнения, они не могут быть довольны продолжением своего прежнего положения»[6].

30 сентября 1863 г. Рейтерн распорядился немедленно передать горнозаводских крестьян в ведение мировых учреждений. Но и тогда Фелькнер продолжал уверять, что это приведет к остановке заводов и срыву срочных правительственных заказов. «Я вполне понимаю все нежелание г-на Фелькнера выпустить из рук своих управление 25-ю тыс. душ, – сообщал Арсеньев Валуеву, – тяжело расставаться с даровыми рабочими силами, состоящими в безотчетном распоряжении»[7]. Тем не менее 22 ноября 1863 г. на заседании Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия, в котором участвовал и Фелькнер, было решено приступить к передаче управления приписными крестьянами мировым учреждениям. Для исправного обеспечения крестьянами последней трети «обязательных работ», а затем и контрактов на поставку руды и топлива, горный начальник предлагал посылать в помощь мировым посредникам солдат из заводской команды, «приобревших многолетней практикой достаточную опытность в этом деле». Губернатор и мировые посредники резонно возразили, что крестьяне «вовсе не нуждаются в поддержке заводских солдат» и «вообще было бы не согласно с характером добровольных отношений принуждать крестьян силою к выполнению... принятых на себя обязательств». Впрочем, Арсеньев обещал, что «он лично и неусыпно будет следить за точным и беспрекословным исполнением крестьянами последней трети обязательных работ, всех контрактов и условий, заключенных с заводами». При этом губернатор решительно заявил: «Я желаю мирного хода дел, и не допущу ни под каким видом, каких бы то ни было пререканий между горным и гражданским ведомствами»[8]. Передача бывших горнозаводских крестьян в ведение мировых учреждений была завершена в январе 1864 г., а их обязательные отработки в пользу заводов прекратились к апрелю того

же года[9]. Вскоре началась и реформа в государственной деревне $^3/_4$ крестьянского населения губернии. На основании закона 18 января 1866 г. уже к 1 августа того же года заведование казенными крестьянами перешло от местных органов Министерства государственных имуществ к мировым учреждениям[10].

1 января 1864 г. было утверждено положение о введении в 34 губерниях Европейской России, включая Олонецкую, земских учреждений, в ведение которых передавались дела, «относящиеся к местным хозяйственным пользам и нуждам». Однако на практике создание земства в Олонецкой губ. не могло не вызвать затруднений, ввиду слабости здесь дворянского элемента. Предвидя это, МВД обратилось к губернатору с соответствующим запросом. 28 декабря 1864 г. Арсеньев направил в министерство свои соображения относительно предстоящих земских выборов. Он подтвердил, что при применении общероссийских норм к местным условиям во всех уездах, кроме Вытегорского и Лодейнопольского, земские собрания и управы будут состоять только из представителей крестьян, купцов и духовенства.

Между тем каждое из этих сословий оценивалось Арсеньевым весьма критично. «Здешние крестьяне, – писал губернатор, – до которых едва коснулось бремя крепостного права в двух уездах – Вытегорском и Лодейнопольском, трудолюбивые, бодрые, самостоятельные люди, могут быть названы лучшими представителями крестьянского элемента на Руси. На мирских сходках они издревле привыкли к обсуждению вопросов, выходящих из круга личных интересов. Но зато их кругозор узок, их мысль тяжела на подъем и ограничена известною небольшой местностью; они не имеют определенных понятий ни о чем, что выходит за пределы крестьянской жизни. На первое время они едва ли станут заботиться о широких уездных и губернских интересах... Земские собрания, несомненно, воспитают и разовьют их, но... деятельного участия от них можно ожидать лишь в будущем»[11].

Не менее скептически характеризовалось им купечество: «За исключением пяти-шести личностей оно состоит из мелких торгашей, которые из самых мелочных выгод держат разнородные товары для удовлетворения местного чиновничества и крестьянства». Имевшийся опыт не позволял, по мнению губернатора, рассчитывать на активное содействие купцов в делах уездного и губернского хозяйства. «Равнодушные ко всему, кроме насущного барыша, торговцы до сих пор проявляли свое усердие к общественным делам только молчанием в комитете о земских повинностях и в подневольном участии в службе по городским выборам, – констатировал он. – Обревизовав по нескольку раз городские присутственные места и рассмотрев множество дел прежних лет, могу с твердою уверенностью сказать, что служба здешнего купечества и мещанства была самая недостойная. Характер ее можно вполне определить застоем и распущенностью в делах и корыстолюбивым преследованием личных интересов»[12].

Признавая, что представители духовенства – «люди более или менее образованные», начальник губернии в то же время не питал никаких иллюзий относительно их роли в будущем земстве, поскольку, как отмечал он, «самая эта образованность, направленная исключительно к специальной цели, чуждается... в здешнем крае мирских интересов». «Местные священники ни о чем не заботятся, кроме своих треб и добывания от них денег, – сетовал Арсеньев, – самое знание непосредственно окружающего их края весьма недостаточно, как я убедился, познакомившись с священническими описаниями приходов. Из всех священно-церковно-служителей, сколько мне известно, только двое или трое занимаются усердно земледелием и принесли примером своего хозяйства пользу окрестным поселянам». В итоге губернатор приходил к безрадостному заключению: «Без сомнения, в собраниях окажется сейчас же несколько дельных людей, но гораздо более дельцов из туземных чиновников и купцов, которых служба оставила плачевную память в прошлом края»[13].

Для улучшения состава земских гласных Арсеньев предлагал расширить круг избирателей в губернии за счет лиц, получивших высшее образование и состоявших на государственной службе или владевших земельной собственностью (не менее 24 дес.) или хозяйственным и промышленным заведением стоимостью не менее 500 руб., а также ввести в каждое земское собрание и в управы членов от правительства по назначению губернатора, как это делалось в отношении съездов мировых посредников. Для увеличения в губернии числа частных землевладельцев предусматривалась продажа лицам со средним и высшим образованием казенных земель в размере 950 дес. Такими же участками следовало награждать и «достойнейших из заслуженных местных чиновников». Как полагал губернатор, это позволило бы пополнить состав земских учреждений людьми, которые «принесли бы с собою привычку к умственному труду, просвещенное внимание к нуждам края и понятие о гражданской ответственности»[14]. Однако данные предложения не были одобрены в Петербурге. 14 февраля 1866 г. Александр II издал указ о проведении земской реформы в Олонецкой губ. на общих основаниях.

В начале апреля 1866 г. под председательством Арсеньева был открыт временный губернский комитет по введению земских учреждений, а в уездах начали работу комиссии, составлявшие избирательные списки и готовившие выборы. Первые выборы земских гласных были проведены в губернии в сентябре 1866 г., а в декабре того же года состоялось открытие уездных земских собраний. 18 июня 1867 г. Арсеньев открыл I сессию губернского земского собрания. «Вам, первым выборным Олонецкого земства, предстоит завидное, хотя и трудное дело – быть зиждителями материального и нравственного благосостояния родного вам края, – заявил при этом губернатор. – Действуйте последовательно и твердо; пользуйтесь разумно обширными правами, Высочайше дарованными земству, не забывая, однако же, что вы будете и сильны и полезны только тогда, когда все ваши действия будут основаны на твердой почве закона. Правительство ожидает от вас – меньше слов и больше дела; общество – глубокого, серьезного изучения края и того сосредоточенного внимания к исследованию средств и нужд оного, без коего не мыслим правильный, нормальный ход земского хозяйства и успех народного образования... Будьте уверены, что везде и всегда земство найдет во мне самого ревностного охранителя его интересов»[15].

Первые годы деятельности олонецкого земства оказались необычайно трудными, и не только в силу недостатка интеллектуальных сил, о чем беспокоился Арсеньев. В 1866–1868 гг. губернию постигла серия тяжелых неурожаев и земцам пришлось сосредоточиться на борьбе с их последствиями, не помышляя о разработке каких-либо перспективных программ. К тому же, в крае, где частное землевладение было распространено достаточно слабо, оказалось особенно сложно формировать доходную часть земских бюджетов. В этих условиях губернатор оставался верен идее сотрудничества с земством, провозглашенной им в напутственной речи к гласным первого созыва.

Пользуясь своими связями в столице, Арсеньев содействовал привлечению в марте 1868 г. председателя губернской земской управы купца Е.Г. Пименова к участию в особой комиссии, занимавшейся под председательством наследника цесаревича вел. кн. Александра Александровича сбором и распределением пособий для жителей России, пострадавших от неурожая. По решению комиссии олонецкое земство получило значительные средства для обеспечения продовольствием местных жителей[16]. Сам губернатор, получая суммы, предназначенные для помощи голодающим, обычно привлекал к их распределению земские органы. Так, в мае 1868 г. он передал Повенецкому уездному земству 900 руб., присланных неизвестным благотворителем (на эти деньги земство организовало выдачу 857 пуд. хлеба для 2 тыс. человек). В июне 1869 г. на пожертвованные деньги (1 140 руб.) Арсеньев закупил из губернских земских запасов по удешевленной цене 1 620 пуд. муки, которые были бесплатно розданы наиболее нуждающимся семьям в карельских волостях[17]. И губернская администрация, и земские деятели оказывали содействие бесплатной столовой для бедных Петрозаводского благотворительного общества, действовавшей в 1867–1870 гг. (число ее посетителей достигало 1 200 человек).

Арсеньев активно поддержал земство в вопросе о земском обложении обширных земельных и лесных владений казны в Олонецкой губ. Ему удалось добиться положительного решения данного вопроса в указе 16 октября 1869 г.[18] В первое время из казны выделялось пособие губернскому земству в размере 25 тыс. руб. в год, однако это далеко не покрывало бюджетного дефицита. С середины 1870-х гг. сборы с казенных земель и лесов стали основной статьей доходов олонецкого земства, послужив источником его относительного финансового благополучия[19].

Большое внимание Арсеньев уделял развитию и благоустройству Петрозаводска[20]. С 1865 г. он являлся его почетным гражданином[21]. Арсеньев сыграл решающую роль и в обеспечении созданного в 1861 г. Мариинского женского училища, находившегося поначалу в тяжелом материальном положении. Если осенью 1862 г. в кассе училища имелось всего 100 руб., то к 1870 г., благодаря организованному губернатором сбору пожертвований, текущие средства заведения превысили 4 тыс. руб. Кроме того, был создан стипендиальный фонд для беднейших учениц (5 тыс. руб.)[22]. В 1862 г. губернатор предоставил училищу каменное здание бывшего пансиона для детей канцелярских служителей. Супруга губернатора, С.Д. Арсеньева, участвовала в создании в Петрозаводске в 1865 г. благотворительного общества, была его председательницей, и выступила с инициативой открытия классов для девочек при уездном училище в целях «развития грамотности между дочерьми небогатого класса родителей»[23].

Заметное участие тайный советник (с 1868 г.) Арсеньев принял и во введении в Олонецкой губ. с 1 марта 1870 г. мирового суда. Он не только был избран почетным мировым судьей по Петрозаводскому уезду, но и принял на себя на первых порах обязанности председателя съезда мировых судей Петрозаводско-Повенецкого округа. Для заседаний мирового суда и размещения канцелярии мирового съезда им было выделено несколько комнат в собственной квартире. Как председатель съезда, 9 мая 1870 г. он подвел в своем циркуляре первые итоги работы мировых

судей, указав на типичные просчеты в их деятельности (недостаточное выяснение обстоятельств, на которых основывались решения, отсутствие указания на соответствующие статьи закона в решениях, рассмотрение дел, выходящих за рамки компетенции мирового суда и т.д.)[24]. Лишь оставляя губернию в конце мая 1870 г., Арсеньев сложил с себя полномочия председателя съезда мировых судей, считая их сохранение «неудобным по своему служебному положению»[25].

23 мая 1870 г. олонецким губернатором был назначен Г.Г. Григорьев (1819–1899), внебрачный сын графа Г.В. Орлова и полячки М. Кос. Воспитываясь в семье отца, Григорий Григорьевич так и не стал ее полноправным членом. Его записали в купеческое сословие (грамоту на дворянство он получил только в 1873 г.), а из громадного отцовского состояния ему выделили в наследство лишь 37 750 руб., причем эта сумма выплачивалась по частям в течение 60 лет. Обида на родственников осталась у него на всю жизнь[26]. Образование Григорьев получил в Медико-хирургической академии, по окончании которой состоял с 1844 г. врачом-ординатором в Мариинской больнице для бедных в Петербурге. В 1847 г. его перевели в канцелярию Военного министерства, а в 1850 г. причислили к МВД (здесь он последовательно занимал должности служащего хозяйственного департамента, чиновника особых поручений, старшего редактора по статистическому отделу Центрального статистического комитета). В 1850-е гг. Григорьев неоднократно выезжал в центральные губернии для исследования городского хозяйства и определения численности народонаселения. В 1857 г. он стал членом Главного комитета о пособии жителям Новороссийского края, пострадавшим во время Крымской войны. В 1863–1870 гг. служил пензенским, затем владимирским вице-губернатором[27]. Таким образом, ко времени назначения в Петрозаводск Григорьев хорошо знал жизнь провинциальной России.

Едва заняв новый пост, он должен был приступить к реализации Городового положения 16 июня 1870 г., вводившего в городах бессословное выборное самоуправление. Уже 14 августа 1870 г. было открыто Олонецкое губернское по городским делам присутствие, которому следовало осуществлять контроль за деятельностью муниципальных органов, а в декабре того же года в Петрозаводске прошли первые выборы в городскую думу на новых началах. Григорьев присутствовал на первом заседании Петрозаводской городской думы. «С моей стороны вы всегда найдете поддержку всем благим вашим начинаниям и в пределах предоставленной мне власти встретите реального охранителя дарованных вам прав», – заявил он, обращаясь к гласным[28]. К 1875 г. новое Городовое положение было введено во всех уездных городах губернии. Григорьев и впоследствии придерживался благожелательного отношения к городским думам, избавляя их от мелочной опеки. Как отмечает в своем исследовании В.В. Ефимова, «отношения между петрозаводским городским управлением и местной администрацией в период действия Городового положения 1870 г. в целом сложились бесконфликтными, в чем большая заслуга губернатора Г.Г. Григорьева»[29].

При Григорьеве в большинстве уездов губернии было завершено поземельное устройство государственных и бывших приписных крестьян. Поскольку крестьяне края продолжали практиковать подсечное хозяйство, особая инструкция, определявшая порядок выделения крестьянских земель в северных губерниях, предписывала отводить крестьянам вместо бывших подсечных угодий, если они находились среди казенных лесов, дополнительный надел (главным образом, из лесных участков) такого размера, «чтобы соответственно переложной системы полеводства», они могли ежегодно «засевать не меньше против обычного числа десятин»[30]. В 1874 г. чиновники Министерства государственных имуществ даже пытались поднять вопрос о якобы «преувеличенном» отводе наделов олонецким крестьянам, однако поддержки у губернатора они не нашли. В результате землеустройства, окончательно завершившегося к середине 1890-х гг., крестьяне получили в надел около 2.4 тыс. дес. леса или 32% лесных площадей губернии, что являлось наивысшим показателем в России[31].

Григорьев немало сделал для оживления хозяйственной жизни края. Большое внимание он уделял развитию путей сообщения, в частности – установлению регулярных пароходных рейсов между Петрозаводском и Вытегрой, Повенцом, Пудожем. По его инициативе в 1878 г. была построена почтовая дорога Повенец – Сумпосад, связавшая Обонежье и Поморье, проложено около тысячи верст проселочных дорог, а также телеграфные линии из Петрозаводска на Олонец, Пудож, Повенец и Сумпосад. Неоднократно Григорьев ходатайствовал перед правительством о постройке Беломорско-Балтийского канала и даже добился выделения средств на проведение изысканий, подтвердивших возможность и экономическую целесообразность его сооружения. В связи с проектом развития Беломорско-Балтийского водного пути он в 1875 г., на 20 лет раньше архангельского губернатора А.П. Энгельгардта, поставил вопрос о необходимости создания военного порта в незамерзающих бухтах Мурманского побережья Баренцева моря.

С особой заботой Григорьев относился к развитию здравоохранения, народного образования, изучению природных ресурсов края. По его предложению была реорганизована земская медицинская служба, построены 7 новых больниц (в том числе уездные больницы в Вытегре, Повенце и Пудоже), втрое увеличено число медицинского персонала. Для подготовки педагогических кадров по ходатайству губернатора в Вытегре была открыта первая в губернии учительская семинария, в 1870–1880-х гг. начали работать более 200 народных школ различных ведомств. В годы управления Григорьева в губернии активизировалась краеведческая деятельность. По настоянию губернатора Морским министерством в 1874–1894 гг. была организована экспедиция для гидрографического описания и съемки Онежского озера, на земские средства велось геологическое обследование Повенецкого уезда. Григорьеву принадлежит также инициатива в деле основания Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея (1871 г.), постройки театрального здания Благотворительного общества (1872 г.), создания местного отделения общества спасания на водах (1873 г.). При нем возобновилась деятельность в Петрозаводске публичной библиотеки (1871 г.), установлены памятники Петру I (1873 г.) и Александру II (1885 г.)[32].

Григорьев закрепил и развил заложенную при Арсеньеве традицию сотрудничества между земством и администрацией в Олонецкой губ. Наиболее отчетливо это проявилось при обсуждении возможности присоединения к Олонецкой губ. сопредельного Кемского уезда Архангельской губ. 8 декабря 1877 г., выступая с докладом на сессии Олонецкого губернского земского собрания, купец и подрядчик из Вытегры В.М. Матвеев охарактеризовал существующую административную границу между Олонецкой и Архангельской губерниями как «искусственную» и требующую пересмотра. «Олонецкая губерния, находясь на перепутье между Поморьем и внутренними рынками империи, самой природою назначена служить посредницей в торговле между этими пунктами», – говорил он. Одновременно гласный обратил внимание и на то, что «кемская корела... составляет продолжение сплошного населения корельского племени, занимающего пограничные с Финляндией части Олонецкого, Петрозаводского и Повенецкого уездов»[33]. Губернское земское собрание, одобрив доклад, постановило: «Разделяя взгляд губернского гласного г-на Матвеева на обоюдные выгоды для развития нравственного и экономического быта населения западного прибрежья Белого моря и жителей Олонецкого края от слияния этой части севера с Олонецкой губерниею... ходатайствовать пред правительством, чрез г[осподина] начальника губернии о присоединении Кемского уезда Архангельской губернии, в полном его современном составе, к Олонецкой губернии»[34]. Губернатор поддержал земскую инициативу. Более того, направляя ходатайство земского собрания в МВД, он углубил и конкретизировал ряд выдвинутых Матвеевым положений, указывая, что административная разобщенность тормозит освоение богатых лесных ресурсов в бассейнах рек Выг и Кемь, осложняет проблему доставки продукции рыбных промыслов Поморья на столичный рынок, мешает реализации коммуникационных проектов общероссийского значения (Беломорско-Балтийский канал, железная дорога к незамерзающим гаваням Баренцева моря и др.). Наконец, он доказывал, что через Петрозаводск правительственные распоряжения будут поступать из столицы в Кемь и на Мурман значительно быстрее, чем через Архангельск[35].

Однако в этом вопросе олончане потерпели неудачу. Не только в Архангельске, но и в Петербурге к их предложениям отнеслись скептически. «Присоединение Кемского уезда к Олонецкой губ., как и вообще отделение уездов от одних губерний, в коих земские учреждения не введены, и присоединение их к другим, в коих таковые существуют, представляется в настоящее время преждевременным и в интересах казны нежелательным», – писал в своем заключении министр государственных имуществ П.А. Валуев. В том же духе высказался и управляющий Министерством финансов А.А. Абаза. «Причины, побуждающее олонецкое земство ходатайствовать об означенном присоединении весьма понятны, – полагал он, – если принять во внимание, что помянутое присоединение обуславливается введением там земских учреждений, которые получили бы право для своих надобностей облагать земским сбором недвижимые имущества, в том числе и казенные земли, которых там имеется значительное количество... Ввиду сего, я со своей стороны разделяю мнение архангельского губернатора и министра государственных имуществ, что присоединение Кемского уезда к Олонецкой губ. не оправдывается никакими существенными соображениями, а потому и ходатайство о сем... должно быть отклонено»[36].

В 1880 г. в результате очередных выборов председателем Олонецкой губернской земской управы стал шурин Григорьева лодейнопольский дворянин В.В. Савельев[37]. Когда в 1905 г. Савельев ушел в отставку, расходы олонецкого земства по «производительным статьям» в расчете на душу населения (4 руб.) вдвое превышали общероссийский уровень, и оно вышло на первые позиции в стране по развитию народного образования и медицины[38]. Прослужив в Олонецкой

губ. 20 лет, Григорьев заслужил большое уважение и авторитет у ее жителей, став единственным в истории края человеком, удостоенным звания почетного гражданина всех 7-ми городов губернии. В мае 1890 г. он был переведен в столицу на почетную, но сугубо пассивную должность члена Совета министра внутренних дел. Не исключено, что одной из причин его удаления с губернаторского поста явились его старые симпатии к земству, неуместные в эпоху наступивших «политических заморозков»[39].

Находясь на губернаторском посту в Петрозаводске, Ю.К. Арсеньев и Г.Г. Григорьев не были пассивным исполнителями предначертаний высшей власти, а проявили себя как активные, убежденные и последовательные сторонники реформ Александра II. В деятельности олонецкого губернатора Григорьева даже в 1880-е гг. прослеживались веяния минувшей уже к тому времени либеральной эпохи.

Примечания

[1] Последние месяцы своей жизни (с 15 июня 1864 г. по 29 ноября 1865 г.) К.И. Арсеньев провел в Петрозаводске в семье Юлия Константиновича. Младший брат Ю.К. Арсеньева – Константин Константинович Арсеньев (1837–1919) получил широкую известность как публицист, адвокат и либеральный общественный деятель.

[2] Известно письмо секунданта Лермонтова кн. А.И. Васильчикова к Ю.К. Арсеньеву с рассказом об обстоятельствах гибели поэта. См.: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964. С. 368, 369, 538.

[3] *Макаров И.Ю.* Экспедиция Ю.К. Арсеньева в Новгородскую губернию 1853–1854 годов // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Вып. 3. М., 1995. С. 2.

[4] *Кононов В.А.* Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск, 2004. С. 291–292; Олонецкие губернские ведомости (далее – ОГВ). 1862. 6, 27 октября.

[5] Здесь, очевидно, имеются в виду судебно-административные полномочия мировых посредников, а не введенный позднее институт мировых судей.

[6] РГИА, ф. 1291, оп. 66, д. 22, л. 2.

[7] Там же, л. 19

[8] Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 24, оп. 1, д. 8/168, л. 43, 44.

[9] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 245.

[10] *Филиппов Р.В.* Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961. С. 151.

[11] Цит. по: *Бузин В.И., Левитский С.А.* История Олонецкого земства. Вып. 1. Петрозаводск, 1917. С. 184.

[12] Там же. С. 185.

[13] Там же. С. 186.

[14] Там же. С. 187–188.

[15] Петрозаводск. 300 лет истории. Док-ты и мат-лы. Кн. 2. Петрозаводск, 2001. С. 29.

[16] ОГВ. 1870. 14 ноября; Петрозаводск. 300 лет истории… Кн. 2. С. 40.

[17] ОГВ. 1868. 1 июня; 1869. 5 июля.

[18] ПСЗ-II. Т. 44. СПб., 1873. № 47519.

[19] ОГВ. 1870. 7, 10 января, приложение; 17, 21 января; *Баданов В.Г., Гнетнев К.В.* Финансы Карелии. Петрозаводск, 2002. С. 56.

[20] См.: Петрозаводск. Хроника трех столетий. 1702–2003. Петрозаводск, 2002. С. 98–99; ОГВ. 1868. 17, 24 августа. Летом 1868 г. губернатор лично руководил тушением лесных пожаров в окрестностях Петрозаводска, проявив при этом незаурядное мужество (в частности, при ликвидации опаснейшего пожара 10 августа в местечке Каменный Бор, где находились артиллерийские склады с 5 тыс. пудов пороха).

[21] В 1868 г. Арсеньев получил также звание почетного гражданина г. Вытегра.

[22] ОГВ. 1870. 19 декабря.

[23] Петрозаводск. Хроника трех столетий. С. 94, 95, 99. Первым браком Ю.К. Арсеньев был женат на выпускнице Смольного института, дочери подпоручика Ольге Андреевне Перхуровой, вторым – на дочери генерал-лейтенанта Д.Т. Паренсова Софье Дмитриевне. От первого брака он имел трех сыновей – Владимира, Константина и Юлия, от второго – сына Дмитрия и дочь Веру (в замужестве Курнатовскую), ставшую затем начальницей училища для девиц духовного звания в Царском Селе.

[24] ОГВ. 1870. 9 мая.

[25] Там же. 1870. 27 мая; 1873. 7 марта; Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1900. С. 322–323. 23 мая 1870 г. Ю.К. Арсеньев был назначен губернатором в Тулу, где и служил вплоть до своей кончины 4 марта 1873 г.

[26] НА РК, ф. 1, оп. 70, д. 1/17, л. 1-45 об.; ф. 769, оп. 1, д. 1/4, л. 1–1об.

[27] ОГВ. 1899. 17, 20 марта.

[28] Петрозаводск. 300 лет истории... Кн. 2. С. 38.

[29] *Ефимова В.В.* Петрозаводское городское самоуправление (1870–1918 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 84–85.

[30] ПСЗ-II. Т. 44. СПб., 1873. № 47514.

[31] Олонецкая губерния. Статистический справочник. Петрозаводск, 1913. С. 116–117.

[32] *Мошина Т.А.* Г.Г. Григорьев – Олонецкий губернатор, основатель музея («При доброй воле и энергии губернатора») // Музей и краеведение на Европейском Севере. Мат-лы междунар. научно-практич. конф. Петрозаводск, 2001. С. 4–5. Памятник Александру II был сооружен на средства земства.

[33] Журналы Олонецкого губернского земского собрания очередной сессии 1–11 дек. 1877 г. Петрозаводск, 1878. С. 70–71.

[34] Там же. С. 73. С 1858 по 1883 г. в состав Кемского уезда входил и малозаселенный в то время Кольский полуостров

[35] НА РК, ф. 1, оп. 11, д. 34/20, л. 32 об.–35.

[36] Там же, л. 65–67.

[37] Г.Г. Григорьев дважды состоял в браке. Его первая жена Мария Ивановна Одоевская умерла 13 июля 1866 г., оставив мужу двух детей – дочь Ольгу и сына Александра. Из Владимира в Петрозаводск Григорьев приехал со второй женой Елизаветой Владимировной (урожденной Савельевой), дочерью Вязниковского уездного предводителя дворянства. Е.В. Григорьева сменила С.Д. Арсеньеву на посту председательницы Петрозаводского благотворительного общества и способствовала созданию в Петрозаводске в 1877 г. Общества любителей музыкального и драматического искусства. От второго брака Григорьев также имел двух детей – сына Владимира и дочь Веру.

[38] Записка о деятельности Олонецкого губернского земства за время службы действительного статского советника В.В. Савельева в должности председателя губернской земской управы 1879–1900. Петрозаводск, 1901. С. 16. См.: *Баданов В.Г.* Земство на Европейском Севере России (1867–1920 гг.). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Петрозаводск, 1996. С. 14.

[39] Свой богатый административный опыт тайный советник (с 1875 г.) Григорьев обобщил в опубликованной им записке «О существе власти губернатора и его официальном положении среди губернских должностных лиц», в которой высказал ряд прогрессивных для своего времени соображений. В ней предлагалось сохранить за губернаторами, прежде всего, распорядительные функции и «общий за всеми нравственный контроль», увеличить «в связи с дороговизной жизни» денежное содержание губернаторов, а также повысить на $^1/_3$ жалованье всех губернских чиновников (с предоставлением значительных льгот по выслуге лет). Будущим чиновникам следовало более подробно и глубоко изучать «российское полицейское право». Особо подчеркивалась необходимость согласованных действий светских и епархиальных властей по укреплению авторитета Церкви. См.: *Григорьев Г.Г.* О существе власти губернатора и его официальном положении среди губернских должностных лиц. Б.м., б.г. С. 12–14, 59–64. Находится в фондах РНБ.

© 2009 г. П.С. ЖУРАВЛЕВ*

УКРУПНЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1917–1919 годах

1917–1919 гг. – не только время вооруженной борьбы и чрезвычайщины, но и период смелых экспериментов в организации государственного управления как в центре, так и на местах. После Февральской революции отношения центральных и местных учреждений практически повсеместно становились все более прозрачными и нерегулярными, политическая и экономическая власть все чаще сосредотачивалась в регионах. Однако, что весьма характерно, на Европейском Севере России, в отличие от Украины, Дона, Средней Азии, Сибири и других окраин бывшей империи, вопрос о самостоятельности и независимости практически не ставился.

29 марта 1917 г. в Петрограде состоялось Всероссийское совещание Советов. В принятой совещанием резолюции было намечено образование 9-ти областных объединений Советов, в том числе Северного (с центром в Вологде). В предполагаемую Северную обл. должны были войти Петроградская, Новгородская, Олонецкая, Архангельская и Вологодская губернии[1]. 22 мая по инициативе вологодского Совета состоялось первое областное совещание Советов рабочих и солдатских депутатов Северного края. Его участники признали, что для налаживания общественной и экономической жизни необходима координация усилий всего Севера, однако каких-либо конкретных решений о том, в чем именно она должна выразиться, принято не было[2]. Захват в октябре 1917 г. власти большевиками лишь способствовал дальнейшей дезинтеграции страны, до предела обострив политические противоречия в условиях экономической разрухи и голода. Тем временем, пока представители центральной власти провозглашали лозунги о правах

* **Журавлев Павел Сергеевич,** кандидат исторических наук, доцент Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

народов на мир и самоопределение, на местные органы управления ложилась ответственность за обеспечение потребностей населения.

В декабре 1917 г. в Архангельск съехались делегаты Архангельской, Вятской, Ярославской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской и Костромской губерний. В основном это были представители местных Советов, губернских земств и городских дум, продовольственных, земельных комитетов, кооперативных союзов, объединений служащих и даже революционных комитетов. «Экстренность созыва северо-восточного областного съезда объясняется крайне тяжелым положением, в котором находится страна и наш Север, – заявил, открывая съезд, председатель организационного бюро и руководитель Архангельского губернского продовольственного комитета А.В. Папилов. – Развал охватил все стороны экономической жизни. Промышленность пала. Производительность труда падает замечательно. Торговли не существует, осталась только спекуляция. Финансовое положение осложнилось до крайности. Положение угрожает полной остановкой всей промышленности и торговли. В катастрофическом положении продовольственное дело. Развал вызвал острое недовольство масс вследствие роста цен. Нам приходится решать колоссальные задачи в атмосфере анархии и бесправия»[3]. Предполагалось, что областной съезд инициирует объединение северо-восточных губерний и выработает план действий, способных улучшить бедственное положение края. Организаторы съезда желали детально рассмотреть все стороны социально-экономической жизни северных губерний (эксплуатация природных богатств, развитие транспортной сети, финансовое положение области, организация продовольственного и промышленного снабжения Севера, взаимодействие органов местного самоуправления и т.д.), обсудить отношения центральной и областной власти и выяснить преимущества территориального объединения[4].

В дни работы в Архангельске северо-восточного областного съезда эсеровская газета «Воля Севера» опубликовала большую статью молодого, но уже известного социолога и политического деятеля Питирима Александровича Сорокина «Национально-областное движение». Ее автор (уроженец Вологодской губ.) сравнивал процессы, происходившие в России в 1917 г., с событиями во Франции в конце XVIII в. и отмечал, что русская революция не только не объединила нацию, но, наоборот, вызвала «стремление к распылению государства и отсутствие патриотизма». Вместе с тем распад империи выявил «новую, чрезвычайно любопытную и характерную черту, состоящую в возникновении и росте чувства местного национально-областного патриотизма». Сорокин полагал, что «национально-областное движение», способствовавшее разложению государства, теперь должно сыграть прямо противоположную роль: при содействии Учредительного собрания «организовавшиеся области и их правительства могут объединиться и начать снова, снизу процесс собирания единой, Всероссийской "Федеративной" республики»[5].

Большинство участников съезда считало, что время жесткого диктата центра прошло, и столичное правительство, какую бы оно не приобрело политическую окраску, должно учитывать местные особенности и интересы. При этом на съезде отмечалось, что расхождение интересов края и большевистской политики центра неминуемо приведет к обособлению Севера. Многим казалось, что основой будущей федерации станут автономные области, не только самостоятельно решающие местные вопросы, но и устанавливающие отношения с иностранными государствами. Видимо поэтому активный интерес к работе и решениям съезда проявляли представители иностранных государств. Так, начальник британской миссии снабжения в России генерал Ф. Пуль писал в Лондон в конце января 1918 г.: «Из всех планов, о которых я слышал, больше всего мне нравится тот, в котором предлагается создать Северную федерацию с центром в Архангельске... Мы могли бы получить прибыльные лесные и железнодорожные концессии, не говоря о значении для нас контроля над двумя северными портами»[6].

Съезд завершил свою работу 28 декабря 1917 г. Его участники практически единодушно поддержали создание Северо-Восточной обл., в состав которой включались все 7 губерний, представленных на съезде (допускалась также возможность присоединения к ним Пермской губ. и других территорий, тяготеющих к Белому морю). Было избрано Временное организационное исполнительное бюро северо-восточного областного съезда. Ему поручалось разработать положение о хозяйственном объединении северо-восточных губерний и провести 1 марта 1918 г. в Вологде учредительный съезд Северо-Восточной обл., на котором предполагалось создать органы областной власти. На свое первое заседание Северо-восточное бюро собралось в Архангельске сразу же после окончания съезда – 31 декабря 1917 г. Тогда же оно постановило немедленно осведомить все организации северных губерний об итогах деятельности первого объединительного съезда. На следующем заседании Северо-восточное облбюро приняло решение о создании на местах экономических советов, которые должны были координировать и организовывать экономическую жизнь края[7].

Подводя итоги декабрьского съезда, «Воля Севера» отмечала, что «Север всегда был несколько обособленным от остальной России» и давно тяготел к некоторой самостоятельности. В этом усматривалось основание для будущего объединения северных губерний[8]. Другая архангельская газета – «Северный День» – опубликовала 12 января 1918 г. программную статью «Готовьте Северу самостоятельность», в которой развивались идеи регионализма и выражались «наши лучшие надежды в осуществлении самостоятельности Севера». Эти надежды связывались с историческим прошлым Севера, его вечевыми традициями, с «принесенной нашими предками из вольнолюбивого Новгорода» идеей самоуправляющейся области. Огромные просторы Русского Севера, сопоставимые с территориями нескольких европейских государств, выход к морю, обладание значительными природными богатствами рассматривались автором статьи как залог самостоятельности и процветания местного населения. По его мнению, в условиях политической борьбы для Севера больше всего подходила «роль самостоятельной единицы». Автор призывал воспользоваться моментом, пугая читателей тем, что иначе Север ждет «жалкое прозябание на фоне общероссийской разрухи и влияния агентов Пруссии»[9].

Вследствие перехода власти на местах от земства к Советам, учредительному съезду так и не суждено было собраться, хотя архангельское бюро продолжало свою работу. Между тем, как свидетельствовал американский консул в Архангельске Ф. Коул, создание Северо-Восточной обл. сдерживалось опасением голода, который неизбежно должен был последовать в случае отделения области от центра[10].

Планы укрупнения административно-территориального деления страны рассматривались и большевистским правительством. Более того, идея государственного строительства Советской России на принципах федеративного устройства первоначально предполагала создание союза равноправных национальных и территориальных объединений[11]. 26 апреля 1918 г. в Петрограде по инициативе Петроградской трудовой коммуны собрался съезд Советов северных губерний, на который прислали своих делегатов 6 северных и северо-западных губерний. Съезд провозгласил создание Северной обл. в составе Российской Советской Республики. В нее вошли Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Петроградская и Псковская губернии. Впоследствии из нескольких уездов Вологодской губ. была образована Северо-Двинская губ., а из Новгородской выделилась Череповецкая губ. (обе новые губернии вошли в состав Северной обл.). Центром Северной обл. стал Петроград[12]. Высшим органом власти области являлся Съезд советов, а высшим распорядительным органом – ее Совет народных комиссаров. Особую объединяющую и координирующую роль играл ЦИК Союза коммун Северной обл. (СКСО). Иногда в документах и сама область именовалась «СКСО».

Отличительной особенностью Северного областного союза являлось наличие у него не только комиссариатов, решающих внутриполитические и хозяйственные задачи (комиссариаты финансов, юстиции, продовольствия, земледелия, внутренних дел, труда, здравоохранения, просвещения, социального призрения, печати, пропаганды и агитации, контроля, национальностей, почты и телеграфа, путей сообщения), но также военного комиссариата и даже комиссариата иностранных дел[13]. Возглавил СНК Северной обл. член ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьев.

В апреле и июне 1918 г. идею северного областного объединения поддержали I съезд Советов Вологодской губ. и II съезд Советов Архангельской губ. Однако делегатов II съезда Советов Архангельской губ., проходившего 21 июня – 1 июля 1918 г., беспокоил вопрос о границах северного союза. Так, съезд высказался за включение в состав области Пермской и Вятской губерний, с которыми были тесно связаны в хозяйственном отношении Архангельская и Вологодская губернии. В противном случае делегат от Пинежского Совдепа даже предлагал, «ввиду неразрывной связи пяти северных губерний, попытаться немедленно организовать Северную (или Северо-Восточную) обл. по крайней мере из Вятской, Пермской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерний». Впервые на съезде было предложено в рамках реализации «права нации на самоопределение» способствовать объединению «в одно целое всех земель с коренным русским населением». Губисполкому поручалось провести необходимые консультации с соседними северными губерниями и центром[14].

К лету 1918 г. большевики преобладали в советах северных губерний. Однако вследствие неудач Красной армии практически треть территории Северного областного союза РСФСР (в том числе Архангельск и Мурманск) ими не контролировалась. В конце лета и осенью 1918 г. постепенно усиливались и разногласия между Москвой (центральным советским правительством), Петроградом (областным правительством) и губерниями. «Областные учреждения, – говорилось в одном из постановлений СНК РСФСР, – до сих пор еще продолжают издавать свои законы и декреты, нередко противоречащие декретам центральной власти, внося хаос и путаницу в общую законодательную работу советской республики. Создается на местах и в областях ряд пре-

град и запретов, мешающих работе центра по вывозу продовольствия из хлебных мест в нехлебные, стесняющих передвижение продуктов и людей в пределах республики. Издается на местах и в областях ряд постановлений, тормозящих работу центра по распоряжению имуществом республики: таможней, заводами, запасами всякого рода. Наконец, непомерно разрастающаяся ведомственная переписка и вредная канцелярская волокита, засоряющая аппарат советских учреждений, грозят утопить работу советской власти в море ненужной для работы бумаги»[15]. Особую остроту приобретали споры о финансировании губерний и управлении ими.

На губернском съезде в конце ноября 1918 г. РКП(б) ряд вологодских большевиков, представлявших руководство губисполкома во главе с его председателем М.К. Ветошкиным, поставили вопрос о целесообразности нахождения Вологодской губ. в составе Союза коммун Северной обл.[16] Вологодская губ. действительно ничего не выиграла от объединения. Оно лишь усилило путаницу и дезорганизацию управления, создавало большие неудобства при решении финансовых и продовольственных вопросов. Неудивительно, что его единодушно критиковали на волостных, уездных и губернских съездах Советов[17]. В декабре 1918 г. перспективы Северного областного союза обсуждались на областной партийной конференции РКП(б) в Петрограде. От имени Вологодской, Архангельской и Северодвинской губерний выступил Ветошкин. Он решительно высказался против сохранения северного областного правительства, не способного, по его мнению, решать насущные проблемы северных губерний. При этом им подчеркивались как искусственность объединения Севера и Северо-Запада, так и излишняя бюрократизация областных органов власти. Указывая на то, что развитие северного края требует помощи и непосредственного руководства из Москвы, Ветошкин настаивал на выходе Вологодской, Архангельской и Северодвинской губерний из состава Северной обл.[18]

Со своей стороны, СНК Северной обл. стремился сохранить эти территории. В декабре 1918 г. в Вологду для разъяснительной работы был командирован комиссар пропаганды и агитации Северной обл. М.И. Лисовский. Руководителями Вологодской губ. он был встречен крайне враждебно. Тем не менее ему предоставили возможность активно участвовать практически на всех проходивших в декабре уездных съездах, даже выступить в качестве содокладчика на губернском съезде Советов.

Вопрос о пребывании Вологодской губ. в составе Северного областного союза стал одним из основных на II съезде Советов рабочих, 11 крестьянских и красноармейских депутатов Вологодской губ., заседавшем 19–20 декабря 1918 г. В докладе Ветошкина Союз коммун Северной обл. был обвинен в скрытом сепаратизме. Докладчик предрекал: «Найдутся горячие головы, которые пойдут дальше, которые это разделение сфер влияния доведут до столкновения центров. Некоторые уже теперь ясно обнаруживают сепаратистскую метафизику: или Москва, говорят, или Питер». Однако, как утверждал Ветошкин, руководство Вологодской губ. «знает не два, а только один центр – это СНК и ВЦИК»: «Два политических центра – это значит будет два государства: государство Московское и государство Питерское»[19]. Общность интересов северных и северо-западных губерний вызывала у депутатов местных Советов сомнения. Как вспоминал десятилетие спустя Ветошкин, Вологодский губисполком считал «все эти губернии искусственно связанными, благодаря стараниям питерских товарищей»[20].

Возражая Ветошкину, Лисовский прежде всего исходил из роли Петрограда как областного центра: «Много или мало общего имеет Вологодская губ. с Петроградской – это для нас не имеет решительно никакого значения, но факт определенного тяготения к центру, каковым для Севера является именно Петроград – этот факт остается несомненным». «Это факт реальный, – неустанно повторял Лисовский, – и рано или поздно он заставит Север объединиться вокруг своего естественного центра». Отвергая обвинения в бюрократизации и «областничестве», комиссар СКСО доказывал необходимость усиления контроля и выступил против так называемого «вологодского сепаратизма». Зародыш его Лисовский видел в том, что местные руководители упорно отстаивали существование в 3-х северных губерниях определенных особенностей и добивались для них особого положения в Северном областном союзе. Именно здесь, по его мнению, и находится скрытый зародыш сепаратизма, стремление образовать новую область с центром в городе Вологда[21].

В резолюции II съезда Советов Вологодской губ. (за нее проголосовало 84 делегата, против – 21), указывалось: «Существующая ныне Северная область, объединяя разнородные по своему экономическому и культурно-бытовому характеру губернии, из которых одни носят ярко выраженный промышленный характер, а в других промышленная жизнь еще совершенно не развита, одни тяготеют по своему географическому положению к Балтийскому, другие к Белому морю, которые не характеризуются вместе с тем какими-либо общими признаками, наравне с экономическими также и в культурно-бытовом отношении представляют собой не здоровое экономиче-

ское или культурно-бытовое объединение, а искусственный административный союз, неоправданный к тому же и какими-либо удобствами административного управления из областного центра». Съезд настаивал перед Совнаркомом Республики и ВЦИК на реорганизации Северного объединения и создании отдельной Вологодской обл.[22]

Между тем в Москве, допустив образование Союза коммун Северной обл. в Петрограде, вовсе не желали поощрять областной регионализм на Севере, памятуя об оппозиционном областном движении в Архангельске в 1917–1918 гг. К тому же ни Вологда, ни Архангельск не рассматривались здесь в качестве достаточно крупных экономических и политических центров. 20 января 1919 г. ВЦИК РСФСР постановил «решительно выступить против стремления к образованию отдельной области из трех названных губерний» (имелись в виду Архангельская, Вологодская и Северо-Двинская)[23].

Не получив поддержки в центре, вологодские руководители обратились к архангельским и северодвинским Совдепам с предложением совместно обсудить вопрос о создании из 3-х губерний новой области[24]. Выход Вологодской губ. из состава Северной обл. действительно предрешал и отделение Архангельской и Северо-Двинской губерний, которые оказывались отрезанными от остальной территории областного союза. К тому же председатель Северо-Двинского губ. исполкома И.М. Шумилов и члены губисполкома были решительно настроены против сохранения СКСО. В феврале 1919 г. съезд Советов Северо-Двинской губ. без обсуждения поддержал свой губисполком и солидаризировался с вологодскими товарищами[25]. Архангельские губисполком и Совдеп (власть которых не распространялась тогда на большую часть губернии) долгое время официально не высказывались по этому вопросу. Тем не менее, несколько делегатов от 3-х северных губерний приняли участие в открывшемся 24 февраля 1919 г. в Петрограде III съезде Советов Северной обл., принявшем решение о ликвидации Северного областного союза. Ликвидация СКСО, как правило, приветствовалась Советами северных губерний. В Союзе коммун они видели лишь избыточную «передаточную инстанцию». Вместе с тем, на Севере прекрасно понимали, что за «централизмом» Петрограда стоят амбициозные политические планы питерских большевиков, для которых областное устройство Севера, по сути, было глубоко чуждо.

Однако и Советам северных губерний не удалось воспользоваться статусом области. В чрезвычайных условиях гражданской войны 24 октября 1919 г. декретом Совнаркома Республики для управления и осуществления распоряжений советского правительства в районах и губерниях, где велись военные действия, были созданы революционные комитеты. Всем местным органам было дано указание подчиняться директивам ревкомов. Такие же чрезвычайные органы были созданы и на Северном фронте. Фактически была установлена военно-политическая диктатура.

Диктатура, в конце концов, была установлена и на территориях, контролировавшихся противниками большевиков. Созданное в августе 1918 г. в Архангельске под эгидой Учредительного собрания Верховное управление временно, до создания общероссийского правительства, провозгласило свой суверенитет на территории Севера. В провозглашенную Северную обл. предполагалось включить Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, Вятскую и Новгородскую губернии (рассматривался также вопрос о присоединении Ярославской и Костромской губерний)[26]. В состав Верховного управления Северной обл. (ВУСО) были включены представители Архангельской, Вологодской и Новгородской губерний. Таким образом, границы предполагаемого нового образования напоминали те, которые намечались в Архангельске в декабре 1917 г. Не случайно при ВУСО возобновило работу организационно-исполнительное бюро северо-восточного областного съезда, к регионализму которого с крайним недоверием относились большевики (после установления в крае советской власти оно подвергалось всяческим гонениям и 17 июля было закрыто). Сведений о его деятельности сохранилось немного. Видимо, в конце лета 1919 г. бюро северо-восточного съезда прекратило свое существование[27]. И хотя глава Северной обл. Н.В. Чайковский неоднократно заявлял, что будущее России представляется ему не иначе как «свободным строительством народов на принципах автономии и федерализма», реальная обстановка в России не способствовала реализации этих планов[28]. Установление диктатуры большевистской партии и проведение политики «военного коммунизма» формировали новую систему, где не находилось места для самостоятельности регионов. С другой стороны, характерно, что и большинство прежних сторонников децентрализации власти признавали необходимость чрезвычайных мер для окончательной победы в гражданской войне.

Примечание

[1] Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенограф. отчет. М.; Л., 1927. С. 219, 221.

[2] *Ветошкин М.К.* Революция и гражданская война на Севере. Вологда, 1928. С. 37. Еще 14 мая архангельский губисполком рассмотрел вопрос о задачах развития Севера. Главным докладчиком выступил член совнаркома Московской обл. эсер Муштарев, предложивший «для немедленного осуществления на месте начал Федеративной Советской Республики... и защиты местных интересов огромной Северной окраины России» принять решение об объединении всех заинтересованных губерний, «расположенных по системам рек, впадающих в Ледовитый океан и Белое море». Для этого следовало учредить Северо-Морскую обл. в составе Российской Советской Республики и созвать организационное бюро. Более того, принимая во внимание сложную внешнеполитическую обстановку и, в частности, угрозу со стороны Финляндии, Муштарев рекомендовал архангельским властям провести мобилизацию и создать вооруженные силы будущей области. В целях оживления экономики края и борьбы с кризисом он советовал также учредить в Архангельске «свободную гавань» для беспошлинного ввоза товаров из-за границы. Предложения представителя Московской обл. были приняты, однако вследствие позиции, занятой большевистской фракцией, никаких практических действий предпринято не было. См.: Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 352, оп. 1, д. 3, л. 65.

[3] Воля Севера. 1917. 28 декабря.

[4] См. подробнее: *Журавлев П.С.* Объединение северо-восточных губерний: попытки региональной интеграции на Европейском Севере России в преддверии Гражданской войны // XVII Ломоносовские междунар. научн. чтения. Сб. научн. трудов. Вып. 3. Архангельск, 2006. С. 213–228.

[5] Воля Севера. 1917. 29 декабря.

[6] *Голдин В.И.* Время великой драмы и экспериментов. Северный регионализм в эпоху Гражданской войны // Холодный дом России. Документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера. Архангельск, 1996. С. 31.

[7] 26 января 1918 г. такой экономический Совет был создан в Архангельске. На него возлагались регулирование деятельности промышленности и сельского хозяйства губернии, контроль над внешней торговлей и распределением всех хозяйственных ресурсов (Воля Севера. 1918. 10 февраля).

[8] Воля Севера. 1917. 30 декабря.

[9] Северный день. 1918. 12 января.

[10] *Минц И.И.* История Великого Октября. Т. 3. М., 1979. С. 612.

[11] В интервью «Правде» в начале апреля 1918 г. нарком по делам национальностей И.В. Сталин выступил против федеративного деления по географическому признаку, считая, что «области» – это «целостные экономические территории с определенным бытом и национальным составом населения». См.: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 66–73.

[12] Известия ВЦИК. 1918. 27 апреля.

[13] *Потехин М.Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966. С. 159.

[14] ГА АО, ф. 352, оп.1, д. 2, л. 5, 12а, 52.

[15] Там же, д. 30, л. 20; *Ветошкин М.К.* Указ. соч. С. 161.

[16] Борьба за власть Советов в Вологодской губернии (1917–1919 гг.) Сб. док-тов. Вологда, 1957. С. 203.

[17] *Серебрякова З.Л.* Областные объединения Советов России. Март 1917 – декабрь 1918. М., 1977. С. 207.

[18] *Хмелевский В.П.* Третья партийная конференция Северной области (1–4 декабря 1918 г.) // Из истории КПСС и Ленинградской партийной организации. Сб. статей. Вып. 1. Л., 1968. С. 79.

[19] Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 585, оп. 1, д. 716, л. 27–33; ГА АО, ф. 352, оп. 1, д. 30, л. 20; *Ветошкин М.К.* Указ. соч. С. 158; Известия Вологодского губернского исполкома. 1918. 28 декабря.

[20] *Ветошкин М.К.* Указ. соч. С. 156.

[21] ГА ВО, ф. 585, оп. 1, д. 716, л. 34–40.

[22] ГА АО, ф. 352, оп. 1, д. 30, л. 12об.

[23] Декреты Советской власти. Т. 4. 10 ноября 1918 – 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 469; *Серебрякова З.Л.* Указ. соч. С. 208.

[24] ГА АО, ф. 352, оп. 1, д. 30, л. 8.

[25] Известия Вологодского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 16 февраля.

[26] ГА РФ, ф. 17, оп. 1, д. 2, л. 2.

[27] Там же, д. 1, л. 114 об.

[28] Там же, ф. 5805, оп. 1, д. 554, л. 8.

© 2009 г. А. И. БУТВИЛО*

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Региональный подход к изучению отечественной истории приобретает особое значение в рамках активно развивающейся в последнее время имперской парадигмы. Одним из первых на это обстоятельство обратил внимание А. Каппелер: «Преодолевая этноцентризм национально-государственных традиций, он позволяет изучать характер политической империи на различных пространственных плоскостях. В отличие от национальной истории, этнические и национальные факторы здесь не абсолютизируются, а наряду с этническими факторами рассматривается более или менее мирное сосуществование различных религиозных и этнических групп. Смена перспективы разрывает, прежде всего, столетней давности традицию нейтралистского взгляда на историю России, которая себя изжила»[1].

А.И. Миллер, отталкиваясь от тезиса А. Каппелера, выразил сомнение в продуктивности регионального подхода в имперских исследованиях, указав на неопределенность его методологических оснований: расплывчатость самого понятия «регион», его воображаемый характер, стремление рассматривать регион как самодостаточное целое, маргинализацию отношений региона с имперским центром. «По идеологии, а часто и по методологии это близко к краеведению»[2]. Сам Миллер предложил при изучении региональных практик имперского центра отказаться от категорий регионального подхода в пользу ситуативного. «В этом случае в центре внимания оказывается определенная структура этнокультурных, этноконфессиональных, межнациональных отношений или же различные аспекты, например, экономического, административного взаимодействия. Задача в том, чтобы выявить участвовавших в этом взаимодействии акторов и понять логику их поведения, т.е. реконструировать ситуацию взаимодействия в возможной полноте. Это предполагает... что определение границ изучаемого пространства, насколько такое определение вообще становится возможным, становится вторичным и условным»[3]. И далее: «Те преимущества, которые видят в региональном подходе его сторонники, а именно внимание к локальным акторам и процессам, отход от империоцентричного или нациоцентричного взгляда более надежно обеспечиваются в рамках ситуационного подхода. При этом ситуационный подход позволяет избежать тех опасностей и ловушек (эссенциализация региона, неверное определение границ изучаемого пространства, маргинализация внерегиональных акторов), которые свойственны региональному подходу»[4].

Однако какой бы условной и вторичной не становилась задача определения территориальных границ изучаемого пространства в рамках ситуационного подхода, она не может быть проигнорирована исследователями. Но при ее решении следует помнить о невозможности универсального определения границ конкретного региона. Они видоизменяются в зависимости от решаемых исследовательских задач, от того, что является предметом исследования: политические, экономические, социальные или другие процессы.

В тех случаях, когда речь идет об изучении политических аспектов истории империи и ее региональных практик, исследователь не только должен помнить о субъективности своих представлений о границах регионов, но и о том, как представлял себе эти границы имперский центр в исследуемый период, реализуя эти представления в административно-территориальном делении страны, а также как воображали границы региона местные элиты, региональные факторы политического процесса. Сопоставление этих точек зрения позволяет создать необходимую территориальную основу для изучения региональных практик империи в рамках ситуационного подхода.

В рамках данной статьи попробуем провести такой анализ применительно к конкретной ситуации, связанной с образованием в 1920 г. Карельской Трудовой Коммуны (КТК) и крайне мучительным процессом определения ее территории.

В советской историографии образование КТК описывалось на основании некритического использования источников официального характера, причем далеко не всех. Так, во II томе «Очерков истории Карелии», вышедшем в свет в 1964 г., говорилось: «Советское правительство, неуклонно руководствуясь ленинской национальной политикой, горячо поддержало карельский

* **Бутвило Андрей Изыдорович,** кандидат исторических, наук, доцент кафедры отечественной истории послереволюционного периода Петрозаводского государственного университета.

народ в его стремлении к самоопределению в составе Советской республики. ... Трудящиеся Карелии радостно приветствовали декрет ВЦИК, положивший начало образованию национальной советской государственности карельского народа»[5].

Автор соответствующей главы «Очерков» известный карельский историк В.И. Машезерский, посвятивший КТК множество публикаций, на протяжении всей своей жизни последовательно придерживался этой позиции. В вышедшей в 1978 г. уже после его смерти монографии «Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии» данная концепция излагается развернуто и подробно и рассматривается как единственно возможная[6].

Постсоветский период в изучении проблемы характеризуется снятием идеологического давления на исследователей, значительным, хотя и не полным, рассекречиванием архивных источников, публикацией на русском языке работ финских историков. В результате всех этих процессов в историографии формируется альтернативная концепция, один из наиболее ярких представителей которой – Ю.М. Килин (ПетрГУ). Основным содержанием этой концепции является тезис об обусловленности всего процесса национально-государственного строительства в Карелии внешнеполитическими факторами, в первую очередь, развитием отношений с Финляндией. Главной целью возглавивших КТК «красных» финнов представители этого историографического течения назвали экспорт революции в Финляндию и Скандинавию.

В 2001 г. была издана «История Карелии с древнейших времен до наших дней», явившаяся попыткой карельских историков представить более современную по сравнению с «Очерками истории Карелии» картину истории края, «дать непредвзятую оценку исторического развития края с учетом современного уровня научных знаний»[7]. Автор параграфа, посвященного образованию КТК, Е.Ю. Дубровская, следуя общей цели творческого коллектива, постаралась дать взвешенную картину имевших место в 1920 г. событий. В ее интерпретации они развивались в общем русле национальной политики большевиков, однако под серьезным влиянием внешнеполитического контекста и не столь прямолинейно, как это представлялось советским историкам. Отсутствовало единство в вопросе о национальном самоопределении как среди карельского народа, так и в среде местной партийно-правительственной элиты. Сложно решались вопросы о границах новой автономной области, языковой политике и т. д. В целом предложенная Дубровской картина образования КТК стала значительным шагом вперед на пути преодоления односторонней и упрощенной версии советской историографии.

Но можно ли считать вопрос об образовании КТК в основном изученным? Безусловно, нет. Анализ источников, ставших доступными с середины 1990-х гг., показывает, что ряд аспектов проблемы требует очень серьезного пересмотра сложившихся оценок и восполнения весьма существенных пробелов в историографии вопроса. Даже в вопросе о дате провозглашения КТК ясно далеко не все. В последние десятилетия таковой считается 8 июня 1920 г. Более того, этот день является одним из главных государственных праздников Карелии – Днем Республики. Официально считается, что образование КТК положило начало национальной государственности карельского народа. Следует, однако, учитывать, что, во-первых, КТК являлась не национально-государственным, а национально-территориальным образованием; во-вторых, соответствующий декрет ВЦИК был принят его президиумом 7 июня, что подтверждают архивные источники. Да и в обращении ВЦИК к карельскому народу от 22 сентября 1920 г. датой образования КТК называется 7 июня. Эта же дата упоминалась во всех документах органов КТК и вплоть до 1950-х гг. Можно предположить, что причиной появления новой даты послужила публикация декрета об образовании КТК, датированного 8 июня, в авторитетном издании «Декреты Советской власти». Но там эта дата никак не обоснована.

Но вернемся к проблеме формирования территории КТК. Принципиальное решение об образовании новой административно-территориальной единицы было принято Политбюро ЦК РКП(б) 18 мая 1920 г.: «Признать в принципе желательным организацию Карельской коммуны. Провести это в жизнь комиссии из тт. Владимирского[8], Карахана[9], представителей от финских и петроградских товарищей и Немецкой Трудовой Коммуны»[10]. Обратим внимание на отсутствие в составе комиссии представителей Наркомата по делам национальностей РСФСР, Архангельской и Олонецкой губ., а также созданного по инициативе Олонецкого уездного исполкома Организационного бюро по созыву съезда представителей трудящихся карел.

1 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад комиссии М.Ф. Владимирского и постановило: «Поручить т. Владимирскому провести через Президиум ВЦИК постановление о создании корельской трудовой коммуны, а Оргбюро совместно с тт. Зиновьевым[11], Чичериным[12], Владимирским определить состав Корельского комитета»[13].

7 июня 1920 г. Президиум ВЦИК постановляет: «1. Образовать в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний в порядке ст. 11 Конституции РСФСР ... областное

объединение – Карельскую Трудовую Коммуну. 2. Поручить Карельскому комитету в составе Эдварда Гюллинга[14], Якова Мяки[15] и Василия Куджиева[16] приступить немедленно к подготовке созыва съезда Советов Карельской Трудовой Коммуны, который определит организацию органов власти в Карельской Трудовой Коммуне»[17].

Постановление Президиума ВЦИК весьма приблизительно определяло границы новой административно-территориальной единицы. Чем можно объяснить спешку с принятием постановления об образовании КТК до решения вопроса о границах? Очевидно, что, во-первых, спешили вооружиться столь важным «козырем» к началу открывавшихся 12 июня мирных переговоров с Финляндией, а, во-вторых, нельзя исключать очередного проявления низкого уровня правовой культуры большевистских руководителей страны.

1–3 июля 1920 г. состоялся Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, постановивший: «Приветствовать образование постановлением ВЦИК Советов России из карельских местностей Архангельской и Олонецкой губерний Карельской Трудовой Коммуны. Коммуна должна остаться в неразрывной связи с Советской Россией, развивая свое хозяйство и культуру в тесном содружестве с рабоче-крестьянскими массами России и сохраняя советскую политическую форму управления»[18].

Правовой статус Всекарельского съезда представителей трудящихся карел был весьма неопределенным. Финляндия требовала проведения полноценного Учредительного собрания, демократически избранного карельским населением. В.И. Машезерский спустя 60 лет писал, что съезд «с полным правом можно назвать Учредительным собранием – на нем была создана национальная государственность карельского народа. Несомненное доказательство тому активное широкое участие самых широких масс карельских трудящихся в его подготовке, подлинная правомочность его как органа, представляющего в лице делегатов громадное большинство карельского народа»[19]. Но, как уже указывалось выше, ни ВЦИК, ни Всекарельский съезд трудящихся карел никакой национальной государственности карельского народа в 1920 г. не создавали – возникло национально-территориальное образование. В лучшем случае можно говорить о создании предпосылок для решения этой задачи в 1923 г. с провозглашением АКССР. Кроме того, утверждение о правомочности этого съезда также весьма сомнительно, поскольку выборы делегатов проходили на весьма расплывчатых правовых основаниях и от территорий, юридически к тому времени в состав КТК не включенных. Не случайно немедленно по окончании Всекарельского съезда трудящихся карел развернулась подготовка I Всекарельского съезда Советов. Едва ли не главной составной частью этой подготовки стала борьба по территориальному вопросу.

Рассмотрим, как определение территории КТК описывалось в советской историографии, и дополним эту картину данными рассекреченных в середине 1990-х гг. источников.

В.И. Машезерский в 1964 г. упоминает о том, что «при установлении границ области возникали споры, являвшиеся следствием недопонимания существа советской автономии некоторой частью местных советских работников, считавших, что в состав области должна быть включена только территория, населенная карелами. При таком одностороннем подходе Карельская Трудовая Коммуна оказалась бы оторванной от важных для ее экономического развития районов, от железнодорожной магистрали и от водных путей, что не только не способствовало бы быстрому развитию Карелии, но, напротив, задержало бы его»[20]. По мнению Машезерского, все национальные и экономические факторы были учтены в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 4 августа 1920 г. Напомним, что это постановление предусматривало передачу в состав КТК 21 волости из состава Олонецкого, Петрозаводского и Повенецкого уездов Олонецкой губ. и 20 волостей Кемского уезда Архангельской губ. Наркомату внутренних дел поручалось решить вопрос о присоединении к смежным губерниям уездов Олонецкой губ., не вошедших в состав КТК[21]. Далее историк пишет, что «в дальнейшем территория и границы области уточнялись. Общая площадь первоначальной территории Карельской Трудовой Коммуны составила 115 186 кв. км с населением 144 393 человек, из них около 60% составляли карелы и 37% русские. На территории Карельской Трудовой Коммуны было образовано три уезда: Кемский, Петрозаводский и Олонецкий. ... Административным центром автономной области стал Петрозаводск. В состав Коммуны вошла территория с естественными водными путями, тяготеющими к Белому морю, Ладожскому и Онежскому озерам, и часть Мурманской железной дороги»[22].

В «Очерках истории Карелии» также указывается, что в августе 1922 г. была упразднена Олонецкая губ. и к КТК отошли «тяготевшие к ней экономически и географически Повенецкий и большая часть Пудожского уезда. В апреле 1923 г. в состав Карелии вошло 5 поморских волостей Онежского уезда Архангельской губ. Летом 1923 г. территория Карельской Трудовой Коммуны составляла 144.6 тыс. кв. км с населением более 200 тыс. человек»[23].

Такая историографическая картина формирования территории КТК в практически неизменном виде сохранялась на протяжении 15 лет. В 1978 г. в своей монографии о КТК Машезерский существенно дополнил ее, признав, что разногласия при решении вопроса о территориальном устройстве КТК между Олонецким губисполкомом и Революционным комитетом КТК носили принципиальный характер. При этом Машезерский полагал, что позиция Олонецкого губисполкома, настаивавшего на буквальном толковании постановления Президиума ВЦИК от 7 июня 1920 г., «не только была принципиально ошибочной, исходящей из отвергнутого партией принципа "территориально-национальной автономии", но и практически неосуществимой в силу исторически сложившейся в ряде мест чересполосицы между карельскими и ... русскими поселениями. Кроме того, при таком территориальном устройстве автономная область лишалась жизненно важных для ее экономического развития районов»[24].

Правильную позицию, по мнению Машезерского, занял Революционный комитет КТК, проект которого учитывал как национальные, так и экономико-географические факторы, поскольку предполагал включение в состав КТК значительной части Мурманской железной дороги, часть побережья Ладожского и Онежского озер, Белого моря с устьями важных для Карелии рек, населенных преимущественно русскими. Недостатком данного проекта являлись претензии на Александровский уезд Архангельской губ., значительно отличавшийся по экономике, занятиям и быту населения от Карелии[25]. В монографии Машезерского сообщается о том, что вопрос о территориальном устройстве КТК рассматривался на межведомственном совещании при НКВД РСФСР 28 июля 1920 г. под председательством М.Ф. Владимирского и с участием представителей наркоматов по иностранным делам, по делам национальностей, внешней торговли, ВСНХ, Ревкома КТК. Совещание поддержало проект Ревкома КТК, отложив лишь решение вопроса об Александровском уезде Архангельской губ. «до волеизъявления трудящегося населения этого края»[26].

Отредактированный по итогам межведомственного совещания проект и был принят в качестве постановления ВЦИК и СНК от 4 августа 1920 г. СНК РСФСР обсуждал проект 3 августа и только на этом этапе заслушали мнение представителя Олонецкой губ. С.А. Соболева[27], дав ему для выступления 5 минут.

В соответствии с традициями советской историографии Машезерский считает единственно правильным тот вариант решения проблемы, который был избран органами власти: «Образование такой жизнеспособной национальной области, в рамках которой не только было осуществлено объединение местностей, населенных карелами, но и созданы объективные экономико-географические предпосылки для ее развития, потребовало... включения в состав Коммуны и районов с русским населением. Это, разумеется, ни в коей мере не нарушало принципа национального самоопределения по отношению к карельскому народу. Напротив, такое решение территориальной проблемы в полной мере соответствовало основам ленинской национальной политики, направленной на создание наиболее благоприятных объективных условий для всестороннего политического, экономического и культурного развития народов области»[28].

Если заявление Машезерского о том, что включение в состав КТК русских территорий способствовало реализации принципа национального самоопределения карелов, представляется несколько надуманным, то, напротив, весьма вероятным выглядит его замечание об учете центром при решении этого вопроса классового фактора: «Вместе с русскими в состав области вошел и отряд рабочих (лесозаводов, Онежского завода, железнодорожников), сыгравших ведущую роль в революционном движении и установлении Советской власти. Для развития и укрепления автономной области с подавляющим числом крестьянского населения наличие, пусть тогда еще немногочисленного, но наиболее организованного, имеющего ценный опыт революционной политической борьбы, отряда рабочих было несомненно весьма важным фактором»[29].

В 1964 г. в «Очерках истории Карелии» В.И. Машезерский ограничился кратким указанием на то, что границы КТК уточнялись и после принятия постановления ВЦИК и СНК от 4 августа. В 1978 г. он счел возможным более подробно осветить этот процесс. По его мнению, проблема сводилась к решению вопроса об оставшихся вне КТК территорий Олонецкой губ., тяготевших к Петрозаводску.

Административная комиссия Олонецкого губисполкома признала нецелесообразным образование новой губернии из оставшихся за пределами КТК территорий в силу их разбросанности и острого недостатка кадров. Она предложила включить в состав КТК оставшиеся за ее пределами волости Повенецкого и Петрозаводского уездов, а также западную часть Пудожского уезда. Остальную территорию Олонецкой губ. предлагалось передать соседним губерниям. 20 августа 1920 г. Олонецкий губисполком поддержал предложения своей административной комиссии, дополнив их пожеланием о включении в состав КТК почти всей оставшейся территории губер-

нии, включая весь Лодейнопольский и большую часть Пудожского и Вытегорского уездов. Ревком КТК обсудил этот вопрос 26 августа и согласился на вхождение в состав только части оставшейся территории Олонецкой губ.: остальных волостей Повенецкого уезда, западной части Пудожского уезда, двух волостей Петрозаводского уезда и одной волости Олонецкого уезда.

30 августа вопрос рассматривала межведомственная комиссия при НКВД РСФСР под председательством М.Ф. Владимирского, признавшая необходимым сохранение Олонецкой губ. с пребыванием губисполкома в Петрозаводске. 11 сентября 1920 г. выходит совместное постановление ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Олонецкой губ. с сохранением единых для губернии и Коммуны совнархоза, земельного и продовольственного отделов. Столь оригинальное решение относительно организации аппаратов государственного управления КТК и Олонецкой губ. Машезерский предпочел никак не комментировать, зато впервые указал на еще одну проблему во взаимоотношениях губернии и Коммуны: «Выдвигаемые ранее, еще до определения территории Коммуны, предложения об установлении административного центра Коммуны в городе Кеми или поселке Медвежья Гора Карельский ревком отверг. Также несостоятельными оказались и выдвигаемые впоследствии предложения о переводе губернских учреждений в Лодейное Поле или Вытегру. Петрозаводск таким образом стал административным центром и Карельской Трудовой Коммуны и губернии»[30]. Но советский историк свел проблему только к острому жилищному кризису, который разрешался совместной комиссией ревкома и губисполкома.

Монографией Машезерского завершился советский этап изучения проблемы. Дальнейшее развитие историографии было связано с постсоветским периодом, когда на русском языке начали выходить работы финских историков, а также появились новые исследования российских ученых.

Для рассматриваемой нами проблемы весьма значимой, даже знаковой, стала статья финского историка М. Кангаспуро «Финская эпоха Советской Карелии»[31]. В ней он указал на то, что конфликт внутри местной элиты носил не поверхностный характер, вызванный недопониманием теми или иными деятелями тонкостей национальной политики партии, а был принципиальным противостоянием. В.М. Куджиев, руководители Олонецкой губ., большинство членов ЦК КПФ рассматривали КТК как временное образование, возникшее в контексте отношений с Финляндией. Они вообще считали национальную политику второстепенной задачей и мыслили категориями скорой победоносной мировой революции. Им противостояла группа Э.А. Гюллинга, занимавшего более прагматичную позицию, осознавшего значение национальной политики. По мнению Кангаспуро, за первыми стоял Г.Е. Зиновьев, за вторыми –В.И. Ленин и И.В. Сталин[32]. Кангаспуро не рассматривает специально вопрос об определении границ КТК, но его тезис о природе конфликта в среде карельско-олонецкой элиты позволяет предположить, что различия в подходах к этому вопросу не были случайными и не диктовались сугубо местными интересами.

В 1999 г. была издана монография Ю.М. Килина, посвященная анализу истории Карелии 1920–1930-х гг., рассматриваемой во взаимосвязи военно-стратегических, дипломатических, экономических и политических аспектов. Автор вполне определенно сформулировал суть своей концепции: «Политика Советского государства в отношении Карелии была обусловлена военно-стратегическими и внешнеполитическими императивами, а ее специфика в конкретные периоды определялась характером отношений с Финляндией»[33].

Называя авторами идеи восточно-карельской автономии «красных» финнов и прежде всего Гюллинга, Килин обращает внимание на письмо Гюллинга, адресованное Ю. Сирола и датируемое концом 1919 – началом 1920 гг.[34] Письмо было опубликовано в 1990 г.[35] Касаясь вопроса о возможных границах автономии, Гюллинг писал о «территории Карелии и Кольского полуострова, во всяком случае, его западной части... границами которой были бы Белое Море, Онежское озеро, Финляндская граница и Ледовитый океан»[36].

Говоря о процессе формирования территории КТК, Килин в целом воспроизводит уже известную картину. Но принципиально новым моментом является его указание на роль Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР не только в образовании КТК вообще, но в определении ее границ. Так, предложенный Олонецким губисполкомом вариант национальных границ был, по мнению Килина, абсолютно неприемлем для НКИД в период переговоров в Тарту[37].

«История Карелии с древнейших времен до наших дней» каких-либо новых моментов в истории территориального строительства КТК не содержала. Таким образом, можно резюмировать, что современная историографическая картина интересующей нас проблемы сложилась к 2000 г. и с тех пор принципиального развития не получила.

Однако изучение архивных источников позволяет внести существенные коррективы в сложившиеся представления о том, как и под влиянием каких акторов складывалась территория

КТК. Можно выделить несколько основных моментов. Во-первых, явно недооценена роль Наркомата по иностранным делам РСФСР в создании и судьбе КТК, в том числе и в решении ее территориальных проблем. Выше уже отмечалось, что представители НКИД включались во все комиссии, решавшие вопросы, связанные с КТК. Революционный комитет КТК постоянно информировал НКИД о ситуации в области и обращался к нему за помощью в решении своих проблем. О роли НКИД в решении территориальных вопросов КТК можно судить по ряду документов, относящихся уже к периоду преобразования КТК в автономную республику.

Вопрос о преобразовании возникал еще в марте 1922 г., но тогда Оргбюро ЦК РКП(б) не поддержало соответствующую инициативу Гюллинга[38]. Весной 1923 г. ситуация изменилась в связи с активными действиями финской дипломатии, обвинившей РСФСР в невыполнении условий договора 1920 г. относительно Карелии. Это позволило Гюллингу вновь поднять вопрос о повышении государственно-правового статуса области. И действовать он не случайно начал через НКИД. При этом немаловажную роль вновь стал играть территориальный вопрос.

26 мая 1923 г. Г.В. Чичерин пишет заместителю наркома по делам национальностей РСФСР Г.И. Бройдо: «У меня были тт. Шотман[39], Гюллинг и несколько карельских товарищей, просили поддержки НКИД для проведения вопроса о переименовании Карельской Трудовой Коммуны в республику и сохранении за ней бюджетной отдельности. Мы собственно могли с самого начала назвать Карелию республикой, сам я еще в момент ее основания это поддержал бы, но возникли какие-то неизвестные мне препятствия на местах, кажется со стороны Олонецкого губисполкома. В настоящее время я не усматриваю более препятствий для зафиксирования за Карелией наименования Республики»[40].

Уже 31 мая Чичерин, обращаясь к тому же адресату, уточняет свою позицию: «Другие члены коллегии НКИД сказали мне, что по их сведениям имеется ввиду не только переименование Карелии, но и территориальное изменение, а именно громадное расширение ее границ, со включением в состав всей Олонецкой губ. и всего Мурманского края. Такое увеличение я считаю совершенно неправильным. Карелия была создана именно в том территориальном составе, в каком имеется карельское население. Совершенно нецелесообразно соединять в одной автономной республике территории с различным населением. Или эта республика перестанет быть Карелией, или в ней будет некарельское меньшинство, которое будут приносить в жертву»[41].

1 июня 1923 г. Наркомат по делам национальностей признал преобразование КТК в автономную республику целесообразным, но разделил сомнения Чичерина относительно предлагаемых территориальных изменений и образовал для обсуждения данной проблемы специальную комиссию с участием представителей Петроградского губисполкома, Мурманского исполкома, Наркомнаца и КТК[42].

О предложениях руководства КТК по территориальному вопросу можно судить по имеющемуся в фонде Наркомата по делам национальностей ГА РФ проекту декрета ВЦИК об образовании АКССР, 1-й пункт которого гласит: «Образовать Автономную Карельскую Социалистическую Советскую Республику из территории КТК и Мурманской губернии в границах, ныне существующих»[43].

2 июня Г.И. Бройдо проинформировал Чичерина о принятых решениях, сообщив также, что «вопрос о территориальном составе осложняется предложениями Карельской Трудовой Коммуны и Петрогубисполкома об изъятии из территориального состава Карельской Коммуны Пудожского[44] уезда, заселенного русским населением, что может отразиться на отношении к вопросу о включении Мурманской губернии в состав Карельской Коммуны»[45].

13 июня 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло положительное решение об образовании АКССР. 14 июня свой вердикт Политбюро ЦК РКП(б): «Постановление Оргбюро утвердить в случае отсутствия формальных препятствий, о чем справиться в НКИД»[46]. Таким образом, последнее слово в решении вопроса оказалось за Наркоматом по иностранным делам.

18 июня 1923 г. Чичерин сообщил в Секретариат ЦК РКП(б): «Коллегия НКИД единогласно признает, что формальных препятствий для переименования Картрудкоммуны в Карельскую Республику нет. Коллегия считает это переименование желательным, относясь отрицательно к расширению территории Карелии»[47]. В письме также указывалось, что М.М. Литвинов остался по данному вопросу при особом мнении.

На следующий день И.В. Сталин разослал членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК РКП(б), членам Президиума ЦКК записку: «Сообщается, что согласно прилагаемого сообщения НКИД ... постановление о переименовании Карельской Трудовой Коммуны в Карельскую Социалистическую Советскую Республику считается утвержденным»[48].

25 июля 1923 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление об образовании АКССР, которое не предусматривало каких-либо территориальных изменений. Таким образом, позиция НКИД по этому вопросу оказалась решающей.

Кроме того, существующая историографическая картина не отражает всей остроты конфликта вокруг Петрозаводска, как административного центра одновременно КТК и Олонецкой губ. По накалу страстей и степени вовлеченности в конфликт центра можно судить о том, что вопрос носил политический характер. Достаточно сказать, что Э.А. Гюллинг и Я.Ф. Мяки, потребовав от центра принятия решения о выселении Олонецкого губисполкома из Петрозаводска, действовали на свой страх и риск, не поставив в известность не только объединенный Карельско-Олонецкий губком РКП(б), но даже Ревком КТК. В результате они получили 8 февраля 1921 г. по выговору с занесением в партийный билет[49], но упорно продолжали добиваться своего, явно чувствуя серьезную поддержку в центре. При анализе всей совокупности источников можно предположить, что главным их союзником был Сталин.

Но руководство Олонецкой губ., поддержанное Карельско-Олонецким объединенным губкомом партии, оказывало центру упорное сопротивление. Получив известие о том, что Президиум ВЦИК 3 февраля 1921 г. принял постановление о выселении губисполкома в Вытегру или Лодейное Поле, фракция РКП(б) работавшего в тот момент VIII Олонецкого губернского съезда Советов в свою очередь постановила: «О переводе губисполкома в Вытегру или Лодейное Поле не может быть и речи, так как в этих городах, и без того переселенных, испытывающих острый жилищный кризис, не могут размещаться отделы губернского исполкома. ... Никаких оснований к выезду губисполкома из Петрозаводска в другие города нет, кроме переживаемого жилищного кризиса и эгоистических стремлений отдельных членов Карельского ревкома разместить поудобнее областные отделы, нет. ... Таким образом, постановление ВЦИК ставит 8-й съезд перед дилеммой: либо раскассировать губернию, либо поднять вопрос о пересмотре границ Карельской Трудовой Коммуны, чтобы обеспечить жизненные интересы тех частей губернии, которые тяготеют к Петрозаводску. ... Единственное условие, которое необходимо осуществить для спокойной работы губернских органов – это прекращение попыток путем личных знакомств в центре финских товарищей из Карисполкома "выставить" губисполком из Петрозаводска»[50].

Фракция фактически предъявила ультиматум, отказавшись до решения вопроса избирать на съезде новый состав губисполкома. Президиум Карельско-Олонецкого губисполкома после ожесточенной дискуссии сумел несколько разрядить ситуацию, поддержав по существу позицию фракции, но убедив ее обратиться с апелляцией к ЦК РКП(б)[51]. ЦК РКП(б) 8 февраля 1921 г. поддержал постановление Президиума ВЦИК. Единственной уступкой стало предоставление М.Ф. Владимирскому права отсрочить выезд губисполкома до открытия навигации[52].

Через некоторое время центр выделил деньги и стройматериалы для строительства зданий для Олонецкого губисполкома в Лодейном Поле. Но строительство затягивалось, а губисполком всячески саботировал постановление о выезде до его завершения. В конце концов, не без содействия руководителей КТК терпение центра лопнуло. 25 августа 1921 г. Президиум ВЦИК принимает беспрецедентное решение: «Предать суду Верховного трибунала президиум Олонецкого губисполкома и предложить Олонецкому губисполкому избрать новый президиум»[53]. Это было уже слишком и, по всей видимости, обе стороны пошли на уступки. 19 сентября того же года Президиум ВЦИК постановляет: «Ввиду того, что постановление Президиума ВЦИК о выезде из Петрозаводска Олонецкого губисполкома принято к исполнению по соглашению с Карельской коммуной, а также принимая во внимание, что губисполкомом признана недопустимость посланного им ранее заявления, Президиум ВЦИК постановляет ... президиум Олонецкого губисполкома суду Верховного трибунала не придавать»[54]. Но история с выездом губисполкома из Петрозаводска будет тянуться еще год, вплоть до окончательной ликвидации Олонецкой губ. в сентябре 1922 г.

Таким образом, мы видим, что внешне формальная процедура определения территории Карельской Трудовой Коммуны на деле представляла собой острейшую политическую проблему, в которой переплелись самые разнообразные факторы: отношения с Финляндией, расхождения во взглядах на национальную политику, личностные конфликты в российской и местной элитах. Это предопределило активное участие в данной процедуре многих акторов: ЦК РКП(б), ВЦИКа, Совнаркома, наркоматов по иностранным делам, по национальной политике, внутренних дел, Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), Центрального бюро Финских организаций ЦК РКП(б), местных партийных и советских органов. Результатом их взаимодействия и стал привычный для нас территориальный образ Карельской Трудовой Коммуны.

Примечания

[1] *Каппелер А.* «Россия – многонациональная империя»: восемь лет спустя после публикации книги // Ab imperio. 2000. № 1. С. 21.

[2] *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 23.

[3] Там же. С. 28.

[4] Там же. С. 32.

[5] Очерки истории Карелии. Т. II. Петрозаводск, 1964. С. 135–136.

[6] *Машезерский В.И.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978.

[7] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 3.

[8] В описываемый период – заместитель наркома внутренних дел РСФСР.

[9] В описываемый период – заместитель наркома по иностранным делам РСФСР.

[10] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 79, л. 3.

[11] В описываемый период – председатель Петроградского Совета, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), председатель ИККИ.

[12] В описываемый период – нарком по иностранным делам РСФСР.

[13] РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 71, л. 18.

[14] Гюллинг Эдвард Александрович – финн, с 1904 г. член Социал-демократической партии Финляндии, участник революции 1918 г. в Финляндии, с 1920 г. член РКП(б).

[15] Мяки Яков (Якко) Фомич – финн, с 1899 г. член Социал-демократической партии Финляндии, с 1918 г. – Коммунистической партии Финляндии, с 1919 г. – РКП(б), с марта 1920 г. возглавлял Карело-Мурманский отдел Центрального бюро Финских организаций при ЦК РКП(б).

[16] Куджиев Василий Михайлович – карел, с 1917 г. меньшевик, с 1919 г. член ЦК РКП(б), в 1917–1918 гг. председатель Олонецкого губисполкома («эсеро-меньшевистского»), с 1918 г. работал в Москве.

[17] Декреты Советской власти. Т. IX. М., 1978. С. 35.

[18] Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. 1–3 июля 1920 г. I Всекарельский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 11–18 февраля 1921 г.: Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 36–37.

[19] *Машезерский В.И.* Указ. соч. С. 90.

[20] Очерки истории Карелии. Т. II. Петрозаводск, 1964. С. 140.

[21] Декреты Советской власти. Т. X. М., 1980. С. 45.

[22] Очерки истории Карелии. Т. II. Петрозаводск, 1964. С. 141–142.

[23] Там же. С. 167.

[24] *Машезерский В.И.* Указ. соч. С. 98.

[25] Там же. С. 99.

[26] Там же. С. 100.

[27] С мая 1920 г. председатель Олонецкого губисполкома.

[28] *Машезерский В.И.* Указ. соч. С. 102.

[29] Там же. С. 104.

[30] Там же. С. 107–108.

[31] *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 123–160.

[32] Там же. С. 124.

[33] *Килин Ю.М.* Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 13.

[34] Там же. С. 41.

[35] Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. 1–3 июля 1920 г. С. 257–259.

[36] Там же. С. 257.

[37] *Килин Ю.М.* Указ. соч. С. 46.

[38] *Кангаспуро М.* Указ. соч. С. 126.

[39] В описываемый период – председатель Экономического совещания КТК.

[40] ГА РФ, ф. Р-318, оп. 1, д. 62, л. 21.

[41] Там же, л. 23.

[42] Там же, л. 25.

[43] Там же, л. 28.

[44] Имеется в виду «Пудожского».

[45] ГА РФ, ф. Р-1318, оп. 1, д. 62, л. 24.

[46] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 360, л. 6.

[47] Там же, оп. 163, д. 342, л. 44.

[48] Там же, л. 45.

[49] НА РК, ф. П-7, оп. 1, д. 24, л. 15.

[50] Там же, ф. П-3, оп. 1, д. 1, л. 19–20 об.

[51] Там же, ф. П-7, оп. 1, д. 24, л. 13.

[52] Там же, ф. Р-549, оп. 1, д. 1/10, л. 8.

[53] Там же. ф. П-3, оп. 1, д. 1, л. 41.

[54] Там же, л. 48.

© 2009 г. В.А. САБЛИН*

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РЫНОК НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1917–1920-х годах

Знание конкретных механизмов функционирования и эволюции индивидуального крестьянского двора периода революции и Гражданской войны, взятых во взаимосвязи производственных и социальных факторов, позволяет оценить внутреннее содержание тех масштабных изменений, которые происходили в аграрной сфере страны этого времени, а также понять основы политики 1930-х гг. Набиравшая после начала Первой мировой войны силу тенденция централизованного регулирования производства и обмена в ходе революции 1917 г., как известно, трансформировалась в систему государственной хлебной монополии, твердых цен и ограничения продовольственного рынка[1]. Процесс свертывания рынка определялся, в первую очередь, расширением продразверстки, ликвидацией частной торговли[2], постепенным исчезновением крупных крестьянских дворов – основных производителей товарной продукции и углублявшейся натурализацией – «доведением хозяйства до размеров продовольственного участка»[3]. Разумеется, сыграла свою роль хозяйственная разруха и общее понижение уровня благосостояния населения.

Известно, что в 1918 г. основным инструментом государственной заготовки продовольствия являлись реквизиционно-закупочные отряды (продотряды), опиравшиеся в своей деятельности на комитеты деревенской бедноты. Следует отметить, что в течение этого года власть дважды (весной и осенью) предпринимала попытку заготовить продовольствие посредством товарообмена[4], но оба раза неудачно[5] (частично товарообмен использовался теми же продотрядами). Параллельно развивались абсолютно иные формы продуктообмена. Частный торговый оборот между городом и деревней полностью переместился в область рыночной и базарной торговли, мешочничества. Мешочничеством и лоскутничеством нередко занимались с целью спекуляции, но в основном это была стихийная форма добычи пропитания голодающим городским и сельским населением. Мешочники устремлялись в наиболее хлебные районы Никольского уезда Северо-Двинской губ., в Тотемский уезд Вологодской губ., в Шенкурский – Архангельской и др., порой отдавая последнее, что имели, для обмена на хлеб.

С переходом к продразверстке в стране окончательно сложился механизм заготовки и нормированного распределения продуктов. Очевидец тех лет П. Нелаев писал о ситуации в северной деревне: «Все заняла карточная система. Делили по ложке на нос чай, полученный в кооперативе, ругались из-за пары платков, высланных на 70 кудлатых бабьих голов. Выстаивали дни у волпродагентов за получением 10 фунтов овса – паек на месяц. В деревне поселились продовольственные отряды, и день изо дня ходили комиссии по учету хлеба. Искали у зажиточных в сараях, чуланах, в клетях, в хлевах – хлеб»[6]. Значит ли это, что рынок окончательно перестал быть регулятором экономических связей между городом и деревней? Государственные усилия по запрещению

* **Саблин Василий Анатольевич,** доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.

рынка загнали его в подполье, где он продолжал существовать, правда, в исковерканном, деформированном виде. Это касается, в первую очередь, самостоятельных заготовок продовольствия горожанами. По мере расширения деятельности Наркомпрода они сокращались, но, тем не менее, составляли в 1918 г. 75.2% от всей заготовленной и закупленной продукции, в 1919 г. – 53.51, в 1920 г. – 26.5%[7]. С июля 1919 г. по май 1920 г. объем продукции, приобретаемой горожанами трех северных губерний на рынке по вольным ценам путем обмена, платы за работу и т.п., составлял около 30–40%[8]. В конце 1920 г. рабочий и служащий Вологды вынужден был, чтобы обеспечить себя минимальной прожиточной нормой, приобретать две трети продуктов на вольном рынке[9].

В этой ситуации определенная часть продуктов личного производства всевозможными путями уберегалась и утаивалась крестьянином с перспективой ее продажи или обмена. Но такую возможность имели далеко не все. С другой стороны, свертывание частного торгового оборота города и деревни приводило к относительному расширению внутридеревенского оборота сельскохозяйственных продуктов[10]. Рынок, перестроившись, продолжал играть важную роль в экономике, охватывая в разные годы не менее половины товарооборота страны.

Начало функционирования легальных механизмов рынка ряд современных исследователей связывает с опубликованием декрета СНК от 28 мая 1921 г. «О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку»[11]. Строго говоря, власть всерьез не помышляла о рынке до конца 1921 г. Основу политики в этом вопросе формировали идеи, высказанные В.И. Лениным еще в 1918 г. о безденежном товарообмене, как первом шаге на пути к глобальному продуктообмену между промышленностью и сельским хозяйством[12]. Третья общегосударственная кампания по проведению товарообмена в стране провалилась как и две первые[13]. Не случайно уже летом 1921 г. в большинстве северных регионов натуральный обмен стал переходить в товарно-денежный[14]. Это привело руководство страны к осознанию того факта, что мелкое крестьянское хозяйство не в состоянии развиваться вне рынка. Не отказываясь от идей безденежного обмена продукции земледелия и промышленности, власть пошла на уступку крестьянскому сообществу, признав за ним право на куплю-продажу результатов своего труда. Это нашло выражение, начиная с 1922 г., в постепенной легализации частного торгового капитала в сфере не только мелкой, но также крупной и средней розничной и оптовой торговли, в расширении государственной и, в особенности, кооперативной торговли.

Допустив частную торговлю, власть при любой возможности стремилась ее изжить, а во второй половине 1920-х гг. в торговой политике все более явственно проступал курс на ее вытеснение из экономики. Товары у крестьян покупали преимущественно государственные торговые организации и кооперативные лавки. Данные о динамике товарного оборота в регионе за 1923–1929 гг. – красноречивое тому свидетельство. В Архангельской губ. удельный вес частной торговли в посреднических операциях снизился за 1924/25–1927/28 гг. с 8.4 до 5.4%, в Вологодской это сокращение было катастрофическим – с 32.8 в 1923/24 г. до 6,5% в 1927/28 г., в Северо-Двинской – за 1925/26–1927/28 гг. – с 7.98 до 4.05%, в АО Коми – с 3.8 в 1924/25 г. до 1.3% в 1929 г.[15]

В годы нэпа, на селе наряду с патентованной торговлей возродилась и получила широкое распространение и более традиционные ее формы – ярмарочная и базарная. Возрождение ярмарок можно отнести к 1921 г. С этого года в АО Коми, например, в Усть-Сысольске, стала проводиться Георгиевская ярмарка, были восстановлены Усть-Вымская (Герасимовская), Важгортская (Крещенская) и Сторожевская (Афанасьевская) ярмарки[16]. В 1923–1925 гг. в АО Коми были возрождены 7 из 14 существовавших до 1917 г. ярмарок. В Вологодской губ. в 1924/25 г. функционировали 44 ярмарки[17]. В Северо-Двинской губ. в 1925 г. проводилось 67 ярмарок и 56 торжков.

Данные об обороте ярмарочной торговли весьма скудны и приблизительны. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что он последовательно увеличивался. Сравнение данных по четырем одним и тем же ярмаркам АО Коми за 1922/23 г. и 1923/24 г. по-

казывает увеличение оборотов за два года, более чем в 2.5 раза (41 633 руб. и 106 081 руб.). Тем не менее, даже в наилучший по показателям 1924/25 г. ярмарочный оборот едва достигал 18.7% от довоенного уровня. Среди торговавших ведущее место в ярмарочном обороте занимали государственные и кооперативные организации (98.8%), на долю частника, исключая крестьянскую торговлю «с воза», приходилось лишь 1.2% оборота. Крестьянская ярмарочная торговля в АО Коми отражала специфику крестьянского производства этого района. Крестьяне продавали в основном пушнину (53.4% общей суммы продажи), кожсырье (10.3%), коровье топленое масло (до 7.7%), дичь, рыбу и пр. Основу покупок составляли хлеб и продукты питания (свыше 25% оборота по продаже торговых организаций), мануфактура (23.4%), бакалейно-колониальные товары (11.6%), и пр.[19]

Наряду с отмеченными формами торговли в деревне традиционно сохранялась и развивалась меновая форма обмена продуктами между односельчанами, минуя посредника и рынок. Например, в 1923/24 г. в Карельской АССР, в совокупном объеме продаж продуктообмен составлял 42.4%, что составляло 87.04 % всех отчужденных сельскохозяйственных продуктов. В свою очередь, посредством обмена в хозяйство попадало 52.45% сельхозпродуктов. Более того, 19.37% промышленных товаров также приобретались посредством обмена. В итоге доля меновых операций среди покупок двора составляла 43.95%[20].

В Вологодской губ. долгое время существовал значительный оборот продуктов и товаров, происходивший в порядке натуральной оплаты трудовых услуг. Кроме того, сохранялся небольшой односторонний и безденежный поток произведенных в крестьянском хозяйстве материальных благ – уплата натуральной части единого сельскохозяйственного налога. Ценность продуктов, отдававшихся крестьянином за работы и услуги, выполненные для его хозяйства посторонними лицами, составляла 20.4% от общей суммы отчуждений. Сдача продуктов по налогу по причине преобладания в 1923/24 г. денежной формы уплаты налога занимала более скромное место (0.9% от общей суммы отчужденного). Что касается оплаты натурой трудовых услуг, полученных крестьянским хозяйством, то они составляли более значительную сумму – 30 руб. (32.7% от всех приобретений).

Оборот продуктов по поводу трудовых услуг и сдача их по налогу в 1923/24 г. являлись своего рода рудиментом эпохи натурализации крестьянского хозяйства. В перспективе, по мере развития денежных отношений, эти натуральные операции уступали место сделкам купли-продажи, что не могло не служить свидетельством укрепления товарно-денежных отношений в деревне. По данным бюджетной статистики, уже в 1924/25 г. в Северо-Двинской губ. в общей сумме, вырученной крестьянскими хозяйствами от продажи сельскохозяйственной продукции, отданное в обмен составляло лишь 16.2%, тогда как в 1923/24 г. – 64.3%. В составе покупок полученное в обмен в 1923/24 г. выражалось в 51.7%, в 1924/25 г. – в 12.1%. В Карельской АССР в 1924/25 г. 53.05% сделок от продажи сельхозпродукции совершалось в натуральной форме, в то время как покупки составляли лишь 12.06 %. Натуральный обмен равнялся лишь 22.3% от всего объема продаж и 7.83% от всей массы приобретений[21]. Если в целом по Северному району в 1923/24 г. денежная составляющая крестьянских продаж и обмена равнялась 79.8%, то в 1925/26 г. она равнялась уже 93.2%, а в Карельской АССР – 82.5 и 83.8% соответственно[22].

Натуральный обмен, как правило, сопутствовал торговым сделкам, совершаемым между крестьянами и частным посредником, зачастую из тех же крестьян, и, в особенности, был присущ торговым операциям внутри деревни между односельчанами. В ряде случаев к посредническому натурообмену прибегали торговые агенты государства и кооперации. Важней в этой связи подчеркнуть другое: в первой половине 1920-х гг., значительная часть товарного продукта, произведенного крестьянскими хозяйствами, совершала так называемый «малый круг оборота» (деревня-кустарь), в отличие от «большого круга» (деревня-фабрика)[23], не доходила до города. Данные специального обследования товарности крестьянских хозяйств Архангельской губ., проведенного в

1923/24 г., предоставляют на этот счет весьма убедительные аргументы[24]. В соответствии с ними, внутри деревни сбывалось 93.6% картофеля, 92.7 – фуража, 30.8 – скота, 51.5% грибов. Из общих объемов покупок у односельчан приобреталось соответственно 7% зерна и муки, 23.8 – сельскохозяйственного инвентаря, 22.6 – обуви, 18.7– готовой одежды, 15% строительных материалов, и т.д. В 1923/24 г. в Крайнем Северном районе 43.7% проданной зерновой продукции сбывалось внутри деревни, в Северном – 33%. В 1924/25 г. размер продаж резко сократился (в 7 раз в Крайнем Северном и в 2 раза в Северном районах)[25].

В зависимости от принадлежности двора к той или иной посевной группе денежный оборот крестьянского хозяйства был связан с различными контрагентами. В 1924/25 г. в Крайнем Северном районе внутри деревни сбывалось в среднем 37.2% продукции сельского хозяйства, причем в хозяйствах с посевом от 1.2 до 2.2 га – 50.1%, в беспосевных – 41%. В Северном районе внутридеревенские продажи охватывали 24.9% продаж. Наибольшей связью с внутридеревенским рынком отличались дворы с посевом от 2.3 до 4.4 га (28.9% от всей проданной сельскохозяйственной продукции). Удельный вес покупок сельскохозяйственной продукции внутри деревни возрастал по мере укрупнения посевной группировки и составлял в Крайнем Северном районе примерно 19.4%, в Северном – 33.8%. Обращает на себя внимание различная степень связанности с деревенским рынком беспосевных дворов. В Крайнем Северном районе дворы данной группы приобретали у односельчан лишь 7.3% продуктов сельского хозяйства, в то время как в Северном – 68.1%. Данному факту легко найти объяснение в крайней узости сельскохозяйственного рынка в районах Крайнего Севера.

Покупка промышленных товаров внутри деревни равнялась в том и другом районе 7.2 – 7.8% от общего объема приобретений. Но если в Северном районе крестьянские покупки промышленных товаров внутри деревни были приблизительной однородны, то в Крайнем Северном с внутридеревенским рынком были больше связаны крупные хозяйства.

Во второй половине 1920-х гг. удельный вес внутридеревенского оборота в рыночных связях крестьянского хозяйства несколько изменился, но по-прежнему составлял значительную величину. В Северном районе в 1926/27 г. 30.9–47% сельскохозяйственных продуктов продавались в пределах села, а в Ленинградской обл. и Карельской АССР – свыше половины всей продукции[26]. В АО Коми среди контрагентов крестьянских продаж в течение октября–декабря 1926 г. доля государственных торговых учреждений составляла всего лишь 16.58%, кооперации – 22.34%. В роли основного покупателя крестьянской продукции выступал частник. На его долю приходилось 61.08% крестьянских продаж, из них 25.74% – на долю односельчан, 26.34% – крестьян соседних деревень. В общей сложности 52.08% объема продажных сделок приходилось на внутридеревенский оборот. Основу отчуждаемого продукта в этих сделках, как, впрочем, и во всей продаже, составлял живой скот. Покупка продуктов в эти месяцы отличалась качественно иными пропорциями. На долю внутридеревенской торговли приходилось лишь 15.26 % всех закупок, в том числе 12.74 % сельскохозяйственной продукции (главным образом сена, живого скота и продуктов животноводства).

В конечном итоге, полностью исчезнуть в деревне товарообмен не мог, во-первых, в силу экономической природы крестьянского хозяйства, во-вторых, из-за слабости и недостатка оборотных средств в торговой и заготовительной сети. В результате для сбыта продукции своего хозяйства и удовлетворения потребности в промышленных товарах крестьянин сплошь и рядом вынужден был иметь дело с посредником между ним и госторговлей (зачастую таким же крестьянином). «Для этого посредника, естественно, была двойная выгода от товарообменной сделки: дороже расценивался привозной товар и дешевле сельскохозяйственный продукт», – отмечал А.Г. Дербенев[27].

В контексте достаточно ярко выраженной локализации товарных отношений крестьянского хозяйства весьма важным является анализ внедеревенской системы оборота сельскохозяйственной продукции, в первую очередь, государственных закупок. В силу своеобразия крестьянского производства на Европейском Севере закупки сель-

Таблица

Соотношение валовых сборов и завоза зерна в северных губерниях в 1925–1927 гг.

Губернии	1925/26 г.			1926/27 г.		
	Валовой сбор (т)	Ввоз (т)	% ввоза к валовому сбору	Валовой сбор (т)	Ввоз (т)	% ввоза к валовому сбору
Архангельская	51801	56404	108.9	43512	85307	196.1
Вологодская	388473	54293	14.0	382091	72393	18.9
Северо-Двинская	228134	21119	9.3	225459	22708	10.1
Итого	668408	131816	19.7	651062	180408	27.7

Составлено по: Докладная записка Вологодского губплана по вопросу областного районирования северных губерний РСФСР. Вологда, 1928. С. 18.

скохозяйственной продукции не включали в себя хлеб и зернофураж. Напротив, регион постоянно испытывал недостаток этих продуктов и вынужден был ввозить их во все возрастающих объемах. Например, в 1923/24 г. в Северодвинской губ. в совокупном объеме зерновой продукции, оцениваемом в 11 966 246.73 довоенных руб., ввозная продукция равнялась 2 924 945.12 руб. (24.4%). При этом следует отметить, что размер потребления зерновых культур составил в губернии 12 274 068.01 руб.[28] В АО Коми зерновая продукция оценивалась в 1926/27 г. в 2 789 тыс. руб., что составляло 36.6% от всего завоза, в 1927/28 г. – 2 770 тыс. руб. (29%)[29]. Объем ввозимого в Архангельскую, Вологодскую и Северо-Двинскую губ. зерна также постоянно увеличивался и в 1925/26 г. составлял 19.7%, в 1926/27 г. – 27.7%. Увеличение ввоза было связано с падением валовых сборов зерна. В 1926/27 г. завоз в два раза превысил объемы собранного в губернии зерна (см. табл.).

Потребителем покупного хлеба были не только горожане, но в значительной степени и крестьянские хозяйства региона. Доля их участия в покупках хлеба была различной в зависимости от экономической мощности двора. Согласно подсчетам ЦСУ, произведенным на основе анализа экспедиционных бюджетов 485 хозяйств четырех субъектов (без Карельской АССР) северного региона России, в 1924/25 г. доходная часть индивидуального хлебофуражного баланса крестьянского двора в среднем на 8.1% формировалась из покупного хлеба. В хозяйствах с посевом от 0.1 до 2.1 дес. доля покупного хлеба составляла 11% натуральных поступлений, с посевом от 2.1 до 4.1 дес. – 6.5%. Учитывая, что хозяйств, относимых к этим двум посевным группам, в регионе было абсолютное большинство (100% в Архангельской губ. и АО Коми, 91.25% – в Северо-Двинской и 87.5% – в Вологодской губ.)[30], несложно представить, в каких объемах северная деревня нуждалась в привозном хлебе, тем более, что даже в хозяйствах, засевавших свыше 8.1 дес, доля закупленного хлеба в продовольственном балансе хозяйства составляла около 1 пуда (1.1%).

Особенно большой дефицит хлеба ощущался в Карельской АССР. Известно, что к середине 1920-х гг. здесь еще не завершилось восстановление полеводческого хозяйства, но даже и при нормальном состоянии сельскохозяйственной отрасли население расходовало произведенную продукцию задолго до получения нового урожая. Основу приходной части баланса зерновых хлебов Карельской АССР в 1924/25 г. составляли ввоз (43.36%), валовая продукция (36.69%) и запасы крестьянских хозяйств и торгующих предприятий (19.95%), тоже формировавшиеся за счет ввозного хлеба. Шел хлеб в основном на крестьянское потребление (76.64%) и в запасной фонд зерна в крестьянских хозяйствах (4.86%). На долю городского населения приходилось лишь 18.5% его расхода[31].

В Архангельской губ. основу приходной части баланса зерновых хлебов в 1925/26–1928/29 гг. также составляли ввоз (40–60%), валовая продукция (31–38%) и запасы (16–19%). Потребление крестьянского населения с учетом закупленных запасов составляло в 1925/26 г. – 77.99%, в 1926/27 г. – 72.58, в 1927/28 г. – 76.97, в 1928/29 г. – 77.59%

расхода хлеба. Даже в «земледельческой» Вологодской губ. хлебофуражный баланс без ввозимого извне хлеба был в массе своей дефицитным. Объем ежегодно ввозимого в губернию хлеба равнялся в 1924/25 г. 9% от валового сбора и произведенных запасов, в 1925/26 г. – 11.8, в 1926/27 г. – 15.2 и в 1927/28 г. – 12.8%. Ввоз хлеба в губернию составлял в 1924/25 г. 15.7% годовой продовольственной потребности, в 1925/26 г. – 19.3, в 1926/27 г. – 24.8, в 1927/28 г. – 21.1%[32].

Вполне естественно, что товарный избыток хлеба могли иметь только крупные, многопосевные дворы, каких на Европейском Севере было весьма немного. В Северо-Двинской губ. в 1925/26 г. потенциальными продавцами хлеба выступали лишь 24 240 крестьянских хозяйств с посевом свыше 3.1 дес. (18.5% хозяйств). Избыток хлеба в этих дворах равнялся 842.5 тыс. пуд. Абсолютное большинство дворов в той или иной степени нуждалось в хлебных покупках. Недостаток хлеба у них составлял 2 197.6 тыс. пуд. В итоге общий хлебный баланс губернии имел дефицит в 1 355.1 тыс. пуд.[33] По сведениям, относящимся к 1928/29 г., хлебом, предназначенным для продажи, обладали только так называемые мелкокапиталистические хозяйства и только в Северном районе. Объем продаж в хозяйствах этого типа на 2 центнера превышал покупку. Во всех остальных регионах крестьянские дворы всех типов имели отрицательные показатели чистой товарности зернофуража.

В конечном итоге, масштабного товарного фонда хлебопродукции собственного производства на Севере не сложилось. Небольшие партии хлеба продавались или обменивались внутри деревни, что в целом не влияло на общую картину состояния рынка. Государственные заготовки хлеба в Северном районе составляли ничтожную величину и в 1925/26 г. равнялись 7 730 т (1% от валового сбора), в 1926/27 г. – 7 110 т (0.9%), в 1927/28 г. – 6 176 т (0.8%)[34]. Несмотря на это, в 1927/28 г. в период так называемого хлебозаготовительного кризиса была предпринята попытка массированной закупки хлеба наряду с производящими центрами и в северных регионах страны. По данным Наркомторга СССР общий размер заготовок на Европейском Севере был равен 390.6 тыс. т. В Северо-Восточном районе его основу составляла рожь (171.6 тыс. т), в Ленинградско-Карельском – пшеница и крупяные (70.6 тыс. т). Но в совокупности объем заготовок в двух районах был невелик и равнялся 0.1% от всех заготовок в РСФСР[35].

Более значимое место во внедеревенском отчуждении занимали продукция животноводства, технические культуры, различного рода сырье. Из-за разности единиц измерения, оценки и весовых единиц, применяемых в различные годы, выявить общую динамику заготовок этих продуктов довольно сложно[36]. Судя по данным Наркомата торговли СССР за 1926/27–1927/28 гг., заготовки на Севере значительно расширились: по мясу – с 357 до 439.2 тыс. т, т.е. в 1.2 раза, по животному маслу – с 563 до 587 тыс. т (в 1.04 раза), по маслосеменам (льняному и конопляному семени) – с 82.8 до 165.2 тыс. т (в 2 раза), по шерсти – в 4.6 раза и т.д. В роли заготовителей выступали кооперация и государственные организации. Частник изначально был отстранен от всякого рода заготовок[37]. Усилиями кооперативных и государственных закупочных структур «снимался» весь сырьевой товарный фонд региона. Правда, доля отдельных территорий в закупке сельскохозяйственного сырья была различной. По данным, относящимся к 1925/26 г., ведущую роль в заготовке масла (88.79% от всех заготовок по региону) и крупного кожсырья (50.25%) играла Вологодская губ. с ее развитым молочно-животноводческим хозяйством. Ей же и Северо-Двинской губ. принадлежало лидерство в заготовках льноволокна и кудели. В Архангельской губ. льноводство вообще не носило товарного характера[38]. В АО Коми в 1925/26 г. было закуплено лишь 17.4 т[39].

Суммарный вес реализуемых на внедеревенском рынке продуктов в середине 1920-х гг., по мнению В.П. Данилова, не превышал на Европейском Севере 10–15% от всей сельскохозяйственной продукции, производимой в крестьянском хозяйстве[40]. Чтобы убедиться в правильности данного вывода, в анализ крестьянского рынка следует ввести коэффициент чистой товарности: отношение объемов чистого отчуждения (валовое отчуждение минус обратные покупки) к объему валовой продукции. Исключив из рассмотрения период Гражданской войны и начало 1920-х гг., когда связь крестьянского

двора с народнохозяйственным организмом осуществлялась посредством принудительных фискальных мер, приходим к выводу, что в 1922/23 г. за пределы северной деревни отчуждалось всего лишь 0.98% всей сельскохозяйственной продукции крестьянского двора, в 1923/24 г. – 3.7% продукции. В Усть-Куломском уезде АО Коми в 1924 г. на неземледельческом рынке оборачивалось, по моим подсчетам, примерно 3.2% всей сельскохозяйственной продукции крестьянского хозяйства[41]. Л.Н. Литошенко полагал, что в вологодской деревне в 1923/24 г. во внедеревенский оборот отпускалось около 2.2% валовой продукции двора[42].

В 1925/26 г. коэффициент чистой товарности в расчете на душу населения в Северном районе составлял 6.13%, в Карельской АССР – 8.2%[43]. Учитывая снижение показателей валовой и чистой товарности двора во второй половине 1920-х гг., уровень внедеревенского отчуждения, зафиксированный в 1925/26 г., следует признать наивысшим. Памятуя о том, что бюджетная статистика имела дело с более состоятельными и более рыночными по своей природе крестьянскими хозяйствами, внедеревенский оборот сельскохозяйственной продукции крестьянского хозяйства в регионе не превышал 6–7%.

Таким образом, уровень торгово-экономических связей крестьянского двора с народно-хозяйственным механизмом региона и страны оставался минимальным. Большая часть товарной продукции двора замыкалась в рамках внутридеревенского оборота.

Примечания

[1] Более подробно о развитии рынка в 1917–1921 гг. см.: *Саблин В.А.* Аграрная революция на Европейском Севере России 1917–1921. (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002. С. 68–98, 265–282.

[2] К ноябрю 1918 г. в Вологодской, Олонецкой и Северо-Двинской губ. была ликвидирована частная оптовая торговля и проведена «частичная национализация и муниципализация» торговли. Правда, в Архангельской губ. до антибольшевистского переворота в августе 1918 г. в полном объеме сохранялась частная оптовая торговля. См.: Вестник Народного комиссариата торговли в промышленности. 1919. № 7/8. С. 41–44.

[3] *Чубаков Г.* К вопросу об изменении в скотоводстве в крестьянском хозяйстве за период 1916–21 гг. // Сельское и лесное хозяйство. 1922. № 5–6. С. 64.

[4] Термин широко использовался в те годы. Зачастую в него вкладывался двоякий смысл: 1) продуктообмен – безденежный обмен продуктами. 2) государственный товарообмен – товарные отношения (купля-продажа), в основу которых положены ценовые эквиваленты.

[5] См. подробнее: *Давыдов М.И.* Государственный товарообмен между городом и деревней в 1918–1921 гг. // Исторические записки. Т. 108. 1982. С. 33–55; *Дихтяр Г.* Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. С. 86; *Дмитренко В.П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986. С. 116–122; *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 148–150.

[6] *Нелаев П.Д.* – Как живет наша деревня. Описание Вотложемской волости Северо-Двинской губернии. М.; Л., 1927. С. 21.

[7] *Струмилин С.Г.* На плановом фронте, 1920–1930 гг. М., 1980. С. 33.

[8] См.: Состояние питания городского населения СССР. 1919–1924 гг. По данным периодических обследований питания населения, производимых отделом статистики потребления ЦСУ. Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 1. М., 1926. С. 118–119, 128–129, 138–139, 142–143.

[9] *Дроздова А.* К вопросу о прожиточной норме рабочих и служащих Вологды // Статистический вестник Вологодской губернии. 1921. № 2. С. 18–21.

[10] Народное хозяйство в 1920 г. и первую половину 1921 г. М., 1921. С. 7, 46.

[11] *Филимонов Б.Я., Журов Ю.Б., Будаев Д.И.* История крестьянства западного региона России 1917–1941. Калуга, 2002. С. 242.

[12] «Целый ряд декретов и постановлений, громадное количество статей, вся пропаганда, все законодательство с весны 1921 г. было приспособлено к поднятию товарообмена», – признавал Ленин. См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 45.

[13] См. подробнее: Потребительская кооперация Республики Коми. Очерки истории. Сыктывкар, 2000. С. 34–35.

[14] *Рапопорт Ю.М.* Осуществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР. 1917–1925. Л., 1984. С. 123.

[15] Подсчитано по: Два года работы Северо-Двинского губернского исполнительного комитета (с 1 апреля 1927 по 16 марта 1929 г.). Великий Устюг, 1929. С. 82; Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1927–28 год. Архангельск, 1928. С. 55. Приложение. С. 12–14; Контрольные цифры народного хозяйства Вологодской губернии на 1927–28 год. Вологда, 1928. С. 188–189; Материалы к XVII Во-

логодской губернской конференции ВКП (б). Вологда, 1927. С. 61; Потребительская кооперация Республики Коми ... С. 153–154, 158.

[16] *Голованов Н.В., Мацук М.А.* Пути развития торговли в Коми в XX в. Сыктывкар, 1999. С. 48.

[17] В том числе в Вологодском уезде – 11 ярмарок, в Вельском – 10, в Кадниковском– 8, в Каргопольском – 6, Тотемском – 8, из них самая крупная, Вологодская (в губернском центре), длилась 15 дней с 1 по 15 февраля. См.: Отчет о деятельности Вологодского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1924–25 хозяйственный год. Вологда, 1926. С. 201.

[18] Отчет областного исполнительного комитета Коми автономной области за 1924–25 хозяйственный год. Усть-Сысольск, 1925. С. 251.

[19] Подсчитано по: Коми область. Экономический обзор. Ч. I. Усть-Сысольск, 1926. С. 213–214.

[20] Рыночный оборот крестьянского хозяйства (по бюджетным исследованиям 1924 и 1925 гг.) // Экономика и статистика КАССР 1925. № 1–3. С. 114–119.

[21] *Литошенко Л.* Крестьянское хозяйство и рынок // Экономическое обозрение. 1925. №. 5. С. 32.

[22] *Раевич Г.* Денежный баланс крестьянского хозяйства // Статистическое обозрение. 1927. № 5. С. 11–13.

[23] *Филимонов В.Я. и др.* Указ. соч. С. 245–246.

[24] Товарность крестьянских хозяйств Архангельской губернии: Опыт анкетного исследования товарных элементов крестьянских хозяйств Архангельской губернии. Архангельск, 1925. С. 42–43.

[25] Рыночный оборот крестьянских хозяйств. Вып. 1. М., 1928. С. 45.

[26] *Крылов М.* Контрагенты крестьянского рыночного оборота за II–III кварталы 1926/27 г. // Статистическое обозрение. 1928. №. 5. С. 19.

[27] *Дербенев А.Г.* Рыночный оборот крестьянских хозяйств Северо-Двинской губернии в 1924–25 году // Бюллетень Северо-Двинского губернского статистического бюро. 1926. №. 1. С. 2.

[28] Подсчитано по: Великоустюгский центральный архив (далее – ВЦА), ф.Р-476, п. 1, д. 341. л. 13.

[29] Отчет областного исполнительного комитета Коми автономной области за 1926/27 – 1927/28 годы. Усть-Сысольск, 1929. С. 193.

[30] РГАЭ, ф. 1562, оп. 3, д. 4, л. 1.

[31] *Гильберт И.Ф.* Баланс сельского хозяйства КАССР за 1924–25 г. // Экономика и статистика КАССР. 1927. № 1–3. С. 157–158, 160–161.

[32] Контрольные цифры народного хозяйства Вологодской губернии на 1927–28 год. Вологда, 1928. С. 22, 166–169.

[33] ВЦА, ф. Р-476, оп. 1, д. 388, л. 6.

[34] Основные элементы и продукция сельского хозяйства СССР за 1925/26–1928/29 гг. С приложением предположительного хлебофуражного баланса на 1928/29 г. М., 1928. С. 66–79; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сб. статист. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 294–339.

[35] Подчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 704–705.

[36] Разноуровневая информация на этот счет содержится в ряде исследований, статистических публикаций и документальных отчетов. См.: Два года работы Северодвинского губернского исполнительного комитета с 1 апреля 1927 г. по 16 марта 1929 г. С. 86–87; Материалы к XVII Вологодской губернской конференции ВКП (б). Вологда, 1927. С. 62; Отчет областного исполнительного комитета Коми автономной области за 1926/27–1927/28 годы. С. 190–193; Отчет Северо-Двинского губисполкома (18 февраля 1926–21 марта 1927 г.). Великий Устюг, 1927. С. 76–77; Потребительская кооперация Республики Коми... С. 155–157.

[37] Материалы к XVII Вологодской губернской конференции ВКП (б). С. 62.

[38] Докладная записка Вологодского губплана по вопросу областного районирования северных губерний РСФСР. Вологда, 1928. С. 18.

[39] Потребительская кооперация Республики Коми... С. 155.

[40] *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. С. 176.

[41] Национальный архив Республики Коми, ф. Р-140, оп. 1, д. 1015, л. 1–3 об.

[42] *Литошенко Л.* Крестьянское хозяйство и рынок... С. 35–38.

[43] Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 г. С. 136–143.

© 2009 г. С.Н. ФИЛИМОНЧИК*

ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1920–1930-х годах:

социально-экономические аспекты

В начале XX в. экономика Европейского Севера России сохраняла традиционный аграрно-промысловый характер. Развитие промышленности существенно отставало от центра вследствие неблагоприятных климатических условий, удаленности и малонаселенности края. Лесные богатства и удобная морская связь с Западной Европой стимулировали добычу и первичную переработку древесины, но лесозаготовки оставались сезонным промыслом, основанным на ручной технике. В 1913 г. в регионе действовали 73 лесозавода, большинство – на Беломорском побережье. Это были крупные, хорошо оснащенные предприятия, 36% которых принадлежали дочерним отделениям зарубежных фирм и компаниям иностранцев. Имевшая на Севере богатую историю металлопромышленность к началу XX в. утратила былое значение. В 1913 г. численность промышленных рабочих на Европейском Севере России составляла 35 тыс. человек[1]. За время Первой мировой, Гражданской войн и интервенции хозяйство края пришло в упадок, но быстро возродилось в годы нэпа. Сталинская индустриализация привела к стремительной трансформации Европейского Севера России в индустриальный район с преобладанием очагов крупной промышленности всесоюзного значения. Слом традиционной и форсированное строительство новой системы хозяйствования проходили при широком использовании методов государственного принуждения. В России сложилась противоречивая модель освоения Севера, позволяющая решать краткосрочные задачи, но неэффективная в расчете на перспективу.

Научное изучение данной проблемы развернулось во второй половине XX в., когда на Европейском Севере сложились крупные центры академической и вузовской науки и началась публикация архивных источников[2]. Реформы управляемой преимущественно административными методами экономики в хрущевское десятилетие стимулировали интерес к многоукладному хозяйству нэпа[3]. В середине 1970-х гг. впервые была обстоятельно проанализирована история индустриализации Европейского Севера[4]. Большое внимание историки уделили изучению ведущих отраслей экономики[5]. Важным направлением исследований стала динамика социально-демографической структуры, национального и языкового состава, роль миграций в увеличении численности населения Севера[6]. Была проделана существенная работа по изучению численности, состава, трудовой и социальной активности рабочих[7], а также изменений, внесенных индустриализацией и урбанизацией в жизнь крестьянства[8]. Историки проанализировали особенности региональной экономической политики[9]. Результаты исследований получили отражение в обобщающих работах по региональной истории[10]. В советское время подчеркивались успехи в освоении Севера, которые связывались с реализацией научно обоснованных пятилетних планов, комплексным характером освоения региона, трудовым воодушевлением участников социалистического строительства. Односторонность такого подхода удалось преодолеть, когда была ослаблена цензура и опубликованы документы о цене, заплаченной в XX в. за освоение Севера[11]. В работах последних лет прослежено формирование в регионе ГУЛАГовской системы, показано значение труда заключенных, охарактеризованы положение и судьбы спецпоселенцев[12]. Север стал восприниматься, прежде всего, как место каторжного труда. Однако, как справедливо указывают исследователи, «альтернативы Северу России – и как богатейшей кладовой нашей страны, и как стратегически важнейшему региону – нет, и Россия обречена обустраивать Север, поддерживать трудовую жизнь северян»[13]. Следовательно, необходимо всестороннее изучение опыта освоения Севера. В 1990-е гг. финансовые трудности ослабили связи исследователей, практически перестали выходить исследования, посвященные Европейскому Северу в целом. Противоречивые процессы модернизации Севера в переломную эпоху 1920–1930-х гг. остаются пока фрагментарно изученными и их системный анализ еще впереди.

Стратегия развития Севера определялась государством и правящей партией. В 1920–1930-е гг. произошли существенные изменения в управлении экономикой региона. В 1920-е гг. часть северных территорий находилась вне контроля местных властей. Наркомату путей сообщения

* **Филимончик Светлана Николаевна,** кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета.

РСФСР подчинялся Транспортно-промышленный колонизационный комбинат Мурманской железной дороги (1923–1930). Магистраль протяженностью 1825 км, построенная в годы Первой мировой войны для решения военных задач, не соответствовала техническим требованиям эксплуатации и пролегала по безлюдному краю, не имевшему развитой промышленности. В этих условиях Правление МЖД предложило использовать опыт Канады, где железные дороги, проложенные по необжитым местам, в короткое время населили их, развили местную промышленность и вернули затраты на собственное строительство. Предлагалось также учесть опыт Сибирской железной дороги, позволившей за несколько лет преобразовать Кустанай, Новониколаевск, Омск из рабочих поселков в многолюдные города[14].

В отличие от канадской практики в условиях разрухи Мурманская железная дорога не могла рассчитывать на получение оборотного капитала от государства. Комбинат получил в свое распоряжение 3.2 млн га земель вдоль трассы железной дороги для эксплуатации и колонизации сроком на 10 лет. Против отвода земли МЖД выступило правительство Карелии, не желавшее выводить из-под собственного контроля часть богатой природными ресурсами территории, однако центр поддержал правление МЖД. Комбинат занимался не только транспортными перевозками, но и лесозаготовительной деятельностью, переработкой и продажей древесины, ловлей и продажей рыбы, снабжением лесозаготовок продовольствием и фуражом, переселенческой работой, внешней торговлей. В середине 1920-х гг. на его долю приходилось около трети объема лесозаготовок в Карелии. Комбинат построил 4 новых лесопильных завода и оснастил их новейшим оборудованием[15]. В 1925 г. МЖД открыла первый в крае рыбоконсервный завод в Кандалакше. Грузооборот дороги за 1923–1930 гг. вырос почти в 4 раза, достигнув 7.3 млн т. Комбинату подчинялись Мурманский и Кемский порты, через которые в Англию вывозился лес, а из-за границы поступала продукция текстильной, машиностроительной, химической промышленности, уголь, хлопок. Правление МЖД активно сотрудничало с научно-исследовательскими учреждениями. С 1923 г. оно оплачивало ежегодные экспедиции академика А.Н. Ферсмана, открывшего в Хибинских горах апатиты[16]. Для изучения возможностей развития сельского хозяйства в условиях Крайнего Севера были созданы опытные станции в Лоухах, Хибинах, Коле[17].

Комбинат развернул активную переселенческую деятельность. Поначалу были сомнения, найдутся ли желающие переехать в необжитой северный край. Однако желающих устроиться на колонизационных землях оказалось больше, чем имелось возможностей принять. Довольно продуманной была реклама: в 1925 г. Госкино даже выпустило фильм о колонизации Карело-Мурманского края. Отбор переселенцев проводили особые комиссии, учрежденные при местных Советах. Более половины прибывших являлись выходцами с северо-запада России, в том числе 35% – из Карелии. Не менее четверти переселенцев устраивались работать на железную дорогу, более 20% – на лесозаготовительные и рыбные промыслы[18]. Более половины переселенцев поступали на службу в государственные учреждения и промышленные предприятия. Среди них было немало квалифицированных специалистов – техников, бухгалтеров, инженеров и т.д.

Для переселенцев был установлен ряд льгот: они освобождались на 10 лет от воинской повинности, получали материальные и денежные ссуды и др. Ссуды должны были возвращаться после двух льготных лет в течение 10 лет равномерными ежегодными взносами без начисления процентов. При успешном ведении хозяйства одна треть ссуды могла перечисляться в безвозвратное пособие[19]. Правда, ссуды были сравнительно небольшими: в 1924 г. – в среднем 914 руб., в 1925 г. – 337, а в 1926 г. – до 500 руб. на одну семью[20]. При этом на строительство дома требовалось 1–2.5 тыс. руб. В течение двух лет каждая переселившаяся семья была обязана построить дом и в это время оплачивать за свой счет наемное жилье[21]. К концу 1920-х гг. около 75% всех переселенцев жили в своих домах и только около 3% не приступили к строительству жилья. За 5 лет деятельности комбинат переселил 1282 семьи, или около 6 тыс. человек. Ими было заложено около 20 поселков.

В годы нэпа центр передал широкий круг хозяйственных полномочий региональным властям. Среди региональной элиты 1920-х гг. председатель СНК Карельской АССР Э. Гюллинг выделялся высоким профессионализмом в области экономики: имел университетскую подготовку по политической экономии и статистике, избирался в Финляндский сейм, где работал в бюджетной комиссии и даже был ее председателем. В начале 1920-е гг. ему удалось добиться для Карелии, единственной из автономий России, ряда бюджетных преимуществ. Все налоги, собираемые в Карелии, доходы от государственных имуществ (за исключением Мурманской железной дороги) включались в доходную часть государственного бюджета КАССР[22]. Кроме того, в него включались доходы от акцизов и таможенных сборов. Этим Карелия отличалась не только от других автономий, но даже от правительства России, которое не имело права включать доходы от акцизов и таможенных сборов в бюджет РСФСР. Вместо передачи этих доходов в федераль-

ный центр Карелия выплачивала строго фиксированную сумму в качестве «доли участия Карелии в покрытии общесоюзных расходов». В 1926 г., когда закончилось действие Постановления ЦИК и СНК СССР, карельское правительство возбудило ходатайство о продлении особых бюджетных прав, но представители Наркомфина РСФСР выступили против, считая, что сохранение за Карелией прежнего бюджетного режима ставило ее «в ничем необъяснимое привилегированное положение перед прочими автономными республиками»[23].

Споры вылились на страницы печати. 12 мая 1926 г. в «Финансовой газете» была опубликована статья о бюджетных правах Карелии и их будущем. Равнять ли Карелию с прочими республиками или равнять прочие республики по Карелии? Бюджетным режимом Карелии, раз он доказал свою целесообразность и полезность, – писала газета, – можно было бы воспользоваться и для других республик, чтобы поднять их до той высоты, на которой сейчас находится Карелия. Бюджет Карелии надо продлить и не на 5 лет, как добивается сама Карелия, а на будущее время вообще. 21 июля 1926 г. СНК РСФСР принял постановление, в котором продлил до 1928 г. срок действия особых бюджетных прав Карелии[24].

25 июня 1927 г. Президиум Совета Национальностей ВЦИК СССР заслушал доклад правительства Карелии об итогах развития республики за весь период автономии. Приведенные показатели экономического и культурного подъема КАССР произвели на руководство страны сильное впечатление. Председатель Совета Национальностей Н. Скрыпник подчеркнул, что заброшенный прежде край за 6 лет буквально преобразился: «Это же невиданный в мире случай...Это самая лучшая пропаганда, которая показывает творческую силу советской власти». Руководители республики экономический рывок Карелии объясняли политикой нэпа и бюджетной автономией.

Ведущее место в экономике региона осталось за лесозаготовками и лесопилением. В 1928/29 г. на Европейском Севере России было заготовлено 15 млн куб. м древесины, работали 52 лесозавода[25]. В Карелии – половину, в Северном крае – 30% старых лесопильных рам заменили на быстроходные шведские, поэтому производство пиломатериалов превысило довоенный уровень[26]. В начале нэпа были созданы тресты с разным уровнем подчинения. Так, «Северолес» подчинялся ВСНХ, «Желлес» – правлению МЖД, «Кареллес» находился в ведении республиканских властей. Тресты наращивали экспорт пиломатериалов. Основным рынком сбыта оставалась Великобритания. Для воздействия на хозяйствующие субъекты широко использовались налоговые методы, кредитная система, ценообразование. Реорганизация управления лесной промышленностью была направлена на усиление хозрасчетного начала. В 1929 г. созданы леспромхозы, подчиненные трестам на правах самостоятельных хозяйственных единиц. Получили права юридического лица отраслевые промышленные объединения, которые должны были организовать переход подчиненных им предприятий на хозяйственный расчет[27].

Ведущую роль в лесной отрасли экономики сохраняло государство. При этом удельный вес концессионных и кооперативных предприятий в лесопилении Архангельской губ. в середине 1920-х гг. составлял 30%[28]. В 1923–1928 гг. в губернии действовали 3 концессии смешанного типа: Руссанглолес, Руссголландлес и Русснорвеглес[29]. Им было передано для эксплуатации 19% всей площади лесов региона (5.6 млн дес.) и 7 лесозаводов. Крупнейшей концессией стал «Руснорвеголес» с уставным капиталом 300 тыс. фунтов стерлингов[30]. На первые 3 года концессионеры освобождались от всех пошлин на ввоз машин и оборудования. Они должны были набирать рабочих, обеспечивать их снабжение и оплачивать труд по ставкам, установленным «Северолесом». Снижение цен на лес на мировом рынке, завышенный курс червонца, необходимые расходы на социальную сферу вели к тому, что деятельность обществ была убыточной[31]. В то же время имелся ряд положительных результатов деятельности концессий: они обеспечили дополнительный источник поступления валюты и долгосрочных кредитов, предоставили работу части трудоспособного населения, налаживался обмен хозяйственным опытом.

В годы нэпа возобновилась деятельность целлюлозно-бумажных предприятий Вологодского края: Судской бумажной фабрики, Сухонского целлюлозного завода, оснащенного шведским оборудованием, фабрики «Сокол». Крупнейшей промышленной новостройкой на Европейском Севере в 1923–1929 гг. стало строительство ГЭС и бумажной фабрики производительностью 25 тыс. т бумаги в год в Кондопоге. Финансирование Кондостроя (19.6 млн руб.) велось как за счет федерального центра, так и за счет республиканского бюджета[23]. Оборудование Кондопожской ГЭС было закуплено у Всеобщего шведского электротехнического общества (АСЕА). Полная сметная стоимость заграничного оборудования для Кондостроя составила более 3.5 млн руб.[33] В 1923 г. на Кондострое трудилось около 300, а в 1927 г. – более 2500 человек. К строительным работам широко привлекли крестьян окрестных сел. По оргнабору в Кондопогу прибыли крестьяне из других районов Карелии, из северо-западных губерний, а также из Сибири, Урала, По-

волжья, Украины, Белоруссии. Только за второе полугодие 1926 г. через Кондострой прошло почти 11 тыс. рабочих[34]. Новостройка привела к быстрому росту заводского поселка, большинство жителей которого составляла молодежь. Анализ выступлений на Всекарельских съездах делегатов от Кондопоги показывает, что людей больше всего тревожили социальные проблемы. В сжатой форме эту мысль выразил на VIII Всекарельском съезде делегат Скворцов: «Когда мы строим, мы обязательно должны учитывать три вещи: школу, клуб, больницу»[35].

Активно развивалась на Севере мелкая кустарная промышленность. В 1926 г. в Вологодской губ. почти 60% населения занималось промыслами. Повседневные нужды людей удовлетворялись с помощью развития кружевного, сапожного, портняжного, бондарного, корзиночного, веревочного, шапочного и др. промыслов. Важным промысловым занятием на Европейском Севере оставалась переработка древесины: производство смолы, скипидара, канифоли, дегтя[36]. Основу экономики Кольского полуострова составлял рыбный (тресковый) промысел. В годы нэпа на Европейском Севере была восстановлена довоенная численность промышленных рабочих. По-прежнему они были тесно связаны с деревней. В 1925/1926 г. из деревень Севера на заработки ушли около 400 тыс. крестьян, в том числе на лесозаготовки и сплав – 190 тыс.[37] Значительная часть рабочих прибывала на заготовку и сплав леса из других районов страны. На вербовку, оплату дорожных расходов, устройство сезонников уходили немалые средства. Многие мигранты не были приспособлены к жизни на севере, работали с низкой производительностью.

Несмотря на успехи нэпа общий уровень экономического развития и жизненный уровень широких слоев населения к концу 1920-е гг. оставался невысоким, особенно на Крайнем Севере. Хлебозаготовительные кризисы 1927–1928 гг. привели к сокращению поставок продовольствия и значительному повышению розничных цен. Власти на местах пытались контролировать их административным путем и утвердили предельные торговые надбавки на товары широкого потребления. Виновные в превышении цен должны были нести уголовную ответственность. Однако справиться с ростом цен не удавалось. В продаже часто отсутствовали ржаная мука, сливочное и растительное масло, сахар, чай. Объективные противоречия нэпа свидетельствовали об ограниченности потенциала реформ, предложенных в начале 1920-х гг. и необходимости их продуманного углубления. Однако руководство страны наличие противоречий расценило как свидетельство исчерпанности нэповской модели развития.

Переход к стратегии форсированной индустриализации привел к усилению в экономике роли центра. В 1930 г. все крупные предприятия Севера были приравнены к предприятиям общесоюзного значения и переданы в ведение союзных органов. Без многоступенчатых согласований директор завода теперь не мог потратить даже мизерную сумму денег. При этом громоздкая административная система контроля часто оказывалась не в состоянии эффективно распорядиться денежными и материальными ресурсами. Огромные средства, выделенные Северному химкомбинату, железнодорожной ветке Пинюг–Сыктывкар, Петрозаводской судоверфи и ряду других объектов, оказались выброшенными на ветер, так как строительство пришлось законсервировать. Управленцы в 1930-х гг. обращали внимание: «Когда надо получить вагон гвоздей, то мы посылаем на их поиски вагон людей».

Большие надежды государство возлагало на планирование, однако говорить об экономически обоснованном перспективном планировании в годы первых пятилеток на Севере не приходится. Еще когда завершалась верстка первого пятилетнего плана, центр начал его фронтальный пересмотр, слабо обоснованный экономически. В итоге в 1931–1933 гг. процветали штурмовщина и авралы. Экономическое развитие в 1934–1935 гг. было относительно сбалансированным: фактическая заготовка леса приблизилась к плановым заданиям, вышли из прорыва горная промышленность и лесопиление. Однако в 1936–1937 гг. вновь были существенно увеличены плановые задания ведущим предприятиям и трестам. Вина за их невыполнение пала на головы хозяйственных руководителей, технической интеллигенции и рабочих, но репрессии еще больше усугубили экономические трудности: многочисленные аварии, брак, простои часто были связаны с неопытностью нового персонала.

Централизация управления позволила сконцентрировать средства на развитии добывающих отраслей. На севере Коми края началось создание новой угольной базы страны – Печорского бассейна. В 1930 г. открыто Чибьюское, в 1932 г. – Ярегское, в 1934 г. – Югыдское месторождения нефти[38]. В 1935 г. открыто крупнейшее в стране Седьельское газовое месторождение. Всего в 1930-е гг. в Печорском крае было добыто почти 1.3 млн т угля, около 332 тыс. т нефти и 20.5 млн куб. м газа[39]. В Хибинах развернулась добыча апатитов – лучшего в мире по качеству сырья для минеральных удобрений. В 1929 г. создан трест «Апатит», в 1931 г. пущена обогатительная фабрика АНОФ-1 в Хибиногорске. В годы второй пятилетки Кировский горнопромышленный район обеспечивал 90% потребности сельского хозяйства страны в фосфорных удобре-

ниях. В начале 1930-х гг. в западной части Кольского полуострова геологи обнаружили медно-никелевые руды. В Мончегорске развернулось строительство рудников, обогатительной фабрики, медно-никелевого комбината[40]. В 1939 г. построена первая очередь комбината «Североникель».

Север России был превращен в «валютный цех» страны: в 1940 г. в регионе заготавливалось до половины экспортного леса СССР[41]. Вывоз древесины для производителей был убыточным, но он давал валюту для закупки на Западе техники и технологий, на базе которых разворачивалось отечественное производство современных машин и оборудования. Постановление ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г. освободило лесозаготовителей от оплаты леса на корню[42]. Доходность и рациональность перестали быть главными стимулами организации лесной отрасли.

В 1929/30 г. союзный центр потребовал увеличить объем лесозаготовок на Европейском Севере России до 32.5 млн куб. м. На работу в лес было отправлено в три раза больше людей, чем в обычные годы. Отказавшихся могли немедленно снять с довольствия. За агитацию к уклонению от лесозаготовок виновные привлекались к ответственности по ст. 58 Уголовного кодекса. Государственные задания по лесозаготовкам получили все колхозы. Невыполнение заданий грозило раскулачиванием[43]. Была проведена мобилизация на лесозаготовки молодежи и комсомольцев – местных и москвичей[44]. К работе в лесу приступили спецпоселенцы. Ценой неимоверных усилий было заготовлено рекордное количество древесины: в Карелии – 8.3 млн куб. м, в Северном крае – 20 млн куб. м[45]. Однако рекорды начала 1930-х гг. вызвали сильнейшее перенапряжение в социальной и хозяйственной жизни, и в последующие годы объем лесозаготовок сократился. Если в 1930/31 гг. трест Комилес заготовил 4.4 млн куб.м. древесины, то в 1934 г. – 2.6 млн куб.м[46]. Рост объемов лесозаготовок вновь начался во второй половине 1930-х гг., когда расширилось применение принудительного труда. В 1939 г. на Европейском Севере было заготовлено более 49 млн куб. м древесины, в том числе: 19.4 млн куб. м в Архангельской обл., 10.4 млн куб. м в Вологодской, 13.3 млн куб. м – в КАССР, 6.3 млн куб. м – в Коми АССР[47].

Предпринимались усилия для технического перевооружения отрасли. Во-первых, были достигнуты некоторые успехи в механизации и рационализации лесовывозки. Большую часть техники сосредоточили на тракторных и автомобильных базах, механизированных лесопунктах. Однако из-за плохих дорог тракторы работали только зимой. Техника часто ломалась[48]. Основная нагрузка ложилась по-прежнему на гужевую силу. Во-вторых, хотя заготовка леса в годы первых пятилеток велась еще вручную, производительность труда лесоруба повысилась за счет внедрения технически более передовых орудий труда – лучковых пил, которые к концу 1930-х гг. вытеснили двуручные пилы. В 1940 г. с их помощью заготавливалось до 90% всей древесины[49]. Для нужд лесной отрасли перестраивалась работа машиностроительных предприятий края. Во второй половине 1930-х гг. на машиностроительных предприятиях усилилась также роль военных заказов.

Европейский Север поставлял 17% союзного производства пиломатериалов[50]. В 1939 г. в Архангельской обл. работали 122, в Вологодской – 83, в Коми АССР – 36 предприятий лесопильной промышленности[51]. Лесозаводы постоянно жаловались на нехватку сырья, простои. В 1925–1929 гг. объем лесопиления по Северному краю увеличивался в среднем на 30%, а в 1930–1936 гг. – менее чем на 7%[52]. Ориентируясь прежде всего на обслуживание мирового хозяйства, лесная отрасль оказалась в значительной мере отчужденной от собственного внутреннего рынка. Причины отставания крылись и в низком уровне организации производства и недостаточной квалификации рабочих лесопильной отрасли[53].

Преодолению односторонности лесной отрасли отчасти способствовало развитие целлюлозно-бумажной промышленности. Спрос на бумагу резко вырос. Целлюлоза была необходима также оборонным заводам, где ее использовали для производства взрывчатых веществ и пороха. В годы первых пятилеток наращивались мощности целлюлозно-бумажных предприятий края. Сокольский комбинат по сравнению с 1913 г. увеличил выпуск бумаги в 6 раз, целлюлозы – в 3 раза, древесной массы – в 20 раз. С 1929 по 1941 г. Кондопога дала стране 330.7 тыс. т бумаги, в том числе 273.8 тыс. т – газетной[54]. На Европейском Севере был построен ряд новых предприятий целлюлозно-бумажной промышленности. В 1935 г. вошел в строй Кондопожский целлюлозный завод (мощность 27 тыс. т). В 1935–1937 гг. пущены две очереди Соломбальского сульфат-целлюлозного завода (мощность до 60 тыс. т)[55]. В 1939 г. начал работу Сегежский ЦБК[56], в 1940 г. – Архангельский ЦБК[57]. После «зимней войны» к Карелии отошли территории, на которых располагались предприятия целлюлозно-бумажной промышленности. Особую ценность имел ЦБК в пос. Энсо, который в 1939 г. производил целлюлозы в количестве, равном 50% всего целлюлозного производства в СССР.

Промышленное освоение Севера было невозможно без развития энергетики, транспорта, строительной отрасли. Если мощность первой очереди Кондопожской ГЭС была 4.5 тыс. кВт, то второй – уже 22 тыс. кВт[58]. 1934 г. пущена Нивская ГЭС мощностью 30 тыс. кВт[59]. В 1938 г. принята в эксплуатацию самая северная в мире Нижнетуломская ГЭС мощностью 48 тыс. кВт. Развитию транспортной сети способствовало строительство Северо-Печорской железной дороги, железнодорожной линии Сорокская-Обозерская, реконструкция Мурманской и Северной железных дорог. Беломорско-Балтийский канал обеспечивал выход страны в Мировой океан, прямое морское сообщение между европейской частью СССР и Дальним Востоком. Была создана база полярного мореплавания в Архангельске и Мурманске. Началось планомерное и комплексное освоение Арктики и Северного морского пути.

Индустриализация привела к значительному росту численности и изменению состава жителей Европейского Севера. Согласно данным переписей, за 1926–1939 гг., численность населения края увеличилась в полтора раза и приблизилась к 4 млн человек. Прирост обеспечили в первую очередь мигранты. Значительно повысилась доля горожан среди жителей Мурманской обл. (84%), Архангельской обл. (37%), Карельской АССР (32%). Существенно ниже оставалась доля городского населения в Вологодской обл. (17%), Коми АССР (9%)[60]. Численность рабочих и служащих в промышленности Европейского Севера в 1936 г. составила 350 тыс. человек (в 10 раз больше, чем в 1926 г.)[61]. Впервые на севере была создана система массовой профессиональной подготовки рабочих. Так, в годы первой пятилетки в Карелии было открыто 11 новых школ ФЗУ, вдвое (с 22 до 42%) вырос удельный вес учащихся карелов, финнов, вепсов[62]. Повышение образования и квалификации работников, их производственной культуры стало рассматриваться в качестве важного источника экономического роста.

К середине 1930-х гг. сформировался слой «красных директоров»: не получившие должного образования рабочие, выдвиженцы эпохи Гражданской войны смогли проявить волю и способности для организации новых производств в трудных условиях первых пятилеток. Тысячи выпускников были посланы на учебу в техникумы и вузы Москвы и Ленинграда. Подготовка инженерно-технических кадров развернулась в десятках техникумов, открытых в северных городах. За 1924–1940 гг. в состав технической интеллигенции Карелии влилось около 9 тыс. выпускников вузов и техникумов. В 1929 г. в Архангельске открылся первый на Севере технический вуз – лесотехнический институт. В конце первой пятилетки в нем обучалось около тысячи студентов[63]. Однако формировавшейся технической интеллигенции нанесли тяжелый удар сталинские репрессии.

Сложившаяся в 1930-е гг. модель освоения севера была внутренне противоречива. Индустриализация осуществлялась за счет разорения северной деревни, разрушения кооперативного движения, основанного на экономической выгоде и самоуправлении, пренебрежения к традициям и опыту промысловой деятельности и кустарной промышленности. Низкая производительность труда, плохое качество и высокая себестоимость продукции были характерны для многих предприятий. На доиндустриальном уровне оставались многие отрасли, обеспечивавшие нужды населения. В городах и промышленных центрах катастрофически не хватало жилья, скудным оставалось питание северян. В 1929–1934 гг. действовала карточная система на продовольствие, до 1936 г. сохранялись карточки на промышленные товары. Централизованное снабжение не касалось сезонных рабочих, рыбаков Поморья, сельского населения. Предпринимались большие усилия, чтобы организовать общественное питание, но из-за нехватки продуктов столовые работали очень плохо. Как правило, меню ограничивалось селедкой, винегретом, пшенной кашей. В начале 1930-х гг. голодающие рабочие часто вынуждены были отказываться от обедов в столовой из-за того, что нечем было за них платить. Очереди, давки, скандалы стали повседневным явлением быта. Из-за скудного и однообразного питания резко выросла заболеваемость цингой. В 1931–1932 гг. ее уровень в Карелии подскочил более чем в 10 раз[64]. На некоторых лесозаводах болели 90% рабочих. В 1934–1935 гг. социально-экономическая ситуация относительно стабилизировалась. В городах изживался аскетизм быта: люди стремились разнообразить досуг, по мере возможности красиво и модно одеться. Больше внимания, чем прежде стало уделяться развитию городского жилищно-коммунального хозяйства. Были утверждены генеральные планы развития крупных северных городов. Однако в предвоенные годы расходы на социальную сферу вновь были сокращены.

Противоречия хозяйственного механизма сталинское руководство прикрывало массовым использованием дешевого труда заключенных и спецпоселенцев. Впервые заключенные начали работу на производстве в Соловецком лагере особого назначения[65]. В годы первой пятилетки использование труда заключенных в народнохозяйственных целях развернулось в широких масштабах. На Севере возникла сеть лагерей – Белбалтлаг, Сороклаг, Воркуталаг, Онеглаг, Сев-

двинлаг, Котлаг, Ухтапечлаг, Севжелдорлаг и др. Они обеспечивали новостройки дешевой рабочей силой. Принудительно формировался и состав технических специалистов. Во время строительства Беломорско-Балтийского канала в кратчайшие сроки было возведено 128 гидротехнических сооружений. Многие из них были разработаны репрессированными специалистами. Находившиеся в заключении инженеры применяли технические находки. В.Н. Маслов впервые в мировой практике спроектировал деревянные ворота шлюзовых камер. О.В. Вяземский спроектировал знаменитую Маткожненскую плотину высотой 16 м, многочисленными сопряжениями с земляными дамбами. К.М. Зубрик впервые спроектировал деревянные наклонные ряжи Шаваньской плотины. Плотину № 29 в Выгострове сооружал А.Г. Ананьев, до революции строивший знаменитые на весь мир разводные мосты в Ленинграде[66].

Для освоения территории, прилегающей к каналу, в 1933 г. создан Беломорско-Балтийский комбинат (ББК). Комбинату были предоставлены монопольные права эксплуатации канала, леса площадью 2.8 млн га вдоль трассы Мурманской железной дороги и находившиеся на этой территории промышленные предприятия. Казалось, власти вернулись к опыту нэповской эпохи, учли опыт работы Транспортно-колонизационного комбината Мурманской железной дороги. Однако деятельность ББК строилась совсем на других началах. Главную его рабочую силу составляли заключенные: в среднем здесь ежегодно работало 75–85 тыс. человек. Из них примерно 35% были осуждены «за контрреволюционную деятельность». Проявлением бессмысленной жестокости государства по отношению к собственной интеллектуальной элите стала работа на ББК выдающихся деятелей российской науки и культуры. На Севере отбывали срок православный богослов П.А. Флоренский, философы А.Ф. Лосев, А.А. Мейер, историки М.Д. Приселков, Б.А. Романов, Н.П. Анциферов и много других представителей интеллигенции. На территории ББК в трудпоселках проживало до 28 тыс. раскулаченных крестьян – трудпоселенцев[67].

Важную роль играл Беломорско-Балтийский комбинат в развитии лесной промышленности Карелии. В 1940 г. на долю заключенных пришлось более половины заготовленного леса (54%), более трети продукции лесопильной промышленности Карелии. Большую роль сыграл труд заключенных в развитии швейного, кожевенного, мебельного и других производств, создававших товары народного потребления. В 1940 г. в Карелии было сшито 201 тыс. пальто и полупальто для взрослых, из них 193 тыс. на предприятиях, подчинявшихся НКВД. Там же были сшиты 146 тыс. костюмов из 155 тыс. На предприятиях НКВД шили одежду для новорожденных, изящное женское белье, не говоря уже о телогрейках, ватных брюках и шароварах. Руками заключенных производилось более половины стульев, столов, буфетов, шкафов, комодов, диванов и другой мебели[68].

Правительство поставило перед ББК задачу не просто создать новые ГЭС и промышленные предприятия, но «построить города социалистического типа». Предполагалось, что их жителями станут освободившиеся спецпоселенцы и заключенные. В 1933 г. на прежде пустынном Кольском полуострове проживало более 40 тыс. спецпереселенцев, внесших значительный вклад в развитие Мурманска, Полярного, Кировска, Мончегорска[69]. Однако суровые условия жизни и труда рождали у них желание любыми путями вырваться на свободу. С сентября 1931 г. по май 1933 г. из спецпоселков Северного края попытку побега совершили более 50% трудоспособных граждан[70]. Плохое питание, тяжелые жилищные условия, нравственные и физические страдания вели к высокой смертности среди этих групп населения. То, что среди жителей севера было много заключенных, повлияло на социокультурную обстановку в регионе, воздействовало на психологию людей. Судьбы многих тысяч людей были искорежены на сталинских новостройках.

Лагерная экономика позволила государству осуществить на севере строительство индустриальных объектов, обеспечивавших развитие новых отраслей экономики и укрепление обороноспособности, нарастить производство в добывающей промышленности. Однако возможности массового использования труда заключенных на производстве, оснащенном современной техникой, были весьма ограничены. Неслучайно построенные объекты постепенно выводились из подчинения НКВД. Так, в 1939 г. Беломорско-Балтийский канал был включен в систему Северо-Западного речного пароходства, и в 1940 г. создано самостоятельное Беломорское Онежское пароходство[71]. С 1 января 1940 г. Сегежский комбинат начал работать как самостоятельное предприятие, подчинявшееся Наркомлесу СССР, и т.д. Принуждение и страх не могли стать основой ни для создания высокоэффективной экономики, ни для формирования сообщества стремящихся к всесторонней самореализации граждан, а значит, противоречили целям модернизации.

Примечания

[1] *Кораблев Н.А., Макуров В.Г.* Промышленное освоение Европейского Севера России в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1999. С. 5–15; *Кораблев Н.А., Макуров В.Г.* Из истории формирования и развития рабочего класса Европейского Севера России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2005. С. 40–50; *Пятовский В.П.* Преображенный Север: Ленинская программа развития производительных сил Европейского Севера в действии. Мурманск, 1974; *Славин С.В.* Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М., 1961; *Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961; *Цейтлин М.А.* Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. М., 1968.

[2] История индустриализации Северного района, 1926–1941 гг. Архангельск, 1970. Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925: Сб. док-тов. Петрозаводск, 1979; Архангельская область в период восстановления народного хозяйства. 1921–1925 гг.: Сб. док-тов. Архангельск, 1980; Развитие рыбной промышленности Мурманской области. 1920–1985: Сб. док-тов. и мат-лов Мурманск, 1986; Народное хозяйство Карелии, 1926 – июнь 1941 г: Док-ты, мат-лы. Петрозаводск, 1991.

[3] *Гардин Е.С.* Советская Карелия в годы восстановительного периода (1921–1925 гг.). Петрозаводск, 1955; *Климов Ю.Н.* Осуществление новой экономической политики на Кольском полуострове в 1921–1925 гг. // Летопись Севера. Т. 6. Мурманск, 1972; и др.

[4] *Пятовский В.П.* Осуществление ленинской программы развития производительных сил Европейского Севера СССР (1917–1941 гг.). Автореф. дисс. ... док-ра ист. наук. 1974; *Киселев А.А.* Социалистическая индустриализация Европейского Севера СССР (1926–1949 гг.) Автореф. дисс. ... док-ра ист. наук. Л., 1975.

[5] *Юргенс Б.А.* Из истории электрификации Карелии // Вопросы истории. Петрозаводск, 1961. С. 30–42; *Киселев А.А.* История Мурманского тралового флота. Мурманск, 1973; *Дьяков Ю.Л.* Северная угольно-металлургическая база СССР: возникновение и развитие. М., 1973; *Макуров В.Г.* Из истории развития лесной промышленности Карелии в довоенный период // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии (1920–1940 гг.). Петрозаводск, 1976. С. 79–94; *Турубанов А.Н.* Топливный комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар, 2007; и др.

[6] *Покровская И.П.* Население Карелии. Петрозаводск, 1978; *Жеребцов И.Л.* Основные этапы этнодемографического развития народа коми. Сыктывкар, 1995; и др.

[7] Промышленные рабочие Коми АССР. 1918–1970. М., 1974; Промышленные рабочие Карелии в XX веке. Петрозаводск, 1991.

[8] *Вавулинская Л.И.* Коллективизация и ее социально-экономические последствия в Карелии (30-е гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 79–90; *Доброноженко Г.Ф.* Коллективизация на Севере (1929–1932). Сыктывкар, 1994; *Никитина О.А.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 гг.). Петрозаводск, 1997; *Димони Т.М.* Деревня Европейского Севера России в 1930–1960-е гг.: процессы экономической модернизации. Вологда, 2006; *Саблин В.А.* Экономика крестьянского двора на Европейском Севере России в 1920-е гг. М., 2006; Северная деревня в XX в. Актуальные проблемы истории. Вып. 1–4. Вологда, 2000–2003.

[9] *Вавулинская Л.И.* Индустриальная модель освоения Европейского Севера и ее экономические последствия // Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера: взгляд из XX в XXI век. Архангельск, 1999. С. 82–87; *Килин Ю.М.* Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999; *Шубин С.И.* Северный край в истории России: Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е гг. Архангельск, 2000; Холодный дом России: Документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера. Архангельск, 1996.

[10] Очерки по истории Коми АССР. Т. 2. Сыктывкар, 1962; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1981; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар, 2004; Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001; История экономики Карелии. Кн. 2. Петрозаводск, 2005; Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера. Архангельск, 2001; и др.

[11] ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941: Сб. док-тов и мат-лов. Петрозаводск, 1992; Спецпереселенцы в Хибинах. Книга воспоминаний. Апатиты, 1997; Репрессии в Архангельске: 1937–1938: Док-ты и мат-лы. Архангельск, 1999; и др.

[12] *Чухин И.И.* Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990; *Макуров В.Г.* Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933–1941 гг. // Новое в изучении история Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 135–159; *Морозов Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае, 1929–1960. Сыктывкар, 1997; *Чиркин В.* По злой воле: Краткая повесть о трудной жизни ссыльных крестьян. Архангельск, 1999; *Шашков В.Я.* Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000; *Дмитриев Ю.А.* Беломорско-Балтийский водный путь: от замыслов до воплощения. Петрозаводск, 2003; *Коротаев В.И.* На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века; Архангельск, 2004; *Бердинских В.А.* Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. М., 2005.

[13] *Дорофеев М.Д.* Север в региональной политике России // Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера. С. 45–53.

[14] *Доброхотов К.В.* Природные богатства Мурманской губернии и ее экономические задачи. Мурманск, 1922. С. 6, 12–13, 16.

[15] Национальный Архив республики Карелия (далее — НА РК), ф. 690, оп.1, д. 8/59, л. 2, 4, 7.
[16] *Киселева О.А.* Деятельность транспортно-промышленного колонизационного комбината Мурманской железной дороги в 1923–1929 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1999. С. 148.
[17] Мурман. Природные ресурсы. Горное дело. Рыбные промыслы. Транспорт. Энергетика. Лесное хозяйство. Сельское хозяйство. Основные проблемы хозяйственного строительства Мурмана во второй пятилетке. М., Л.; 1932. С. 65.
[18] НА РК, ф. 1465, оп. 1, д. 4/37, л. 122.
[19] Там же, ф. 685, оп. 2, д. 2/15, л. 297; ф. 685; оп. 2; д. 3/25, л. 388.
[20] Там же, ф. 1465, оп. 1, д. 7/85. л. 46.
[21] *Раевский Е.* Три года колонизационной работы // Карело-Мурманский край. 1927. № 3. С. 7–9.
[22] НА РК, ф. 682, оп. 1, д. 5/54, л. 68–69.
[23] Там же, ф. 690, оп. 1, д. 8/63, л. 1–4.
[24] Там же, оп. 3, д. 13/125, т. 2, л. 463.
[25] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 466; *Шубин С.И.* Северный край в истории России. С. 43, 313.
[26] Народное хозяйство Карелии. 1926-июнь 1941 г. С. 42–43. История индустриализации Северного района. С. 177.
[27] НА РК, ф. 690, оп. 1, д. 16/179, л. 2, 10, 28, 38–39.
[28] История индустриализации Северного района. С. 46–47.
[29] *Куратов А.А.* Архангельский Север в истории России. Архангельск, 2003. С. 98.
[30] История Коми. Т. 2. С. 343–344.
[31] *Репневский А.В.* СССР – Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. С. 125–128; *Репневский А.В., Зарецкая О.В.* Концессии скандинавов – важный элемент восстановления промышленности Русского Севера (20-е годы XX века) // Европейский Север в судьбе России. XX век (к 80-летию профессора А.А. Киселева). Мурманск, 2006. С. 106–112.
[32] Некоторые данные о работе Карельского правительства. Петрозаводск, 1929. С. 19, 78.
[33] НА РК, ф. 774, оп. 1, д. 3/17, л. 121; ф. 571, оп. 1, д. 32/274, л. 561–569.
[34] *Вавулинская Л.И.* Роль Кондостроя в формировании национальных рабочих кадров // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 182–186.
[35] Восьмой Всекарельский съезд Советов. Протоколы. Петрозаводск, 1929. С. 64–65.
[36] *Дианова Е.В.* Кустарно-промысловая кооперация Европейского Севера в 1917–1925 гг. // Индустриальное наследие. Мат-лы III Междунар. научн. конф. Саранск, 2007. С. 217–219.
[37] *Кораблев Н.А., Макуров В.Г.* Из истории формирования и развития рабочего класса Европейского Севера России. С. 44.
[38] *Турубанов А.Н.* Топливный комплекс Республики Коми в XX веке. С. 15–19.
[39] Там же. С. 44.
[40] *Киселев А.А., Краснобаев А.И., Барабанов А.В.* Гигант в Хибинах. Мурманск, 1981. С. 39–42, 49–51.
[41] *Макуров В.Г.* Трудящиеся Европейского Севера СССР в борьбе за подъем лесной промышленности (1946–1958). Петрозаводск, 1982. С. 20.
[42] *Писаренко А.И., Страхов В.В.* Лесное хозяйство России: От пользования – к управлению. М., 2004. С. 157, 236.
[43] *Никитина О.А.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии. С. 36, 47–48.
[44] История индустриализации Северного района. С. 223.
[45] *Шубин С.И.* Северный край в истории России. С. 313.
[46] Лесная промышленность Коми АССР: Сб. док-тов. 1917–1960. Сыктывкар, 1989. С. 100, 126.
[47] История индустриализации Северного района. С. 18; Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 316.
[48] НА РК, ф. 1009, оп. 3, д. 12/91, л. 20–23; оп. 2, д. 11/83, л. 5–7; д. 7/57, л. 16, 20; д. 2/9, л. 25, 30, 32.
[49] Там же, ф. 2716, оп. 1, д. 49/556, л. 13.
[50] *Киселев А.А.* Социалистическая индустриализация Европейского Севера СССР (1926–1940 гг.) Автореф. дисс. ... док-ра ист. наук. С. 16.
[51] История индустриализации Северного района. С. 482.
[52] *Шубин С.И.* Указ. соч. С. 314–315.
[53] НА РК, ф. 1960, оп. 1, д. 7/23, л. 108,110; д. 17/88; л. 122; д. 23/140, л. 69–70.
[54] Там же, ф. 700, оп. 1, д. 217/1625, л. 22–25.
[55] Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. С. 390.
[56] История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск, 1992. С.123.
[57] История индустриализации Северного района. С. 561–562.
[58] Народное хозяйство Карелии. С. 38–40.
[59] Там же. С. 34–37.
[60] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 23–24.
[61] *Киселев А.А.* Формирование рабочего класса на Европейском Севере СССР в годы социалистической индустриализации // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 66.
[62] Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. Петрозаводск, 1983. С. 22.
[63] *Куратов А.А.* Архангельский Север в истории России. С. 174. *Рагозина А.А.* Техническая интеллигенция Карелии в 1920–1930-е гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2004. С. 13.
[64] НА РК, ф. 689, оп. 5, д. 26/186, л. 145.

[65] *Чухин И.* Каналоармейцы //Север. 1989. № 9; Упадышев Н.В. // От Соловков к ГУЛАГу: зарождение советской лагерной системы. // Отечественная история. 2006. № 6. С. 85–89.

[66] *Гнетнев К.В.* Беломорканал. Времена и судьбы. Петрозаводск, 2008.

[67] *Макуров В.Г.* Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933–1941. С. 138, 141, 146–147.

[68] НА РК, ф. 1411, оп. 2, д. 19/266, л. 33.

[69] *Шашков В.Я.* Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. С. 152–160.

[70] *Шашков В.Я., Лобченко Л.Н.* Вклад спецпереселенцев в развитие лесной промышленности Северного края // Ушаковские чтения. Мурманск, 2004. С. 135.

[71] Народное хозяйство Карелии. С. 133–134; *Кузнецов Н.Н.* Навигация длиной в полвека. Петрозаводск, 1989. С. 36, 39–40.

© 2009 г. Т. М. ДИМОНИ*

МОДЕРНИЗАЦИЯ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1930-х – первой половине 1960-х годов

На Европейском Севере страны (в границах Вологодской и Архангельской обл., Коми и Карельской республик) долго сохранялся аграрный характер экономики и социальных процессов. Характеризующийся четко выраженной многоукладностью сельского хозяйства, Европейский Север создает благоприятные предпосылки для выяснения роли укладного фактора в процессе аграрной модернизации. Уже в XVI–XVIII вв., как показали исследования П.А. Колесникова, край был источником людских ресурсов, резервом для заселения новых территорий[1]. Занятие сельским хозяйством здесь осложнялось суровыми природно-климатическими условиями, что требовало больших производственных издержек и порождало неспособность конкурировать в этой сфере с другими регионами[2]. К концу 1920-х гг. развитие сельского хозяйства на Европейском Севере не выходило за рамки традиционной архаизированной аграрной подсистемы[3]. Производство здесь велось достаточно примитивными методами, уровень урожайности и продуктивность скота до конца 1950-х гг. сохранялись на уровне начала XX в., чрезвычайно высок был удельный вес ручного труда. Особенности аграрного развития региона заключались в неблагоприятных для сельскохозяйственной деятельности климате и почвах, низкой технической оснащенности, высокой доле натуральности хозяйства, неразвитой производственной и социальной инфраструктуре, преобладании сельского населения над городским[4]. При этом работа в колхозе и на лесозаготовках постепенно превращала колхозника в рабочего с земельным наделом.

В трудах отечественных исследователей[5] в качестве одного из главных факторов поступательного развития сельского хозяйства рассматривается рост технического оснащения аграрного производства. Изучались также изменения величины основных фондов, динамика капиталовложений, кредита и т.д.[6] Важным этапом осмысления процесса аграрной модернизации на Европейском Севере стали работы экономистов, написанные в 1960–1970-е гг. В них анализировались состояние основных фондов, их структура, урожайность, себестоимость сельхозпродукции, размеры капиталовложений, рентабельность и эффективность производства с конца 1950-х гг.[7] Ученые пришли к выводу о росте уровня капиталовложений в сельское хозяйство за годы существования колхозного строя, но отмечали и то, что он был меньше, чем в других регионах страны.

Исторических исследований, посвященных развитию «общественного» сельского хозяйства Европейского Севера 1930–1960-х гг., не так много[8]. Как установила М.Н. Глумная, деформация крестьянского хозяйственного уклада происходила наиболее быстрыми темпами в единоличных хозяйствах, которые фактически прекратили свое существование к началу 1940-х гг.[9] Гораздо более долгой была крестьянская судьба колхозного двора. М.А. Безнин доказал, что даже в первой половине 1960-х гг. он представлял собой одну из основных ячеек аграрной системы регионов Европейского Севера и Нечерноземной зоны в целом, играл ведущую роль в продовольственном обеспечении семьи, сохранял структурные элементы крестьянствования[10]. Эксплуата-

* **Димони Татьяна Михайловна,** доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.

ция северной деревни проявлялась в действовавшей здесь (как и во всей стране) в 1930–1950-е гг. полномасштабной системе крестьянских повинностей, исследованной М.А. Безниным, Т.М. Димони, Л.В. Изюмовой[11]. М.А. Безнин, К.А. Гулин и др.[12] отметили, что «раскрестьянивание» бюджета в 1960-е гг. по некоторым показателям происходило на севере быстрее, чем в среднем по стране.

Богатейшие сведения об аграрной модернизации дает комплекс статистических материалов, отложившихся в фондах ЦСУ СССР и РСФСР, Министерства сельского хозяйства СССР, областных (республиканских) статистических управлений. Прежде всего, это сводные годовые отчеты колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций. Частично эти материалы были опубликованы[13]. Наибольшую трудность представляет поиск данных о динамике экономического развития крестьянского уклада. Здесь основную помощь исследователю оказывают материалы бюджетных обследований дворов, а также похозяйственные книги сельсоветов.

Капиталы аграрной экономики и источники их накопления

В советское время величина основных производственных фондов (капитала) сельского хозяйства долгое время не считалась основным фактором производства. Основное значение придавалось производительности труда, развитию соцсоревнования, решению кадровых проблем и т.п. Тем не менее, понимание важности этой величины нарастало, и в статистической отчетности с 1950-х гг. появились и показатели величины основных производственных фондов на единицу земельной площади, фондовооруженности и т.д.

Капиталы аграрной подсистемы 1930–1960-х гг. были представлены основными средствами колхозов, совхозов, МТС (до 1958 г.), дворов колхозников, единоличников, хозяйств рабочих и служащих. Учитывая «замороженность» с середины 1930-х гг. капиталов крестьянского уклада и близких к нему форм[14], рассмотрим состояние производственных фондов «общественного» сельского хозяйства Европейского Севера. В период складывания колхозного строя его капиталы увеличивались достаточно быстро. В колхозах и совхозах Северного края они возросли с 1932 по 1935 г. в 1.6 раза (с 179.1 до 295.4 млрд руб.), в 1940 г. (в границах бывшего Северного края) по сравнению с 1932 г. – в 3.2 раза[15]. Период до середины 1930-х гг. характеризовался масштабным перераспределением капиталов между крестьянским укладом и колхозным и совхозным укладами, что давало эффект нарастания капиталов колхозов и совхозов в первой половине 1930-х гг. и снижение темпов роста их основных фондов во второй половине 1930-х гг. Во время войны капиталы колхозов и совхозов Европейского Севера сократились. В территориальных рамках Архангельской и Вологодской областей, Коми АССР они уменьшились в 1945 г. на 8%, что было меньше, чем в целом по стране, где они в среднем сократились примерно на треть[16]. В послевоенный период капиталы колхозов и совхозов Европейского Севера вновь начинают расти, увеличившись, по данным за 1935–1957 гг., в 4.2 раза[17]. С 1957 по 1961 г. они выросли на Европейском Севере России в 3.4 раза, причем не менее чем в 2 раза за счет принятия и покупки колхозами фондов МТС. Однако в последующем темпы роста были более низкими: с 1961 по 1968 г. – в 1.5 раза, причем наблюдалось их отставание от общесоюзных показателей[18]. Всего с 1957 по 1968 г. основные производственные фонды колхозов и совхозов Европейского Севера России выросли в 5.1 раза (с 123.8 млн руб. до 632 млн руб.)[19]. Ускорение темпов роста в 1957–1968 гг. является ярким свидетельством активизации процессов модернизации. Наиболее высокими темпы роста капиталов были в Коми АССР, что объяснялось сильной отсталостью сельского хозяйства республики и более высоким уровнем государственных вливаний. Так за период 1938–1957 гг. основные фонды колхозов и совхозов Коми АССР возросли в 6.1 раза, тогда как в Архангельской обл. – в 3.9 раза, а Вологодской, традиционном аграрном регионе, – в 3.3 раза.

Крестьянский уклад Европейского Севера России, представленный в 1930 – первой половине 1960-х гг. колхозными и небольшим количеством единоличных дворов, пережил в 1930-е гг. существенное сокращение. Он лишился средств производства, непосредственно связанных с земледельческим трудом, – лошадей и основных земледельческих орудий. Уже в середине 1930-х гг. данные о сельхозинвентаре двора были исключены из форм похозяйственных книг сельсоветов. Значительное сокращение коснулось построек, связанных с хозяйственными функциями двора. Во второй половине 1930-х – первой половине 1960-х гг. перечень построек двора, зафиксированный в этих книгах, включал, как правило, дом с двором, реже – хлев и сарай. Численность крупного рогатого скота в личных приусадебных хозяйствах в 1965 г. составила в Архангельской обл. 65% от уровня 1941 г., в Вологодской обл. – 72, в Карельской АССР – 75, в Коми АССР – 77%[20].

Таким образом, первый этап накопления аграрного капитала общественным сельским хозяйством – период его достаточно медленного, но поступательного роста — пришелся на вторую

половину 1930-х – первую половину 1950-х гг.; второй – период быстрого их увеличения – на вторую половину 1950-х – 1960-е гг., когда произошел модернизационный рывок. При этом Европейский Север демонстрировал относительно «затухающий» вариант темпов модернизации: по мере развития этого процесса наблюдалось отставание темпов роста производственных капиталов от аналогичных общероссийских показателей.

Длительное время значительную роль играли капиталы, перешедшие в колхозы из индивидуальных крестьянских хозяйств. Согласно Примерному Уставу сельхозартели 1930 г., крестьяне, вступающие в колхоз, вносили денежный вступительный взнос в размере от 2 до 10% стоимости имущества, приходящегося на его долю во дворе[21]. Но нередко местные власти принимали решения и о более высоком уровне обобществления. Например, Вологодская чрезвычайная окружная конференция ВКП (б) в феврале 1930 г. приняла решение о том, что обобществление средств в колхозах должно быть произведено на 90%[22]. Солидную долю начального капитала колхозов занимало имущество раскулаченных хозяйств, хотя на Европейском Севере часть, перешедшая от имущества раскулаченных, была ниже, чем по России (в РСФСР в 1930 г. эта доля составляла примерно 31%, тогда как в Северном крае – 8, в колхозах Карельской АССР – 3%)[23]. В целом, в Северном крае доля обобществленного имущества и вступительных взносов составляла в 1933 г. 52% неделимого фонда колхозов, в 1935 г. – 42%, в 1938 г. в колхозах Европейского Севера России – от трети до четверти этого фонда. Во второй половине 1940-х гг. эта доля снизилась до примерно десятой части[24]. Роль государственных вложений была различной в колхозном, совхозном и крестьянском укладах. В 1931 г. в колхозы Северного края было направлено 68% всех капиталовложений, финансируемых системой Наркомзема (13 743 руб.), в совхозы – 7% вложений (1 473 руб.)[25]. В 1950-е гг. приоритеты государственных капиталовложений отдавались МТС. Так, в Вологодской обл. в 1954 г. МТС получили 51.6 млн руб., совхозы – 6.7 млн руб., колхозы – 26 млн руб. капиталовложений[26]. Наименьший интерес для государства с точки зрения кредита представляли приусадебные хозяйства. Кредитные отношения с колхозниками заключались, прежде всего, в помощи по «ликвидации бескоровности». Известно несколько периодов выделения государством средств на эти цели: 1933–1934, 1947–1948, 1964 гг.

Основную часть капиталов сельхозартелей составляли собственные средства. Упор на внутриотраслевые накопления в формировании аграрного капитала был определен совершенно осознанной позицией центральной и местной власти в этом вопросе. Доля же заемных средств в балансах колхозов (непогашенные кредиты Госбанка СССР, задолженность колхозов разным лицам и учреждениям) была относительно невелика. В 1932 г. в колхозах Северного края заемные средства составляли 21% всех их средств, в 1935 г. – 15%. В конце 1930-х гг. эта доля заемных средств несколько возросла и составляла от $^1/_4$ до $^1/_5$ части всех средств. В послевоенный период она резко сокращается, и лишь со второй половины 1950-х гг. вновь нарастает – до трети в Вологодской обл., 16% – в Коми АССР, 17% – в Архангельской обл. Но уже с начала 1960-х гг. она снижается, особенно в связи с крупным списанием ссуд в 1965 г. и зачислением их в колхозные балансы[27]. Отметим, что в течение всего изучаемого периода доля заемного капитала в колхозах Европейского Севера была ниже, чем в среднем по России. Значительную часть займов составляли долги колхозникам (в первой половине 1930-х гг. в колхозах Северного края – более 60% от общей суммы заемных средств, в 1945 г. в колхозах Европейского Севера – более 70, в 1955 г. – от 21% в колхозах Вологодской обл. до 45% в колхозах Коми АССР[28]). Это говорит о большой роли архаичных механизмов нетоварной эксплуатации. Второй по значимости статьей были долги по банковским ссудам и кредитам (1930-е гг. – от четверти до трети величины заемных средств). В послевоенный период доля задолженности банкам постепенно нарастает. В 1950 г. в колхозах Вологодской обл. она составляла 60%, Архангельской – 32, Коми АССР – 39%[29]. Однако уровень присутствия банковского капитала в колхозах Европейского Севера был ниже, чем в колхозах РСФСР. Основное место среди источников накопления колхозного производства на Европейском Севере занимали внутрихозяйственные накопления. Можно сказать, что период 1930–1950-х и отчасти первой половины 1960-х гг. являлся в значительной степени периодом модернизации за счет собственных источников. В накоплении капитала совхозами с начала 1930-х гг. главную роль играли ассигнования из госбюджета. Даже в 1965 г. в совхозах Севера они составляли 53% средств на расширенное воспроизводство, тогда как кредиты банка – 18%[30]. Роль же собственных источников в формировании капитала совхозов была чрезвычайно мала. В 1957 г. в совхозах Архангельской области отчисления от амортизации составляли 9% всех капвложений, в Вологодской обл. – 4, в Коми АССР – 1, в Карельской АССР – 6%[31]. Государственные вложения в формирование аграрного капитала крестьянских дворов были мизерны, да и внутренние источники накопления капитала дворов являлись столь малыми, что поддерживали лишь уровень простого воспроизводства.

Одним из важнейших критериев определения уровня модернизации экономики сельского хозяйства является соотношение основных факторов производства – труда и капитала[32]. Суммарную характеристику производительных сил с этой точки зрения дает изучение структуры себестоимости сельхозпродукции. Правда, в колхозах с начала 1930-х гг. до конца 1950-х гг. этот показатель не рассчитывался. Пробные расчеты по изучению затрат живого и овеществленного труда и структуры себестоимости колхозной продукции были впервые сделаны ВНИЭСХ по материалам сводных годовых отчетов колхозов страны за 1953–1956 гг. По данным этих расчетов, в колхозах районов Севера затраты на оплату труда колхозников составляли менее половины всех затрат (40–45% в производстве молока, 35–40% в производстве зерна, картофеля, мяса)[33]. Однако это соотношение объяснялось низким уровнем оплаты труда в колхозах. В последующем соотношение между затратами живого и овеществленного труда изменялось в сторону увеличения доли первых. Так, в Вологодской обл. в 1959 г. доля затрат на оплату труда составляла 49% для зерна, 55 – для картофеля, 48 – для молока, 41% – в производстве привеса крупного рогатого скота[34]. В 1965 г. эта доля в целом по сельскому хозяйству составляла 47% в Архангельской, 50 – в Вологодской обл., 53% – в колхозах Коми АССР[35]. В колхозах Европейского Севера России преодоление пятидесятипроцентной грани, когда капитал, выраженный удельным весом затрат прошлого труда, становится ведущим фактором сельхозпроизводства, относится ко второй половине – концу 1960-х гг. В 1970 г. в колхозах Европейского Севера России доля оплаты труда во всех текущих производственных затратах составляла треть[36]. Однако модернизация северного сельского хозяйства по критерию капитализации развивалась с отставанием от общероссийских процессов, в ходе которых уже в середине 1960-х гг. капитал стал основным фактором сельхозпрозводства. При этом колхозы в Архангельской и Вологодской обл. были более модернизированными, чем в Коми АССР, а процесс капитализации в растениеводстве шел более медленными темпами, чем в животноводческой отрасли. В колхозах Европейского Севера в 1960 и 1965 гг. доля затрат на оплату труда в растениеводстве превышала половинный рубеж, а в животноводстве находилась на уровне 40–46%[37]. В 1970 г. в колхозах Европейского Севера России доля оплаты труда во всех текущих производственных затратах составляла треть[38]. Однако модернизация северного сельского хозяйства по критерию капитализации развивалась с отставанием от общероссийских процессов, в ходе которых уже в середине 1960-х гг. капитал стал основным фактором сельхозпроизводства. Совхозы Европейского Севера были в лучшем положении. Уровень капитализации в них вдвое опережал колхозный и соответствовал российским показателям совхозного производства. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. доля затрат на оплату труда в себестоимости продукции совхозов не превышала $^1/_4$–$^1/_5$ части затрат. Роль «прошлого труда» в хозяйстве колхозного двора также постепенно возрастала, о чем свидетельствуют данные об изменении доли материальных затрат в совокупных доходах двора. В Вологодской обл. в 1955 г. материальные издержки двора составляли 36% валовой продукции двора, в 1965 г. – 49, в 1968 г. – 50%[39].

Процесс модернизации находил отражение также в изменении объема и структуры материальных затрат на производственные нужды в колхозах и совхозах (соотношение стоимости семян, кормов, удобрений, промышленных материалов, горючего и т.п.). В 1930–1950-е гг. преобладающая доля денежных затрат колхозов приходилась на покупку семян и фуража, горюче-смазочных материалов, текущий ремонт построек и сооружений, сельхозмашин и т.д., а в 1960 г. – на амортизационные отчисления. Очень небольшие доли расходов падали на минеральные удобрения, средства борьбы с вредителями, лечение скота. Основные подвижки в структуре материальных затрат были связаны с постепенным сокращением доли затрат на покупку семян и фуража: в колхозах Архангельской обл. в 1945 г. она составляла 40%, в 1960 г. – 34, в Вологодской обл. в 1955 г. – 52, в 1960 г. – 30%[40]. Доля же затрат на покупку горюче-смазочных материалов имела медленную, но устойчивую динамику роста. Более быстро и активно промышленный капитал проникал в совхозное производство. В 1958–1961 гг. доля затрат на удобрения в совхозах Вологодской обл. была в 3 раза выше, чем в колхозах. В два раза выше в этот период была и доля затрат на тракторные работы в зерноводстве совхозов[41]. В конце 1960-х гг. отставание колхозов сохранялось, но становилось меньше. В целом сельское хозяйство Севера оставалось в основном самовоспроизводящейся отраслью: в период 1966–1968 гг. доля промышленного труда в производстве всей сельхозпродукции составляла 23%[42].

В контексте модернизационного процесса особое место занимало «очищение» субъектов аграрной подсистемы от несельскохозяйственных занятий, их углубляющаяся специализация. Специализация совхозного производства изначально находилась на более высоком уровне, поскольк-

ку совхозы создавались преимущественно как моноотраслевые хозяйства. В конце 1960-х гг. в совхозах Европейского Севера России в структуре товарной продукции 34% занимало молоко, 25% – мясо крупного рогатого скота[43]. Колхозы же до середины 1950-х гг. функционировали как многоотраслевые хозяйства. Первоначально они копировали универсализм крестьянского двора: в начале 1930-х гг. $^2/_3$ всех доходов колхозов Северного края были получены от земледелия, $^1/_5$ часть – от животноводства, $^1/_{10}$ – от заработков на стороне. Во второй половине 1930-х гг. на первый план выходят доходы от животноводства (в Архангельской обл. и Коми АССР более 50% доходов в 1939 г., около 70% – в 1960 г.)[44]. Специфической особенностью колхозов Европейского Севера была относительно высокая доля в денежных доходах поступлений «от заработков на стороне». В этом отражались традиции отходничества, участие селян в лесозаготовках, большая сезонность сельхозпроизводства, избыток рабочих рук. В 1940–1950-е гг. «заработки на стороне» как источник дохода колхозов теряют свое значение, идет отход от крестьянской модели хозяйствования. В крестьянских хозяйствах доля доходов от растениеводства постепенно сокращалась, а от животноводства – увеличивалась. Модернизация была связана также с формированием промышленной составляющей развития сельхозпроизводства (прежде всего, переработки сельхозпродукции), что фиксировалось в наличии подсобных производств колхозов. Но их доля была незначительна: в 1930–1960-е гг. они приносили не более 7% колхозных доходов[45].

Важнейший показатель модернизационных процессов – величина налоговых изъятий и накоплений. Доходами и расходами совхозов практически полностью распоряжалось государство. Система денежного налогообложения колхозов неоднократно менялась: в 1923, 1936, 1957, 1966 гг. Размеры подоходного налога до середины 1950-х гг. возрастали, что характеризует направленность налоговой системы на изъятие средств из сельского хозяйства. В начале 1930-х гг. доля налогов, сборов и платежей колхозов Северного края не превышала 5% денежных доходов. Однако уже во второй половине 1930-х гг. она увеличивается в 3 раза и этот процесс продолжается до 1950 г., когда фиксируется самая высокая доля денежных изъятий у колхозов Европейского Севера России: до $^1/_5$ части от денежных доходов. Во второй половине 1950-х гг. налоговый прессинг на колхозы смягчается и в середине 1960-х гг. налоги составляют 0.4% всех доходов колхозов Коми АССР, 2% – Архангельской, 3% – Вологодской обл.[46] Размеры накоплений в колхозах СССР регулировались государством через установленные в законодательстве нормы отчисления на пополнение неделимых фондов (по Уставу сельхозартели 1935 г. – от 10 до 20% денежных доходов). По сути, государство стремилось довести показатели накопления сельхозартелей до норм, характерных для модернизированной экономики, тем самым административно формируя предпосылки становления расширенного типа воспроизводства в аграрной подсистеме. С другой стороны, установленная высокая доля отчислений в неделимые фонды не соответствовала реальным возможностям колхозов. Как только в 1958 г. они получили возможность самостоятельно определять процент отчислений, их доля стремительно сокращается: с 15% в 1950 г. до 4–8% – в 1965 г.[47] Таким образом, реальные возможности накоплений колхозов не превосходили предельных норм накопления в традиционной экономике[48]. Возможности накопления колхозными дворами также были невелики – в 1950–1960-е гг. они не превышали 4–7% их совокупного дохода[49].

Эволюция сельских хозяйственных укладов

Место государственного (совхозного), колхозного и крестьянского укладов в аграрном производстве характеризуется, прежде всего, соотношением их экономического «веса» в производстве валовой сельскохозяйственной продукции. В 1930–1940-е гг. в районах Севера подавляющую ее часть давали колхозы. Их доля составляла в 1941 г. – 74%, в 1945 и 1950 гг. – по 68%. На втором месте находились хозяйства колхозных дворов: в 1941 г. – 19%, в 1945 г. – 21, в 1950 г. – 20%. Третье место занимали государственные хозяйства: они производили в 1941 г. – 5%, в 1945 г. – 7, в 1950 г. – 6% всей валовой продукции сельского хозяйства Европейского Севера России[50]. Таким образом, безусловное лидерство в 1940-е гг. было за колхозами, которые опережали все остальные категории хозяйств вместе взятые. Специфика Европейского Севера состояла в более высокой по сравнению со средней по РСФСР долей колхозов и хозяйств колхозников и более низкой долей совхозов. Вместе с тем, существенно отличалось распределение производимой продукции между категориями хозяйств в Карелии – здесь в 1940–1950-е гг. достаточно большую роль играли колхозные дворы (от четверти до трети ее валового объема), выше здесь была и доля совхозного уклада[51]. Доля колхозов в производстве продукции растениеводства в 1940–1950-х гг. была практически в два раза больше, чем в производстве продуктов животноводства, в то время как в производстве животноводческой продукции более значительную роль играли личные при-

усадебные хозяйства колхозников, а также хозяйства рабочих и служащих. Вместе они производили около половины животноводческой продукции Европейского Севера[52].

Серьезные подвижки произошли в 1960-е гг. В 1961 г. на первом месте оставались колхозы, однако их доля сократилась до 35% валовой сельхозпродукции. На второе место вышли совхозы – 27%, третье место заняли хозяйства рабочих и служащих – 20%, на четвертом оказались колхозные дворы – 18% всей валовой продукции сельского хозяйства. Начало 1960-х гг. знаменовалось нарастанием доли совхозного уклада в производстве сельхозпродукции. В середине 1960-х гг. соотношение роли укладов еще более меняется. На первое место выходит совхозный уклад (1965 г. – 34%), на втором месте остается колхозный уклад (29%), на третьем месте – хозяйства рабочих и служащих (23%), на четвертом – колхозные дворы (14%)[53]. Такая трансформация на Европейском Севере произошла с опережением общероссийских процессов[54]. Обращает на себя внимание и то, что крестьянские дворы и родственные им по сути хозяйства рабочих и служащих в 1965 г. производили более трети в общем объеме сельхозпродукции.

В начале 1930-х гг. капиталы колхозов абсолютно преобладали среди капиталов, работавших в сельском хозяйстве Северного края (в 1933 г. они составляли 98.5% всех основных средств сельского хозяйства, тогда как основные фонды совхозов – 1.2 , МТС – 0.3%). К середине 1930-х гг. ситуация изменилась в сторону нарастания доли основных фондов совхозов и МТС. В 1937 г. в Вологодской обл. основные фонды сельского хозяйства (без учета крестьянского уклада) распределялись в следующей пропорции: совхозы – 18%, МТС – 14, колхозы – 68%[55]. К 1968 г. положение принципиально изменилось: северные колхозы располагали 326.8 млн руб. основных фондов, совхозы – 415.3 млн руб.[56] Таким образом, в 1930–1950-х гг. производственные капиталы колхозов играли основную роль в аграрной подсистеме, а в 1960-х гг. начинается массированное нарастание доли капиталов совхозного уклада. При этом раньше других регионов Севера пережила этот процесс Карелия (конец 1950-х гг.), затем – Коми АССР и Архангельская обл. (середина 1960-х гг.). В Вологодской же обл. $^{2}/_{3}$ капитала и в конце 1960-х гг. было размещено в колхозах. Регионы, где более быстрыми темпами развивалась промышленность, раньше прошли период преобразования колхозов в совхозы. Именно таким путем шло насыщение сельского хозяйства капиталами, необходимое для выравнивания уровня развития аграрной подсистемы с промышленной составляющей экономики.

В первой половине 1930-х гг. основную часть производственного капитала колхозов Северного края составляли постройки сельскохозяйственного назначения (в 1935 г. – 31%), а также рабочий и продуктивный скот (20%). На долю же машин, орудий, инвентаря приходилось около десятой части производственных капиталов, причем доля двигателей и автомашин не поднималась выше 0.3%[57]. В целом в структуре основных средств производства колхозов первой половины 1930-х гг. не произошло серьезных изменений по сравнению с крестьянскими хозяйствами Северного района перед коллективизацией. Структура основных производственных капиталов совхозов уже в 1930-е гг. была существенно иной. Половина капитала была сосредоточена в постройках, выше был и удельный вес сельхозинвентаря, машин, оборудования (в 1933 г. – 12%)[58]. Изменения в составе основных производственных капиталов колхозов происходили во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг. довольно медленно. Шло нарастание доли капитала, сосредоточенной в постройках (в 1950 г. – 48% в Архангельской обл, 33% – в Коми АССР)[59]. Самые существенные перемены были связаны с постоянным сокращением доли рабочего скота в основных фондах – особенно стремительно со второй половины 1960-х гг. В колхозах Европейского Севера России этот показатель сократился с 18% в 1938 г. до 9 – в 1954 г. и 3% – в 1961 г.[60] В то же время нарастала часть капитала, сосредоточенная в сельхозмашинах, орудиях, тракторах. Ее доля в колхозах Вологодской обл. увеличилась с 8% в 1940–1955 г. до 20% в 1960 и 1965 гг., в колхозах Архангельской области – с 9–10 до 15 и 17% соответственно[61]. Но в целом все же доля этой наиболее активной части капитала в колхозах Европейского Севера была ниже среднероссийской. По оценкам экономистов 1960-х гг., уровень обеспеченности основными фондами северных колхозов в целом и по отдельным элементам в 2–3 раза отставал от потребностей производства[62].

Эволюция основных капиталов совхозов Европейского Севера в 1930–1950-е гг. заключалась в снижении доли строений и сооружений в структуре основных производственных фондов (с половины и более в 1930-е гг. до трети-четверти в 1950-е гг.) и увеличении доли механизированного транспорта, рабочего скота, продуктивных животных, что свидетельствует о животноводческой специализации совхозного производства[63]. Эволюция структуры капиталов крестьянского двора в 1930 – первой половине 1950-х гг. шла в направлении сокращения доли, приходящейся на хозяйственные постройки, крупный земледельческий инвентарь, что отражало крупные деформации крестьянского уклада, свидетельствующие о его своеобразной демодерни-

зации. В конце 1950-х гг. процесс «разрушения» крестьянского уклада был замечен многими. В письме сотрудника Вологодской областной газеты «Красный Север», направленном Н.С. Хрущеву в 1959 г., говорилось: «Дома приходят в ветхость... На дрова пошли риги, сараи. В редкой деревне увидишь свежую заплату на крыше»[64].

В 1960-е гг. структура основных фондов колхозов и совхозов постепенно сближалась, а к концу 1960-х гг. стала фактически тождественной. В 1968 г. в Вологодской обл. постройки и сооружения сельскохозяйственного назначения составляли в колхозах 50%, в совхозах – 49%, машины и оборудование соответственно – 21 и 23%, продуктивный скот – 18 и 17%, рабочий скот – по 2, транспортные средства – 4 и 5%[65]. Таким образом, в 1960-е гг. колхозы сближаются с государственными хозяйствами в структуре использования капитала, также происходит сближение доли «передовых частей» капитала в северных колхозах и совхозах со средними общероссийскими показателями. Неустойчивое, зыбкое равновесие укладов, установившееся в 1960-е гг., относительная, скорее кажущаяся, легкость трансформаций (например, из крестьянского уклада – в колхозный, из колхозного – в совхозный), симбиоз колхозного и совхозного укладов с крестьянским, – все это свидетельствовало о переходном, неустойчивом состоянии северного сельского хозяйства. Скорее всего, дальнейшее исследование покажет, что эволюция укладов была полна противоречий, потрясений, борьбы и конкуренции, когда более молодые и сильные уклады разрушали и поглощали более старые и слабые.

Трансформация и инфраструктуры

Модернизацию сельской экономики продвигало развитие основных инфраструктурных звеньев, связанных с внедрением внешнего капитала (финансовых) и ставших механизмами переустройства традиционного общества (машинно-тракторных станций).

До 1960-х гг. во взаимоотношениях государства с колхозами сохранялись архаичные, нередко натуральные формы кредитования. Доля государственных ссуд в капиталовложениях колхозов Европейского Севера России до 1960-х гг. была невысокой. В 1934 г. в колхозах Северного края она равнялась 7% от всех капиталовложений, в 1937 г. в Архангельской обл. – 18, в Вологодской обл. и Коми АССР – по 21%. В 1940-е гг. ссудное кредитование колхозов резко снизилось, оно составляло менее 10% всех капиталовложений колхозов, а 1945 г. – менее 1%. При этом нередко выделенные государством средства на капиталовложения использовались на удовлетворение текущих потребностей хозяйств. В послевоенный период доля банковских ссуд в капиталовложениях колхозов постепенно нарастает. В 1955 г. они составили в колхозах Архангельской обл. 9% от всех капвложений, в Вологодской – 20, в Коми АССР – 10, в 1965 г. в Архангельской обл. – 22, в Вологодской – 23%[66]. Но все же до середины 1960-х гг. основную роль в капиталовложениях играли собственные средства – отчисления в неделимый фонд от денежных доходов, от продажи скота и имущества, вступительных взносов колхозников и пр. Главным источником капиталовложений среди собственных доходов колхозов Европейского Севера России являлись отчисления в неделимый фонд: в 1935 г. они составляли 53% средств всех источников капвложений, в середине 1940-х и в 1950-х гг. – от трети до половины всех поступлений[67].

В целом обеспеченность капиталовложениями колхозов и совхозов возросла и была более высокой, чем в среднем по РСФСР, что объясняется неблагоприятными природными условиями в северном регионе. В расчете на 100 га пашни в Архангельской обл. приходилось в 1961 г. 3.2 тыс. руб. капиталовложений, а в 1968 г. – 9 тыс. руб., в Вологодской обл. 2.3 тыс. руб. и 7.4 тыс. руб., в Карельской АССР – 13.4 тыс. руб. и 17.1 тыс. руб., в Коми АССР – 6.3 тыс. руб. и 16.5 тыс. руб. соответственно[68]. Основные капитальные затраты в колхозах Вологодской обл. в 1930 – начале 1940-х гг. приходились на строительство и ремонт построек и сооружений (около 20%), покупку машин и инвентаря (около 40%), продуктивного скота (около 20%), рабочего скота (примерно 10%)[69]. Примерно такое же соотношение наблюдалась в колхозах других регионов Европейского Севера. При высокой доле затрат на покупку машин и инвентаря абсолютные их размеры были незначительными. В 1950–1960-е гг. серьезно увеличиваются объемы вложений в строительство зданий и сооружений, приобретение тракторов и комбайнов. Повышается роль государственных долгосрочных ссуд в финансировании капиталовложений. В 1959 г. в колхозах Вологодской обл. государственное кредитование в строительстве животноводческих построек, силосных сооружений, механизации ферм составляло 33% всех капиталовложений, в электрификации колхозов – 31, в приобретении скота –33%[70]. Банковский капитал, вливаясь в колхозное производство, в первую очередь, через механизм долгосрочных ссуд, мощно проявлял себя в направленности на создание сельскохозяйственной производственной инфраструктуры, регулировал соединение финансового и промышленного капитала в сельском хозяйстве.

Особенностью Европейского Севера в процессах наращивания кредитных ресурсов было более медленное их развитие в сравнении с общероссийским уровнем. Здесь прослеживается меньшая роль государственного банковского кредитования как капиталовложений, так и непосредственно производственного процесса. В 1930–1940-е гг. наибольшие государственные кредитные вложения шли на развитие сельского хозяйства колхозов Вологодской обл. и Коми АССР, во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. постепенно нарастало государственное кредитование колхозов Архангельской обл. Таким образом, особенность инфраструктурно-финансовой государственной политики поначалу была связана с приоритетом более перспективных в сельском хозяйстве территорий, а также национальных автономий, а позднее – с направленностью на финансирование сельского хозяйства через совхозное производство.

Машинно-тракторные станции были другим мощнейшим рычагом модернизации сельскохозяйственного производства Европейского Севера России. В 1932 г. в Северном крае было 13 МТС, в 1936 г. – 55, в 1956 г. на Европейском Севере – 158[71]. Оновные фонды МТС увеличились с 1940 по 1956 г. в Архангельской обл. в 11, в Вологодской – в 8, в Коми АССР – в 6 раз. Отношения МТС с колхозами строились на основании заключаемых договоров. Работа МТС оплачивалась натурой. Если в 1931 г. только 4% колхозов Северного края были связаны с МТС, то в 1937 г. в Вологодской обл. их было уже 64%, в Карельской АССР – 62, в Коми АССР – 56, в Архангельской обл. – 40%[72]. Наиболее видимая деятельность МТС была связана с повышением уровня механизации сельского хозяйства, что проявлялось в росте количества тракторов и комбайнов, объемов механизированных работ, сокращении доли ручного труда, особенно в растениеводстве. Сосредоточив наиболее передовую часть капитала сельскохозяйственного назначения, МТС стали главным ресурсом приложения к земле овеществленного труда, что трансформировало систему экономических отношений колхозов с государством. В МТС была сосредоточена основная часть квалифицированной рабочей силы сельского хозяйства, что оказывало качественное влияние на характер производительных сил сельского хозяйства, постепенно пролетаризировало колхозное производство.

Товарность сельского хозяйства

Один из важнейших показателей уровня модернизации экономики – степень втянутости в рынок. При этом превращение низкотоварных хозяйств в достаточно высокотоварные, даже при специфичности каналов отчуждения, характеризует первую стадию процесса товаризации продукции, вторая же стадия – превращение товарного хозяйства в рыночное – свидетельствует о становлении капитализма в сельском хозяйстве.

Показатель товарности сельского хозяйства, начиная с 1930-х гг., становился одним из наиболее значимых индикаторов состояния сельской экономики. Основной чертой системы отчуждения сельхозпродукции, действовавшей с начала 1930-х – до конца 1950-х гг., была множественность каналов изъятия (обязательные поставки, натуроплата МТС, госзакупки, контрактация, рыночная торговля и др.), большая часть которых носила ярко выраженный принудительный характер и обладала чертами натурального отчуждения. Несмотря на то, что наиболее высокотоварными хозяйствами были совхозы, колхозы Европейского Севера по объему отчуждения продукции сыграли основную роль в становлении товарного производства в сельском хозяйстве региона. Если в 1932 г. колхозы Северного края отчуждали 5% валового сбора зерновых, то в 1937 г. колхозы Вологодской и Архангельской обл. отчуждали по 12% зерновых, Коми АССР – 5%. В 1945 г. колхозы Вологодской обл. отчуждали 29% производимого зерна, Архангельской – 18, Коми АССР – 30%[73]. При этом до 1958 г., когда коренным образом меняются каналы отчуждения сельхозпродукции, от 80 до 90% отчуждаемого зерна изымалось через обязательные поставки и натуроплату за работу МТС. Товарность по молоку уже с середины 1930-х гг. превышала 50%, по шерсти – 70%[74].

Крестьянский двор оставался в 1930-1960-е гг. мелкотоварным, а в годы войны его товарность еще более сократилась. В Вологодской обл. колхозные дворы отчуждали в довоенный и послевоенный период 10–12% мяса и сала, около $^1/_5$ части молока, от трети до пятой доли яиц[75]. При этом до конца 1950-х гг. основная часть молока, яиц и других продуктов отчуждалась через обязательные поставки. Особенностью 1930–1950-х гг. были чрезвычайно низкие цены, не соответствовавшие издержкам производства. Разрыв между уровнем изъятия продукции по разным каналам и полученными от ее реализации доходами четко прослеживается при анализе структуры денежных доходов колхозов. В 1945 г. от сдачи продукции растениеводства по обязательным поставкам колхозы Вологодской обл. получили лишь 18% денежных доходов, Архангельской – 21, Коми АССР – 19; в 1955 г. – соответственно 5, 17, 22% доходов[76]. Подобное соотношение существовало и в животноводстве. В колхозах Вологодской обл. в 1957 г. себестоимость производ-

ства зерна была в 7 раз выше цен обязательных поставок и в 4 раза выше цен госзаготовок, по молоку – соответственно в 4 раза и в 1.5 раза, по мясу – примерно в 8 и 2.6 раза выше[77]. Только в 1960-е гг. в связи с повышением закупочных цен удельный вес распределения товарной продукции стал приближаться к показателям структуры поступлений денежных доходов колхозов. Так, в той же Вологодской обл. с 1964 г. по зерну, картофелю, мясу, а с 1965 г. и по молоку средние цены реализации продукции колхозами превысили себестоимость производства, хотя по зерну, шерсти, овощам продолжали оставаться неэквивалентными[78]. Та же неэквивалентность наблюдалась до середины 1960-х гг. и в совхозном производстве. В 1964 г. доля убыточных совхозов на Европейском Севере составляла 80%[79], сократившись к 1970 г. до 43%[80]. При этом государство продавало средства производства колхозам по значительно более высоким ценам по сравнению с совхозами и МТС. Так, в 1939 г. колхоз Вологодской обл. должен был сдать для покупки автомашины только молока на 10 тыс. руб.[81] В 1950-е гг. автомобиль ГАЗ-63 продавался колхозам по цене 4 тыс. руб., а совхозы и МТС платили 1.3 тыс. руб.[82]

* * *

Модернизация аграрной подсистемы Европейского Севера в целом была поступательной, но неравномерной. Изменения в 1930 – первой половине 1950-х гг. происходили сравнительно медленно: незначительно выросли аграрные капиталы, ведущим фактором развития оставались внутренние источники накоплений, продолжали действовать повинностные механизмы изъятия ресурсов. Основные модернизационные подвижки отмечались в небольшом в тот период количестве совхозов и в МТС. Однако важнейшую роль в товарной эволюции сельского хозяйства сыграли колхозы. Гранью модернизационного перехода можно считать середину – вторую половину 1960-х гг. Важнейшим критерием определения этого рубежа служит изменение структуры себестоимости аграрного продукта, в которой в 1960-е гг. капитал начинает занимать более половины. С конца 1950-х гг. резко возрастают капиталы сельского хозяйства, снимаются ограничения, связанные с проникновением банковского и промышленного капитала в колхозное и совхозное производство.

В модернизации аграрной экономики Европейского Севера наблюдались характерные и для страны в целом процессы растянутости замены традиционных институтов современными, их догоняющий и скачкообразный характер. Степень зрелости модернизации в регионе была неодинакова. Из-за недостатка собственных средств и внешних ресурсов процесс так и не перешел к стадии прочной и законченной модернизации. В середине 1960-х гг. она оставалась незавершенной.

Примечания

[1] *Колесников П.А.* Крестьянство и сельское хозяйство Европейского Севера России в XVI–XVIII вв. (к вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук., Л., 1972. С. 42–43,

[2] *Островский А.В.* Сельское хозяйство Европейского Севера России 1861–1914 гг. СПб., 1998. С. 211.

[3] *Саблин В.А.* Крестьянский двор на Европейском Севере России в 1917–1920-е гг.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Архангельск, 2006. С. 45.

[4] *Коротаев В.И.* Русский Север в конце XIX – первой трети XX в.: Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998.

[5] *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; *его же.* Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979; *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945–1958. М., 1976; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР. 1941–1950. М., 1969; *его же.* Аграрная политика Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; *Тюрина А.П.* Социально-экономическое развитие советской деревни 1965–1980. М., 1982; *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996; *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996; *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М., 1993; *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; *ее же.* Население российской деревни в 1939–1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002; История социалистической экономики СССР. В 7 т. М., 1976–1980; История крестьянства СССР. В 4 т. М., 1986–1988.

[6] *Шенгер Ю.Е.* Очерки советского кредита. М., 1961; *Архипов А.И.* Колхозные доходы и их использование. М., 1966; *Массарыгин Ф.С.* Кредитная система СССР. М., 1974; *Захаров В.С.* Кредит в системе управления экономикой. М., 1979; Финансирование развития сельского хозяйства. М., 1984; Издержки производства и себестоимость продукции в колхозах. М., 1960; *Суслов И.Ф.* Экономические проблемы развития колхозов.

М., 1967; Эффективность сельскохозяйственного производства. М.,1967; *Емельянов А.М.* Методологические проблемы накопления и рентабельности в колхозах. М., 1965; *Котов Г.Г.* Расширенное воспроизводство социалистического сельского хозяйства. М., 1969; Материальное стимулирование развития колхозного производства. М., 1963; и др.

[7] *Калянова Т. Г.* Развитие сельского хозяйства Коми АССР в 1951–1958 гг. // Из истории сельского хозяйства Коми АССР. Сыктывкар, 1977; *Коновалов Д.А.* Рентабельность производства и пути ее повышения в колхозах и совхозах. Сыктывкар, 1963; *Коновалов Д.А.* Снижение себестоимости продукции – источник роста общественного богатства. Сыктывкар, 1964; *Коновалов Д.А., Ченцов Р.Е.* Сельское хозяйство Коми АССР за 40 лет. Сыктывкар, 1961; *Канев Г.В., Беляев В.В., Степанова Г.И.* Экономическая эффективность сельского хозяйства Европейского Севера. М., 1974; *Габов Л.А., Свиридова М.А., Кравцова М.Д.* Сельское хозяйство Коми АССР в период развитого социализма (историческое исследование). М., 1981; *Сычев М.Ф.* Накопление и потребление в колхозах. Петрозаводск, 1969; *Седых Ю.В.* Хозрасчет и материальная заинтересованность в колхозах. Вологда, 1963; *Мордвинцев П.В.* Себестоимость продукции в колхозах Вологодской области и пути ее снижения. Вологда, 1960; и др.

[8] *Клементьев Е.И., Кожанов А.А.* Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л., 1988; *Попов А.А., Сметанин А.Ф.* Северная деревня в 60 – первой половине 80-х годов. Сыктывкар, 1995; *Милохин Д.В., Сметанин А.Ф.* Коми колхозная деревня в послевоенные годы. 1946–1958. М., 2005.

[9] *Глумная М.Н.* Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.

[10] *Безнин М.А.* Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг., Вологда, 1989.

[11] *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001; *Изюмова Л.В.* Повинности колхозного крестьянства на Европейском Севере России в конце 1930–1950-е гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Вологда, 2001.

[12] *Безнин М.А., Карпов С.Г., Савина Н.В.* Приусадебное хозяйство колхозников Европейского Севера России в 1960–1980-х годах. Вологда, 2001; *Гулин К.А.* Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965–1985 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999; *Гулин К.А., Димони Т.М., Карпов С.Г.* Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX в. Вологда, 2003.

[13] Колхозы в 1930 г. Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП (б). М.; Л., 1931; Доходы колхозов и их распределение. М.; Л., 1932; Колхозы весной 1931 г. М.; Л., 1932; Колхозы в 1937 г. (по годовым отчетам). Ч. I. Растениеводство. М., 1939; Колхозы в 1937 г. (по годовым отчетам). Ч. II. Животноводство. М., 1939; МТС и колхозы в 1936 г. М., 1937; Колхозы в 1938 г. (по годовым отчетам). Данные предварительной сокращенной разработки. М., 1938; Колхозы в 1938 г. (по годовым отчетам) Ч. I. Растениеводство. М., 1939; Колхозы в 1938 г. (по годовым отчетам). Ч. II. Животноводство. М., 1939; Колхозы в 1938 г. (по данным годовых отчетов). Ч. IV. Баланс и кадры. М., 1940; Выполнение плана по сельскому хозяйству на 1 января 1939 г. (основные показатели). М., 1939; Колхозы во второй сталинской пятилетке. М.; Л., 1939; МТС во второй пятилетке. М.; Л., 1939; Народное хозяйство РСФСР: Стат. сборник. М., 1957; Народное хозяйство СССР в 1958 г.: Стат. ежегодник. М., 1959; и др.

[14] В.А. Белянов рассчитал, что в масштабах СССР основные производственные фонды личных приусадебных хозяйств колхозников и других групп населения составляли в 1940 г. 9 млрд руб., а в 1960 г. – 10 млрд руб. (в сопоставимых ценах) (см.: *Белянов В.А.* Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970. С. 59).

[15] Рассчитано по: ГА РФ, ф. а-374, оп. 7, д. 68, л. 2, 5, 18; оп. 16, д. 290, л. 35; д. 739. л. 1, 3; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 402, л. 9; д. 1378, л. 219; Государственный архив Архангельской обл. (далее – ГА АО), ф. 3474, оп. 12, д. 2 «б», л. 22.

[16] Рассчитано по: ГА РФ, ф. а-374, оп. 16, д. 290, л. 35; д. 739, л. 1, 3; оп. 1, д. 2100, л. 1, 21, 22, 23об.; оп. 7, д. 68, л. 2, 5, 18; ф. а-310, оп. 1, д. 4980, л. 7; д. 4985, л. 7; д. 4961, л. 7; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 402, л. 9; д. 1378, л. 219; д. 3606, л. 2, 5; ГА АО, ф. 3474, оп. 12, д. 2 «б», л. 22; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1971. С. 357.

[17] Рассчитано по: ГА РФ, ф. а-374, оп. 16, д. 290, л. 35; д. 739, л. 1,3; оп. 1, д. 2100, л. 1, 21, 22, 23об.; оп. 7, д. 68, л. 2, 5, 18; ф. а-310, оп. 1, д. 4980, л. 7; д. 4985, л. 7; д. 4961, л. 7; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 402, л. 9; д. 1378, л. 219; д. 3606, л. 2, 5; ГА АО, ф. 3474, оп. 12, д. 2 «б», л. 22.

[18] Основные экономические показатели работы колхозов и совхозов РСФСР за 1961–1968 гг. М., 1969. С. 375.

[19] Там же. С. 471, 475, 479 (за 1957 г. – в масштабе цен 1961 г., за 1961–1968 гг. – в сопоставимых ценах).

[20] Рассчитано по: *Безнин М.А.* Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье ... С. 68, 69, 72–75.

[21] История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958. Ч. 1. М., 1959. С. 174.

[22] Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ), ф. 1855, оп. 1, д. 239, л. 17, 33.

[23] Колхозы весной 1931 г. Статистическая разработка отчетов колхозов об итогах весеннего сева 1931 г. М.; Л., 1932. С. 98.

[24] Рассчитано по: ГА АО, ф. 106, оп. 8, д. 2250, л. 22 об., 23; ф. 1196, оп. 1, д. 1354, л. 96 об.; РГАЭ, ф. 1562, оп. 79, д. 261, л. 12; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1378, л. 229; д. 3606, л. 26; Колхозы в 1938 г. Ч. IV. Баланс и кадры. С. 46.

[25] ГА АО, ф. 106, оп. 4, д. 47, л. 26.

[26] Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 2463. оп. 9, д. 1705, л. 197.

[27] Рассчитано по: ГА РФ, ф. а-374, оп. 32, д. 1365, л. 73–93; ГААО, ф. 106, оп. 8, д. 2250, л. 22 об, 23; ф. 1196, оп. 1, д. 1353, л. 24; ф. 3474, оп. 1, д. 2481, л. 154; РГАЭ, ф. 1562, оп. 79, д. 261, л. 24; д. 1378, л. 229–235; д. 3606, л. 26–35; д. 5724, л. 23–29; оп. 44, д. 1709, л. 56–74; ВОАНПИ, ф. 9746, оп. 2, д. 4, л. 10–11; Колхозы в 1938 г. (по годовым отчетам). Ч. IV. С. 46.

[28] Рассчитано по: ГА РФ, ф. а-374, оп. 32, д. 1365, л. 73–93; ГА АО, ф. 106, оп. 8, д. 2250, л. 22об., 23; ф. 1196, оп. 1, д. 1353, л. 23–24; РГАЭ, ф. 1562, оп. 79, д. 261, л. 24; оп. 324, д. 1378, л. 231–235; д. 3606, л. 29–35; д. 5724, л. 27, 29; оп. 44, д. 1709, л. 68–74; ВОАНПИ, ф. 9746, оп. 2, д. 4. л. 10–11.

[29] Рассчитано по: ГА РФ, ф. а-374, оп. 32, д. 1365, л. 73–93; ГА АО, ф. 106. оп. 8, д. 2250, л. 22об., 23; ф. 1196, оп. 1, д. 1353, л. 23– 24; РГАЭ, ф. 1562, оп. 79, д. 261, л. 24; оп. 324, д. 1378, л. 231–235; д. 3606, л. 29–35; д. 5724, л. 27, 29; оп. 44, д. 1709, л. 68–74; ВОАНПИ, ф. 9746, оп. 2, д. 4., л. 10–11.

[30] *Канев Г.В., Иванов В.А.* Выравнивание экономических условий расширенного воспроизводства в совхозах // Расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1979. С. 134

[31] Рассчитано по: ГА РФ, ф. а-310, оп. 1, д. 4961, л. 3; д. 4962, л. 3; д. 4980. л. 3.

[32] См. подробнее: *Безнин М.А., Димони Т.М.* Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930–1980-х гг. // Отечественная история. 2005. № 6. С. 94–121.

[33] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 1593, л. 3, 9, 25, 63, 66.

[34] Рассчитано по: ГА ВО, ф. 1703, оп. 17, д. 575, л. 64.

[35] Рассчитано по: ГА РФ, ф. а-374, оп. 35, д. 4893, л. 148, 184, 190.

[36] Рассчитано по: Анализ производственно-хозяйственной деятельности колхозов РСФСР в 1973 г. (по данным годовых отчетов). Т. II. Анализ себестоимости и рентабельности. М., 1974. С. 1, 5, 9.

[37] ГА РФ, ф. а-374, оп. 31, д. 7137, л. 4, 5, 9, 10, 39, 40; оп. 35, д. 4893, л. 148, 184, 190.

[38] Рассчитано по: Анализ производственно-хозяйственной деятельности колхозов РСФСР в 1973 г. (по данным годовых отчетов). Т. II. С. 1, 5, 9.

[39] Рассчитано по: *Безнин М.А.* Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье ... С. 218; ГА ВО, ф. 1703, оп. 18, д. 880, л. 18; оп. 17, д. 6020, л. 1; д. 7190, л. 3.

[40] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 79, д. 298, л. 226, 298; оп. 324, д. 1377, л. 202, 203; д. 5722, л. 22, 24; ГАРФ, ф. а-374, оп. 31, д. 7096, л. 29, 33.

[41] Рассчитано по: *Вологдин В.С.* Себестоимость производства зерна в колхозах и совхозах области и пути ее снижения // Себестоимость, хозрасчет и рентабельность в колхозах. Вологда, 1963. С. 88.

[42] *Канев Г.В.* Межотраслевые связи сельского хозяйства и формирование регионального агропромышленного комплекса // Расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве...

[43] *Канев Г.В., Беляев В.В., Степанова Г.И.* Экономическая эффективность сельского хозяйства Европейского Севера. М., 1974. С. 75.

[44] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 75, д. 44, л. 18; оп. 324, д. 400, л. 1, 6, 7, 13; д. 1377, л. 193–197; д. 3593, л. 2; д. 5722. л. 10–18; ГА РФ, ф. а-374, оп. 31, д. 7097, л. 1; д. 7096, л. 5, 12, 17; ГА АО, ф. 106, оп. 8, д. 2250, л. 17 об.; ф. 1196, оп. 1, д. 1353, л. 11 об.

[45] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 75, д. 44, л. 18; оп. 324, д. 400, л. 1, 6, 7, 13; д. 1377, л. 193–197; д. 3593, л. 2; д. 5722, л. 10–18; ГА РФ, ф. а-374, оп. 31, д. 7097, л. 1; д. 7096, л. 5, 12, 17; ГА АО, ф. 106, оп. 8, д. 2250, л. 17 об.; ф. 1196, оп. 1, д. 1353, л. 11 об.

[46] Рассчитано по: ГА АО, ф. 106, оп. 8, д. 2250, л. 17 об., 18; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 401, л. 1, 7; д. 1377, л. 199; д. 3593, л. 9; д. 5722, л. 22; ГА РФ, ф. а-374, оп. 31, д. 7096, л. 29, 37, 41, 45, 49, 53; оп. 35, д. 4891, л. 5, 7.

[47] Рассчитано по: ГА АО, ф. 106, оп. 8, д. 2250, л. 17 об., 18; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 401, л. 1, 7; д. 1377, л. 199; д. 3593, л. 9; д. 5722, л. 22; ГА РФ, ф. а-374, оп. 31, д. 7096, л. 29, 37, 41, 45, 49, 53; оп. 35, д. 4891, л. 5, 7.

[48] *Крылов В.В.* Теория формаций. М., 1997. С. 101.

[49] Рассчитано по: *Безнин М.А.* Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье... С. 211.

[50] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 44, д. 1398, л. 1а, 2, 3; оп. 324, д. 253, л. 1, 3, 5, 7, 45, 89; д. 1492, л. 26–28; д. 3752, л. 24–26; ГА РФ, ф. а-374, оп. 30, д. 6343, л. 22, 22об., 44, 44 об., 62, 62 об.; оп. 32 а, д. 730, л. 1, 3, 4.

[51] Рассчитано по: там же.

[52] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 44, д. 1398, л. 1а, 2, 3; оп. 324, д. 253, л. 1, 3, 5, 7, 45, 89; д. 1492, л. 26–28; д. 3752, л. 24–26; ГА РФ, ф. а-374, оп. 30, д. 6343, л. 22, 22 об., 44, 44 об., 62, 62 об.; оп. 32 а, д. 730, л. 1, 3, 4.

[53] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 44, д. 1398, л. 1а, 2, 3; оп. 324, д. 253, л. 1, 3, 5, 7, 45, 89; д. 1492, л. 26–28; д. 3752, л. 24–26; ГА РФ, ф. а-374, оп. 30, д. 6343, л. 22, 22 об., 44, 44 об., 62, 62 об.; оп. 32 а, д. 730, л. 1, 3, 4.

[54] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 44, д. 1398.

[55] Рассчитано по: Вологодская область. Краткий экономико-статистический сборник. Вологда, 1938. С. 7.

[56] Рассчитано по: Основные экономические показатели работы колхозов и совхозов РСФСР за 1961–1968 гг. Ч. II. С. 471, 475, 479.

[57] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 81, д. 3606, л. 2, 5.

[58] Рассчитано по: ГА АО, ф. 1196, оп. 1, д. 1354, л. 96об.; д. 1318, л. 54.

[59] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 402, л. 9, 15; оп. 81, д. 276 (б), л. 32 об.; д. 1378, л. 219.

[60] Рассчитано по: Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 16; Колхозы в 1938 г. (по годовым отчетам). С. 8; Основные экономические показатели работы колхозов и совхозов РСФСР за 1961–1968 гг. Ч. II. С. 490, 496; РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 107–109; ГА РФ, ф. а-374, оп. 31, д. 7096, л. 221.

[61] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 81, д. 1378, л. 219; д. 3606, л. 2, 5; д. 5724, л. 11; оп. 44, д. 1709, л. 77, 80, 83; ГА РФ, ф. а-374, оп. 31, д. 7096, л. 221–237.

[62] *Сычев М.Ф.* Указ. соч. С. 96.

[63] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 79, д. 101, л. 6 об., 7; ГА РФ, ф. а-310, оп. 1, д. 4980, л. 7; д. 4985, л. 7; д. 4961, л. 7.

[64] Российский государственный архив новейшей истории, ф. 5, оп. 24, д. 589, л. 80.

[65] Основные экономические показатели работы колхозов и совхозов РСФСР за 1961–1968 гг. Ч. II. С. 490, 496.

[66] Рассчитано по: Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 132; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1377, л. 209, 211; д. 5723, л. 5, 6; оп. 44, д. 1709, л. 19; оп. 79, д. 298. л. 212; ГА РФ, ф. а-310, оп. 1, д. 3433, л. 36, 37.

[67] Рассчитано по: Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 131, 132; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1377, л. 209, 211.

[68] Основные экономические показатели работы колхозов и совхозов РСФСР за 1961–1968 гг. Ч. II. С. 552, 560.

[69] Рсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 403, л. 6, 7, 12; д. 402, л. 9.

[70] Рассчитано по: ГА ВО ф. 1300, оп. 1, д. 1427, л. 169.

[71] Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927–1937 гг.). С. 659; Народное хозяйство РСФСР. Стат. сборник. М., 1957. С. 215.

[72] Рассчитано по: Колхозы весной 1931 года. Статистическая разработка отчетов колхозов об итогах весеннего сева 1931 г. С. 12, 13; Колхозы в 1937 г. (по годовым отчетам). Ч. I. Растениеводство. С. 4; Народное хозяйство Архангельской области: Стат. сборник. Архангельск, 1957. С. 78; Народное хозяйство РСФСР. Стат. сборник. М., 1957. С. 203; История Коми. Т. 2. Сыктывкар, 2004. С. 498.

[73] Рассчитано по: Колхозы в 1937 году (по годовым отчетам). Ч. I. С. 96, 98; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 398, л. 13; д. 1372, л. 83, 85; ф. 7486, оп. 7, д. 1600, л. 21.

[74] Рассчитано по: Колхозы в 1937 г. Ч. II. Животноводство. С. 84, 88; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1374, л. 39; д. 3600, л. 2; д. 5720, л. 10; д. 7138, л. 1.

[75] Рассчитано по: *Безнин М.А.* Крестьянские бюджеты в 1940–1960-е гг. Вологда, 2002. С. 8–11.

[76] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1377, л. 193; д. 5722, л. 10.

[77] Рассчитано по: ГА ВО, ф. 1705, оп. 9, д. 2122, л. 59.

[78] ГА ВО, ф. 1703, оп. 17, д. 575, л. 65.

[79] *Канев Г.В., Беляев В.В., Степанова Г.И.* Экономическая эффективность сельского хозяйства Европейского Севера. С. 35.

[80] Там же.

[81] ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 2, д. 236, л. 7.

[82] Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1969. С. 45.

© 2009 г. М.Н. СУПРУН*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД:
основные тенденции и результаты

К числу преимуществ советской системы, с ее сверхцентрализацией, следует отнести способность в кратчайшие сроки мобилизовать ресурсы для решения какой-либо чрезвычайной задачи. Однако эта система не способна была функционировать продолжительное время в мирных условиях, предполагавших решение гораздо более сложных, комплексных задач. Это во многом объясняет особенности функционирования советской экономики в послевоенный период, которые прослеживаются и на региональном уровне, в частности, на материалах выделяемой историками и экономистами так называемой экономической зоны Европейского Севера России, включающей в себя территории Карельской и Коми республик, а также Архангельской и Мурманской обл. Вместе с тем, эти процессы имели и свои характерные особенности, определявшиеся географическими, природно-климатическими и историко-демографическими условиями Севера, природными ресурсами.

В этой зоне сосредоточены 65% запасов нефти Российской Федерации, 81 – газа, 63 – угля, 90 – никеля, 67 – леса, 87 – рыбы, 80% апатитов, основные запасы алмазов и золота. На их освоение

* **Супрун Михаил Николаевич,** доктор исторических наук, профессор Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

и сориентированы основные отрасли хозяйства Севера. В первое послевоенное десятилетие в Мурманской обл. половину валовой продукции давала рыбная промышленность, а треть – добыча и переработка полезных ископаемых, в первую очередь никеля, меди, железа и апатитов. Свыше 80% валовой продукции Коми АССР в эти годы приходилось на долю промышленности, главным образом, угольной, лесной и нефтегазовой. В Карельской АССР около 75% валовой продукции промышленности составляла продукция тяжелой индустрии, а Архангельская обл. на 70% обеспечивала производство экспортных пиломатериалов. Если к этой лесопродукции добавить производство пиломатериалов в Карелии и Коми АССР, то получится, что регионы Европейского Севера производили больше половины использованных в СССР древесины и пиломатериалов[1]. Обеспечению функционирования этих отраслей были подчинены многочисленные мелкие и средние предприятия машиностроения. Особняком среди них стояли судостроительные заводы оборонного ведомства, в первую очередь два завода в Молотовске (с 1957 г. – Северодвинск).

В основу директив на четвертую пятилетку (1946–1950 гг.) была положена сформулированная А.Н. Вознесенским концепция «продолжения индустриализации». В тяжелую промышленность предполагалось направить 88% капиталовложений и только 12% – в «группу Б», т.е. в легкую и пищевую промышленность, что мало отличало подобное соотношение от капиталовложений военных лет (93 к 7%)[2]. Только на создание атомной бомбы из бюджета было выделено около 9% средств – чуть меньше, чем на всю «группу Б». Перекос в распределении средств усугубляли объективные трудности конверсии, засуха 1946 г., недалекая внешняя политика сталинского руководства, приведшая к изоляции и потере обещанных кредитов из-за рубежа. В результате только по официальным данным валовая продукция промышленности за 1946 г. сократилась по стране на 15%. В отдельных отраслях промышленности Европейского Севера – и того больше. К примеру, валовое производство лесопиления по тресту «Северолес», объединявшему практически все лесопильное производство Архангельской обл., за первый послевоенный год сократилось на 34%[3], а на предприятиях целлюлозно-бумажной продукции – более чем на четверть[4].

Возникшие проблемы вызвали к жизни необходимость трансформации системы в сторону децентрализации, хотя многие государственные и партийные лидеры и некоторые советские экономисты ратовали за дальнейшее усиление централизации даже после Победы[5]. С другой стороны, уже в годы войны оно пошло на расширение коллегиальности в руководстве: с 1944 г. вернулись к созыву сессий Верховного Совета, к восстановлению работы советов на региональном уровне. В августе 1945 г. был упразднен высший чрезвычайный орган власти – Государственный комитет обороны. А годом ранее подобные чрезвычайные региональные органы были упразднены в приграничных, в том числе и северных областях. Функции планирования в экономике полностью перешли в Госплан, который с декабря 1947 г. был разделен на Госплан, Госснаб и Гостехнику. Постановления 1946–1947 гг. осудили прямое вмешательство партийных органов в деятельность промышленных предприятий, что способствовало разделению функций партийных и хозяйственных органов. Хоть и незначительно, но расширилась самостоятельность руководителей министерств, управлений и отдельных предприятий. Часть предприятий, в том числе и на Севере, перешла из союзного в республиканское подчинение, министерствам было разрешено самостоятельно менять структуру и штаты аппарата. С 1 июля 1946 г. директора заводов получили право создавать собственные небольшие фонды, формировавшиеся за счет снижения себестоимости продукции и составлявшие от этого показателя 2–4%. За 1945–1953 гг. численность только общесоюзных наркоматов/министерств сократилась с 54 до 25[6].

Более чем вдвое сократилось и количество чиновников, хотя управленческий аппарат продолжал оставаться огромным. На его содержание в четвертой пятилетке было выделено 4% государственного бюджета, что потребовало введения в 1946 г. регламентации привилегий в аппарате – принятия своего рода «сталинского Табели о рангах». К началу 1950-х гг. на каждых 6 рабочих в народном хозяйстве страны приходился один управленец[7]. Подобные тенденции наблюдаются и на Европейском Севере. На треть возросший за годы войны партийно-государственный аппарат северных областей был сокращен к 1953 г. на 20%, однако продолжал по численности на 11% превышать довоенный уровень[8]. Относительная децентрализация и дебюрократизация в новых условиях сопровождались переходом от военных к относительно более «мягким» административно-командным методам руководства всеми сферами жизни, в том числе и экономикой. Это нашло отражение в сокращении в 2–3 раза отчетности, бумаготворчества (в сельском хозяйстве – в 8 раз за годы четвертой пятилетки), отказу от казарменного положения на наиболее важных мобилизационных предприятиях.

Даже при общей тенденции к децентрализации аппарат продолжал использовать проверенные временем рычаги воздействия на «производственную активность населения». Основными среди них оставались внеэкономические (социалистическое соревнование и «синдром страха») и экономические (соответствующие новым условиям методы управления, включая «хозрасчет», новые технологии, капиталовложения) методы руководства. Однако в отличие от военных лет силовые методы управления вынужденно уступали экономическим. Одной из внеэкономических «поощрительных» форм управления активностью в советском хозяйстве являлось «социалистическое соревнование». В годы войны оно достигло в своем развитии апогея. По моим подсчетам, во время войны возникло 10 новых форм социалистического соревнования с вовлечением в них до 90% работавших, тогда как в послевоенную пятилетку – лишь 3, причем уровень вовлеченности снизился до 80% работников.

Новые кампании «по поиску внутренних врагов» и сопровождавшие их «дела» (дела «космополитов», «ленинградцев», «авиационников», а за ними и – «лесопильщиков», «рыбников», «угольщиков», «нефтяников») продолжали поддерживать высокую напряженность в обществе. «Синдром страха» нагнетался и обилием заключенных и спецпоселенцев, в первую очередь в слабозаселенных районах, включая северные окраины. Правда, если в целом по стране за 1940–1953 гг. численность заключенных ГУЛАГа почти удвоилась (с 1.3 млн до 2.5 млн человек), то на Севере их число сократилось, главным образом, за счет ликвидации $^3/_4$ лагерей и перевода заключенных на «более важные» стройки[9]. Кроме того, труд убывших лагерников с лихвой компенсировался возросшим на Севере числом спецпереселенцев и военнопленных[10].

Росту производительности труда в рамках социалистической системы хозяйствования должна была способствовать единая система премирования, введенная в августе 1946 г., попытки «ликвидации уравниловки», предпринятые в апреле 1948 г., распространение «внутризаводского хозрасчета». Не менее значительную роль в решении задач пятилетки сыграли колоссальные инвестиции и материальные средства, полученные как из внутренних, так и внешних источников. К последним, несомненно, следует отнести репарации, объем которых составил от 15 до 20 млрд долл. Только поставки сырья, готовой продукции из Германии с учетом труда военнопленных оценивались в 11 млрд долл.[11]. За 1945–1947 гг. в СССР было вывезено около 1 млн вагонов различного оборудования с 4 786 немецких и японских предприятий, в том числе с 655 предприятий военной промышленности[12]. На Европейском Севере основной поток репараций направлялся в машиностроение и, в частности, в судостроение. Головным заводом по приему и распределению техники для судостроительной промышленности страны являлся молотовский завод № 402, приступивший в эти годы к строительству самых крупных в мире линкоров.

Весьма важной для восстановления разрушенного хозяйства стала помощь, полученная в военные годы по ленд-лизу. Общий объем поставок в СССР союзниками в эти годы составил 13.3 млрд долл., причем большая их часть поступила в конце войны и предназначалась скорее для восстановления народного хозяйства. По условиям последнего, Четвертого протокола, в 1944–1945 гг. военные поставки в СССР составили лишь 9% общего объема поставок союзников. Среди невоенных же грузов почти треть составляли транспортные средства (280 тыс. автомобилей, 1 869 локомотивов, свыше 11 тыс. вагонов), более 20% – продовольствие, 8% – промышленные изделия, среди которых 23.5 тыс. станков, 1 526 кранов и экскаваторов, 212 тыс. т энергетического оборудования, включая турбины для разрушенного Днепрогэса[13]. Номенклатура индустриального оборудования насчитывала тысячи наименований: от подшипников до металлургических станов. Американский инженер, посетивший в конце 1945 г. Сталинградский тракторный завод, обнаружил, что половина всех машин и оборудования на предприятии была американского производства. Наряду с партиями отдельных машин и механизмов, союзники поставили СССР несколько производственно-технологических линий и даже целые заводы: нефтеперерабатывающие, шинные, автосборочные, консервные. Все это оборудование осталось в Советском Союзе по завершении войны и было использовано для восстановления и развития хозяйства страны. Причем, с ленд-лизовским оборудованием и механизмами в СССР пришли новые технологии, которые, наряду с заимствованными в рамках репараций германскими и японскими технологиями, дали мощный толчок развитию советской индустрии. Наряду с самым современным оборудованием, Советскому Союзу в конце 1945 г. удалось получить сравнительно небольшой, но крайне важный в тех условиях американский кредит на 241 млн долл.

Наряду с внешними, советское руководство широко использовало и внутренние источники пополнения бюджета: дополнительные налоги, государственные займы, лотереи. Удельный вес средств от подписки на займы в доходе бюджета в годы четвертой пятилетки составил 5.8%[14]. Одновременно росли цены на продовольствие, взлетели вверх сельхозналоги, разоряя большую часть населения страны. Цены на продукты в сентябре 1946 г. возросли в 2–2.5 раза. В следую-

Таблица

Выполнение послевоенного пятилетнего плана на 1946–1950 гг., в % к уровню 1940 г.

Отрасль экономики	План	Отчет
Промышленность, в том числе по группе «Б»	148	173
Хлопчато-бумажные ткани	119	99
Шерстяные ткани	132	130
Кожаная обувь	114	96
Сельское хозяйство	127	99.8
Товарооборот	128	110

Составлено по: Сообщение Госплана СССР и ЦСУ СССР «Об итогах выполнения четвертого (послевоенного) пятилетнего плана на 1946–1950 гг.». М., 1951. С. 3–20.

щем году на 30% был увеличен и сельхозналог, который к концу пятилетки с учетом всех повышений вырос дополнительно в 3.5 раза[15].

Наряду с ростом налогов, решающими для выполнения плана пятилетки стали две денежно-финансовые реформы, проведенные практически одновременно на рубеже 1947–1948 гг. – именно когда выполнение плана в промышленности оказалось под угрозой срыва. Первая из них, проведенная в один день с отменой карточной системы – 12 декабря 1947 г. – хорошо известна. При замене денег и выплат по облигациям госзаймов государство изъяло у населения по разным оценкам средств на сумму от 50 до 70 млрд руб. При введении новых денег больше всего пострадали жители удаленных районов и те, чьи сбережения превышали сумму в 3 тыс. руб. Именно северяне, проживавших в слабозаселенных местностях и имевших значительную северную надбавку, пострадали от реформы более всего. Менее заметно, но с гораздо более ощутимым эффектом была проведена вторая реформа – реформа оптовых цен в 1948 г. С 1 декабря 1948 г. цены на промышленную продукцию были увеличены в среднем по стране в 1.5 раза, при замораживании и даже снижении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. В результате уже в этом году размер государственных дотаций в промышленность снизился с 35.3 млрд руб., до 2.9 млрд. По сути, в условиях жестко централизованной, директивно-распределительной экономической модели только в 1949 г. более 30 млрд руб. были переведены из сельского хозяйства в индустрию[16]. Процесс перекачки средств в промышленность был продолжен и в последующие годы. Эти обстоятельства во многом определили выполнение плана в тяжелой индустрии при его невыполнении в легкой, пищевой промышленности, в аграрном секторе и торговле (см. табл.).

Руководству страны, таким образом, удалось добиться выполнения плана в тяжелой промышленности, но за счет снижения уровня жизни населения. При этом около 40% продукции тяжелой промышленности составляла военная продукция, обеспечивая грандиозную сталинскую программу авиастроения, танкостроения до 1970 г., «10-летний план военного судостроения», создания ракет и атомной бомбы[17]. Это обстоятельство даже заставило ряд исследователей усомниться в том, что в послевоенные годы СССР восстанавливал народное хозяйство, скорее он создавал основы современного военно-промышленного комплекса[18].

Отмеченные тенденции весьма отчетливо прослеживаются и в экономике Европейского Севера. По своей значимости и объему валовой продукции доля тяжелой промышленности в ней в послевоенные годы возросла в среднем с 40 до 65%. Наибольший прирост валовой продукции в «группе А» в эти годы дала топливная промышленность Коми АССР. Если в 1940 г. доля добычи и переработки угля и углеводородов в общей структуре промышленности республики составляла 4.6%, в 1945 г. – 22.9, то к 1955 г. она возросла до 50.5%[19]. Здесь в годы войны и особенно в послевоенные годы началась интенсивная разработка новых Печорского угольного и Ухтинского нефтяных и газовых месторождений.

Доля тяжелой промышленности возросла и в структуре Архангельской обл. С закладкой на стапелях 402-го завода трех линкоров и эсминцев в этот район начались огромные финансовые вливания. Они возросли с 50 млн руб. в 1945 г. до 100 млн на следующий год и 150 млн в 1947 г. На эти деньги предполагалось построить 8 эсминцев и один линкор[20]. Если принять во внимание, что валовая продукция всех лесозаводов крупнейшего в отрасли и на Севере треста «Северолес» за эти три года составила лишь 105.6 млн руб., то для обеспечения этой программы тресту пришлось бы работать в течение 9 лет[21]. Гипотетически тресту пришлось бы работать еще 10 лет, чтобы обеспечить начавшееся в 1946 г. в Молотовске строительство еще одного крупнейшего судостроительного завода № 893 («Звездочка»).

Значительно увеличилась роль тяжелой промышленности в Карелии в связи с восстановлением Надвоицкого алюминиевого завода и в Мурманской обл. из-за наращивания военного производства и продукции цветной металлургии. Еще в военные годы был восстановлен и вышел на проектную мощность мончегорский комбинат «Североникель», а с присоединением финляндской Печенгской обл., а с ней и крупнейшего комбината в Колосийоки («Печенганикель»), производство никеля удвоилось. Насколько значимо было приобретение этого комбината для СССР говорит тот факт, что 90% никеля, необходимого для производства танков в Третьем Рейхе, поступало из Колосийоки. Мощности северной цветной металлургии увеличил и введенный в строй в 1951 г. Кандалакшский алюминиевый завод. Бурное количественное (в 8 раз по числу «плавсредств») и качественное (появление британской и американской техники, включая линкор и крейсер) наращивание Северного военно-морского флота за годы войны привело к необходимости создания малых и средних судоремонтных заводов и мастерских для обслуживания кораблей. Такие же заводы стали быстро развиваться в послевоенные годы и для гражданского торгового и рыболовного флота, который также развивался быстрыми темпами.

О приоритетах правительства в ходе восстановления экономики говорят и цифры выполнения 4-го пятилетнего плана по промышленности Европейского Севера. Безусловно лидирующей среди остальных отраслей была добыча углеводородов. За пятилетку добыча нефти увеличилась в 7.4 раза, газа – в 2.3 раза[22]. На втором месте по значимости и успехам была цветная металлургия. По выплавке никеля и меди северные металлурги завершили пятилетку на год раньше – к 1949 г.[23] Успешно справилась с планом угольная промышленность Севера. Уже в 1949 г. план по добыче угля ею был выполнен на 105%; химическая и целлюлозно-бумажная промышленность выполнила план в среднем на 104%[24]. Можно предположить, что вполне успешно справились с заданиями военные кораблестроители. Правда, в связи с изменившимися обстоятельствами был подкорректирован «10-летний план кораблестроения». На создание суперлинкоров (водоизмещением до 65 тыс. т) средств явно не хватало. Поэтому судостроители Молотовска переключились на постройку крейсеров и эскадренных миноносцев. За 1946–1953 гг. они заложили два крейсера и сдали флоту 18 эсминцев «проекта 30-бис».

Нетрудно заметить, что большая часть отмеченных выше отраслей прямо или косвенно работала на укрепление военного комплекса страны. О лесной индустрии этого сказать нельзя. Не случайно в годы войны лесная отрасль потеряла более трети своих мощностей. Впрочем, и по ее окончании она еще долго вынуждена была выходить из кризиса. Если в 1940 г. вывоз древесины по всем четырем регионам Европейского Севера составил 34.2 млн кубометров, то в 1950 г. едва достиг 29.6 млн (86.5%)[25]. Пятилетний план в этой отрасли был, в сущности, провален.

Крайне медленно по сравнению с отраслями «группы А» восстанавливалась легкая и пищевая промышленность. Исключение составляла лишь рыбная индустрия. Неурожай 1946 г. и последовавший за ним голод, равно как прекращение ленд-лизовских поставок, обеспечивавших в конце войны продовольствием ежегодно до 15 млн человек, потребовали освоения дополнительных продовольственных ресурсов. С 1944 г. началось добровольно-принудительное заселение побережья северных морей для расширения прибрежного лова, большинство военных тральщиков и охотников было переоборудовано в рыболовецкие траулеры, повсеместно развернулось строительство малых деревянных рыболовецких судов, для рыбоперерабатывающих предприятий было заказано за рубежом новейшее оборудование. В результате уже в 1947 г. вылов рыбы в Северном бассейне превзошел довоенный уровень на 10%, а в 1950 г. – на 20%, составив почти 2.3 млн т[26].

Недостаток сырья и финансирования пагубно сказывались на работе предприятий легкой и пищевой отраслей коммунального хозяйства и гражданского строительства. По-прежнему в дефиците оставались самые необходимые в быту предметы и продовольствие. Зарплата колхозников (если ее платили) в 1948 г. составляла от 5 до 10 руб. в месяц. А банка крабов в магазине стоила 54 коп. Строительство жилья велось крайне медленно. В 1947 г. в Карелии жилой фонд составлял лишь 67% от уровня 1940 г., в Мурманской – чуть более 30%[27]. Но ни одна отрасль не пострадала в послевоенные годы так сильно, как сельское хозяйство. Сталинский курс на ускоренную индустриализацию за счет сельского населения (составлявшего 65% населения страны) привел поначалу к тяжелейшему кризису 1946–1947 гг. а впоследствии – к затянувшейся стагнации в сельскохозяйственном производстве. Государство, душа сельскохозяйственного производителя налогами, практически даром забирало продукцию колхозов, продавая ее в розницу по ценам в 15–20 раз дороже. При этом колхозникам по-прежнему не выдавали паспорта, и единственным способом бежать из деревни были мобилизации («оргнаборы») на учебу или для работы в промышленности. Этой возможностью сельское население пользовалось максимально, о чем свидетельствуют изменения в социальной структуре населения Европейского Севера. Если

в 1945 г. в сельских районах проживало около 65% населения, то к 1950 г. уже около 50, а в 1959 г. – 32.5%[28].

В целом, Европейский Север как дальняя, но весьма богатая ресурсами провинция советской империи, как и положено в жестко централизованных государствах, во всех тенденциях развития и механизмах управления повторял метрополию. Вместе с тем в силу географической специфики результаты политики индустриализации проявились здесь наиболее ярко. Более быстрыми, чем в целом по стране, темпами развивалось промышленное производство, более заметным было отставание сельского хозяйства, сопровождавшееся дальнейшим расслоением населения. Последователи Сталина после его смерти попытались адаптировать систему к новым условиям, но безуспешно.

Примечания

[1] Северо-Запад РСФСР. Экономико-географическая характеристика. М., 1964. С. 520; *Сухарев М.И.* Европейский Север России (1946–1961 гг.). Мурманск, 1997.С. 32–33.

[2] История социалистической экономики. В 7 т. Т. 5. М., 1978. С. 55.

[3] Если в 1945 г. «Северолес» произвел продукции лесопиления на 38 160 руб., то в 1946 г. – только на 25 441 руб., см.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ), ф. 7644, оп. 1, д. 81, л. 77.

[4] Подсчитано по: РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 671, л. 14, 19, 45, 59, 62, 63, 65; д. 1136, л. 2.

[5] См., напр.: *Анисимов Н.И.* Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. М., 1951.

[6] *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР. М., 1986. С. 192–200.

[7] Там же. С.178.

[8] *Бондаренко С.Я.* Провинциальное чиновничество Европейского Севера России в 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Вологда, 2004. С. 17.

[9] Из 7-ми лагерей (со 118 тыс. заключенных), находившихся на территории Архангельской обл. в 1941 г., в 1950 г. осталось лишь 2, в которых содержалось 22 тыс. человек. См.: *Упадышев Н.В.* Заключенные исправительно-трудовых лагерей в Архангельской области в 1937–1953 гг. Архангельск, 2001. С. 31.

[10] Через лагеря и спецгоспитали Архангельской и Вологодской обл. прошло свыше 85 тыс. иностранных военнопленных. См.: *Кузьминых А.Л.* Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере, 1939–1949 гг. (на материалах Вологодской и Архангельской областей). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Вологда, 2003. С. 16.

[11] *Болдырев Р.Ю.* Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945–1949 гг.): экономический аспект. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004. С. 14.

[12] ГАРФ, ф. 5446, оп. 52, д. 2, л. 45–116.

[13] РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 438, л. 8–11, 13–14, 16, 21; *Кравченко Г.С.* Военная экономика СССР 1941–1945. М., 1963. С. 350; История социалистической экономики. Т.5. С. 268.

[14] История социалистической экономики. Т. 5. С. 159.

[15] *Зима В.Ф.* Тупики аграрной политики (1945–1953)//СССР и холодная война. М., 1995. С.156.

[16] Там же. С. 26–27.

[17] *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (Вторая половина 40-х – начало 60-х годов). М., 2000. С. 27.

[18] *Лельчук В.С., Молодцыгин М.А.* Послевоенная конверсия // СССР и холодная война. С. 141.

[19] *Сухарев М.И.* Указ. соч. С. 39.

[20] *Балова М.С., Лизунов П.В.* Развитие военного кораблестроения на Русском Севере в начале холодной войны // Холодная война в Арктике. Архангельск, 2009 (в печати).

[21] РГАЭ, ф. 7644, оп. 1, д. 81, л. 77.

[22] Нефть и газ Коми АССР. Сыктывкар, 1979. С. 259–260.

[23] *Сухарев М.И.* Указ. соч. С. 64–65.

[24] Там же. С. 59, 68; РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 671, л. 14, 19, 45, 59, 62, 63, 65; д. 1266, л. 9, 11, 14, 15.

[25] Посчитано по: Народное хозяйство Карельской АССР. Петрозаводск, 1972. С. 27; Архангельская область в цифрах. Архангельск, 1967. С. 25; Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти. Мурманск, 1967. С. 40; Коми АССР. К 50-летию Советской власти. Сыктывкар, 1967. С. 28.

[26] Посчитано по: Архангельская область в цифрах. С. 26; Рыбная промышленность Мурманской области. Мурманск, 1965. С. 57; Карельская АССР за 50 лет. С.44–45.

[27] *Сухарев М.И.* Указ. соч. С. 99.

[28] Подсчитано по: Народное хозяйство Карельской АССР. С. 8; Архангельская область в цифрах. С. 8; Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти. С. 19; Коми АССР. К 50-летию Советской власти. С. 8.

© 2009 г. Р. П. БИЛАНЧУК*

УСТНО-ПИСЬМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПРИХОДСКИХ СООБЩЕСТВ СЕРЕДИНЫ XIX века

В середине XIX в. на волне всеобщего интереса к историческим, географическим и этнографическим исследованиям по инициативе Синода была создана и реализована обширная программа историко-статистического и археологического обследования приходов Российской империи. Согласно особому определению Синода, разосланному по всем епархиям в мае–июне 1850 г., местным архиереям следовало организовать и контролировать деятельность целой системы комитетов по собиранию и обработке сведений церковно-археологического и статистического характера. Целью проведения столь масштабной работы было изучение исторического пути Православия в России путем воссоздания конкретно-исторических условий распространения христианской религии «по всем отдаленным пределам Империи»[1].

Для составления церковно-исторического и статистического описания Вологодской епархии в начале 1851 г. при Вологодской духовной консистории был образован специальный Епархиальный Комитет, в состав которого вошли ректор и инспектор семинарии, кафедральный протоиерей и ключарь, наставники семинарии. В подчинении Главного епархиального комитета находились комитеты уездные. Им, в свою очередь, подчинялись частные комитеты благочиннических округов, осуществлявшие сбор первичных сведений. Замыкалась система на приходском клире и настоятелях монастырей. Особо оговаривалась практика отбора источников и порядок составления описаний снизу доверху[2]. Результаты деятельности комитетов всех уровней нашли свое отражение в целом комплексе архивных источников, среди которых особую ценность представляют поуездные описания, а также разрозненные рукописи по отдельным благочиниям и приходам[3].

Поуездные описания содержат достаточно полные характеристики состояния приходского пространства, внешний вид и внутреннее убранство церквей и часовен, данные по топографии и демографии. Это позволяет получить отчетливую картину общего состояния православного прихода середины XIX в. Особо подчеркнем ценность собственно «исторической» части описаний. Письменные свидетельства приходских архивов, наблюдения священников и устная историческая традиция прихожан составляют причудливую смесь, за которой «проглядывает» менталитет сельского и посадского обывателя, его культурные установки, предпочтения, взгляды на жизнь. Описания часто дополняются ценнейшими примечаниями, содержащими копии документов XVI–XVII вв., памятниками житийной литературы, переложениями местных преданий и легенд о заселении края, особенностях культурного ландшафта, о местных святых и святынях. Фиксировались укоренившиеся в народной среде обряды и праздники, крестные ходы и другие элементы церковно-народной традиции.

Среди причин, явно мешавших обстоятельному изложению местных «достопамятностей» нельзя не отметить и очевидную боязнь «начальства», нежелание в письменном виде фиксировать отдельные особенности быта, поведения, религиозных проявлений своих прихожан, зачастую не укладывавшиеся в строгие рамки служебных ин-

* **Биланчук Роман Павлович,** главный библиотекарь Вологодской областной универсальной научной библиотеки, научный редактор издательства «Книжное наследие».

струкций. Многие старинные обычаи, бывшие до начала XVIII столетия в числе обычных норм приходской жизни, к середине XIX в. оказались основательно забыты и воспринимались духовными лицами в лучшем случае в качестве безвредных «суеверий», служа лишним подтверждением «простоты и грубости нравов здешних обывателей». Наконец, большое значение играли личностные качества приходского священника, специфика его формальных и неформальных отношений с прихожанами. Все перечисленное выше, безусловно, оказывало самое прямое влияние на полноту и качество описаний. Тем не менее, первый серьезный опыт проведения церковных описаний получил широчайшее распространение во второй половине XIX – начале XX в.[4] и стал, наряду с типологически сходными этнографическими, историческими и иными изысканиями, самым популярным видом краеведческих работ, «доступным сотням историков-любителей и краеведов, проживавших в селах и маленьких уездных городах»[5].

Церковно-исторические и статистические описания по Сольвычегодскому уезду представлены сравнительно небольшим комплексом источников, среди которых особое место занимает рукопись члена уездного комитета протоиерея Михаила Шалаурова, содержащая обобщающие сведения о 54-х приходах, сгруппированных по четырем благочиниям[6]. Рукопись датирована 1854 г. и представляет сокращенный (обобщающий) вариант отдельных описаний приходов и церквей Сольвычегодского уезда, поступивших в 1851–1854 гг.[7] В качестве приложения в рукописи содержится описание древних деревянных церквей (14 храмов; самая ранняя – Преображенская Малопинежская 1669 г. постройки), а также тексты копий двух жалованных грамот: Троицкой Соезерской пустыне 1636 г. и 1667 г. и копии со списка Патриаршей грамоты 1650 г. из архива Архангельской Шалимовской церкви о проведении Всероссийского поста (на Филиппов пост). В тексте рукописи находится также редкий список Сказания «о зачатии» Христофоровой пустыни[8].

К материалам церковно-исторических описаний Сольвычегодского уезда относятся и две отдельные копии с рукописей житийной литературы XVII и XVIII вв. Первая из них – «Чудеса святого Петра Черевковского» в мае 1854 г. была представлена священниками Черевковской Успенской церкви своему благочинному. В Вологде рукопись была передана на рассмотрение сотрудника епархиального комитета А. Вячеславова, который, в частности, отметил, что «историческая достоверность сказания требует исследования»[9]. Он же осматривал и «Повесть о чудесах Пресвятыя Троицы» из упраздненной Соезерской пустыни, скопированную со списка XVIII в. По мнению А. Вячеславова рукопись также не имела значительной церковно-археологической ценности, поскольку содержание повести было основано «не на летописном известии, а на местном предании»[10].

Представления о «далекой старине» традиционно основывались на значительном пласте устных свидетельств о древнем (дославянском) населении края. Таинственная «чудь» фигурировала в качестве «первонасельников» Сольвычегодского уезда и «предков» местных жителей, а следы ее былой жизнедеятельности в бассейне Вычегды наблюдались практически повсеместно. Стадиальное первенство до-русских предшественников и их весомое влияние на процесс создания местных традиций считалось общепризнанным. Имя «чуди» присутствовало в любой северной деревушке в самых различных качествах: названии особого «племени», ближайшей деревни (куста деревень) или просто бранного слова. Современное осмысление историко-этнографических источников XVIII–XIX вв. также позволяет говорить о значительной доле «чудского» этнического компонента в составе всего Двинско-Важского культурно-исторической ареала[11]. Количественное преобладание собственно русских, исследователи (в частности М.В. Витов), связывают с мощным отливом населения центральных уездов во второй половине XVI в.[12], однако и для XVIII–XIX вв. активные культурные контакты не ассимилированной «чуди» с «русскими» в отдаленных уголках Подвинья – обычное явление[13].

В народной традиции, повествующей о «чудском» прошлом, обращает внимание устойчивое соединение временных и пространственных координат. Местный топохрон к изначальным «чудским временам», самым давним по шкале народной хронологии, возводил происхождение целого ряда элементов естественного ландшафта (холмы,

ямы, горы, пещеры, речные пороги, камни), приобретавшие в преданиях выраженные социоприродные черты. Обозначением на местности бывшего чудского местожительства являлись приречные холмы, якобы искусственного происхождения. Такого рода объекты, как правило, не имели ничего общего с реалиями культурной жизни, но в фольклорной традиции, руководствующейся соображениями иного порядка, любые примечательные возвышения на местности не могли не связываться с «чудью», поскольку вполне вписывались в предметное поле народной географии. В приходе Ерогодской Покровской церкви в полуверсте от храма за рекой Содонгой находилась часовня, стоявшая на высоком красивом холме «наружностию по верху около 120, а в вышину до 5 сажен. По повествованию народному наношен этот холм жившею сперва в сем приходе чудью, которая после новыми поселенцами была выгнана, и опять возвращаясь, в двух верстах от того холма побита и похоронена на ополье, которое место и по сие время называется могильником. Уцелевшая от сего события фамилия Чецких и по сие время в потомственной линии живет в деревне Чецкаго починка»[14]. То же касается и другого важного компонента культурного ландшафта – древних укрепленных мест, располагавшихся на возвышении при излучинах или слиянии рек. Это так называемые «городища» или «городки». Историческая традиция всего Двинско-Важского культурного ареала «начало бытования» любых укрепленных мест связывала с чудским прошлым. В приходе Николаевской Вилегодской церкви «издревле» сохранялось предание «что берега реки Виледи населены были в старину некрещеною чудью. Это предание подтверждается тем, что на утесистых мысах речки Виляди много есть городков, окопанных глубокими рвами. Видно и поднесь, – заключает местный священник, – что в этих городках было жилище человеческое. Но кто эту чудь крестил или вытеснил из здешняго края – ниоткуда не известно»[15]. Схожее представление о назначении земляного вала у церковного погоста имели священники и прихожане Ильинской Вилегодской церкви. Называя остатки укреплений «городком», его сооружение относили к неопределенным «древним временам», когда тот служил «охранением некрещеной чуди, жившей грабежом»[16]. «Речка Городишная, – отмечал священник Спасской Поршенской церкви, – названа так потому, что на ней много так называемых городков. Эти городки не что иное суть, как небольшие пространства на пригорках, укрепленные земляными валами и рвами. Кто эти крепости строил, и какие люди жили в них – записей о том нет, а из древних времен устное предание говорит, что тут жили чудския племена, кои до озарения светом христианской веры, проводя жизнь хищничеством, в укреплениях земляных скрывали и хранили свои приобретения»[17]. Мнение о «чудском» происхождении брошенных и осыпавшихся древоземляных укреплений было столь устойчиво, что даже местные священники, имевшие на руках копии фрагментов писцового делопроизводства XVII в. с подробным описанием этих «осадных городков» – древних погостов[18], как правило, придерживались «образа мыслей» своих прихожан. Весьма часто подобного рода сооружения маркировались часовнями, построенными «усердием прихожан», к которым «в воспоминание о чудских предках» в урочные дни устраивались крестные ходы из приходской церкви[19].

Чудь, жившая в укрепленных «городках» и в непосредственной близости от них, по мнению местных крестьян, была в хозяйственно-культурном отношении весьма развитым народом. Среди занятий до-русского населения назывались земледелие, охота, ремесла, торг. Чудью были построены первые в этих краях мельницы и кузни, вырыты колодцы и проведена распашка девственного леса. Многочисленные «археологические» находки: топорики старинной работы, замки, металлические украшения, сошники необычной формы, обломки кирпича и камня, следы распашки, чудские «дворища и печища» – будто бы свидетельствовали об интенсивной жизнедеятельности предшественников.

Происхождение собственно «русских» родовых корней местной традицией утверждалось за «семействами новгородцев», от которых пошли деревни с характерным названием «Новгородская»[20], а также с Ваги и Пинеги[21]. Давая обобщенную оценку «этнической истории» своего прихода, священник Малопинежской Преображенской церкви заметил: приход образовался в конце XVI в. «из выходцев новгородских, бежавших от жестокостей грозного царя Иоанна Васильевича и частию из кочующаго народа чуди»[22].

Процесс колонизации русскими территории Европейского Севера традиционно подразумевал «крещение чуди». При этом упрочение новой культурной традиции в северных преданиях повсеместно связано с активным сопротивлением аборигенов. Акт крещения служил для крестьян и главным мотивом, объясняющим причины исчезновения чуди. Всячески избегая принятия «нашей веры», чудь уходила с обжитых поселений, пряталась в лесах, а при невозможности ухода – живьем «закапывалась в землю». Мотив самопогребения чуди, пожалуй, самый распространенный в текстах северных преданий, всегда вызывал устойчивый интерес у исследователей[23].

По крайней мере с XVI столетия культ почитаемых икон становится важным элементом исторической памяти традиционных сообществ Сольвычегодского края. В коммуникативном плане наступление новой культурной эпохи знаменует активный диалог письменной и устной традиций, приводящий к смене «мировоззренческих представлений у носителей народной культуры»[24]. Соответственно, претерпевала существенные изменения и вся система религиозно-мифологических представлений об «изначальных временах» местной истории. В Селянской волости бытовало предание, что населявшая в древние времена их землю чудь («развалины домов их еще во многих местах близ речки и ныне видны»), по явлению иконы Николая Чудотворца частью крестилась, а частью исчезла. Предание сообщало и «обстоятельства явления» образа святителя Николая, приплывшего против течения «быстротекущей реки Виляди» и остановившегося около того места, где сначала была сооружена часовня, а затем и церковь. «Чудесные произшествия», фиксировавшиеся устной традицией за время существования прихода, «случаи» явного покровительства святителя Николая способствовали усиленному почитанию этого иконописного образа[25]. «Восприятие существования» церкви Николая Чудотворца в Нименде также было обязано явлению иконы святителя Николая[26]. Икона святителя Николая из Дрокововской церкви «в давние времена» явилась «на дереве сосне», что и послужило поводом к организации нового прихода[27].

Механизмы культурной памяти в полной мере проявляли себя в повсеместной практике сохранения именований главных и придельных престолов. Память о существовавших когда-либо в данной округе древних храмах впоследствии находила «материальное» воплощение в престольных именованиях церквей, построенных позднее. В церковно-историческом и статистическом описании Черевковской Успенской церкви местный священник, приводя данные по истории прихода, отмечал, что первым храмом, построенным «когда-то» в данной округе, был Троицкий храм, от которого осталась и сохранялась весьма почитаемая местными жителями икона Живоначальной Троицы. После пожара одноименный престол «перешел» во вновь отстроенный Никольский храм, но в день Пятидесятницы на месте бывшего Троицкого храма неизменно в течение трех столетий проводился крестный ход[28].

События и персонажи «большой» (общероссийской) истории включались в «текст» местной культуры лишь в том случае, если они были непосредственно связаны с судьбами локального сообщества. «Предание говорит, – замечает священник Николаевской Селянской церкви, – что волостию онаго прихода в прежние времена пролегала дорога в Сибирь через сузем (густой лес), которой следы в некоторых местах и ныне приметны. По какому-то случаю Императору и Великому князю Петру Алексеевичу был путь в сибирския губернии, где он и проезжал через сию волость; увидев на небольшом возвышении близ реки стоящие церкви, вознамерился посетить святыню и в знак своего пребывания и сыновней любви по Матери своей Церкви на обратном пути пришил в колокольный звон весом в 25 фун [тов] колокол и до днесь существующий». В документах церковного архива сохранилось указание о поминальном вкладе, сделанном по смерти Ивана IV – «деисусе стоячем на трех деках», который был впоследствии, по преданию, продан «по малочисленности и нищете прихода старообрядцам ... за дорогую цену»[29].

Обзор церковно-исторических и статистических описаний по Сольвычегодскому уезду середины XIX в. позволяет выявить достаточно широкий круг материалов «устной истории» и письменной культуры, легших в основу «исторической» части сведений

о приходах и церквах. «Местный текст» исторической культуры населения Сольвычегодского уезда, основанный на религиозно-мифологических представлениях, характеризуется пестротой и разнообразием локальных вариантов устной и письменной традиций. С другой стороны, проявляющее себя местное самосознание устойчиво воспроизводит схему, свойственную традиционному восприятию истории в целом. В ее основе лежит система представлений о «предках» (первопоселенцах) и «культурных героях», мифологизированные образы которых, переосмысленные в системе христианских ценностей и норм, служат стержнем универсальной объясняющей модели «происхождения» сообщества, особенностей культурного ландшафта, реалий быта, специфики жизнедеятельности и личностных судеб отдельных его представителей.

Примечания

[1] РГИА, ф. 796, оп. 131, д. 826. Подробнее о результатах реализации данного проекта см.: *Раздорский Л.И.* Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916). Сводный каталог и указатель содержания. СПб., 2007. Основные положения определения Синода отражены в «Начертании правил для составления церковно-исторического и статистического описания Вологодской епархии», подготовленные в январе – начале февраля 1851 г. См.: Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее – ВГИАХМЗ), ф. 13, оп. 1, д. 4, л. 1.

[2] ВГИАХМЗ, ф. 13, оп. 1, д. 4, л. 2–5.

[3] См.: *Биланчук Р.П.* Церковно-историческое и статистическое описание Вологодской епархии 1850–1880-х гг. и развитие историко-церковного краеведения // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. Вологда, 2001. С. 82–85.

[4] По Сольвычегодскому уезду публикации исторических и статистических описаний отдельных церквей и монастырей занимают скромное место. См.: Из церковной истории Вологодского края: Библиографический указатель литературы / Сост. Н. Н. Фарутина. Вологда, 2008. № 653–655, 657, 658, 662, 663.

[5] *Бердинских В.А.* Русская провинциальная историография второй половины XIX в. М.; Киров, 1995. С. 325–326.

[6] Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 496, оп. 1, д. 12596, л. 1–127.

[7] Местонахождение собственно приходских описаний по Сольвычегодскому уезду в настоящее время не известно.

[8] ГА ВО, ф. 496; оп. 1; д. 12596, л. 12–19 об. Текст данного списка представляет краткую редакцию текста Сказания (ГПБ. Q. XVII. № 142), опубликованного А.Н. Власовым. См.: *Власов А.Н.* О памятниках Устюжской литературной традиции XVI–XVII вв. (Создатели и составители некоторых литературных произведений Великого Устюга и Соли Вычегодской) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 328–343.

[9] ГА ВО, ф. 883, оп. 1, д. 97.

[10] Там же, д. 146.

[11] *Власова И.В.* Этнический состав населения в верховьях северной Двины и ее притоков по переписям XVIII – первой половины XIX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1976. С. 31–33.

[12] *Витов М.В.* Русский Север в этническом отношении // Историческая география России. М., 1970. С. 170.

[13] *Ефименко П.С.* Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869. С. 37–38.

[14] ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 12596, л. 76 об.

[15] Там же, л. 43.

[16] Там же, л. 35.

[17] Там же, л. 52.

[18] О времени сооружения и назначении укрепленных мест на Севере см.: *Игушев А.Р., Кленов М.В., Савельев Э.А.* Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар, 2000.

[19] ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 12596, л. 74 об.

[20] Там же, л. 73 об. – 74.

[21] Там же, л. 53 об.

[22] Там же, л. 85.

[23] *Смирнов Ю.И.* Самопогребение чуди // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный энтитет этноса. Мат-лы российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 г.). Архангельск, 2002. С. 58–64.

[24] *Власов А.Н.* Книжная традиция Великого Устюга и Сольвычегодска в устных преданиях народов бассейна Печеры // Традиционная народная культура населения Урала. Пермь, 1997. С. 167.

[25] ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 12596, л. 41 об. – 43.

[26] Там же, л. 9 об.

[27] Там же, л. 62 об.

[28] Там же, ф. 496, оп. 1, д. 12596, л. 58–59.

[29] Там же, л. 41 об.

©2009 г. И. А. ЧЕРНЯКОВА*

МЕСТНОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ СООБЩЕСТВО В КАРЕЛИИ XIX века В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ: стратегия или интуиция?

Предлагаемая статья является фрагментом общего исследования автора, включающего социально-экономические и историко-демографические сюжеты в поле изучения традиционной крестьянской семьи доиндустриальной эпохи[1].

Автору близка высказанная в литературе мысль о том, что переживаемый мировой наукой «бум» историко-демографических исследований связан не только с актуальностью проблем народонаселения в современном мире, но с активным поиском той области жизнедеятельности людей, в которой нашли бы отражение и экономические реалии, и политико-правовые нормы, и культурные ориентиры той или иной эпохи[2]. При акцентированном внимании сегодняшнего исторического знания к человеческой личности возможность синтезировать то, что происходило в сфере экономики, и то, что генерировалось в области права, а также то, как откликались на те или иные вызовы времени народные культурно-этические представления и поведенческие нормы, открывается, пожалуй, более всего в рамках вечного сюжета – истории семьи – в отраженном и опосредованном человеческим сообществом, пережитом им ракурсе прошлой жизни.

Выясняя структуры семьи и домохозяйства, выявляя модели брачного поведения, анализируя сведения источников о средней продолжительности жизненного пути, способности к деторождению и причинах смертности – все то, что характеризует локальные сообщества карельских крестьян на протяжении XVII–XIX вв. в каждой из этнически близких, но разделенных историей, регионально различимых по обе стороны современной межгосударственной границы Карелий: Беломорской, Северной Олонецкой, Олонецкой, Северной Финляндской, Приграничной (северо-восточное Приладожье), Ладожской (северо-западное Приладожье), собственно Карельской, или Выборгской (Карельский перешеек), а также Тверской, – исследователь семьи всегда сконцентрирован на обнаружении «стратегий выживания» (Рис. 1).

На разных исторических этапах в условиях приграничья, не раз и не два проверявших местные крестьянские домохозяйства на жизнеспособность, должны были находиться и срабатывать адекватные модели поведения. Насколько они вообще уловимы и что еще, кроме a priori признаваемого в историографии решающим способа производства, воздействовало на семью в исторической ретроспективе? В поисках ответа на постоянно встающий перед исследователем вопрос о том, как в конкретных исторических условиях, будь то рубеж XVII–XVIII, рубеж XVIII–XIX или рубеж XIX–XX вв., домохозяйство крестьянина-карела обеспечивало свою жизнеспособность, невозможно обойти вниманием основное условие его воспроизводства в длительной перспективе – вступление в брак. Что являлось необходимым и что достаточным в момент создания новой брачной пары? Изменялись ли со временем, зависели ли от территории проживания, кореллировали ли с различными формами хозяйствования ориентиры брачного поведения в локальных людских сообществах?

Как не однажды отмечено в историографии, безусловная заинтересованность каждой крестьянской семьи в получении дополнительной пары рабочих рук формировала решающим образом влиявший на традиции заключения браков принцип поведения в российской провинции доиндустриальной эпохи. Полагают, что именно трудоемкость крестьянского хозяйства более всего способствовала осознанию ситуации, что пора женить очередного сына, и что та же причина формировала основные требования к невесте, которую выбирали ему в жены. Решающее обстоятельство видят в том, что сразу после создания новой семейной пары крестьянский двор мог претендовать на дополнительную долю земли в общем пашенном фонде придеревенских угодий[3]. Поэтому-то, как принято подчеркивать на Западе, для традиционной российской модели брачного поведения не являлось особенно удивительным, если пятнадцатилетний подросток женился на восемнадцатилетней девице[4].

* **Чернякова Ирина Александровна,** кандидат исторических наук, доцент, руководитель Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии Петрозаводского государственного университета, доцент Университета Йоэнсуу (Финляндия).

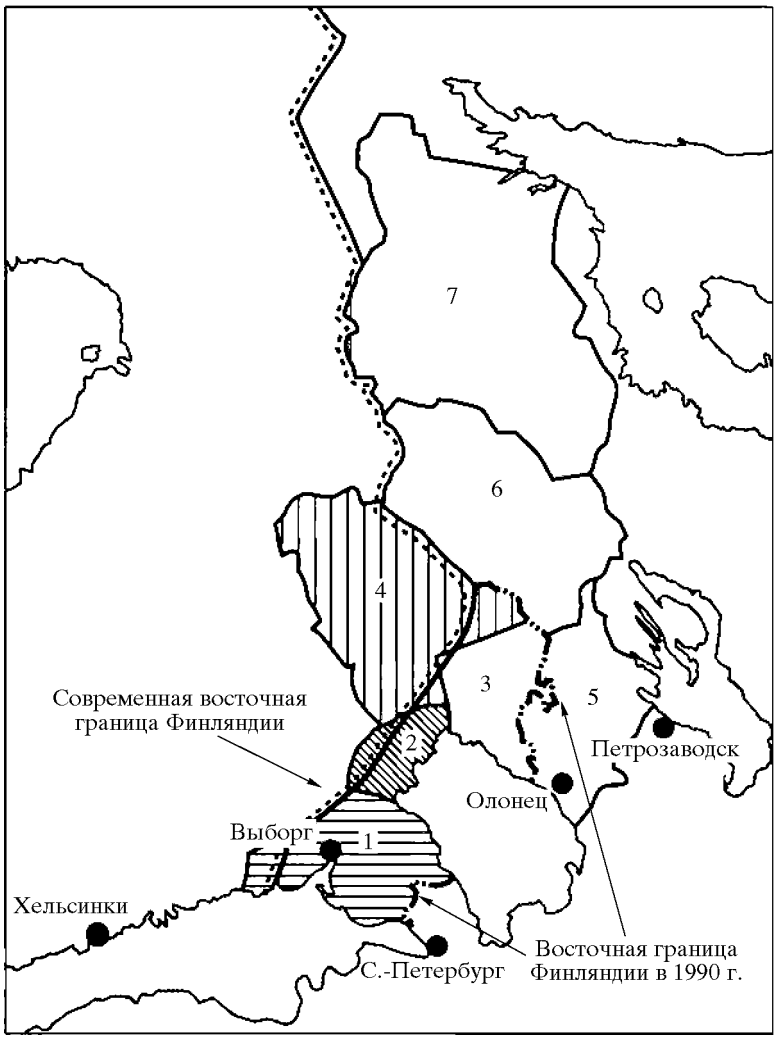

Рис. 1. Карта «Территории православной и лютеранской культуры, население которых считало себя карелами в 1900 г.» из кн. Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia / Ed. by Tapio Hamunen, Jukka Partanen and Yury Shikalov. Joensuu, 2004. P. 20.
1. Выборгская Карелия (Карельский перешеек)
2. Ладожская Карелия (Северо-западное Приладожье)
3. Приграничная Карелия (Северо-восточное Приладожье)
4. Северная Финляндская Карелия
5. Олонецкая Карелия
6. Северная Олонецкая Карелия
7. Беломорская Карелия

В современной отечественной историографии заключение первого брака в чрезвычайно раннем возрасте также принято считать абсолютно предпочитаемым в среде российского крестьянства прошлых эпох. Убедительно подытожив всю отечественную историографию, Б.Н. Миронов не сомневается, что в XVIII – начале XX столетия «в России доминировали ранние браки», что в XVII в. наиболее распространенным возрастом вступления в брак для невест был возраст в 13–14 лет и что женихи были не намного старше – 15–16 лет[5]. В то время как по Со-

борному Уложению (1649 г.) «которая девка (дворянского происхождения. – *И.Ч.*) будет в возрасте, в пятнадцать лет», она должна была быть выдана замуж опекуном[6], минимальный допустимый возраст вступления в брак даже для времен много более поздних в России оставался определенным церковью в 12 лет для девушек и в 15 – для юношей[7]. Утверждая, со ссылкой на специальную инструкцию от 1774 г., что традиция женить сыновей и выдавать замуж дочерей еще подростками была жива в России долгое время, Б.Н. Миронов, тем не менее, на основе всех накопленных в отечественной историографии наблюдений по данному поводу, приходит к заключению, что средний возраст вступления в брак, хотя и медленно, но повышался, и что за период 1780–1850 гг. он с очевидностью вырос с 15–16 до 18–20 лет для невест и с 16–18 лет до 20–21 года для женихов[8].

Уместно отметить, что неизбежная умозрительность построений, основанных на предписаниях законодательства, равно как очевидная недостаточность сведений, почерпнутых в источниках прецедентного происхождения, заставляет базировать изучение интересующей нас проблемы преимущественно на информации источников массового характера. При этом важно отдавать отчет в том, что российская модель брачного поведения может быть выстроена с опорой на верифицируемые сведения документов такого рода только с 60-х гг. XVIII столетия, когда в них стали фиксировать имена не только мужской, но и женской части населения.

Согласно традициям брачного поведения, присущим населению западноевропейских стран, возраст вступления в брак на протяжении последних четырех столетий был там заметно более высоким, чем в России и восточной Европе в целом. По свидетельству Х. Палли, собравшего в репрезентативной таблице данные множества исследований, опубликованных за три послевоенных десятилетия во всем мире, абсолютно предпочитаемым возрастом для заключения брака в течение XVIII и XIX вв. в тех из исследованных приходов, которые локализуются в Западной Европе, был возраст не моложе 27 лет среди мужчин и 25 лет среди женщин[9].

По мнению П. Ласлетта, высказанному тогда же, в конце 1970-х гг., Западная Европа является единственным регионом в мире, где за последние два с половиной столетия случаев, когда бы женщина моложе 20 лет была уже замужем, не было зафиксировано вообще[10]. Согласно заключению М. Андерсона, сделанному в обобщающем труде, посвященном истории западноевропейской семьи в целом до начала XX в., типичным возрастом жениха в западноевропейской провинции уже с доиндустриальной поры следует считать 27–28 лет, невеста же, как правило, оказывалась младше, но не намного: обычно девушки выходили замуж не ранее, чем им исполнялось 25–26 лет[11].

Выше сказанное вполне согласуется с наблюдениями Ю.Л. Бессмертного о чрезвычайно рано проявившемся вмешательстве власти в сферу брачного поведения локальных сообществ. Изучив муниципальные архивы нескольких французских городов, он пришел к заключению, что уже в раннее новое время возраст вступления в брак во Франции мог быть строго регламентирован городскими администрациями. Вот лишь одна из множества упомянутых им ситуаций: в 1573 г. чиновники магистрата вполне заурядного городка Амьена сочли необходимым издать специальное предписание, согласно которому ни один юноша не должен был жениться ранее достижения возраста 24–25 лет и ни одна девица не должна была выходить замуж прежде, чем ей исполнится 17–18 лет. Особенное внимание при этом уделялось тому, чтобы этому правилу строжайше следовало бедное население[12].

Следующей отличительной чертой брачного поведения является разница в возрасте между супругами. По западной, именуемой «европейской», модели она всегда характеризуется тем, что мужчина старше и тем, что в целом возраст жениха отличается от возраста невесты, как правило, весьма незначительно[13].

Совершенно иная картина вырисовывается при изучении зарубежными исследователями российских источников. П. Зап, основываясь на материалах расположенного в Рязанской губ. помещичьего имения Мишино, пришел к выводу, что в значительной части семейных союзов крепостных крестьян (от 33 до 46%) жена была заметно старше своего мужа[14]. М. Миттераурер и А. Каган, основываясь на данных третьей ревизии по Ярославскому уезду, несмотря на лишь один обнаруженный случай, когда юноша 15 лет был уже женат, утверждают, что по экономическим причинам в российской провинции было общепринятым, чтобы «мальчики женились очень рано на взрослых женщинах». Исследователи повторяют вслед за бароном А. фон Гакстхаузеном, что в России можно было встретить «24-х летнюю женщину, которая нянчилась со своим шестилетним мужем»[15].

Третья отличительная черта, позволяющая выделять поведенческие ориентиры, действовавшие в массовом порядке в западноевропейских странах, это значительное количество лиц мужского пола, не вступавших в брак вовсе. Как показал Ю.Л. Бессмертный, до 10% населения фран-

цузской глубинки в период позднего средневековья оказывалось вне брачных отношений на протяжении всей жизни[16]. Позднее, в XIX в. доля таковых в некоторых локальных сообществах выглядит еще более значительной, возрастая в отдельных регионах вдвое[17].

Абсолютно иные, массовым образом действовавшие ориентиры ожидаемого поведения обнаруживаются в России. Состоять в браке было своего рода обязанностью, во всяком случае, в среде сельского населения. Неженатый мужчина, если он мог быть женат по состоянию здоровья, безусловно, должен был ощущать неодобрение односельчан, без особого стеснения обозначавших это свое отношение в весьма обидных для самолюбия, прозвищах и обзывках[18].

Итак, разница в характеристиках семейного поведения, выявленная исследователями по документальным материалам доиндустриальной эпохи в той части Европы, которую называют Западной, и в той, что именуется Восточной, выглядит весьма существенной, распадаясь на три очевидных параметра: 1) средний возраст вступления в первый брак (после 25 лет там – до 20 лет здесь); 2) разница в возрасте супругов (он старше ее, при этом не намного там – она нередко старше его, разница может быть весьма существенной, здесь); 3) доля мужского населения вне брачных уз (до 20% мужчин в отдельных локальных сообществах, никогда не вступавших в брак, там – близкое к поголовно обязательному вступление в брак здесь).

Известная линия на карте, проведенная Д. Хэйналом для условного разграничения зон преимущественного распространения «европейской» и «неевропейской» моделей брачного поведения, соединяющая виртуально Санкт-Петербург (тогда речь шла о Ленинграде) в северо-западной части России и Триест в северной Италии[19], актуализирует изучение ситуации для территории выше обозначенных семи областей (см. рис. 1), население которых связывает себя с карельским этносом, так как они объективно попадают в «зону перехода». Важно определить к какой именно модели брачного поведения приближались традиции заключения браков, бытовавшие в XVIII–XIX вв. в карельской деревне, и были ли они хоть сколько-то общими для «всех карелий» в целом. Хотя больше не говорят об искомой «линии Хэйнала», как некой разграничивающей черте, внимание, тем не менее, по-прежнему приковано к зонам, в которых предполагается смещение или смешивание традиционных – западной и восточной – моделей демографического поведения. Безусловно, к таковым относится Карелия.

Правда, В.Л. Носевич, понимая под «широкой переходной зоной» предположительно Польшу, Словакию, Румынию и уверенно Балтию, Беларусь, правобережную Украину, а также Финляндию, не включает в свой перечень Карелию – эту важнейшую в контексте обсуждаемых сюжетов, вплоть до XX в. этнически однородную территорию, разделенную историей между двумя государствами[20]. Тем самым он упускает из виду немаловажное обстоятельство: работы К. Варпула и Э. Варис, внесших немалый вклад в историографию обсуждаемой проблемы, сфокусированы на сравнительном изучении именно карельской традиционной семьи. Не что иное как демографическое поведение обитателей районов Кюммене и Руокалахти, входящих в населенную карелами юго-восточную часть Финляндии – Северную Карелию, позволило им выявить искомые черты переходной зоны между восточным и западным путями развития крестьянских домохозяйств[21].

Безусловным и значительным продвижением в данном направлении является коллективная монография, увидевшая свет как результат не так давно завершенного совместного проекта, выполненного с участием автора данной статьи по инициативе и с лидерством Т. Хямюнена, профессора университета Йоэнсуу (Финляндия)[22] . Финляндскими (Aslak Aikio, Jukka Partanen, Matti Polla, Yury Shikalov, Elina Waris, Kirsi Warpula), российскими (С.Г. Кащенко, М.С. Куропятник, И.А. Чернякова) и британскими (Tracy Dennison, Beatrice Moring) учеными, активно и плодотворно изучающими демографические модели традиционных обществ, создана в соавторстве широкая палитра сопоставительных характеристик семейной структуры и брачного поведения в границах Беломорской, Олонецкой, Приграничной и Северной Карелии, волею политических судеб и обстоятельств существующих в составе двух государств, занимая широкую полосу территории от Карельского перешейка до Белого моря. В исследовании широко использован компаративный подход, все выявленные в архивных документах данные анализируются с учетом последних достижений историографии вопроса, к тому же с привлечением для анализа материалов по соседней Эстонии, тоже находящейся в зоне искомого «перехода». Следование единой методике, выработанной пользующейся заслуженным авторитетом в современной историографии Кембриджской группой (Cambridge Group)[23], позволяет буквально «раздвигать» рамки изученной территории с появлением каждого нового микроисторического исследования.

Объектом нашего рассмотрения являются четыре карельских прихода: в Олонецкой Карелии – Никольский Ялгубский, в Северной Олонецкой – Рождественский Ребольский, в Беломорской – Ильинский Панозерский и в Тверской – Воскресенский Пятницкий. Издревле их обитате-

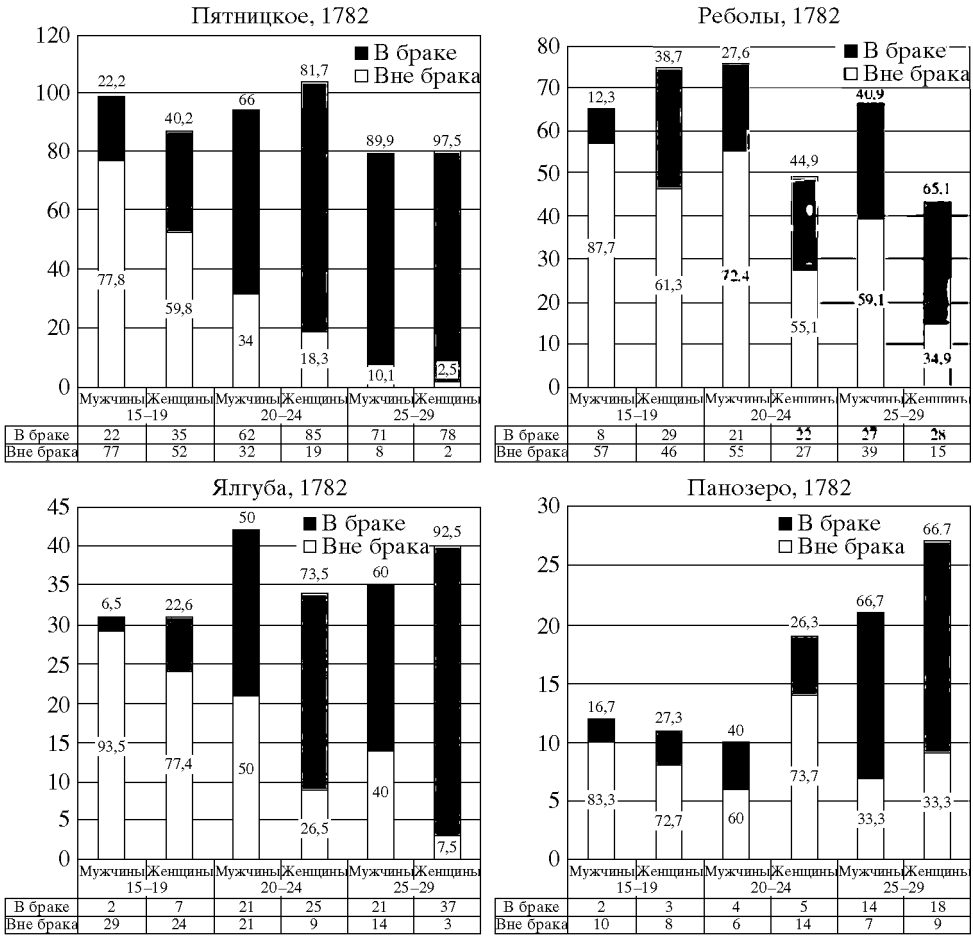

Рис. 2. Модели брачного поведения крестьян-карелов в 1782 г. (по четырем приходам)
Составлено по: Государственный архив Архангельской области (далее ГА АО), ф. 51, оп. 11, т. 2, д. 2710; Государственный архив Тверской области (далее: ГА ТО), ф. 312, оп. 6, д. 117; Национальный архив республики Карелия (далее: НА РК), ф. 4, оп. 18, д. 2/5, 2/10, 9/58.

лями были *карелы-людики, карелы-ливвики, собственно карелы* и так называемые *тверские карелы*. Всего в округах стоявших в Ялгубе, Реболах, Панозере и Пятницком церквей находилось не менее сотни поселений, в которых в последней трети XVIII столетия проживало около 6 тыс. человек. К середине XIX в. их населенность возросла и составила около 9 тыс. человек обоего пола[24].

В соответствии с выводами М. Миттераурера и А. Кагана, поведенческие ориентации в сфере заключения браков, выявленные по материалам Ярославской губ., близки к показанным П. Запом на материалах Рязанской губ. Обе модели иллюстрируют традиции и тенденции, действовавшие в среде крестьян, живших под властью помещиков. Проанализированные в аналогичной методике – по возрастным группам 15–19, 20–24 и 25–29 лет – сведения о состоянии в браке и вне брака крестьян-карелов обоего пола в имении Пятницком, находившемся в северо-западной части Тверской губ.[25], демонстрируют близкую в главных чертах модель поведения[26]. Что касается других карельских приходов: Ялгубы (Петрозаводский уезд Олонецкой губ.), Ребол (Повенецкий уезд Олонецкой губ.) и Панозера (Кемский уезд Архангельской губ.), по сведениям той же IV-й ревизии невозможно не заметить: различия в моделях поведения существенны (Рис. 2).

В то время как в Реболах, и в Панозере никогда не знавшие крепостной зависимости от частного лица, бывшие черносошные крестьяне, поступали в последней четверти XVIII в. сходным образом, организовывая браки своих детей, как Тверской или Ярославской губ., где раннее за-

ключение браков исследователи традиционно связывают с регулирующей волей помещика-землевладельца: от 12% юношей в Реболах до 17% в Панозере уже женаты до достижения 20 лет, а доля успевших выйти замуж девушек, их ровесниц, еще выше: около 39% в Реболах и 27% в Панозере; ситуация в южнокарельском Ялгубском приходе существенно отличается: лишь 6.5% юношей здесь женаты в столь юном возрасте. Немного менее значительна и доля успевших выйти замуж девиц – даже не каждая четвертая, около 23%. Думается, что объяснение следует искать в приближенности местности Ялгубы к Петрозаводску, который как раз в последние десятилетия XVIII в. переживал второе рождение в связи с возобновлением металлургического производства, заглохшего было по окончании эпохи Петра Великого. Возведение Александровского завода (с мая 1773 г. по июнь 1774 г.) и особенно начало его производительной деятельности, не могло не привлекать молодых людей из окрестностей города, пополнявших ряды учеников и подручных задолго до прибытия шотландца Ч. Гаскойна с его сподвижниками иностранными инженерами и активного привлечения им русских квалифицированных, по преимуществу, липецкого происхождения, мастеров.

Тем не менее, женщины, приближаясь к возрасту 30 лет, почти поголовно уже замужем. Недалекое расстояние, разделяющее эти две точки на карте Карелии – Ялгубу и Петрозаводск – по-видимому, вполне допускало ситуацию временного пребывания в родных деревнях, достаточного для обзаведения семьей. Хотя нельзя не отметить, что все-таки большая доля в критическом для заключения брака и деторождения возрасте женщин – 7.5% (ср. 2.5% в помещичьем имении Пятницком) – тех, кому от 25 до 30 лет, все еще в ожидании сватов.

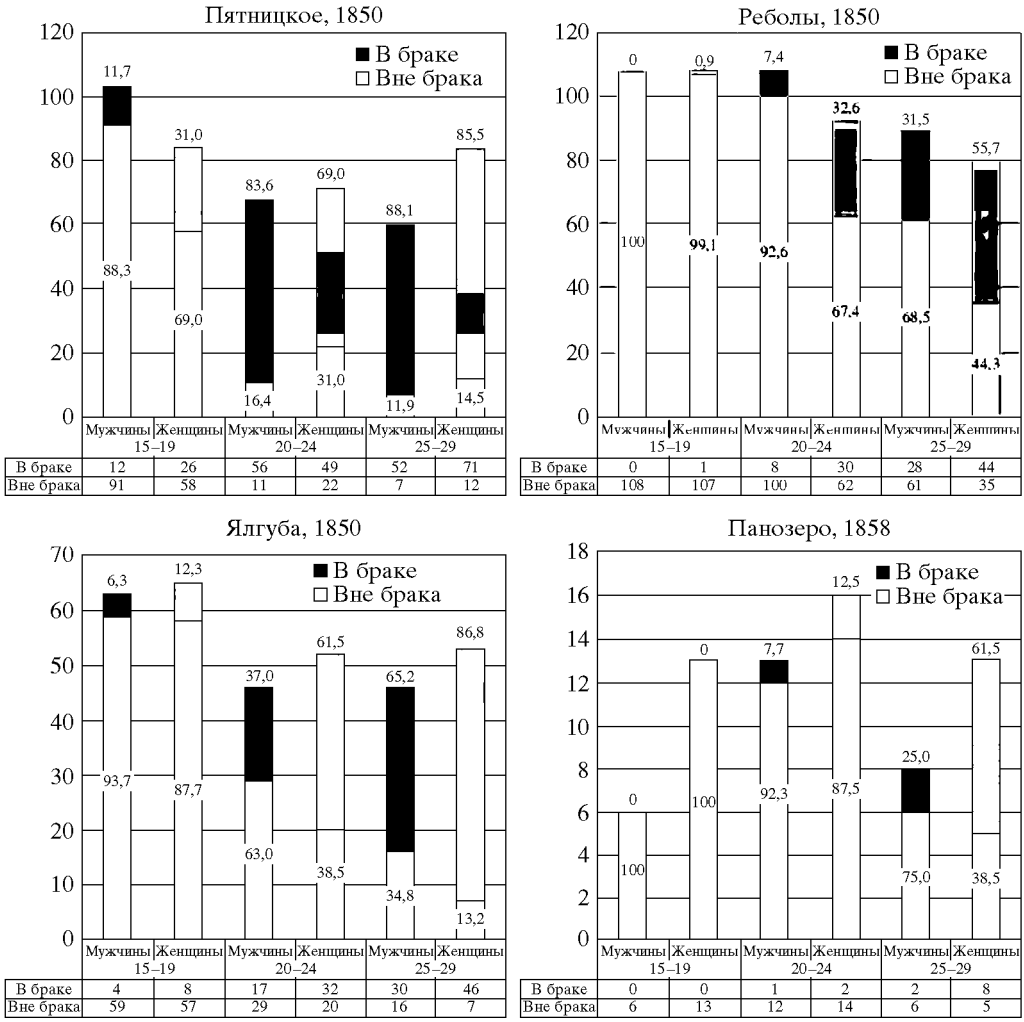
Очевидно иную модель брачного поведения донесли до нас ревизские сказки, составленные в ходе проведения IV ревизии в двух северно-карельских приходах: с центром в Панозере (центральная часть Беломорской Карелии) и с центром в Реболах (запад Северной Олонецкой Карелии), всегда тяготевших к Финляндии, тесно с ней связанных на уровне постоянных визитов туда в поисках работы. В частности, известен феномен разносной торговли, коробейничества, чрезвычайно распространенный среди карелов. С другой стороны происходили бесконечные переселения одиноких лиц, а то и целых семейств, как на ту сторону, так и на эту сторону вполне эфемерной границы.

Доля неженатых мужчин среди тех, кому от 21 до 24 лет, и в Реболах, и в Панозере составляла явно преобладающие величины: 60–70%. В расположенной западней Ребольской округе даже среди тех, кому уже 25–29 лет, неженатых значительно больше половины (59%). Особенно разительно иной предстает ситуация с женской половиной молодого населения в этих двух северных приходах по сравнению с южным, Ялгубским. В средней возрастной группе от 55% в Реболах до 74% в Панозере не замужем, более того, и в старшей возрастной группе, в близком к критическому возрасте с точки зрения важнейшей для семьи репродуктивной задачи, каждая третья женщина все еще не замужем (33–35%).

Несколько десятилетий спустя, в середине XIX в., разница в моделях брачного поведения, отмеченная ранее на уровне тенденции, приобрела вполне определенный характер и стала очевидной (Рис. 3). На примере одного из приходов, Панозера, покажем, что подвижки не просто значительны, модель поведения на уровне принятия решения о женитьбе/выходе замуж приобрела качественно новый характер, причем это касается не только более активной, мужской, но и, в не меньшей степени, женской части населения.

Более чем очевидно прослеживается постепенное изживание манеры как жениться, так и немного позднее, выходить замуж до достижения 20-летнего возраста. Поначалу бывшая значительной доля юношей, успевших обзавестись семьей в возрасте от 15 до 19 лет (от 12 до 17% из них, по данным ревизских сказок, собранных в 1760–1780-е гг., были уже женатыми), сходит на нет в последующие десятилетия, причем, это становится очевидным уже к концу XVIII в. Ни в материалах V (1795 г.), ни в материалах проанализированных нами следующих, VIII и X ревизий (1834 г. и 1858 г.) не упомянуто ни одного брака, в котором муж был бы столь молод. Тот же процесс, хотя и с некоторым запаздыванием, наблюдаем среди женщин. Если в 1760–1780-е гг. едва ли не каждая пятая (около 17%) из упомянутых в ревизской сказке юных обитательниц Панозера в возрасте от 15 до 19 лет уже замужем (по данным за 1782 г. доля таковых выглядит даже большей, т.е. чаще, чем каждая четвертая – более 27%), то спустя всего 13 лет, к 1795 г. доля замужних в данной возрастной группе падает до единичных случаев, а в середине XIX в. их не находится вообще.

Наиболее выразительно выявленную тенденцию подтверждают цифры, характеризующие ситуацию в старшей из анализируемых нами возрастных групп: от 25 до 29 лет. Не менее чем втрое, с 75 до 25% уменьшилась за столетие доля мужчин, обитателей Панозера, успевших обзавестись собственной семьей к тому времени как им исполнилось 30 лет. В то же время удивитель-

Пятницкое, 1850	15–19		20–24		25–29	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
В браке	12	26	56	49	52	71
Вне брака	91	58	11	22	7	12

Реболы, 1850	15–19		20–24		25–29	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
В браке	0	1	8	30	28	44
Вне брака	108	107	100	62	61	35

Ялгуба, 1850	15–19		20–24		25–29	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
В браке	4	8	17	32	30	46
Вне брака	59	57	29	20	16	7

Панозеро, 1858	15–19		20–24		25–29	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
В браке	0	0	1	2	2	8
Вне брака	6	13	12	14	6	5

Рис. 3. Модели брачного поведения крестьян-карелов в 1850 г. (по четырем приходам)
Составлено по: ГА АО, ф. 51, оп. 11, т. 23, д. 412; ГА ТО, ф. 312, оп. 6, д. 683; НА РК, ф. 4, оп. 18, д. 61/566, 70/696.

но постоянна и на протяжении всего находящегося в центре нашего внимания столетнего периода времени очень далека до полного охвата представительниц этой возрастной группы и доля замужних женщин, составляя лишь от 60 до 66.7%. Остается признать, что даже в этом, критическом с точки зрения физиологии в виду предстоящего деторождения, возрасте от трети до 40% (едва не половина!) женщин все еще оставались потенциальными невестами. Означает ли это, что им уже никогда не суждено было выйти замуж? Со всей определенностью можно утверждать, что нет. Как показывает анализ информации индивидуального характера, случаи заключения браков и в более зрелом возрасте в поселениях, составлявших Панозерский приход, отнюдь не были единичными в те времена[27].

Для того, чтобы показать, какие механизмы могли включаться в локальных сообществах при необходимости регулирования процессов воспроизводства, сосредоточим внимание на южно-карельском приходе, центром которого в XIX в. являлась церковь Николы Чудотворца в д. Окуловской (позднее с. Ялгуба включило в себя не только эту деревню, но и несколько окрестных, веками считавшихся отдельными поселениями).

Основным источником исторической информации, анализируемой нами, явились метрические книги, составленные причетниками Никольского Ялгубского прихода на протяжении нескольких десятилетий и сохранившие информацию о жизни и деятельности приходского сообщества в важнейших сферах его существования: заключение браков, рождение детей и уход из

жизни с указанием причины смерти в каждом случае (болезнь, несчастный случай, старость). Последовательно рассмотренные изменения в статусе поселений, составлявших приход, выявили процесс появления новых починков, в то время как старые деревни сливались друг с другом по мере увеличения их населенности.

Поиск объяснения прослеженных чрезвычайных колебаний в общей численности населения прихода с XVII в. до начала XX в. привел к исследованию причин смертности, которое показало широкий спектр болезней обитателей данной территории. Обнаружена высокая смертность по причине чахотки несмотря на то, что приходская жизнь протекала в самых благоприятных природных условиях[28].

Это заставило особенно пристально исследовать брачное поведение местных крестьян. Как выяснилось, круг их брачных связей не отличался широтой, более того, подавляющее большинство браков заключалось с партнерами, жившими едва ли не в соседних дворах. Очевидная недостаточность традиционных для исторического исследования методов, в том числе в сфере верификации и сопоставимости анализируемых фактов и факторов, стимулировала обращение к методикам анализа картографического материала.

Применив в ходе выполнения проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), в сотрудничестве с Е. В. Лялля (ПетрГУ) новейшие технологические разработки в конкретном микроисторическом исследовании, ограниченном Ялгубским приходом Шуйской волости Петрозаводского уезда, удалось создать локальную геокодированную модель социальной жизни обитателей данной местности за сто лет, предшествовавших большевистской революции 1917 г. Серия тематических карт и графиков показывает ее функционирование в виде ареалов брачных контактов и возрастных характеристик брачности на общем фоне исторически сложившихся половозрастных характеристик населения[29].

Проанализируем выявленные нами по метрическим книгам Ялгубского прихода за столетие (1799–1900 гг.) 706 брачных союзов с точки зрения географически сложившихся ареалов, в которых состоялись браки обитателей входивших в приход деревень. Следуя сложившейся в историографии практике видеть в брачном поведении четыре типа: браки, заключенные внутри той же деревни (назовем их условно узкой эндогамией), в территориальных границах прихода (расширенная эндогамия), в пределах уезда (узкая экзогамия) и за пределами уезда (расширенная экзогамия), получаем, казалось бы, уверенное суждение о примерно равном в пропорциональном отношении распределении ориентаций при выборе брачных партнеров обитателями Ялгубского прихода в XIX в. по трем первым позициям. Как показывают наши материалы, 31% браков был заключен внутри деревень, в которых проживали как женихи, так и невесты; доля в 33% пришлась на браки, в которых женихи и невесты были из разных деревень в пределах прихода; и, наконец, еще 30% брачных пар составилось в пределах уезда. Хотя лишь 6% брачных союзов оказались заключенными с партнерами из более отдаленных мест – «извне уезда», т.е. в наиболее широких, предпочтительных из-за крайней нежелательности долговременной узости круга брачных связей, границах региона. В целом картина выглядит если не абсолютно благополучной, то и не пугающей (табл. 1).

Однако, анализ той же информации с привязкой к карте немедленно обнаруживает, что большая часть браков, заключенных с партнерами из других деревень, но в пределах прихода, не может быть отнесена к расширенно-эндогамному поведению. 7 из 11 деревень, входивших в приходское сообщество (Анхимовская, Емельяновская, Карповская, Куллиевская, Минки Бабкина и Окуловская), являли собой фактически одно поселение. Это особенно явственно прослеживается по исторической карте Генерального межевания 1792 г. Подчеркнем, что данное уточнение абсолютно важно, так как мы анализируем исторически близкую во времени Генеральному межеванию реальность, причем наступившую позднее. Закономерно, что ныне эти деревни предстают единым поселением, объединенным общим названием Ялгуба.

Примером недостаточности заключений, сделанных на обычном в исторических исследованиях умозрительном уровне, может служить следующее рассуждение. Чрезвычайная узость брачных связей совершенно очевидна по сведениям, касающимся д. Карповской. Последний брак, зафиксированный здесь за исследуемый период в 100 лет, был заключен в 1859 г. Примерно между X ревизией (1858 г.) и временем составления Списка населенных мест (1873) д. Карповская не только de facto, но и de jure административно была объединена с д. Емельяновской, приняв название последней. Таким образом, к трем бракам, заключенным по свидетельству метрических книг в Карповской, надо добавить еще три, когда невесты были найдены в Емельяновской. В таком случае количество узко эндогамных браков возрастает за полвека, по которым у нас есть данные, до 38% (6 из 16). Если же совсем строго следовать действительному положению вещей, то и в тех случаях, когда невесты были родом из деревень Минки Бабкина и Окуловской,

Таблица 1

География брачных союзов, заключенных обитателями Ялгубского прихода (Петрозаводский уезд Олонецкой губ.) в XIX в.

Ареал	Анхимовская	Емельяновская	Карповская*	Куллиевская	Окуловская	Ялгора	Минки Бабкина	Новый Починок**	Суйсарь***	Всего
Процентные соотношения										
Деревня	20	21	21	10	34	11	14	21	49	31
Приход	58	44	53	70	33	31	29	28	12	33
Уезд	11	30	26	20	27	54	50	46	32	30
Регион	11	5	0	0	6	4	7	5	7	6
Абсолютные цифры										
Деревня	16	27	4	1	73	3	2	9	87	220
Приход	48	54	10	7	70	8	4	12	21	233
Уезд	9	38	5	2	57	14	7	20	56	208
Регион	9	6	0	0	13	1	1	2	12	44
Итого	82	125	19	10	213	26	14	43	176	705

Составлено по: Метрические книги Ялгубского прихода (Петрозаводский уезд Олонецкой губ.) за 1799–1900 гг. // Национальный архив Республики Карелия (НА РК), ф. 25, оп. 22, д. 13, 14, 18, 23, 24, 25, 26, 28, 135, 141,146, 150, 158, 228, 238, 243, 248, 258, 260, 264, 297, 304, 312, 316, 324, 335, 342, 350, 356, 364, 371, 378, 387, 394, 401, 409, 415, 425, 433, 442, 451, 460, 468, 482, 484.

* Включая три брака, зафиксированные в 1801–1805 гг. по д. Емельяновская, с которой позднее слилась д. Карповская.

** То же, что Березовые Мосты и Мандера.

*** Вместе с д. Суйсарский Остров.

браки нельзя не причислить к этому же разряду. Все 4 деревни находились абсолютно рядом, будучи южной частью современной Ялгубы. Количество узко эндогамных браков автоматически возрастает до 10 (из 16), составляя уже 63%. В четырех браках, т.е. лишь в каждом четвертом, невесты происходили из более или менее отдаленных мест, но, опять же, находившихся в границах уезда: в двух случаях обитатели деревни Карповской нашли себе жен в окрестностях Петрозаводска, в двух – в окрестностях Кондопоги. И только две из привезенных в деревню за полвека 16-ти невест были родом из действительно дальних, расположенных за Онежским озером деревень Марнаволока и Еремеевской. Тем не менее, они тоже локализуются в рамках региона, в примыкавшей к Петрозаводскому уезду с запада части соседнего Пудожского уезда.

Однако обращение к программным средствам анализа информации позволяет существенным образом скорректировать выводы даже в этом, казалось бы, очевидном случае. Взяв за основу иной критерий пространственно-ареальной характеристики брачных связей, т.е. расстояния в километрах, можно получить дополнительные основания для выводов. Так, почти 54% браков, зафиксированных приходскими метрическими книгами по д. Карповской, оказались заключенными в самой узкой 5-ти километровой зоне. Две невесты происходили из деревень 20-ти километровой зоны (Сулажгора и Лехнаволок), две – из 50-ти километровой зоны (Тулгуба и Нов. Улитина) и еще две из 100 и 200 километровых зон. Понятно, что критерий расстояний, будучи абсолютно верифицируемым, снимает акцент с социально окрашенных оценок. Одновременно такая методика гарантирует действительную сопоставимость сведений по каждой из деревень и, следовательно, формирует более адекватное понимание ситуации в целом.

Зонирование ареалов с применением программных методов анализа картографической информации в сопоставлении с данными, почерпнутыми в исторических документальных источниках, показало, что в издревле существовавших деревнях Ялгубского прихода на протяжении XIX в. предпочитали заключать браки едва ли не с проживавшими в соседних дворах партнерами. Даже если назывались соседние деревни в качестве мест обитания женихов и невест – Куллиевская, Анхимовская, Карповская, Емельяновская или Минки Бабкина, все равно, следовать иной модели брачного поведения не представлялось возможным. Как ясно из выше изложенного, деревни эти слишком близко примыкали друг к другу и практически сливались на местности в одно непрерывно продолжавшееся вдоль Ялгубы (узкого залива Онежского озера) поселение. Поэтому не выглядит неожиданным, что именно в 5-ти километровой зоне обитателями Ялгубского при-

Таблица 2

Браки, заключенные с женихами извне Ялгубского прихода

Период	Анхимовская	Емельяновская	Карповская	Куллиевская	Окуловская	Ялгора	Минки Бабкина	Новый Починок	Суйсарь	Всего
1799–1850	1	0	0	0	0	0	2	0	0	3
1851–1860	0	0	1	0	4	0	2	0	2	9
1861–1870	3	3	–*	0	2	0	1	0	1	10
1871–1880	1	0	–	–*	2	0	–**	0	1	4
1881–1890	2	9	–	–	12	0	–	2	5	30
1891–1900	5	5	–	–	10	1	–	1	5	27
Всего	12	17	1	0	30	1	5	3	14	83

Составлено по: См. источники к табл. 1.

* Вошла в состав д. Емельяновская.

** Вошла в состав д. Анхимовская.

хода было заключено подавляющее количество браков: от 64 до 67% в Анхимовской и Куллиевской, от 50 до 54% в Емельяновской и Карповской, от 40 до 47% в Окуловской и д. Минки Бабкина. В зоне более 50 км было заключено незначительное в целом количество браков: от 2 до 7% в Емельяновской, Анхимовской, Суйсари и Окуловской, каждый 9-й в Куллиевской, каждый 6-й в Карповской и каждый 5-й в д. Минки Бабкина. Остальные браки состоялись с партнерами из ближайшей округи – в зоне от 5 до 50 км: почти каждый 2-й брак в деревнях Емельяновской и Окуловской, каждый 3-й в Анхимовской и Карповской, близко к тому, чтобы быть каждый 5-й в Куллиевской и Минки Бабкина, больше 60% в Суйсари и все абсолютно браки в Новом Починке и Ялгоре. При этом количество браков, состоявшихся в относительно близком соседстве, в зоне более 5, но менее 20 км – явно преобладает: в 5–7 раз по деревням Новый Починок и Ялгора, в 2–3 раза по Анхимовской, Емельяновской, Окуловской и Суйсари.

Итак, всего в церкви Святого Николая в Ялгубе с 1799 г. по 1900 г. за исключением двух периодов (1807–1846 гг. и 1870–1874 гг.), за которые у нас пока нет сведений, было заключено 706 браков, в которых хотя бы один партнер был обитателем/обитательницей прихода, и еще 25 браков, в которых и жених, и невеста были людьми приезжими, только лишь венчавшимися в данной церкви.

Из 706 браков, являющихся объектом изучения, только в 83 (11.7%) женихи происходили не из приходских деревень, а являлись людьми посторонними. Совершенно очевидно, что их общее количество возросло в несколько раз именно в течение двух последних десятилетий XIX в. (табл. 2).

Если в самом начале столетия таких браков во всем приходе сложилось только 2 (плюс 1 в 1849 г.), в 1850-е гг. – 9, в 1860-е гг. – 10, в 1870-е гг. – еще 4 (т.е., всего 23 таких брака за 30 лет второй половины XIX в.), то с 1881 г. по 1900 г. (за 20 последних лет XIX в.) их было заключено 57. Пока трудно сказать, каким образом организовывались такие браки. Однако география происхождения будущих мужей для девиц из ялгубских деревень и особенно анализ их профессиональных занятий, позволяет предположить инициативу со стороны членов приходского сообщества. Так, среди женихов находим не только жителей весьма отдаленных приходов северной части Олонецкой, а также Архангельской губ. (19), но даже соседней Финляндии (4); не только мещан, мастеровых и канцелярских служителей Александровского завода в Петрозаводске (7), но также, и это абсолютно важно в контексте наших размышлений, отставных военных, служивших по самым разным ведомствам тогдашней российской армии и флота. Среди ялгубских женихов – бывшие матросы Черноморского, Ревельского и других флотских экипажей (11), бывшие бомбардиры и артиллеристы (4), рядовые пехотинцы и ефрейторы лейб-гвардии Финляндского и Московского полков, Свирского, Нарвского, Омского резервных батальонов (18). Среди них оказалось немало уволенных в запас служащих всякого рода местных команд и отрядов стражников, в том числе пограничных, даже один жандарм. Они прибывали в Ялгубский приход из городов, нередко весьма отдаленных: наряду с Олонцом, Пудожем и Петрозаводском, как места их оставленной службы, упоминаются балтийские крепости Кронштадт, Ревель и Шлиссельбург (19).

В первом десятилетии браков с приглашенными женихами было очень мало (из 61 всего 2, что составило 3.3%). Во втором из выделенных периодов (1847–1860 гг.) за 14 лет из сыгранных в целом 178 свадеб на браки с женихами извне прихода пришлось всего 10 (5.6%). В третьем периоде – за 20 лет с 1861 г. по 1880 г. – из 193 состоявшихся брачных союзов лишь в 14 (7.3%) фигурировали партнеры извне собственной округи. Зато в четвертом периоде, в последние 20 лет XIX в. из 274 браков 57 (21%) составили именно браки с приглашенными извне прихода женихами. Каждый 5-й брачный союз состоялся с мужчиной, найденным специально с этой целью где-нибудь подальше от родных мест.

Так выглядит ситуация в средних цифрах. По отдельным деревням анализ дает еще более впечатляющие наблюдения. Первыми, можно думать, забили тревогу обитатели старинной д. Анхимовской, где уже в третьем периоде (1861–1880 гг.) 18% браков были заключены с женихами извне прихода. Жительницы Емельяновской в 1881–1900 гг. вышли замуж за мужчин, специально приглашенных для этого, в каждом 4-м бракосочетании (26%), а жительницы Окуловской, центральной деревни прихода, даже еще чаще – почти в каждом 3-м: 22 свадьбы из 77 были сыграны с отставными военными из дальних мест, что составило 29%.

Представляемая методика, кроме очевидной результативности на уровне достижения нового знания, обеспечивает новое, в некотором смысле неожиданное, раскрытие потенциального значения количественной исторической информации, которая, будучи не просто сосчитанной, но привязанной к картам соответствующей местности, позволяет визуализировать социальные и демографические процессы и явления, обеспечивая должную адекватность интерпретаций.

В заключение заметим, что обнаруженные по документальным источникам массового характера локально бытовавшие модели брачного поведения в каждой из наших четырех Карелий с очевидностью демонстрируют различия, которые хотя и поддаются объяснению скорее всего при выявлении внешних воздействий, следует связывать с традициями, хранимыми в том или ином крестьянском сообществе, а более всего – с его внутренней готовностью к саморегуляции в ответ на вызовы, поступающие извне.

Примечания

[1] См.: *Чернякова И.А.* Концепция изучения традиционной крестьянской семьи в Карелии доиндустриальной эпохи по массовым источникам нового времени // Мат-лы XV Всеросс. научн. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». М., 2008. С. 355–366; *Cherniakova I.* Marriage behaviour in preindustrial Karelian rural parishes // Where the Twain meet again: New results of the Dutch – Russian project on regional development 1780–1917. Wageningen, 2004. P. 91–129; *Tcherniakova I.* Marriage and Family in White Sea Karelia during the Pre-Industrial Time: Traditions and Innovations // Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia. Joensuu, University Press. 2004. P. 285–331.

[2] *Цатурова С.К.* Рец. на кн.: Габдрахманов П.Ш. Средневековые крестьяне и их семьи: демографическая характеристика французской деревни в VIII–XI вв. (по данным грамот). М., 1996 // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 474–476.

[3] *Smith R.* Peasant Farming in Muscovy. N.Y. 1977. P. 82; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 161–162.

[4] *Czap P.* 'A large family: the peasant's greatest wealth': serf households in Mishino, Russia, 1814–1858 // Family Forms in Historic Europe. Cambridge, 1983. P. 106.

[3] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 163.

[6] Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов. М., 1985. С. 165. Ст. 10–11.

[7] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 167.

[8] Там же. См. также: *Гурвич И.А.* Экономическое положение русской деревни. М., 1896. С. 60; *Atkinson D.* Society and the sexes in the Russian Past // Women in Russia. Hassocks, 1978. P. 30.

[9] *Палли Х.* Некоторые характеристики развития семьи в странах Западной Европы XVII–XIX веков (по материалам зарубежных исследований) // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 170–173.

[10] *Laslett P.* Characteristics of the Western Family considered over time // Family life and illicit Love in earlier generations. Cambridge, 1977. P. 29.

[11] *Anderson M.* Approaches to the history of the Western Family 1500–1914. Bristol, 1980. P. 18.

[12] *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 210.

[13] *Hajnal J.* European marriage patterns in persrective // Population in history: Essays in historical demography. L., 1963. P. 101–143.

[14] *Czap P.* Marriage and the peasant joint family in the era of serfdom // The family in Imperial Russia: New lines of historical research. Urbana; Chicago; L., 1978. P. 114.

[15] *Mitterauer M., Kagan A.* Russian and Central European family structures: a comparative view // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. P. 103–131.

[16] *Бессмертный Ю.Л.* Указ. соч. С. 211.

[17] *Anderson M.* Op. cit. P. 18.

[18] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 161.

[19] *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в перспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. Сб. статей. М., 1979. С. 14–70.

[20] *Носевич В.* Еще раз о Востоке и Западе: Структуры семьи и домохозяйства в истории Европы // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе / Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М, 2001. С. 15–38.

[21] *Warpula K.* Eastern Finnish families on the borderland of historical family forms // The History of the Family. 2002. Vol. 7. P. 315–336; *Waris E.* The Extended Family in the Finnish Karelia. The Family System in Ruokalahti 1750–1850 // Scandinavian Journal of History. 1995. Vol. 20. P. 109–128.

[22] Family Life on the Northwestern Margins, of Imperial Russia. Joensuu, 2004.

[23] См.: *Laslett P.* Family and Household as Work Group and Kin Group: Areas of Traditional Europe Compared // Family Forms in Historical Europe. Cambridge, 1983. P. 513–564; *Laslett P.* Introduction: The History of the Family // Household and Family in Past Time. Cambridge, 1972. P. 28–31.

[24] Подробнее см.: *Tchemiakova I.* Avioitumiskayttaytyminen Aunuksen, Vienan ja Tverin Karjalassa 1700-ja 1800-luvuilla (Брачное поведение в Олонецкой, Беломорской и Тверской Карелии в XVIII–XIX вв.) // Vaesto ja perhe Karjalassa. Joensuu, 2003. S. 126–132; 133–143 (на рус. яз.).

[25] Село Пятницкое с округой в XVII–XIX вв. было населено карелами, вынужденно покинувшими в силу известных политических обстоятельств регион северо-западного Приладожья, захваченного Швецией, и осевшими в соответствии с расселенческой политикой, проводившейся на государственном уровне в отношении «корельских выходцев» правительствами первых Романовых, в окрестностях Бежецкого Верха. Владением помещиков Чертковых приход стал в ходе земельных раздач Екатерины II. То, что вопреки традиции, соблюдавшейся с XVII в., карельские деревни здесь, в центральной России, оказались переданными вместе с их обитателями из государственного фонда частному владельцу, видимо, объясняется чрезвычайной близостью камергера Е. А. Черткова к императрице. Как полагает В. С. Лопатин, подготовивший и издавший переписку Екатерины II и графа Г.А. Потемкина, Чертков был одним из немногих лиц, участвовавшим в церемонии их тайного бракосочетания. См.: Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997.

[26] Подробнее см.: *Tcherniakova I.* Avioitumiskayttaytyminen Aunuksen, Vienan ja Tverin Karjalassa... P. 136–138.

[27] Подробнее см.: *Чернякова И.А.* Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 54-57

[28] Подробнее см.: *Чернякова И. А.* Южно-карельский приход в позапрошлом веке: к проблеме самоорганизации локального крестьянского сообщества // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. 2007. № 2(4), ISSN 1819–9399. http://illmik.petrsu.ru/2007news4/Chernyakova.html.

[29] Проект выполнялся в 2005–2007 гг. (№ 05-07-97504), его результаты представлены в соответствии с требованиями в экспертный совет фонда для возможного опубликования.

© 2009 г. А. М. ПАШКОВ *

КАРЕЛЬСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ И КРАЕВЕДЫ середины XIX – начала XX века

К середине XIX в. карелы были довольно многочисленным этносом, населявшие северные губернии Европейской России. Первые более или менее достоверные сведения о численности карел были собраны и опубликованы известным ученым П.И. Кеппеном. По его данным, основанным на материалах ревизии 1835 г., общая численность карел в России составила 171 695 человек. Крупнейшие по численности группы карел распределялись так: Архангельская губ. – 11 118 человек, Новгородская губ. – 27 076, Олонецкая губ. – 43 380, Тверская губ. – 84 638, С.-Петербургская губ. – 3 660, Ярославская губ. – 1 283 человека[1].

По переписи 1897 г. общая численность карел в России выросла до 208 101 человека, в том числе: в Архангельской губ. – 19 517 человек, в Новгородской губ. – 9 980, в Олонецкой губ. – 59 414, в Тверской губ. – 117 679, в С.-Петербургской губ. – 835 человек.

Приведенные сведения позволяют сделать вывод о том, что в середине и второй половине XIX в. карельский этнос существовал под влиянием двух тенденций. Первую из них можно обо-

* **Пашков Александр Михайлович,** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета.

значить как подъем, выразившийся в росте численности карельского населения, а вторую как ассимиляцию, которая, впрочем, в тот период была довольно слабой.

Однако ни в одной из губерний карелы не составляли большинства населения. Так, в северных губерниях основную массу населения составляли великоросы (русские): Архангельская губ. – 294 721, Олонецкая губ. – 284 902 человека[2].

На протяжении всего XIX в. в Олонецкой губ. проживала вторая по численности группа карел. По переписи 1897 г. карельское население составляло 16.3% всего населения Олонецкой губ.[3] На этническое развитие карел большое воздействие оказывали близость Петербурга – столицы Российской империи и крупнейшего экономического и культурного центра, а также близость Финляндии, входившей тогда в состав России. В данной работе будет сделана попытка показать предпосылки и условия зарождения и развития карельского этнического самосознания в форме активной просветительской и краеведческой деятельности представителей карельской интеллигенции Олонецкой губ. в середине XIX – начале XX в. Предметом рассмотрения будет деятельность карельских просветителей и краеведов по изучению истории, этнографии, культуры и быта карел Олонецкой губ., их оценки состояния и перспектив развития карельского этноса и предложения по улучшению положения карел.

По социальной принадлежности большую часть карел составляли неграмотные крестьяне. В Олонецкой губ. по данным переписи 1897 г. только 877 карел проживало в городах, а остальные 58 537 человек – в сельской местности. Грамотными среди карел были только 6 182 человека (10.4% всего карельского населения)[4]. Поэтому научное изучение карел Олонецкой губ., начавшееся в первой черти XIX в., осуществлялось представителями других этносов. Большой вклад в изучение карел внес основатель финно-угроведения в России А.М. Шегрен, неоднократно посещавший Олонецкую губ. в ходе своей экспедиции 1824–1829 гг.[5] Историю, этнографию, культуру и быт карел изучали в XIX – начале XX в. также чиновники, учителя петрозаводской гимназии, представители православного духовенства, а также русские путешественники[6]. В данной работе не рассматривается имевшее место уже в XIX в. активное изучение карел и других прибалтийско-финских народов Карелии финскими учеными.

Таким образом в XIX – начале XX в. карельский этнос изучали путешественники исследователи, которые сами были представителями других этносов, главным образом, русские и финны. Карелы, как преимущественно крестьянский этнос, были лишены доступа даже к начальному образованию. Вся их жизнь была посвящена борьбе за выживание себя и своих семей в суровых природно-климатических условиях. Те карелы, которые становились чиновниками или священниками, при переходе в привилегированное сословие как правило меняли и этническую идентификацию, объявляя себя русскими. Поэтому на протяжении нескольких веков единственно возможной формой хранения и передачи этнической идентичности среди карел были язык и фольклор (руны, предания и т.д.).

Ситуация стала меняться в первой половине XIX в. под влиянием успехов в развитии народного образования, в частности возникновения сети церковно-приходских школ, росла численность грамотных карел, прежде всего среди горожан. Развитие рыночных отношений способствовало усилению миграции карел, прежде всего в Петербург и Финляндию. Пребывание в крупных полиэтнических городах, таких как Петербург и Выборг, способствовало развитию у карел кругозора, стимулировало самостоятельное освоение знаний в различных сферах, обостряло этническую самоиндентификацию. Необходимо отметить и влияние на карел успехов в развитии исторической науки в России, в частности труда Н.М. Карамзина.

Под влиянием этих и других факторов в первой половине XIX в. произошло возникновение карельского исторического краеведения. Первые крестьянские краеведы вышли из среды горожан и купцов как наиболее образованных и активных представителей карельского этноса.

Первым карельским просветителем и краеведом можно считать Ивана Васильевича Кондратьева[7], выходца из мещан[8], по этнической принадлежности карела. В молодости, примерно с 1815 г. Кондратьев служил приказчиком на лесопильных заводах Олонецкого уезда. Оказавшись свидетелем хищнических вырубок леса олонецкими лесозаводчиками он подал в 1825 г. донесение о «злоупотреблениях» по лесной части и проект устройства в Олонецкой губ. казенных лесопильных заводов. После произведенного расследования виновные были «приданы уголовному суду», а сам Кондратьев «за такое донесение и усердие к пользе государственной двукратно» был удостоен «получением монаршего награждения деньгами по 1 тыс. руб.»[9]. Одним из результатов этого расследования стало начало казенных заготовок леса в Пудожском уезде. Сам же Кондратьев испортил отношения с олонецкими чиновниками. Ему пять лет не выдавали паспорта и до начала 1829 г. он не мог никуда выехать из Олонца. Но это не остановило его от подачи новых прошений. В начале 1835 г. он составил записку об осушении болот в Олонецком уезде с целью

повышения плодородия крестьянских земель. В своих расчетах И.В. Кондратьев опирался на собственный опыт: с 26 осушенных десятин Сармяжского болота он получил в первый же год 1 750 пудов сена. Этот факт стал известен в научной среде, о нем со ссылкой на известного ученого П.И. Кеппена писал статистик И.Ф. Штукенберг[10]. Свои опыт и предложения по осушению болот и озер Кондратьев изложил в нескольких статьях, опубликованных в «Земледельческой газете»[11]. Активное, но кратковременное сотрудничество Кондратьева с «Земледельческой газетой» завершилось в конце декабря 1835 г., когда он написал еще одну большую статью «Лесопильная промышленность», также вскоре опубликованную[12]. Эта публикация интересна как попытка автора представить «образ лесопильной промышленности в Олонецком уезде, выгоды, от нее получаемые, и другие, к тому относящиеся обстоятельства», т.е. дать краткий очерк состояния лесопильной промышленности уезда в середине 1830-х гг.

В том же 1835 г. И.В. Кондратьев совместно с олонецким купцом Аврамовым направили главноуправляющему путей сообщения просьбу о строительстве судоходного канала между реками Олонкой и Свирью[13]. В следующем году в «Коммерческой газете» появилась заметка Кондратьева «О новом судоходном сообщении в Олонецкой губернии»[14], в которой необходимость постройки канала обосновывалась перспективами развития в Олонецком крае лесного промысла и торговли сеном.

В 1836 г. Кондратьев послал в Департамент внешней торговли еще одно донесение «О способах к предотвращению водворения контрабанды со стороны Финляндии». К этому же году относится большая записка «О способе улучшения благосостояния казенных крестьян Олонецкой губернии», законченная И.В. Кондратьевым 10 апреля в Петербурге, где он временно проживал. Записка была направлена на имя министра финансов Е.Ф. Канкрина[15]. В том же 1836 г. Олонецкое губернское жандармское управление расследовало дело «О вырывании олонецким мещанином Кондратьевым из земли костей павшего от заразы скота».

В 1850 г. олонецкий мещанин Кондратьев уже числился умершим. Оставшееся после него имущество – два деревянных дома и один флигель с пристройками на сумму 255 руб. и различное имущество на 19 руб. 9 коп. серебром – попало в опеку «по случаю нахождения малолетних детей», причем опекунами были вдова краеведа Дарья Кондратьева, купец Василий Прилукин и некий олонецкий мещанин[16].

Одно только перечисление действий Кондратьева и написанных им работ позволяет сделать вывод о том, что это был необычайно энергичный, предприимчивый, неравнодушный к судьбе родного края и тянущийся к образованию человек. Формированию интересов Кондратьева способствовали, во-первых, особенности его «малой родины» (старинный г. Олонец, основанный в 1649 г., наличие среди горожан и купцов значительной прослойки карел-ливвиков); во-вторых, относительно высокий уровень городской культуры, обусловленный близостью к столице России – Петербургу и выразившийся в устойчивом интересе олончан к прошлому своего города и уезда[17]. В июне 1836 г. он прислал олонецкому архиепископу Игнатию Семенову три своих сочинения: «Записка разных изустных рассказ Олонецкого уезда кореляков-раскольников, к основанию секты их служащих и нигде еще доднесь не описанных» (далее – «Записка о кореляках-раскольниках»), «Записка о населении и основании Олонца и изъяснение происхождения разных корельских слов и примечательных местам названий» (далее – «Записка об Олонце») и «Записка любопытных происшествий, случившихся при высочайших проездах чрез Олонец». Два последних сочинения были найдены в архиве Синода и опубликованы Е.М. Прилежаевым[18] в газете «Олонецкие губернские ведомости», а затем перепечатаны в «Олонецком сборнике»[19]. Автограф сочинений И.В. Кондратьева хранится сейчас в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) в Петербурге[20]. Необходимо отметить, что тексты публикаций имеют цензурные изъятия.

«Записка о кореляках-раскольниках» – это первая и, практически, единственная работа, описывающая мировоззрение олонецких карел-старообрядцев первой половины XIX в. Она позволяет сделать вывод о широком распространении старообрядчества среди олонецких карел, а также о своеобразной адаптации ими общероссийских старообрядческих представлений.

Другое сочинение Кондратьева «Записка об Олонце»[21] посвящено истории и топонимике Олонецкой Карелии. На основании исследованных им топонимов можно сделать ценные выводы об этноцентрической модели мира олонецких карел[22]. Центром Олонецкой Карелии является г. Олонец, который делит р. Олонку на две части и отделяет Задние волости от собственно карельской территории. Показательно также название «Задние волости». Оно показывает, что Олонец и олонецкие карелы ориентированы на юг, на Россию. Здесь отразились многовековые

реалии истории карел: жизнь под властью и под защитой Российского государства, торговля с центральной Россией, отхожие промыслы в русских городах и т.д.

Мировоззрение и научная деятельность олонецкого карела Кондратьева не могут быть поняты без учета социокультурной и этнокультурной ситуации в Олонце. В середине XIX в., когда развернулась его просветительская и краеведческая деятельность, около половины населения Олонца составляли карелы и близкие им по языку выходцы из Финляндии[23]. Именно в карельской общине Олонца и сформировались его интересы. Другим фактором, влиявшим на общественную активность Кондратьева, было российское воздействие на быт и культуру олонецких карел. Это воздействие проявлялось в приверженности олонецких карел православию. Не случайно, свои труды Кондратьев передал архиепископу Игнатию. Значительное экономическое и культурное воздействие на Олонец оказывала близость Петербурга.

Не случайно, что в пореформенный период самым известным и активным карельским краеведом стал именно предприниматель Мирон Николаевич Смирнов, выходец из семьи приписного крестьянина. По данным финских источников Смирнов родился 10 августа 1820 г.[24] Сам Смирнов писал в автобиографии, что родился в 1815 г. Можно предположить, что несовпадение даты рождения Смирнова в ревизской сказке и в его воспоминаниях связано со стремлением родителей «омолодить» его таким образом, спасти на несколько лет от рекрутской повинности, начинавшейся с 15 лет, и обучить за это время какой-нибудь профессии. В автобиографии Смирнова указано, что он начал заниматься лесопромышленной деятельностью в Финляндии в 1835 г., через три года стал управляющим «первоклассного завода» Вуогала. Всего он прослужил управляющим лесопильными заводами у разных хозяев 22 года. В сентябре 1853 г. по постановлению Олонецкой казенной палаты Смирнов и его семья были исключены из крестьян Петрозаводского уезда и записаны в купечество финского города Йоэнсуу[25].

Постепенно М.Н. Смирнов завел в Финляндии и собственное дело. В 1861 г. он «на свои риск» построил в Йоэнсуу первый в Финляндии паровой лесопильный завод. Он же завел на Сайменском водном пути первый железный пассажирский пароход, совершавший рейсы между Йоэнсуу и Петербургом.

Время с начала 1860-х до середины 1880-х гг. – период наибольшей предпринимательской, просветительской, краеведческой и благотворительной активности Смирнова. Кроме того, в это время по коммерческим делам он совершает несколько больших поездок по России и в Европу. Летом 1867 г. он посещает Польшу, Чехию, Прибалтику. Кроме того он постоянно ездит по Финляндии. В конце своей предпринимательской карьеры, в середине 1880-х гг. Смирнов понес большие убытки на сумму более 40 тыс. марок.

У себя на родине в Сямозере Смирнов с конца 1860-х гг. был известен как просветитель и благотворитель. Благотворительная деятельность Смирнова продолжалась, вероятно, до его разорения в 1880-е гг.

В 1884 г. в документах городских властей Йоэнсуу отмечено, что Смирнов постоянно там же живет. Известно, что, по крайней мере, уже в апреле 1881 г. он считался «выборгским купцом»[26]. Последние годы жизни этот карельский деятель провел в Кексгольме, где и скончался 1 июня 1895 г. Незадолго до смерти Смирнов опубликовал книгу «Голос корела» (СПб., 1890), в которой собрал свои работы разных лет, и сейчас этот сборник серьезно облегчает изучение его творческого наследия.

Краеведческая деятельность М.Н. Смирнова началась в 1868 г., когда он впервые после 25-летнего отсутствия посетил родное село Сямозеро. Впечатления от этого посещения легли в основу его публикации «Из писем самоучки-кореляка»[27] в газете «Олонецкие губернские ведомости» (далее – ОГВ), перепечатанной позднее в сборнике «Голос корела»[28].

Исторические взгляды М.Н. Смирнова в полной мере выражены в его статье «Корелы, их история, народный быт и корельско-русская грамотность», опубликованной в 1872 г. в ОГВ[29], а позднее также перепечатанная в сборнике «Голос корела»[30]. Еще одна публикация Смирнова «Руочин-саари – шведский остров на Сямозере»[31] посвящена легенде о высадке «во времена отдаленные» шведского отряда на этом острове для последующего нападения на окрестные селения. Однако шведы были обнаружены местными жителями и истреблены.

Для Смирнова характерны ярко выраженная карельская этническая самоиндентификация и признание языковой и этнической близости карел и других прибалтийско-финских народов, но одновременно самым близким к карелам народом в социокультурном отношении он считает русских.

На рубеже XIX–XX вв. развернулась деятельность талантливого карельского писателя, этнографа, фольклориста и публициста, одним из первых поставившего вопросы социального и национально-культурного развития карел Олонецкой губ., Николая Феофилактовича Лескова

(1871–1915)[32]. Он родился в деревне Святозеро в карельской семье местного псаломщика (по другим данным – священника), окончил духовную семинарию в Петрозаводске, а затем Петербургскую духовную академию со званием кандидата богословия. Уже во время учебы в Петербурге Лесков установил контакты с отделением этнографии Русского географического общества и по его поручению совершил в 1892–1894 гг. три поездки «для этнографических наблюдений» над карелами Олонецкой губ.

Успешная экспедиционная поездка Лескова летом 1892 г. в Южную Карелию и серия научных публикаций, подготовленных по ее итогам и опубликованных в журнале «Живая старина»[33] получили высокую оценку. Уже в январе 1893 г. Совет географического общества утвердил решение о присуждении ему серебряной медали с надписью «За полезные труды».

Большой интерес вызывает публикация Н.Ф. Лескова в «Живой старине», которая называется «Корельская песня»[34]. Эта публикация свидетельствует о наличии у него определенных навыков фольклориста. Именно благодаря Лескову басни крестьянки-корелки Петрозаводского уезда, деревни Бородин-Наволок Екатерины Туру стали известны фольклористам и получили высокую оценку. Публикация этих записей Лескова перепечатана в авторском финском издании «Старые песни финского народа»[35].

Летом 1893 г. по поручению Русского географического общества Лесков обследовал население Сердобольского (Сортавальского) уезда Выборгской губ. и Петрозаводского и Олонецкого уездов Олонецкой губ. Итоги этой поездки также были подведены им в отчете Русскому географическому обществу, опубликованном в «Живой старине»[36]. В этой работе он провел сравнение жизни олонецких карел и карел финского Приладожья: «Финляндский корел далеко опередил своего родного брата олончанина. Здесь не встретишь уже такого невежества, какое до сих пор еще спокойно ютится в лесных деревеньках Олонецкой Карелии. Финляндский корел много видал, много слыхал на своем веку и свободно, со смыслом разбирает финскую грамоту. Его "тупа" (дом) поставлена на высоком каменном фундаменте и покрыта прочной, драничной (дранка-лучина) крышей. При входе в него всякого посетителя необыкновенно приятно поражает та уютная чистоплотность и некоторое довольство (материальное), о которых и понятия не имеет наш постоянно грязный, вечно чумазый, полуголодный земляк. Приладожский корел имеет термометр Цельсия, альбом фотографий, листок местной газеты "Laatokka", богослужебные книги "верси-кирья" и "Тестаменты" (Библия). Найдется у него и усовершенствованный плуг, рессорный кабриолет, с мягкой, волнистой шерстью овца, о которых еще не приходится и мечтать нашему олончанину».

Весной 1894 г. в журнале «Живая старина» был опубликован этнографический очерк Н.Ф. Лескова «Святки в Кореле»[37], а также три карельских сказки «Мудрый Маччи»[38], «Шут Григорий»[39] и «Пастух и дьявол» (о пастухе по имени Пекко)[40]. Вероятно, это была первая публикация карельских сказок на русском языке, хотя известно, что в 1880-х гг. петрозаводский священник Григорий Модестов собирал карельские сказки и переводил их на русский язык[41], но его собрание сказок не было опубликовано и не сохранилось.

В конце 1894 г. в «Живой старине» появилось еще два этнографических очерка Лескова, содержащих подробное описание карельских свадебных обычаев[42] и похоронного обряда[43].

Летом 1894 г. Лесков отправился в очередную этнографическую поездку по поручению Русского географического общества. На этот раз целью поездки было изучение приоятской чуди (чудь – официальное название вепсов в дореволюционной России). Он посетил 46 деревень в долине Ояти в Лодейнопольском уезде Олонецкой губ. и частично Тихвинском уезде Новгородской губ. Отчет о результатах поездки как всегда был весьма внушительным[44].

Летом 1895 г. Русское географическое общество командировало Лескова для изучения карел Повенецкого уезда. По итогам поездки он опубликовал большую статью в «Живой старине»[45]. В ней Лесков попытался решить очень важную проблему – дать сравнительную этнографическую характеристику карел и проживающих на севере губернии русских.

Статью «Поездка в Корелу» можно считать вершиной научного творчества Н.Ф. Лескова. К исходным его качествам – знанию карельского языка, фольклора и обычаев, а также искренней любви к своему народу добавились экспедиционный опыт и знание литературы. При анализе собранного материала им привлекались как руны «Калевалы» и классические труды М.А. Кастрена, так и произведения современного финского писателя Ю. Ахо. В этой же статье проявилась и еще одна важнейшая тенденция творчества Лескова – усиление общественного звучания научных результатов его трудов. Постепенно Лесков перерастал рамки ученого-этнографа и становился идеологом карельского национального движения.

Сотрудничество Лескова с журналом «Живая старина» было очень успешным. В 1892–1895 гг. там появилось 16 его публикаций, основанных на материалах, собранных во время экспедиций к карелам и вепсам.

Лесков был разносторонне талантливым человеком. Кроме научной деятельности он увлекся беллетристикой и написал три рассказа из жизни карельской деревни, опубликованных в 1893–1895 гг. в журнале «Исторический вестник». Первый рассказ «Две репины» появился летом 1893 г.[46] и был подписан не полной фамилией, а анаграммой «Л-ков Н.Ф.».

В 1895 г. в «Историческом вестнике» вышел еще один рассказ Лескова «Катти и Матти»[47]. Рассказ был подписан «Н.Ф. Лесков-Корельский». Приставка к фамилии, избрания Лесковым для авторской подписи – «Корельский», четко выражала его этническое самосознание и демонстративную гордость за принадлежность к карельскому этносу.

Рассказ «Катти и Матти» носит ярко выраженный этнический характер и продолжает линию творчества, намеченную в «Двух репинах» – художественное описание тяжелой жизни карел и воспевание карельского этнического характера. Можно считать, что, несмотря на свои слабые места (бытописательство, невыдержанность жанра и др.), эти рассказы являются первыми художественными произведениями национальной карельской литературы.

В 1895 г. Лесков окончил Петербургскую духовную академию, летом 1896 г. вернулся в Петрозаводск и в июне стал помощником инспектора духовной семинарии, но уже через год его перевели в Каргополь на должность преподавателя Каргопольского духовного училища. Это явное понижение в должности и ссылка в отдаленный уезд объясняется, по-видимому, двумя причинами: стремлением властей прекратить дальнейшую исследовательскую, литературную и публицистическую деятельности Лескова (в Каргопольском уезде не было карельского населения) и его отказом принять духовный сан. Больше не появилось ни одной его публикации, посвященной карельскому народу.

Вскоре Лесков женился. Причем его женитьба тоже стала вызовом обществу и отразилась на его репутации в глазах начальства. Женой Лескова стала родная сестра народовольца Н.И. Рысакова, участника убийства Александра II, Екатерина. Ссылка в Каргополь продолжалась до сентября 1908 г. Лесков сумел завоевать среди жителей Каргополя такой авторитет, что в 1906 г. Коргопольское земство избрало его почетным мировым судьей, а в 1907 г. он был избран от горожан Каргополя выборщиком во II Государственную думу, т.е. фактически кандидатом в депутаты Думы.

В сентябре 1908 г. Лесков был возвращен в Петрозаводск и стал преподавателем духовного училища. Он умер 5 ноября 1915 г. после инсульта, наступившего в результате сильного расстройства: один из учеников стрелял из рогатки в портрет Николая II, был пойман за этим занятием и исключен из училища, несмотря на протесты Н.Ф. Лескова.

В жизни, научной деятельности и мировоззрении Лескова переплелись и проявились многие явления и противоречия российской и карельской действительности конца XIX – начала XX в. Лесков родился в семье карела-псаломщика. Принадлежность к православному духовенству позволила ему получить хорошее образование. И хотя он был глубоко и искренне верующим человеком и большую часть жизни посвятил преподаванию в духовных училищах, но, видя униженное положение низшего духовенства под властью церковных иерархов, он так и не принял церковный сан и по своим интересам был светским человеком.

Основными предпосылками активной и успешной научной деятельности Лескова были хорошее знание жизни карельских крестьян, среди которых прошли его детство и юность, а также ярко выраженное карельское этническое самосознание. Эти предпосылки, хорошее образование и личные контакты с профессиональными учеными позволили ему создать около 20 литературных и научных произведений. Они имеют большое научное значение, проникнуты идеями социального и культурного развития карельского народа и интересны даже сейчас.

В ходе своих научных исследований Лесков, воспитанный в традициях русской культуры карел, начинает проявлять все больший интерес к достижениям финской культуры, науки и литературы, к жизни карел в финском Приладожье. Кроме того в его творчестве и мировоззрении, опять таки под влиянием русской культуры, общественной мысли и литературы, проявляется критическое отношение к действительности, выраженное в демократизме, сочувствии к простому народу, обличении и осуждении злоупотреблений чиновников и паразитизма социальных верхов. По своим взглядам Лесков был либералом. Фактически он был одним из первых представителей карельской национальной интеллигенции, пытавшимся служить своему народу как исследователь традиционной народной культуры.

Однако в условиях провинциального Петрозаводска деятельность Лескова, его этнические и общественно-политические взгляды не могли получить поддержки церковных и светских вла-

стей. После возвращения в Петрозаводск в 1896 г. ему, фактически, не дали продолжить занятия по изучению карельского народа. Постоянное давление властей, возможно, было одной из причин его преждевременной кончины. Результатом такой политики стал тот факт, что после 1917 г. немногочисленные представители карельской интеллигенции либо примкнули к национальным восстаниям 1918–1922 гг., либо пошли на службу советской власти.

На примере деятельности трех карельских просветителей-краеведов можно проследить основные этапы, закономерности и особенности формирования и развития карельского этнического самосознания в форме изучения и просвещения своего народа в местах его проживания. Они родились и выросли в местах компактного проживания карел – в Олонце и в западной части Петрозаводского уезда (Святнаволок и Сямозеро). Другим важным условием было полученное карельскими просветителями и краеведами образование – либо в учебных заведениях (Н.Ф. Лесков), либо путем самообразования (И.В. Кондратьев, М.Н. Смирнов), Все трое формировались под влиянием русской культуры, учились в русских учебных заведениях, жили в русских городах. Особо необходимо отметить влияние на южную Карелию Петербурга. Другим значительным фактором, пробуждавшим этническое самосознание карел, было влияние Финляндии.

Можно отметить постепенные изменения в самосознании карельской интеллигенции на протяжении XIX в. Если И.В. Кондратьев был в значительной мере русифицированным карелом, который, говоря о «кореляках» использовал местоимение «они», то М.Н. Смирнов уже не скрывал и даже гордился своей принадлежностью к карельскому этносу. При этом уже Смирнов должен был ответить на вопрос о роли славян и финнов в истории и современном положении карел. Он считал, что карелы близки финнам «по происхождению», т.е. по языку, но с древнейших времен являлись союзниками славян и сейчас связаны с ними «неразрывными узами», Лесков в своих статьях, в основном, подчеркивал близость карел и финнов и писал только о взаимовлиянии карел и местных русских. Для Смирнова, который большую часть жизни прожил в Финляндии, и Лескова, который был знаком с жизнью в финском Приладожье, более развитая в экономическом и культурном отношении Финляндии стала примером в развитии для российских карел. Можно сказать, что близость Финляндии стимулировала формирование идей прибалтийско-финской общности у карельских просветителей и краеведов уже во второй половине XIX – начале XX в.

Не нужно преувеличивать значение карельского этнического просветительства и краеведения в формировании этнического самосознания карел Олонецкой губ. Карельских просветителей и краеведов было всего несколько человек, их работы имели ограниченный круг читателей. Но без изучения этой темы невозможно создать объективную картину зарождения и формирования этнического самосознания карел в дореволюционный период. Многие идеи, высказанные первыми карельскими просветителями и краеведами, интересны и актуальны и в наше время, а их труды нуждаются в изучении и переиздании.

Примечания

[1] *Кеппен П.И.* Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1853. С. 29. По указанию П.И. Кеппена все его данные относились «преимущественно» ко времени 8-й ревизии, т.е. к 1834 г. (С. 34).

[2] Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Ч. 1. Архангельская губерния. Тетр. 2. СПб., 1899. Табл. 9. С. 104–107; Ч. 27. Олонецкая губерния. Тетр. 2. СПб., 1900. Табл. 9. С. 86–89.

[3] *Покровская И.П.* Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 103.

[4] *Покровская И.П.* Указ. соч. С. 103, 111.

[5] Подробнее об А.М. Шегрене и его научной деятельности см.: *Branch M.* A.J. Sjogren studies of the North. Helsinki. 1973; *Пашков А.М.* Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 1. Петропавловск, 2000. С. 22–32.

[6] Подробнее о вкладе русских исследователей в изучение карел Олонецкой губ. см.: *Pashkov A.* A Russian view of Karelians (19th century) // The dividing line: Borders and National Peripheries. Helsinki, 1997. P. 205–211.

[7] Биографические сведения о И.В. Кондратьеве см.: *Прилежаев Е.М.* К истории города Олонца и его окрестностей // Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. Отд. 1. С. 227–228 (перепечатано также: Олонецкие губернские ведомости. 1891. № 94) (далее – ОГВ); *Еленевский Е.П.* Проект мещанина И. Кондратьева «О способе улучшения благосостояния казенных крестьян Олонецкой губернии» (1836 г.) // Вопросы истории. Петрозаводск, 1961. Вып. 1. С. 61–63, 66–67.

[8] В одной из своих публикаций И.В. Кондратьев указывает свой адрес: «в Олонец, Ивану Васильевичу Кондратьеву» (*Кондратьев И.* Лесопильная промышленность // Земледельческая газета. 1836. № 11. С. 85) (далее – ЗГ). Это единственное упоминание отчества нашего героя.

[9] Переписка по прошению олонецкого мещанина И. Кондратьева // Национальный архив Республики Карелия, ф. 1, оп. 36, д. 67/26, л. 4–4 об. (далее – НА РК).

[10] *Штукенберг И.Ф.* Статистические труды. СПб., 1857. Ст. 7. Описание Олонецкой губ. С. 22.

[11] *Кондратьев И.* О разработке болот в Олонецкой губернии // ЗГ. 1835. № 73. С. 582–583 (подпись: Иван Кондратьев, олонецкий мещанин и земледелец); *его же.* О разработке болот // Там же. № 83. С. 664; *его же.* Об олонецких озерах // Там же. № 94. С. 94.

[12] ЗГ. 1836. № 11. С. 81–85.

[13] Олонецкий сборник. Вып. 3. С. 289–291.

[14] Коммерческая газета. 1836. № 77 (перепечатана: Журнал МВД. 1836. № 6. С. 594–597).

[15] Подробный анализ «Записка» И. Кондратьева см.: *Еленевский Е.П.* Указ. соч. С. 60–67.

[16] Именная ведомость об опеках, находящихся в заведывании Олонецкого сиротского суда за 1850 г. // НА РК, ф. 1, д. 13/28, л. 198 об.

[17] Подробнее об олонецком краеведении см.: *Пашков А.М.* «Купеческое краеведение» города Олонца в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Анциферовские чтения. Л., 1989. С. 59–63. В настоящее время автор считает термин «купеческое краеведение» не совсем удачным, считая более правильным говорить о «посадском краеведении».

[18] Прилежаев Евгений Михайлович (1851–1900) – историк Русской православной церкви.

[19] К истории города Олонца и его окрестностей (сообщил Е.М. Прилежаев). ОГВ. 1891. № 94–96 (перепечатано: Олонецкий сборник. Вып. 3. С. 227–237).

[20] РГИА, ф. 834, оп. 2, д. 1666, л. 1–14.

[21] Текст см.: там же, л. 4 об. –13.

[22] Подробнее об этноцентрической модели мира на примере Поморья см.: *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 8–11.

[23] Рапорт олонецкого городничего олонецкому губернатору от 7 апреля 1846 г. // НА РК, ф. 1, оп. 36, д. 67/26, л. 5.

[24] Приношу свою искреннюю благодарность финским историкам Хейкки Тарма, сообщившему мне сведения о жизни М.Н. Смирнова из изданного краеведческим обществом города Йоэнсуу справочника Эско Ярвинена «Список жителей Йоэнсуу» (Йоэнсуу, 1993, ч. 7) (*Jarvinen E.* Joensuun porvarimatrikkeli. Osa 7. Joensuu, 1993) и Паси Туунайнену, приславшему автору копии нескольких труднодоступных финских публикаций, в частности, некролога М.Н. Смирнова из финской газеты «Karjalatar» («Карелочка»). 1895. 4 июня.

[25] Ревизская сказка 1850 г. октября 11, Олонецкой губ., Петрозаводского уезда. Салменижской волости, Сямозерско-Кунгозерского мирского общества, о состоящих мужеского и женского пола крестьянах, приписанных к Олонецким заводам // НА РК, ф. 4, оп. 18, д. 83/812, л. 23об.-24.

[26] ОГВ. 1881. № 33 (от 9 мая).

[27] *Смирнов М.Н.* Голос корела. Сямозеро // ОГВ. 1868. № 22–23.

[28] *Смирнов М.Н.* Голос корела. СПб., 1890. С. 3–18.

[29] *Смирнов М.Н.* Корелы, их история, народный быт и корельско-русская грамотность (из писем самоучки-корела) // ОГВ. 1872. № 68. 2 сентября.

[30] *Смирнов М.Н.* Голос корела. С. 79–95.

[31] *Смирнов М.Н.* Руочин-саари – шведский остров на Сямозере. // ОГВ. 1875. № 62–63 (перепечатано: Олонецкий сборник. Вып. 1. Петрозаводск, 1875–1876. Отд. 2. С. 5–11; *Его же.* Голос корела. С. 23–33).

[32] Биографические сведения о Н.Ф. Лескове см.: *Крылов В.И.* Н.Ф. Лесков [Некролог] // Известия общества изучения Олонецкой губ. Т. 6. № 5–8. Олонец, 1915. С. 121–126; *Суперанский Н.* Кончина преподавателя Петрозаводского духовного училища Н.Ф. Лескова // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 32. С. 614 (далее – ОЕВ); *его же.* Памяти почившего Николая Феофилактовича Лескова // ОЕВ. 1915. № 33. С. 639–645; № 34. С. 671–674; № 35. С. 992–997; *Гордеев Н.* Николай Лесков из Святозера // Северный курьер. Петрозаводск, 1992. 30 апреля.

[33] *Лесков Н.Ф.* Доклад о поездке в Олонецкую губернию летом 1892 года // Живая старина. 1893. № 3. С. 432–436 (далее – ЖС).

[34] ЖС. 1893. № 4. С. 541–553.

[35] Suomen kansan vanhat runot. Osa. 2. Anuksen, Tverin-, ja Novgorodin-Karjalan runot / A.R. Niemi. Helsinki, 1927. S. 68–76 (текст Н.Ф. Лескова), 76–85 (перевод на финский язык). Пользуясь случаем, приношу свою искреннюю благодарность старейшему фольклористу Карелии А.С. Степановой за указание на данную работу.

[36] *Лесков Н.Ф.* Отчет о поездке к олонецким корелам летом 1893 г. // ЖС. 1894. № 1. С. 19–31.

[37] ЖС. 1894. № 2. С. 222–223.

[38] Там же. С. 224–225.

[39] Там же. С. 226–229.

[40] Там же. С. 230–232.

[41] *Соборнов А.* Олонецкий край // ОГВ. 1895. № 41.

[42] ЖС. № 3–4. С. 499–511.

[43] *Лесков Н.Ф.* Погребальные обычаи кореляков // ЖС. 1894. № 3. С. 511–514.

[44] *Лесков Н.Ф.* Отчет о поездке в Чудской край (Олонецкой губернии Лодейнопольского уезда) в 1894 г. // ЖС. 1895. № 1. С. 1–13.

[45] *Лесков Н.Ф.* Поездка в Корелу // ЖС. 1895. № 3–4. С. 279–297.

[46] *Лесков Н.Ф.* Две репины // Исторический вестник. 1893. № 6. С. 690–699 (далее – ИВ).

[47] *Лесков-Корельский Н.Ф.* Катти и Матти // ИВ. 1895. № 6. С. 712–722.

© 2009 г. М. ЛЯХТЕЕНМЯКИ*

СААМЫ НА ЕВРОПЕЙСКОЙ СЦЕНЕ

Современное представление о самой северной части Европы, Лапландии, складывалось на протяжении многих столетий. Шведский священнослужитель и космополит своего времени Олаус Магнус своим произведением «Historia de Gentibus Septentrionalibus» (1555 г.) положил начало литературе о Лапландии, основанной на исследованиях. Более ранние краткие упоминания о северной территории и ее жителях можно найти в произведении Тацита «Germania» (98 г.), в «Истории мира» английского короля Альфреда (892 г.), а также в исландских сагах XII в. Благодаря сочинению Олауса Магнуса, интерес к северным территориям возрос, появились новые произведения о Лапландии. Большая часть описаний была сочинительством, полным предрассудков и тенденциозности. В частности, шведский ученый Олаус Рудбек в своем произведении «Atlantica» (1679–1792) пишет, что уже во времена античности поэты и историки восхищались Лапландией. В других описаниях, в том числе французов Луи-Анри Ломени де Бриенна и Жан-Франсуа Ренардина, Лапландия была представлена бедной, холодной и периферийной, люди, там проживающие, – некрасивыми и, ко всему прочему, язычниками. В XVIII в. основатель французского антропологического общества, ученый естествоиспытатель Жорж Луи Леклерк де Буффон в своем произведении «Histoire naturelle» (1749 г.) описывает лапландцев как глупых, невысоких, неуклюжих, диких и дегенерирующих людей. Ведущий немецкий исследователь-анатом и антрополог Й.Ф. Блуменбах в начале XIX в. писал, что лапландский климат сделал людей и природу одинаковыми. Буффон также отмечал, что климат влияет на расу. При благоприятном климате, как, например, во Франции, рождаются самые красивые и приятные люди. А люди полярного круга просто уродливы[1].

В данной статье попробуем с североевропейской точки зрения рассмотреть и оценить механизмы и процессы, формировавшие представление о Лапландии и ее жителях – саамах, в XIX в. Объектом нашего изучения является появление саамов на европейской сцене, когда в исследованиях и интерпретациях европейских ученых появились как расовые теории, так и романтическая тема «уникальных дикарей». Уже в XVIII в. начали подчеркивать превосходство «европейской» или белой расы, а в XIX в. в ученых кругах была принята классификация рас. Классификацию стали использовать, чтобы оправдать, в том числе, социальные различия: люди низшей расы были обречены на бедность, безграмотность и полное исчезновение, а представители белой расы должны процветать и крепнуть. Исходя из этих умозаключений, началась дискуссия и в отношении саамов и их места в расовой классификации. К какой расе их отнести? Чтобы создать представление о народах, живущих на севере, за источники были взяты описания путешественников и местных священнослужителей, живших в 1500–1700 гг. Но они давали достаточно противоречивую картину о другой, интересной и захватывающей Лапландии, которая вызывала в то же время отторжение и была примитивна. Стереотипы о Лапландии и саамах, с одной стороны, были негативными: грязные, некрасивые, глупые, но в то же время, о них создавали позитивные стереотипы: они были уникальны, всегда в хорошем настроении, дружелюбные и миролюбивые. Стереотипам придавали огромное значение, когда строились отношения между этническими группами. Норвежский антрополог Томас Гилланд Эриксен говорил, что, создавая стереотипы, мы уточняем границы собственной группы и укрепляем тем самым идентитет своей группы. С другой стороны, клеймя другую группу или называя расу глупой, оправдываем свои привилегии и власть[2].

Внимание к саамам было довольно значительным, учитывая их малочисленность. В XIX в. они составляли лишь небольшое меньшинство жителей Лапландии. В Норвегии и Швеции саамов проживало больше всего. В конце века в Финляндии их проживало около 1500 человек. На Кольском полуострове в конце XIX в. их было около 2 тыс.[3] Население несаамского происхождения стало распространяться по северным территориям с начала XVIII в. Это было связано с миграцией, которую поддерживала государственная политика распределения земель, освобождения от налогов и воинской повинности для новых поселенцев. Смешанные браки и снижение детской смертности с конца XIX в. также влияло на особенности развития населения. В Финляндии жители Лапландии так быстро финнизировались (ассимилировались), что в XIX в. предполагали – в духе эволюционной теории того времени и социального дарвинизма – что вскоре ла-

* **Ляхтеенмяки Мария** (Lähteenmäki Maria), старший исследователь Академии Финляндии (Хельсинки).
Перевод с финского Т.И. Исмаиловой.

пландцы исчезнут совсем или растворятся среди преобладающего населения[4]. Эту точку зрения подпитывало то, что саамы не считали себя единым народом. Этот аргумент был важным основанием для утверждения, что саамы являлись отсталым народом, что у них не было способности ни к национальным движениям, ни к государственности. К тому же, саамы делились на лапландские племена, говорящие на разных языках и занимающиеся разным промыслом: основные группы состояли из оленеводов-номадов, остальные из рыбаков, земледельцев и колттов. Последние в основном проживали на территории Кольского полуострова и были православными. Саамы-рыбаки были разбросаны осколками по побережью, кто на Кольском полуострове, кто в Норвегии по берегам Ледовитого океана, но были финские и шведские саамы-рыбаки, занимавшиеся промыслом на озерах и реках.

Созданные европейскими путешественниками стереотипы о саамах отличаются удивительной схожестью. Это было связано с методикой исследований того времени: все искали «различия». Постоянное подчеркивание отличительных черт в исследованиях продолжалось, по крайней мере, до конца XX в. С другой стороны, схожесть выводов вызвана использованием одних и тех же источников, написанных ранее. Когда иностранный исследователь отправлялся в Лапландию, он шагал по следам предшественников, не удручая себя полевыми работами и не подвергая сомнению предыдущие источники. Общего языка с местным населением не существовало, местные священники знали латинский язык, у них исследователи и брали интервью, а не у самих саамов. Таким образом, представление о саамах складывалось из чужих мнений и знаний. Мелкие чиновники, которые служили поставщиками информации, занимали часто позицию привилегированных, стоящих выше, чем простой люд, тоже подчеркивали в своих записках самые странные привычки и традиции саамов. Тем самым, указывая на их отличительные черты.

Для иностранцев самым простым способом создать образ о саамах – было выделить группу так называемых «типичных саамов», которые наибольшим образом выделялись среди себе подобных. Таким образом, все внимание исследователей обратилось на оленеводов-номадов, на их кочевой образ жизни и на их культуру, сильно отличавшуюся от других. В то же время, исследователей совсем не интересовали саамы, которые занимались рыболовством и земледелием. В разных текстах оленеводов-номадов называют «истинными и настоящими лапландцами». В том числе, англичанин Э.Д. Кларк, путешествующий по Лапландии в 1799 г. утверждал, имея в виду оленеводов-номадов, что эти «истинные лапландцы» среди всех групп составляют свой вид. Некий священник из финской Лапландии, в свою очередь, жаловался в 1850-е гг. на то, что Лапландские племена больше не похожи на «настоящих лапландцев»[5]. Переход саамов на крестьянский быт отразился на их внешности, и «уникальных дикарей» уже было трудно различить. Таким образом, в XIX в. стали признавать среди населения местные этносы и отдельные категории населения, им стали придавать все большее значение, и эта тенденция прослеживается в рапортах чиновников далекой Лапландии.

Показ в цирке и на эстрадах больших городов представителей экзотических этнических меньшинств берет начало от традиции привозить сувениры в память о поездке. Так например, в XVIII и XIX вв. в европейские метрополии привозили на показ жителей Таити и Африки, иннуитов и индейцев. К этим сувенирам относились и номады из Лапландии.

В XIX в. показы аборигенов достигли своего апогея. Например, в 1805 г. из Швеции была послана семейная пара саамов в Вену. У них с собой были олени и маленькие йоландские лошади. После короткого визита супружеская пара вернулась к себе на родину с многочисленными подарками и золотой медалью. В 1822 г. небольшую саамскую семью с оленями отправили в Англию. Семья развлекала лондонскую публику, исполняя песни, танцуя и играя на скрипке. Это представление было очень популярно, и даже превзошло популярность «готтентотской Венеры с большим задом». Венера или Сартье Баартман была 137 сантиметровая женщина, которую из Южной Африки привез английский бур. Ее показывали на сценах Парижа и Лондона в течение пяти лет. Венера была доставлена на первое представление в клетке как дикое животное[6]. Наиболее шокирующий показ представителя северных народов состоялся в 1897 г., когда известный американский полярный исследователь Роберт Пири привез в Нью-Йорк шесть гренландцев и выставил их на показ в музее. Четверо из них умерли от болезней, оставшихся двоих поместили в экспозиции скелетов. Только один из них вернулся в последствии домой. После его отъезда в Нью-Йорке остался сын-сирота, Миник. Он вернулся на историческую родину уже взрослым, но не смог адаптироваться к условиям родного края[7]. У жителей Лапландии тоже была возможность увидеть экзотических представителей. Так в газете «Руйян Суомалайнен лехти» за номером 9 от 1926 г. можно прочитать объявление: «Приходи посмотреть на двух африканских женщин, которые поют и танцуют национальные танцы». В газете были нарисованы две черные женщины. Говорили, что женщины приехали из Южной Африки.

Когда в 1822 г. в Лондон привезли саамов, их не сажали в клетку, но они смогли собрать 58 тыс. зрителей за шесть недель. Здание, в котором показывали саамов, находилось в центре Лондона, на Пиккадилли. Его называли Египетским Холлом, потому что аркитектор, спланировавший сооружение, восхищался египетскими пирамидами. Этот художественный зал был построен в 1812 г. и считался частным музеем. В начале он принадлежал ювелиру из Шеффильда, а затем переехавшему в Лондон Вильяму Баллоку (1795–1840), известному естествоиспытателю и коллекционеру. Баллок был известен благодаря своим редким экспонатам, которые он выставлял на экспозиции курьезов. В начале XIX в. в Лондоне насчитывалось несколько таких неординарных выставок, многие из которых открывались в Зоопарке. Возможно, от того, что основными экспонатами там были животные[8]. На выставках саамов олени были важной частью экспозиций.

В Швеции тоже демонстрировали саамов. В 1823 г. в Стокгольме на выставке был представлен саам-лилипут меньше метра ростом, о котором говорили, что он преодолел путь от мыса Нордкапа до Стокгольма на лыжах. Весной все стремились в Стокгольм посмотреть на саамскую девушку, рост которой составлял 190 см. Мать девочки утверждала, что такой рост был вызван ее собственном испугом от тени во время беременности. Эта девушка посетила в составе других саамов выставку в Берлине.

В Великом княжестве Финляндском, которое тогда входило в состав Российской империи, подобных показов было мало. Парочка финских торговцев с востока Финляндии привезла на выставку в Турку и Петербург оленей. Впоследствии выставка оленей продолжалась во дворе усадьбы купца Харитона Чушина в пригороде Петербурга в течение нескольких дней. В выставочном кортеже было три саама, двое мужчин и одна женщина[9]. В 1840-е гг. финские саамы посетили Стокгольм, где показывали свои навыки катания на лыжах. В эти же годы в Хельсинки проводились соревнования на оленьих упряжках, в 1859 г. олень появился в Хельсинкском цирке. Можно привести также случай 1730-х гг,. когда известный француз Пьер-Луи Моро де Мопертюи после экспедиции по Лапландии вернулся из Торнио с двумя девицами, которых впоследствии демонстрировали как «лапландок». Рассказывали, что женщины после всех мытарств подались в монастырь.

Этнографический интерес к саамам возрос в 70-е гг. XIX в. Например, в Берлине в 1875 г. удивление вызывала саамская семья, с оленями, собаками, лыжами и утварью. В том же году четверо саамов с приграничной шведско-финляндской территории были представлены Берлинскому антропологическому обществу. В то же самое время в обществе организовали антропометрию головы, начатую в 1870-х гг. В Стокгольме антропометрия головы производилась уже в 1860-х гг. Густав фон Дюбен, который собрал исторический опус о шведских лапландцах «Om Laypland och Lapparne» (1873), начал свою научную деятельность именно с измерения параметров человеческого черепа.

В Финляндии увлеклись исследованиями человеческого черепа в 1880-е гг. Поводом для проявления интереса к расовой классификации в Финляндии послужило предположение происхождения финнов от монголоидной расы. Самое крупное исследование черепов было проведено в Финляндии в 1924 г., когда профессор анатомии Хельсинкского университета Юрьё Каява начал собирать вместе со студентами медицинского факультета коллекцию черепов по всей Финляндии. Они собрали 8 тыс. черепов, в коллекцию входили 96 черепов саамов. В 1934 г. экспедиция откопала черепа из могильников на озере Инари в Лапландии, чем шокировали местных жителей. Черепа саамов были возвращены в могилы в 1995 г.

Очевидно, что и во Франции организовывали выставки саамов. Осенью 1878 г. в Париж привезли через Турку и Гамбург десять саамов и с ними оленей. Иллюстрированная научная французская газета «La Nature» опубликовала через год после проведения выставки огромную статью о них. Местом для выставки было выбран парк отдыха в Булонском лесу в 16-ом округе Парижа. Саамов представлял публике господин М. Жоффруа Сент-Илер.

Широкая экспозиция домашней утвари, посуды, сумок, оружия, одежды, украшений и средств передвижения дополняла выставку саамов и оленей. В статье особенно подчеркивалось оформление одежды оленеводов и роль оленей в жизни саамов. Благодаря выставке, у французов сложилось впечатление о саамах, как об особенном народе Севера, отличающемся от инуитов. В журнале «La Nature» утверждалось, что у саамов нет чувства единой нации, они проживают на территориях Норвегии, Швеции и Финляндии, и они совсем не интересуются политикой[10]. Большой интерес французов к Лапландии подтверждает то факт, что племянник Наполеона, принц и антрополог Робер Бонапарт посетил эту территорию в 1885 г. В 1895 г. в Париже был показан спектакль «Les Enfants du Soleil de minuit», в котором актеры, одетые в саамские костюмы, пели, танцевали и играли на фоне кулис с лапландским пейзажем. В саамские

одежды одевались не только актеры. Карл фон Линней, Мопертюи и Робер Бонапарт заказывали картины, на которых они были изображены в саамских костюмах. Костюмы были такими же сувенирами, как и предметы саамского быта и олени, которых привозили к парижскому двору уже в XV в.

Рисунки, а позднее и фотографии являются важной составляющей в поиске места саамов на карте рас. Даже самые ранние путевые заметки сопровождались рисунками. Уже упоминавшийся в этой статье Олаус Магнус, в своем произведении середины XVI в., а также шведы Йоханнес Шефферус в произведении «Lapponia» (1673) и А.Ф. Щёлдебранд в произведении «Voyage pittoresque au Cap Nord» (1801–1802) дают достаточно много информации о саамах в картинках. На этих рисунках почти всегда изображены оленеводы-номады, а не другие группы саамов. Огромное значение для выработки стереотипа было и у рисунков других европейцев из южной и центральной Европы.

В XIX в. в Финляндии появились иллюстрированные книги, инспирированные национализмом, и дававшие представление об особенностях племен, живущих в разных частях Финляндии. Лапландия на них была неизменно представлена как страна тундр и полуночного солнца.

Лапландия для французов, а также для других европейцев означала знакомство с экзотическим, северным народом, с их своеобразной и не похожей ни на что культурой. С другой стороны, Лапландия привлекала пейзажами и климатом, которые очень удачно подходили к романтическим и категоризирующим метафорам, изобразительным средствам и художественным понятиям литературы XIX в.[11] Английский путешественник Баярд Тайлор написал в своей книге «Northern Travel» в 1858 г., что ничто не сравниться ни в Италии, ни в тропиках с красотой полярного неба[12]. В Финской Лапландии сопка Аавасакса недалеко от Торнио стала местом поклонения летнему солнцу. Первые туристы с удовольствием забирались на нее.

Надо заметить, что показ саамов на выставках и знакомство с жизнью народа не обязательно имело расистский характер. В европейских метрополиях к саамам не относились уничижительно, но все же показы в XIX в. были связаны с учением о расах и имели колонизаторские тенденции. К семье Холма во время их визита в Лондон относились как к развлечению и симпатичному курьезу, но в конце века атмосфера усугубилась в связи с ростом расовых предрассудков в Англии[13].

Культуролог и социолог Стюарт Холл представил различные стереотипы, в которых «черные» фигурирует в мире развлечений. Основой для таких расовых стереотипов или, как их называл Холл, «систем расовых репрезентаций» было три основных типа: раб, обслуживающий хозяев, непорочный абориген и глупый шут[14]. Два последних типа в квалификации подходили для описания места саамов в научной и художественной литературе, а также в репрезентациях мира развлечений.

Так как этничность является всегда соотношением, то для финнов определение места саамов среди рас в XIX в. неожиданно стало проблематичным. Для поиска саамам места на карте рас необходимо было обозначить также и финский идентитет. Хотя Буффон уже отнёс финнов к европейской нации, а саамов к так называемой полярной расе, но с этой точкой зрения не были согласны ведущие немецкие исследователи XIX в. Сам И.Ф. Блуменбах, «отец антропологии» и его последователи, в том числе антрополог Рудольф Вирхов, доказали, что финны относятся к монголоидной расе. Вирхов проделал свои исследования параметров черепа в Финляндии в 1874 г. и на основе этих исследований отнес финнов к расе более низкой, чем немцы, некоторые финны, согласно полученным результатам, были подобны животным.

Вирхов утверждал, что саамы – это дегенерировавшие финны. Известный французский исследователь-антрополог Жан Луи Арман Катрфаж де Брео относил финнов к монголоидной расе и раздражал немцев своим утверждением, что прусаки также относятся к монголоидной расе, согласно исследованиям черепа. Известный французский расовый теоретик Жозеф Артур де Гобино причислял финнов к расе рабов, более низкой, чем германцы[15].

С позиции все усиливающегося финского национализма утверждение о причастности к монголоидной расе и сравнение с «отсталыми и смешными» саамами становилось неприятным. Часть финских ученых утверждала, что монгольская кровь проникла в финнов через саамов. Другие ученые, в свою очередь, пытались отвергнуть все эти утверждения и разработали новый расовый тип – «восточно-балтийский», к которому, по их мнению, принадлежали финны.

В 1920–1930-е гг. суждение о принадлежности финнов к монголам стало терять свою силу. Финская исследовательница-историк Аира Кемиляйнен считала, что финские ученые в своих трудах придерживались все-таки «значимости и научности», невзирая на эти утверждения. Согласно Кемиляйнен, финны, как и саамы, стали жертвами расизма южных и центрально-европейских антропологов[16].

Выставки с показом саамов организовывались в Финляндии в 1910 г. и 1936 г., но они приняли уже совсем другой характер, чем в XIX в. В 1936 г., например, в Хельсинки прибыла большая делегация саамов, о которой сделали документальный фильм. Об атмосфере того времени свидетельствует большая парижская выставка «Колония», на которой были представлены этнические группы французских колоний и культура этих народов. Большая группа саамов, направившаяся в Хельсинки, больше не была цирковой – это были представители своего народа и культуры: из сомнительной «саамской расы» они превратились в привлекательную этническую группу. В 1920–1930-е гг. информацию и документы о саамах собирали для архивов и музеев достаточно активно с той мыслью, что саамская культура скоро исчезнет. В Хельсинки так называемые друзья Лапландии создали в 1932 г. объединение – Просветительский Союз Лапландии, в поддержку саамской культуре. Собственную организацию саамы основали в 1945 г.

Если сравнивать положение финнов в XIX в. на самых отдаленных северных территориях с положением саамов, то и здесь есть различия в зависимости от того, в какой стране эти сравнения проводились. В Северной Норвегии, куда финны в большом количестве мигрировали в течение XIX в., особенно в 60–80-е гг. XIX в., финнов считали более высокой по развитию группой в сравнении с саамами, но более низкой в развитии, чем сами норвежцы. Так же было и в Швеции, куда финны начали переселяться уже в XVIII в. Финнов причисляли к более низкой расе, наряду с саамами. Замечание о том, что этническая классификация следует за классовой[17], в этих случаях абсолютно верно. Финское меньшинство, как и саамы, относилось в Северной Швеции к беднейшим слоям и являлось наименее грамотной группой населения.

Ситуация в Северной Финляндии не отличалось от описанной выше. XIX в. в Финляндии проходил под знаком сословных отношений с присущей им строгой иерархией. В Северной Финляндии положение простых финнов не отличалось от жизни саамов. Таким образом, утверждения о том, что принадлежность к превалирующей нации дает более высокий статус, не были верны. Известный финский этнограф Матиас Александр Кастрен в своих путевых заметках 1830–1840-х гг. не раз отмечает, что лапландский люд (имея в виду финнов) – грязный и глупый. Он употребляет те же эпитеты, что и в отношении саамов в XIX в. в немецких толковых словарях, где описывали саамов грязными и глупыми, но гостеприимными и отважными. Возможно, Кастрен был под влиянием теории дегенерации. Он негативно отозвался однажды о саамском рыбаке, который так долго прожил с финнами, что утратил «свою национальную принадлежность и собственное лицо»[18]. В поисках «истинного саама» исследователь критично оценивал ассимиляцию финнов и саамов – что в XIX в. было уже достаточно распространено в Финской Лапландии. «Расовая чистота» объекта исследования была самым минимальным, чего требовали этнографы и антропологи XIX столетия. «Уникальность» искали в стереотипах и внешних признаках.

Каково же было значение саамских выставок в XIX в.? Абсолютно очевидно, что путешествия саамов в европейские метрополии расширило знания о Лапландии. Саамы, отправлявшиеся в путь, были своего рода рекламными щитами северных регионов. С другой стороны, выставки укрепили сложившиеся о Лапландии и о саамах стереотипы. Отправлявшиеся на выставки саамы были в основном оленеводами-кочевниками, которые представляли лишь небольшую группу всех саамов. Большая часть саамов северных европейских территорий обосновалась на местах и больше не кочевала и впоследствии интегрировалась с доминирующим населением. Они одевались, говорили и вели образ жизни, свойственный местному населению. Выставки способствовали развитию интереса у южных и центрально-европейских ученых к происхождению саамов, их расовым корням и их культуре. Для финнов же расовый вопрос был достаточно щепетильным из-за утверждения о монголоидном происхождении, поэтому дискуссия о расах не получила должного внимания, как это было в «германской» Швеции. На рубеже XIX и XX вв. дискуссия о месте саамов в расовой классификации и их сравнении с финнами объясняет то, что отношения между доминирующим населением и саамами в Финляндии не являются столь напряженными, как в Северной Норвегии и Северной Швеции.

Примечания

[1] О расовой теории см., например: *Kemiläinen A.* Finns in the Shadow of the «Aryans». Race Theories and Racism. Finnish Historical Society. Helsinki. 1998. P. 54–57; О понятии «раса» см.: *Hylland E.T.* Ethnicity and Nationalism. L., 2002. P. 5–7.

[2] *Hylland E.T.* Op. cit. P. 23–25.

[3] В 2007 г. саамы насчитывали 70 тыс. человек: в Финляндии их проживает около 7 тыс., в Северной Норвегии около 40 тыс. человек, в Северной Швеции около 20 тыс. и на Кольском полуострове в России около 2 тыс. саамов.

[4] *Lähteenmäki M.* The Peoples of Lapland. Boundary Demarcations and Interaction in the North Calotte from 1808 to 1889. Finnish Academy of Sciences and Letters. Humaniora 338. Helsinki. 2006. P. 203.

[5] *Clarke E.D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Vol. 9–10. Scandinavia. T. Cadell . L,. 1824; *Andelin A.* Kertomus Utsjoen pitäjästä. Suomi 1858. P. 201.

[6] *Hall S.* The Spectacle of the 'Other'. In: Representation Ed. Stuart Hall. Sage & Open University. L., 1997. P. 264–269.

[7] *Harper K.* Give me my father's body. The life of Minik, the New York Eskimo. Washington Square Press. N.Y., 2001.

[8] См. http://bildmuseet.umu.se/pressbild_manniskor_i_norr.html; Lähteenmäki M. Terra Ultima. A Short History of Finnish Lapland. Otava; Helsinki., 2006 . P. 23.

[9] Htpp://cartelen.louvre.fr/cartelen/visite?srv=rs_liste

[10] *Taylor B.* Northern Travel: Summer and Winter Pictures of Sweden, Denmark and Lapland. Putham. N.Y., 1858. P. 80.

[11] См.: *Jackson P., Penrose J.* Construction of Race, Place and Nation. 1991.

[12] Hall 1997. P. 270–274.

[13] *Isaksson P., Jokisalo J.* Kallonmittaajia ja skinejä. Rasismin aatehistoriaa. Like. Helsinki., 1999. P. 126–127.

[14] *Kemiläinen A.,* Suomalaiset, outo pohjoinen kansa. Helsinki,1993.

[15] См.: *Hylland E.* Op. cit. P. 7–8.

[16] *Lähteenmäki M.* Op. cit. P. 206.

[17] См.: *Hylland E.* Op. cit. P. 7–8.

[18] *Lähteenmäki M.* Op. cit. P. 206.

© 2009 г. М.В. ПУЛЬКИН*

ЕВРЕИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ: проблема адаптации (конец XIX – начало XX в.)

В 1835 г. в российской истории произошло событие, на многие десятилетия предопределившее судьбы евреев, – была учреждена черта оседлости, сельские поселения евреев отныне существовали отдельно от мест проживания людей другой веры. Запрет покидать территории, вошедшие в черту оседлости, не распространялся лишь на евреев – купцов 1-й гильдии, лиц с высшим образованием, средний медицинский персонал, востребованных местным населением ремесленников определенных специальностей[1]. Только при наличии этих условий евреи могли проживать в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губ. Пребывание их в Петрозаводске, Вологде, Архангельске, ряде других городов Европейского Севера России связывалось с постоянным контролем над их деятельностью, требованиями доказать (главным образом, успехами на профессиональном поприще) необходимость своего пребывания в этом регионе и характеризовалось настороженным отношением к ним местного населения, антисемитскими кампаниями в прессе. Эти проблемы в исторической литературе на получили удовлетворительного освещения[2].

Целью данного исследования является анализ путей, способов и форм адаптации еврейских общин на Европейском Севере России. Территорией исследования стала особая часть культурного пространства Евразии, отличавшаяся длительным мирным сосуществованием финно-угорских и русского этносов. Появление на этом пространстве евреев стало следствием ряда случайностей, небольших послаблений в российском законодательстве, настойчивости некоторых представителей еврейского народа.

В целом в России к концу XVIII в. оказалось больше половины всех евреев Европы[3]. На рубеже XIX–XX вв., по данным переписи 1897 г., их здесь насчитывалось 5.3 млн, что составило 4.15% всего населения страны (по численности пятое место среди народов Российской империи).

* **Пулькин Максим Викторович,** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Подавляющее большинство представителей этой национальности (99.6%) составляли ашкенази, жившие в Польше и западных губерниях России[4]. Их размещение на территории страны оставалось специфичным. Все пространство России вне черты оседлости, открытое для иностранцев всего мира, в XIX – начале XX в. было по-прежнему закрыто для русских евреев. В начале XX в. в Архангельской губ. их насчитывалось 252 человека (0.08% от общей численности населения), в Вологодской – 425 (0.03%), в Новгородской – 4 740 (0.35%), в Олонецкой губ. 403 (0.11%). Значительно большим было количество евреев в Санкт-Петербургской губ. – 21 270 человек (1.02% от общей численности населения)[5]. Следует отметить однако, что определение точного числа проживающих на той или иной территории евреев сильно затруднено. Одни из них изо всех сил стремились закрепиться в городах Европейского Севера, но местные власти, руководствуясь законом, всячески им препятствовали. Другие попадали на эту же территорию не по своей воле, а по приговору суда. Ряд северных губерний, в частности, Архангельская и Вологодская, стали в конце XIX – начале XX в. местом ссылки многих десятков революционеров, среди которых процент евреев был довольно высок. Многие из них находились на Европейском Севере временно, на полулегальном положении. В статистику не попадали те, кто был сослан на Европейский Север за участие в революционной деятельности[6].

Положение большинства лиц этой национальности за чертой оседлости определял закон от 28 июня 1865 г. Механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам из их числа дозволялось проживать «повсеместно вне черты, для постоянной оседлости евреев назначенной». Молодежи (не старше 18 лет) разрешалось приезжать в местности, «лежащие вне упомянутой черты, для обучения мастерствам»[7]. В конечном итоге, как указывал один из современников, сложилась такая ситуация, при которой «еврей живет только милостью начальствующих лиц»[8]. В соответствии с циркулярами МВД, за проживающими в городах, находящихся за чертой оседлости, устанавливался полицейский надзор. Дискриминационная политика в отношении этой части населения привела к образованию группы евреев, воспользовавшихся выборочной интеграцией и создавшей в столице империи самую большую и влиятельную еврейскую общину в России[9]. Более того, Петербург стал «своеобразной лабораторией выборочной интеграции» евреев в российское общество[10]. Вместе с тем политика российской власти, вызывая «крайнюю скученность еврейского населения в городах оседлости», создала «класс озлобленного ... еврейского пролетариата», включившегося в революционное движение[11].

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. «власти стали проводить политику очищения внутренних губерний от евреев»[12]. Однако результатов достичь не удалось. В циркуляре Министерства внутренних дел России (март 1904 г.) указывалось, что правительственные меры, принимаемые для выселения евреев за черту оседлости, привели к активизации деятельности местных властей в этом же направлении, что вызвало поток жалоб в правительственные инстанции на тяжелые последствия для выселяемых мер, принимаемых губернскими властями. Циркуляр предписывал «приостановиться выселением евреев», неправильно, по мнению центральной власти, поселившихся в местах их настоящего жительства, в случае, если «оставляемый на жительство в местности ему запрещенной, не вреден для общественного порядка и не вызывает неудовольствия со стороны населения, среди которого он проживает»[13]. Для оценки ситуации министерство не смогло разработать четкие критерии. Как говорилось в циркуляре, «давность незаконного поселения не может создавать для евреев никакого права». Но «факт этот сам по себе есть явление жизненное, реальное, создающее известные последствия». Губернаторам предписывалось «приостановить, впредь до пересмотра в законодательном порядке общего вопроса о праве жительства евреев», выселение всех тех, кто имел право проживания за чертой, но затем утратил его, а также тех, кто «имеет семью и домообзаводство». В то же время циркуляр предписывал ужесточить контроль за вновь прибывающими евреями[14]. Неразбериха в ограничении прав сохранялась и на местах. Так, согласно Уставу о паспортах, на полицейские управления возлагалось решение вопроса о временном пребывании евреев за чертой оседлости. Разрешение постоянного их проживания в городах Европейского Севера и Сибири, а также выселение за черту оседлости законодатель отнес к обязанности губернских правлений. Однако в Архангельской губ. в начале XX в. обнаружилось, что «полицейские управления разрешают не только временное пребывание, но и постоянное жительство евреям» и при этом «дают разрешение лицам, или не имеющим на то никакого права, или же не предоставившим всех требуемых законом документов»[15]. Архангельский губернатор в связи с этим распорядился требовать от каждого прибывающего в губернию документы, «удостоверяющие его право на оставление черты оседлости». Не имеющие таковых подлежали немедленной высылке «в место приписки»[16].

Профессии городского еврейского населения на Севере России были те же, что и в Восточной Европе: портные, сапожники, представители свободных профессий: врачи, фармацевты, адвокаты[17], изготовители инструментов часов, драгоценностей.

Перепись населения 1897 г. (фонд губернского правления)[18] свидетельствует о том, что торговлей занимались большей частью отставные солдаты и их родственники из числа евреев. Те и другие по закону имели право жить за чертой оседлости. Популярными были также шляпное и шапочное, чулочное, реже – слесарное, красильное ремесла, парикмахерское искусство, починка резиновых вещей. Один еврей работал адвокатом. Спичечной фабрикой в Петрозаводске также владел еврей. Повсеместно евреи жили на съемных квартирах, не обзаводясь собственным жильем.

Местное население, пользуясь услугами евреев-ремесленников, скупщиков и торговцев, за небольшими исключениями, не поддерживало антисемитские настроения. По мнению современника событий, известного деятеля либерального направления в социологии и экономике М.И. Туган-Барановского, «в глазах крестьян, только по религиозным соображениям, еврей не земляк, а чужак, но вовсе не враг»[19]. В некоторых случаях евреи, живущие за чертой оседлости, становились жертвами экономической политики властей. Об этом свидетельствуют материалы дела о выселении А. Штензата из Петрозаводска в 1864 г. Поселившись в городе в 1862 г. он развернул торговлю «разными галантерейными вещами», уплатил все причитающиеся сборы и надеялся на успех своей коммерции. Впоследствии он писал: «Торговля производилась по большей части на доверие и кредиты и окончательно меня разорила, так что я в нынешнем 1862 г. собирал долги, но всех не успел собрать, между тем петрозаводская полиция выгнала меня насильно из г. Петрозаводска»[20].

Трудности возникали и у других торговцев. Так, в 1891 г. податной инспектор Петрозаводского участка совместно с членами торговой депутации представил в Олонецкую казенную палату протокол, в котором указывалось, что один из местных евреев – мещанин И.К. Свирский – занимается торговлей часами и другими изделиями, носящими «характер фабричного производства»[21]. Осмотр мастерской Свирского членами торговой депутации подтвердил обвинения. Купцы, входящие в нее, стремились таким способом избавиться от конкурента. Однако вывод, представленный в журнале губернского правления, оказался неожиданным: обнаружились владельцы всех найденных часов, сдавшие их «для выверки и получившие после выверки обратно». Представленные в лавке стекла и ободки для очков «покупаются им, Свирским, по просьбам здешних докторов, так как в Петрозаводске не имеется специального оптического магазина». «Таким образом, производство часовых дел мастером евреем Свирским торговли изделиями не своего ремесла не подтверждается». Дело удалось закрыть[22].

Евреи быстро осваивали новые виды деятельности, опережая своих потенциальных конкурентов. Присущая им инициатива сдерживалась местными чиновниками, которые опирались, с одной стороны, на закон, а с другой – на нежелание местных торговцев мириться с присутствием конкурентов на небольшом местном рынке. В 1913 г. Олонецкое губернское правление рассматривало дело о прибывшей в Петрозаводск из Гродно мещанке, мастерице «шляпного ремесла» Б. Роговской. При рассмотрении дела выяснилось, что она владеет профессией модистки, три года работала в варшавской мастерской дамских шляп «и знает ремесло отлично», но решение, вынесенное губернским начальством, оказалось неблагоприятным для модистки, поскольку она не имела всех необходимых документов. Роговской пришлось уехать из города[23]. Отдельные должностные лица не жалели сил для создания атмосферы подозрительности вокруг еврейских сообществ, то и дело выдвигая различные обвинения в их адрес. Так, в 1877 г. начальник Олонецкой губернской жандармерии обратился в губернское правление с отношением о незаконном пребывании в Вытегре братьев Раскиных, Моисее и Янкеле, имеющих цеховые свидетельства и выполняющих заказы местных жителей по пошиву обуви. Решение губернского правления оказалось не в пользу братьев. Выяснилось, что в их паспортах имеются неточности, которые не позволяют им находиться за чертой оседлости[24].

В 1892 г. вологодская ремесленная управа занялась изучением профессиональных занятий евреев-ремесленников, «чтобы удостовериться, действительно ли они занимаются предоставленными им ремеслами». Оказалось, что многие не только не занимаются ими, но и торгуют «готовыми привозными товарами», что категорически запрещалось. Итогом рассмотрения дела в губернском правлении стало предписание о выселении нескольких евреев с семействами из Вологды[25]. Исключения из общих правил были редкими. Так, в 1888 г. отстояли свое право жить в Архангельске братья Айзенберги, поскольку все они являлись сыновьями «отставного рядового, отбывшего военную службу по-прежнему рекрутскому уставу», и по закону свободны в выборе места жительства[26].

И все же ситуация вокруг переселенцев из-за черты оседлости постепенно менялась, становясь значительно менее жесткой. Так, в 1908 г. в Вологде полицейское управление обнаружило двух евреев-приказчиков, действующих от имени купцов 1-ой и 2-ой гильдий, живущих в черте оседлости. Управление подчеркивало, что нарушения действующих законов не происходит. Евреи – купцы 1-ой и 2-ой гильдий имеют право приезжать во все города «внутренних губерний» для торговли и промыслов «без ограничения числа таких приездов с тем лишь, чтобы временное их там пребывание в общей сложности не превышало: первых – шести, вторых – трех месяцев ежегодно». В случае «невозможности лично отправиться во внутренние губернии империи», евреи могли присылать своих приказчиков[27]. Случаи выселения евреев становятся более редкими. Значительно чаще, чем изгнание, применялся запрет торговать предметами «не своего ремесла». На практике это означало существенные ограничения для ремесленников, намеревающихся развивать свое дело, сочетая его с торговлей. Так, отвечая на прошение прибывшего из Орши – часовых дел мастера П.М. Года, Архангельское губернское правление отмечало: согласно закону, евреям «разрешается проживать вне черты еврейской оседлости, но под условием действительного занятия своим мастерством». Проситель представил все необходимые документы и, следовательно, имеет право проживать в Архангельске. В то же время открыть часовой магазин губернское правление не позволило, поскольку евреям разрешается торговля только изделиями их мастерства[28].

В 1914–1915 гг. ряд абсурдных историй был связан с подрядами на поставки строительных материалов для строительства железной дороги, проходящей через Олонецкую губ. В 1914 г. к олонецкому губернатору обратился петербургский купец 1-й гильдии Давид Мезель с просьбой разрешить ему использовать для заготовки шпал своих подчиненных, специально обученных этой работе, и разрешить «сим лицам беспрепятственно проживать в местах производства и обработки шпал, в пределах Олонецкой губ., на время производства сих работ»[29]. В ответе Олонецкого губернского правления говорилось, что евреи, являющиеся приказчиками купца 1-ой гильдии Мезеля, могут находиться при своем руководителе, но существующие нормы не позволяют использовать приказчиков «для наблюдения за подрядами, взятыми во внутренних губерниях или для управления этими подрядами». В связи с чем прошение было оставлено без удовлетворения[30].

Практика принудительного выселения вновь распространилась лишь незадолго до начала Первой мировой войны. Местная администрация решала все вопросы, связанные с пребыванием евреев за чертой оседлости, предельно жестко и в ускоренном порядке. Так, в 1915 г. в губернское правление обратился прибывший из Владивослова М. Гурвич. Он просил о разрешении временно, на 2–3 месяца, остаться в Архангельске, поскольку его родной город разрушен неприятельскими войсками. Ответ оказался беспощадным: выселить Гурвича «в выбранную им местность в черте оседлости, дав ему недельный срок для устройства своих дел»[31]. Иногда основанием для выселения становилось отсутствие полного комплекта документов: в этом же году из Архангельска был изгнан М. Майстерман в связи с отсутствием у него «свидетельства о несудимости»[32].

Подводя итоги, можно отметить, что одним из основных направлений деятельности власти в вопросе о хозяйственной деятельности евреев стало сдерживание их предпринимательской инициативы. Анализируя ситуацию начала XX в., Туган-Барановский писал: «На сегодняшний день в обыденном представлении насаждается вера в то, что вражда к евреям разжигается с согласия правительства»[33]. В современной литературе высказывается мнение о том, что таким образом устранялся самый опасный и эффективный конкурент местного купечества[34].

Однако можно говорить и об ином аспекте данной проблемы: еврейское население в XIX – начале XX. вв. стало объектом масштабного социального эксперимента. Царское правительство «рассматривало его преимущественно как религиозную общность, призванную служить источником для удовлетворения нужд остального населения»[35]. Таким образом, с одной стороны, снижалась напряженность, неизбежно возникающая при появлении новой этнической группы, с другой – сами евреи были поставлены в такие условия, когда учет интересов большинства населения становится решающим фактором социальной адаптации.

Еврейские переселенцы столкнулись в городах Европейского Севера России с необходимостью создания своих общинных институтов с нуля, «будучи удалены от вековых традиций, стоявших за старыми еврейскими центрами, такими, как Вильна, Люблин и Бердичев»[36]. Но и в этих условиях подавляющее большинство евреев сохраняло религию своих предков. Это вполне объяснимо. «Инстинкт выживания в чуждом окружении заставлял консолидироваться вокруг некоего центра, роль которого выполняли общинные институты: молитвенные дома, духовные и хозяйственные правления»[37]. Повсеместно за чертой оседлости небольшие группы евреев стремились

создавать религиозные общины. Так, во второй половине 1860-х гг. в большинстве сибирских губерний (Томской, Иркутской, Енисейской) уже были открыты синагоги и молитвенные дома, где состояли «казенные» раввины[38].

Религиозная жизнь быстро растущих еврейских сообществ стала объектом законодательной регламентации. Устав духовных дел иностранных исповеданий позволял им «отправлять общественные молитвы и богомолие» исключительно «в особых зданиях, для сего определенных». Каждое «молитвенное сообщество» обязывалось избирать правление, состоящее из раввина, старосты и казначея. В обязанности раввина входило «объяснять в известных случаях сомнения, касающиеся богомоления и обрядов веры», «совершать обряды обрезания и наречения имен младенцам, бракосочетания и расторжения браков». Он являлся «блюстителем и толкователем еврейского закона» и в то же время был обязан «направлять евреев к соблюдению нравственных обязанностей, к повиновению общим государственным законам и установленным властям». Староста наблюдал за порядком в синагоге, собирал пожертвования. Казначей вел приходо-расходные книги. Там, где бедность евреев не позволяла им иметь особого раввина, по закону разрешалось «причисляться к ведомству раввина ближайшего города»[39].

Наиболее ранние свидетельства о формировании еврейской общины связаны с Архангельском. Упоминание о ней в документах полицейского управления этого города относится к 1828 г.[40] До 1857 г. в городе существовало два еврейских общества и два раввина из числа военнослужащих: в морском и в сухопутном ведомствах. Раввинов в этот период избирали из числа военнослужащих по приказу командира и с учетом мнений верующих[41]. Негативно относясь к еврейским сообществам, выдвигая в их адрес обвинения в ритуальных убийствах, власти, тем не менее, заботились о формировании еврейских религиозных общин для евреев-военнослужащих, отправленных для прохождения службы в гарнизоны северных городов. Лишь позднее, в 1880–1890 гг., иудейские общины стали пополняться приезжими евреями, имеющими разрешение на проживание за пределами черты оседлости. Так, синагога в Архангельске появилась лишь в 1899 г.: она была возведена на средства купца И. Биндера[42].

Религиозная жизнь еврейских сообществ сталкивалась с препятствиями. Отсутствовала подготовка раввинов, возникали трудности при открытии синагог, непростой задачей стало сохранение языка.

Евреи, служащие в городских гарнизонах, нередко становились основой для еврейских общин в городах Европейского Севера. Так, в документах Вологодского губернского правления сохранились свидетельства о существовании в Вологде еврейской общины, начиная с 1840-х гг. При этом известно, что местное начальство в течение ряда лет выдавало военнослужащим иудеям деньги «на наем отдельного помещения для молитвословий на время двух праздников: Пасхи и Кущи»[43]. Религиозные обряды, в частности обрезание, с 1857 по 1873 г. исполнял «за неимением казенного раввина», местный еврей мещанин Я.Т. Куперштейн, он же вел метрические книги. Судя по прошению евреев – отставных солдат Вологодского батальона, составленному в 1892 г., еврейские обряды «отправлялись при молитвенном еврейском доме исправно»[44]. Однако в дальнейшем богослужение и исполнение треб по невыясненным причинам прервалось.

Примером возникновения сложностей в деле исполнения иудейских обрядов может послужить дело Ицко Гуревича, некоторое время исполнявшего обязанности раввина и учителя еврейской грамоты в Петрозаводске. Для богослужений евреи, имеющие право проживания в Петрозаводске, приобрели дом, в котором разместилась молельная. Из-за отсутствия казенного раввина они избрали на эту должность виленского мещанина Ицко Гуревича, которого считали «по образу жизни и способностям своим» «вполне достойным этого звания», поскольку у Гуревича имелось «на право исполнения духовных треб по еврейскому закону от казенного раввина свидетельство»[45]. В течение 9 лет Гуревич совершал требы и другие обряды не только в губернском, но и в других городах Олонецкой губ., «где в уездных командах состоят на службе женатые нижние чины из евреев и у которых рождаются дети»[46]. Все это время Гуревич жил за счет «еврейского общества». В 1872 г. ситуация изменилась в худшую сторону: ему пришлось покинуть Петрозаводск по распоряжению губернского правления в связи с тем, «что он не занимается здесь никаким мастерством, хотя он и знает точильное мастерство, но как будучи избранным к исполнению обязанностей раввина и к обучению детей еврейской грамоте, то потому оставил означенное занятие»[47].

Новые подробности, связанные с религиозной жизнью в Петрозаводске, известны из прошения 1877 г. проживающих там евреев. Как говорилось в документе, в Петрозаводске «находится всех нас обоего пола на настоящем жительстве до 150 человек, … и до 150 человек в городах и в уездах Олонецкой губ.». Раввина в губернии нет, «и средств для содержания раввина тоже». Ранее все необходимые обряды исполнялись «из нашей среды человеком, знающим в теоретиче-

ском и практическом отношениях» (имелся в виду Гуревич), но теперь такая возможность утрачена. Между тем необходимость в раввине или его помощнике назрела. Во-первых, метрические книги должен вести еврейский священнослужитель: «в настоящее время у некоторых из нас родились дети мужеского пола, над которыми обряд обрезания, как бы следовало по закону Моисееву, на восьмой день не исполнен» и даже «имена им не наречены». Во-вторых, «может встретиться важный случай, например, кто-либо умрет; кто же тогда исполнит последний долг погребения над умершим?». В ответ губернское правление, сославшись на принятые ранее решения, вынесло по делу негативное заключение из-за недостаточной численности евреев, проживающих в Петрозаводске. Для избрания раввина, согласно закону, количество евреев должно достигать 1 тыс. человек[48].

В 1870–1890 гг. в городах Европейского Севера формируются еврейские общины, которые активно отстаивали права на регулярное отправление религиозных обрядов. Из-за большого числа евреев – политических ссыльных, длительное время проживающих в Архангельской губ., иудейские общины появлялись даже в малых городах. Так, в 1870 г. пинежский уездный исправник установил, что во вверенном ему городе состоит «частию под надзором полиции, частию на жительстве» 28 евреев обоего пола. Исправник ходатайствовал перед губернатором о разрешении пинежским евреям избрать раввина и собираться для богослужений. Правление разрешило собираться в одном из занимаемых ими домов под наблюдением благонадежного товарища, избранного для отправления должности раввина[49]. В 1875 г. евреи, проживающие в г. Онеге, избрали раввином местного ссыльного Цигеля Фишера «для исполнения им религиозных обрядов» и ведения метрических книг. В Холмогорах обязанности раввина исполнял Хаим Либерман, в Шенкурске на эту должность «избран из среды евреев Лейба Надецкий. В Кеми вел метрические книги, совершал обряды и выполнял прочие обязанности раввина П. Лейдервудер[50]. В г. Коле раввина не было, и единственный проживающий в нем еврей Савич со своим семейством «исполнял молитвословие» в своей квартире[51]. В 1874 г. при избрании раввина в городе Мезени «еврейское общество» раскололось на две «партии», каждая из которых предлагала собственного кандидата. В итоге вопрос решило губернское правление, избрав из двух претендентов того, которого поддержало большинство местных евреев[52].

В 1888 г. архангельские евреи, собравшись в синагоге, приняли решение найти «законного раввина», для оплаты услуг которого обязывались ежемесячно собирать 60 руб. Обращение евреев к петербургскому раввину Драпкину принесло желаемый результат: готовность стать архангельским раввином, как видно из его письма, адресованного архангельскому полицмейстеру, изъявил С.Х. Бейлин, купеческий сын, бывший студент Харьковского университета[53]. В 1905 г. «архангельское еврейское общество» без особых проблем избрало на должность раввина другого своего представителя – помощника провизора Ю.З. Трейваса. Новоявленный раввин обязывался заниматься совершением обрядов, ведением метрических книг «без особой платы», а община евреев обязывалась ежемесячно платить ему вознаграждение[54]. После этого религиозная жизнь евреев в Архангельске достигла определенной стабилизации. В документах сохранились свидетельства об уважительном отношении властей к еврейским религиозным праздникам. Так, в 1915 г., в соответствии с телеграммой МВД, губернатор распорядился «разрешить евреям оставаться в городе Архангельске на двое суток в виду наступающего еврейского праздника»[55].

Новое рассмотрение вопроса о религиозной жизни еврейской общины Вологды относится к 1893 г. Проживающие в городе евреи подали в губернское правление прошение, в котором, «ссылаясь на малочисленность и бедность еврейского общества», ходатайствовали о причислении их к ведению архангельского раввина. Вологодское начальство, рассмотрев документ, вынесло отрицательное заключение. Как выяснилось, в числе подающих прошение имелись и те евреи, которые проживали за чертой оседлости временно. Второй причиной для отказа стала удаленность Архангельска от Вологды, что делало невозможным для раввина лично совершать почти постоянно требующиеся религиозные обряды[56]. В 1894 г. вологодское губернское начальство положительно решило проблему молитвенного дома. Как говорилось в адресованном губернатору предписании департамента духовных дел, вологодским евреям разрешалось для исполнения духовных треб и исполнения обрядов веры приглашать раввина из еврейской молельни в городе Рыбинск. В соответствии с этим предписанием в Вологде появился еврейский молитвенный дом, и начальство озаботилось формированием еврейского «особого правления», в соответствии с российским законом[57]. К 1908 г. относится первое упоминание в материалах делопроизводства об избрании раввина для Вологды и Вологодской губ.[58] Петрозаводская еврейская община также продолжала обустраиваться. В 1900 г. Строительное отделение Олонецкого губернского правления утвердило план строительства «молитвенного дома» для местных евреев[59].

Проведенное исследование показывает, что потребность в еврейском населении возрастала по мере усиления капиталистического элемента в хозяйственном укладе территорий Европейского Севера России. Однако решению этой проблемы мешали жесткие нормы законов и психологическая неготовность чиновников применять их на практике. Переселение многих евреев обратно за черту оседлости тормозилось по не вполне доступным для изучения причинам, в числе которых предположительно можно назвать низкую эффективность бюрократического аппарата, невнятность требований законодательства, которые, к тому же, постоянно менялись, коррупцию. Вполне допустимо предположить, что отдельные чиновники руководствовались в своих действиях гуманными побуждениями.

Евреи четко представляли себе цель, к которой следовало стремиться: максимальная адаптация в российском обществе. Для них непременным условием самосохранения оставалось поддержание как деловых, так и дружественных отношений с местным населением. Однако вследствие того, что территории, на которых они селились, не имели их национального прошлого, еврейская религиозная жизнь и хозяйственная практика здесь формировались с нуля, возникали серьезные сложности во взаимоотношениях иудеев с властью. Приспосабливаясь к нелегким экономическим, правовым и, не в последнюю очередь, климатическим условиям, еврейское население неуклонно заботилось о поддержании своей идентичности.

Отношение губернских администраций и местных жителей к еврейскому населению оставалось двойственным. С одной стороны, местные жители были заинтересованы в энергичных переселенцах, которые быстро осваивали местный потребительский рынок. С другой стороны, местные предприниматели не без оснований опасались конкуренции со стороны евреев и ревниво следили за их успехами. Российское законодательство о евреях оставляло местной власти широкое поле деятельности. Степень жесткости мер, принимаемых против евреев, в значительной степени зависела от инициативы тех или иных губернаторов, министров или даже рядовых чиновников. Неудачливые конкуренты евреев стремились использовать возможности репрессивного аппарата для реванша. Это резко обостряло обстановку вокруг и внутри еврейских общин, но не могло помешать росту их численности и влияния.

Примечания

[1] Сборник ограничительных законов и постановлений о евреях по 1 июля 1902 года. СПб., 1902. С. 81–82; История евреев России. М., 2007. С. 138.

[2] См.: *Ганелин Р.Ш., Кельнер В.Е.* Проблемы историографии евреев в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX в. – 1-я четверть XX в. // Евреи в России. 2-я половина XIX в.–XX в. М.; Иерусалим, 1994. С. 183–184.

[3] *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 104.

[4] *Юхнева Н.* «Мы были... мы жили» (О расселении евреев-ашкеназов в России) // Вестник Еврейского университета. 1992. № 1. С. 77.

[5] Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. Издание Еврейского колонизационного общества. Т. 2. СПб., 1904. Таблица 2.

[6] См.: Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО) ф. 108, оп. 1, д. 4105, 4325, 4850, 4898, 4921, 4945, 5180 и др.

[7] Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената и центральных правительственных установлений. СПб., 1914. С. 88.

[8] *Бикерман И.М.* Черта еврейской оседлости. СПб., 1911. С. 125.

[9] *Натанс Б.* За чертой. Евреи встречаются с позднеимперской Россией. М., 2007. С. 29.

[10] Там же. С. 105.

[11] *Дубнов С.М.* Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции Кн. 2. М.; Пг., 1923. С. 39.

[12] История евреев в России. С. 219.

[13] ГА ВО, ф. 18, оп. 2, д. 913, л. 39–40.

[14] Там же, л. 17 об.

[15] Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 37, оп. 1, д. 4161, л. 7.

[16] Там же, ф. 37, оп. 1, д. 4161, л. 7 об.

[17] *Натанс Б.* Указ. соч. С. 125; *Войтинский В.С., Горнштейн А.Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 92.

[18] Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 1, оп. 52, д. 4/48, л. 2–10 об.

[19] *Туган-Барановский М.И.* Антисемитизм в современной России // Вестник Еврейского университета. 2004. № 9. С. 360.

[20] НА РК, ф. 2, оп. 4, д. 18/376, л. 2.

[21] Там же, ф. 2, оп. 4, д. 27/481, л. 1–2.

[22] Там же, ф. 2, оп. 4, д. 27/481, л. 22–24.

[23] ГА АО, ф. 2, оп. 21, д. 60/1190, л. 3–4, 23.
[24] НА РК, ф. 25, оп. 5, д. 11/283, л. 2–3; ф. 2, оп. 5, д. 11/383, л. 7 об.
[25] ГА ВО, ф. 130, оп. 1, д. 758, л. 37–38.
[26] ГА АО, ф. 37, оп. 1, д. 3368, л. 17.
[27] ГА ВО, ф. 130, оп. 1,д. 1167, л. 72.
[28] ГА АО, ф. 37, оп. 1, д. 3853, л. 129–129 об.
[29] НА РК, ф. 2, оп. 21, д. 61/1211, л. 1–1 об.
[30] Там же, ф. 2, оп. 21, д. 61/1211, л. 6.
[31] ГА АО, ф. 37, оп. 1, д. 4121, л. 17.
[32] Там же, ф. 37, оп. 1, д. 4121, л. 138.
[33] *Туган-Барановский М.И.* Указ. соч. С. 361.
[34] *Миллер А.* Указ. соч. С. 137.
[35] *Фельдман Д.З.* Страницы истории евреев России XVIII–XIX вв. М., 2005. С. 100.
[36] *Натанс Б.* Указ. соч. С. 164.
[37] *Галашова Н.Б.* Внутренние противоречия как фактор развития еврейских общин Томской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Вып. 9. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 35.
[38] *Клюева В.П.* Религиозная жизнь евреев в Тобольской губернии (середина XIX – начало XX в.): скандалы и проблемы // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке… С. 42.
[39] Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. 11: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. С. 197–201.
[40] ГА АО, ф. 4, оп. 10, т. 1, д. 146.
[41] Там же, ф. 4, оп. 11, д. 678, л. 33.
[42] *Шаляпин С.О.* Религиозная ситуация на Русском Севере в исторической перспективе (XIII–XIX вв.) // Религиозная жизнь Архангельского Севера: история и современность. Архангельск, 1997. С. 19.
[43] ГА ВО, ф. 130, оп. 1, д. 758, л. 55 об.
[44] Там же, ф. 130, оп. 1, д. 758, л. 56.
[45] НА РК, ф. 2, оп. 2, д. 1/16, л. 2.
[46] Там же, л. 2 об.
[47] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 1/16, л. 30.
[48] Там же, л. 8-9 об.
[49] ГА АО, ф. 4, оп. 10, т. 1, д. 68, л. 1, 3.
[50] Там же, ф. 4, оп. 10, т. 1, д. 146, л. 22, 39, 40, 47.
[51] Там же, л. 55.
[52] Там же, ф. 4, оп. 10, т. 1, д. 109, л. 1.
[53] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 586, л. 2, 21.
[54] Там же, ф. 37, оп. 1, д. 3853.
[55] Там же, ф. 37, оп. 1, д. 4121, л. 460.
[56] ГА ВО, ф. 130, оп. 1, д. 758, л. 78.
[57] Там же, ф. 130, оп. 1, д. 1002, л. 20.
[58] Там же, ф. 14, оп. 1, д. 6349, л. 2.
[59] НА РК, ф. 2, оп. 50, д. 52/39, л. 1–2.

© 2009 г. Л.А. МАКСИМОВА*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ В 1930–2000 годы

В условиях экономической модернизации и глобализации разнообразные виды и формы миграции являются неотъемлемым фактором, определяющим взаимоотношения между местным населением и мигрантами. Предмет данного сообщения – исследование этих взаимоотношений в Республике Коми в 1930-е – 2000-е гг.

Складывающиеся в результате миграционных процессов социальные отношения нередко носят проблемный характер, сопровождаются ростом социальной напряженности и конфликтности. О причинах их возникновения трудно судить однозначно. Согласно одной точке зрения –

* **Максимова Любовь Анатольевна,** кандидат исторических наук, декан исторического факультета Сыктывкарского государственного университета.

проблемы создает принимающее общество, которое, ориентируясь на замкнутость, защищает свои ресурсы и права коренного населения[1]. В то же время в теориях «культурного шока», «аккультурации», обращается внимание на проблемы, порождаемые мигрантами. В литературе выделяется несколько вариантов личностных стратегий и тактики поведения мигрантов, которые могут проявляться: а) в линии на ассимиляцию; б) в уважительном отношении к культурным нормам и ценностям, имеющимся в принимающем обществе, безусловном соблюдении социальных требований этого общества – вариант мультикультурализма; в) в поддержании этнокультурной обособленности; г) в ведущих к сепаратизму попытках на замкнутость, культурный изоляционизм. Эти варианты не реализуются полностью, в чистом виде, они находятся во взаимном переплетении и актуализируются в зависимости от конкретной ситуации социального взаимодействия[2].

До середины XX в. подавляющим большинством населения Республики Коми были коми (зыряне). Культурное развитие края проходило в основном в рамках традиционной культуры этого народа. В 1930-х гг. в регион началась активная насильственная миграция, основными субъектами которой стали спецпереселенцы и заключенные из западных и южных регионов страны, из Поволжья и Центра, состоящие из представителей различных национальностей.

Спецпереселение проводилось в ходе реализации политики сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса. Предполагалась изоляция спецпереселенцев от местного населения путем размещения их в спецпоселках. Однако, как показала практика, достичь этого было крайне трудно.

В 1930-е гг. на территории Коми края формируется также система лагерей ГУЛАГа, заключенным которых не только пришлось строить лагеря, но и стать основными участниками промышленного освоения северных территорий республики. Первые лагеря не были изолированы от гражданского населения, поскольку отсутствовал материал для строительства заграждений. Власти использовали для изоляции идеологическое обоснование миграции.

Спецпереселенцы и заключенные, прибывшие в Коми край, оказались в сложном положении: суровый северный климат, тяжелые работы, голод, нехватка жилья и вследствие этого высокий уровень заболеваний и смертности. Ситуация осложнялась враждебным отношением к ним со стороны местного населения, оказавшегося под влиянием официальной пропаганды, представлявшей приезжих как врагов народа, преступников, изменников Родины. В первое время совместного проживания наблюдалось столкновение культур, жизненных укладов пришлого и местного населения, что выражалось в обоюдном недоверии, злобных насмешках со стороны коренных жителей, праздном любопытстве в отношении организации жизни пришлых. Иногда дело доходило до драк, когда уважение к своему этносу со стороны окружающих, например, спецпереселенцам – немцам приходилось доказывать кулаками.

Определяющим маркером отношений выступало противопоставление «свой – чужой». Однако даже на этом этапе взаимоотношений, отличающемся повышенным уровнем конфликтогенности, у местного населения не возникало мигранто- и этнофобий.

Неблагоприятные внешние условия, в которых оказались мигранты, не ликвидировали традиционный уклад жизни особенно у спецпереселенцев, которых депортировали целыми семьями, а иногда и селами. Порядок жизни заключенных диктовался лагерными инструкциями. Поэтому о них можно говорить лишь как об отдельных носителях определенной этнической либо региональной культуры, которая шире проявилась после освобождения их из лагеря. Большинство бывших заключенных по советским законам не имело права менять место жительства (таким способом государство закрепляло кадры на севере). В большей мере элементы традиционного уклада жизни сохранялись лишь у заключенных, содержавшихся в сельскохозяйственных отделениях лагерей, где достаточно свободно проявлялись национальные хозяйственные традиции.

В лагерях содержалось значительное число представителей интеллигенции, которые несмотря на участие в тяжелых лагерных работах, занимались творчеством и в условиях неволи, сохраняя в лагере элементы присущего им образа жизни. Художественная интеллигенция создавала здесь произведения высокой культуры, ученые в некоторых случаях проводили исследования и т.д.

Обитатели лагерей и спецпоселков должны были участвовать в реализации экономических программ государства. В ходе своей производственной деятельности, в быту они неизбежно сталкивались с местным населением. Чтобы выжить и наладить хозяйство в сложных климатических условиях, приходилось подстраиваться под чужой быт, перенимать опыт местного населения. Шел интенсивный процесс адаптации, который не был безболезненным. Местные жители, видя нужду и бедствия переселенцев, постепенно проникались к ним сочувствием и старались облегчить их участь, со временем осознавая, что под ярлыком «враги народа», «кулачье» скры-

ваются люди, в большинстве своем честные и трудолюбивые. Контакты между пришлым и местным населением становились более регулярными и доброжелательными, а уклады жизни мирно сосуществующими. Спецпереселенцы – немцы, отличающиеся консерватизмом и верностью традициям в быту, любовью к порядку и рачительности вызывали уважение у местного населения. Обустраивая жизнь на спецпереселении, они соблюдали немецкие национальные праздники, сохраняли национальный фольклор, в общении употребляли по возможности немецкий язык. Местные жители с интересом знакомились с новыми формами земледелия, используемыми немцами, внедрением новых для региона сельскохозяйственных культур, например, помидоров. В одном из поселков немцы посадили яблоневый сад, разводили пчел, установили паровую мельницу. Их опыт перенимался местным населением. Многие из спецпереселенцев овладели коми языком, могли на нем не только разговаривать, но и писать. В свою очередь коми изучали немецкий язык, стали называть своих детей немецкими именами. Взаимопроникновение культур проявлялось и в системе питания: наряду с национальными на столе спецпоселенцев появились блюда и народа коми, и русские[3].

Массовые высылки поляков в Коми имели место в феврале, апреле, июне 1940 г., июне 1941 г.[4] Переселение поляков было третьей (после 1930-го и 1931–1932 гг.) крупной волной спецпереселения в Коми. Суровая предвоенная ситуация, а потом и начавшаяся война обусловили транспортные, социально-бытовые, производственные трудности и этого спецпереселения. Население, уже имевшее представление о высланных, редко демонстрировало свою настороженность к спецпереселенцам 1940-х гг. Авторы многих мемуаров свидетельствуют о помощи прибывающим со стороны местных жителей. Коренное население по возможности их подкармливало, разрешало пользоваться баней; завязывались контакты на бытовой почве. Особенно часто и тесно общались дети. Пропадало недоверие. Молодежь сходилась на совместные гулянья, где парни-поляки демонстрировали свое умение игры на гармошке и других музыкальных инструментах. Появились смешанные браки. Девушки – и немки, и польки, как правило, выходили замуж за мужчин своей национальности, но молодые люди случалось, брали в жены местных жительниц. Среди немцев это стало частым явлением в 1950-е гг., несмотря на активное противодействие таким бракам комсомольских и партийных организаций. До 40-х гг. XX столетия лица коми национальности составляли в крае более половины всего населения, но доля их представителей сократилась с 72.5% в 1939 г., до 31.1% в 1959 г. и до 23.3% в 1989 г. Незначительно выросла она к 2000-м гг. вследствие реализации политики переселения с севера. Выезжали из северных районов на другие территории СССР, как правило, не аборигены. В целом прирост коми отставал от средних показателей по стране. Так, если население СССР за 1939–1979 гг. выросло более чем на 34%, то численность коми увеличилась на 21.2%[5]. При этом в северных районах республики, куда были направлены основные потоки насильственной миграции, доля лиц коренной национальности существенно уменьшилась. В Печорском районе, например, с 60% в 1939 г. до 23.4% в 1959 г. и до 15.4% в 2002 г., в Троицко-Печорском соответственно с 66.3 до 29.2% и до 27.8%[6].

Изменение этнического состава населения повлекло за собой и дальнейшие изменения в образе жизни, в быту и культуре всех наций и народностей, заселяющих республику. Это проявилось в утрате национальной самобытности и, прежде всего, родного языка. Анализ материалов переписей свидетельствует о постоянной тенденции уменьшения числа лиц коренной национальности, которые считают родным коми язык.

Под влиянием миграции растет число семей, где супруги принадлежат к разным национальностям, уменьшается доля однонациональных семей, в том числе и у коренных жителей – коми. В 1939 г. национально-смешанные браки в крае составляли 23%, в 1959 г. – 41.5%, в 1979 г. – 45.8%. У коренного народа доля национально-смешанных браков с 1939 по 1979 г. возросла в 2.7 раза, т.е. больше, чем у всего населения. Как показывают исследования, рост числа смешанных браков приводил к отказу от использования коми языка как основного. В 1989 г. русский язык являлся единственным языком общения между супругами в 72.6% коми-русских сельских семей[7].

Наличие семей со сложным этническим составом создает предпосылки для распространения двойной этнической идентичности. Предпочтение отдавалось наиболее престижной и статусной форме идентичности – русской. Впоследствии это способствовало возникновению такого феномена, как «проблемная этничность», проявляющаяся в том, что люди испытывают затруднения в этнической самоидентификации. Заметим, что в последние годы изменилось отношение к национальному языку у немцев, проживающих в Республике Коми. Доля тех из них, кто считает родным языком немецкий, увеличилась на 5.1%. Во многом это результат активной деятельности Образовательно-информационного центра российских немцев в Республике Коми.

Результатом миграции стало и то, что основным источником формирования промышленных и культурных кадров стали внешние ресурсы. Так, при доле 72.5% коми в составе всего населения республики в 1939 г. среди горняков их было лишь 19.6%, металлистов – 41.8%, деревообделочников – 35.3%, рабочих, занятых на силовых установках и подземных механизмах, – 39%, транспортников – 46.8%[8]. В перечисленных отраслях большинство рабочих являлись представителями некоренной национальности. Нетрудно заметить, что эти специальности появились лишь в 1930-е гг. с созданием лагерей ГУЛАГа, узники которых были заняты в создаваемых отраслях промышленности северных районов республики. После ликвидации лагерей в середине 1950-х гг. бывшие заключенные стали основой для формирования промышленного рабочего класса республики. Как показало обследование, даже в 1970–1971 гг. лишь 30.2% рабочих-лесозаготовителей республики родились и выросли в районе их нынешнего проживания[9], причем удельный вес молодых рабочих (до 30 лет) среди лесозаготовителей был менее 30%[10]. Основную массу рабочих этой отрасли промышленности составляли люди, прибывшие на территорию республики в 1930-е – 1940-е гг. – во времена массовых репрессий и депортаций. В то же время в таких традиционных для республики в 1930-х гг. отраслях, как сельскохозяйственные занятия – доля коми была равна 79.3%[11]. Велик был удельный вес коми и среди полиграфистов – 76.2%[12] (разумеется «врагов народа» не могли допустить к материальному обеспечению единственного средства массовой информации в республике в то время – печатного слова).

Представители некоренной национальности преобладали и среди интеллигенции, технического, медицинского персонала республики.

Таким образом, резкое увеличение числа приезжих, в том числе насильственно переселенных мнимых и реальных преступников в исправительно-трудовые лагеря и оставшихся на жительство в республике, привело к деформации традиционной культуры коренных жителей. Она перестает играть адаптирующую роль в обществе. Самобытность коми оказалась под угрозой. Одним из следствий рассматриваемого явления стало сосредоточение основной части представителей коренной национальности в сельских поселениях традиционного типа. Что же касается городов и поселков, то большую часть их жителей составляют русские и другие национальности. Миграция 1930–1950-х гг. обусловила также изменение занятости населения, его половозрастного и национального состава.

В результате насильственных миграций Коми стала многонациональной республикой. Спецпереселенцы и заключенные численно преобладали в составе населения республики в 1940-е – 1950-е гг. Они сыграли важную роль в освоении природных ресурсов в Коми, в общей колонизации безлюдного края. Многие из них осели здесь на жительство и полюбили эту землю, несмотря на то, что именно в этом краю так круто преломилась их судьба. Даже сельский уклад жизни сегодня в Республике Коми редко характеризуется этнической чистотой. Длительные контакты с представителями переселенцев привели к взаимопроникновению культур и их взаимообогащению. Сохранению национальных культур сегодня посвящена деятельность национально-культурных автономий немцев, украинцев, татар и других народов, проживающих в Республике Коми.

Наиболее значительное и заметное культурное воздействие мигрантов на жизнь республики проявилось в развитии просвещения, помощи в зарождении профессионального искусства и профессионального медицинского дела, а также грамотного освоения природных богатств.

Неоднозначно культурное наследие ГУЛАГа в быту. Очевидно, что значительное распространение среди местного населения получили черты лагерной, уголовной субкультуры. Но вместе с тем спроектированные репрессированными архитекторами объекты до сих пор являются главным украшением северных городов республики. Архитекторы ГУЛАГа оказали сильное влияние и на формирование облика бывших лагерных столиц: Воркуты, Ухты, Инты, Печоры. Некоторые из них продолжали осуществлять проектирование объектов в городах Республики Коми вплоть до 1980-х гг. Неоценим вклад в развитие культуры[13] особенно театрального дела, репрессированных деятелей литературы и искусства.

Население Коми края продемонстрировало довольно высокий потенциал толерантности по отношению к иноэтничным мигрантам. Социокультурная дистанция между мигрантами и народом коми в ходе их воздействия сокращалась, что способствовало их относительно бесконфликтному совместному проживанию.

Однако на характер межкультурного диалога накладывали отпечаток исторические условия 1930^х – 1950-х гг. Ранее было принято считать, что этнические различия в процессе модернизации стираются. В современной действительности можно наблюдать обратные процессы – возрастающий этнический плюрализм. Национальный коми элемент становится более явным в самоидентификации коренного населения. Особенно среди национальной интеллигенции. Формируется тенденция к сближению с другими северными народами и государствами, в основе

которой лежит осознание общности проблем населения северных территорий. Население Европейского Северо-Востока начинает осознавать себя составной частью северного сообщества народов. Точно так же, как страны Центральной и Юго-Восточной Европы на современном этапе развития стремятся обрести свое единство с Западной Европой, население северных территорий бывшего Советского Союза ориентируется на северных соседей из Баренц-региона с высоким уровнем жизни населения. Это проявляется в стремлении наладить более тесные экономические, научные и культурные контакты с зарубежными северными странами.

Примечания

[1] См. подробнее: Миграция и безопасность в России. М., 2000; *Лебедева Н.М.* Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество. М., 1997.

[2] *Петров В.Н.* Иноэтнические мигранты и принимающее общество. Особенности проблемного взаимодействия. // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 76.

[3] *Жеребцова И.И.* Репрессированная культура: феномен российских немцев // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР (30 – 50-е гг. XX в.). Сыктывкар. 2003. С. 41.

[4] См.: *Рогачев М.Б.* Эшелоны идут на север // Покаяние. Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 5. Сыктывкар. 2002. С. 73–94.

[5] Коми АССР 60 лет. Стат. сб. Сыктывкар. 1981. С. 4–5. Прирост эскимосов США с 1931 по 1977 гг. составил 133%, канадских эскимосов – 300%. (Коренное население Северной Америки в современном мире. М.,1990. С. 74–76).

[6] *Фаузер В.В.* Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми // Научные доклады КНЦ УрО РАН. Сыктывкар, 1992. С. 12.

[7] *Рогачев М.Б.* Межнациональные браки как фактор этнических процессов у коми (на примере языковой жизни молодых коми-русских сельских семей). Сыктывкар. 1985 г. С. 6–7 // Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиал АН СССР. ,

[8] Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 167–168.

[9] *Белорукова Г.П.* Современные этнокультурные процессы в лесных рабочих поселках Коми АССР. Сыктывкар, 1973. С. 6–7 // Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиал АН СССР.

[10] Там же. С. 168.

[11] Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 167.

[12] Там же. С. 168.

[13] См. подробнее: *Максимова Л.А., Беловол А.А.* Культура в неволе // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 5. Сыктывкар. 2004. С. 82–92.

РОССИЯ И ЕВРОПА:
польский взгляд с Русского Севера

Польский писатель Мариуш Вильк поселился на Русском Севере в начале1990-х гг. С тех пор там и живет. Так сложилось несколько книг, созданных в свободном жанре эссе, заметок, писем: «Волчий блокнот» (рус. пер. 2006 г.), «Волок», «Дом на берегу Онего», «Тропами северного оленя». «Волок» вышел в русском переводе совсем недавно*. О нем и пойдет речь.

С книгой полезно ознакомиться не только полякам. Уверен, много нового для себя о Русском Севере узнает и наш читатель, живущий, скажем, в Москве (как я, например, узнал). Но, конечно, это не путеводитель по региону. Главный интерес в книге представляют не исторические экскурсы и этнографические зарисовки, а ее главный герой и автор в одном лице – таков давно известный закон литературы этого жанра: рассказывая о *другом*, Вильк невольно рассказывает о себе, своей стране, иногда и прямо вспоминая ее не без доли национальной самоиронии: «Начал за здравие, а свел за упокой! Начал с меда, а кончил Речью Посполитой». (с. 182). Но и в рассказах о «загранице» одного из русских персонажей «Волока» самая выразительная деталь рисует не столько «Европу», сколько его собственную жизнь на Крайнем Севере: «В конце сороковых он служил в армии, стояли на Эльбе – в Германии; там он впервые увидел яблоки на дереве» (с. 157)!

* **Вильк Мариуш.** Волок / Пер. с польск. И. Адельгейм. СПБ.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. 248 с.

В прошлом Вильк – диссидент, подпольщик, деятель «Солидарности», доверенное лицо Леха Валенсы. Не случайно в отдельных высказываниях автора на страницах книги проступает образ путешественника, отправившегося в Россию со знаменитой книгой Астольфа де Кюстина подмышкой (с. 121, 178). И сразу виден поляк! Хотя бы потому, что Кюстин – француз, а наш автор все-таки из соседней и родственной по крови и языку страны, тем не менее, всегда стремившейся подчеркнуть свою принадлежность именно к цивилизации Запада. Но остается впечатление, что Вильк только примеряет на себя образ Кюстина как некий стеореотип, чтобы можно было от него оттолкнуться. Перефразируя французского маркиза, который уверял читателей, что ехал в Россию «дабы отыскать там доводы против представительного правления», а покинул ее «сторонником конституций», Вильк в интервью питерскому радио заявил: «я приехал в Россию противником рабства, но прожив тут восемь лет, порастерял уверенность, что либеральный путь лучше» (с. 121). Если Кюстин, скорее всего, лукавил, утверждая, что именно посещение России заставило его полюбить свободу; для французского автора это был только удобный литературный прием; то в какой мере следует этому пути Вильк?

Похоже, он раздваивается между всем своим польским прошлым и новым опытом, нажитым в России, на Севере. «Чем дольше здесь находишься, тем лучше ощущаешь нюансы, иронию и подтексты... Наконец, ловишь себя на том, что все чаще думаешь по-русски ... Для меня, как и для большинства местных жителей российской глубинки, особенно на Севере, главное – перезимовать, а стало быть, такие детали, как свет, тепло, вода. И лишь потом – понятия отвлеченные: демократия, свобода слова или права человека» (с. 155). Но в своем творчестве Вильк выглядит не столь приземленным. Придавая особое значение свободной авторской индивидуальности, он сближает собственный стиль письма с прокладыванием тропы. «Используя слово "тропа" вместо слова "дорога"; я подчеркиваю независимость идущего, его отказ следовать проторенным путем» (с. 139). А в его содержательных экскурсах в историю Беломорканала, Заонежья и Соловков, как и в наблюдениях над современной жизнью Русского Севера, слишком часто возникает тема ничтожности человеческой жизни и пренебрежения личной свободой, чтобы нельзя было не понять: для самого автора это – первостепенные ценности.

Цитируя указ Екатерины II, в котором императрица требовала от взбунтовавшихся заонежских мужиков, чтобы они вернулись к «рабским повинностям своим» и добывали мрамор для строительства Исаакиевского собора в Петербурге, Вильк заключает: «Понятие "рабская повинность" в указе Екатерины точно передает отношение российского государства к подданным – от Иванов до Сталина» (с. 137).

Ну, а «подданные»-то что? Каково их отношение к этому прошлому или хотя бы друг к другу?

Случайная остановка на берегу пребывающего в запустении Канала. Сторож здешней ремонтной базы помнит другие его времена. По словам старика, тогда «за прогул в Лесную Речку ссылали и там приканчивали. А теперь – тьфу, мать твою». В ответ на попытку возразить – «мол, столько жертв, да и вообще... Старик перебивает, махнув рукой в направлении мужиков: – Все равно ведь подохнут, а так хоть польза какая-никакая».

Вильк резюмирует: «Такое ощущение, что где-то я уже это читал». И вспоминает столетней давности разговор одного этнографа с местными мужиками о строительстве царской дороги. «На вопрос, не слишком ли много народу погибло по воле царя, мужики соглашаются, что да, еще как много, но кабы не погибли, и дороги бы не было, а ведь все одно померли бы, так хоть с пользой для дела» (с. 105).

И снова наши дни. Карелия. Село Лекшмозеро. Местный церковный праздник. «Праздновали неделю. За это время утонул в озере пацан. Мужики с горя пили на берегу, но ни один не пошел вытаскивать утопленника. – Сам выплывет, – говорили» (с. 196).

Постоянные обращения к этим сюжетам в хаотичном, на первый взгляд, повествовании и составляют, на мой взгляд, ту «изменчивую линию повторов», о которой писал вдруг вспомнившийся Вильку Набоков, правда, имея в виду человеческую судьбу (с. 186). Но такой же «неповторимый рисунок» проступает за строками польского автора, позволяя различить черты человека иной культуры, иных во многом понятий, несмотря на то, что на протяжении всей книги он склонен полемизировать с наиболее стереотипными из них. Поводы дают соотечественники и соотечественницы, берущиеся писать, например, о Москве, а из Москвы о России. Это не мешает им вылавливать в русской жизни много верных деталей. «Меня поразило, что то же самое – порой – чувствую, слышу и вижу я сам. Единственное отличие – в слове "порой". Потому что если я обычно вижу Россию зимой – белой, а летом зеленой, то пани Кристина видит Россию преимущественно черной... Но черный цвет в России – не доминирующий» (с. 175 – 176). Хотя Россия и не Европа (с. 48). «Стереотипные формулы, словно из журнала "Впрост" или "Политика"»

(с. 155), к ней не подходят. «При переводе некоторых русских слов на польский возникают проблемы, связанные с отсутствием для них в польской речи почвы – бытовой, ментальной... В итоге при переводе складывается ситуация, когда слово есть, но отсутствует определяемый им предмет или опыт, и происходит подмена, при которой за найденным польским словом стоит уже не российская, а польская реальность, а то и вовсе ничего» (с. 47). А бывает, одна и та же реальность требует разных слов! В День Победы на Соловках «я навестил ветеранов Второй мировой войны, именуемой здесь Великой Отечественной» (с. 49), – поясняет автор существенное различие в наименовании последней большой войны, прокатившейся по обеим странам. Но война одна, а память о ней разная! Не менее (даже более) разительными представляются автору и различия между коллективной памятью русских и немцев, стираемые «универсальным (и в определенном смысле абстрактным) понятием "тоталитаризм"» (с. 59). «Можете себе представить, чтобы в сегодняшней Германии каждая годовщина прихода Гитлера к власти праздновалась как выходной день? И день этот именовался Днем согласия и примирения?» (с. 150). Или, скажем, чтобы немцы после войны курили папиросы «Освенцим» или «Треблинка», как русские – «Беломор»? (с. 85–86). «Путешествуя по Каналу... и беседуя со множеством людей, в том числе с детьми ссыльных и бывших зэка, я с изумлением обнаружил, что все они гордятся этой стройкой – словно египтяне своими пирамидами» (с. 60).

Характерно, что и о своем парафразе знаменитого высказывания Кюстина Вильк упоминает в книге лишь мимоходом и только потому, что этот парафраз очень понравился тепло принимавшему автора начальнику Беломорско-Балтийского канала – своеобразного памятника рабскому труду и сталинской лагерной системе.

«Останки тоталитарных иллюзий XX в.» (с. 129), конечно, не вызывают у Вилька такого преклонения, как порой у тех, кто здесь вырос, жил, *выжил*! Выжил часто не *вопреки* лагерной системе, а *благодаря* ей. Если от лица первых, конечно, не только выживших, но и погибших, выступили Солженицын с Шаламовым, то Вильк пытается найти новую грань, увидеть Россию, Север глазами тех, кому, перефразируя польского автора, пачка «Беломора» руку не жжет, память не бередит, душу не возмущает. И, тем не менее, их лица теперь ему порой напоминают иконы, а их судьбы он находит достойными житийного жанра (с. 49–50). Таков, например, Семен Петрович Рыкусов, крестьянин – сирота (отец погиб на «германской») и батрак из Белгородской губ. Едва успел встать на ноги, жениться, купить корову, лошадь, телегу («без телеги мужик не хозяин») – все отобрали в ходе коллективизации, только корова осталась (благодаря ей пережили голод 1933 г.); потом – служба в армии на Дальнем Востоке, а после службы – справка, которая «означала свободу» (получение паспорта). Бегство из нищего колхоза на побережье Белого моря. Служба в лагерном ВОХРе на Соловках. Оклад 100 руб. Приезд жены Евдокии. Дети. Война. Фронт. Ранения. Возвращение к семье с тремя детьми в родную деревню на Белгородчине. И снова бегство из голодной жизни («колхоз хлеба не давал – чужие») на Соловки – «там его знали».

«На вопрос, когда ему было на Соловках лучше всего, Рыкусов, не задумываясь, отрезает при лагере! – Тогда в магазине было все. – Не жизнь была – рай, – вставила молчавшая до сих пор Евдокия Яковлевна. – Тогда труд уважали, и дисциплина была, не то, что сегодня» (с. 50–52).

С той же, в сущности, точки зрения, высказанной одним из прежних начальников на Канале, и быт заключенных в лагерях был не столь уж плох. Вильк с холодным спокойствием цитирует своего собеседника: «Украинский мужик посылал часть своего лагерного пайка родственникам, а шахтер с Донбасса восторгался здешними бараками – дома-то его ждала подмокшая землянка» (с. 96).

Что ж, ударная северная стройка снабжалась, наверное, лучше, чем южный голодный край. И все, кто к ней был причастен, это в той или иной степени ощущали. Но ретроспективный взгляд автора на то, что происходило за пределами этой стройки, фиксирует и другую реальность: «Утром я вышел из дому. Над полями витала легкая мгла. Передо мной в голубой вуали мерцало то, что было некогда богатой деревней Харлушино, затем колхозом "Новая жизнь", после – колхозом "Сталинец", а ныне пустошью в тумане» (с. 171).

И, все-таки, Вилька влечет этот отчасти уже опустошенный, отчасти еще неосвоенный край, где сама русская история выглядит как недостроенное здание на фоне многотысячелетних свершений природы: «Ледник формировал Онего дольше, чем история – абрис России. Стоит ли удивляться, что очертания озера более устойчивы?» (с. 108).

Значит, для России это оставляет надежду? Ведь незавершенность ее «абриса», в котором польский взгляд «порой» выхватывает вполне сложившиеся черты, подразумевает какую-то перспективу.

Но очевидно, Вилька увлекает не это. Его тянет в самую глушь, туда, где жизнь людей «практически не менялась на протяжении веков... Во многих селах нет электричества, что уж говорить о телевидении. Здесь наконец можно жить без свидетелей, можно укрыться. По-настоящему» (с. 191). Укрыться по-настоящему от чего? От того прошлого, которое почти не вспоминается в книге?

Напомню, тот Вильк – общественный активист и, согласно позднейшей самооценке, человек, находившийся «по уши в "Солидарности"». Но сейчас настроение иное: «Кто бы тогда мог подумать, что эта десятимиллионная гора рассыплется, словно карточный домик» (с. 241).

«Такое ощущение, что где-то я уже это читал», – приходится повторить вслед за Вильком. Подобная разочарованность в ходу и среди наших «вчерашних» либеральных интеллигентов. А на исходе 1880-гг. Чехов в связи с чем-то подобным писал о чрезмерной утомляемости *русского* человека. Значит, и у *западных* славян похожая утомляемость? Каюсь, это вызывает у меня чувство некоторого удовлетворения: не одни мы такие в Европе, по крайней мере, восточнее Одера! Но тогда и резко очерченная граница между Россией и Европой начинает казаться не столь уж очевидной. А, может быть, и обманчивой?

С.С. Секиринский, доктор исторических наук
(журнал «Российская история»)

СОДЕРЖАНИЕ

Медушевский А.Н. – Региональная история в глобальном измерении 3
Истомина Э.Г. – Европейский Север: региональный подход 15
Европейский Север в истории России: «*Круглый стол*» 27

Россия на Севере Европы
Региональные интересы и государственные приоритеты

Федоров П.В. (Мурманск) – Северное направление российской стратегии в современной отечественной историографии 42
Минаева Т.С. (Архангельск) – Беломорская внешняя торговля и таможенная политика России в XVIII в.. 52
Лизунов П.В. (Северодвинск) – Архангельская купеческая биржа в XVIII–XIX вв. 57

Россия и страны Северной Европы

Такала И.Р., Соломещ И.М. (Петрозаводск) – «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 гг. 66
Рогинский В.В. – Историческое значение Фридрихсгамского мира 1809 г. для России.. 72
Клинге М. (Финляндия) – Международные аспекты Финляндской войны.. 80
Нильсен Й.-П. (Норвегия) – «Русская угроза» на севере Европы и Ноябрьский договор 1855 г. 84
Веригин С.Г., Лайдинен Э.П., Чумаков Г.В. (Петрозаводск) – СССР и Финляндия в 1941–1944 гг.: неизученные аспекты военного противостояния 90
Данилов Н.А., Козлов Д.С. (Архангельск) – Холодная война в Арктике: итоги международной научной конференции 104

Север Европейской России
Церковь, духовенство и государство

Корпела Ю. (Финляндия) – Святая Анна Новгородская: факт и правда в истории 107
Никонов С.А. (Мурманск) – Архивы монастырей Кольского Севера XVI – начала XVIII в. 117
Суслова Е.Д. (Петрозаводск) – Северное духовенство как источник пополнения приказной бюрократии XVII в.: опыт локального исследования 123
Камкин А.В. (Вологда) – Сельское приходское духовенство Европейского Севера России в XVIII в. 127
Бардилева Ю.П. (Мурманск) – Кампания по вскрытию святых мощей и закрытие монастырей на Европейском Севере России в 1918–1929 гг. 135

Центр и местное управление

Ефимова В.В. (Петрозаводск) – Олонецкая губерния под управлением генерал-губернатора А.Ф. Клокачева 143
Кораблев Н.А., Мошина Т.А. (Петрозаводск) – Олонецкие губернаторы эпохи Великих реформ... 156
Журавлев П.С. (Архангельск) – Укрупнение территорий на Европейском Севере России в 1917–1919 гг. 163
Бутвило А.И. (Петрозаводск) – Формирование территории Карельской Трудовой Коммуны как политическая проблема..... 169

Революция и модернизация: социально-экономические аспекты

Саблин В.А. (Вологда) – Крестьянское хозяйство и рынок на Европейском Севере России в 1917–1920-х гг. 177
Филимончик С.Н. (Петрозаводск) – Процессы модернизации на Европейском Севере России в 1920–1930-х гг.: социально-экономические аспекты 185
Димони Т.М. (Вологда) – Модернизация аграрной экономики на Европейском Севере России в 1930-х – первой половине 1960-х гг..... 194
Супрун М.Н. (Архангельск) – Экономическое развитие Европейского Севера СССР в послевоенный период: основные тенденции и результаты..... 205

Общественно-культурная и этническая среда

Биланчук Р.П. (Вологда) – Устно-письменная историческая традиция приходских сообществ середины XIX в 211
Чернякова И.А. (Петрозаводск) – Местное крестьянское сообщество в Карелии XIX в. в борьбе за выживание: стратегия или интуиция? 216
Пашков А.М. (Петрозаводск) – Карельские просветители и краеведы середины XIX – начала XX в. 227
Ляхтеенмяки М. (Финляндия) – Саамы на европейской сцене 235
Пулькин М.В. (Петрозаводск) – Евреи на Европейском Севере России: проблема адаптации (конец XIX – начало XX в.) 240
Максимова Л.А. (Сыктывкар) – Этнокультурные процессы в контексте экономической модернизации на Европейском северо-востоке в 1930–2000 гг. 247
Секиринский С.С. – Россия и Европа: польский взгляд с Русского Севера..... 251

CONTENTS

Medushevsky A.N. – Regional history from the global perspective..... 3
Istomina E.G. – Russia's European North: a regional approach..... 15
European North in Russia's history: *The "round table"*..... 27

Russia on the North of Europe
Regional interests and state priorities

Fedorov P.V. (Murmansk)– The north direction of Russia's strategy in contemporary Russian historiography..... 42
Minaeva T.S. (Archangelsk)– Russia's foreign trade on the White Sea and customs policy in the 18th century 52
Lizunov P.V. (Severodvinsk)– The merchants' exchange in Archangelsk in the 18–19 centuries..... 57

Russia and the Northern European countries

Takala I.R., Solomesch I.M. (Petrozavodsk)– "The Unknown War"? Two centuries of historiography of the Russo-Swedish war (1808–1809)..... 66
Roginskii V.V.– The historical significance of the Fridrichsgamn peace treaty of 1809 for Russia..... 72
Klinge M. (Finland)– International aspects of the Finland War..... 80
Nielsen J.-P. (Norway)– "Russian threat" on the north of Europe and the November Treaty of 1855..... 84
Verigin S.G., Laidinen E.P., Chumakov G.V. (Petrozavodsk)– The USSR and Finland in 1941–1944: unstudied aspects of the second Soviet-Finnish war 90
Danilov N.A., Kozlov D.S. (Archangelsk) – The "Cold War" in Arctic: overview of the international academic conference..... 104

Russia's European North

The church, clergy and state

Korpela U. (Finland) – St. Anna of Novgorod: fact and truth in history 107
Nikonov S.A. (Murmansk) – The archives of the Kola monasteries, 16th – early 18th centuries 117
Suslova E.D. (Petrozavodsk) – Northern clergy as the source for the central bureaucracy's staff in the 17th century: the results of local research 123
Kamkin A.V. (Vologda) – Village parish clergy of Russia's European North in the 18th century 127
Bardileva Yu.P. (Murmansk) – The campaign for the disclosure of holy relics and the closing of monasteries on Russia's European North in 1918–1929 135

Centre and local administration

Efimova V.V. (Petrozavodsk) – The Olonets region under the rule of Governor-general A.F. Klokachev 143
Korablev N.A., Moshina T.A. (Petrozavodsk) – Governors of the Olonets region in the epoch of the Great reforms 156
Zhuravliov P.S. (Archangelsk) – The enlargement of territories on Russia's European North in 1917–1919.. 163
Butvilo A.I. (Petrozavodsk) – The formation of the territory of the Karelian Labour Commune as a political issue 169

Revolution and modernization: social and economic aspects

Sablin V.A. (Vologda) – Peasant economy and the market on Russia's European North from 1917 through the 1920s 177
Filimonchik S.N. (Petrozavodsk) – The processes of modernization on Russia's European North in the 1920s–1930s: social and economic aspects 185
Dimoni T.M. (Vologda) – Modernization of the agrarian economy on Russia's European North in the 1930s – first half of the 1960s 194
Suprun M.N. (Archangelsk) – Economic development of Russia's European North during the postwar period: main tendencies and results 205

Social, cultural and ethnic milieu

Bilanchuk R.P. (Vologda) – Oral and written historical tradition of the parish communities in the middle of the 19th century 211
Cherniakova I.A. (Petrozavodsk) – Karelian local peasant community of the 19th century in struggle for the survival: strategy or intuition 216
Pashkov A.M. (Petrozavodsk) – Karelian enlighteners and students of local history of the middle of the 19th – early 20th centuries 227
Lähteenmäki M. (Finland) – Sami on the European stage 235
Pul'kin M.V. (Petrozavodsk) – Jews on Russia's European North: the problem of adaptation (late 19th – early 20th centuries) 240
Maksimova L.A. (Syktyvkar) – Ethnic and cultural processes in the context of economic modernization on European North-east from the 1930s till 2000 247
Sekirinskii S.S. – Russia and Europe: Polish view from the Russian North 251

Сдано в набор 04.02.2009 Подписано в печать 02.04.2009 Формат бумаги 70 × 100 1/16
Печать офсетная Усл.печ.л. 20,8 Усл.кр.-отт. 34,1 тыс. Уч.-изд.л. 28,8 Бум.л. 8,0
Тираж 1620 экз. Заказ 169

Свидетельство о регистрации № 0110244 от 8.02.1993 г.
в Министерстве печати и информации РФ
Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон: 8-499-723-69-10
Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП «Типография "Наука"», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПРЕДСТАВЛЯЕМ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ:

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Издание выходило в 1947–1975 гг. и возобновлено с 2008 г.
в двух сериях: "Естественные и технические науки"
и "Общественные и гуманитарные науки" (по 4 выпуска в год).
Редакционный совет журнала и редколлегия серии
"Общественные и гуманитарные науки" приглашают
к сотрудничеству преподавателей, докторантов, аспирантов
и студентов вузов и научных учреждений России.

Адрес редакции:

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. Каб. 272. E-mail: uchzap@mail.ru